

The background of the entire cover is a repeating pattern of the hammer and sickle symbol, a common emblem of the Soviet Union. The symbols are arranged in a grid-like fashion, with each symbol surrounded by smaller, stylized elements like stars and arrows, creating a dense, textured effect.

Застолья Иосифа Сталина

книга 1

БОЛЬШИЕ
КРЕМЛЕВСКИЕ
ПРИЕМЫ

Владимир Невежин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

ВЛАДИМИР НЕВЕЖИН

ЗАСТОЛЬЯ ИОСИФА СТАЛИНА

**КНИГА ПЕРВАЯ
БОЛЬШИЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ПРИЕМЫ**

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2011

УДК 94(470+571)»193/194»:32
ББК 63.3(2)614-33
Н40

Рецензенты:
д.и.н. Ю.Н. Жуков, д.и.н. Л.Н. Нежинский

Невежин, В.А.

Н40 Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х—1940-х гг./ В.А. Невежин. — М.: Новый хронограф, 2011. — 552 с. — ISBN 978-5-94881-147-5

Объектом исследования явились 47 однотипных событий — торжественных приемов (банкетов), проходивших в Кремле с участием Сталина и его ближайшего окружения в середине 1930-х — 1940-х гг.

Основываясь на архивных документах и опубликованных источниках, автор прослеживает процесс зарождения традиции их проведения, дает представление о топографии событий, уточняет основные поводы, по которым устраивались эти торжественные мероприятия.

Выявлены ролевые функции участников больших кремлевских приемов, рассматриваются вопросы церемониала их проведения и этикета. Представлен анализ содержания трех застольных речей Сталина (22 апреля, 5 мая 1941 г. и 24 мая 1945 г.), носивших директивный характер.

Сделан общий вывод о том, что приемы в Кремле 1930-х—1940-х гг. являлись одной из форм общения в советской политической среде.

В приложении к монографии представлены многочисленные, ранее не известные, документы из фондов РГАЛИ, а также отрывки из дневника журналиста Л.К. Бронтмана. Публикуется составленный автором монографии список 750 участников больших кремлевских приемов с краткими биографическими сведениями на каждого из них.

СIP PГБ

ISBN 978-5-94881-147-5

© Невежин В.А., 2011

© Новый хронограф, 2011

Посвящается Лидии

Нам, большевикам,
негоже напиваться и упиваться.
И.В. СТАЛИН

В нашей стране, где партия и правительство
крепчайшими узами связаны с народом,
приемы в Кремле становятся
замечательной традицией.
В.М. МОЛОТОВ

ВВЕДЕНИЕ

Общение за столом как специфическая и своеобразная форма межчеловеческих отношений уходит своими корнями в глубь веков. В качестве объекта исследования оно привлекает внимание ученых различных специальностей: историков, философов, этнографов, культурологов, лингвистов¹. Изучение роли и места дружеских вечеринок, застолий и т.д. является «тематически важным пластом», одним из магистральных направлений в исследовании истории повседневности².

В популярной литературе встречается утверждение о том, что единственной человеческой слабостью, которую мог себе позволить Сталин, были обеды и ужины с соратниками на

¹ Русские пиры. СПб., 1998; Социальность, рожденная за пиршественным столом (материалы конференции) // Одиссей. Человек в истории. 1999. М., 1999. С. 5–108; Философия пира. Опыт тематизации. Под редакцией (sic!) проф. К.С. Пигрова. СПб., 1999; Литературный текст: проблемы и методы исследования. Вып. 8. Мотив вина в литературе. Сборник научных трудов. Тверь, 2002; *Похлёбкин В.В.* История водки. М., 2002; *Николаев В.Д.* Водка в судьбе России. М., 2004; Пир-трапеза-застолье в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей / Академическая серия. Вып. 17. М., 2005; *Никишин А.В.* Водка&Сталин. М., 2006; *Бочаров В.В.* Российская власть в ракурсе празднично-питейной культуры // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 293–298; *Щепанская Т.Б.* Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов // Там же. С. 243–292; Веселые Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007.

² *Поляков Ю.А.* История повседневности — важное направление науки // Человек в российской повседневности. Сборник научных статей. М., 2001. С. 13.

«ближней даче» в Кунцеве¹. Однако это не так. Помимо «кунцевских» обедов и ужинов в узком кругу в 1930-х — 1940-х гг., проводились еще и приемы (банкеты) в Кремле для представителей элиты, о которых и пойдет речь в предлагаемом исследовании.

Изучение различных аспектов такого сложного социокультурного феномена, как сталинские кремлевские приемы, имеет несомненную актуальность. Во-первых, оно дает возможность осветить «питейную» составляющую повседневной жизни советского партийного и государственного руководства. Во-вторых, позволяет лучше понять скрытые механизмы функционирования сталинской власти, для которой приемы в Кремле являлись одной из форм собственной репрезентации. Ведь социальный контекст общения включает в себя совокупность некоторых переменных, задаваемых теми или иными группами людей. На микросоциальном уровне образуются стандартные ситуации человеческого взаимодействия, к числу которых можно отнести и сталинские застолья. Помимо этого, существуют разнообразные сценарии подобного взаимодействия — последовательные акты, разыгрываемые в тех или иных привычных ситуациях². В подобном контексте кремлевские приемы можно рассматривать как важную составную часть сталинского «сценария власти»³.

Понятие «застолье», как правило, используется для обозначения праздничного стола, угощения (еды и алкогольных

¹ *Каджая В.* Сталин: от «Атенского» до «Маджари» // Независимая газета. 1999. 24 дек. С. 16.

² *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997. С. 118, 119.

³ Термин «Сценарии власти» принадлежит Р. Уортману (США), который при изучении истории российского императорского двора XVIII—XIX вв. делал упор на процесс оформления неких принципиальных идей, воплотившихся и реализованных в сложной системе ритуалов, церемоний, празднеств и символов, где свою особую роль играли и застолья (*Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002; Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004). Как представляется, дефиницию «сценарии власти» вполне можно интерпретировать как обобщающую, рассматривая ее в широких хронологических рамках, и применяя ее при характеристике застольного церемониала сталинской эпохи.

напитков), людей, располагающихся за этим столом; вкушая яства и употребляя алкоголь, они находятся в процессе активного общения между собой¹. Важность застолья в контексте языковой картины мира проявляется, в частности, в выборе обозначения его разновидностей, которые, в свою очередь, определяются целым рядом факторов, или ситуативных групп. Сюда относятся: поводы для проведения застолий; их формы; время суток, когда они происходят; состав участников; застольная атмосфера; вид и последовательность подаваемых блюд; характер протекания застолья, способ его проведения и т.д. и т.п.²

Таким образом, под застольем понимается совместное употребление группой людей еды и алкогольных напитков в праздничной обстановке, способствующее общению его участников между собой. Оно устойчиво ассоциируется с приходом в гости. Отсюда — наименование пищи, подаваемой во время застолья, — «угощение», которое устраивается от имени приглашающей стороны, этимологически связанное с идеей гостей.

Застолья имеют собственные культурные базовые ценности, отражающиеся в его функциях. Основные функции застольного ритуала (церемониала) — коммуникативная; интеграционная; дифференцирующая; утопическая; функция преемственности духовной культуры общества.

Коммуникативная функция застолья сводится к тому, что застольный ритуал представляет специфическую форму коммуникации: создается особая атмосфера, в условиях которой всегда совершается обмен определенной информацией и человеческими чувствами. Эта функция застольного ритуала проявляется в процессе укрепления связей между государствами, различными организациями, группами людей.

Коммуникативный успех застолья зависит от знания его участниками правил поведения, застольного этикета и существующих тактик застольного общения. Умение каждого

¹ *Чирич И.В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира. Дис... к. филол. н. М., 2005. С. 2, 4, 76, 78.

² *Ма Яньли.* Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Дис... к. филол. н. Волгоград, 2005. С. 5.

участника застолья подчиниться принятому этикету способствует коммуникации. Владение определенными коммуникативными тактиками за столом помогает укрепить социальные связи, а иногда и примирить конфликтующих индивидов¹.

Интеграционная функция застольного ритуала также представляет собой одну из специфических форм коммуникативного поведения. Застолье носит коллективный характер, поскольку в нем участвует множество людей, а, главное, его участники имеют полную возможность для самовыражения. Присутствие на застолье способствует включению отдельного человека в определенный круг или коллектив. С помощью застольных ритуалов та или иная социальная общность (коллектив) периодически обновляется и, таким образом, как бы утверждает свое единство. Коллективная трапеза является важнейшим фактором социального сплочения, его своеобразным символом. Она играет важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в расширении межчеловеческих контактов, в интеграции индивида в группу. Участие новичка в застолье — составная часть этого ритуала интеграции. Оно знаменует признание новым участником застолья правил поведения и основополагающих ценностей социальной группы².

Специфика застольной традиции состоит еще и в том, что она представляет собой универсальный феномен, существующий во всех культурах, простых и сложных, древних и современных, являясь отражением ее *дифференцирующей функции*. Многие элементы застолья выражают определенные традиционные отношения между его участниками. Занимаемое каждым из них место за столом и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации. Дифференцирующая направленность застольного ритуала проявляется в таких типичных оппозициях, как «хозяин-гость», социально-статусная, возрастная, гендерная оппозиции³.

В традиционной культуре застолье выполняет значимую социальную функцию: как бы «примиряет» индивидов, груп-

¹ *Ма Яньли*. Указ. соч. С. 10—11.

² Там же. С. 12—13.

³ Там же. С. 14.

пы людей. Оно несет на себе печать некоего воображаемого, идеального состояния, в реальности не существующего либо труднодостижимого. В связи с этим специфика *утопической функции* застольного ритуала (церемониала) проявляется прежде всего в большом изобилии пищи и алкогольных напитков на столе. Хотя конкретные представления о пищевом изобилии со временем меняются, оценки его как своеобразного средства обеспечения благополучия в будущем неизменно сохраняются. Существуют особые застольные действия, имеющие в своей основе «карнавальный характер». К их числу относятся излишние возлияния и стремление к насыщению. Даже люди, соблюдающие относительную умеренность в обычной жизни, на больших торжествах часто поглощают огромное количество пищи и спиртных напитков. В этом находит отражение утопическое стремление к достижению не просто материального насыщения, но и обретения максимальной нравственной свободы¹.

Применительно к застольной традиции можно утверждать, что она имеет, помимо уже перечисленных выше, также и *функцию преемственности духовной культуры общества*. Именно благодаря застолью обеспечивается передача духовных ценностей из поколения в поколение с помощью определенных знаков и норм символического поведения. Эта функция проявляется в следовании этикету, принятому в данной группе людей. Каждой исторической эпохе свойственны свои застольные традиции, которые учат человека вести себя адекватно не только во время застолья, но и в других ситуациях. Они регулируют действия людей за пределами застольного церемониала. Именно в этом находят знаковое воплощение важнейшие *позитивные ценности* социума, и именно в ценностной ориентированности и семиотической насыщенности заключается истинный смысл застолья, его коренное отличие от каждодневного будничного приема пищи².

Наряду с обобщающим термином «застолье» существует еще целый ряд понятий, призванных характеризовать различные его виды. Одно из таких понятий — прием. *Прием* — это

¹ Там же. С. 16–17.

² Там же. С. 6–8, 17–18.

торжественное, праздничное действо. В зависимости от значимости события и состава участников, по поводу или в честь которых организуются торжества, различаются официальные и неофициальные приемы¹. Автор предлагаемого исследования сосредоточивал внимание на анализе официальных приемов, т.е. таких застолий, участники которых, как правило, обладали высоким социальным статусом.

Синонимом понятия «прием» является термин «банкет». Банкет² — это званый обед или ужин, который устраивается в честь кого-либо или по какому-нибудь торжественному поводу (например, в честь общегосударственного праздника, знаменательного события в истории страны).

Принятие алкогольных напитков является важнейшим признаком любого застолья. Оно, как правило, сопровождается произнесением тостов или застольных речей. Тост — это короткая речь (именно поэтому тост и называется порой *застольной речью*) с предложением выпить в честь кого-либо, чего-либо, которая произносится за праздничным столом. В русской культуре существует традиция пространных тостов, хотя трудно выявить единую структуру их произнесения³.

Речевой жанр тоста обладает определенным набором ценностей. Сам по себе он является одним из этикетных речевых жанров, основанных на риторическом построении. Определяющий признак данного жанра — его диалогичность, когда четко указан адресат. При этом всегда обязательна жанрово-этикетная рефлексия. Специфика тоста состоит в том, что он обладает одновременно и свойствами стандартности, и определенной вариативностью (т.е. возможностью импровизации различной степени).

Во время застолья тосты обычно произносятся в честь конкретного человека или группы людей, по поводу определенного события или чего-либо абстрактного («За счастье», «За дружбу» и т.д.). В тостах обычно выражаются пожелания

¹ Чирич И.В. Указ. соч. С. 144.

² От французского существительного «*banquette*» — торжественный званый обед или ужин с участием научных, общественных, политических деятелей, сопровождаемый речами.

³ Чирич И.В. Указ. соч. С. 118.

на будущее¹. Непосредственно с тостом связываются определенные представления о застолье. Естественно, эти представления легко можно перенести на любые народы, у которых существует обычай произносить тосты².

Как видный государственный и политический деятель, Сталин умело использовал застолья для упрочения создаваемого им режима, для укрепления своего единовластия в большевистской партии и СССР. В Большом Кремлевском дворце с его участием устраивались пышные банкеты (приемы), на которые в качестве гостей приглашались представители советской партийной, военной, научно-технической, интеллектуальной элиты. По числу участников (оно доходило порой до 1500—2000 человек), по месту их проведения (Большой Кремлевский дворец), наконец, по своей исключительной социальной и политической значимости такого рода сталинские застолья можно с полным основанием назвать *большими кремлевскими приемами*.

Автор монографии отличает большие кремлевские приемы, которые устраивались при Сталине для представителей советской элиты, от дипломатических приемов, которые также проводились в Кремле в тех же временных рамках 1930 — 1940-х гг., но имели совершенно иные цели. Кроме того, количество гостей на дипломатических приемах было сравнительно малочисленным, а устраивались они, как правило, в каком-либо одном из парадных кремлевских залов (во Владимирском или Екатерининском). Дипломатические приемы в Кремле, равно как и проходившие в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца банкеты с небольшим числом участников (например, по случаю 60-летия Сталина 21 декабря 1939 г.; 50-летнего юбилея В.М. Молотова 9 марта 1940 г.), в предлагаемом исследовании специально не рассматривались.

Высказываю признательность Ростиславу Лазаревичу Бронтману, благодаря которому в качестве источника в монографии удалось использовать неопубликованные дневниковые записи его отца, свыше четверти века проработавшего в газете «Правда», журналиста Лазаря Константиновича Бронтмана (1905—1953).

¹ *Ма Яньли*. Указ. соч. С. 38.

² *Ма Яньли*. Указ. соч. С. 8; *Чирич И.В.* Указ. соч. С. 122.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПРОБЛЕМЫ

1.1. Обзор литературы и постановка задач исследования

Тема больших кремлевских приемов вплоть до начала XXI в., по существу, оставалась своего рода пропущенной страницей советской истории 1930-х—1940-х гг.

Более того, эти банкеты, как ни странно, крайне негативно оценивались авторами, которые не занимались специально данной темой. Здесь можно в первую очередь назвать искусствоведа М.А. Чегодаеву¹. Она предприняла попытку изучить специфику развития изобразительного искусства во второй половине 1930-х гг., т.е. в период, когда Сталин утвердился у власти в СССР. Для Чегодаевой характерна отрицательная оценка не только конкретно советского вождя, но и событий сталинской эпохи.

По убеждению Чегодаевой, постигнуть эти события «рациональным путем невозможно». «Ключи» к осознанию сталинской эпохи, утверждала она, находятся в сферах, «до настоящего времени исключенных из научного осмысления исторических процессов, целиком отданных на откуп фольклористике, религиоведению»². Следует напомнить, что книга М.А. Чегодаевой вышла в свет в начале XXI в. В данной связи

¹ Чегодаева М.А. Два лика времени: 1939. Один год сталинской эпохи. М., 2001.

² Цит. по: Чегодаева М.А. Указ. соч. С. 315.

приведенные выше высказывания ее автора выглядят анахронизмом, поскольку именно в этот период уже были сняты прежние идеологические препоны, и исследователи получили доступ к ранее строго засекреченным архивным документам.

О банкетах, проводившихся в Кремле во второй половине 1930-х гг., Чегодаева писала следующее: «В кремлевских приемах разыгрывались воочию выставочные панно с “единением” сталинских “символов”». По словам Чегодаевой, в одном зале, за одним столом, «в присутствии самого Сталина и его партийной свиты объединялись в праздничном воодушевлении» герои-летчики, известные писатели, знаменитые артисты¹.

Между тем существование исследовательской лакуны, которая оказалась не заполненной профессиональными учеными, открыло широкий простор для всякого рода «вольных» интерпретаций проблемы больших кремлевских приемов Сталина, которые встречаются, например, в публикациях по «алкогольной» тематике.

Так, Л.Д. Мирошниченко издал книгу, которая, согласно его собственной характеристике, была «составлена как энциклопедия»². Из аннотации к изданию следовало, что в нем «содержится самая разнообразная информация об алкоголе — от исторической до медицинской». В аннотации также утверждалось, что подготовленное Мирошниченко издание может послужить «справочным подспорьем специалистам (медикам, психологам, историкам, педагогам), а также всем читателям, интересующимся вопросами истории и культуры».

Однако «уникальная энциклопедия» Л.Д. Мирошниченко, который по роду своей деятельности был столь же далек от истории, сколь и от культурологии (в свое время он специализировался на исследовании алкоголизма в Московском НИИ неврологии), вряд ли всерьез могла послужить «справочным подспорьем» для представителей обеих вышеназванных научных дисциплин. В качестве доказательства некомпетентности Мирошниченко в вопросе о происхождении сталинских приемов (банкетов) достаточно процитировать следующий

¹ Там же. С. 105.

² *Мирошниченко Л.Д. Энциклопедия алкоголя: Великие люди. История. Культура.* М., 1998. С. 17.

пассаж из упомянутой книги: «Он (Сталин. — *В.Н.*) не жалел никаких средств на то, чтобы по многочисленным поводам, общим и частным, большие массы населения втягивались в организованные праздничные шествия, фестивали, торжественные митинги и собрания, банкеты с произношением бесчисленных тостов во славу великих дел компартии и ее вождя. Партийные и государственные чиновники на всех уровнях власти и во всех регионах страны были хорошо вышколены для выполнения таких мероприятий. Банкеты могли быть весьма помпезными, в больших залах, в том числе кремлевских, с сотнями участников, с приглашением артистов, а также со щедрым угощением, включая хорошие вина»¹.

Не называя источников информации, Мирошниченко заявлял, что «устройство многолюдных банкетов по поводу коммунистических юбилеев и праздников» стало широко практиковаться после отмены продовольственных карточек, которое он ошибочно относил к концу 1935 г.² (на самом деле, процесс их отмены начался годом раньше)³.

Журналист В.Д. Николаев пытался объяснить побудительные причины организации сталинских кремлевских приемов, используя неверно интерпретируемый им «антропологический принцип». Николаев сводил все к неким «национальным особенностям»: якобы «...неуемная грузинская душа Сталина не удовлетворялась ролью тамады только в домашнем застолье. Как истинный кавказский человек вождь любил также многочасовые массовые застолья, которые он устраивал в Кремле»⁴.

Л.Д. Мирошниченко, затронувший в своей книге тему сталинских застолий, не ставил перед собой цели раскрыть ее с привлечением репрезентативных исторических источников. Между тем ключевые сюжеты, важные для освещения данной проблематики (мотивация Сталина, связанная с зарождением традиции проведения банкетов (приемов) в Кремле, поводы,

¹ Там же. С. 474–475.

² Там же. С. 475.

³ Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–107.

⁴ Николаев В.Д. Указ. соч. С. 153.

по которым они проводились, состав их участников), продолжали оставаться не раскрытыми. Наличие такого рода «белых пятен», в свою очередь, привело к возникновению парадоксальной ситуации. С одной стороны, предпринимались попытки ретроспективных исследований застольных традиций и обычаев различных народов, стран и социальных групп в широких хронологических рамках, с привлечением методов сравнительного анализа письменных источников и устных преданий. Например, на заседании круглого стола, проведенного в 1998 г. в Институте всеобщей истории РАН, отмечалось, что именно во время застолий «под покровом неизменных ритуалов <...> рождаются и реализуются социальные отношения»¹. Следует отметить, что участники этого научного форума, сосредоточившие внимание главным образом на различных аспектах социально-культурного феномена трапезы, опирались на солидную источниковую базу. Однако явно ощущалось отсутствие специалистов, которые могли бы квалифицированно рассуждать именно о застольях сталинской поры. Так, на упомянутом круглом столе говорилось о пирах в древней Месопотамии и в античной Греции, об уникальных по своему содержанию традициях употребления алкогольных напитков в Венгрии, Англии и Русском государстве в средние века и т.д. и т.п. Однако, когда по ходу обсуждения спонтанно возникала тема сталинских застолий, в выступлениях участников круглого стола звучало больше вопросов, чем давалось ответов на них, а в качестве источников упоминались неназванные мемуары, устные свидетельства и... художественные произведения Ф.А. Искандера.

В данной связи несомненный научный интерес представляют наблюдения ученых, специализирующихся в области политической антропологии, которые при рассмотрении различных форм общения в социальной среде сосредоточивают внимание на специфике коллективных застолий. По выражению Т.Б. Щепанской, в ходе застолий «неформальные отношения манифестируют себя, пожалуй, наиболее ярко». Рассматривая «питейные практики» в контексте политической культуры, Щепанская интерпретирует эти «практики» в целом и отдельные

¹ Одиссей... 1999. С. 5,6.

их элементы (атрибутику, пространственно-временные характеристики, поведенческие и речевые стереотипы) как своеобразную знаковую систему. По ее мнению, в данном контексте можно говорить об одном из кодов, «опосредующих политические взаимодействия». Свою основную задачу Т.Б. Щепанская видела в том, чтобы выявить подтверждения «актуализации этого кода и тот набор значений, который транслируется с его помощью». Щепанская подчеркивала: не столь важны детали реально происходивших застолий, которые удастся «подглядеть», опираясь на доступные источники; гораздо важнее — зафиксировать их интерпретации, значения, придаваемые этим «практикам», отдельным их элементам¹.

Подход Т.Б. Щепанской к интерпретации застолий как к одной из форм общения в политической среде, несомненно, отличается оригинальностью. В связи с этим автор предлагаемой монографии счел возможным использовать некоторые ее наблюдения, касающиеся роли застолий как своеобразных «питейных практик», носящих нормативный характер, составляющих повседневность, поддерживающих отношения, обеспечивающих единство внутри «команды» политических единомышленников.

Однако объектом исследования Т.Б. Щепанской явились застолья советской и постсоветской политической элиты рубежа XX — XXI вв. С учетом особенностей указанной работы интерпретация и общие выводы Щепанской подвергались в данной монографии определенной коррекции, исходя из специфики сталинской эпохи и имеющейся источниковой базы.

Можно лишь приветствовать попытку Е.С. Громова пересмотреть негативные оценки эстетических взглядов Сталина². Подобного рода попытка, предпринятая для достижения понимания истинного отношения вождя к искусству, точнее, к музыкальному искусству, в какой-то степени позволяет понять специфику отбора участников грандиозных праздничных концертов, которыми сопровождалась большие кремлевские приемы. Громов, в частности, оспаривал голословные утверждения о том, что пределом «музыкального восприятия» вождя

¹ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 266—267.

² Громов Е.С. Сталин: искусство и власть. М., 2003.

являлась «простенькая мелодия песенки “Сулико”»¹. Если представить Сталина «полным нулем в эстетических вопросах», рассуждал Е.С. Громов, выглядят напрасными «попытки серьезно разобраться в его художественных взглядах и вкусах», а, следовательно, «нет и предмета для научного исследования». Хотя на самом деле, продолжал свою мысль Громов, советского вождя трудно причислить к великим теоретикам искусства, и он не был эталоном высокого вкуса, все-таки нельзя рассматривать как примитивное сталинское «восприятие художественных ценностей». Объективный взгляд на вещи, писал Е.С. Громов, наводит на мысль о том, что Сталин являлся «профессиональным политиком, который, в общем, для политика, неплохо разбирался в искусстве и нередко умело, эффективно использовал его в своих интересах»².

Громов призывал не переоценивать личные пристрастия вождя в музыке и его отношение к отдельным музыкантам. Главный интерес тут был политический, государственный. Правительственные концерты в Кремле, по мнению Громова, являли собой своеобразный «высший образец советского искусства», как его представлял себе вождь. Эти концерты «призваны были поражать всех своим необыкновенным размахом, грандиозностью», и данная цель, как правило, достигалась. При этом на наряды для исполнителей и антураж средств не жалели. Участники концертов, являясь превосходными профессионалами, по словам Громова, «ревностно соревновались в мастерстве». В конечном счете, программы правительственных концертов, которыми сопровождалась сталинские банкеты в Кремле, в большой степени определяли и репертуар советского радио, «весь музыкальный официоз страны»³.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что в отечественной историографии нет комплексного обобщающего исследования по проблеме больших кремлевских приемов Сталина. В данной связи основная цель автора предлагаемой монографии состояла в заполнении образовавшейся исследовательской лакуны.

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 270.

Как уже отмечалось, в имеющейся популярной литературе отсутствуют надежные сведения относительно зарождения традиции проведения первых кремлевских приемов. Между тем освещение данного вопроса имеет большое значение: без определения хронологических рамок исторических событий невозможно их объективное изучение. Представляет несомненный интерес и мотивация Сталина при организации приемов в Кремле.

Исходя из этого, автор предлагаемого исследования, используя доступные источники, предпринял попытку не только определить, когда именно и в каких исторических условиях зародилась традиция организации больших кремлевских приемов, но и проследить процесс становления и развития данной традиции. Для решения этой конкретной задачи необходимо было для начала выяснить, какие именно поводы избирались для устройства приемов в Кремле, установить их общее количество в 1930-е — 1940-е гг., а также периодичность проведения¹.

Проблема формирования образов власти путем целенаправленного символического обустройства среды человеческого обитания является одной из малоисследованных в отечественной историографии. В данном контексте одним из ключевых можно считать вопрос об архитектурно-ландшафтных презентациях господствующих режимов. Архитектурные символы власти используют символику пространства и формы. При этом центр олицетворяет всеобщность, полноту, абсолютную реальность, истинное бытие, исходную точку всего сущего².

Применительно к Российскому и Советскому государству таким центром являлась Москва. Она оказала существенное влияние на формирование «пространства власти», определяемое главным образом расположением «зримых знаков» властного присутствия, в том числе — мест официальных церемоний. Подобного рода «знаки» не только в допетровский

¹ Ковачев А. Н. Символы власти и их интерпретация в различных культурах // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 251.

² Там же. С. 250.

период, но и в более позднюю эпоху — при Сталине — были сосредоточены в Московском Кремле. Как подчеркивал немецкий исследователь М. Рольф, наряду с ритмизацией времени большевики стремились к советизации ландшафта, а новая планировка общественного пространства в 1930-е гг. вошла, по его словам, «прочной составной частью в советский проект радикального переустройства общества». Данный процесс являлся одной из задач при решении проблемы превращения российского социума в советский. В качестве примера подобных устремлений М. Рольф привел осуществленную большевистским руководством постепенную «колонизацию московского Кремля»¹.

Кремль являлся мощной крепостью, а крепость, согласно утвердившимся в исследовательской литературе представлениям об архитектурной символике власти, олицетворяет убежище, защиту, придающую веру в себя. Именно она символизировала сталинское «пространство власти»². Это обуславливало необходимость объяснения мотивации выбора кремлевских парадных помещений для организации грандиозных банкетов. Нуждаются в пояснении и причины целенаправленной деятельности сталинской власти, принятой во второй половине 1930-е гг., по всестороннему ужесточению режима пребывания на территории Кремля и по совершенствованию его охраны.

Фактический материал, который способствовал раскрытию вопроса о топографии Большого Кремлевского дворца, содержится в книге С.В. Девятова и Е. Журавлевой³. Существенные дополнения к нему, относящиеся конкретно к сталинской эпохе, содержатся в двух изданиях, осуществленных Федеральной службой охраны Российской Федерации⁴. Эти издания основаны не только на документах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государствен-

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 149.

² Андреев Д. Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 124–126.

³ Девятов С.В., Журавлева Е. Дворцы Кремля. М., 2001.

⁴ Московский Кремль — цитадель России. М., 2008; Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М., 2010.

ного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива Президента Российской Федерации (АПРФ). В качестве источниковой базы в них также использовались уникальные материалы Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), а также текущего архива Центра по связям с общественностью ФСО России, которые проливают свет на деятельность Комендатуры Московского Кремля по обеспечению его охраны.

Далее, в предлагаемом исследовании определяются ролевые функции участников больших кремлевских приемов и специфика их проявления. Подобный подход дает дополнительную возможность убедиться в особой социальной значимости этих сталинских застолий.

Структура любой социальной ситуации обязательно включает в себя распределение ролей, наличие стандартных социально-ролевых предписаний и взаимные ожидания. Это выражается, в частности, в определенном соотношении между участвующими в коммуникации сторонами¹. Наличие социально обусловленных ролевых функций нетрудно выявить в ситуации застолья, и большие кремлевские приемы Сталина в данном случае не являются каким-то исключением. С учетом этого одна из глав предлагаемой монографии посвящена вопросу о том, как конкретно распределялись ролевые функции их участников. С этой целью были выделены три основные группы: хозяева, гости, артисты и музыканты, выступавшие в рамках концертных программ, сопровождавших банкеты в Кремле. Ролевые функции участников приемов рассматривались в хронологических рамках 1935 — начала мая 1941 гг., поскольку именно в этот период была устроена подавляющая часть больших кремлевских приемов (41 из 47-ми), попавших в поле зрения автора данной монографии. При этом были взяты на вооружение наблюдения ученых, сосредоточивших свое внимание на сталинском «ближнем круге», представителей которого одни исследователи причисляют к эрзац-элите², а другие — к субэлите.

¹ Доценко Е.Л. Указ. соч. С. 119.

² Макарова Н.Н. Сталин и «ближний круг»: принципы ротации эрзац-элиты (1934–1939) // Проблемы российской истории. М.—Магнитогорск, 2007. С. 294–314.

Под эрзац-элитой принято понимать группу лиц, причастных к принятию важнейших решений. Она отличается особыми социальными, политическими, психологическими качествами, престижем, привилегированным положением. Однако эрзац-элита характеризуется слабой вариативностью поведения, высокой степенью социальной адаптации, стремлением к максимальному удовлетворению личных интересов и к сохранению стабильности собственного положения¹.

В качестве неотъемлемой, активной и влиятельной составной части любой социальной структуры выступает высший управленческий слой, берущий на себя ведущую роль, определяя динамику развития этой структуры и реально осуществляя властную управленческую функцию. К элите принадлежат: лидер и его окружение, состоящее из субэлит, формирующихся как по функциональному признаку (политическая, экономическая, культурно-информационная), так и по характеру внутриэлитных отношений².

По мнению Н.Н. Макаровой, Сталин предъявлял определенные требования к своим соратникам, принадлежавшим к его «ближнему кругу». Она сгруппировала эти требования по трем следующим категориям: личные и психологические качества; организаторские способности; внешний облик и физические данные³. Однако, как представляется, можно добавить к этому еще одну категорию: принадлежность к «питейной компании» вождя, т.е. степень участия в сталинских застольях. Автор предлагаемой монографии попытался доказать, что принадлежность к «питейной компании» вождя являлась одним из важных факторов вхождения в сталинскую эрзац-элику. В основу подобных наблюдений были положены преимущественно официальные отчеты о больших кремлевских приемах, а также источники, в которых зафиксировано участие представителей «ближнего круга» Сталина в «товарищеских» обедах и ужинах («симпозионах») и в дипломатических

¹ Васильева Л.Н. Элита и эрзац-элита: политическое будущее России // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 95.

² Рубцов Ю.В. Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 6.

³ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 295–296.

раутах, При этом использовались ценные наблюдения об эволюции «ближнего круга» Сталина¹, а также работы биографического плана об отдельных его представителях².

Во время застолья высокой степенью символичности отличаются еда и питье, тосты и беседы, песни и танцы, само место его проведения. Подобные знаки или знаковые действия имеют самое непосредственное отношение к системе культурных ценностей. Ведь в ценностной ориентированности и заключается истинный смысл застольного ритуала, кроется его подлинное содержание и коренное отличие от будничного приема пищи. Еда, питье, застольный процесс наряду с ценностями, скрытыми за ними, образуют неразрывное единство, а само застолье можно рассматривать как образное выражение определенных ценностей, на основании которых строится весь его ритуал³.

Ритуал — это традиционный порядок проведения какой-либо *церемонии*. В свою очередь, под *церемонией* подразумевается торжественное совершение определенного обряда по установленным правилам. Понятие «ритуал», как представляется, является синонимом понятия «церемониал»⁴. Во всяком случае, в предлагаемой монографии обе дефиниции трактуются именно в таком контексте.

Церемониалам свойственны высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость и определенная устой-

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч.; Рубцов Ю.В. Указ. соч.; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. М., 2003; он же. Сталин: Тайны власти. М., 2005; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; он же. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

² Абрамян К.А. Партийно-политическая и хозяйственная деятельность Н.С. Хрущёва в Москве (1929 — 1938 гг.). Автореферат дис. ... к. и. н. М., 2008; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008; Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М., 2010.

³ Ма Яньли. Указ. соч. С. 8—9.

⁴ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Изд. 4-е, доп. М., 1999. С. 680, 874; Отто А. Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // Российская история. 2009. № 2. С. 117.

чивость по отношению к процессу исторических изменений. Они проводятся в специальных помещениях, в определенное время, по известным поводам, являясь экспрессивными, непосредственно совершаемыми действиями.

Торжественные публичные инсценировки служат средством представления авторитета, включения его в коммуникационный процесс. Они служат не только для маскировки власти, но и позволяют ее носителям осознать свое место во властной структуре. Церемониальные инсценировки носят сугубо политический характер, оказывая нормативное воздействие также на властную элиту. Репрезентация власти и иерархия являются основным условием для их восприятия и обеспечения связанной с этим относительной стабильности властных структур и их воспроизводства. В свою очередь, церемониальные инсценировки являются частью «системы оповещения», в рамках которой социальная группа постоянно утверждает в своей идентичности и сплоченности с помощью опознавательных знаков, которые отличают ее от других. Одновременно она заявляет о своих властных полномочиях в общении с внешним миром. В целом, власть не удовлетворяется лишь фактом собственного существования, нуждаясь для своего представления и приятия, легитимации и стабильности в церемониальных инсценировках¹.

К числу подобного рода инсценировок, несомненно, принадлежали и большие кремлевские приемы. Исходя из этого, в монографии была предпринята попытка реконструкции их церемониала. В то же время специально фиксировались отдельные случаи нарушения застольного церемониала, которые сами по себе носят уникальный характер. В данной связи представляет интерес одна мысль Л.М. Баткина, сформулированная в ходе дискуссии о социальном феномене трапезы. По мнению Баткина, для исследователя являются ценными зафиксированные в источниках факты нарушения порядка застолья и последующего его восстановления. В подобных случаях ученый имеет возможность «услышать надлежащую истолкованию речь» участников событий. Здесь очень важна «казусная, особенно инцидентная, сторона описываемых нормативных повторяющихся застолий»².

¹ Рольф М. Указ. соч. С. 23, 24, 25.

² Одиссей... 1999. С. 40.

Применительно к теме больших кремлевских приемов данное наблюдение Л.М. Баткина можно интерпретировать следующим образом. Если в ходе того или иного банкета в Кремле был нарушен, а затем немедленно восстановлен порядок его проведения, то источники, которые зафиксировали подобный казус, в определенной степени могут дополнить имеющееся представление о существовавших нормах поведения, этикете и церемониале, обязательном для участников сталинских застолий.

В монографии предпринята попытка описания этикета больших кремлевских приемов. В данной связи заслуживает внимания суждение Л.М. Тумкиной-Перфильевой о советском этикете. Она констатировала, что после Октябрьской революции в Советской России было объявлено классовым пережитком прошлого то, что ранее называлось благовоспитанностью, в том числе — этикет. Однако, уже в 1930-е гг. в этой сфере советское руководство было вынуждено пойти на определенные послабления. Этикет вновь стал востребованным, поскольку являлся своеобразным средством выделения новосозданной советской элиты (высшей партийной номенклатуры)¹.

Наконец, в предлагаемом исследовании представлен анализ трех застольных речей Сталина, произнесенных на банкетах в Кремле для советской элиты, о содержании и значении которых ведутся активные дискуссии в отечественной и зарубежной историографии. Это — тост на приеме участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.); сталинские реплики на кремлевском застолье в честь выпускников военных академий РККА (5 мая 1941 г.); знаменитая здравица «за русский народ», произнесенная на банкете в честь командующих войсками Красной армии (24 мая 1945 г.).

Необходимость подобного анализа обусловлена прежде всего тем, что выступления вождя на больших кремлевских приемах, тиражировавшиеся средствами массовой информации, носили директивный характер и имели большой резонанс в сознании советского общества в 1930-е — 1940-е гг. В то же время на газетные полосы попадали тексты застольных речей Сталина, как правило, предварительно отредактированные

¹ Тумкина-Перфильева Л.М. Русский этикет от Владимира Мономаха до наших дней. М., 2010. С. 148.

им самим. В монографии сравнивались исходные, первоначальные и окончательные, отредактированные вождем, варианты трех перечисленных выше сталинских застольных выступлений, что дало возможность более обстоятельно прокомментировать содержание и попытаться определить значимость каждого из них.

Поскольку, как уже отмечалось, в отечественной историографии не сложилось традиции изучения темы больших кремлевских приемов, при решении задач, поставленных в предлагаемом исследовании, его автор счел целесообразным опереться главным образом на собственные научные наработки по данной проблематике¹.

Привлекались также публикации популярного характера, освещавшие биографии видных представителей советской

¹ *Невежин В.А.* Тост Сталина за русский народ (24 мая 1945 г.): новая интерпретация // Преподавание истории в школе. 2005. № 4. С. 23–28; *он же.* «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Наука и жизнь. 2005. № 5. С. 14–20; *он же.* Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е — начало 1940-х гг.) (далее — БКПС) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 56–70; № 4. С. 123–139; *он же.* Праздники советской элиты: большие кремлевские приемы 1930-х — начала 1940-х гг. // Москва и Подмосковье: праздники и будни. Всероссийская научная конференция. Сб. научных статей. М., 2005. С. 21–37; *он же.* Триумф победителей: прием в Кремле командующих войсками Красной армии (24 мая 1945 г.) // Проблемы российской истории. Вып. V. Магнитогорск, 2005. С. 358–392; *он же.* Москва как центр презентации власти (большие кремлевские приемы И.В. Сталина, 1935–1941 гг.) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 273–289; *он же.* Прием в Кремле командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года // Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 430–449; *он же.* «У нашего правительства было не мало ошибок». Тост Сталина за русский народ (24 мая 1945 г.) // Мир и политика. 2010. № 5. С. 92–99; *он же.* *Н.Ф. Бугай.* Тост Сталина 24 мая 1945 г. «За русский народ»: этнополитический контекст // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Оренбург, 2010. С. 13–41; *он же.* Особенности организации декады белорусского искусства в Москве // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: шестые международные Михоэлсовские чтения: доклады, сообщения. М., 2010. С. 262–269.

культуры 1930-х—1940-х гг.¹ В этих работах встречаются трактовки взаимоотношений между некоторыми из них (в первую очередь — между участниками праздничных концертов) и Сталиным в ходе больших кремлевских приемов, которые не основываются на заслуживающих внимания источниках. Поэтому потребовалось перепроверить наиболее сомнительные утверждения, в которых преобладающим являлся налет надуманной «сенсационности».

1.2. Принципы отбора источников

Источниковую базу предлагаемого исследования составили как впервые введенные в научный оборот ранее не публиковавшиеся, так и уже опубликованные материалы. Ее составной частью явились документы из личных фондов Сталина и его ближайших соратников (В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории². В РГАСПИ также сохранились: переписка руководства Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК ВКП(б) (Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) с Особым отделом и секретариатом ЦК³, подготовительные материалы, решения Политбюро, неопубликованные записи воспоминаний участников событий, содержащие сведения о больших кремлевских приемах⁴.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) автором выявлены относящиеся к тематике его исследования материалы фонда Комитета по делам искусств при СНК СССР, в частности: делопроизводственная документация (приказы, распоряжения, переписка о проведе-

¹ *Фролов И.* Любовь Орлова: в гриме и без грима. М., 1997; *Пушнова Н.* Валентина Серова. Круг отчуждения. М., 2001; *Сааков Ю.С.* Любовь Орлова: Сто былей и сто небылиц. М., 2002; *Шеглов Д.* Любовь Орлова. М., 2002; *Кравченко Т.Ю.* Жди меня. История одной любви. М., 2005; *Сафошкин Д.Л.* Леонид Утёсов. М., 2005; *Эрлихман В.* Любовь Орлова. Одиночество звезды // Биография. 2006. № 2. С. 81—94.

² РГАСПИ. Ф.74; Ф. 81; Ф. 82; Ф. 558.

³ Там же. Ф. 71.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 3, 163; Ф. 558. Оп. 4. Д. 657; Оп. 11. Д. 1536.

нии декад и смотров республиканского искусства в Москве за 1936–1941 гг.; списки приглашенных на большие кремлевские приемы; списки участников и программы праздничных концертов, которыми сопровождалась эти банкеты). Использовались также отдельные документы личных фондов РГАЛИ: писателя и драматурга В.В. Вишневского¹, актера-кукольника С.В. Образцова², кинорежиссера С.М. Эйзенштейна³, певца и композитора Л.О. Утёсова⁴, которые неоднократно приглашались на торжественные застолья в Кремль.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) внимание автора монографии привлекло делопроизводство секретариата Народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова⁵, а также документы Военной академии Генерального штаба Красной армии⁶. Часть этих архивных материалов напрямую относится к устройству больших кремлевских приемов предвоенных лет.

В начале ХХI в. были введены в научный оборот дневники Лазаря Константиновича Бронтмана⁷. Л.К. Бронтман в 1930-е гг. неофициально именовался «королем московских журналистов» за оперативное освещение самых разнообразных событий предвоенных лет. С середины 1920-х гг. он работал внештатным корреспондентом газеты «Правда», а затем вошел в состав ее редколлегии. Особую ценность для раскрытия сформулированной в исследовании проблемы представили ранее не публиковавшиеся дневниковые записи Бронтмана предвоенного периода, в которых можно обнаружить сведения о больших кремлевских приемах Сталина (см. *Приложение № 3*).

¹ РГАЛИ. Ф. 962; Ф. 1038. Д. 2074, 2126.

² Там же. Ф. 2732.

³ Там же. Ф. 1923.

⁴ Там же. Ф. 3005.

⁵ РГВА. Ф. 33987.

⁶ Там же. Ф. 37963.

⁷ *Невежин В.А.* БКПС // Отечественная история. 2005. № 3. С. 65–67; № 4. С. 137; *Бронтман Л.К.* Из дневников военных лет // Архив еврейской истории. Т. 2. М., 2005. С. 82–140; *он же.* Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942–1945. М., 2007.

По окончании Второй мировой войны сотни тысяч бывших советских граждан оказались в лагерях для перемещенных лиц в американской зоне оккупации. В 1950—1951 гг. Русским исследовательским центром Гарвардского университета среди них были проведены опросы (всего было опрошено порядка 13,5 тыс. чел.)¹, касавшиеся самых различных сторон повседневной жизни в СССР (т.н. «Гарвардский проект»). Респонденты сообщали свой пол, возраст, социальную принадлежность, профессию. Их фамилии и имена, согласно условиям опроса, оставались не раскрытыми. Американский коллега историк Дэвид Бранденбергер любезно предоставил автору материалы некоторых из сохранившихся в архиве Гарвардского университета интервью бывших советских граждан, которые оказались наиболее близки к теме предлагаемой монографии².

Наряду с архивными документами источниковую базу монографического исследования составили опубликованные материалы. Автор условно разделил их на три основные группы.

Первую группу таких материалов, использованных в монографии, составили опубликованные мною в 2003³ и в 2007 гг.⁴ стенографические и синхронные записи хода больших кремлевских приемов, а также застольных речей Сталина.

Вторая группа — периодические издания 1930-х—1940-х гг., содержащие сведения о банкетах в Кремле с участием Сталина. Е.С. Громов утверждал, что они представляли собой «приемы с художественной частью», о которых советских граждан «не информировали»⁵. Однако это не совсем так. Большие кремлевские приемы принадлежали к разряду важнейших мероприятий, проводившихся на высшем государственном уровне. Поэтому с середины 1930-х гг. информация практически обо всех такого

¹ Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 72. Табл. № 3.

² Далее в тексте ссылки на эти материалы, предоставленные Д.Л. Бранденбергером, обозначены латинскими буквами GP. — В.Н.

³ Невежин В.А. Большие кремлевские приемы Сталина. Документы и материалы М.—СПб., 2003 (далее — ЗРС).

⁴ Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007.

⁵ Громов Е.С. Указ. соч. С. 262.

рода застолиях (исключение составляют новогодние банкеты в Кремле) регулярно появлялась на первых полосах центральных советских газет. Автор использовал газетные отчеты о 45-ти больших кремлевских приемах из 47-ми, которые упоминаются в данной монографии (в газетах отсутствует информация о новогодних банкетах в Кремле 1938/1939 и 1940/1941 гг.). Благодаря этой информации удалось выяснить, какие именно поводы выбирались для устройства банкетов в Кремле, в каких конкретно помещениях они проводились, кто на них приглашался и какие ролевые функции выполнял, какие исполнители и творческие коллективы принимали участие в концертах, сопровождавших грандиозные кремлевские застолия, и т.д., и т.п.

При написании монографии автор опирался на газетные отчеты о приемах в Кремле и о застольных речах Сталина, произносившихся на них. Эти отчеты подавались в 1930-е—1940-е гг. в периодической печати в виде хроникальных материалов Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС). Подобного рода материалы готовились силами сотрудников газет «Правда» (центрального печатного органа ЦК ВКП(б)), «Известия» (советского официоза), а затем перепечатывались в других газетах. В периодической печати публиковались не только официальные отчеты о больших кремлевских приемах; порой на газетных полосах появлялись и заметки непосредственных участников этих сталинских застолий — представителей военной элиты, летчиков, полярников, видных деятелей советской науки и культуры и т.д.

Таким образом, сведения о больших кремлевских приемах можно обнаружить в советской периодике 1930-х — 1940-х гг. Однако в целом информация о торжественных застольях, отразившаяся на страницах газет и журналов того времени, довольно лаконична. Объяснение этому можно найти в реалиях сталинской эпохи. В условиях жесткой цензуры проверке на идеологическую «чистоту» и на политическую благонадежность подвергались буквально все публикации, предназначавшиеся для периодической печати. Повседневная жизнь видных партийных и государственных деятелей и прежде всего самого Сталина, равно как и ее «застольная составляющая», освещались с учетом негласного табу на разглашение сведений, способных даже в небольшой степени

поколебать его образ как великого вождя. Отсюда — известное дозирование информации, появлявшейся в периодических изданиях. Оно относилось и к газетным публикациям о больших кремлевских приемах, на которых присутствовал Сталин.

Третья группа опубликованных источников, использованных в монографии, представлена материалами личного характера: интервью, воспоминаниями, мемуарной литературой, перепиской, дневниками. Трудно не согласиться с замечанием о том, что «мемуары для историка — конкурирующая среда в освоении прошлого»¹.

На банкетах в Кремле в 1930-е—1940-е гг. побывали многочисленные представители сталинской элиты. Еще при жизни Сталина стали публиковаться воспоминания некоторых их участников, которые очень близки по форме к «заказным» мемуарам². Так, к 60-летию вождя под редакцией секретаря Президиума Союза советских писателей, члена ЦК ВКП(б) А.А. Фадеева был издан сборник воспоминаний сталинских «выдвиженцев» об их встречах с вождем. В числе прочих материалов в книгу вошли рассказы передовиков производства, полярников, летчиков, деятелей советской науки и культуры, депутатов Верховного Совета СССР с изложением впечатлений о больших кремлевских приемах Сталина³.

Характеризуя в целом мемуарную литературу второй половины 1930-х гг., В.В. Кабанов утверждал, что она есть ни что иное «как выполнение социального заказа». Такого рода литературу объединял определенный «набор патриотических штампов»: декларации о преданности авторов советской власти, восхваление руководства большевистской партии и лично Сталина, благодарность за счастливую жизнь, которой достиг мемуарист, устремленность в светлое будущее и т.д. и т.п.⁴.

¹ Цит. по: Кабанов В.В. Между правдой и ложью: (Отечественные мемуары XX века). М., 2004. С. 224.

² К «заказным» мемуарам В.В. Кабанов относил такие, которые написаны из корыстных материальных либо политических интересов. Они отличаются особой необъективностью и даже лживостью. См.: Кабанов В.В. Указ. соч. С. 229.

³ Встречи с товарищем Сталиным. М., 1939.

⁴ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 119.

Что касается конкретно упомянутого выше сборника, то красной нитью через него проходит основная для каждого из его участников тема: «Сталин и я». При ее раскрытии преобладают апологетические, пафосные оценки, восторженные эпитеты и восклицания в адрес вождя, которые порой вытесняли те «мемуарные частности», которые порой имеют решающее значение для реконструкции событий прошлого¹. В то же время следует отметить следующее обстоятельство: авторы воспоминаний, вошедших в упомянутую книгу, не только излагали собственное видение больших кремлевских приемов как значимых событий, но и порой делали попытки представить фон, на котором они происходили, зафиксировать содержание застольных речей вождя, услышанных ими на банкетах в Кремле².

Начавшаяся после XX съезда КПСС (1956 г.) по инициативе Н.С. Хрущёва политическая кампания по разоблачению «культ личности Сталина» привела к тому, что имя последнего стало упоминаться в связи с событиями 1930-х — 1940-х гг. либо в сугубо негативном плане, либо вообще замалчиваться. Новые идеологические веяния коренным образом отразились на характере и содержании мемуарной литературы.

Е.С. Громов совершенно справедливо отмечал, что введенные в оборот источники личного происхождения, которые характеризуют художественную жизнь сталинской эпохи как бы изнутри, зачастую «не несут в себе надежной информации». Более того, порой они «способны дезинформировать» тех, кто с ними знакомится. Люди творческих профессий (и не только они!) в условиях политических репрессий вынуждены были таить даже от самих себя наиболее сокровенные мысли, «избегая делиться ими с близкими и друзьями».

Если же говорить о мемуарной литературе, появившейся в послесталинскую эпоху — при Н.С. Хрущёве и Л.И. Брежнев (вторая половина 1950-х — начало 1980-х гг.), то и она по своему содержанию не всегда достоверна из-за вполне понятного желания некоторых участников событий «как-то приукрасить свое поведение в сталинские времена»³. Ведь эпоха Сталина

¹ Там же. С. 7.

² Встречи с товарищем Сталиным.

³ Громов Е.С. Указ. соч. С. 10.

в полном соответствии с решениями XX съезда КПСС по-прежнему оценивалась преимущественно с критических позиций.

Наблюдение Е.С. Громова можно распространить, во-первых, на аналогичные публикации, принадлежащие выходцам из сталинской элиты в целом. Во-вторых, оно не теряет своей значимости и при анализе мемуарной литературы ее представителей, появившейся с середины 1980-х гг. Вышли в свет воспоминания, которые наряду с некоторыми публикациями о Сталине оказались переполненными желчью, стремлением непременно обличить не только имена вождя и его ближайших соратников, но и время, в которое они жили и действовали¹. Журналист Г.А. Скороходов сделал в конце 1990-х гг. следующее любопытное наблюдение: «Все, конечно, заметили, какая сегодня возникла мода на воспоминания. Вспоминают прошлое все — и актеры, и режиссеры, и литераторы. Это интересно читать, но почему-то иногда не покидает ощущение, что авторы точно рассчитывают, что именно стоит вспоминать»².

На содержание опубликованных воспоминаний оказывают влияние различные субъективные и объективные факторы. Прежде всего, это — память того или иного мемуариста, которая слабеет с годами. Зачастую конкретные события, которые описывает мемуарист, отдалены от него десятками лет, и память может сильно подвести. В данном случае остается актуальным шутовское определение, имеющее, однако, серьезную подоплеку: мемуары — это жанр литературы, страдающий склерозом³.

«Очевидцы, как известно, даже самые авторитетные, могут ошибаться», — подчеркивал в данной связи Г.А. Скороходов⁴. Например, в мемуарах кинорежиссера Г.В. Александрова⁵ современники и участники событий обнаружили много неточностей, некоторые цитаты давались им без конкретных

¹ Коробейников С.В. Прошлое в настоящем. М., 2004. С. 12.

² Скороходов Г.А. В поисках утраченного. М., 1999. С. 126.

³ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Александров Г.В. Эпоха и кино. М., 1983.

указаний на источники. Кинокритик Р.Н. Юренев следующим образом охарактеризовал эту книгу: «“Эпоха и кино” <...> была рукописью удручающей. Разностильные, по-видимому, надерганные из разных авторов, плохие сплетни, тускло пересказанные фантазии Григория Васильевича (Александрова. — *В.Н.*), множество перевранных дат, названий, фактов, имен»¹. Г.В. Александров, в свою очередь, оправдывался тем, что диктовал свои воспоминания в больнице, где находился на излечении после перенесенного инсульта².

На характер и содержание мемуарной литературы, помимо прочего, оказывает влияние индивидуальный психический склад каждого конкретного мемуариста. Наконец, следует учитывать особенности условий эпохи, в которую жил мемуарист. Они откладывают свой отпечаток на мировоззрение автора мемуаров, на степень правдивости, сокрытия и даже искажения тех или иных фактов. Для мемуаров советской эпохи подобные тенденции особенно характерны³.

Представители советской творческой и художественной интеллигенции на сталинских кремлевских приемах призваны были символизировать достижения науки и культуры в СССР. На некоторых из них возлагалась утилитарная функция участия в программах праздничных концертов. Воспоминания музыкантов и исполнителей вызывают несомненный интерес, они по-своему уникальны. Здесь можно привести в пример мемуары Ю.Б. Елагина⁴, одного из артистов Государственного джаз-ансамбля, который участвовал в концерте на новогоднем банкете в Кремле 1939 г. Однако, как будет показано ниже, ряд фактов и свидетельств, приведенных Елагиным, не только не находят подтверждения в других источниках, но и напрочь опровергаются архивными документами, выявленными автором предлагаемой монографии.

Что касается советской политической элиты, то степень ее участия в больших кремлевских приемах была, если можно так выразиться, более значимой. Здесь уместно вновь обратиться

¹ Юренев Р.Н. В оправдание жизни. М., 2007. С. 537.

² Фролов И. Указ. соч. С. 25.

³ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. М., 2002.

к наблюдениям Т.Б. Щепанской по поводу текстов, в которых «застолья представлены с точки зрения участников» (в нашем конкретном случае — глазами представителей сталинской политической элиты). Щепанская подчеркивала, что подобного рода описания следует рассматривать исключительно как видение происходившего как бы «изнутри». Именно поэтому, по ее мнению, названные источники «нельзя расценивать как фактологически достоверные свидетельства». Т.Б. Щепанская выражала уверенность в том, что из них можно почерпнуть информацию лишь «о значимых элементах застолья». Доказательством подобной значимости является отражение событий в тексте, принадлежащем конкретному участнику застолья (при условии рассмотрения застолья именно как формы общения в политической среде).

Щепанская пришла к следующему важному выводу: свидетельства участников застолья фиксируют не столько собственно застольную практику, сколько культурную модель, на основании которой эта практика строилась и с которой соотносилась¹. Застолью, как одной из принятых в политическом сообществе практик общения, средству установления отношений, объединения, придается большое значение. Опосредуя объединение, совместная выпивка тем самым символизирует в глазах ее участников именно такое общение. Собственно, факт совместного застолья интерпретируется ими (и представители сталинской элиты в этом смысле не составляли исключения) как установление определенной степени близости. Одна из функций описания застолий в политических мемуарах — репрезентация автора, знак его включенности в неформальные структуры политического сообщества, наличия близких отношений со значимыми фигурами².

В данной связи особую осторожность следует проявлять не только в отношении тех опубликованных источников личного происхождения (прежде всего мемуаров и воспоминаний) о банкетах в Кремле при Сталине, в которых просматривалось стремление «освободиться» от своего прошлого, связанного с именем вождя. В гораздо большей степени такого рода осто-

¹ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 267.

² Там же. С. 269.

рожность необходима при знакомстве со «свидетельствами», которые получены даже не из «вторых рук», а являются прямой фальсификацией. Здесь необходимо в первую очередь назвать вымышленную неким Л. Гендлиным и опубликованную в виде отдельной книги «исповедь» солистки Большого театра СССР В.А. Давыдовой¹.

Что касается публичного дискурса, то «питейная тема» и соответствующая практика, как уже отмечалось, относятся к разряду табуированных. «Питейные практики» как знаковая система – это, как писала Т.Б. Щепанская, – своеобразный «внутренний код». Он используется в саморефлексии политического сообщества, являясь, однако, табу для посторонних. Попадая в публичное пространство, информация о застольях в среде политической элиты приобретает значение компромата. Согласно интерпретации Щепанской, в рамках «команды единомышленников», в кругу «своих» застолье принадлежит к разряду нормативных практик. Однако когда те же нормативные практики становятся достоянием общественности, они разрушают публичный имидж, статус человека уже в публичном пространстве. А достоянием общественности «внутренний код» застолий политической элиты становится главным образом тогда, когда кто-либо из ее представителей перестает быть «своим» в «команде единомышленников»².

Применительно к свидетельствам непосредственных участников событий, в качестве особого, типичного случая, если использовать выражение Т.Б. Щепанской, «превращения нормы в компромат», можно рассматривать интерпретацию сталинских застолий Н.С. Хрущёвым. Оказавшись у власти в СССР после смерти Сталина, он совершенно сознательно, исходя из конъюнктурных политических соображений, предпринял попытку порвать со своим недавним прошлым. Сталина и его соратников Хрущёв, в свое время включенный вождем в «ближний круг», уже не был склонен рассматривать как «команду единомышленников». Наиболее наглядно данная тенденция проявилась в текстах мемуаров, надиктованных

¹ Гендлин Л. Исповедь любовницы Сталина. Минск, 1998.

² Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 289.

Н.С. Хрущёвым, который находился на пенсии после отстранения его от руководства КПСС и СССР¹. В них сталинские застолья умышленно представлены с преобладанием компромата, разрушающего имидж вождя и его «питейных практик».

Между тем утверждения Хрущёва о чрезмерном пристрастии Сталина к выпивке не подтверждаются заслуживающими внимания источниками. Это наводит на мысль о допущенном мемуаристом искажении событий. Мало того, Н.С. Хрущёв сам являлся заядлым любителем спиртного, о чем было прекрасно известно его современникам².

В данной связи необходимо отметить более спокойную и уравновешенную, хотя и не лишенную критики в адрес Сталина, позицию одного из его соратников, А.И. Микояна, которая нашла проявление в книге его воспоминаний³.

Можно привести и пример противоположного подхода к интерпретации сталинских застолий, когда «норма» отнюдь не обрела характер «компромата». Речь идет об опубликованных текстах интервью, которые давал в конце жизни поэту Ф.И. Чуеву В.М. Молотов, входивший в 1930-е — 1940-е гг. в «ближний круг» Сталина⁴. Следует подчеркнуть, что Молотов до конца жизни продолжал ощущать свою принадлежность к сталинской «команде». Не случайно, в его интервью, тщательно отобранных и опубликованных Чуевым, трудно обнаружить «сенсационные» подробности застолий вождя, подобные тем, которые приводил в своих мемуарных текстах Н.С. Хрущёв.

В качестве источников в предлагаемой монографии использовались опубликованные в журнальной и газетной периодике, а также вышедшие в виде отдельных книг мемуары, интервью и переписка непосредственных участников больших кремлевских приемов (а также их ближайших родственников, друзей и знако-

¹ *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 1. М., 1999.

² *Докучаев М.С.* Москва. Кремль. Охрана. М., 1995; *Мгеладзе А.* Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Б.м., 2001. С. 148—150.

³ *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

⁴ *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.

мых): партийных политических, государственных и общественных деятелей¹, выпускников военных академий РККА², многие из которых впоследствии вошли в начальствующий и командный состав советских Вооруженных Сил³, ученых⁴, музыкантов и музыкальных исполнителей⁵, особенно тех, кто принимал участие в кремлевских концертах⁶, кинематографистов⁷, театральных актеров и режиссеров⁸. По форме и способу написания, жанру эта литература отличается большим разнообразием. Здесь

¹ *Палецкис Ю.* В двух мирах. М., 1974; *Солодовников А.В.* Мы были молоды тогда... // Театральные страницы. Сб. статей. М., 1979. С. 186–223; *Микоян А.И.* Указ. соч.; Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств: апрель 1939 – январь 1948: свод писем. М., 2007.

² *Гаврилов П.М.* Сражается крепость. Краснодар, 1980; *Лященко Н.Г.* «С огнем и кровью пополам...» // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 22–28; *Муратов Э.* Шесть часов с И.В. Сталиным на приеме в Кремле // Нева. 1993. № 7. С. 280–288.

³ *Баграмян И.Х.* Так шли мы к Победе. М., 1988; *Кабанов П.А.* Стальные перегоны. М., 1973; *Вайнруб М.Г.* Эти стальные парни. Повесть о пережитом. Киев, 1972; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Изд. 2-е. М., 1975.

⁴ *Яковлев А.С.* Цель жизни: Записки авиаконструктора. 6-е изд., доп. М., 2000.

⁵ Касьян Голейзовский. Жизнь и творчество. Статьи, воспоминания, документы. М., 1984.

⁶ *Елагин Ю.Б.* Указ. соч.; «Я запомнила свою лезгинку с Микояном». Воспоминания Анны Редель // Коммерсант. 1999. 47 (1691). 24 марта; *Лебедев В.С.* Божественный посол. Воспоминания об Иване Семёновиче Козловском. Владимир, 2000; *Моисеев И.А.* Я вспоминаю... Гастроль длиною в жизнь. М., 2001; *Лепешинская О.*: «Я сказала Берии: если мой муж виноват – наказывайте, не виноват – выпускайте» // Известия. 2004. 9 апр.; *Алексеева Н.В.* Записки любовницы Лаврентия Берия. М., 2004; Алексей Иванов – богатырь оперной сцены М., 2004; *Пирогов О.А.* С отцом: воспоминания об А.С. Пирогове. Рязань, 2004; Иван Козловский. Воспоминания, статьи. М., 2005; Алексей Иванов. На сцене и в жизни. М., 2006; *Плисецкая М.М.* Читая жизнь свою... М., 2010.

⁷ *Александров Г.В.* Указ. соч.

⁸ *Еремеева Т.А.* Игорю Ильинскому – артисту и человеку. М., 2001; *Любимов Ю.П.* Рассказы старого трепача. Воспоминания. М., 2001; *Образцов С.В.* По ступеням памяти. М., 2001; *он же.* Моя профессия. М., 2009; *Бахтаров Г.Ю.* Записки актера: Гении и подлецы. М., 2002.

представлены: традиционные, «строгие» воспоминания; «заказные» мемуары, а также литературные записи либо просто написанные с посторонней помощью; мемуары, подготовленные после смерти автора (по рукописям либо на основе синхронных записей личных бесед с мемуаристом, его диктофонных диктовок); сборники, посвященные одной конкретной личности.

Г.А. Скороходов, автор и ведущий телевизионной передачи, построенной на материалах интервью с видными деятелями советского искусства 1930-х — 1950-х гг., положил их в основу своей книги¹. В эту книгу были, в частности, включены очерки о жизни и творчестве Л.О. Утёсова, И.В. Ильинского, Е.В. Самойлова, Л.П. Орловой, являвшихся участниками больших кремлевских приемов и сообщивших Скороходову интересные и малоизвестные факты, связанные с ними.

На этом фоне особняком стоит изданный Ю.Б. Боровым сборник апокрифов и анекдотов. Боров в течение полувека собирал «в различных социальных, профессиональных, национальных кругах» притчи, легенды, апокрифы о Сталине. Ю.С. Сааков, биограф известной киноактрисы Л.П. Орловой, отмечал по этому поводу, что профессор эстетики Ю.Б. Боров занимался сбором «баек параллельно со своей научной деятельностью всю жизнь»². Часть этих устных рассказов дошла к Борову от людей, непосредственно участвовавших в событиях, связанных с вождем, либо лично встречавшихся с ним. В других случаях такие истории как бы «отрывались» от героев-рассказчиков и попадали в распоряжение Ю.Б. Борева «в обработанном коллективным сознанием виде, пройдя через многие опосредствующие звенья»³. Остается лишь согласиться с мнением историка Г.В. Костырченко, который отмечал, что «сам Боров отнес свою книгу к жанру литературно-художественно-исторической фольклористики», а ее пафос «зиждился не на поиске исторической истины, а на разоблачении любым способом советской системы»⁴.

¹ *Скороходов Г.А.* Указ. соч.

² *Сааков Ю.С.* Указ. соч. С. 227.

³ *Боров Ю.Б.* Сталиниада. М., 1991. С. 5.

⁴ *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 351.

Книга Борева впервые была опубликована в начале 1990-х гг. (ее тираж насчитывал тогда сотни тысяч экземпляров), впоследствии неоднократно переиздавалась и имела большой резонанс. Многие сталинские апокрифы, собранные в ней, «перекочевали» в издания других авторов, в том числе — связанных с темой застолий вообще и сталинских — в частности. К этому жанру относится и сборник, подготовленный искусствоведом П.В. Романовым¹. В аннотации к нему подчеркивалось, что предлагаемая книга — «занимательный рассказ об истории нашей Родины», изложенный в довольно неожиданном аспекте — застольном. Исторические факты перемежались в книге «с анекдотами былых времен», а реальные события соседствовали с «легендами и байками». С учетом данного обстоятельства, автор предлагаемого исследования предпочел не использовать материалы, включенные П.В. Романовым в его сборник, хотя в книге имеется специальный раздел, посвященный теме сталинских застолий². Исключение сделано лишь в одном случае, когда возникла необходимость интерпретации изложенного Романовым сюжета о «первом советском банкете».

В монографии в качестве источника использовались также некоторые опубликованные дневники очевидцев и непосредственных участников описываемых в ней событий. Специфика дневников состоит в том, что это — записи, сделанные сразу после событий, о которых они упоминают. Поэтому в них фиксируется множество деталей, которые могут со временем забыться. Некоторые специалисты в области источниковедения отмечали, что дневники выглядят предпочтительнее мемуаров³.

Ю.К. Олеша в конце 1920-х гг. с оптимизмом призывал: «Пусть пишут дневники все: служащие, рабочие, писатели, малограмотные, мужчины, женщины, дети, — вот клад для будущего! Мы, живущие в эпоху основоположения нового человеческого общества, должны оставить множество свидетельств... Да здравствуют дневники!»⁴.

¹ Романов П.В. Застольная история государства Российского. СПб., 2000.

² Там же. С. 354–388.

³ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 85.

⁴ Олеша Ю.К. Книга прощания. М., 1999. С. 35.

Однако, как оказалось, наступившая эпоха 1930-х гг., сопровождавшаяся политическими репрессиями, вынуждала современников с большой осторожностью относиться к ведению дневниковых записей. Характерно в этом смысле высказывание писателя К.И. Чуковского, прозвучавшее в компании, где присутствовал Г.Г. Ягода: «А у меня в дневниках нет политики. Я только об искусстве. У меня нет ни за, ни против Советской власти»¹. К этому можно добавить, что в источниковедческой литературе отмечалось, что обычно пространные дневниковые записи Чуковского в период репрессий (1937 — 1940) резко сокращались по объему (до 1—2 страниц ежегодно), а в 1938 г. он вообще не делал их².

Что касается советских лидеров, то ни Сталин, ни Ленин, ни, по утверждению писателя и драматурга Э.С. Радзинского, даже их сподвижники не вели дневников. Радзинский пытался объяснить это «партийным менталитетом»: ведь дневники, как и письма, т.е. «все личное», якобы принадлежали миру, «который они разрушили»³. Последнее утверждение требует определенной коррекции, поскольку некоторые из партийных и государственных деятелей сталинской эпохи, вопреки априорным утверждениям Радзинского, все-таки вели дневниковые записи.

Американский исследователь Г.И. Чернявский справедливо заметил, что дневники предпочитают вести деятели культуры, поскольку они служат своего рода творческой лабораторией, где накапливаются впечатления и оттачивается перо. Что касается политиков из ближайшего сталинского окружения, то для них данный жанр практически не был характерным. В данной связи трудно не согласиться с мнением Чернявского, что опубликованные дневниковые записи видного деятеля коммунистического движения Г.М. Димитрова⁴ являются поистине уникальным источником. Те из них, в которых имеется упоминание о сталинских застольях,

¹ *Иванов В.В.* Дневники. М., 2001. С. 94.

² *Кабанов В.В.* Указ. соч. С. 77.

³ *Радзинский Э.С.* Сталин. Жизнь и смерть. М., 2003. С. 18, 301.

⁴ *Димитров Г.М.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997.

в данной монографии приводятся по подготовленному мною изданию записей застольных речей Сталина¹. Они делались практически синхронно событиям, свидетелем и участником которых был Димитров и, в частности, — больших кремлевских приемов второй половины 1930-х — начала 1940-х гг. Именно поэтому в его дневниках можно обнаружить сведения не только о днях проведения, но и о продолжительности таких застолий. Однако главной отличительной особенностью дневников Г.М. Димитрова является то, что в них зафиксировано не увиденное, а *услышанное*. Димитров во всех подробностях передавал содержание сталинских тостов, отдельных реплик и монологов вождя, произносившихся на больших кремлевских приемах. Он тщательно фиксировал содержание застольных речей Сталина прежде всего потому, что рассматривал их как руководство к действию в своей повседневной работе.

Однако дневниковые записи Г.М. Димитрова, как правило, отрывочны. Они напоминают не дневник в собственном смысле слова, а памятные наброски текущих надобностей. Логика и последовательность при переходе от одной ежедневной записи к другой отсутствует. Г.И. Чернявский обратил внимание на одно немаловажное обстоятельство: в дневник Г.М. Димитрова включены данные, которые являлись секретными: их можно рассматривать как компрометирующие Сталина, его окружение, да и самого автора. Из этого Чернявский сделал вывод, что дневник Димитрова не был предназначен для печати ни при жизни, ни, по всей видимости, и после смерти его автора. В основном записи представляются довольно откровенными, что, по мнению Г.И. Чернявского, существенно увеличивает источниковедческое значение информации, сообщаемой в дневнике. Все это и позволяет рассматривать его как первостепенный комплексный источник².

Информативным источником о сталинских застольях в целом и о больших кремлевских приемах в частности

¹ ЗРС.

² Чернявский Г.И. Дневники Г.М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 48—49.

являются также дневниковые записи В.А. Малышева¹. Подобно Димитрову, Малышев старательно воспроизводил в своем дневнике сталинские тосты, застольные монологи и реплики, воспринимая их как специфическую форму директив вождя.

Помимо этого были использованы отрывки из дневниковых записей известного хореографа, художественного руководителя ансамбля Народного танца СССР И.А. Моисеева², президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова³.

* * *

Как уже отмечалось, в 2003 и в 2007 гг. вышли в свет подготовленные мною два сборника застольных речей Сталина. В эти научные публикации были включены, среди других, документы с записями отдельных тостов, здравиц и выступлений вождя, прозвучавших на больших кремлевских приемах. Содержание первого из этих сборников было воспринято неоднозначно, что лишний раз продемонстрировало наличие расхождений в подходах к изучению истории больших кремлевских приемов и в понимании их значимости для сталинской эпохи.

С резкой критикой в адрес составителя упомянутого издания выступила И.В. Павлова⁴. Оставляя на совести Павловой безосновательные обвинения в политической ангажированности составителя и чуть ли не в одобрении «проекта» сборника сталинских застольных речей властями предрежащими в России начала XXI в.⁵, хотелось бы отметить следующее

¹ «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 103–147. В целом, дневниковые записи В.А. Малышева были оценены как «отрывочные и содержащие слишком мало информации» (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 10, прим. 2). Большинство из них, касающихся сталинских застолий, приводятся по изданию: ЗРС.

² *Игорь Моисеев*. Начало пути. Дневники хореографа / Публ. подгот. Л. Шамина // Культура. 2008. 6–12 марта. № 9 (7622).

³ *Вавилов С.И.* «Мысль об эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием» (из дневников 1939–1941 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 2. С. 3–52.

⁴ *Павлова И.В.* Сон разума-2 // Знание-сила. 2005. № 3–5.

⁵ *Павлова И.В.* Указ. соч. // Знание-сила. 2005. № 3. С. 100; № 5. С. 101.

Широковещательные заявления И.В. Павловой и ее стремление к «обличению» неугодного оппонента, в которых она порой заходит слишком далеко, буквально балансируя на грани приличия, на деле являются лишь словесным прикрытием недостаточной научной компетентности, которая уже была отмечена в исследовательской литературе. Схематизм и идейный догматизм, присущий сконструированной Павловой концепции эпохи Сталина, — помеха, не позволяющая ей «разглядеть конкретные факты, с помощью которых только и можно понять технологический аспект формирования сталинского режима»¹.

Специфика «павловской» методологии наглядно проявилась при попытке интерпретации ею темы больших кремлевских приемов. Во-первых, И.В. Павлова, вопреки классификации, предложенной мною в предисловии к документальному сборнику застольных речей Сталина², произвольно объединила под *одним* термином «прием» *различные* по характеру, числу участников и значимости сталинские застолья (обеда и ужины в кругу ближайших соратников; дипломатические банкеты; собственно большие кремлевские приемы).

Во-вторых, Павлова уничижительно назвала «крепостными», «ублажавшими диктатора» (Сталина) артистов, которые выступали на концертах в Кремле, сопровождавших приемы³. Следует напомнить, что на этих грандиозных сталинских банкетах, как правило, был представлен весь цвет, лучшие исполнители, подлинные мастера отечественной культуры. Как будет показано в монографии, за свои выступления на этих концертах они получали солидное денежное вознаграждение, достойное их таланта. Называть лучших представителей советского искусства «крепостными», что позволяет себе И.В. Павлова, по меньшей мере, оскорбительно для их памяти.

Следует также отметить, что критика И.В. Павловой в мой адрес не является истиной в первой инстанции. Появились рецензии, авторы которых, наоборот, высоко оценивали

¹ Цит. по: Андреев Д. Указ. соч. С. 136.

² ЗРС.

³ Павлова И.В. Указ. соч. // Знание-сила. 2005. № 3. С. 99.

научный уровень подготовленного мной и изданного в 2003 г. документального сборника, в который вошли тексты застольных речей Сталина¹.

Весьма «оригинальный» способ использования материалов этого сборника избрала так называемая «Идеологическая комиссия ЦК КПСС», которая под грифом «Рабочий университет им. И.Б. Хлебникова» издала в 2006 г. книгу, представив ее как 18-й том «Сочинений И.В. Сталина». Составители тома среди прочего включили в него записи текстов сталинских застольных речей, произнесенных вождем на приемах в Кремле: 4 мая 1935 г. (фрагмент)², 20 января 1938 г.³, 17 марта 1938 г.⁴, 22 апреля 1941 г.⁵; 5 мая 1941 г.⁶ При публикации даются ссылки на Российский государственный архив социально-политической истории. Это может дать основание для вывода о том, что перечисленные документы впервые введены в научный оборот именно составителями 18-го тома так называемых «Сочинений И.В. Сталина». Однако они были опубликованы мной⁷ *на три года раньше* выхода из печати этого тома. В нем при передаче названных документов по непонятной причине отсутствуют ссылки на *изданный* сборник застольных речей вождя, куда они были включены. Тем самым составители 18-го тома «Сочинений И.В. Сталина» без всяких оснований пытались *присвоить* себе приоритет введения в научный оборот ранее опубликованных документов из его личного фонда.

¹ Новый исторический вестник. 2006. № 1(14); Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 102–104; Отечественная история. 2006. № 2. С. 179–182.

² *И.В. Сталин*. Сочинения. Т. 18. 1917 – 1953. Тверь, 2006. С. 95–96.

³ Там же. С. 146–151.

⁴ Там же. С. 152–155.

⁵ Там же. С. 211–212.

⁶ Там же. С. 213–219.

⁷ В моей публикации даются различные варианты сохранившихся в личном фонде Сталина записей его застольных речей: от 4 мая 1935 г. (см.: ЗРС. Док. № 7, 8, 9); 20 января 1938 г. (там же. Док. № 22, 23, 24); 17 марта 1938 г. (Там же. Док. № 28); 22 апреля 1941 г. (там же. Док. № 53, 54, 55, 56, 57) и 5 мая 1941 г. (там же. Док. № 62).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ

2.1. «Ближний круг» и формирование «питейной компании» Сталина

Застолье является своеобразной моделирующей структурой, отражающей значимые черты политического сообщества («команды»). Если говорить конкретно о сталинской «команде» («ближнем круге»), то одной из важных составляющих ее возникновения и функционирования являлся процесс складывания завсегдатаев застолий, сиятельных собутыльников вождя. Условно можно назвать эту узкую группу соратников «питейной компанией» Сталина.

На начальном этапе формированию этой «питейной компании» способствовало, в частности, то, что Сталин имел обыкновение приглашать некоторых своих ближайших соратников на семейные застолья. Традиция сбора родственников и знакомых за столом, для того чтобы отметить знаменательную дату, памятное событие в жизни отдельного члена семьи либо всего семейства в целом (день рождения, юбилей и т.д. и т.п.), является одной из старых по времени и довольно устойчивых. Ее придерживался и Сталин.

Вторая жена Сталина Н.С. Аллилуева, согласно официальной версии, покончила с собой в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. в результате ссоры с мужем, возникшей на банкете по случаю 15-летия Октябрьской революции. После ее безвременной кончины проживавшие в Москве представители сталинского семейного «клана» (Джугашвили – Аллилуевы – Сванидзе)

вплоть до середины 1930-х гг. продолжали приезжать на обеды и ужины, которые устраивались на кремлевской квартире¹ либо на «ближней даче» вождя. Об атмосфере, царившей на семейных застольях Сталина, позволяют судить дневниковые записи М.А. Сванидзе², дальней родственницы его первой жены, Е.С. Сванидзе. Из этих записей следует, что Сталин в узком семейном кругу отмечал возвращение с юга из отпуска, праздновал дни рождения своих детей Светланы и Василия. За накрытым столом собирались ближайшие родственники вождя, чтобы помянуть Н.С. Аллилуеву.

Сталинские обеды и ужины в семейном кругу не всегда приурочивались к какому-либо конкретному торжеству или знаменательной дате, оказываясь порой чистой импровизацией. И инициатива их организации первоначально принадлежала не Сталину, а его родственникам. Сам он до определенного времени старался демонстрировать, что придерживается обычаев гостеприимства. Однако постепенно, особенно после трагического ухода из жизни Н.С. Аллилуевой, Сталин стал тяготиться присутствием многочисленной родни. Его явно раздражала назойливость и бесцеремонность некоторых ее представителей, доказательства чего можно обнаружить в дневниковых записях М.А. Сванидзе. Скорее всего, стремясь в какой-то степени нейтрализовать влияние родни, вождь стал прибегать к следующей тактике. Он все чаще устраивал застолья с участием представителей высшего партийного и государственного руководства.

В 1930-е гг. активно развивался процесс формирования советской правящей элиты. Высшим партийным органом ВКП(б) в промежутках между партийными съездами являлся его Центральный Комитет (ЦК). Члены ЦК на пленумах избирали состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата.

Политбюро ЦК ВКП(б) сосредоточивало в своих руках всю полноту власти в СССР и являлось постоянно действующим

¹ После переезда большевистского правительства из Петрограда в Москву (1918) Сталин поселился с женой Н.С. Аллилуевой и всей ее семьей в так называемом Фрейлинском коридоре Большого Кремлевского дворца (Московский Кремль питатель России. С. 185).

² Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Б.г.

органом, который занимался решением внутривластных и внешнеполитических вопросов. В функции Оргбюро ЦК ВКП(б) входило общее руководство организационной работой в партии и прежде всего распределение партийных кадров. Текущей работой организационного и исполнительного характера, в том числе — утверждением кадров и проверкой исполнения партийных решений занимался Секретариат ЦК ВКП(б).

Персональные изменения в составе Политбюро происходили при направляющем участии Сталина, стремившегося освободиться от оппозиционно настроенных функционеров и укрепить свое положение в Центральном Комитете большевистской партии и в Советском государстве в целом. Ведь практически все вопросы жизни партии и страны являлись предметом предварительного обсуждения и принятия решений Политбюро ЦК ВКП(б). Будучи одобрены высшим партийным органом, важные решения внутривластного и внешнеполитического характера затем дублировались в качестве официальных актов СНК, Президиума ЦИК, в виде нот НКВД СССР и постановлений других органов государственной власти и общественных организаций. В данной связи не случайно то большое значение, которое Сталин как генеральный секретарь ЦК ВКП(б) придавал персональному составу Политбюро¹.

В первой половине 1930-х гг. соратники вождя, члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), стали часто приглашаться на семейные торжества с участием его ближайших родственников. Так, 4 ноября 1934 г. ужин на кремлевской квартире Сталина проходил при участии члена Политбюро Л.М. Кагановича и члена Оргбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова², а 9 декабря 1934 г. в аналогичном застолье, помимо А.А. Жданова и Л.М. Кагановича, участвовали члены Политбюро В.М. Молотов и Г.К. Орджоникидзе³.

На сталинское 55-летие (1934 г.) в гости к имениннику на его «ближнюю дачу» были приглашены члены Политбюро

¹ Хромов С.С. По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 84.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 158.

³ Там же. С. 167.

А.А. Андреев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, а также К.Е. Ворошилов и М.И. Калинин. Родственники Сталина по линии первой жены Е.С. Сванидзе и второй жены Н.С. Аллилуевой оказались на праздновании дня рождения «хозяина» в явном меньшинстве¹. Сходная ситуация сложилась 21 декабря 1935 г. Прибывшая на сталинскую «ближнюю дачу» в Кунцево родня обнаружила, что там уже собрались почетные гости именинника: К.Е. Ворошилов (с женой), Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, член Политбюро ЦК ВКП(б) С.В. Косиор, кандидат в члены Политбюро П.П. Постышев, а также А.А. Жданов².

А.И. Микоян свидетельствовал: постепенно сложилось так, что ежегодно 21 декабря, в день рождения Сталина, «узкая группа товарищей — членов Политбюро», не дожидаясь особого приглашения, вечером (часов в 10—11) приезжала на дачу вождя на ужин. Его поздравляли без особого торжества, «без церемоний, по-товарищески» с днем рождения, избегая парадных речей и тостов³.

Будучи практическим политиком, Сталин все больше времени должен был уделять делам государственной важности, и установленного рабочего дня для этого ему явно стало не хватать. Общение с членами Политбюро, руководителями хозяйственных наркоматов, начинавшееся в его служебном кабинете или в зале заседаний ЦК ВКП(б) в Кремле, могло завершиться в домашней обстановке либо на «ближней даче», за обедом или ужином. К середине 1930-х гг. прежние семейные застолья вождя стали приобретать характер «дружеских» застолий в кругу ближайших соратников, своеобразных сталинских «симпозионов»⁴.

Эти соратники обращались к Сталину на «ты». По свидетельству А.И. Микояна, в узкий круг лиц, которые были «взаимно на “ты”» с вождем, входили (помимо самого Микояна):

¹ Там же. С. 169.

² Там же. С. 185—186.

³ Микоян А.И. Указ. соч. С. 578—579.

⁴ Симпозион (симпосий), в переводе с др.-греч. яз. — «совместное питье вина». В Древней Греции — застолья для мужчин, сопровождавшиеся беседой на различные темы.

Орджоникидзе, Калинин; несколько позже — Молотов и Ворошилов¹.

В первой половине 1930-х гг. Сталин начал принимать участие в дипломатических переговорах с представителями иностранных государств. Дипломатическая практика предусматривает не только формат официальных переговоров, но и участие в совместных застольях договаривающихся сторон (дипломатических раутах). Например, 24 ноября 1934 г. Сталин присутствовал на обеде, который был устроен в честь прибывших в советскую столицу членов монгольской делегации. Вместе с ним в этом застолье приняли участие К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян и В.М. Молотов².

Эти сведения позволяют подвергнуть сомнению утверждение о том, что с середины 1930-х гг. Сталин «все менее нуждался в неформальном общении со своими соратниками, все реже согласовывал с ними принимаемые решения»³. В данной связи следует акцентировать внимание на одной, очень важной для понимания их политической значимости, особенности сталинских застолий, проходивших в узком кругу. Эти застолья являлись составным звеном процесса принятия решений по животрепещущим проблемам. В.М. Молотов свидетельствовал о том, что часто во время обеда или ужина вождь интересовался текущими делами, и тут же, за столом, вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б) устраивал их обсуждение⁴.

Аналогичное свидетельство содержится в мемуарах А.И. Микояна. Он писал, ссылаясь на сталинское высказывание, что в ходе застолий организовывалось собрание, нечто «вроде политического клуба»⁵. Маршал Советского Союза С.М. Будённый вспоминал: Сталин «очень часто за ужином, вроде бы в нерабочей обстановке», обсуждал с представителями высшего командного состава РККА важнейшие «проблемные вопросы укрепления Вооруженных Сил»⁶.

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 352.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 351. Л. 66.

³ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 11.

⁴ Чуев Ф. Указ. соч. С. 315.

⁵ Микоян А.И. Указ. соч. С. 353.

⁶ Будённый С.М. Пройденный путь. Главы из четвертой книги // Дон. 1975. № 2. С. 48.

Дочь вождя, С.И. Аллилуева, отмечала одно из характерных качеств, присущих ее отцу: «Политика отодвинула в нем все другие человеческие интересы на задний план — и так было всю жизнь»¹. По ее свидетельству, Сталин мог часами сидеть за столом вместе с гостями. Это была «чисто кавказская манера»: организовывать «многочасовые застолья, где не только пьют и едят, а просто решают тут же, над тарелками, все дела — обсуждают, судят, спорят»².

Наконец, М. Джилас в своих мемуарах писал, что на сталинских «дружеских ужинах» «приобретала свой подлинный облик значительная часть советской политики». На них «советские руководители были наиболее близки между собой, наиболее интимны. Каждый рассказывал о новостях своего сектора, о сегодняшних встречах, о своих планах на будущее»³. Алкогольные напитки и яства способствовали созданию непринужденной атмосферы.

Таким образом, к середине 1930-х гг. уже сложился обычай организации дружеских застолий («симпозионов») Сталина, которые проходили преимущественно на кремлевской квартире⁴ или на «ближней даче» вождя. Сталинскую «питейную компанию» на этих неофициальных застольях составляли главным образом его соратники — члены Политбюро, Оргбюро, секретари ЦК ВКП(б). Они же принимали участие в тогда еще единичных дипломатических раутах, на которых присутствовал Сталин.

Непосредственным результатом распределения обязанностей между секретарями ЦК ВКП(б) в начале марта 1935 г. явилось очередное рассредоточение высшей власти. Узкое руководство оказалось как бы двухуровневым. При этом на первом уровне остались, помимо Сталина, лишь В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов⁵. Не случайно, что оба

¹ Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 35.

² Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 36.

³ Джилас М. Разговоры со Сталиным. М., 2002. С. 60–61.

⁴ К этому времени Сталин переселился с территории Большого Кремлевского дворца и проживал на Дворцовой улице (Московский Кремль — цитадель России. С. 184, 210).

⁵ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 128.

функционера чаще всего оказывались рядом с вождем на сталинских застольях.

В.М. Молотов являлся одним из старейших членов большевистской партии. Он познакомился со Сталиным еще в 1912 г. и именно с подачи последнего в 1921 г. был выдвинут на должность ответственного секретаря ЦК. Близкие отношения между Сталиным и Молотовым установились и укрепились во время болезни Ленина. Молотов тогда много работал в Секретариате ЦК РКП(б). Впоследствии именно он под непосредственным сталинским руководством определял кадровую политику большевистской партии, хотя решающее слово всегда оставалось за Сталиным.

Свою партийную и государственную карьеру В.М. Молотов, сын приказчика из Вятской губернии, сделал именно благодаря тому, что являлся одним из самых преданных сталинских соратников¹. Во время отпусков Сталина, вплоть до начала 1930-х гг., Молотов оставался в Москве и руководил работой высших партийных инстанций, готовил решения по важнейшим партийно-государственным вопросам².

Не обладая ораторским талантом и не отличаясь сильной волей, Молотов в то же время показал себя исполнительным, усидчивым и старательным, проявлял аккуратность в повседневной канцелярской работе. В конечном счете Сталин сумел оценить старательность, работоспособность, исполнительность своего протеже³. Молотов превратился в главного, особо доверенного, соратника вождя. Кроме того, оба считались друзьями⁴. По мнению историка М.Ю. Павлова, В.М. Молотов был единственным ближайшим соратником Сталина, на которого он «мог рассчитывать в полной мере»⁵.

Особая близость В.М. Молотова к Сталину заключалась, в частности, в том, что он превратился в активного участника

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 27.

² Там же. С. 100.

³ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 299.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 5.

⁵ Павлов М.Ю. Указ. соч. С. 59.

застоллий, происходивших в узком кругу на кремлевской квартире или на «ближней даче» вождя («симпосионов»)¹.

Наряду с Молотовым одним из ближайших соратников Сталина, активным участником «симпосионов», всегда-таем «питейной компании» вождя являлся К.Е. Ворошилов². Ворошилов познакомился со Сталиным в 1906 г. на IV («Объединительном») съезде РСДРП в Стокгольме. Во время Гражданской войны Сталин рекомендовал Ворошилова на пост командующего фронтом под Царицыным, способствовал его дальнейшему продвижению вплоть до назначения главой военного ведомства. Между обоими установились дружеские отношения³.

К.Е. Ворошилову не были присущи в полной мере деловые качества администратора, активность и жесткость, канцелярская работоспособность, энергия, теоретические знания, которые обнаруживались у некоторых других ближайших сталинских соратников. Осознавая скромность собственных способностей, он был вынужден искать политического покровителя и руководителя. Именно такой человек и был необходим Сталину во главе военного ведомства⁴.

В результате перераспределения обязанностей между секретарями ЦК ВКП(б) начала марта 1935 г. второй уровень партийного руководства заняли Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреев и А.А. Жданов, которые обладали правом одобрения либо отклонения важнейших политических решений⁵. При этом Каганович и Орджоникидзе, являясь ближайшими соратниками Сталина, в качестве членов Политбюро ЦК ВКП(б) формально оказались почти равными ему по статусу в иерархии политической власти⁶.

¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 185; *Димитров Г.М.* Указ. соч. С. 120.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 167, 185; *Димитров Г.М.* Указ. соч. С. 120; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 351. Л. 66; РГАЛИ. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 36. Л. 16.

³ *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 5; *Хромов С.С.* Указ. соч. С. 94.

⁴ *Макарова Н.Н.* Указ. соч. С. 297–298.

⁵ *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин... С. 129.

⁶ *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 5.

Наряду с В.М. Молотовым и К.Е. Ворошиловым в одного из завсегдатаев сталинской «питейной компании» превратился к середине 1930-х гг. Л.М. Каганович¹. Каганович познакомился со Сталиным еще в 1919 г. Это знакомство состоялось благодаря В.М. Молотову. Л.М. Каганович проявлял административное рвение в работе, обладая при этом репутацией человека с сильной волей, упрямого, отличающегося в то же время большим самообладанием. Он не имел склонности к размышлению и к тщательному расчету. Каганович был человеком действия, отличным организатором. В то же время он не позволял себе вступать в открытые споры со своим покровителем Сталиным. Не случайно В.М. Молотов называл Л.М. Кагановича «сталинским двухсотпроцентником»².

После прихода В.М. Молотова к руководству Совнаркомом (декабрь 1930 г.) Л.М. Каганович занял его место в Секретариате ЦК ВКП(б). Теперь во время отпусков Сталина именно Каганович осуществлял общее руководство работой Политбюро: председательствовал на его заседаниях и в многочисленных комиссиях высшего партийного органа³. Он был прямо причастен к рассмотрению и решению от имени Политбюро ЦК ВКП(б) важнейших внутривнутриполитических, внешнеполитических, социальных и экономических вопросов. Согласно постановлению Секретариата от 17 января 1934 г. прием и увольнение всех без исключения работников аппарата ЦК ВКП(б) должны были производиться лишь с утверждения Л.М. Кагановича или Сталина⁴.

К этому времени влияние Кагановича достигло своей наивысшей точки. Он одновременно был секретарем ЦК ВКП(б), фактическим сталинским заместителем по партии, руководителем столичной московской партийной организации, заместителем Сталина в Комиссии обороны, важнейшем совместном органе Политбюро и СНК СССР. Вдобавок Л.М. Каганович возглавил Комиссию партийного контроля

¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 158, 167, 173, 185; *Димитров Г.М.* Указ. соч. С. 120; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 351. Л. 64.

² *Макарова Н.Н.* Указ. соч. С. 299.

³ Сталин и Каганович. Переписка... С. 5.

⁴ *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 195–196.

ЦК ВКП(б) и Комиссию по железнодорожному транспорту — организованную по типу Комиссии обороны высшую партийно-государственную инстанцию для руководства НКПС СССР¹.

После XVII съезда большевистской партии (1934 г.) Л.М. Каганович сумел сохранить свою позицию заместителя Сталина по партийным делам. Во время отпусков вождя Каганович продолжал руководить работой Политбюро и всего аппарата ЦК. Это являлось свидетельством значимости Л.М. Кагановича, по-прежнему считавшегося одним из наиболее деятельных лидеров партии². По мнению члена ЦК ВКП(б) К.Я. Баумана, партработники разделились на «Лазаревичей» (сторонников Л.М. Кагановича) и «Вячеславовичей» (сторонников В.М. Молотова), готовясь к «большой драке». А номенклатурные аппаратчики якобы даже высчитывали, чьих портретов вывешивалось больше — Молотова или Кагановича³.

Однако в середине 1930-х гг. ситуация стала меняться не в пользу Л.М. Кагановича. Произошли некоторые перестановки на руководящих партийно-государственных постах. После встречи группы членов Политбюро 27 февраля 1935 г. было принято важное решение, согласно которому Народный комиссариат путей сообщения СССР возглавил Л.М. Каганович, сохранив при этом пост секретаря ЦК. Но он был освобожден от обязанностей председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) и секретаря Московского областного комитета большевистской партии.

Вслед за этим, в результате уже упоминавшегося распределения обязанностей между секретарями ЦК ВКП(б), Л.М. Каганович, оставаясь по-прежнему секретарем ЦК, получил дополнительно к своей должности Народного комиссара путей сообщения СССР новое поручение: наблюдение за работой Московской областной и городской партийных организаций. Все это привело к тому, что Каганович, ранее являвшийся одним из ближайших сталинских соратников, в течение нескольких

¹ Сталин и Каганович. Переписка... С. 11.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 111.

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М., 2009. С. 141—142.

лет занимавший пост могущественного второго секретаря ЦК ВКП(б), заместителя вождя в большевистской партии, начал постепенно утрачивать прежние прочные позиции¹.

Еще одним завсегдатаем сталинской «застольной компании» в середине 1930-х гг. являлся Г.К. Орджоникидзе². Знакомство Орджоникидзе и Сталина началось во время Гражданской войны. Между ними установились близкие, доверительные отношения³. Однако из всех ближайших соратников вождя Орджоникидзе оказался едва ли не наиболее конфликтным. Верный и последовательный сторонник Сталина, он в то же время старался воспрепятствовать любым попыткам использовать себя как слепое орудие в чужих руках. Это был человек своевольный, обладавший тяжелым характером⁴. В переписке со Сталиным сам Орджоникидзе прямо признавал, что обладает невероятной вспыльчивостью и грубостью⁵. В свою очередь, вождь в одном из писем на имя Л.М. Кагановича отмечал, как бы между прочим: «Вы знаете, что он [Орджоникидзе] до глупости самолюбив»⁶. Примечательно, что как раз с Л.М. Кагановичем у Г.К. Орджоникидзе установились дружественные отношения⁷.

В сталинских «симпозионах» первой половины 1935 г., хотя и реже других соратников вождя, принимал участие М.И. Калинин⁸. Будучи одним из старейших членов большевистской партии, Калинин, предположительно, впервые увидел Сталина на IV «Объединительном» (Стокгольм, 1906) или на V съезде (Лондон, 1907) РСДРП. М.И. Калинин был по натуре простым, общительным и доброжелательным человеком. Вероятно, именно за эти качества после занятия им поста Председателя ЦИК СССР советская пропаганда окрестила его «всесоюзным старостой».

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 250–252.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 167, 173, 185; Димитров Г.М. Указ. соч. С. 120.

³ Хромов С.С. Указ. соч. С. 96; Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 107.

⁴ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 300.

⁵ Хромов С.С. Указ. соч. С. 97.

⁶ Цит. по: Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 88.

⁷ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 94.

⁸ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 167.

Над Калининым подшучивали другие большевистские функционеры, прежде всего члены Политбюро ЦК ВКП(б). Да он и сам с удовольствием выступал в роли чудаковатого старика, этакой «деревенщины»¹. Не случайно М.И. Калинин превратился в объект карикатур, шаржей и шутивых зарисовок, предназначенных для распространения в узком кругу представителей партийно-государственного руководства СССР².

После «кадровой перегруппировки» в большевистской партии, выразившейся, в частности, в выдвижении новых лиц и являвшейся формальной процедурой заполнения вакансий, убитого С.М. Кирова и умершего В.В. Куйбышева в составе Политбюро ЦК ВКП(б) заменили В.Я. Чубарь и А.И. Микоян. Они являлись к тому времени уже давними кандидатами в члены Политбюро, занимая одновременно важные государственные посты³.

Чубарь считался одним из старейших членов большевистской партии. Он впервые встретился со Сталиным во время Октябрьской революции 1917 г. По мнению некоторых исследователей, В.Я. Чубарь никогда не был по-настоящему близок к вождю⁴. Однако имеются основания для того, чтобы подвергнуть сомнению эти выводы. Именно Сталин способствовал выдвижению последнего на важный пост заместителя председателя СНК и СТО СССР⁵. Присутствие на сталинских «симпозионах» первой половины 1930-х гг.⁶ в определенной степени свидетельствует о близости В.Я. Чубаря к вождю.

Чубарь был общительным и легко находил контакт с окружающими. Он отличался большой эрудицией, прекрасно разбирался в финансово-экономических вопросах⁷. В данной

¹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1923—1938 гг. Т. 1. 1923—1926. М., 2007. С. 29.

² Ватлин А.Ю., Малашенко Л.Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007. С. 13; рис. 16, 17, 18, 19, 112, 133, 168.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 159.

⁴ Рубцов Ю.В. Указ. соч. С. 7; Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 301, 306.

⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 228.

⁶ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С.167; См. также Приложение № 3.

⁷ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 301.

связи представляется обоснованным назначение В.Я. Чубаря на ответственный пост заместителя председателя Совнаркома В.М. Молотова, который он совмещал с должностью Народного комиссара финансов СССР. Чубарь играл существенную роль в СНК СССР, активно участвуя в принятии важнейших экономических решений¹.

А.И. Микоян, как и В.Я. Чубарь, вошедший в первой половине 1930-х гг. в состав «питейной компании» вождя², познакомился со Сталиным осенью 1919 г., когда ездил в Москву с докладом о положении дел на Кавказе. Сталин, присмотревшись к Микояну, сумел объективно оценить его организаторские способности. В то же время А.И. Микояна отличали исполнительность, высокая работоспособность, но он отнюдь не страдал от амбициозности, не претендовал на главные роли в партийном и государственном руководстве³.

По рекомендации Сталина Микоян получил назначение на пост секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Затем он возглавил Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б). В 1926 г., несмотря на неоднократные попытки отказа от новой должности, по протекции Сталина А.И. Микоян был назначен Народным комиссаром внешней и внутренней торговли СССР.

Вождь постарался использовать Микояна в своих аппаратных играх и интригах, в частности, в попытках «усмирения» вспыльчивого и непокорного Г.К. Орджоникидзе⁴. В период ожесточенной борьбы за власть против политической оппозиции на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Сталину, нуждавшемуся в перспективных и преданных сторонниках, легко удалось привлечь на свою сторону А.И. Микояна, самого молодого из тогдашних народных комиссаров и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Микоян умело приспосабливался к резко менявшимся политическим обстоятельствам, не теряя своих позиций в ЦК ВКП(б) и Советском правительстве⁵.

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 229.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 167, 185; Димитров Г.М. Указ. соч. С. 120; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 351. Л. 66.

³ Павлов М.Ю. Указ. соч. С. 53.

⁴ Там же. С. 24–29.

⁵ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 299.

А.А. Андреев, подобно своим соратникам по Политбюро В.Я. Чубарю и А.И. Микояну, в первой половине 1930-х гг. также стал членом сталинской «питейной компании»¹. Андреев познакомился со Сталиным, предположительно, еще до Октябрьской революции. А.А. Андреев сочетал ответственность, интеллигентность, способность безропотно исполнять сталинские указания. Все это импонировало вождю².

Упоминавшиеся выше ключевые перемещения и перераспределение ролей в высших эшелонах власти в начале 1935 г. привели к тому, что место Л.М. Кагановича, утрачивавшего положение первого заместителя Сталина в партии, формально стал занимать новый секретарь ЦК ВКП(б) Андреев. Наряду с А.А. Ждановым и Н.И. Ежовым он входил в «тройку молодых» сталинских выдвиженцев, как их окрестили другие члены ЦК³.

Таким образом, к середине 1930-х гг. постепенно сложилась группа завсегдатаев сталинских застолий («симпозионов»), которые проводились, как правило, на кремлевской квартире либо на «ближней даче» вождя. В эту сталинскую «питейную компанию» органично вошли его соратники — члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, В.Я. Чубарь. Одновременно они принадлежали к «ближнему кругу», составляли сталинскую «эрац-элиту». Чаше всего на застольях у Сталина на его квартире бывали Андреев, Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов, которые жили по соседству с вождем в Кремле⁴.

2.2. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 и 27 апреля 1935 г.

Авторы, которые писали на «алкогольную тематику» (например, Л.Д. Мирошниченко и П.В. Романов), не определяя точно время проведения первого кремлевского приема, относили его и к 1935, и к 1936 гг. Романов связывал первый

¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи... С. 167.

² Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 298.

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 141.

⁴ Московский Кремль — питадель России. С. 187, 210, 241.

по времени сталинский банкет в Кремле с празднованием Международного женского дня (8 марта)¹.

В качестве источника информации об устройстве этого застолья порой используется интервью З.Н. Немцовой. Оно было опубликовано в 1988 г., в период горбачевской «перестройки», на волне антисталинской кампании, когда самой Немцовой было уже 90 лет. Она, в частности, поведала следующее: «Я помню, мне позвонила из Москвы (она проживала тогда в Ленинграде. — *В.Н.*) секретарь редакции журнала “Работница” Валя Кон, жена Александра Кона, экономиста и невестка Феликса Кона. Говорит: “Выберись в Москву. Сталин объявил, что в честь 8 марта будет банкет в Кремле. Я достала билеты“. Я поехала. Узнаю: дано указание, чтобы все наши деятельницы женского движения явились на банкет не нигилистками, в строгих английских костюмах, а выглядели женщинами, и чтобы наряд был соответствующий. Наши активистки носились по Москве как угорелые, приводили себя в предписанный Сталиным вид.

И вот — банкет. *Их раньше не проводилось* (выделено мной. — *В.Н.*)».

Интервью З.Н. Немцовой завершалось следующим утверждением: «С тех пор и начались по стране банкеты. Каждый местный вождь теперь получил право устраивать официальную пьянку (*sic!* — *В.Н.*)»². Из контекста ее рассказа можно понять, что данное застолье происходило до убийства С.М. Кирова, самое позднее, в марте 1934 г.

Между тем П.В. Романов сообщал: инициатива проведения первого кремлевского приема была выдвинута Сталиным в январе 1935 г. (подразумевалось, что само застолье произошло в начале марта 1935 г.). Вывод Романова оказался разительно схожим с тем, что был сделан в вышеупомянутом интервью З.Н. Немцовой: «С легкой руки вождя такие приемы были практически официально разрешены. И полилось вино рекой, заладились банкеты по любому поводу. Избранные мира сего (даже самого местечкового пошиба) считали своей обязанностью отметить какое-либо событие

¹ Романов П.В. Указ. соч. С. 364—365.

² Цит. по: Глотов С. Билет до Ленинграда // Огонек. 1988. № 7. С. 7.

торжественной пьянкой. Банкет стал нормой советских официальных отношений»¹.

Чтобы выяснить вопрос, как на самом деле обстояло дело с организацией первых банкетов (приемов) в Кремле, необходимо обратиться к заслуживающим доверия историческим источникам.

Политические репрессии 1930-х гг. затронули представителей советской элиты. Но они являлись лишь одной из составляющих сложного и многообразного процесса формирования социальной базы сталинского режима, хотя чаще всего и удостаивались внимания историков и публицистов. На смену большевикам «ленинской гвардии», многие из которых были физически уничтожены в 1937—1938 гг. как «враги народа», приходили сталинские «выдвиженцы». Эта генерация была представлена людьми молодого и среднего возраста, имевшими преимущественно пролетарское либо крестьянское происхождение. Они направлялись на партийную, комсомольскую, хозяйственную работу, составляли основу командного и политического состава Красной армии. Сталин и его ближайшие соратники ясно осознавали важную роль Вооруженных Сил в условиях надвигавшейся войны, когда СССР практически вступил в предмобилизационный период. Их командный состав большевистский вождь хотел видеть преданным не только «делу защиты социалистического Отечества», но и себе лично.

Стремясь найти в Красной армии надежную опору, вождь использовал самые различные методы. Так, на высшие командные должности назначались люди, с которыми Сталин был связан по службе еще со времен Гражданской войны. Особое предпочтение отдавалось «первоконникам» — тем, кто служил в Первой Конной армии, входившей в состав Юго-Западного фронта в 1919—1920 гг. Сталин являлся тогда членом Реввоенсовета этого фронта. «Первоконники» (К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый, А.И. Егоров и другие) во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. постепенно составили руководящий костяк Народного комиссариата по военным и морским делам.

¹ Цит. по: Романов П.В. Указ. соч. С. 365.

Большевистское руководство понимало необходимость количественного и качественного роста командного и технического состава Красной армии. Поэтому оно предпринимало практические шаги по расширению сети военно-учебных заведений и, в частности, — академий. Первой советской общевойсковой академией явилась расположенная в Москве Академия Генерального штаба (1918 г.), которая готовила старших и высших командиров. В Петрограде последовательно открылись: в конце 1917 г. Военно-инженерная академия, в 1918 г. — Артиллерийская, Военно-медицинская (с 1935 г. — Академия им. С.М. Кирова) и Военно-морская академии. В 1925 г. на базе Военно-инженерной и Артиллерийской академий в Ленинграде была создана Военно-техническая академия РККА. Для подготовки высококвалифицированных политработников в 1919 г. начал действовать Петроградский учительский институт Красной армии, преобразованный затем в Военно-политический институт, а в 1925 г. в Военно-политическую академию им. Н.Г. Толмачева (с 1938 г. — Военно-политическая академия им. В.И. Ленина в Москве). В 1920 г. в Москве возник Институт инженеров Красного Военно-Воздушного Флота (с 1925 г. — Академия ВВС РККА им. Н.Е. Жуковского). В 1940 г. из нее выделилась Военно-воздушная академия командного и штурманского состава ВВС.

Проходившая в 1930-е гг. на базе индустриализации реорганизация Вооруженных Сил и увеличение их технического оснащения потребовали подготовки командного состава высокой квалификации для бронетанковых, химических, инженерных войск, войск связи и др. Для реализации данной задачи в Москве были созданы следующие военные академии: Моторизации и механизации Красной армии (1932), Военно-транспортная (1932 г.; в 1938 г. переведена в Ленинград), Военно-химическая (1932 г.); Военно-юридическая (1939 г.).

29 марта 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании Академии Генерального штаба РККА¹. Это высшее военное учебное заведение выполняло задачи подготовки командных кадров старшего и высшего звена Красной армии, разработки важнейших проблем современной военной науки и военного искусства.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1101. Л. 90.

В последние предвоенные годы Академия Генерального штаба подготовила свыше 600 высококвалифицированных командиров. К преподаванию в академии были привлечены лучшие профессора, крупные военные ученые и опытные военачальники¹. В эту Академию, как правило, принимались представители командного состава РККА, уже прошедшие курс в других военных академиях (с 1940 г. — также генералы и адмиралы). Она готовила представителей оперативно-стратегического звена, имела целью осуществлять переподготовку руководящих военных кадров. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 г. ей было присвоено имя К.Е. Ворошилова.

Всего к 22 июня 1941 г. в Советском Союзе существовало 19 военных академий².

Для того чтобы приблизить к себе, расположить, подчинить своей личной власти командный и начальствующий состав Красной армии Сталин использовал и такой действенный метод, как устройство для ее представителей многолюдных застолий. Наряду с К.Е. Ворошиловым он стоял у истоков новой советской традиции — организации больших кремлевских приемов.

В 1918 г., после двухсотлетнего пребывания Москвы в роли «второй» российской столицы, древнему русскому го-

¹ Академия Генерального штаба. История Военной орденов Ленина и Суворова I академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова. М., 1976. С. 9—10, 44.

² В Москве к началу Великой Отечественной войны размещались следующие военные академии: Генерального Штаба имени К.Е. Ворошилова; имени М.В. Фрунзе; Моторизации и механизации имени Сталина; Артиллерийская имени Ф.Э. Дзержинского; Военно-Воздушная имени Н.Е. Жуковского; Военно-политическая имени В.И. Ленина; Военно-инженерная имени В.В. Куйбышева; Военно-юридическая; Химзащиты имени К.Е. Ворошилова; Военно-ветеринарная; в Монино — Командного и штабманского состава; в Ленинграде — Военно-воздушная им. А.Ф. Можайского; Военно-техническая имени С.М. Будённого; Военно-транспортная имени Л.М. Кагановича; Военно-медицинская имени С.М. Кирова; Военно-морская медицинская; Военно-морская имени К.Е. Ворошилова; в Куйбышеве — Военно-медицинская; в Харькове — Интендантская (*Калашников К.В., Фесков В.И., Чмыхало А.Б., Голиков В.И.* Красная армия в июне 1941 года (статистический сборник). Новосибирск, 2003. С. 119).

роду был возвращен статус настоящей столицы, уже нового, Советского государства (с 1922 г. — Союза Советских Социалистических Республик). Разрушения времен Гражданской войны и кампания по уничтожению памятников царской эпохи не затронули Большой Кремлевский дворец. Именно здесь стали проводиться завтраки, которые устраивались от имени Реввоенсовета СССР — коллегии Наркомата по военным и морским делам. В 1925 г., после смерти М.В. Фрунзе, председателем РВС и народным комиссаром по военным и морским делам был назначен ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов.

Ежегодно 1 мая (в День международной солидарности трудящихся) на Красной площади организовывались своеобразные смотры боевой выучки и технической оснащенности бойцов и командиров РККА — грандиозные военные парады. К началу 1930-х гг. сложился обычай приглашать участников первомайских парадов в Кремль на завтрак, сопровождавшийся небольшой концертной программой. Участники парада удостоивались такой чести на другой день после его проведения (2 мая).

Также ежегодно в Кремле, по инициативе К.Е. Ворошилова, проходила церемония очередного выпуска слушателей Военной академии имени М.В. Фрунзе, на которой присутствовали члены Советского правительства. Первоначально Ворошилову удавалось улаживать все дела с организацией каждого выпуска путем переписки с Секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе, поскольку Большой Кремлевский дворец находился в распоряжении и использовании ЦИК (об этом см. подробнее ниже). Например, 23 марта 1929 г. народный комиссар по военно-морским делам и председатель Реввоенсовета СССР писал Енукидзе: «15-го июня предстоит очередной выпуск 3-х факультетов Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе. *По примеру прошлых лет* (выделено мной. — В.Н.) этот выпуск предполагается провести в Кремле в виде представления выпускников Правительству. Прошу о Вашем согласии на это, равно и о принятии на счет Правительства связанных с выпуском расходов»¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 41. Л. 48.

В следующем, 1930 г. К.Е. Ворошилов обращался непосредственно в Политбюро ЦК ВКП(б). Его просьба на сей раз состояла в том, чтобы члены высшего партийного руководства приняли участие в торжествах по случаю очередного выпуска, но уже не одной, а сразу нескольких военных академий. К сожалению, в письме Ворошилова не были перечислены названия этих академий.

В ответ последовало постановление от 30 апреля 1930 г.: «а) *рекомендовать* (выделено мной. — В.Н.) членам Политбюро принять участие в заседании по случаю выпуска военных академий; б) поручить т. Калинин¹ выступить с речью при открытии заседания»¹. Примечательно, что данное постановление не распространялось на генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, которому с 4 мая 1930 г. Политбюро предоставило трехнедельный отпуск для подготовки текста отчетного доклада на предстоящем XVI съезде большевистской партии².

«Ворошиловские завтраки», которые устраивались в первой половине 1930-х гг. в честь выпускников военных академий, отличались большим размахом как по количеству участников (их насчитывалось до 2000 чел.)³, так и по количеству дефицитных продуктов питания, которые оказывались на гостевых столах. Например, для подобного рода завтрака, организованного 2 мая 1933 г., на котором присутствовал Сталин⁴, было отпущено: 450 кг мяса и кур, 150 кг копченой колбасы, 200 кг рыбных продуктов (осетр, севрюга, балык, сельдь, судак), а также сыр, масло, чай, папиросы⁵. Нелишне напомнить, что это роскошное кремлевское застолье было устроено в условиях, когда ряд регионов СССР оказался охваченным невиданным голодом, начавшимся в 1932 г., жертвами которого стали миллионы людей.

Торжественные выпуски «военных академиков» производились, как правило, 4 или 5 мая. В роли полноправного хозяина

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 830. Л. 65.

² Там же. Л. 91.

³ ЗРС. Док. № 2.

⁴ Подробнее об этом завтраке см.: ЗРС. С. 41—45.

⁵ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М., 1993. С. 70, прим. 24.

на них выступал К.Е. Ворошилов. После того, как в июне 1934 г. Реввоенсовет был упразднен, военное ведомство получило новое наименование — Народный комиссариат обороны СССР, а Ворошилов встал во главе вновь образованного наркомата.

Представители высшего партийного руководства в первой половине 1930-х гг. посещали «ворошиловские завтраки» в Кремле в качестве почетных гостей. Однако задерживались они на этих застольях лишь на 2-3 часа и, как правило, не дожидаясь окончания, удалялись. Например, К.Е. Ворошилов заявлял на банкете в честь выпускников военных академий РККА 4 мая 1934 г.: «Все мы здесь присутствующие — Члены Правительства с большим удовольствием хотели бы провести вместе с вами время, но, принимая во внимание, что мы должны идти *заседать* (выделено мной. — В.Н.), разрешать важнейшие хозяйственные вопросы нашей страны, — разрешите нам покинуть вашу торжественную трапезу»¹. В тот день состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б)², на которое и отправились Ворошилов и другие соратники Сталина после того, как поздравили «военных академиков».

Советские средства массовой информации, находившиеся под строгим контролем партийной цензуры, в отчетах о кремлевских завтраках и обедах в честь представителей военной элиты использовали обтекаемые формулировки, которые, однако, в определенной степени отражали специфику подобного рода событий. Так, газета «Правда» писала, что 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском дворце «на завтраке, организованном Реввоенсоветом Союза, состоялась *встреча* (выделено мной. — В.Н.) руководителей партии и правительства с участниками первомайского парада». Сообщение об этом завтраке имело характерный подзаголовок: «Товарищ Сталин, члены Политбюро и правительства *среди* (выделено мной. — В.Н.) лучших ударников Красной Армии»³.

В 1935 г., после убийства С.М. Кирова, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление о радикальных мерах по

¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 29.

² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог. Т. 2. 1930 — 1939. М., 2001. С. 527.

³ Правда. 1934. 4 мая.

совершенствованию охраны территории Кремля (об этом более подробно будет сказано ниже). В создавшейся ситуации К.Е. Ворошилов, который фактически лишился возможности по собственной инициативе устраивать в Кремле застолья для представителей командного состава РККА, решил «проверентилировать» ситуацию. 19 апреля 1935 г. он направил членам Политбюро и лично Сталину записку следующего содержания: «В прошлые годы майский выпуск Военных Академий производился в Москве в Кремле в присутствии членов Политбюро и Правительства. В мае этого года выпускаются из Академий 1076 человек, из них 145 человек, расположенных в Ленинграде. Считал бы необходимым и в этом году по установившейся традиции выпуск Академий произвести в Кремле (4-го мая)»¹. 28 апреля высший партийный орган удовлетворил эту просьбу наркома обороны. По данному вопросу было принято лаконичное решение: «Произвести выпуск из Военных Академий в Кремле 4 мая»². События, происходившие на этом кремлевском приеме 4 мая 1935 г., отражены в научной публикации³.

27 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О приеме Партией и Правительством войск, участвующих в первомайском параде»⁴. К сожалению, инициативных материалов, послуживших поводом для его утверждения, выявить не удалось. Можно лишь предположить, что и в данном случае инициатором являлся К.Е. Ворошилов. Это постановление Политбюро формулировалось следующим образом: «Признать целесообразным организацию приема партией и правительством 2 мая в Большом Кремлевском дворце представителей войск, участвующих в майском параде (летчиков, танкистов, артиллеристов, кавалеристов и др. родов войск) в общем количестве до 1500 человек»⁵.

Примечательно, что Сталин внес в представленный первоначально проект постановления незначительную правку,

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 120.

² Там же. Оп.3. Д. 963. Л. 12.

³ ЗРС. Док. № 7–9.

⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... Т. 2. С. 646.

⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 66.

которая, однако, имела важную смысловую нагрузку. После слов «организацию приема» вождь вписал красным карандашом: «партией и». Сталин акцентировал внимание на том, что прием участников первомайского парада в Кремле организуется не только по инициативе Советского правительства, которое возглавлял один из его ближайших соратников В.М. Молотов, но и большевистской партии, руководимой им самим. Данное обстоятельство и было зафиксировано в упомянутом решении Политбюро от 27 апреля.

Таким образом, в конце апреля 1935 г. высший партийный орган принял два важных постановления, фактически узаконивших складывающуюся традицию организации застолий для командного и рядового состава Красной армии. Во-первых, благодаря этому значительно повысился их статус: и они официально стали именоваться *приемами*. Отныне не наркомат обороны, а высшее руководство большевистской партии и Советского правительства во главе со Сталиным стали выступать в роли организаторов и хозяев, т.е. *принимать* представителей военной элиты. Во-вторых, согласно решениям Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 28 апреля 1935 г. устанавливалось место проведения приемов — Большой Кремлевский дворец.

Центральная советская печать соответствующим образом отреагировала на подобное важное изменение статуса кремлевских застолий, которые устраивались для военной элиты. Например, «Правда» поместила следующую информацию: «2 мая, в 6 часов вечера, *в залах Большого Кремлевского Дворца состоялся прием участников парада, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством СССР* (выделено мной — В.Н.)». Отчет об этом застолье был помещен в газетах под характерным заголовком: «Участники первомайского парада на приеме в Кремле 2 мая 1935 г.»¹. Позднее они описывали «прием выпускников военных академий РККА, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством Союза СССР»².

Следовательно, приведенное выше свидетельство З.Н. Немцовой, как и ничем не подкрепленный вывод П.В. Ро-

¹ Правда. 1935. 4 мая.

² Правда. 1939. 8 мая.

манова относительно времени и непосредственного повода для проведения первого приема в Кремле, вряд ли можно брать в расчет.

Выявленные автором данной монографии архивные материалы со всей очевидностью позволяют утверждать следующее. Собственно термин «прием» применительно к кремлевским застольям появился в документах Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 28 апреля 1935 г. Первые приемы в Кремле были организованы не по поводу празднования Международного женского дня, а в связи с чествованием представителей Вооруженных Сил СССР. В полном соответствии с решениями высшего партийного органа приемами были названы в советской печати грандиозные застолья для участников праздничного первомайского парада и для выпускников военных академий, устроенные, соответственно, 2 и 4 мая 1935 г. в залах Большого Кремлевского дворца¹.

2.3. Топография событий

Крепость в качестве архитектурного символа власти (и в этом смысле Московский Кремль не являлся исключением), олицетворяет убежище и защиту. Ее сакральный смысл состоит также в том, что она призвана символизировать власть². С усилением режима Сталина предпринимались беспрецедентные меры по усилению внешней и внутренней охраны Московского Кремля, а сама возможность попасть на его территорию для обычного человека оказалась с середины 1930-х гг. просто нереальной. Так, выпускник Военно-транспортной академии П.А. Кабанов вспоминал: «В Кремле я был первый раз в жизни. Ведь свободный доступ туда был закрыт»³. В свою очередь, П.М. Гаврилов, окончивший Военную академию им. М.В. Фрунзе, так описывал свои впечатления от посещения кремлевской территории: «Вот

¹ Правда. 1935. 4 мая. В этой же газете банкет в честь представителей металлургической и угольной промышленности (29 октября 1937 г.) назывался и «приемом», и «дружеской встречей» (Правда. 1937. 31 окт.).

² Ковачев А.Н. Указ. соч. С. 251.

³ Кабанов П.А. Указ. соч. М., 1973. С. 49.

и Боровицкие ворота. Нас приветствует часовой и пропускает на территорию Кремля, где я раньше никогда не был. Идем группами мимо Оружейной палаты, справа в нежном зеленом наряде Александровский сад»¹.

Дворец, как правило, привносит атрибуты величия, сокровища и тайны. Конструкция дворца подчиняется определенным правилам ориентации². В подобном контексте можно рассматривать и Большой Кремлевский дворец, где проводились сталинские приемы. Он, несомненно, является одним из наиболее выдающихся памятников русской архитектуры и зодчества.

Идея реконструкции древней резиденции русских царей, расположенной в Кремле, принадлежала императору Николаю I. По его повелению в 1838 г. начались перестройка и отделка царского дворца, призванного не только стать достойным украшением древней столицы России, но и символически связать воедино память о минувшем с великими событиями отечественной истории. Работы по проектированию возглавил выдающийся архитектор К.А. Тон. Они проводились при участии известных зодчих Н.И. Чичагова, В.А. Бакарева, П.А. Герасимова, Ф.Ф. Рихтера и продолжались свыше десяти лет.

Большой Кремлевский дворец был торжественно освящен в апреле 1849 г. По своему статусу он равнялся Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, являясь официальной резиденцией императора. В нем прошли торжества по случаю трех коронаций российских императоров: Александра II (1856 г.), Александра III (1883 г.) и Николая II (1896 г.) Романовых³.

Большой Кремлевский дворец является сложным архитектурным ансамблем, который складывался на протяжении пяти веков. Главный корпус дворца оказался искусно вмонтированным в более древние парадные сооружения с их палатами, теремами, домашними царскими и боярскими церковками⁴. Во дворце, одном из крупнейших сооружений Европы (его

¹ Цит. по: *Гаврилов П.М.* Указ. соч. С. 8.

² *Ковачев А.Н.* Указ. соч. С. 251.

³ Московский Кремль — цитадель России. С. 182.

⁴ *Веденин А.Я.* Годы и люди. М., 1964. С. 167.

общая площадь превышает 20000 м²) размещены: парадные вестибюль и лестница; аванзал и анфилады орденских залов; Собственная и Парадная половины. В числе других старинных построек XVI—XVII вв. в дворцовый комплекс органически вошла и Грановитая палата.

После Октябрьской революции 1917 г., установления советской власти и возвращения Москве статуса столицы государства, Кремль стал символизировать эту новую власть. Однако Большой Кремлевский дворец становится объектом споров между несколькими ведомствами, которые претендовали на право распоряжаться им: Народный комиссариат просвещения РСФСР; Комендатура Московского Кремля; ЦИК в лице административно-хозяйственного отдела¹.

В 1924 г. Президиум ЦИК принял постановление, согласно которому Дворец оставался «в целом зданием музейного значения». Однако он состоял в ведении и обслуживался в административном и хозяйственном отношении Административно-хозяйственным отделом ЦИК².

Парадные помещения Большого Кремлевского дворца использовались большевистским руководством для проведения различных представительных совещаний и форумов. В Андреевском зале в начале 1920-х гг. проходили конгрессы Коминтерна. 1 мая 1925 г. в Большом Кремлевском дворце был организован первый за послереволюционное время торжественный обед. По этому случаю из сервизной кладовой Дворца было выдано 850 шт. рюмок и 849 шт. фужеров. Во время застолья гости разбили: рюмок 24 шт.; фужеров — 27 шт.³

Как правило, дворец всегда имеет конструктивную часть, доминирующую по вертикальной оси⁴. Такой доминирующей частью Большого Кремлевского дворца является один из его орденских залов — Георгиевский, в котором благодаря таланту строителей и архитекторов удалось воплотить идею памяти о многих поколениях людей, служивших России на военном поприще и отличившихся в сражениях за нее. Об-

¹ Московский Кремль — питадель России. С. 183—184.

² Там же. С. 185—186.

³ Там же. С. 249.

⁴ Ковачев Н.И. Указ. соч. С. 252.

щая площадь этого парадного помещения превышает 1200 м², а высота потолка достигает 17,5 м. Свое название зал получил от учрежденной в 1769 г. императрицей Екатериной II высшей воинской награды — ордена Святого Георгия. В оформлении его была использована символика этого ордена. 18 витых цинковых колонн венчают аллегорические статуи Победы. В нишах и на откосах столбов помещены мраморные доски, на которые нанесены названия 546-ти прославивших себя победами российских полков, а также имена Георгиевских кавалеров.

Согласно газетным отчетам, довольно часто большие кремлевские приемы устраивались собственно в Георгиевском зале (имеются в виду случаи, когда не были задействованы для размещения гостей другие парадные помещения Большого Кремлевского Дворца)¹.

По мнению В.М. Молотова, Георгиевский зал был наиболее подходящим местом для проведения кремлевских застолий². Однако для подавляющего числа участников большого кремлевского приема, впервые приглашенных на подобное торжество, оно представлялось чем-то неведомым. Например, уже упоминавшийся выше выпускник Военно-транспортной академии П.А. Кабанов, услышав, что необходимо следовать в это парадное помещение Кремля, про себя подумал: «Будто мы знали, что это за Георгиевский зал!». Он так описывал это помещение: «Входим в Георгиевский зал и останавливаемся очарованные... Играющие всеми цветами радуги хрустальные люстры, молочно-белые мраморные стены — все как в сказке! Даже после повторного приглашения заходить и рассаживаться за столами никто из нас не решался шагнуть в этот сказочно красивый зал»³. Перед полярным исследователем И.Д. Папаниным и его спутниками, после того как перед ними открылись парадные двери, предстала такая картина: «Мы увидели ослепительный сверкающий зал. Длинные ряды красиво убранных столов»⁴.

¹ Правда. 1936. 26 мая; 1937. 1 июня, 26 июня, 27 июля, 24 авг.; 1938. 21 янв., 18 марта; 1939. 7 мая; 1940. 30 мая, 11 авг., 31 окт., 1941. 23 апр.; 1945. 26 мая, 1 июля; 1949. 24 дек.

² Чуев Ф. Указ. соч. С. 96.

³ Цит. по: Кабанов П.А. Указ. соч. С. 53.

⁴ Встречи с товарищем Сталиным. С. 34.

Ю.Б. Елагин следующим образом передавал свои впечатления от этого красивейшего помещения: «Зал поражает нас обилием света. Это Георгиевский зал — нарядный, двухсветный, белый зал — парадный зал для кремлевских приемов и банкетов»¹. Академик С.И. Вавилов считал, что этот зал — блистательный, «не красивый, но блистательный»².

А.П. Иванов, участник концерта, которым сопровождался прием командующих войсками Красной армии, отмечал в дневнике, что в зале ярко сияли хрустальные люстры³. С.В. Образцов вспоминал: на банкете в честь участников парада Победы перед ним предстал Георгиевский зал, который «был золотой» не только от золота люстр, но и от «золотых имен георгиевских кавалеров, написанных на мраморе стен, от золота погон, от сверкающего золота бесчисленных орденов, от золота шампанского в хрустальных бокалах»⁴.

В данной связи представляется совершенно справедливым замечание группы учащихся Московской художественной школы, посетивших выставку, посвященную 70-летию Сталина. На этой выставке, в частности, экспонировалась картина художника М.И. Хмелько «За великий русский народ», запечатлевшая момент произнесения вождем на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. этого ставшего знаменитым тоста: «Говорят, в ней (картине Хмелько. — *В.Н.*) очень много света, но на самом деле света в ней нет, и освещение кажется даже тусклым, что придает Георгиевскому залу даже немного мрачный вид»⁵.

В 1932—1934 гг. в Большом Кремлевском дворце была проведена масштабная реконструкция. Парадные орденские залы Андреевский (тронный зал — до 1917 г.) и Александровский были объединены в один большой Зал заседаний (проект архитектора И.А. Иванова-Шица). В Зале заседаний имелось

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 306.

² Вавилов С.И. Указ. соч. С. 26.

³ Алексей Иванов — богатырь оперной сцены. С. 220; Алексей Иванов. На сцене и в жизни. С. 188.

⁴ Образцов С.В. По ступенькам памяти. С. 174; *он же*. Моя профессия. С. 577.

⁵ Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 333.

3500 посадочных мест. Здесь проходили съезды ВКП(б), Советов, а также сессии Верховных Советов СССР¹.

Для обеспечения этого нового помещения и размещения различных служб был разрушен древнейший в Москве храм Спаса на Бору. На его месте возвели пятиэтажную гостевую пристройку. Красное крыльцо заменила двухэтажная столовая для делегатов съездов, а в прежнем Зимнем саду расположился кремлевский кинотеатр Сталина.

Когда количество приглашенных на прием было сравнительно небольшим (до 500 чел.), он проводился в одной лишь Грановитой палате — древнейшем гражданском здании Москвы конца XV в. В сооружении Грановитой палаты принимали участие специально приглашенные в Москву лучшие итальянские зодчие Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари. Она имеет форму квадрата с массивной четырехгранной, мастерски исполненной опорой посередине, которая постепенно расширяясь, вверху незаметно переходит в стрельчатые своды. Грановитая палата хорошо освещена, украшена росписью на церковно-исторические темы. Входная дверь в нее имеет великолепный золоченый портал. Общая площадь Парадного (Светлого) зала Грановитой палаты достигала около 500 м².

Для проведения кремлевских приемов помещение одной лишь Грановитой палаты было задействовано во второй половине 1930-х гг. всего четыре раза. Столь же редко для их устройства использовались одновременно помещения Георгиевского зала и Грановитой палаты².

После сооружения в Большом Кремлевском дворце Зала заседаний и гостевой пристройки Дворец обрел общегосударственный статус. Здесь проходили все важнейшие государственные мероприятия³, в том числе — большие кремлевские приемы. Во время банкетов, когда количество гостей превышало 1000 чел., помимо Георгиевского зала и Грановитой палаты, они размещались еще в одном парадном зале — Владимирском

¹ Здесь и далее при описании парадных помещений Большого Кремлевского Дворца использовано издание: *Девятков С., Журавлева Е.* Указ. соч.

² Правда. 1938. 18 апр., 28 окт.; 1939. 5 июня, 5 нояб.

³ Московский Кремль — цитадель России. С. 187—188.

и в других помещениях¹. Владимирский зал получил свое наименование от учрежденного Екатериной II в 1782 г. ордена Святого Равноапостольного князя Владимира. Задуманный по форме как квадратный, этот зал, благодаря наличию специальных угловых ниш, имел в завершенном виде форму восьмигранника, символизировавшего православный крест. Стены Владимирского зала выложены розовым мрамором, имеют большие, широкие арки. Вверху — хоры, скрытые аркадой. Оттуда открывается прекрасный вид на Георгиевский зал². Владимирский зал можно считать своеобразным ядром всего дворцового комплекса и главным соединительным звеном между древними и новыми частями Большого Кремлевского дворца. Из него стеклянные двери с изображением знака Георгия Победоносца ведут в Георгиевский зал.

15 июля 1939 г. развернулись работы по переоборудованию помещений Большого Кремлевского дворца. Комендант Московского Кремля представил смету для их проведения, которая была утверждена СНК СССР в сумме 938 тыс. руб. Большая часть этой суммы предназначалась для капитального ремонта Георгиевского зала. 12 июня 1939 г. на основании докладной записки Председателя СНК В.М. Молотова Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, согласно которому указанная сумма должна была ассигноваться из резервного фонда СНК СССР. Завершение всех работ намечалось на 1 сентября 1939 г.³.

В период ремонтных работ местом проведения кремлевских приемов был избран Зал заседаний Верховного Совета РСФСР⁴.

Основное действо во время больших кремлевских приемов (за исключением тех случаев, когда все участники банкета размещались в одной лишь Грановитой палате) разворачивалось именно в Георгиевском зале. Здесь вместе с гостями находились и представители советского партийно-государственного

¹ Правда. 1935. 4 мая, 6 мая, 2 авг.; 1936; 4 мая 1937. 4 мая; 1939. 6 мая; 9 нояб.; 1941. 4 мая, 6 мая; 1945. 27 июня; 1948. 23 июля.

² Веденин А.Я. Указ. соч. С. 169.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1228. Л. 165.

⁴ Правда. 1939. 21, 28 июля.

руководства во главе со Сталиным. 24 июня 1945 г. в проведении приема задействованные помещения Большого Кремлевского дворца впервые были радиофицированы. Поздравления и выступления артистов по радио транслировались из Георгиевского зала, где был установлен микрофон, в другие парадные залы¹.

Гостям, приглашенным на банкет, предоставлялась уникальная возможность осмотра не имеющих аналогов помещений Большого Кремлевского дворца. По широкой лестнице в 66 ступеней, через Аванзал с камином из зеленой яшмы гости попадали в другие парадные залы. Аванзал, небольшой по площади, достаточно скромно оформленный, имеет собственное смысловое значение. Единственным его украшением всегда являлось живописное полотно: в конце XIX в. в Аванзале появилась картина И.Е. Репина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве»².

Министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп, который во время своего второго официального визита в Москву (27–28 сентября 1939 г.) был приглашен Сталиным на дипломатический раут в Большой Кремлевский дворец, вспоминал: «Поднимаясь с нашей делегацией по огромной лестнице бывшего царского дворца, где проходил прием, я, к своему удивлению, увидел большую картину, на которой был изображен царь Александр III со своими крестьянами после отмены крепостного права». В сочетании с художественным фильмом «Петр Первый», который как раз шел тогда на московских экранах, наличие этой картины представлялось Риббентропу знамением определенной эволюции «тезиса о мировой революции в более консервативном направлении»³.

Несколько иначе воспринималось полотно И.Е. Репина советскими функционерами той поры. Вот как, например,

¹ Жилев В., Богомолова В. Как принимали гостей в Кремле // Интернет-ресурс: <http://kremlin-9.rosvesty.ru/news/131>.

² Московский Кремль — цитадель России. С. 187.

³ Цит. по: Иоахим фон Риббентроп. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи: Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. М., 1996. С. 160–161. См. также: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 24.

описывал свои впечатления от него Ю.И. Палецкис: «Еще издали видна большая картина, изображающая “хозяина земли русской”, царя Александра III, с делегацией волостных старшин. Слева грузный, надменный царь, окруженный генералами и сановниками в блестящих мундирах, а перед ними большая группа крестьян в подобострастных позах»¹.

Таким образом, для размещения многочисленных гостей, которые приглашались на приемы в Большой Кремлевский дворец, использовались парадные Георгиевский и Владимирский залы, а также Грановитая палата. При этом в Георгиевском зале проходило основное действие: здесь присутствовали Сталин и его ближайшие соратники. В этом зале также проходили концерты, которыми сопровождались большие кремлевские приемы.

2.4. Усиление охраны Кремля

Сразу после переезда правительства в Москву было создано Управление коменданта Московского Кремля. В 1918 г. охрана Кремля была возложена на курсантов Советских пулеметных курсов командного состава РККА. В 1919 г. они получили новое наименование: 1-е Московские Советские пулеметные курсы РККА. В 1921 г. эти курсы стали сначала носить название «Школа имени ВЦИК Советов», а затем — «1-я Советская объединенная военная школа РККА»². Ее шефом стал в 1922 г. ВЦИК. В 1923 г. Школа была вновь переименована: в 1-ю Объединенную командную школу им. ВЦИК. В 1923 г. утвердили штат Школы. В ее составе были сформированы два стрелковых батальона курсантов, артиллерийский дивизион курсантов и учебно-стрелковый батальон в составе красноармейцев — военнослужащих срочной службы.

В 1925 г. последовало новое переименование этого военного учебного заведения, которое получило название Объединенной военной школы им. ВЦИК. Ее курсанты стали реже использоваться в караулах по охране Кремля. Школа являлась резервной войсковой частью. Задачи охраны Кремля и его

¹ Палецкис Ю. Указ. соч. С. 206.

² Московский Кремль — питадель России. С. 256–257.

территории все чаще выполняли военнослужащие учебно-стрелкового батальона¹.

Согласно положению ВЦИК от 12 сентября 1924 г., охрана всех помещений Большого Кремлевского дворца, как с внешней, так и с внутренней стороны, относилась к обязанностям АХО ЦИК. Для заведования Дворцом при АХО ВЦИК учреждалась должность его коменданта. Комендант Дворца, согласно положению от 1 октября 1925 г., осуществлял общее заведование зданием, нес ответственность за его состояние и за сохранность имущества. Он находился в непосредственном подчинении заведующего АХО ЦИК. В обязанности коменданта Большого Кремлевского дворца входила внутренняя и наружная охрана всех его помещений. Во время проведения съездов, конференций с участием высшего руководства страны персонал Дворца полностью переходил в распоряжение его коменданта².

В 1927 г. создали отдельную роту для несения службы на особо ответственных участках. Формирование ее началось в 1928 г., когда в здании правительства, в помещениях ЦИК и Совнаркома гражданских сторожей на внутренних постах сменили красноармейцы учебного батальона. В 1931 г. из него выделили роту дежурных командиров специальной охраны. Позднее возникла рота охраны, состоявшая из военнослужащих-сверхсрочников, несших службу на постоянной основе.

В 1930 г. было упразднено специальное отделение ВЧК — ОГПУ, которое ранее обеспечивало безопасность руководителей СССР и охрану правительственных объектов, в том числе Кремля. Функции этого отделения перешли к Оперативному отделу ОГПУ (Оперод, начальник отдела — К.В. Паукер). В Оперод входила комиссарская группа специальной охраны (4-е отделение). В 1931 г. при реорганизации Оперода функции государственной охраны — обеспечение безопасности членов правительства, обслуживание кремлевских учреждений и правительственных объектов — остались за сотрудниками этого отделения³.

¹ Там же. С. 262.

² Московский Кремль — цитадель России. С. 186—187.

³ Там же. С. 278.

Дальнейшая реорганизация системы государственной охраны была связана с упразднением ОГПУ (1934 г.). Его подразделения вошли в состав Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. В структуре НКВД возникло Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) во главе с самим наркомом. В рамках ГУГБ НКВД СССР всю работу по охране высших должностных лиц государства, дипломатического корпуса и по обеспечению безопасности при проведении общественных мероприятий с участием руководителей государства осуществлял оперативный отдел¹.

Некоторое представление о том, каким образом была организована охрана кремлевской территории в начале 1930-х гг. дает дневниковая запись, сделанная историком С.А. Пионтовским 23 марта 1934 г.: «20 марта неожиданно утром от имени наркома просвещения Бубнова меня вызвали на заседание Политбюро. Сказали, что вызывают 12 чел., не указавши кого. Сказали адрес — Кремль, Троицкие ворота. В 2 часа пришел к Троицким воротам, но в бюро пропусков оказалось, что ничего об этом не знают, да и пропусков в здание Совнаркома из Троицких ворот не дают, а дают их у Никольских ворот <...>. Выяснили точно, что получить пропуска можно только у Никольских ворот <...>. Добрались до Никольских ворот, народу прибавилось. Когда подошли к окну выдачи пропусков, при нас по телефону стали диктовать списки с указанием 12 чел. Наконец выдали пропуска»².

После убийства С.М. Кирова органы НКВД в январе 1935 г. завели так называемое «Кремлевское дело», или «дело “Клубок”». Были предприняты практические шаги по усилению мер безопасности первых лиц государства. В задачу следствия входило доказать существование заговора с целью физического устранения Сталина и других представителей узкого кругасоветского руководства. При агентурной разработке органами НКВД сотрудников ЦИК СССР выявились факты, вызвавшие раздражение вождя. К ним, в частности, относилось благосклонное отношение секретаря ЦИК А.С. Ену-

¹ Там же. С. 278–279.

² Цит. по: *Литвин А.* Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 55.

кидзе к бывшим меньшевикам и эсерам; наличие в партийной среде родственников сталинского политического оппонента Л.Б. Каменева, распространение различных слухов, касавшихся личной жизни Сталина (в частности, обстоятельств смерти его второй жены Н.С. Аллилуевой)¹.

Пока велось следствие, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило 14 февраля 1935 г. (по представлению народного комиссара внутренних дел Г.Г. Ягоды) важное решение «Об охране Кремля». Оно было направлено на усовершенствование всей системы обеспечения безопасности правительственных зданий и проживавших в Кремле членов Политбюро и Советского правительства, прежде всего Сталина².

Согласно постановлению «Об охране Кремля» от 14 февраля 1935 г. существенно ограничивалась сфера деятельности коменданта Кремля. Из перечня его обязанностей были изъяты хозяйственные вопросы, в том числе касающиеся реконструкции Большого Кремлевского дворца. Изменялся порядок подчиненности комендатуры Кремля. Если до февраля 1935 г. ответственность за безопасность на кремлевской территории несли и вместе с тем должны были контролировать ситуацию (в частности, организацию внутренней службы) руководители ЦИК и Наркомата обороны СССР (по линии военного гарнизона), то отныне Управление коменданта Кремля стало подчиняться НКВД СССР по внутренней охране и НКО — по военной охране. Была введена дополнительная штатная должность заместителя коменданта по внутренней охране, которую 19 февраля 1935 г. занял А.И. Успенский. Успенский стал единственным представителем командного состава Управления, который подчинялся непосредственно начальнику созданного в 1934 г. в структуре НКВД Оперативного отдела (Оперода) К.В. Паукеру. Однако за интриги против коменданта Кремля Успенский 28 февраля 1936 г. был снят с должности и направлен на периферию заместителем начальника УНКВД Западно-Сибирского края³.

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 87.

² Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 141–143.

³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 416; Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 243.

Постановление Политбюро от 14 февраля 1935 г. также предписывало вывод с территории Кремля в кратчайшие сроки ряда советских учреждений (приемных ЦИК СССР и ВЦИК и др.). Специальный пункт названного постановления касался кремлевского военного гарнизона, роль которого играла Военная школа имени ВЦИК. Она располагалась на месте прежних построек XVIII—XIX вв. Вначале здесь находился так называемый Малый Николаевский дворец, построенный в 1775 — 1776 гг. великим русским архитектором М.Ф. Казаковым. В этом дворце во время приездов останавливался император Николай I, откуда и пошло его название. В ходе октябрьских боев 1917 г. Малый Николаевский дворец был частично разрушен в результате артиллерийского обстрела. В 1918 г. в восстановленном здании расположился кремлевский клуб. В 1929 г. оно было снесено, а на его месте возвели новые кремлевские казармы. В 1932 — 1934 гг. корпус отстроен по проекту архитектора И.И. Рерберга¹.

Для выполнения постановления Политбюро от 14 февраля 1935 г. была создана специальная комиссия, в которую вошли представители НКВД СССР (Г.Г. Ягода, Г.А. Молчанов, К.В. Паукер, М.П. Фриновский), а также секретарь Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе и комендант Кремля Р.А. Петерсон. Комиссии было поручено в двухмесячный срок разработать и представить план реорганизации охраны Кремля. Одновременно намечалось вывести за его пределы Военную школу имени ВЦИК. Она являлась собственно военным гарнизоном, насчитывала 8 рот (до 1500 красноармейцев и командиров).

На рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) народный комиссар внутренних дел Г.Г. Ягода внес 17 апреля 1935 г. докладную записку со своими предложениями по реорганизации охраны Кремля. Согласно решению Политбюро, принятому на основе этой записки, а также ряда других его решений (от 14, 26 февраля и 26 июня 1935 г.), Объединенную военную школу им. ВЦИК предполагалось уже к 15 мая вывести с территории Кремля. Для несения караульной службы в качестве резервной войсковой части основывался Батальон особого назначения. К 3 мая 1935 г. для несения внутренней службы, особенно

¹ Московский Кремль — питадель России. С. 45.

в части, касавшейся соблюдения пропускного режима, рота дежурных командиров была реорганизована в Отряд особого назначения, состоявший в ведении НКВД СССР. Для контроля над курсантами и командирами Военной школы имени ВЦИК, а также за другими военнослужащими по линии военной контрразведки в структуру Управления коменданта Московского Кремля было введено особое отделение (на правах отдела), подчинявшееся по вопросам оперативной работы непосредственно аппарату НКВД СССР¹.

Вывод Школы имени ВЦИК с территории Кремля сводил на нет роль кремлевского коменданта, поскольку лишал его собственного гарнизона. Должность коменданта Кремля и его заместителя оказывались как бы прозрачными и фиктивными. Реальное руководство переходило к А.И. Успенскому, который не только сохранял полномочия по руководству системой внутренней охраны, но и получал в свое распоряжение Полк специального назначения НКВД, который срочно начал формироваться для несения службы в Кремле. Задача вывода Школы имени ВЦИК за пределы Кремля была разрешена лишь в октябре 1935 г. В здание, где она ранее размещалась (корпус № 14), переехало Управление коменданта Московского Кремля.

Таким образом, до 14 февраля 1935 г. за безопасность Кремля и за ситуацию на кремлевской территории отвечали А.С. Енукидзе и Народный комиссариат обороны СССР. После указанной даты эти функции перешли к НКВД СССР².

3 марта 1935 г. А.С. Енукидзе был освобожден от обязанностей секретаря Президиума ЦИК СССР, и К.Е. Ворошилов лишился возможности решать с ним вопросы, связанные с проведением церемоний выпуска военных академий в Кремле. А 9 апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило на должность кремлевского коменданта П.П. Ткалуна³, который приступил к работе 19 апреля. Не случайно, именно 19 апреля Ворошилов обратился с запиской в Политбюро о проведении приема выпускников военных академий: это лишний раз

¹ Там же. С. 279.

² Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 142–143.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 110.

свидетельствует об учете им ситуации в деле охраны Кремля: ведь теперь она находилась в ведении Ткалуна.

После убийства С.М. Кирова по указанию ЦК ВКП(б) была проведена проверка всех сотрудников, работавших в учреждениях, размещавшихся на кремлевской территории. Согласно сведениям, предоставленным А.И. Успенским, с февраля по май 1935 г. в результате «чистки» оказались уволенными 413 чел., 29 из них подверглись аресту¹. При этом суду были преданы: комендант Большого Кремлевского дворца И.В. Лукьянов; начальник спецохраны и помощник коменданта Кремля И.Е. Павлов; помощник коменданта Кремля В.Г. Дорошин; состоявший при коменданте Кремля для поручений А.И. Синелобов; начальник Секретного отдела Управления Кремля Н.Н. Мищенко; начальник Административно-Хозяйственного отдела Управления коменданта Кремля П.Ф. Поляков; начальник Противовоздушной обороны Кремля П.И. Жиромский².

21 ноября 1935 г. П.П. Ткалуну было присвоено воинское звание комдив. С ноября 1935 г. до 23 января 1936 г. он являлся комендантом Кремля по линии РККА. 23 января 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о передаче Управления Коменданта Московского Кремля из ведения Народного комиссариата обороны в ГУГБ НКВД СССР на правах отдела с непосредственным подчинением наркому. Данное решение отражало явную тенденцию всемерного усиления НКВД в структуре высших государственных органов.

С 28 января 1936 г. П.П. Ткалун возглавлял Управление Комендатуры Московского Кремля Народного комиссариата внутренних дел СССР. Однако 17 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение освободить Ткалуна от обязанностей коменданта Кремля и передать его в распоряжение Наркомата обороны СССР³.

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 87.

² Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 665, 666, 667.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 991. Л. 25.

Между тем в начале 1938 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов активизировал политику систематических арестов сотрудников Комендатуры Кремля и дивизии Особого назначения, пытаясь таким образом лишний раз продемонстрировать Сталину заслуги своего силового ведомства в деле предотвращения возможного государственного переворота при участии войск НКВД. 8 января 1938 г. П.П. Ткалун был арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни по обвинению в участии в военном заговоре и в подготовке теракта против представителей высшего партийного руководства. 29 июля 1938 г. П.П. Ткалуна расстреляли¹.

В сентябре 1937 г. в должность начальника Управления Комендатуры Кремля вступил Ф.В. Рогов². 6 ноября 1938 г., накануне праздничного парада, Рогов покончил жизнь самоубийством (застрелился)³. 23 декабря 1938 г. начальником УМКМ и комендантом Кремля был назначен комбриг (с 28 июля 1940 — генерал-майор, с 17 ноября 1944 г. — генерал-лейтенант) Н.К. Спиридонов. Спиридонов занимал эту должность до 26 сентября 1953 г.⁴

В 1935 г. был установлен строгий порядок, согласно которому все посторонние, попадавшие на кремлевскую территорию, предварительно проверялись в соответствующих отделах НКВД⁵. По словам одного из сотрудников охраны, на эту территорию в сталинские времена «люди попадали только по служебным делам, и они, естественно, оказывались там под неослабным наблюдением сотрудников госбезопасности»⁶. У приглашенных на банкет охрана проверяла документы и наличие оружия, причем иногда это делалось не только у ворот,

¹ *Черушев Н.С.* Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005. С. 450, 511, 515; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч.. С. 406–407; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 230.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 991. Л. 25.

³ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 363.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 477.

⁶ *Докучаев М.С.* Указ. соч. С. 64.

через которые они проходили¹ (Спасские или Боровицкие), но и непосредственно у входа в Большой Кремлевский дворец². Перед тем, как войти в него, выпускники военных академий, например, собирались возле Царь-пушки³.

Помимо усиления соответствующих структур НКВД, отвечавших за безопасность кремлевской территории, к середине 1935 г. существенно расширился штат охраны, на которую возлагалась задача обеспечения безопасности представителей партийно-государственного руководства и лично Сталина. 28 ноября 1936 г. из Оперативного отдела выделился Отдел охраны руководителей партии и правительства (1-й отдел). С 28 ноября 1936 по 15 апреля 1937 г. отдел возглавлял К.В. Паукер; с 15 апреля 1937 по 14 июня 1937 г. — В.М. Курский; с 14 июня 1937 г. по 5 ноября 1938 г. — И.Я. Дагин⁴.

После 1934 г. были значительно увеличены штаты подразделений безопасности и охраны руководителей партии и видных членов правительства, выдающихся военачальников и ученых. Каждый из них имел персональных охранников, специальный обслуживающий персонал.

Личный состав Отдела охраны проходил боевую подготовку по особой программе. Большое значение придавалось организации и обеспечению безопасности при проведении крупных партийно-правительственных мероприятий с участием высших советских руководителей (к их числу, естественно, относились и большие кремлевские приемы)⁵.

Таким образом, с середины 1935 г. Кремль превращается в своеобразную сталинскую твердыню, которая надежно охранялась сотрудниками полностью подчиненного Сталину силового ведомства — НКВД.

18 ноября 1938 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) 1-й отдел ГУГБ по охране руководителей партии и правительства возглавил Н.С. Власик⁶. Он же стоял во главе

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 303.

² Муратов Э. Указ. соч.

³ Кабанов П.А. Указ. соч. С. 49.

⁴ Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 20, 47, 50.

⁵ Докучаев М.С. Указ. соч. С. 49.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д.1003. Л. 28.

подразделения по охране Сталина. Отдел был укомплектован отборными сотрудниками, обеспечен новейшими видами вооружения и совершенными транспортными средствами. В период Великой Отечественной войны численность личной охраны Сталина достигла 26 человек — все в офицерских и генеральских званиях. Крупные партийные и государственные руководители — В. М. Молотов, А.А. Жданов, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Л.П. Берия, Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин, Г.М. Маленков, Н.М. Шверник также имели личную охрану, состоявшую, как правило, из одного-двух сотрудников НКВД (НКГБ, МГБ)¹.

Основу всех служб безопасности составляла охрана Сталина и его соратников, которая выполняла свои обязанности круглосуточно, причем во всех местах пребывания охраняемых лиц. Одновременно с ней действовали службы материально-технического обеспечения и обслуживания. Персонал Большого Кремлевского и других дворцов, повара, официанты, сестры-хозяйки, дворники, садовники, и т.д. также являлись сотрудниками органов безопасности².

После преобразования Батальона особого назначения в Полк специального назначения последний превратился в основную боевую единицу кремлевского гарнизона. Позднее под этим же названием возникло подразделение, в состав которого входили командиры охраны. Обе эти войсковые части несли охранную службу наружных (въезд и вход в Кремль) и внутренних постов (правительственные и партийные учреждения, квартиры Сталина и его ближайших соратников, расположенные на кремлевской территории).

Должность коменданта Кремля являлась уникальной. По существу она была единственной в своем роде в организационно-штатной структуре НКВД. Кандидатура коменданта Кремля рассматривалась и утверждалась членами Политбюро ЦК ВКП(б). До 1935 г. комендант в значительной степени зависел от оборонного ведомства в целом и от командования Московского военного округа в частности. С середины 1930-х гг. ситуация изменилась, и комендант

¹ Докучаев М.С. Указ. соч. С. 57, 60.

² Там же. С. 65.

полностью перешел в подчинение наркомата внутренних дел СССР. В апреле 1943 г. Управление коменданта Московского Кремля было включено в состав Народного комиссариата государственной безопасности (с декабря 1946 г. — Министерства госбезопасности СССР)¹.

Основу Кремлевского гарнизона составлял Полк специального назначения, который состоял из следующих подразделений: 1-й батальон (командиры охраны); 2-й батальон (красноармейцы охраны); полковая школа; подразделения обслуживания. К началу сентября 1939 г. штат полка составлял 1974 чел.

Пропускной режим на территории Кремля был ужесточен. Согласно новым правилам, при обращении в бюро разовых пропусков необходимо было сообщать дежурному, в какой именно отдел и к кому конкретно следует лицо, на которое выписан пропуск. При отметке разовых пропусков на выход обязательно указывалось точное время (час и минуты), когда посетитель покидал здание.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) в 1938—1939 гг. из Кремля была переселена большая часть командного и начальствующего состава УКМК, а также все вольнонаемные рабочие и служащие. На территории Кремля разрешалось, в частности, остаться: командирам, военкомам и начальникам штабов Полка специального назначения и отдельного командирского батальона, начальнику службы управления коменданта Кремля².

20 января 1939 г. был издан приказ НКВД СССР о подготовке нового Положения о Комендатуре Московского Кремля. В приказе, в частности, отмечалось, что она имеет своим назначением организацию и осуществление охраны членов ЦК ВКП(б), членов Правительства СССР, членов Президиума Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР при их нахождении в Кремле и на Красной площади во время парадов, демонстраций и т.п. Комендатура Московского Кремля также отвечала за организацию и осуществление охраны правительственных учреждений, размещавшихся на кремлевской территории, и за поддержание порядка на ней.

¹ Черушев Н.С. Коменданты Кремля... С. 7, 332—333.

² Московский Кремль — питадель России. С. 36.

Во главе Комендатуры стоял комендант Кремля, являвшийся одновременно начальником кремлевского гарнизона, а также военный комиссар Кремля, который назначался Народным комиссаром внутренних дел СССР.

Положение устанавливало штатную структуру Комендатуры Московского Кремля. Она состояла из Управления коменданта Московского Кремля, политического отдела, Полка специального назначения (ПСН), Отдельного батальона ГУГБ НКВД, Военной пожарной команды и нескольких комендатур, в том числе комендатуры Большого Кремлевского дворца¹.

Согласно Положению от 20 января 1939 г., комендант Московского Кремля персонально отвечал за безопасность членов ЦК ВКП(б) и Советского правительства во время их нахождения на кремлевской территории. Он подчинялся непосредственно народному комиссару внутренних дел СССР. В обязанности коменданта Кремля входило, в частности, выполнение следующих функций: организация, руководство и повседневный контроль над всеми видами охраны Кремля и правительственных учреждений, размещавшихся на кремлевской территории; организация и осуществление пропускного режима; войсковая охрана приемов, съездов и совещаний, проводившихся в Кремле, и осуществление связанных с ними хозяйственных мероприятий.

Управление Коменданта Московского Кремля состояло из отделов: службы, пропусков, боевой подготовки, связи, кадров, финансового, материально-технического обеспечения, санитарного, экспедиции, аппарата дежурных помощников и секретариата. На отдел пропусков возлагалась: прописка лиц, проживавших на территории Кремля; проверка посетителей, для которых испрашивались постоянные или временные пропуска; изготовление и выдача пропусков для личного состава КМК, а также для съездов, конференций и т.п., проходивших в Кремле. В состав отдела пропусков входили бюро пропусков Спасских, Никольских и Троицких ворот².

Полк специального назначения входил в состав гарнизона Московского Кремля как основная боевая единица. Он

¹ Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 27.

² Там же. С. 28.

комплектовался командным и начальствующим составом путем особого отбора из пограничных и внутренних войск НКВД СССР. Рядовой состав Полка набирался из очередных призывных контингентов при обязательном условии проверки и изучения приписного состава в течение года. Срок службы в Полку специального назначения был установлен в три года.

Личный состав Отдельного батальона Главного управления государственной безопасности НКВД СССР нес службу на особо ответственных постах. Комплектование Батальона производилось по особому отбору в добровольном порядке. Весь отобранный красноармейский и младший командный состав предварительно проходил подготовку в школе ГУГБ НКВД СССР, с последующим присвоением специальных званий начальствующего состава ГУГБ¹.

Обеспечение государственной охраны на территории Московского Кремля, согласно упомянутому Положению и указаниям народного комиссара внутренних дел СССР, осуществлялось отделом Охраны Главного управления государственной безопасности — 1-м отделом НКВД—НКГБ СССР².

19 декабря 1939 г., в преддверии 60-летия Сталина, Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению Л.П. Берии приняло решение, по сути, превратившее Московский Кремль в настоящую крепость. Из двух кремлевских зданий (Старого Арсенала и Военного училища им. ЦИК СССР) переселили проживавших там 807 чел. (209 представителей командного и начальствующего состава; 326 членов их семей; 272 вольнонаемных рабочих и служащих). Все это мотивировалось целями «усиления охраны» Кремля, необходимостью размещения в столичной цитадели еще двух батальонов численность от 1200 до 1500 чел. и боевой техники, призванных пополнить размещенный там Полк специального назначения. Одновременно создавалась возможность усилить собственно кремлевский гарнизон, включавший отдельный командирский батальон, военную пожарную команду, химический взвод, особое отделение НКВД и дивизион броневигов.

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 32.

20 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением утвердило состав нового руководства Управления коменданта Кремля, являвшегося самостоятельной структурной частью ГУГБ. Комендантом Кремля стал майор (с 23 декабря 1938 г. — комбриг Н.К. Спиридонов), военным комиссаром — Ф.И. Конкин, заместителем коменданта — И.А. Гогуа¹.

С приходом на должность коменданта Кремля Н.К. Спиридонова, для создания лучших условий несения службы и проведения занятий с личным составом Полк специального назначения подвергся реформированию. Он состоял теперь из трех стрелковых батальонов, полковой школы и подразделений обслуживания.

В воспоминаниях участников больших кремлевских приемов, опубликованных в сталинскую эпоху и носящих явно апологетический, пафосный характер, порой давалась благостная картина контактов между ними и представителями охраны Кремля. Вот как описывал, например, момент подобного общения И.Д. Папанин, который оказался одним из главных «героев дня» на банкете 17 марта 1938 г.: «Комендант Кремля попросил нас подождать. Может быть, он хотел, чтобы мы успокоились, подготовились к встрече» (sic! — В.Н.).

О том, как действовала охрана Кремля в конце 1930-х гг., после коренного реформирования ее системы, дают представление воспоминания Ю.Б. Елагина. Накануне новогоднего концерта 1939 г. музыкантам Государственного джаз-оркестра СССР, в составе которого выступал Елагин, было предписано собраться к 23.00 у кремлевских ворот. Он вспоминал, что эти ворота были ближайшими к Москве-реке, если смотреть со стороны Александровского сада. Из данного описания следует, что местом сбора музыкантов оказались Боровицкие ворота. Охрана не сразу пропустила музыкантов в Кремль, поскольку они прибыли на два часа раньше положенного времени. Наконец, после тщательной проверки паспортов, они попали на кремлевскую территорию. В сопровождении двух рядовых охранников через большие стеклянные двери вошли в вестибюль Большого Кремлевского дворца, встреченные чекистом «в парадной форме капитана государственной

¹ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля...С. 85–86.

безопасности». В течение всего вечера он выполнял обязанности куратора («шефа») Государственного джаз-оркестра. На пути следования в специально предназначенное для них помещение («артистическую», как назвал его Ю.Б. Елагин) члены музыкального коллектива повсюду видели чекистов — людей «в знакомой форме с красными петлицами и малиновым кантом». Все они, по свидетельству Елагина, имели «довольно солидные чины, не ниже лейтенантов госбезопасности». Среди них не было ни сержантов, ни младших лейтенантов, не говоря уже о рядовых¹. Скорее всего, это были чекисты, служившие в Отдельном батальоне.

В начале февраля 1941 г. произошло разделение Народного комиссариата внутренних дел СССР: на НКВД СССР (Л.П. Берия) и на Народный комиссариат государственной безопасности СССР (В.Н. Меркулов). Главная цель создания НКВД СССР — сосредоточение работы в управлениях и отделах исключительно по линии государственной безопасности, в том числе в области охраны руководителей большевистской партии и Советского правительства². По линии государственной охраны в состав НКГБ СССР вошли: Управление коменданта Московского Кремля (Н.К. Спиридонов); 1-й отдел (Н.С. Власик) с возложением на него охраны партийных и государственных руководителей высшего звена.

В результате государственная охрана оказалась сконцентрированной в едином блоке: УКМК НКГБ СССР и 1-й отдел НКГБ в качестве оперативных подразделений были включены в систему нового Народного комиссариата государственной безопасности СССР. Однако первое и второе из названных подразделений НКГБ СССР оставались самостоятельными структурами государственной охраны, не подчиняясь друг другу³.

Как уже отмечалось, во время праздничных концертов в Кремле, происходивших в Георгиевском зале, охрана зорко следила за исполнителями, которые находились в непосред-

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 304.

² Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 34—35.

³ Там же. С. 35.

ственной близости от Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б). Порой ее излишняя бдительность имела анекдотические последствия. Так, солист Большого театра И.С. Козловский, который верил в приметы, считал, что двадцатикопеечная монета «помогает» ему во время кремлевских концертов. Поэтому перед выступлением он клал двугривенный на рояль. Однако на одном из концертов монета упала и покатилась по полу. На беду ее заметил Сталин... После того как И.С. Козловский закончил выступление, к нему в артистическую комнату вошел Н.С. Власик, начальник личной охраны Сталина. Артист растерялся и пытался что-то объяснить. Однако Власик похлопал его по плечу, сказав при этом: «Товарищ Козловский, не беспокойтесь. Мы давно заметили, что вы — с закидоном»¹.

Охрана Кремля была настолько строгой, что даже невпопад сказанное слово человека, который должен был пройти на кремлевскую территорию, могло иметь для него негативные последствия. Например, тромбонист джаз-ансамбля Л.О. Утёсова, во время проверки музыкантов при входе в Кремль предъявил свой инструмент, а сурдина у него хранилась в отдельном мешочке. На вопрос сотрудника охраны, что это такое, простодушный «шутник» ответил: «Боньба» (т.е. бомба). Лишь спустя восемь месяцев после этого инцидента Л.О. Утёсову с трудом удалось вызволить музыканта с Лубянки².

К началу Великой Отечественной войны 1-й отдел НКВД — НКГБ СССР силами трех подразделений охранял 23-х руководителей ВКП(б) и Советского государства. Безопасность Сталина обеспечивало подразделение № 1. Еще два подразделения отвечали за безопасность 22-х охраняемых лиц из числа высшего партийного и государственного руководства.

2.5. Поводы для устройства приемов

Принимая постановления о приемах участников праздничных парадов и выпускников военных академий, которые происходили ежегодно, Политбюро ЦК ВКП(б) тем самым предопределило их количественное преобладание в сравнении

¹ Лебедев В.С. Указ. соч. С. 57.

² Сафошкин Д.Л. Указ. соч. С. 149.

с другими кремлевскими застольями. Не случайно, более трети (14 из 47-ми) от общего количества застолий такого рода, имевших место с 1935 до конца 1940-х гг. (см. *Приложение № 4*), были устроены в их честь.

Если банкеты в Кремле для участников праздничных первомайских и ноябрьских парадов проводились вплоть до начала войны с Германией ежегодно, то приемы выпускников военных академий организовывались нерегулярно. Например, они не проходили ни в 1937, ни в 1938 гг. Скорее всего, это было связано с репрессиями высшего командного состава РККА, когда к «врагам народа» оказались причисленными и руководители ряда военных академий.

К маю 1937 г. в стране существовало 14 военных академий (Генерального штаба РККА; им. М.В. Фрунзе; Военно-политическая им. Н.Г. Толмачева; Механизации и моторизации РККА им. Сталина; Военно-инженерная им. В.В. Куйбышева; Военно-воздушная им. профессора Н.Е. Жуковского; Артиллерийская; Военно-химическая; Инженерно-технической связи им. В.Н. Подбельского; Военно-транспортная им. Л.М. Кагановича; Военно-хозяйственная; Электротехническая им. С.М. Будённого; Военно-медицинская им. С.М. Кирова; Военно-морская). В 1937 — 1938 гг. были арестованы и репрессированы начальники 11-и из них, что привело к почти полной смене руководящего и профессорско-преподавательского состава. Лишь начальникам трех остальных академий (Военно-воздушной, Военно-медицинской, Механизации и моторизации) удалось избежать репрессий¹.

В марте-апреле 1939 г. вновь был поднят вопрос об организации кремлевского приема выпускников военных академий. 27 марта 1939 г. комиссар военной академии Генерального штаба П.С. Фурт получил от заместителя наркома обороны СССР, начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА Е.А. Щаденко сообщение, что 5 мая все военные академии выпускают слушателей, а сам выпуск состоится в Кремле². Понятно, что решение об

¹ Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия: 1938—1941. М., 2003. С. 109—110.

² РГВА. Ф. 37983. Оп. 1. Д. 31. Л. 205.

этом было принято по согласованию с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым.

19 апреля 1939 г. Политбюро разрешило Народному комиссариату обороны произвести выпуск военных академий в Кремле 5 мая¹. Однако прием «военных академиков» состоялся через день, 7 мая, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца². Перенос даты приема, вероятно, был вызван следующими обстоятельствами. 3 мая 1939 г. В.М. Молотов сменил М.М. Литвинова на посту народного комиссара иностранных дел СССР. Не случайно, во время приема участников первомайского парада Ворошилов, поднимая бокал за здоровье Молотова, подчеркнул, что глава Советского правительства «с недавнего времени» также возглавил и внешнеполитическое ведомство³.

В 1940 г. прием в честь «военных академиков» не состоялся. Для его отмены, как представляется, была веская причина. 4 и 5 мая 1940 г. в Кремле проходили заседания комиссий Главного военного совета Красной армии по изучению опыта советско-финляндской («зимней») войны 1939 — 1940 гг. В них принимали активное участие представители высшего командного состава РККА, руководители Народного комиссариата обороны СССР во главе с Маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым⁴.

Устраивая торжественные застолья для представителей командного состава Красной армии, Сталин не обошел вниманием и Военно-Морской Флот. 22 июня 1939 г. по предложению наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова Совет Народных Комиссаров СССР своим решением учредил новый государственный праздник — День Военно-Морского Флота⁵. 27 июля 1939 г. в честь дня Военно-Морского Флота в Зале заседаний Верховного Совета РСФСР был дан праздничный прием в присутствии Сталина⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1222. Л. 176.

² Правда. 1939. 8 мая.

³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 164. Л. 293.

⁴ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель—май 1940 г.), материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М.: СПб., 2004. С. 215—243.

⁵ Правда. 1939. 28 июля.

⁶ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. М., 2000. С. 92—93.

В газетном отчете о кремлевском приеме участников первомайского парада 1940 г. подчеркивалось, в частности, что встречи «руководителей партии и правительства с представителями армии и флота», которые устраиваются «за празднично накрытыми столами», «давно стали славной традицией»¹. Эта традиция была прервана Великой Отечественной войной. По окончании войны в Кремле трижды чествовали представителей командного и рядового состава Красной армии. 24 мая 1945 г. состоялся прием командующих войсками. Об этом приеме более подробно будет сказано в главе пятой данной монографии. Месяц спустя, 25 июня 1945 г. в Большом Кремлевском дворце был устроен грандиозный банкет в честь участников Парада Победы, состоявшегося накануне на Красной площади. Приглашенные разместились: в Георгиевском зале, во Владимирском зале, в Грановитой палате, в Святых сенях, в залах пристройки (построена в 1933 — 1934 гг. на месте Красного крыльца), в нижней и в верхней столовой².

Последний большой кремлевский прием, на котором при Сталине чествовали представителей Вооруженных Сил СССР, был устроен 3 мая 1947 г. в залах Большого Кремлевского дворца. «Виновниками торжества» на сей раз оказались участники праздничного первомайского парада на Красной площади.

По свидетельству одного из современников событий, в кульминационный период политических репрессий в СССР («большой чистки») 1937 г. ослаблению негативного впечатления от нараставшей «ежовщины» во многом способствовали... советские летчики. Они прославились выдающимися показателями в скорости и дальности полета, достигли международных успехов в своей области. Были совершены перелеты из Москвы в Америку через Северный полюс. Советские летчики сумели посадить на лед небольшую группу полярных исследователей во главе с И.Д. Папаниным³.

Слова из известной в 1930-е гг. песни: «...Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор» стали девизом целого поколения советских людей.

¹ Правда. 1940. 4 мая.

² Жилев В., Богомолова В. Указ. соч.

³ Елагин Ю. Указ. соч. С. 255.

Авиация являлась предметом национальной гордости. Знаменитые летчики — Чкалов, Водопьянов, Громов, Коккинали и другие превратились в подлинных кумиров для миллионов людей. Советская пропаганда окрестила их «сталинскими соколами». Благодаря газетным публикациям, журнальным фотографиям и кинохронике их фамилии звучали повсюду, а лица становились легко узнаваемыми и запоминающимися. Выдающиеся авиаторы щедро вознаграждались за свои достижения. Им вручались высшие правительственные награды, выплачивались крупные денежные премии, выделялись новые квартиры.

«Авиаторы, — как отмечал германский историк К. Шлёгель, — должны были стать для целого поколения идеалом, образцом облика советского человека, — и для многих такими и стали»¹.

Тем же из героических летчиков, кому посчастливилось попасть в когорту избранных, предоставлялась главная привилегия, которую невозможно было приобрести ни за какие деньги. «Сталинских соколов» как почетных гостей приглашали в Большой Кремлевский дворец на завтраки и обеды, а позднее — на грандиозные приемы (банкеты) Здесь их приветствовали руководители большевистской партии и Советского правительства.

С начала 1930-х гг. на застольях в Кремле летчики упоминались все чаще. Едва ли не впервые Сталин публично высказался о значении военной авиации в целом и о профессиональных качествах, необходимых тем, кто в ней служил, 2 мая 1934 г. В тот день в Большом Кремлевском дворце был устроен завтрак для участников военного первомайского парада. На встречу с вождями большевистской партии и членами Советского правительства в Кремле собралось около 2000 представителей всех родов войск Вооруженных Сил СССР. После праздничного концерта хозяева пригласили их занять свои места за накрытыми столами. Сталин с бокалом в руке произнес импровизированную застольную речь.

Вождь, в частности, изложил собственное видение перспектив развития советской военной авиации, выразил

¹ Цит. по: Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 383.

надежду на то, что в ближайшем будущем удастся добиться увеличения показателей скорости и высотности у отечественных бомбардировщиков ближнего и дальнего действия, истребителей и самолетов-разведчиков. Сталин также отметил те личные качества, которыми, по его мнению, должны обладать авиаторы. Говорил о воспитании у них не просто смелости, а «расчетливой большевистской храбрости», необходимости сочетания твердого знания боевой техники с глубоким пониманием законов природы, способности овладеть этими законами¹.

21 июня 1934 г. в Кремле проходило другое ставшее памятным для авиаторов застолье, на котором они вновь удостоились здравицы вождя. Это был «товарищеский обед», завершавший торжества по случаю возвращения в Москву участников знаменитой «челюскинской» эпопеи. Пароход «Челюскин», предпринявший в 1933 г. попытку за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток, в феврале 1934 г. был раздавлен льдами в Чукотском море и затонул. Участникам рейда, за исключением одного, трагически погибшего, после затопления судна удалось высадиться на лед. В Москве немедленно была создана государственная комиссия для спасения «челюскинцев» из ледяного плена и доставки их на «большую землю». Главную роль в этой небывалой по масштабам операции сыграли советские летчики. Семеро из них: А.В. Ляпидевский, С.А. Леваневский, Н.П. Каманин, М.Т. Слепнёв, И.В. Доронин, В.С. Молоков, М.В. Водопьянов были удостоены только что введенной новой высшей правительственной награды — звания Героя Советского Союза².

За здоровье первых Героев Советского Союза Сталин и провозгласил тост на «товарищеском обеде» в Большом Кремлевском дворце 21 июня 1934 г. Вполне уместным явилось использование в его здравнице цитаты из известного произведения классика советской литературы А.М. Горького. Вождь заявил, что летчики «проявили то безумство храбрых, которому поют славу». Спасение «челюскинцев», завершил свою здравицу Сталин, стало возможным прежде всего потому, что

¹ ЗРС. С. 54–55; *Невежин В.А.* Сталин о войне... С. 20–21.

² *Жуков Ю.Н.* Сталин: арктический шит. М., 2008. С. 310–313.

их собственная организованность счастливо соединилась с храбростью авиаторов¹.

2 мая 1935 г. на Центральном аэродроме в Москве Сталину был представлен В.П. Чкалов. Поистине перст судьбы указал на молодого и талантливого летчика-истребителя. Ведь до этого Чкалов неоднократно проявлял недисциплинированность, нарушал нормы и правила полетов. Еще будучи летчиком-истребителем ВВС, он в качестве командира звена истребителей предпринял неудачную попытку пролета под линией связи, закончившуюся аварией (к счастью, без человеческих жертв). Чкалов был приговорен к тюремному заключению. Из тюрьмы его вскоре освободили (помогло ходатайство на имя М.И. Калинина), но из рядов ВВС Красной армии уволили....

Ко времени судьбоносной встречи с вождем В.П. Чкалов (во многом благодаря содействию летчиков М.М. Громова и А.Б. Юмашева и с личного согласия начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса) вернулся в военную авиацию. Он получил должность заводского летчика-испытателя в Конструкторском бюро Н.Н. Поликарпова. Сталину Чкалов явно пришелся по душе.

В августе 1935 г. закончилась неудачей попытка С.А. Леваневского (в состав его экипажа входили также штурман В.И. Левченко и летчик Г.Ф. Байдуков) совершить на самолете АНТ-25 беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки. Всю вину за свою неудачу С.А. Леваневский переложил на руководство ЦАГИ и лично на главного конструктора А.Н. Туполева. В письме, адресованном Сталину, он просил разрешить в 1936 г. новый перелет через Северный полюс, но уже не на АНТ-25, а на другой машине. При этом Леваневский счел необходимым напомнить вождю о том внимании, которое тот проявил к нему на завтрак в честь «челюскинцев». «Мой личный интерес, — писал летчик, — полностью оправдать Ваши слова, сказанные по моему адресу в Кремле 21 июня 1934 г.»². Однако Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило «настойчивую просьбу» С.А. Леваневского. 27 февраля 1936 г. высшая партийная инстанция приняла решение

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 233–234.

² Цит. по: *Чкалова В.В.* Чкалов без грифа «секретно». М., 1999. С. 10.

командировать Леваневского в Соединенные Штаты Америки. В его задачу входило: изучение на месте тактико-технических данных тех типов американских самолетов, которые были необходимы СССР, а также приборов к ним, приемка приобретаемых машин; подготовка к предстоящему облету северных берегов Аляски, Канады и Гренландии¹.

Нахождение в заграничной командировке и длительное отсутствие по этой причине в Москве существенно снизило шансы Леваневского на утверждение в роли лидера в когорте «сталинских соколов». Они и без того уменьшились после неудачной попытки трансарктического перелета на самолете АНТ-25 в 1935 г., на подготовку и проведение которого были выделены огромные средства: 150000 в рублях и 55000 — в иностранной валюте². Теперь на роль лучшего летчика страны стал реально претендовать В.П. Чкалов. Если Леваневский после своей неудачи резко отрицательно оценивал технические возможности АНТ-25, то Байдуков, один из членов его экипажа, наоборот, сделал все, чтобы добиться «реабилитации» родного детища конструктора А.Н. Туполева в глазах В.П. Чкалова. Он продолжал верить в реальную возможность осуществления перелета через Северный полюс именно на этой машине. Г.Ф. Байдуков по-дружески поделился своими «несвоевременными мыслями» с В.П. Чкаловым, а позднее — с летчиком А.В. Беляковым. Эта небольшая группа энтузиастов в конечном счете смогла добиться одобрения своего замысла высшим руководством, а главное — Сталиным. На руку им сыграло наличие симпатии к Чкалову со стороны вождя. Сталин предложил сделать конечной точкой будущего перелета г. Петропавловск-Камчатский.

20 июля 1936 г. из Москвы стартовал экипаж в составе командира В.П. Чкалова, второго пилота, летчика-испытателя Г.Ф. Байдукова и штурмана, инженера 1-го ранга А.В. Белякова. Вдоль обоих бортов фюзеляжа их самолета АНТ-25 РД (рекорд дальности) крупными красными буквами были начертаны слова: «Сталинский маршрут». Сверхдальний беспосадочный перелет по маршруту Москва — архипелаг Земля

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 78.

² Там же. Д. 17. Л. 138.

Франца-Иосифа — архипелаг Северная Земля — г. Николаевск-на-Амуре — о. Удд продолжался 56 часов 20 мин. За это время было пройдено расстояние в 9374 км.

За свой первый сверхдальний перелет летчики экипажа В.П. Чкалова были удостоены звания Героев Советского Союза. Командир экипажа получил денежную премию в размере 30000 рублей, второй пилот Г.Ф. Байдуков и штурман А.В. Беляков — по 20000 рублей. Их имена были увековечены еще при жизни. Острова Удд, Лангр и Кеос в заливе Счастья переименовали соответственно в острова Чкалов, Байдуков и Беляков¹.

Чкаловский экипаж возвратился в Москву 10 августа. На столичный аэродром Щелково встречать его приехали Сталин, глава военного ведомства Ворошилов, члены Политбюро ЦК ВКП(б), представители ВВС Красной армии и Народного комиссариата оборонной промышленности СССР. Благодаря этому сверхдальному перелету у СССР возникла возможность сделать серьезную заявку на потенциальные технические достижения в одной из престижных областей, а именно, в области авиастроения. Не исключен был и вариант боевого применения сверхдального самолета АНТ-25. Один из современников событий спустя три дня после завершения полета В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова записал в дневнике: «Мысль невольно ищет ответа на основной, мучительный, надоедливый вопрос: как эти прекрасные победы человеческого гения отразятся на ближайшей, роковой, апокалипсической войне? Всё и все — под ударом. Радиус истребления — безграничен»².

Членов чкаловского экипажа встречали в Москве как триумфаторов. 13 августа 1936 г. в их честь в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца был устроен прием.

18–20 июня 1937 г. В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.В. Беляков совершили на модифицированной модели самолета АНТ-25 второй беспосадочный сверхдальний перелет, на этот раз по маршруту Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты

¹ Правда. 1936. 14 авг.

² «Служить родине приходится костями...». Дневник Н.В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 47.

Америки. На подготовку и проведение этого перелета было выделено 1000000 рублей и 150000 долларов¹. Как и в 1936 г., она велась под непосредственным руководством Сталина.

На этот раз чкаловский экипаж пробыл в воздухе 63 часа 16 минут, преодолев расстояние в 11340 километров². Самолет произвел посадку на военном аэродроме «Ванкувер» недалеко от г. Портленд. Этот перелет явился убедительным аргументом Сталина, продемонстрировав всему миру, в первую очередь — США высокий индустриальный уровень и технические возможности СССР³.

26 июля 1937 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был устроен второй по счету прием (банкет) в честь В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова. Две недели спустя, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦИК СССР о награждении каждого из членов чкаловского экипажа Орденом Красного Знамени и о выдаче Чкалову, Байдукову и Белякову одновременно денежной премии в размере по 30000 руб. каждому⁴.

С этого момента их стали воспринимать как истинных народных героев. На В.П. Чкалова буквально обрушилась многократная и поистине оглушительная слава. Однако 15 декабря 1938 г. он трагически погиб во время испытания скоростного истребителя И-180 конструкции инженера Н.Н. Поликарпова.

12–14 июля 1937 г. летчики М.М. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин на самолете «СССР NO–25-1» улучшили достижение В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова, также совершив сверхдальний перелет из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки. Их самолет пробыл в воздухе 62 часа 17 минут и приземлился в г. Сан-Джасинто (штат Калифорния). Они установили мировой рекорд дальности по прямой (10148 км). Сталин понимал, что благодаря

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 55.

² Каминский Ю. Кремлевские перелеты. М., 1998. С. 116. В монографии Ю.Н. Жукова утверждается, что чкаловский АНТ-25 покрыл расстояние в 8500 км (Жуков Ю.Н. Сталин: арктический щит. С. 340).

³ Каминский Ю. Указ. соч. С. 108–117.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990. Л. 25.

рекорду, достигнутому Грозовым, Юмашевым и Данилиным, сделались реально достижимыми границы иностранных государств, находящихся в другом полушарии. С самого начала чкаловский самолет АНТ-25 предназначался не только для беспосадочных рекордных перелетов. Имелось в виду и его военное применение в качестве дальнего бомбардировщика (при серийном выпуске он получил название ДБ-1). Не случайно американская пресса высказала в 1937 г. пугающие предположения о том, что советское руководство прекрасно представляло себе военное значение этого перелета¹.

Торжественная встреча его участников регламентировалась специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1937 г. Согласно этому постановлению, день приезда героических летчиков в Москву (они возвращались на Родину вначале на океанском лайнере морским путем из США во Францию, а затем — поездом через европейские государства) был назначен на 23 августа, точное время прибытия — на 16.15, место встречи — Белорусский вокзал. Предписывалось присутствие членов Правительственной комиссии по организации сверхдальнего перелета, в которую входили: М.Л. Рухимович, Я.И. Алкснис, О.Ю. Шмидт, а также представителей Моссовета, Главного управления Гражданского Воздушного Флота и других учреждений и организаций. Н.С. Хрущёв, М.Л. Рухимович и И.Я. Дагин должны были организовать посылку делегаций представителей фабрик и заводов для встречи летчиков М.М. Громова, А.Б. Юмашева и С.А. Данилина на вокзальной площади. С речью на митинге на Белорусском вокзале от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручалась выступить О.Ю. Шмидту.

Два последних пункта решения Политбюро регламентировали ход застолья в честь летчиков — «виновников торжества»: «...После встречи на вокзале устроить товарищеский прием-завтрак в Кремлевском дворце в 5 час. 30 минут <...>. Организацию встречи и приема-завтрака поручить тт. Рухимовичу, Дагину и Ткалуну»². Прием участников сверхдаль-

¹ Каминский Ю. Указ. соч. С. 137–138; Жуков Ю.Н. Сталин: арктический щит. С. 340–341.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990.

него авиаперелета летчиков М.М. Громова, А.Б. Юмашева и С.А. Данилина проходил в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

28 апреля 1939 г. самолет «Москва», прототип бомбардировщика Ил-4 (командир корабля Герой Советского Союза В.К. Коккинаки, штурман М.Х. Гордиенко), преодолел расстояние в 8000 км от Москвы до Америки за 22 час 56 мин. Советская пресса не скрывала истинной цели этого перелета, делая недвусмысленный намек на то, что Япония и Германия могут оказаться под ударами советских ВВС¹. 23 мая 1939 г. по случаю его успешного завершения в Большом Кремлевском дворце был утроен прием. В июне 1939 г. В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко были удостоены звания Героев Советского Союза и получили денежную награду (по 20000 руб. каждый)².

С начала 1930-х гг. в соревнование авиаторов разных стран за выдающиеся показатели в скорости, высоте и дальности вступили женщины. Не остались в стороне и советские летчицы. На двухмоторном варианте дальнего бомбардировщика ДБ-2Б — АНТ-37 бис («Родина») 24 сентября 1938 г. женский экипаж в составе командира В.С. Гризодубовой, второго пилота П.Д. Осипенко и штурмана М.М. Расковой начал перелет по маршруту Москва — Дальний Восток. Однако уже утром следующего дня самолет совершил вынужденную посадку в дальневосточной тайге. Машина пробыла в воздухе 26,5 часов, преодолев почти 6500 км. Этот результат был признан всесоюзным (национальным) женским рекордом и утвержден в качестве мирового женского рекорда дальности полета по прямой без посадки (5908 км). 27 октября 1938 г. в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца в честь Гризодубовой, Осипенко и Расковой был устроен прием. На этом банкете Сталин, в частности, дал определение летчика нового типа — такого пилота, в котором сочетается храбрость, в достаточной мере осторожность и техническая культура³.

Сталин демонстрировал расположение не только к представителям командного состава Вооруженных Сил и к ге-

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: арктический шит. С. 364—365.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1228. Л. 176.

³ Встречи с товарищем Сталиным. С. 41.

роическим летчикам. «Красные директора», руководящие работники советской тяжелой промышленности и транспорта также приглашались в качестве гостей на большие кремлевские приемы. В предвоенный период в СССР полным ходом шел процесс модернизации, конечной целью которого являлось превращение страны в мощную индустриальную державу и повышение ее военно-технического потенциала. Сталин практиковал проведение совещаний в Кремле с руководителями и работниками промышленности и транспорта. Тем самым он подчеркивал не только свою заинтересованность в процессах, происходивших в области экономики, но и старался продемонстрировать, что «держит руку на пульсе», хорошо представляет себе состояние дел в ведущих отраслях народного хозяйства.

25–29 июля 1935 гг. в Москве собрались руководители и работники железнодорожного транспорта — всего около 400 человек. Совещание было созвано народным комиссаром путей сообщения Л.М. Кагановичем по поручению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР в связи с наличием негативных явлений, в частности, с проявлением тенденции к снижению объема грузовых перевозок. Обсуждались вопросы более рационального использования паровозов и правильной организации движения товарных поездов. 30 июля для участников совещания и работников Московского железнодорожного узла в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца Сталиным был устроен прием.

Сталин внимательно изучал положение дел не только в оборонной, но также в металлургической и энергетической отраслях промышленности, которые имели особую значимость в условиях ускоренной индустриализации СССР. Ему были доложены показания арестованного управляющего трестом «Трубосталь» Я.П. Иванченко, который признавал факт невыполнения плана поставок стали. В августе 1937 г. Н.И. Ежов сообщил вождю о получении записки, авторами которой являлись сотрудники отдела сбыта Главного управления металлургической промышленности, о вредительстве в деле распределения и снабжения народного хозяйства черными металлами. В ней констатировалось, что нарком тяжелой промышленности В.И. Межлаук и председатель Госплана

СССР Г.И. Смирнов проявляли «абсолютное равнодушие» к этому делу. В упомянутом документе, в целом, верно излагались сведения о наличии слабых мест в деле производства и сбыта продукции металлургической промышленности. В свою очередь, Смирнов направил 10 октября 1937 г. на имя Сталина, Молотова и Кагановича докладную записку, озаглавив ее «О ликвидации последствий вредительства в черной металлургии». В документе была представлена реальная неутешительная картина, которая сложилась в этой отрасли, а также изложены предложения по исправлению ситуации¹.

Вполне обоснованным представляется то внимание, с которым Сталин следил за работой проходившего 26—29 октября 1937 г. в Москве совещания, созванного руководством Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. В совещании приняли участие руководители и работники металлургической и угольной отраслей. 29 октября в 19.30 его участники были приглашены на банкет в Грановитую палату. Материалы о приеме, в том числе архивные, включены в научную публикацию².

В предвоенное время наряду со сверхдальними перелетами советских летчиков из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки, осуществлялись научные полярные экспедиции. Проводилась работа по организации первой экспедиции на Северный полюс, которую возглавил О.Ю. Шмидт. И.Д. Папанин отвечал за ее морскую часть и зимовку на дрейфующей станции «СП-1». Предполагалось высадить экспедицию в районе Северного полюса на год, в течение которого собрать научные данные по широкому кругу параметров атмосферных явлений, метеорологии, геофизики, гидробиологии. 21 мая 1937 г. в 11 часов 35 минут флагманский самолет под управлением командира летного отряда Героя Советского Союза М.В. Водопьянова сел на лед, перелетев 20 км за Северный полюс. А последний из самолетов сумел произвести посадку только 5 июня, поскольку условия для ее осуществления оказались очень трудными. Над Северным полюсом 6 июня был поднят флаг СССР,

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 161—162.

² ЗРС. Док. № 13—18.

и самолеты отправились в обратный путь. В тот же день станция «Северный полюс-1» начала свою работу¹.

На льдине осталась четверка исследователей, в распоряжении которых имелись: палатка, две радиостанции, соединенные антенной, мастерская, метеорологическая будка, теодолит для измерения высоты солнца и склады, сооруженные из льда. В состав экспедиции вошли: П.П. Ширшов — гидробиолог, гляциолог; Е.К. Федоров — метеоролог-геофизик; Э.Т. Кренкель — радист и И.Д. Папанин — начальник станции.

25 июня 1937 г., через месяц после высадки на льдину «папанинцев» (именно так стали называть исследовательскую группу Папанина, Ширшова, Кренкеля и Федорова), в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялся прием участников первой в мире воздушной экспедиции на Северный полюс.

Во время банкета был зачитан указ о присуждении О.Ю. Шмидту и И.Д. Папанину званий Героя Советского Союза; остальные участники дрейфа были награждены Орденами Ленина. Сталин сделал все для того, чтобы продемонстрировать, насколько близки ему полярные исследователи. Несомненно, подобного рода демонстрацию он предпринял также с целью усиления собственного авторитета как заботливого и мудрого вождя, не оставляющего без внимания проявления героизма и умеющего по достоинству вознаградить тех, кто заслужил награды.

Между тем с началом полярного лета льдина, на которой размещались «папанинцы» со всем своим оборудованием, вопреки ожиданиям, начала таять и одновременно дрейфовать к югу. К 1 февраля 1938 г. ее размеры за счет торошения значительно уменьшились и составили всего 150х30 м. Создалась непосредственная угроза для жизни участников дрейфа; на повестку дня остро встал вопрос об эвакуации. Была снаряжена специальная спасательная экспедиция во главе с О.Ю. Шмидтом. 19 февраля 1938 г. «папанинцев» сняли со льдины подошедшие ледоколы².

¹ Встречи с товарищем Сталиным. С. 66.

² Петр Петрович Ширшов. Дневники. Очерки. Воспоминания. М., 2005. С. 19–20.

После успешной операции по спасению участников ледового дрейфа доставили на ледоколе «Ермак» в эстонский порт Таллин. 9 марта Политбюро приняло постановление о встрече «папанинцев» в Москве: она была назначена на 14 марта¹. Однако проведение этого важного мероприятия пришлось несколько задержать. Задержка объяснялась тем, что в Москве продолжался открытый политический судебный процесс по делу руководителей так называемого «право-троцкистского блока» (Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других). 13 марта приговоренные к смертной казни по этому процессу были расстреляны.

15 марта «папанинцев» принимали в Ленинграде, а днем 17 марта (вместо ранее запланированной даты — 14 марта) их встречали в Москве представители советского партийно-государственного руководства. 17 марта 1938 г. для членов научной экспедиции «Северный полюс-1», а также для тех, кто непосредственно принимал участие в их спасении, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был устроен прием. В свое время летчик В.С. Молоков сокрушался по поводу того, что речь Сталина, произнесенная на этом приеме, «нигде не опубликована»². Теперь этот недостаток исправлен: вышли в свет научные публикации, основанные на сохранившихся в архиве синхронных записях сталинского застольного выступления на банкете в честь «папанинцев»³.

В 1937 — 1940 гг. советский ледокольный пароход «Георгий Седов» совершил дрейф через Центральный арктический бассейн. 15 членов его экипажа были удостоены звания Героя Советского Союза. 2 февраля 1940 г. Сталин и его соратники принимали в Кремле участников героической ледовой эпопеи. С этим кремлевским застольем связана легенда, которая, по словам краеведа И.Н. Сергеева, бытовала среди ветеранов войск НКВД. Согласно легенде, в ночь, когда проходил прием по случаю успешного завершения дрейфа ледокольного парохода

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1187. Л. 12, 13.

² Встречи с товарищем Сталиным. С. 70.

³ «Пью за тех, которые хотят жить»: Тосты И.В. Сталина на приеме папанинцев в Кремле 17 марта 1938 г. // Источник. 1998. № 4. С. 85—88; ЗРС. Док. № 28—32.

«Георгий Седов», был приведен в исполнение смертный приговор в отношении бывшего главы наркомата внутренних дел Н.И. Ежова. Сталин, поднимая бокал с вином в ответ на тост капитана парохода К.С. Бадигина в свой адрес, якобы вначале взглянул на нового главу силового ведомства Л.П. Берия, а затем — «украдкой на часы, как бы “простился” со своим наркомом»¹.

Оставляя в стороне вопрос о степени репрезентативности приведенного апокрифа, следует заметить, что с точки зрения датировки событий он не выдерживает никакой критики. Во-первых, как уже отмечалось, прием в Кремле участников дрейфа «Геorgia Седова» проходил 2 февраля 1940 г., а не 4 февраля, как утверждает в книге И.Н. Сергеева. Во-вторых, Н.И. Ежов был расстрелян не 4, а 6 февраля 1940 г.²

Большие кремлевские приемы были призваны не только демонстрировать тесную связь вождя с военной, промышленной, научно-технической элитой и опору на нее, прославлять героизм и самоотверженность советских летчиков и полярников, но и служить своеобразным свидетельством правильности сталинской политики в области науки и культуры. 17 мая 1938 г. в Москве завершилось совещание работников высшей школы. Данное мероприятие также было отмечено большим кремлевским приемом. Материалы, связанные с этим банкетом, включены в научную публикацию³.

Во второй половине 1945 г. в СССР были проведены юбилейные торжества, посвященные 220-летию Академии наук. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР направили в адрес Президиума АН СССР официальные приветствия. В Большом театре прошло торжественное заседание, на котором присутствовали, помимо советских ученых, представители зарубежной науки из 19 стран. 30 июня 1945 г. по случаю знаменательной даты в истории Академии наук в Кремле был устроен грандиозный прием.

15 апреля 1939 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов и председатель Комитета по делам физкультуры и спорта

¹ Сергеев И.Н. Царицыно. Суханово. Люди, события, факты. М., 1998. С. 258.

² Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 208.

³ ЗРС. Док. № 33–36.

В.В. Снегов направили письмо на имя В.М. Молотова и А.А. Андреева. Они отмечали, что ежегодный Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве «стал традиционным праздником советского народа». Однако, как подчеркивали авторы письма, каждый год такие парады «проводятся в разные дни, что нарушает все планы физкультурной работы и планы работы физкультурных учебных заведений». Кроме того, подготовка к парадом, по мнению Н.А. Михайлова и В.В. Снегова, велась «в отрыве от задач укрепления всей физкультурной работы», между тем необходимо, чтобы «каждый коллектив стремился прийти к параду с новыми достижениями», а участие в нем «было честью, заслугой». Они сочли необходимым напомнить о негативном опыте проведения парада физкультурников в 1938 г. Постановление о его проведении, отмечали авторы письма, было принято лишь за 2–3 недели до самого парада. В результате возникли «спешка, лишняя трата больших государственных средств, затруднения со снабжением». Наконец, как писали Н.А. Михайлов и В.В. Снегов, до опубликования соответствующего постановления подготовка к физкультурному параду шла «без широкого участия масс, как правило, аппаратным путем». На основании всего вышеизложенного, Михайлов и Снегов обращались с просьбой, адресованной ЦК ВКП(б) и Совету народных комиссаров СССР, «узаконить ставший традиционным день парада и установить единый “День физкультурника”».

В.М. Молотов оставил на письме секретаря ЦК ВЛКСМ и председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР следующую резолюцию: «Надо утвердить в ЦК». 16 июня 1939 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) ходатайство Н.А. Михайлова и В.В. Снегова об учреждении Дня физкультурника было удовлетворено¹. 20 июля 1939 г. для участников Всесоюзного парада в честь дня физкультурника был устроен прием в Зале заседаний Верховного Совета РСФСР.

Год спустя, 20 июля 1940 г. Н.А. Михайлов и В.В. Снегов обратились к Сталину и В.М. Молотову с докладной запиской о проведении 21 июля 1940 г. очередного Всесоюзного физ-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1229. Л. 8.

культурного парада. Они также просили разрешить вопрос о возможности приема участников этого парада в Кремле. Однако против последнего пункта проголосовал Председатель СНК СССР Молотов. Кремлевский банкет для участников парада физкультурников был отменен¹.

Следующий прием по случаю Дня физкультурника и Всесоюзного физкультурного парада прошел в залах Большого Кремлевского Дворца уже после Великой Отечественной войны, 22 июля 1948 г.

Со второй половины 1930-х гг. в Москве стали устраиваться декады республиканского искусства. В советской мемуарной литературе и историографии значимость предвоенных декад республиканского искусства оценивалась довольно высоко². Положительные оценки этих мероприятий можно встретить и в научных исследованиях, которые вышли в свет в бывших союзных республиках СССР в постсоветский период³.

Однако еще в советское время некоторые авторы указывали и на «оборотную сторону медали». Многочисленные декады национального искусства, действительно, стимулировали рост хореографии в союзных республиках СССР. Но они же порождали тип спектаклей-парадов, одновременно соединявших в себе монументальность, помпезность и официальную торжественность. В спектаклях подобного рода преобладало декларативное изображение внешнего благополучия. При этом этнографическая будничность самым непостижимым образом сочеталась с показным великолепием⁴.

Стремительность, с которой совершался путь национальных театров «от первых шагов на сцене до демонстрации творческих достижений в Москве», создавала помехи органическому, глубинному росту талантов. Мастерство подменялось зрелищностью, парадностью, стремлением к достижению

¹ Там же. Д. 1271. Л. 174.

² Солодовников А.В. Указ. соч. С. 207; Советская культура в реконструктивный период, 1928–1941. М., 1988. С. 517–520.

³ Зубайдов А. История деятельности народных музыкантов Таджикистана в 30-е – 80-е годы XX века. Автореферат дис...к. и. н. Душанбе, 2005. С. 15.

⁴ Юсим. «Ду Гуль» // Касьян Голейзовский...С. 284–285.

успеха «буйством красок, внешними эффектами». Щедрые награды, буквально сыпавшиеся на некоторых участников декад республиканского искусства, нередко становились для них своеобразным бременем, препятствуя упорной работе над собой и, в конечном счете, — дальнейшему творческому росту¹. Их проведение сопровождалось показной шумихой, торопливостью, при этом проявлялись и элементы нездорового соревнования. В полной мере сказывались негативные моменты жесткой централизации в деле культурного строительства. Среди них — заданность тематических и жанровых решений, определенная обедненность стилистики и форм и т.д.²

В постсоветский период Е.С. Громов уже иронически писал о «нескончаемых» декадах республиканского искусства, которые устраивались при Сталине³. По мнению А.Г. Латышева, каждая из них «была тем рутинным мероприятием, которое подавалось как “праздник советской культуры”»⁴. Более резко по этому поводу высказывалась М.А. Чегодаева. Имея в виду демонстрацию в Москве искусства Армянской ССР (конец октября — начало ноября 1939 г.), она сделала безапелляционный вывод: это — «официозное, пропагандистское, как все подобные декады, сталинское лицемерие»⁵.

В воспоминаниях современников событий также можно обнаружить критическое отношение к «технике создания “национальных искусств”» в сталинскую эпоху, в частности, в музыкальном жанре. По словам Ю.Б. Елагина, подобный «сценарий» был довольно прост. Какому-нибудь из московских композиторов «среднего качества» предлагалось выехать в одну из этих республик, чтобы ознакомиться с ее фольклором. В конечном счете, за приличную плату создавалась опера или балет. Работа над разучиванием национальной оперы, балета (порой это были две оперы или опера и балет) проводилась, как правило, при помощи приезжавших из Мо-

¹ Солодовников А.В. Указ. соч. С. 207–208.

² Советская культура в реконструктивный период ... С. 520.

³ Громов Е.С. Указ. соч. С. 330.

⁴ Латышев А.Г. И еще один тост «вождя народов» // Искусство кино. 1991. № 5. С. 142.

⁵ Чегодаева М.А. Указ. соч. С. 301.

сквы певцов, музыкантов, администраторов¹. В республику, которая была намерена провести свою декаду в столице СССР, направлялись «варяги» — специалисты по вокалу, балету, «все, вплоть до парикмахеров». Москвичи ставили концертные программы, корректировали спектакли и, вообще, по образному выражению Г.Ю. Бахтарова, «наводили порядок в национальном искусстве»².

По ироничному замечанию М.М. Плисецкой, подобного рода «показушные декады очень любили советские вожди», которые, как писала выдающаяся балерина, «их и придумали для человечества». Однако, считала Плисецкая, была в этой парадной форме демонстрации искусства и своя польза: «Они — эти парады — мобилизовали творческих людей до крайности. Все работали на пределе (а то, глядишь, орденишко не достанется, да на заключительный банкет не позовут). Тут уж и про все болезни забудешь... Да и собирали эти декады силы самые лучшие»³.

В ходе декад республиканского искусства на сцене Большого театра СССР показывали, по словам Ю.Б. Елагина, «длинные оперы на азиатские сюжеты, написанные посредственными советскими композиторами»; это было «зрелище жалкое и совершенно невыносимое для человека с нормально развитым музыкальным вкусом». Все, что в них было интересного и яркого, — это места, в которых фольклор передавался в его чистом виде. В частности, «азиатские» (т.е. восточные) национальные песни и танцы, по мнению Елагина, были хороши, «хотя и несколько однообразны». В доказательство Ю.Б. Елагин приводил пример деятельности в Киргизской ССР композиторов В.А. Власова и В.Г. Фере⁴.

Для начала следует подчеркнуть, что Власова и Фере вряд ли можно отнести к композиторам «среднего качества», «посредственным». Оба отличались определенной самобытностью, оставили солидное творческое наследие и множество способных учеников. В.А. Власов (1902/1903–1986) в 1929 г. окончил Московскую консерваторию. В 1926–1936 гг. работал

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 262.

² Бахтаров Г.Ю. Указ. соч. С. 82.

³ Плисецкая М.М. Указ. соч. С. 93.

⁴ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 262, 263.

как композитор и дирижер 2-го МХАТа. В 1936—1942 гг. находился в Киргизии, где совместно с В.Г. Фере и А. Малдыбаевым стоял у истоков киргизского профессионального музыкального театра. Власов являлся автором (также вместе с Малдыбаевым) первых киргизских опер «Айчурек» («Лунная красавица») (1939) и «За счастье народа» (1941). Его по праву считают родоначальником киргизского национального балета («Анар», 1940 и др.). В.Г. Фере (1902—1971) также закончил Московскую консерваторию (1929). В 1930—1934 гг. работал редактором и музыкальным руководителем Всесоюзного радиокомитета и Музгиза. С 1936 по 1944 гг. — художественный руководитель Киргизской филармонии, а в 1945—1962 гг. преподавал в Московской консерватории.

Не следует, однако, упускать из виду и того очевидного обстоятельства, что композиторы, направлявшиеся из Москвы в национальные республики, не были лишены тщеславия и получали реальный шанс сделать успешную творческую карьеру. Г.Ю. Бахтаров прямо подчеркивал: «Ни для кого не секрет, что все столичные знаменитости приезжали в республики зарабатывать деньги, ордена, звания. Самые главные лица получали даже Ордена Ленина»¹.

Специфика декад республиканского искусства состояла в том, что они проводились от имени и под непосредственным контролем Комитета по делам искусств при СНК СССР (КДИ), образованного 17 января 1936 г.² С 17 января 1936 г. по 19 января 1938 г. председателем Комитета являлся П.М. Керженцев; с 19 января 1938 г. по 1 апреля 1939 г. в этой должности находился А.И. Назаров. 31 марта 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу Назарова об освобождении от обязанностей председателя Комитета по делам искусств по болезни. Исполняющим обязанности его председателя был назначен Б.М. Храпченко³. 19 июня 1939 г. заместителем председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило А.В. Солодовникова⁴.

¹ Цит. по: *Бахтаров Г.Ю.* Указ. соч. С. 86.

² *Солодовников А.В.* Указ. соч. С. 208—210.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1220. Л. 127.

⁴ Там же. Д. 1229. Л. 55.

Первой по счету была запланирована украинская декада искусства¹. Она прошла в Москве с 11 по 21 марта 1936 г. Количество участников декады достигало 500 чел.² В столицу СССР прибыли: Театр оперы и балета им. Т.Г. Шевченко, который показал оперы «Наталка-Полтавка», «Запорожец за Дунаем», «Снегурочка»; Ансамбль украинского народного танца и хоровая капелла «Думка»; Украинская капелла бандуристов; женский хоровой ансамбль. 22 марта 1936 г. участники декады, а также московские «мастера искусств» были приглашены на застолье, организованное в Большом Кремлевском дворце Комитетом по делам искусств при СНК СССР³.

Выступая на банкете в Кремле 22 марта 1936 г., П.М. Керженцев, в частности, отметил: «Обмен творческими силами между народами Союза Комитет по делам искусств будет продолжать и дальше. Гастроли коллективов и отдельных исполнителей будут введены в систему. В течение этого года Москва увидит художественные коллективы Казахстана; затем будут гастролировать грузинские театры (драматический и оперный)»⁴.

Декада казахского искусства прошла в Москве с 17 по 26 мая 1936 г. Число ее участников составляло 350 чел.⁵. На ней были представлены: Казахский музыкальный театр, показавший музыкальные драмы Е.Г. Брусиловского «Кыз Жибек» и «Жалбыр»; коллективы и солисты казахской филармонии. 26 мая 1936 г. участники декады казахского искусства были приглашены на кремлевское застолье с участием Сталина.

Сохранился пригласительный билет известного кинорежиссера С.М. Эйзенштейна на упомянутый банкет. Это — карточка светло-коричневого цвета. В левом верхнем углу — Герб Союза ССР, в правом — призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На карточку черным типографским шрифтом нанесен следующий текст:

¹ Советская культура в реконструктивный период... С. 517.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 10.

³ Правда. 1936. 24 марта.

⁴ Там же.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 10.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 338

Всесоюзный Комитет по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР приглашает Вас на товарищескую встречу с казахскими работниками искусств.

Встреча состоится 25 мая 1936 г. в 20 час. в Большом Кремлевском Дворце.

Тов. Эйзенштейн¹.

Стол № 12².

С 4 по 13 января 1937 г. Москве и Ленинграде проходила декада грузинского искусства³. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил расходы по проведению этой декады (за вычетом доходов) в размере 1761 тыс. руб.⁴ Первоначально планировалось участие в ней 450—500 чел., однако реально число участников достигло 730 чел.⁵ (по другим данным — 750 чел.⁶). В Москве были представлены: Театр оперы и балета им. Палиашвили, который показал оперы «Абесалом и Этери», «Даиси» З.П. Палиашвили, «Дареджан Цбиери» М.А. Баланчивадзе, «Кето и Котэ» В.И. Долидзе; фольклорные ансамбли. По завершении декады грузинского искусства, 14 января 1937 г. в Кремле был устроен банкет с участием Сталина, членов Политбюро и Советского правительства. Газета «Правда» писала в тот день, что «в Большом Кремлевском дворце состоялся прием участников декады грузинского искусства»⁷.

С 21 по 30 мая 1937 г. проходила декада узбекского искусства. Подготовка к ней началась еще в 1935 г. Однако первоначально все сводилось к творческим предположениям

¹ Фамилия вписана от руки фиолетовыми чернилами.

² Номер стола вписан от руки.

³ Составители документального сборника о национальном вопросе неверно датировали эту декаду 17—18 января (sic! — В.Н.) 1937 г. (ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М., 2009. С. 212, прим. 1).

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 184. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Оп. 21. Д. 1. Л. 10.

⁷ Правда. 1937. 15 янв.

и поискам. И только осенью 1936 г. развернулась настоящая подготовка к декаде¹. В столицу СССР прибыло для участия в ней 600 чел.² В ходе декады проходили выступления: Узбекского музыкального театра, поставившего драмы «Фархад и Ширин» В.А. Успенского, «Гюльсара» Р.М. Глиэра и Т.Д. Джалилова; ансамбль под руководством Тамары Ханум. 31 мая 1937 г. в Большом Кремлевском дворце был организован прием по случаю завершения этой декады.

Следующими в Москве показывали свои достижения мастера культуры Азербайджана. 4 марта 1938 г. председатель Комитета по делам искусств А.И. Назаров обратился к Председателю СНК СССР В.М. Молотову с просьбой разрешить проведение декады азербайджанского искусства в Москве с 5 по 15 апреля 1938 г. К письму Назарова был приложен проект постановления СНК СССР о проведении этой декады. Молотов наложил следующую резолюцию на письме А.И. Назарова: «Надо рассмотреть в ЦК»³.

13 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления СНК СССР, согласно которому КДИ получал разрешение провести декаду азербайджанского искусства в Москве в указанные сроки. Состав ее участников был определен в 700 чел.⁴. Реально их оказалось, по одним данным, 650 чел.⁵, по другим — 682 чел., в том числе: 599 артистов, 27 представителей «художественно-руководящего» и 12 чел. — административно-управленческого персонала. Расходы на проведение декады составили 4532,5 тыс. руб.⁶ В декаде участвовали: Театр оперы и балета им. М.Ф. Ахундова, который подготовил оперы «Кёр-Оглы» У. Гаджибекова, «Шахсенем» Р.М. Глиэра и «Нергиз» А.М. Магомаева, музыкальную комедию «Аршин мал алан» Гаджибекова; солисты азербайджанской филармонии. 17 апреля 1938 г. в Георгиевском зале и в Грановитой палате состоялся большой кремлевский прием

¹ Касьян Голейзовский... С. 272.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 11.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1187. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 31; РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 11. Л. 57.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 5, 5 об.

для участников декады азербайджанского искусства, продолжавшийся без малого семь часов¹.

Еще в 1936 г. в столицу Киргизской ССР прибыли из Москвы для подготовки декады киргизского искусства крупные музыкальные деятели: дирижер В.В. Целиковский² и балетмейстер Л.И. Лукин. Когда подготовка к декаде шла полным ходом, и все сводилось воедино, Лукин был посажен в тюрьму в г. Фрунзе как «враг народа» и просидел почти год. Его выпустили лишь за пять дней до начала декады³.

Несомненный интерес представляет свидетельство писателя В.В. Иванова, попутчиком которого в августе 1936 г. являлся упоминавшийся выше композитор В.А. Власов, направлявшийся вместе со своей женой в Среднюю Азию. Иванов, в частности, записал в дневнике, что в купе вагона, в котором он следовал, «утешал свою жену Вл. Власов, композитор, едущий во Фрунзе устраивать киргизскую оперу». Киргизию, читаем дальше в дневнике В.В. Иванова, «сделали, согласно Конституции, 11-й Союзной Республикой, и там, видимо, завидуя Казахстану и его театральным успехам в Москве, решили создать, — к 38-му году, когда будет в Москве театральная декада, — оперу и балет <...>. Для музыкантов, теперь, должно быть, здесь “золотая лихорадка”». «Жена музыканта, — отмечал В.В. Иванов, — весьма не одобряет расчеты мужа, но парню хочется славы — желание законнейшее — и он непрестанно жалуется, что уже взятые и принятые оперы в Москве не ставятся по два и по три года; халтурить же и сочинять песенки он устал...»⁴.

Декада киргизского искусства имела место спустя три года после описываемого эпизода. Ей предшествовала переписка между Комитетом по делам искусств при СНК СССР

¹ Встречи с товарищем Сталиным. С. 168.

² Василий Васильевич Целиковский (1900–1953), дирижер. Заведующий музыкальной частью Большого театра СССР, главный дирижер (1937–1939), руководитель Киргизского музыкально-драматического театра (с 1939 г.).

³ Бахтаров Г.Ю. Указ. соч. С. 85, 86.

⁴ Иванов В.В. Указ. соч. С. 28. В.А. Власов по завершении декады киргизского искусства в Москве (7 июня 1939 г.) был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. — В.Н.

и ЦК ВКП(б). 25 апреля 1939 г. М.Б. Храпченко обратился с письмом к Сталину и Молотову. Он просил разрешить провести в Москве с 25 мая по 5 июня 1939 г. декаду киргизского искусства¹. Храпченко докладывал, что программа ее была предварительно просмотрена и принята бригадой Комитета. Он также просил утвердить состав участников декады в количестве 550 человек. 3 мая 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) на запрос М.Б. Храпченко был дан положительный ответ². 16 мая 1939 г. В.М. Молотов направил в Политбюро записку, в которой просил принять решение о выделение из резервного фонда СНК СССР 3360 тыс. руб. для проведения декады киргизского искусства. 19 мая высший партийный орган удовлетворил эту просьбу Председателя СНК СССР³.

Всего в организации и проведении декады киргизского искусства в Москве, по сведениям КДИ, участвовало 550 чел.⁴ (по другим данным — 576 чел.), из них: 420 артистов, 70 «художественно-руководящих работников», 60 представителей административно-управленческого персонала, 10 художников и 16 писателей. Затраты на проведение декады составили 8873000 руб.⁵. В декаде участвовали: Киргизский музыкальный театр, представивший музыкальные драмы «Аджал Ордуна», «Алтын Кыз» и оперу «Айчурек» В.А. Власова, А. Малдыбаева и В.Г. Фере. 5 июня 1939 г., по ее завершению, в Георгиевском зале и в Грановитой палате состоялся прием.

5 сентября 1938 г. начальник Управления по делам искусств при СНК Армянской ССР Асланян обратился с письмом к А.И. Назарову. Асланян отмечал в своем письме, что по примеру ряда национальных республик Союза ССР Армения также хотела бы провести в Москве в апреле 1939 г. показ армянского искусства. Он просил разрешения приступить к начальному этапу работы с тем, чтобы в первой половине января 1939 г. организовать с участием представителей Ко-

¹ Декада киргизского искусства в Москве проходила с 26 мая по 4 июня 1939 г.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 22; Оп. 163. Л. 1224. Л. 74.

³ Там же. Оп. 3. Д. 1009. Л. 46; Оп. 163. Д. 1225. Л. 130.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 1.

митета по делам искусств при СНК СССР предварительный просмотр результатов проделанного и определить степень готовности к декаде¹. 29 сентября 1939 г. В.М. Молотов направил в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо, в котором сообщал, что СНК Армянской ССР просит разрешения о ее проведении, а Комитет по делам искусств поддерживает данное ходатайство. Молотов посчитал эту просьбу вполне обоснованной. Он просил Политбюро разрешить КДИ провести в Москве с 16 по 26 октября 1939 г. декаду армянского искусства².

Однако сроки ее проведения были немного смещены: она проходила с 20 по 29 октября 1939 г. В Москву прибыли из Армении 550 чел., которые были непосредственно привлечены к проведению данной декады³. В ней приняли участие: Театр оперы и балета им. Спендиарова, показавший оперы «Алмаст» А.А. Спендиарова, «Ануш» А.Т. Тиграняна, «Луса-бацин» А.Л. Степаняна, балет «Счастье» А.И. Хачатуряна; ансамбль песни и танца Армянской ССР; ашугский ансамбль; оркестры; хоры. 4 ноября 1939 г. участников декады армянского искусства пригласили на грандиозное кремлевское застолье, для которого были предоставлены Георгиевский зал и Грановитая палата.

По завершении «зимней» войны против Финляндии (1939—1940 гг.) возникла идея, имевшая, как писал впоследствии А.В. Солодовников, член руководства Комитета по делам искусств при СНК СССР, «глубинный общественно-политический смысл»: организовать в Москве показ театрального и музыкального искусства Ленинграда⁴. Он проходил с 10 по 26 мая 1940 г.

К этому времени М.Б. Храпченко стал полноправным руководителем Комитета по делам искусств. 4 декабря 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) М.Б. Храпченко был назначен Председателем КДИ. 10 декабря 1939 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР об назначении. 4 апреля 1940 г. VI Сессия Верховного Совета СССР утвердила этот указ⁵.

¹ Там же. Д. 20. Л. 71.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1236. Л. 188.

³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 1. Л. 11.

⁴ Солодовников А.В. Указ. соч. С. 210.

⁵ Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 15, прим. 51.

Из Ленинграда прибыли в столицу СССР: труппы крупнейших театров; музыканты симфонического оркестра Ленинградской филармонии; одна из старейших — Академическая капелла; колыбель русского балета — Ленинградское хореографическое училище¹. Всего в показе достижений искусства Ленинграда в Москве участвовало 2765 чел.² (по другим данным — около 4 тыс. чел.)³. После заключительного концерта, 29 мая 1940 г. участники показа были приняты в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца руководителями большевистской партии и Советского государства во главе со Сталиным.

17 марта 1939 г. Председатель СНК Белорусской ССР К.В. Киселёв обратился с письмом на имя В.М. Молотова. Он сообщал, что в соответствии с решением ЦК КП(б) в декабре 1939 — январе 1940 гг. намечено проведение декады белорусского искусства в Москве. В связи с этим, подчеркивал в своем письме Киселёв, необходимо немедленно приступить к подготовительным работам «по осуществлению этого важнейшего политического и культурного мероприятия». Поскольку расходы на проведение декады не были предусмотрены бюджетом, К.В. Киселёв просил выделить на это мероприятие 4493 тыс. руб.

Управление делами СНК СССР обратилось к председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР А.И. Назарову с просьбой представить собственные предложения о проведении декады белорусского искусства в Москве. По мнению Назарова, изложенному в его ответном письме от 28 апреля 1939 г., декаду можно было провести в Москве не ранее марта-апреля 1940 г. 3 июля 1939 г. В.М. Молотов направил в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку с изложением этого вопроса. 9 июля 1939 г. Политбюро разрешило Комитету по делам искусств при СНК СССР провести в Москве в апреле-мае 1940 г. декаду белорусского искусства. Из резервного фонда Совнаркома СССР в распоряжение СНК БССР в 1939 г. выделялась запрошенная сумма. Позднее, по

¹ Там же. С. 210–211.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 2. Л. 13.

³ Культурная жизнь в СССР. 1928–1941. Хроника. М., 1976. С. 732.

решению Политбюро от 10 апреля 1940 г., проведение декады было перенесено на 5—15 июня 1940 г.

В Минск для предварительного просмотра на месте декадной программы выехала бригада Комитета по делам искусств при СНК СССР во главе с А.В. Солодовниковым. Проведению в Москве декады искусства пограничной Белорусской ССР в условиях, когда на Западе Гитлер довершал военный разгром Франции, Кремль придавал «особое политическое значение». Не случайно, руководство КП(б) Белоруссии и лично первый секретарь республиканского комитета партии П.К. Пономаренко активно занимались вопросами, связанными с ее подготовкой.

Декада белорусского искусства в Москве оказалась наиболее представительной в предвоенный период. В отчетной документации Комитета по делам искусств при СНК СССР говорится о 1274-х участниках декады, в числе которых было: 1043 артиста; 85 представителей художественно-руководящего; 45 — административно-управленческого и 101 чел. — технического персонала¹. Расходы на проведение декады белорусского искусства в Москве составили 3002 тыс. руб.² В декаде приняли участие: Белорусский театр оперы и балета, показавший оперы «Михась Подгорный» Е.К. Тикоцкого, «В пущах Полесья» А.В. Богатырева, «Цветок счастья» Е.Е. Туренкова, балет «Соловей» М.Е. Крошнера; Театр им. Я. Купалы, подготовивший спектакли «Партизаны» и «Кто смеётся последним» К. Крапивы, «Гибель волка» Э.Л. Самуйлёнка; коллективы и солисты белорусской филармонии; самодеятельные коллективы. 17 июня 1940 г. участники декады были приглашены на грандиозный банкет в Кремль.

Для «демонстрации спокойствия» СССР на Дальнем Востоке, возле границ марионеточного государства Манчжоу-Го (северо-восточная часть Китая, захваченная Японией в 1930-е гг.), в Москве (по инициативе Сталина)³ был устроен смотр достижений культуры автономной республики РСФСР — Бурят-Монгольской. 26 сентября 1939 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 2. Л. 9.

² *Невежин В.А.* Особенности организации декады белорусского искусства в Москве (июнь 1940). С. 264—265.

³ *Моисеев И.А.* Указ. соч. С. 81.

решение о проведении декады бурят-монгольского искусства в 1940 г. 1 октября 1939 г. данное решение единогласно утвердили члены Политбюро Сталин, А.А. Андреев, А.А. Жданов, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов. При этом окончательный срок проведения декады должен был установить Комитет по делам искусств при СНК СССР «в зависимости от готовности коллективов к выступлению»¹.

В столицу Бурят-Монгольской АССР Улан-Удэ выехала бригада по предварительному просмотру программы намечавшейся декады, во главе которой вновь поставили А.В. Солодовникова. Посланцы из Москвы осуществляли свою ответственную миссию при действенной помощи секретаря Бурят-Монгольского обкома партии С.Д. Игнатьева².

24 июля 1940 г. В.М. Молотов направил в Политбюро докладную записку. Он напоминал о том, что 1 октября 1939 г. Комитету по делам искусств при СНК СССР было разрешено провести декаду бурят-монгольского искусства в Москве, причем степень готовности ее определялась КДИ. По мнению руководства Комитета по делам искусств при СНК СССР, подготовка к ней должна быть завершена в сентябре-октябре 1940 г. Молотов также сообщал, что Совнарком РСФСР ассигновал на проведение декады бурят-монгольского искусства 5 млн руб.

В.М. Молотов констатировал, что, рассмотрев данный вопрос, СНК СССР «признал целесообразным провести декаду бурят-монгольского искусства» с 20 по 30 октября 1940 г., а на расходы, связанные с ее подготовкой, отпустить дополнительно 2 млн руб. 26 июля 1940 г. проект постановления Совнаркома об этом был единогласно утвержден членами Политбюро ЦК ВКП(б) Сталиным, А.А. Андреевым, М.И. Калинин, А.И. Микояном и К.Е. Ворошиловым³.

В декаде бурят-монгольского искусства в Москве участвовали 650 чел.⁴ (по другим данным — 750 чел.⁵). Из бюджета

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 1236. Л. 183.

² Солодовников А.В. Указ. соч. С. 208–209.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 224, 225.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 2. Л. 23.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 10.

на ее проведение было выделено 9200 тыс. руб.¹ В декаде приняли участие: Музыкальный драматический театр Бурят-Монгольской АССР, который показал оперы «Энхэ-Булат Батор» М.П. Фролова, «Баир» Г.Ц. Цыдынжапова и Шадаева; ансамбли; солисты; коллективы самодеятельности. 30 октября 1940 г. участников декады чествовали на приеме в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Последняя, десятая по счету, довоенная декада республиканского искусства была проведена в столице СССР в апреле 1941 г. На ней была представлена Таджикская ССР. 31 августа 1939 г. заместитель начальника Управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР В.Н. Сурин предложил М.Б. Храпченко перенести проведение декады таджикского искусства с 1940 г., как планировалось ранее, на 1941 г. Для этого переноса, по мнению Сурина, имелись серьезные причины. Он напоминал, что в 1940 г. в Москве намечалось провести декаду белорусского искусства, а также вторую по счету узбекскую декаду. Помимо этого, на основании отчета руководства Управления по делам искусств Таджикской ССР В.Н. Суриным был сделан следующий вывод: состояние искусства в союзной республике «еще не находится на достаточно высоком уровне». По мнению Сурина, на подготовку декады требовалось полтора-два года².

В Таджикистане в то время не доставало профессиональных кадров в сфере культуры, поэтому предстоящая декада оказалась своеобразным стимулом для закладки фундамента дальнейшего развития таджикского искусства. С учетом масштабов предстоящей работы руководство Таджикской ССР сочло необходимым пригласить известных мастеров и художников³. 22 февраля 1941 г. М.Б. Храпченко сообщал в письме на имя заместителя председателя СНК СССР Р.С. Землячки, что «для творческой помощи работникам искусств Таджикской ССР» Комитетом по делам искусств при СНК СССР в Сталинабад были командированы художественный руководитель Музыкального театра Д.В. Камерицкий, главный художник

¹ Там же. Л. 8.

² Там же. Д. 47. Л. 221.

³ Касьян Голейзовский... С. 320.

Р.Ф. Рындин, главный балетмейстер К.Я. Голейзовский¹. 11 марта 1941 г. Храпченко обратился к В.М. Молотову с просьбой о проведении в апреле 1941 г. декады таджикского искусства, предварительная подготовка к которой велась на протяжении двух лет².

Декада таджикского искусства проходила с 12 по 21 апреля 1941 г. Ее участниками являлись: Таджикский театр оперы и балета, показавший оперы «Восстание Восэ» и музыкальное представление «Лола» С.А. Баласаняна, «Кузнец Кова» Баласаняна и Ш.Н. Бобокалонова, балет «Две розы» А.С. Ленского.

Вместе с участниками декады таджикского искусства в Кремле чествовали первых лауреатов Сталинской премии в области науки, техники, литературы, искусства, кинематографии и музыки. Списки лауреатов этой наиболее престижной в СССР премии были опубликованы 15 и 16 марта 1941 г.³ 22 марта 1941 г. руководители Таджикистана просили назначить открытие декады таджикского искусства в Москве на 10 апреля. На копии их докладной записки синим карандашом рукой Сталина была сделана помета: «Срок откр [ытия] декады 12 апреля 1941 г.»⁴. По всей вероятности, вождь пожелал «совместить» банкет участников декады таджикского искусства с чествованием лауреатов премии своего имени. Во всяком случае, по этим обоим поводам в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был устроен один прием, и представляется не случайным, что он пришелся именно на 22 апреля 1941 г. (день рождения В.И. Ленина). Подробнее о приеме участников декады таджикского искусства будет рассказано в главе пятой данной монографии.

На вторую половину 1941 г. и на 1942 г. планировалось проведение в столице СССР еще нескольких декад республиканского искусства. Кроме того, было намечено пригласить в Москву мастеров искусств из Башкирии, Татарии, прибал-

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 47. Л. 87.

² Там же. Л. 70.

³ Правда. 1941. 17, 18 марта. Подробнее о Сталинских премиях см.: Сталинские премии: две стороны одной медали. Сб. док-тов и худ.-публ. мат-лов. М., 2007.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1305. Л. 80.

тийских республик (Литвы, Латвии и Эстонии)¹. В Ригу для подготовки латвийской декады отправились из Москвы около 40 деятелей культуры. Однако после нападения Германии на СССР все они срочно покинули Прибалтику.

В 1936 г., по завершении декады украинского музыкального искусства, ЦИК СССР принял три постановления: «О награждении Украинского государственного Киевского театра оперы и балета»; «О награждении работников Киевской украинской государственной оперы и работников украинского ансамбля»; «О государственном украинском академическом театре оперы и балета»². С этого времени установился такой порядок, при котором Сталин предварительно лично знакомился с проектами постановлений СНК СССР о награждении отдельных деятелей культуры и творческих коллективов, которые участвовали в декадах республиканского искусства, а также о выделении материальных средств на развитие культуры каждой из республик, достижения которой были представлены в Москве. Затем эти постановления утверждались на Политбюро ЦК ВКП(б).

В череде больших кремлевских приемов предвоенного периода можно выделить и банкеты, являвшиеся, выражаясь современным языком, эксклюзивными по своему характеру. К их числу относится, в частности, прием депутатов Верховного Совета СССР.

С 1922 г. высшим органом государственной власти в промежутке времени между Всесоюзными съездами Советов являлся Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР. После принятия на VIII Чрезвычайном съезде Советов 5 декабря 1936 г. новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик ЦИК просуществовал до января 1938 г. Новая Конституция предусматривала создание Верховного Совета СССР. Он избирался всеобщим прямым тайным голосованием и состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. В конце 1937 г. были проведены первые выборы в Верховный Совет. Вместо ЦИК он стал исполнять роль высшего органа государственной власти в стране. 20 января

¹ Советская культура в реконструктивный период... С. 519.

² Правда. 1936. 24 марта.

1938 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был устроен банкет для депутатов 1-й сессии Верховного Совета СССР. Материалы об этом приеме включены в научную публикацию¹.

Другой прием в Кремле, который также можно отнести к числу эксклюзивных, знаменовал достижения в области внешнеполитической деятельности СССР. После подписания дипломатических соглашений с Германией (пакта о ненападении от 23 августа и договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.) в сферу «государственных интересов» Советского Союза вошли, в частности, страны Прибалтики. 28 сентября 1939 г. был заключен договор о взаимопомощи с Эстонией, согласно которому предусматривался ввод на эстонскую территорию 25 тысячного контингента Красной армии. Вслед за этим начались переговоры с Латвией. Они закончились заключением аналогичного договора (5 октября 1939 г.). В Латвию вводились советские войска общей численностью 25 тыс. чел. Наконец, 10 октября СССР и Литва подписали «Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой». На территорию Литвы по этому соглашению вводился советский воинский контингент общей численностью в 20 тыс. человек².

В июне 1940 г., в условиях, когда германский вермахт успешно завершал боевые действия против Франции, Сталин решил усилить советское военное присутствие в Прибалтике. Под видом нарушения прибалтийскими государствами ранее подписанных договоров, Москва сначала предъявила им ультиматум, а затем, с 14 по 21 июня дополнительные части Красной армии были введены на территорию Литвы, Латвии и Эстонии.

Вслед за этим во всех трех прибалтийских странах в результате выборов были сформированы просоветские правительства (сеймы Литвы и Латвии, Государственная Дума

¹ ЗРС. С.167–184.

² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008. С. 129–157.

Эстонии), которые провозгласили создание Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР. В начале августа сеймы Латвии и Литвы, а также Государственная Дума Эстонии обратились в Москву с просьбой о вхождении в состав Советского Союза. Этот вопрос рассматривался на VII Сессии Верховного Совета; было принято решение о включении стран Балтии в состав СССР на правах союзных республик¹.

В 1918 г. Румыния оккупировала Бессарабию, входившую ранее в состав Российской империи. Руководство СССР считало, что эта территория должна быть передана СССР. В июне 1940 г., исходя из наличия советско-германских договоренностей о разделе «сфер государственных интересов», согласно которым Германия демонстрировала свою незаинтересованность в Бессарабии, Москва приступила к разрешению бессарабского вопроса. Румынии был предъявлен ультиматум, а 28 июня 1940 г. войска Красной армии вступили на румынскую территорию и к середине августа заняли Бессарабию, а также северную часть Буковины. 2 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав УССР Северной Буковины и трех уездов Бессарабии на черноморском побережье².

Именно эти достижения советской внешней политики и были отмечены большим кремлевским приемом 10 августа 1940 г. Его устроили в Большом Кремлевском дворце для представителей «народов Бессарабии и Северной Буковины, полномочных комиссий сеймов Литвы, Латвии и Государственной Думы Эстонии»³.

В годы Великой Отечественной войны большие кремлевские приемы по объективным причинам не проводились. В ночь с 21 на 22 июля 1941 г., во время первой бомбардировки Москвы германской авиацией, неразорвавшаяся фугасная авиабомба весом 250 кг попала в здание Большого Кремлевского дворца. Она пробила кровлю и свод над Георгиевским залом площадью в 1 кв. м. Пострадал уникальный пол этого

¹ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 92–93.

² *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010.

³ Правда. 1940. 11 авг.

парадного зала, а свод над ним дал трещины¹. Торжественные банкеты вновь стали проводиться в Кремле уже после победы над Германией (см. *Приложение № 4*).

Таким образом, для организации больших кремлевских приемов предвоенных и первых послевоенных лет находились существенные поводы, каждый из которых был связан с каким-либо важным событием в политической жизни страны, с демонстрацией ее достижений в области науки и культуры. Не случайно поэтому отчеты о них регулярно появлялись на первых полосах центральных газет.

¹ Московский Кремль — цитадель России. С. 187.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРИЕМОВ

3.1. Хозяева

Как уже отмечалось, дифференцирующая направленность застольного ритуала проявляется в наличии ролевых функций хозяина и гостей. Применительно к большим кремлевским приемам правильнее было бы говорить о *хозяевах* и гостях.

Всех участников этих банкетов условно можно разделить на три основные группы, выполнявшие различные ролевые функции. К *первой группе*, самой малочисленной, но наиболее весомой по своему социальному статусу, принадлежали Сталин и его ближайшие соратники, партийные и государственные руководители высшего ранга, являвшиеся хозяевами на банкетах в Большом Кремлевском дворце. Их ключевая роль была зафиксирована, например, в здравнице, которую провозгласил Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов во время первомайского приема 1936 г. Нарком обороны СССР произнес тогда тост от имени хозяев застолья — «рабоче-крестьянского правительства и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии».

Вторую, наиболее многочисленную, *группу* участников кремлевских банкетов, составляли *гости*. Например, на упомянутом первомайском приеме 1936 г., как подчеркивал Ворошилов, гостями руководства большевистской партии и членов Советского правительства являлись бойцы и командиры Рабоче-Крестьянской Красной армии¹. Более подробно

¹ Невежин В.А. БКПС // Отечественная история. 2005. № 4. С. 134.

о ролевых функциях гостей сталинских застолий в Кремле будет сказано во втором параграфе данной главы.

Можно выделить еще одну, *третью группу*, принадлежавшие к которой являлись гостями и одновременно выполняли на больших кремлевских приемах важную функцию. Речь идет об артистах и музыкантах, участвовавших в праздничных концертах, которыми сопровождалась либо завершались приемы. Без них грандиозные сталинские застолья в Кремле потеряли бы всю свою торжественность и пышность. Ролевые функции названной группы участников этих банкетов рассмотрены в последнем параграфе третьей главы монографии.

Со времени зарождения традиции проведения больших кремлевских приемов, согласно газетным отчетам, инициаторами банкетов в Кремле формально выступали ЦК ВКП(б) и Советское правительство. В центральных советских газетах с середины 1930-х гг. наиболее распространенной формулировкой, передававшей смысл той важной функции, которую выполняли устроители банкетов в Кремле, была следующая: прием (далее, как правило, следовало указание на повод, по которому организовывалось кремлевское застолье) Центральным Комитетом ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров Союза ССР¹. Встречается и более точная формулировка: прием... руководителями Центрального Комитета ВКП(б) и правительства Союза СССР (руководителями партии и правительства)².

Один раз (после того как в результате выборов сформировался депутатский корпус) прием был устроен Президиумом Верховного Совета и Советом Народных Комиссаров СССР³. Из 10-ти предвоенных приемов участников декад республиканского искусства 5 были проведены от имени Комитета по делам искусств при СНК СССР⁴. КДИ также выступал в ка-

¹ Правда. 1935. 4 мая; 1937. 26 июня, 27 июля, 24 авг.; 1938. 17 марта; 1938. 18 мая, 28 окт., 9 нояб.; 1939. 5 мая; 7 мая, 23 мая; 9 нояб.; 1940. 3 февр., 4 мая; 1941. 4 мая, 6 мая,

² 1935. 2 авг.; 1936. 4 мая; 14 авг.; 1937. 15 янв., 4 мая, 1 июня, 30 окт.; 1938. 18 апр., 4 мая; 1939. 6 мая, 8 мая, 24 мая, 21 июля, 4 нояб.; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

³ Правда. 1938. 21 янв.

⁴ Правда. 1936. 23 марта; 1939. 6 июня; 1940. 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр.

честве инициатора приема участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда¹. Все пять послевоенных приемов устраивались от имени Правительства СССР².

В остальных случаях банкеты в Кремле устраивались Центральным Комитетом большевистской партии и Советом Народных Комиссаров СССР. Однако трудно себе представить, чтобы все члены ЦК ВКП(б) и правительства СССР одновременно выступали в роли хозяев на кремлевских приемах. Ведь только в Центральный Комитет ВКП(б) на XVII съезде ВКП(б) (февраль 1934 г.) было избрано 139 чел. Даже с учетом выбывших (по причине смерти), к маю 1935 г., т.е. ко времени проведения первых кремлевских приемов, общее количество членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) составляло 136 чел.³ Что касается членов Советского правительства, то попытка произвести соответствующие подсчеты его состава за интересующий нас период (вторая половина 1930-х — первая половина 1940-х гг.) представляется практически невыполнимой задачей.

Застолья являются своеобразным символом единства политического сообщества⁴. В полной мере это наблюдение можно отнести к сталинским банкетам в честь представителей военного командования (2 и 4 мая 1935 г.). Более того, оба они носили инаугурационный характер. К этому времени завершился процесс установления единовластия Сталина в СССР и в правящей большевистской партии. Прежде всего, вождь предпринял практические шаги для нейтрализации Н.И. Бухарина. В конце 1929 г. Бухарин как один из лидеров так называемого «правого уклона» был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934 г. он стал ответственным редактором советского официоза — газеты «Известия».

Убийство С.М. Кирова Сталин постарался использовать в качестве повода для развертывания репрессий против политических противников и оппонентов внутри ВКП(б).

¹ Правда. 1940. 30 мая.

² Правда. 1945. 26 мая, 1 июля; 1947. 4 мая, 1948. 23 июля; 1949. 24 дек.

³ Подсчеты мои. — В.Н.

⁴ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 267.

Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев в 1935 г. были приговорены к тюремному заключению. Они проходили по делу так называемого «Московского центра».

Укрепление сталинских позиций в борьбе за власть сопровождалось активизацией внешнеполитической деятельности. 2 мая 1935 г. представители СССР и Франции подписали договор о взаимной помощи. Данное дипломатическое соглашение было представлено как триумф сталинской внешней политики. Одним из первых в подобном контексте интерпретировал его В.М. Молотов в своем выступлении на приеме в Кремле выпускников военных академий 4 мая 1935 г.: «Подписание советско-французского договора стало возможным между прочим потому, что растет и крепнет мощь нашей страны и сила нашей Красной Армии под гениальным руководством нашей партии, товарища Сталина»¹.

Так или иначе, в начале мая 1935 г. Сталину представилась возможность продемонстрировать единство с преданными соратниками по партии. Кремлевский прием выпускников военных академий РККА был призван лишний раз подтвердить, что реальная основа для демонстрации подобного единения существует. Как представляется, Сталину удалось успешно использовать торжества в честь «военных академиков» в интересах реализации своего замысла. Естественно, важен был сам факт выпуска слушателей академий РККА; в последующем вождь регулярно присутствовал на этих выпусках. Помимо этого, ему явно импонировало общение с военной аудиторией в атмосфере кремлевского застолья.

Сталин, который, по его собственному признанию, иногда пропускал торжества такого рода², теперь получал возможность с лихвой наверстать упущенное. Отныне он чувствовал себя полноправным хозяином на кремлевских банкетах, устраивавшихся для представителей командования РККА.

Совместное застолье, помимо прочего, является одной из принятых в политическом сообществе практик общения,

¹ Цит. по: *Невежин В.А.* БКПС // Отечественная история. 2005. № 3. С. 74–75.

² *Невежин В.А.* ЗРС. С.70.

имеющих значение как средство установления отношений, объединения¹. В этом смысле несомненный интерес представляет «застольная составляющая» складывания взаимоотношений между Сталиным и функционерами из его ближайшего окружения, входившими в состав эрзац-элиты (или субэлиты).

Возвращаясь к вопросу о том, кто именно выполнял роль хозяев на больших кремлевских приемах, можно сделать следующий вывод: эта роль принадлежала сравнительно *узкой группе* видных партийных и государственных функционеров (членов Политбюро и Оргбюро) во главе со Сталиным. Вернее, вождь и его ближайшее окружение *обеспечили себе* эту роль, что постепенно вошло в обиход, стало восприниматься как норма, как составная часть складывающейся традиции проведения банкетов в Кремле.

За период с 1 февраля 1935 г. по 18 февраля 1937 гг. в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата не прошло никаких персональных изменений. Членами Политбюро в тот период являлись: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.В. Косиор, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин, В.Я. Чубарь; кандидатами в члены Политбюро: А.А. Жданов, Г.И. Петровский, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, Р.И. Эйхе.

В состав Оргбюро ВКП(б) входили: Я.Б. Гамарник, Н.И. Ежов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, А.В. Косарев, А.И. Стецкий, Н.М. Шверник, М.М. Каганович (кандидат в члены Оргбюро), А.М. Криницкий (кандидат в члены Оргбюро).

В Секретариате ЦК ВКП(б) состояли: А.А. Андреев, Н.И. Ежов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, И.В. Сталин.

Таким образом, не считая Сталина, «высший эшелон» партийно-государственных руководителей (члены и кандидаты в члены Политбюро и Оргбюро, секретари ЦК) состоял в обозначенный период из 21 человека.

С мая 1935 г. по январь 1937 г. включительно в Кремле имело место 8 приемов. За одним столом со Сталиным во время этих приемов из числа поименованных выше размещались следующие представители высшего партийно-государственного

¹ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 269.

руководства (фамилии даны в том порядке, как они приводились в центральных газетах)¹:

1) 2 мая 1935 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, В.Я. Чубарь.

2) 4 мая 1935 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин².

3) 30 июля 1935 г.: Л.М. Каганович; Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилов, В.Я. Чубарь, М.И. Калинин, А.И. Микоян.

4) 22 марта 1936 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь.

5) 2 мая 1936 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, А.А. Андреев.

6) 25 мая 1936 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреев, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь.

7) 13 августа 1936 г.: Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.М. Каганович, В.Я. Чубарь, Н.И. Ежов.

8) 14 января 1937 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин, А.А. Андреев, Г.И. Петровский, Н.И. Ежов.

Таким образом, из 21-го человека, представлявших (помимо Сталина) высшее партийно-государственное руководство СССР, места за одним столом с ним на больших кремлевских приемах мая 1935 г. — января 1937 г., как следует из официальных газетных отчетов, занимали лишь 11 человек. И в обозначенный период, и позднее, в последние предвоенные и в послевоенные годы Сталин и представители его «ближнего круга» играли на больших кремлевских приемах роль хозяев независимо от того, какая структура выступала в качестве инициатора проведения такого рода застолий:

¹ Опущены фамилии упоминавшихся в газетных отчетах представителей партийного, государственного и военного руководства, сидевших за одним столом со Сталиным, но не входивших в состав Политбюро, Оргбюро или Секретариата ЦК ВКП(б).

² В газетном отчете о большом кремлевском приеме 6 мая 1935 г. указаны лишь фамилии членов Политбюро, сопровождавших Сталина. Последовательность упоминания их фамилий дается по аналогии с той, какой она была на банкете 2 мая 1935 г.

**Члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) –
хозяева больших кремлевских приемов 1935 – начала 1937 гг.**

Фамилия, инициалы	Год рождения	дата вступления в большевистскую партию	наименование высшего партийного органа и дата избрания	занимаемые высшие государственные и советские должности и даты назначения на них
1. Калинин М.И.	1875	1898	Член Политбюро 01.01.1926	Председатель ВЦИК 30.03.1919
2. Ворошилов К.Е.	1881	1903	Член Политбюро 01.01.1926	Народный комиссар обороны СССР 20.06.1934
3. Молотов В.М.	1890	1906	Член Политбюро 01.01.1926	Председатель СНК и СТО СССР 19.12.1930
4. Каганович Л.М.	1893	1911	Секретарь ЦК 12.07.1928; Член Оргбюро 12.07.1928. Член Политбюро 13.07.1930	Народный комиссар путей сообщения СССР 28.02.1935
5. Орджоникидзе Г.К.	1886	1903	Член Политбюро 21.12.1930	Народный комиссар тяжелой промышленности СССР 05.01.1932
6. Андреев А.А.	1895	1914	Секретарь ЦК 28.02.1935. Член Политбюро 04.02.1932	

БОЛЬШИЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ПРИЕМЫ 1930-х–1940-х гг.

Фамилия, инициалы	Год рождения	дата вступления в большевистскую партию	наименование высшего партийного органа и дата избрания	занимаемые высшие государственные и советские должности и даты назначения на них
7. Чубарь В.Я.	1891	1907	Член Политбюро 01.02.1935	Заместитель председателя СНК и СТО СССР 25.04.1934
8. Микоян А.И.	1895	1915	Член Политбюро 01.02.1935	Народный комиссар пищевой промышленности СССР 29.07.1934
9. Петровский Г.И.	1878	1897	Кандидат в члены Политбюро 01.01.1926	
10. Ежов Н.И.	1895	1917	Секретарь ЦК 01.02.1935. Член Оргбюро 10.02.1934	Народный комиссар внутренних дел СССР 26.09.1936
11. Каганович М.М.	1888	1905	Кандидат в члены Оргбюро 10.02.1934	Заместитель Народного комиссара тяжелой промышленности СССР февраль 1932. Заместитель Народного комиссара оборонной промышленности СССР 06.12.1936

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРИЕМОВ

ЦК ВКП(б) и Советское правительство; одно только Советское правительство; Президиумы Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР; Комитет по делам искусств при СНК СССР.

В официальном газетном отчете о банкете в Кремле 13 августа 1936 г., в частности, отмечалось: «Появление товарищей Сталина, Орджоникидзе, Л. Кагановича, М. Кагановича, Калинина, Чубаря, Ежова вызывают бурю приветствий и горячие овации. Под гром аплодисментов *руководители партии и правительства занимают места за столом...*» (выделено мной. — В.Н.)¹. На приеме 25 июня 1937 г., как отмечалось в «Правде», за столом президиума вместе со Сталиным размещались В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Р.И. Эйхе, Н.И. Ежов, П.П. Постышев². Центральный печатный орган ЦК ВКП(б) также писал, что во время банкета 26 июля 1937 г. за этим же столом находились вождь и его ближайшие соратники Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович, Микоян, Чубарь, Ежов³, а в ходе кремлевского застолья 23 августа 1937 г. — Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Чубарь, Андреев, Косиор, Жданов, Ежов⁴.

Следовательно, представители «ближнего круга» Сталина, которые, согласно официальным газетным отчетам, располагались во время конкретных кремлевских приемов вместе с ним за столом президиума, и выполняли фактически (наряду с самим вождем) роль полноправных хозяев застолья⁵.

¹ Правда. 1936. 14 авг.

² Правда. 1937. 26 июня.

³ Правда. 1937. 27 июля.

⁴ Правда. 1937. 24 авг.

⁵ В данном случае газетные материалы позволяют прямо фиксировать нахождение Сталина и представителей его «ближнего круга» за столом президиума, т.е. за столом хозяев. Между тем в официальных газетных отчетах встречаются и другие формулировки, например: «Появление товарищей Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова, Л. Кагановича, М. Кагановича, Калинина, Чубаря, Ежова вызывает бурю приветствий и горячие овации». Однако, если следовать логике, вслед за появлением в Георгиевском зале хозяева застолья должны были располагаться в президиуме. И действительно, после появления в зале, как отмечается, например, в цитированном выше газетном отчете, «руководители партии и правительства занимают места» за столом президиума (Правда. 1937. 23 авг.).

Таблица № 2

Фамилия, инициалы	Номера застолий							
	1	2	3	4	5	6	7	8
	Порядковые номера упоминаний фамилий представителей партийно- государственного руководства ¹							
1. Молотов В.М.	1	1	— ²	1	1	1	— ³	1
2. Ворошилов К.Е.	2	2	3	2	2	2	2	2
3. Каганович Л.М.	4	—	1	4	4	4	3	3
4. Орджоникидзе Г.К.	3	3	2	3	5	5	1	4
5. Калинин М.И.	5	4	5	5	3	3	5	5
6. Чубарь В.Я.	6	—	4	7	7	8	6	—
7. Микоян А.И.	—	—	6	6	6	7	— ⁴	—
8. Андреев А.А.	—	—	—	—	8	6	— ⁵	6
9. Ежов Н.И.	—	—	—	—	—	—	7	8
10. Каганович М.М.	—	—	—	—	—	—	4	—
11. Петровский Г.И.	—	—	—	—	—	—	—	7

Взяв за основу газетные отчеты о банкетах в Кремле, можно попытаться определить, выражаясь современным языком, «рейтинг» функционеров, входивших в сталинский «ближний круг». Ведь, как следует из этих отчетов, соратники Сталина, сидевшие за одним столом с ним на приемах в мае 1935 г. — январе 1937 г., перечислялись в подобного рода публикациях не по алфавиту, а исходя из другого, *номенклатурного*, принципа, что отражено в *Таблице № 2*. Стенографические записи банкетов в Кремле, которые брались за основу при подготовке официальных газетных отчетов, предварительно редактировались

¹ Указан порядковый номер сразу после Сталина.

² В.М. Молотов находился в отпуске (Политбюро. Повестки дня. Т. 2. С. 669).

³ В.М. Молотов находился в отпуске (Политбюро. Повестки дня. Т. 2. С. 789).

⁴ А.И. Микоян находился в служебной командировке в США (*Павлов М.Ю.* Указ. соч. С. 91).

⁵ А.А. Андреев находился в отпуске (См.: Политбюро. Повестки дня. Т. 2. С. 781, 789).

Сталиным¹. Следовательно, порядок, в котором перечислялись в газетах его соратники, занимавшие вместе с ним во время больших кремлевских приемов почетные места за столом президиума, определялся лично вождем.

Из *Таблицы № 2* видно, что первые восемь мест в своеобразном «рейтинге» ближайших соратников Сталина, располагавшихся за столом президиума и выполнявших вместе с ним роль хозяев на больших кремлевских приемах, занимали представители «питейной компании» вождя. Первым после Сталина в газетных отчетах о кремлевских банкетах всегда упоминался В.М. Молотов (если, конечно, он присутствовал на застолье). И это неслучайно.

К середине 1930-х гг. В.М. Молотов занимал ведущее положение в партийной иерархии, являясь одним из старейших по времени избрания членов Политбюро. Вдобавок он находился на важнейшем государственном посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Тем самым была воплощена в жизнь сталинская идея полного единства «советской и партийной верхушек», удваивавшая силы большевистского руководства².

О близости В.М. Молотова к вождю свидетельствует то, что в обозначенных хронологических рамках он чаще других членов Политбюро ЦК ВКП(б) посещал сталинский служебный кабинет в Кремле и по времени пребывания в нем занимал первое место.

Второе место по числу подобного рода посещений в тот период принадлежало народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову³. В середине 1930-х гг. влияние К.Е. Ворошилова в партийной иерархии было достаточно сильным, что служило некоторой защитой от широких репрессий в армейской среде. За 1934–1936 гг. из Красной армии было уволено около 22 тыс. военнослужащих, из которых 5 тыс. считалось политически неблагонадежными, а за различные проступки подверглось аресту около 10 тыс. человек.

Первым тревожным симптомом для оборонного ведомства явились репрессии, связанные с процессом по делу так на-

¹ ЗРС. Док. № 10, 11, 13, 22.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 40.

³ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 469.

зываемого «троцкистско-зиновьевского блока» в августе 1936 г. Однако вплоть до начала января 1937 г. аресты в Красной армии имели «вялотекущий характер»¹. Влиянием и авторитетом наркома Ворошилова во многом объясняется и то, что до весны 1937 г. принудительные увольнения из РККА, как правило, не сопровождались судебными преследованиями по политическим мотивам².

Третьим в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1935 г. — января 1937 г. являлся Л.М. Каганович. Каганович делил тогда с К.Е. Ворошиловым второе и третье места по продолжительности пребывания в служебном кремлевском кабинете Сталина³.

В 1935—1936 гг. Л.М. Каганович развил достаточно активную деятельность в качестве одного из партийных лидеров, хотя основная часть вопросов, выносимых им на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б), касалась железнодорожного транспорта. Во время сталинских отпусков он руководил работой Политбюро. На имя Кагановича поступали обращения в ЦК. Л.М. Каганович уже демонстративно старался согласовывать со Сталиным сравнительно второстепенные вопросы, воздерживаясь от проявления собственной инициативы. Письма Кагановича, адресованные вождю, постепенно превратились в откровенные панегирики в его адрес⁴.

Во время очередного отпуска Сталина в 1936 г. Каганович был занят подготовкой августовского политического судебного процесса и замены Г.Г. Ягоды на посту народного комиссара внутренних дел СССР. Однако августовский суд послужил своеобразным сигналом к началу репрессий против других бывших оппозиционеров. В ходе судебных заседаний публично прозвучали утверждения об участии в «террористических организациях» ряда высокопоставленных функционеров, представлявших руководство советских ведомств и являвшихся сотрудниками членов Политбюро. Эти руководители среднего звена в той или иной степени дискредитировали

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 107—108.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 469.

⁴ Там же. С. 256—258.

почти всех ближайших соратников Сталина, попавших в униженное положение¹.

Л.М. Кагановичу было хорошо известно, что в качестве участника так называемого «украинского террористического центра» фигуранты будущего судебного процесса упоминали заместителя народного комиссара путей сообщения СССР Я.А. Лившица². Но Кагановичу не удалось спасти своего заместителя. 8 октября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение отстранить Лившица от должности³, а в январе 1937 г. он был приговорен к расстрелу по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра»⁴.

В создавшейся ситуации Л.М. Каганович оказался как бы в «подвешенном» состоянии. Вначале были проведены аресты среди его ближайших сотрудников и заместителей по Народному комиссариату путей сообщения СССР. Каганович, проявляя «политическую бдительность», не возражал против этих арестов. В результате жертвами репрессий оказались не только его заместитель Я.А. Лифшиц, но и ряд начальников управлений железных дорог, которые фигурировали на показательном процессе в январе 1937 г.⁵

Четвертое место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1935 г. — января 1937 г., как следует из *Таблицы № 2*, принадлежало Г.К. Орджоникидзе. На четвертом месте он стоял в этот период и по общему количеству времени, проведенного в кремлевском кабинете Сталина⁶. Подобно Л.М. Кагановичу, он входил в число ближайших соратников Сталина, формально оказавшись в качестве члена коллективного руководящего органа Политбюро почти равным вождю

¹ Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 12; Сталин и Каганович. Переписка... С. 620.

² Сталин и Каганович. Переписка... Док. № 745. Лившиц Я.А. (1896—1937), член большевистской партии с 1917 г. С 1935 г. — заместитель народного комиссара путей сообщения СССР.

³ Сталин и Каганович. Переписка... Док. № 842; С. 692, прим. 1.

⁴ Советское руководство. Переписка 1928—1941. С. 346.

⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 114.

⁶ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 469.

по статусу в иерархии большевистской власти¹. В указанный период он являлся одним из завсегдатаев «питейной компании» Сталина.

Между тем самому Сталину не раз приходилось выступать в роли своеобразного «суперарбитра» при возникновении конфликтов, возникавших между членами Политбюро и обусловленных неуравновешенностью и амбициозностью Г.К. Орджоникидзе². Орджоникидзе пришел к пониманию того, что без определенной кадровой стабильности достижение хозяйственных успехов невозможно. Поэтому он выражал категорическое несогласие со Сталиным, который стремился выявить факты «вредительства» в промышленности. Аресты в своем ведомстве Г.К. Орджоникидзе не без основания рассматривал как сталинские удары по его авторитету. А это, в свою очередь, вызвало недовольство вождя. Оно было связано и с тем, что со своими бывшими товарищами по работе в Закавказье М.Д. Орахелашвили и Ш.Э. Элиавой Орджоникидзе обсуждали сталинскую кадровую политику, находя в ней определенные изъяны³.

В связи с подготовкой и проведением открытого судебного процесса под арест попал первый заместитель народного комиссара тяжелой промышленности СССР Г.Л. Пятаков, которого исключили из членов ЦК ВКП(б)⁴. Сталин, давая согласие на его арест, прекрасно понимал, что тем самым одновременно наносится удар и по Г.К. Орджоникидзе. Вождь не отказал себе в удовольствии заставить нервничать проявлявшего независимость и самостоятельность наркома. 11 сентября 1936 г. Сталин направил телеграмму отдыхавшему в Сочи Орджоникидзе, в которой, в частности, сообщал, что арест Пятакова фактически предрешен⁵.

Г.К. Орджоникидзе и Л.М. Каганович, несомненно, обостренно реагировали на аресты своих сотрудников, проводившиеся НКВД. Однако реакция каждого на эти аресты была

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 106–108, 119.

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 97–98.

⁴ Советское руководство. Переписка 1928–1941. Док. № 193.

⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 93.

различной. Каганович поспешил продемонстрировать свое намерение и далее преданно служить Сталину. Не проявив ни малейших колебаний, он целиком и полностью поддержал новую линию партии. Благодаря этому Л.М. Каганович не только сохранил свою жизнь, но и продолжал оставаться членом Политбюро. Орджоникидзе, как это уже случалось и ранее, решил проявить характер¹.

Нарком тяжелой промышленности СССР выступал против судебного процесса, где в качестве главного обвиняемого должен был фигурировать Пятаков. Г.К. Орджоникидзе, получавший наиболее важные протоколы допросов по готовившемуся процессу, так и не смог смириться с обвинениями в адрес собственного зама². Относительно независимый Орджоникидзе резко негативно реагировал на аресты специалистов в своем ведомстве. Он выслал на различные предприятия комиссии, члены которых докладывали ему о необоснованных подозрениях и обвинениях во вредительстве со стороны сотрудников НКВД, слабо разбиравшихся в хозяйственных вопросах³. Чтобы окончательно сломить Орджоникидзе Сталин санкционировал арест его старшего брата Павла (Папулии). От переживаний за дальнейшую судьбу брата у Г.К. Орджоникидзе случился сердечный приступ⁴.

Пятое место в «рейтинге» ближайших соратников Сталина, присутствовавших в больших кремлевских приемах мая 1935 г. — января 1937 г. в качестве хозяев, занимал М.И. Калинин (см. *Таблицу № 2*). Исследователи относят Калинина к числу функционеров, полезных вождем своей податливостью и политической бесцветностью, однако никогда не пользовавшихся у него настоящим авторитетом⁵.

Ступенькой ниже М.И. Калинина в нашем «рейтинге» стоят В.Я. Чубарь и А.И. Микоян (см. *Таблицу № 2*). Оба были избраны на вакантные места в Политбюро. В указанный период каждый из них даже «опережал» Калинина по общему

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро.... С. 177.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 98.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 189–190.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Рубцов Ю.В. Указ. соч. С. 7.

количеству времени, проведенного в кремлевском кабинете Сталина. Основанием для избрания в высший партийный орган послужила не партийная, а чисто государственная деятельность этих функционеров, особенно при подготовке отмены карточной системы¹.

А.И. Микоян всячески стремился продемонстрировать, что разделяет политику репрессий, развернувшуюся в СССР. Так, находясь в служебной командировке в США, он в сентябре 1936 г. писал Л.М. Кагановичу по поводу завершения первого московского судебного процесса: «Хорошо, что быстро закончили с троцкистской бандой Зиновьева и Каменева. Даже слепым стала ясна вся преступность этой банды, вся справедливость приговора, вся правота дела Ленина — Сталина»².

А.А. Андреев стоит в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1935 г. — января 1937 г. на восьмом месте (см. Таблицу № 2). После избрания в состав Оргбюро он фактически возглавил этот высший партийный орган, председательствуя на заседаниях. Одновременно Андреев стал во главе Промышленного отдела ЦК ВКП(б), а также осуществлял наблюдение за работой Транспортного отдела (тем самым он как бы был поставлен над Л.М. Кагановичем)³ и Управления делами ЦК⁴. В 1934 г. он впервые отмечен в источниках как участник сталинских «симпозионов»⁵.

13 августа 1936 г. и 14 января 1937 г. в официальных газетных отчетах в числе тех, кто наряду со Сталиным располагался за столом президиума на больших кремлевских приемах, упоминается Н.И. Ежов. Не получив практически никакого образования, с 14-ти лет он начал работать. В годы Первой мировой войны Ежов был призван в армию, служил на Северном фронте. В большевистскую партию вступил в мае 1917 г. В период Гражданской войны являлся комиссаром ряда красноармейских частей. В августе 1921 г. отозван на работу в Москву. В начале 1922 г. назначен секретарем Марийского

¹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин.... С.127.

² Советское руководство. Переписка 1928—1941 гг. Док. № 199.

³ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 128.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин...С. 250—251.

⁵ Иосиф Сталин в объятиях семьи...С. 169.

обкома партии, затем — Семипалатинского губкома; в 1925 г. — заведующим организационным отделом Казахского крайкома партии. С ноября 1927 г. Н.И. Ежов работал в аппарате ЦК ВКП(б) в качестве заместителя заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК¹.

В ноябре 1930 г. Ежов возглавил Отдел распределения административно-хозяйственных и профсоюзных кадров ЦК ВКП(б) (Распределительный отдел образовался в результате разделения орграспредотдела). Таким образом, он получил ключевую должность по контролю над подбором и расстановкой кадрового состава².

Первая достоверно известная встреча Н.И. Ежова со Сталиным в кремлевском кабинете вождя произошла 21 ноября 1930 г.³, хотя познакомиться они могли и ранее⁴. По представлению Л.М. Кагановича 25 ноября 1930 г. Политбюро приняло специальное решение, касающееся Н.И. Ежова. Последний теперь мог присутствовать на заседаниях высшего партийного органа. Ежов также имел право получать все материалы, рассылаемые членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б)⁵.

Исполнительность и усердие, приверженность «генеральной линии» большевистской партии позволили ему сделать быструю карьеру, а главное — быть замеченным Сталиным⁶. Перелом в судьбе Ежова произошел после убийства С.М. Кирова. Вождь избрал Н.И. Ежова своим основным помощником в осуществлении планов «политической чистки», назначив его фактически собственным представителем в НКВД СССР⁷. Направление А.А. Жданова на партийную работу в Ленинград также способствовало неожиданному возвышению Ежова. Помимо включения в состав Секретариата ЦК Н.И. Ежов

¹ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 25.

³ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924—1953). М., 2008. С. 37.

⁴ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 302; Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 20.

⁵ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 260.

⁶ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 302.

⁷ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 30.

возглавил вместо Л.М. Кагановича Комиссию партийного контроля¹.

Ежов достиг больших высот в продвижении по карьерной лестнице. Согласно постановлению Политбюро «О распределении обязанностей между секретарями ЦК» от 10 марта 1935 г., подготовка повестки дня заседаний Оргбюро возлагалась не только на Андреева, который, как уже отмечалось, фактически стал руководителем этого партийного органа, но и на Ежова. Влияние Андреева на деятельность Оргбюро изначально было ограничено оговоркой об ответственности его и Ежова за составление повесток дня, а также тем, что Каганович оставался секретарем и членом Оргбюро ЦК. В результате роли Андреева и Ежова как бы уравнивались. Первый руководил Оргбюро, являясь одновременно членом Политбюро ЦК ВКП(б), однако получил в свое ведение относительно второстепенный промышленный отдел. Второй, отвечая за составление повесток дня Оргбюро, не входил в состав Политбюро, но «компенсировал» это тем, что стал заведующим ключевым Отделом руководящих партийных организаций (ОРПО). Этот отдел возник после XVII съезда ВКП(б) вместо Распределительного отдела².

Таким образом, Н.И. Ежов, начиная с весны 1935 г., стал заниматься кадровыми делами. Он сосредоточил в своих руках контроль над назначением первых секретарей ЦК компартий союзных и автономных республик СССР, крайкомов и обкомов и функции председателя Комиссии партийного контроля³.

Первое упоминание о том, что Н.И. Ежов присутствовал за столом президиума на большом кремлевском приеме, относится к 13 августа 1936 г. Этот банкет состоялся буквально накануне отбытия Сталина в отпуск на юг. Хотя Ежов занимал на нем шестое место из шести в «рейтинге» хозяев застолья, скорее всего, сам факт его приглашения за стол хозяев был связан с тем, что вождь решил отметить заслуги своего протеже в деле подготовки судебного процесса по делу так

¹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 127.

² Петров Н., Янсон М. Указ. соч. С. 41; Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 251.

³ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 129.

называемого «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Роль Н.И. Ежова в организации этого процесса, состоявшегося уже после отъезда Сталина на юг, 19—24 августа 1936 г., очевидна и подтверждается многочисленными архивными документами¹.

В начале сентября 1936 г. Н.И. Ежов сделал заявку на смену руководства наркомата внутренних дел СССР, зная о недовольстве вождя деятельностью Г.Г. Ягоды и подыгрывая этим настроениям². 25 сентября 1936 г. Сталин и А.А. Жданов, находившиеся на отдыхе в Сочи, направили Л.М. Кагановичу телеграмму, в которой содержалось требование назначить на место Ягоды, который «явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока», Н.И. Ежова. 26 сентября Каганович оформил это требование вождя в качестве решения Политбюро ЦК ВКП(б)³.

После назначения Н.И. Ежова Народным комиссаром внутренних дел СССР вождь способствовал усилению его роли в борьбе против политических оппонентов Сталина. Так, именно Ежов представил на декабрьском 1936 г. Пленуме ЦК ВКП(б) предварительные материалы, которые призваны были подтвердить участие Н.И. Бухарина в контрреволюционной, вредительской деятельности троцкистской организации, возглавляемой Г.Л. Пятаковым⁴.

На большом кремлевском приеме 13 августа 1936 г., где чествовали героический экипаж В.П. Чкалова, вместе с Л.М. Кагановичем за столом президиума сидел его родной брат М.М. Каганович. Это и понятно: М.М. Каганович являлся одним из ближайших сотрудников Г.К. Орджоникидзе, курировавших авиационную промышленность.

Всего один раз (14 января 1937 г.) за этим же столом находился Г.И. Петровский. Петровский стоял у истоков социал-демократического движения, являясь членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он работал вместе

¹ *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 60—61.

² Там же. С.53; *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 264.

³ *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 164—165.

⁴ Там же. С. 99.

со Сталиным в составе первого Советского правительства в 1918–1919 гг., однако не был близок к вождю¹.

Таким образом, в период с мая 1935 г. по январь 1937 г. в качестве хозяев на больших кремлевских приемах вместе со Сталиным чаще всего выступали занимавшие стабильное положение представители его «ближнего круга»: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин, В.Я. Чубарь, А.И. Микоян, А.А. Андреев.

Анализ «рейтинга» хозяев банкетов в Кремле является лишним подтверждением встречающегося в исследовательской литературе вывода об «очередном расслоении высшей власти» после 1935 г. При этом вместе со Сталиным на первом уровне оставались только двое: В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, а на втором уровне оказались Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреев и А.А. Жданов². Как показывает *Таблица № 2*, представлявшие первый уровень власти Молотов и Ворошилов занимали в этом «рейтинге» соответственно первое и второе места. Что касается второго уровня, то составлявшие его Каганович, Орджоникидзе и Андреев стояли в «рейтинге» хозяев кремлевских приемов на третьем, четвертом и восьмом местах. А поскольку А.А. Жданов работал вне столицы, то понятно отсутствие его на больших кремлевских приемах мая 1935 — января 1937 г. в группе хозяев.

Ко времени начала политических репрессий 1937–1938 гг., затронувших самым непосредственным образом слой высшей партийно-государственной номенклатуры, из состава названных выше функционеров выбыл Г.К. Орджоникидзе, покончивший жизнь самоубийством. В то же время в «ближний круг» и в «питейную компанию» вошел Н.И. Ежов, протеже Л.М. Кагановича и самого Сталина.

Помимо перечисленных 11-ти представителей «ближнего круга» Сталина, в число хозяев больших кремлевских приемов в 1935 — начале 1937 гг. иногда включались члены ЦК ВКП(б), стоявшие ниже их по рангу, т.е. не входившие в состав Политбюро и Оргбюро. В этой роли выступали: трижды — член

¹ Рубцов Ю.В. Указ. соч. С. 7.

² Жуков Ю.Н. Иной Сталин...С. 128–129.

ЦК ВКП(б) В.И. Межлаук¹; дважды — члены ЦК Н.К. Антипов² и Н.С. Хрущёв³, кандидат в члены ЦК С.М. Будённый⁴; по одному разу — кандидаты в члены ЦК В.К. Блюхер, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский⁵.

Таким образом, официальные газетные отчеты о больших кремлевских приемах мая 1935 — января 1937 гг. зафиксировали, что за столом президиума, на почетных местах хозяев рядом со Сталиным побывали 17 представителей партийной, государственной, военной номенклатуры, входивших в состав Политбюро, Оргбюро, Секретариат, а также рядовых членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Период 1937–1938 гг. был одним из наиболее трагических в советской истории. Между тем именно в это время приемы в Кремле проводились с еще большей интенсивностью, чем в предыдущие годы. С мая 1937 г. по декабрь 1938 г. включительно имели место 14 больших кремлевских приемов. Официальные отчеты обо всех из них (за исключением новогоднего, который проходил в ночь с 31 декабря 1938 г. на 1 января 1939 г.) традиционно помещались в центральных советских газетах. Нет данных и о том, кто (кроме Сталина, В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова) выступал в роли хозяев на приеме 27 октября 1938 г.

Таким образом, имеются отчеты о следующих 12-ти банкетах, происходивших в обозначенных хронологических рамках в Кремле, с упоминанием фамилий тех функционеров, которые занимали наряду со Сталиным почетные места хозяев за столом президиума⁶:

1) 2 мая 1937 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.А. Андреев, В.Я. Чубарь.

2) 31 мая 1937 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, Н.И. Ежов.

¹ Правда. 1935. 6 мая, 31 июля; 1936. 23 марта.

² Правда. 1935. 31 июля; 1936. 24 марта.

³ Правда. 1936. 24 марта, 26 мая.

⁴ Правда. 1936. 24 марта; 1937. 14 янв.

⁵ Правда. 1937. 14 янв.

⁶ Приводятся фамилии только членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

3) 25 июня 1937 г.¹: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Р.И. Эйхе, Н.И. Ежов, П.П. Постышев.

4) 26 июля 1937 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, Н.И. Ежов.

5) 23 августа 1937 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, А.А. Андреев, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Н.И. Ежов.

6) 29 октября 1937 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Н.И. Ежов, В.Я. Чубарь, А.И. Микоян.

7) 20 января 1938 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Н.И. Ежов.

8) 17 марта 1938 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Н.И. Ежов, Р.И. Эйхе.

9) 17 апреля 1938 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, В.Я. Чубарь, А.И. Микоян, С.В. Косиор, А.А. Жданов, Н.И. Ежов, Г.И. Петровский, Р.И. Эйхе.

10) 2 мая 1938 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, В.Я. Чубарь, А.И. Микоян, Н.И. Ежов.

11) 17 мая 1938 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь, А.А. Жданов, Н.И. Ежов.

12) 8 ноября 1938 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Н.М. Шверник, Л.З. Мехлис.

По мнению некоторых исследователей, имеется едва ли не единственный подтвержденный документами факт «противо-

¹ Судя по официальному газетному отчету, М.И. Калинин входил в число сталинских соратников, которые участвовали в церемонии встречи участников экспедиции на Северный полюс, состоявшейся на Центральном аэродроме в Москве. К.Е. Ворошилов на банкете в Кремле провозгласил тост за председателя ЦИК СССР. (Правда. 1937. 26 июня). Однако фамилия Калинина не упоминается среди хозяев большого кремлевского приема 25 июня 1937 г.

стояния террористическому курсу Сталина в Политбюро». Это — попытки Г.К. Орджоникидзе отвести репрессии от руководимого им ведомства и спасти от арестов родных и близких¹. Самоубийство Г.К. Орджоникидзе (18 февраля 1937 г.) лишь усугубило ситуацию и, по существу, создало предпосылки для репрессий непосредственно против членов Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б). Первым по времени был арестован кандидат в члены Политбюро Я.Э. Рудзутак. Неделью спустя после его ареста покончил с собой член Оргбюро ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник. Вслед за этим подвергся аресту кандидат в члены Оргбюро А.М. Криницкий.

В памяти С.О. Шмидта запечатлелись Сталин и его ближайшие соратники, которых сын известного полярного исследователя мог наблюдать на приеме 25 июня 1937 г., когда уже полным ходом шли репрессии представителей высшего партийно-государственного руководства. Он заметил, что возле прибора Сталина на столе лежали розы. С.О. Шмидт вспоминал: «Оказалось, что “вожди” роста ниже среднего, выше и шире в плечах казался Каганович, высоким и сутулившимся был Эйхе, и совсем низкорослыми — Ежов и Косиор; он казался еще ниже Ежова, которому добавляла рост великолепная тогда шевелюра свежeweмытых волос».

С.О. Шмидт не увидел во время упомянутого приема ни напряженности, ни настороженности, хотя и оговаривался, что мог просто не заметить этого². Между тем накануне Специальное судебное присутствие Верховного Суда вынесло смертные приговоры представителям высшего военного руководства во главе с маршалом М.Н. Тухачевским.

В 1938 г. подверглись репрессиям: кандидаты в члены Политбюро П.П. Постышев и Р.И. Эйхе, а также член Оргбюро А.И. Стецкий.

Будучи ровесником В.М. Молотова по возрасту, Р.И. Эйхе вступил в большевистскую партию на год раньше него. По всей вероятности, близкое знакомство Сталина с Эйхе установилось

¹ *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 169; Советское руководство. Переписка. 1928—1941. С. 12.

² *Шмидт С.О.* Приемы в Кремле в честь полярников // *Шмидт С.О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 274.

в начале 1920-х гг., когда последний занимал пост заместителя народного комиссара земледелия РСФСР¹. В течение длительного времени Эйхе возглавлял Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и пользовался полным доверием и покровительством Сталина². Он был утвержден кандидатом в члены Политбюро с явно демонстративной целью — как секретарь крупнейшей Западно-Сибирской партийной организации. Одновременное избрание А.А. Жданова и Р.И. Эйхе в состав Политбюро могло объясняться тем, что оба были призваны уравновесить в высшем партийном органе «украинскую группу» (С.В. Косиор, Г.И. Петровский, П.П. Постышев)³.

Постоянно находясь за тысячи километров от Москвы, Эйхе не мог реально участвовать в работе Политбюро. Можно добавить к этому, что Р.И. Эйхе именно по этой причине также не присутствовал в мае 1935 г. — январе 1937 г. ни на одном из больших кремлевских приемов. Однако за период с мая 1937 г. и вплоть до своего ареста он трижды занимал на этих банкетах место за столом президиума вместе со Сталиным и другими его соратниками. 29 октября 1937 г. Эйхе сменил на посту народного комиссара земледелия СССР М.А. Чернова. Перевод Р.И. Эйхе из Сибири в Москву дал ему возможность постоянно участвовать в заседаниях узкого круга руководства⁴.

Эйхе был активным проводником политики репрессий, но, в конечном счете, сам пал их жертвой. Вслед за ним арестовали члена Политбюро ЦК ВКП(б) С.В. Косиора. Одни исследователи причисляют Косиора к членам «ближнего круга» Сталина⁵; другие, наоборот, считают, что он входил в группу тех представителей субэлиты, которые не были по-настоящему близки к вождю⁶. Как представляется, вторая версия ближе к истине. Вступив в большевистскую партию в 18-летнем возрасте, С.В. Косиор в годы Гражданской войны состоял в Реввоенсовете Юго-Западного фронта, членом которого

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 300.

² Хромов С.С. Указ. соч. С. 105.

³ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 127.

⁴ Там же. С. 490.

⁵ Там же. С. 294, 300.

⁶ Рубцов Ю.В. Указ. соч. С. 7.

являлся Сталин. Их личное знакомство относится к 1920 г. В дальнейшем, когда С.В. Косиор был избран в состав Политбюро ЦК ВКП(б), его контакты со Сталиным носили сугубо деловой, официальный характер.

С одной стороны, властность, присущая Косиору, вызывала у Сталина недовольство и некоторые опасения¹. С другой стороны, вождь после событий, связанных с голодом 1932—1933 гг., судя по всему, считал его недостаточно сильным работником. В 1933 г. С.В. Косиор был «подкреплен» П.П. Постышевым, который фактически подмял его под себя². Однако к решению кардинальных политических вопросов Косиор не привлекался. Несмотря на авторитет в партии и на большой опыт работы С.В. Косиора, вождь держал его вдали от Москвы. Не случайно в официальных газетных отчетах о больших кремлевских приемах мая 1935 г. — января 1937 г. Косиор ни разу не упомянут в числе тех, кто занимал места за столом президиума.

А с июня 1937 г. по апрель 1938 г., вплоть до своего ареста, С.В. Косиор пять раз сидел за этим столом. Косиор стал присутствовать на банкетах в Кремле после того, как в начале 1938 г. был переведен из Украины в Москву, на должность заместителя председателя СНК СССР и председателя Комиссии советского контроля при Совнаркоме. В августе 1938 г. была расстреляна жена С.В. Косиора³. А позднее был арестован и он сам. Его приговорили к высшей мере наказания. Как и Р.И. Эйхе, С.В. Косиор был репрессирован даже без формального выведения из состава Политбюро ЦК ВКП(б)⁴.

От арестованного Р.И. Эйхе чекистам удалось получить дополнительные дискредитирующие показания на П.П. Постышева. Постышев являлся одним из самых известных деятелей большевистской партии. Он участвовал в социал-демократическом движении с 1901 г. Возможно, Постышев впервые встретился со Сталиным, когда тот находился в ссылке в Восточной Сибири (1913)⁵. В годы Гражданской войны

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 300.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 228—229.

³ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 306.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 239.

⁵ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 298.

П.П. Постышев руководил партизанскими отрядами на Дальнем Востоке. Заняв пост секретаря ЦК ВКП(б), он превратился в весьма влиятельного партийного функционера. В период голода 1932—1933 гг. Сталин инициировал назначение Постышева вторым секретарем ЦК КП(б) Украины. Справившись с возложенными на него задачами «укрепления руководства» в этой союзной республике, он получил вполне заслуженную «награду»: был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б)¹.

Постышев не принадлежал к «питейной компании» Сталина, его присутствие на сталинских застольях можно рассматривать как некое исключение из правил. Один из таких редких случаев зафиксирован в дневнике М.А. Сванидзе. 21 декабря 1935 г., когда отмечался очередной день рождения вождя. Постышев находился в числе других приглашенных на сталинской «ближней даче». При этом он, если верить М.А. Сванидзе, «был очаровательно весел, плясал с Молотовым шуточно русскую». В общем, «эта пара» веселила Сталина и всех гостей². Трудно утверждать, что П.П. Постышев приехал из Киева специально на именины вождя: просто он (как и С.В. Косиор) воспользовался представившейся возможностью побывать на сталинском застолье, так как именно в эти дни (с 21 по 25 декабря 1935 г.) в Москве проходил очередной пленум ЦК ВКП(б), на который, собственно, и прибыл Постышев. Во всяком случае, в следующем, 1936 г., ни Косиора, ни Постышева не оказалось среди представителей высшего партийного руководства, поздравлявших Сталина на «ближней даче» в день рождения³. Вплоть до своего освобождения от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), П.П. Постышев единственный раз присутствовал на банкете в Кремле, о чем будет сказано ниже.

Осенью 1936 г. в окружении Постышева в Киеве были произведены аресты. А на январском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) ему

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 399.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи... С.185—186.

³ Димитров Г.М. Указ. соч. С.120. П.П. Постышев находился в отпуске с 26 ноября 1935 г. по 6 января 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1085. Л. 135).

объявили выговор и освободили от должности секретаря Киевского обкома КП(б)У¹. Вслед за этим на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) на П.П. Постышева посыпались обвинения в личной нескромности и злоупотреблениях². Он был переведен с Украины на должность секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б), что на деле оказалось «почетной ссылкой»³.

В связи с этим вызывает интерес вопрос о том, каким образом Постышев, уже попавший в немилость к Сталину и «со-сланный в Куйбышев», вдруг оказался вместе с вождем и с членами Политбюро ЦК ВКП(б) за столом президиума на большом кремлевском приеме 25 июня 1937 г. Вызов П.П. Постышева в Москву в июне 1937 г. можно объяснить двумя важными обстоятельствами. Во-первых, как кандидат в члены Политбюро, он был обязан присутствовать на очередном Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем с 23 по 29 июня. Во-вторых, в Политбюро поступило заявление некоего Губельмана, скорее всего, инспирированное «сверху». В заявлении содержались дискредитирующие П.П. Постышева подробности его прошлой деятельности. В 1910 г., будучи еще молодым подпольщиком, Постышев попал в руки полиции. Опасаясь сурового наказания, он обратился с ходатайством к командующему Московским военным округом о смягчении приговора. П.П. Постышев был вынужден после ознакомления членов Политбюро с заявлением Губельмана каяться перед ними за то, что проявил тогда нестойкость, ссылаясь на молодость и несознательность. Дело ограничилось выговором за сокрытие данного факта от ЦК⁴.

Понятно, что в сложившейся ситуации Постышев, скорее всего, без особого энтузиазма воспринял приглашение Сталина занять место за столом президиума на упомянутом большом кремлевском приеме. Так или иначе, но в памяти С.О. Шмидта отложилось, что на этом банкете Постышев, человек «с взъерошенными волосами, нервными движениями», так и не вступил в разговор со своими соседями⁵.

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 399.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1140. Л. 107.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 221.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 404.

⁵ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 274.

9 января 1938 г. было принято постановление Политбюро «О политически ошибочных решениях Куйбышевского обкома ВКП(б)», согласно которому П.П. Постышев (по предложению Сталина) освобождался от обязанностей первого секретаря и направлялся в распоряжение ЦК ВКП(б). А затем, на январском 1938 г. Пленуме ЦК ВКП(б) состоялось подлинное «избиение» Постышева. В конечном счете, по предложению Сталина, опального функционера вывели из числа кандидатов в члены Политбюро, но оставили в составе ЦК. Позднее П.П. Постышев был исключен из большевистской партии, арестован и расстрелян¹.

Последним по времени на пике политических репрессий 1937–1938 гг. вывели из состава членов Политбюро ЦК ВКП(б) В.Я. Чубаря. Его трагическая участь была предопределена, как и в случае с П.П. Постышевым, после ареста Р.И. Эйхе. До вывода из состава высшего партийного органа Чубарь продолжал состоять в «питейной компании» Сталина, периодически принимая участие в «симпозионах» вождя². В мае 1937 г. – мае 1938 г., до своего ареста, В.Я. Чубарь присутствовал на 10-ти больших кремлевских приемах, выступая вместе с другими представителями высшего партийно-государственного руководства в роли одного из хозяев застолья.

В апреле 1937 г. Чубарь вошел вместе со Сталиным, В.М. Молотовым и А.И. Микояном и Л.М. Кагановичем в созданную по решению Политбюро постоянную комиссию, призванную готовить срочные текущие вопросы хозяйственного характера. Кроме того, он был включен в состав вновь возникшего Комитета обороны СССР при Совнарком³. А в январе 1938 г. В.Я. Чубарь стал первым заместителем Председателя СНК и СТО СССР. Он играл существенную роль в союзном Совнарком⁴ и активно участвовал в принятии решений по важнейшим экономическим проблемам⁴.

Однако по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) Чубарь был выведен из состава высшего партийного органа

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 407.

² ЗРС. Док. № 19.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 238, 251.

⁴ Там же. С. 229.

и освобожден от обязанностей заместителя председателя СНК СССР. Позднее он подвергся аресту, а затем расстрелян¹. Арест В.Я. Чубаря не просто нарушил сложившуюся систему, баланс сил, но и посягнул, что оказалось более значимым, на самую высшую власть. С этого момента уже никто из узкого руководства (исключая Сталина), превратившегося из «семерки» в «шестерку», не был застрахован от подобного рода внезапного устранения².

В конце 1938 г. участь С.В. Косиора, П.П. Постышева и В.Я. Чубаря постигла члена Оргбюро А.В. Косарева. Последним из представителей высшей партийно-государственной номенклатуры, кто подвергся репрессиям, оказался Н.И. Ежов, о чем подробнее будет сказано ниже.

В целом, за 1937 — 1938 гг. из 21-го функционера (не считая Сталина), представлявших эту номенклатуру, в результате репрессий 8 были расстреляны, а 2 покончили с собой.

В газетных отчетах о больших кремлевских приемах за 1937 — 1938 гг. в числе хозяев этих застолий упоминались рядовые члены ЦК ВКП(б), не входившие в состав Политбюро и Оргбюро. Так, на банкете 31 мая 1937 г. за столом президиума вместе со Сталиным и членами его «питейной компании» сидел Н.К. Антипов, член ЦК ВКП(б), Председатель Комиссии советского контроля, заместитель председателя СНК и СТО СССР. Между тем еще в апреле 1937 г. Сталин получил первые компрометирующие сведения на Антипова, которые в июне 1937 г. были существенно дополнены. В результате Н.К. Антипов подвергся аресту³.

Позднее были арестованы еще два члена ЦК ВКП(б), занимавших вместе со Сталиным почетные места за столом президиума на больших кремлевских приемах в кульминационный период политических репрессий — М.Л. Рухимович и В.И. Межлаук⁴.

Из *Таблицы № 3* видно, как именно распределились места в «рейтинге» избежавших репрессий ближайших соратников Сталина, выступавших вместе с ним в роли хозяев на больших

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 178

² Жуков Ю.Н. Тайны Кремля... С. 63.

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 132.

⁴ Там же. С.162, 164—165.

Таблица № 3

Фамилия, инициалы	Порядковые номера приемов					
	1	2	3	4	5	6
	Порядковый номер упоминания (вслед за Сталиным) фамилии в газетном отчете					
	1	2	3	4	5	6
1. Молотов В.М.	1	1	1	1	1	1
2. Ворошилов К.Е.	2	3	2	2	3	3
3. Каганович Л.М.	3	2	3	4	2	2
4. Калинин М.И.	—	4	—	3	4	4
5. Микоян А.И.	4	5	5	5	5	7
6. Андреев А.А.	5	—	4	—	7	—
7. Жданов А.А.	—	—	8	—	9	—
8. Ежов Н.И.	—	7	10	7	10	5
9. Шверник Н.М.	—	—	—	—	—	—
10. Петровский Г.И.	—	—	—	—	—	—

Продолжение Таблицы № 3

Фамилия, инициалы	Порядковые номера приемов					
	7	8	9	10	11	12
	Порядковый номер упоминания (вслед за Сталиным) фамилии в газетном отчете					
	1	1	1	1	1	1
1. Молотов В.М.	1	1	1	1	1	1
2. Ворошилов К.Е.	3	2	3	2	3	—
3. Каганович Л.М.	2	4	2	3	2	2
4. Калинин М.И.	4	3	4	4	4	—
5. Микоян А.И.	5	5	6	7	5	3
6. Андреев А.А.	6	—	—	5	—	—
7. Жданов А.А.	9	7	8	—	7	—
8. Ежов Н.И.	10	8	9	8	8	—
9. Шверник Н.М.	—	—	—	—	—	4
10. Петровский Г.И.	—	—	10	—	—	—

кремлевских приемах мая 1937 г. – ноября 1938 г. В таблицу не включены Л.З. Мехлис, вошедший лишь в начале 1938 г. в состав Оргбюро ЦК ВКП(б), и Н.С. Хрущёв, избранный одновременно с ним кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Лидирующие места в своеобразном «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов на пике политических репрессий 1937–1938 гг. занимали «вожди “первого эшелона”», которые сумели успешнее других пройти сталинский «особый отбор»¹. К лету 1938 г. Сталин оставил в Политбюро ЦК ВКП(б)

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 312.

лишь тех, кто был безусловно предан и послушен лично ему¹. К их числу принадлежали: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов. Как свидетельствуют источники, в этот период они продолжали составлять основной «костяк» сталинской «питейной компании»: активно участвовали в «симпозионах», которые имели место на дачах Сталина и В.М. Молотова, а также на кремлевской квартире К.Е. Ворошилова².

Нет никаких свидетельств о наличии в Политбюро ярко выраженных группировок, которые бы придерживались на пике политических репрессий 1937–1938 гг. различных взглядов по ключевым вопросам политического и социально-экономического развития. Один и тот же член высшего партийного органа, в зависимости от складывавшихся обстоятельств, мог выступать в своей деятельности и в роли «радикала», и в роли «умеренного»³. В то же время составлявшие костяк Политбюро, наиболее преданные соратники Сталина сохранили, по крайней мере, внешне, свои позиции⁴.

Так, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович были включены в созданную по инициативе Сталина 14 апреля 1937 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию для разрешения важнейших секретных (в том числе — внешнеполитических) вопросов. Эти три ближайших соратника Сталина являлись вдобавок членами Комитета обороны (КО) СССР при Совнаркоме, созданного 27 апреля 1937 г., причем на Молотова были возложены обязанности председателя этого комитета⁵. По словам Ю.Н. Жукова, Комитет обороны при СНК СССР — это был «подлинный, обладающий всеми правами постоянно действующий властный орган, призванный решать все важнейшие вопросы по ключевым для страны в условиях приближавшейся войны проблемам»⁶.

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 178.

² Встречи с товарищем Сталиным. С. 70, 101–102; ЗРС. Док. № 19.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 94.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 409.

⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. Док. № 16.

⁶ Цит. по: Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 387.

Одновременно В.М. Молотов, А.И. Микоян и Л.М. Каганович состояли в другой комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), в задачу которой входило решение «срочных текущих вопросов хозяйственного характера»¹. К концу 1930-х гг., когда обе упомянутые выше комиссии Политбюро фактически объединились и действовали уже в виде «пятерки» во главе со Сталиным, ее членами являлись Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян². Тем самым внутри Политбюро возникла «неуставная группа», узурпировавшая всю власть как в партии, так и в высшем исполнительном органе. Ведь она включала преимущественно членов правительства: заместителей Председателя СНК СССР, глав важнейших ведомств³.

Утверждение в ряду ближайших сталинских соратников тем членам Политбюро, кто избежал политических репрессий, давалось нелегко. Аресты руководителей среднего звена, проведенные еще в 1936 г., в определенной степени дискредитировали ближайших соратников Сталина, которые попали в сложное положение. Поэтому они были вынуждены демонстрировать поддержку курса на усиление репрессий⁴.

В этом смысле особенно типичным было поведение В.М. Молотова, занимавшего в мае 1937 г. — ноябре 1938 г., как и в предыдущий период, первое место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов (см. *Таблицу № 3*). Он также продолжал оставаться и на первом месте среди других приближенных Сталина по количеству времени, проведенного в кремлевском кабинете вождя⁵.

В.М. Молотов являлся ближайшим сталинским соратником, вместе с которым вождь решал важнейшие вопросы и секретные дела. Он по праву воспринимался как первый человек в окружении Сталина и как его неофициальный наследник, даже после того как значение Политбюро несколько снизилось⁶.

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы... Док. 35.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 239.

³ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля... С. 63.

⁴ Советское руководство. Переписка. 1928 — 1941 гг. С. 12.

⁵ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 470.

⁶ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 241.

Однако взаимоотношения между вождем и В.М. Молотовым были сложными, а порой и натянутыми. Хотя Молотов демонстрировал личную преданность Сталину, временами давали о себе знать его природное упрямство и несговорчивость. Со своей стороны, вождь предпринимал практические шаги для того, чтобы «урезонить» Молотова. Так, в августе 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало снятие с работы помощников Председателя СНК СССР А.М. Могильного и М.Р. Хлусера¹.

Вторую позицию в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1937 г. — ноября 1938 г., как видно из *Таблицы № 3*, прочно занимал К.Е. Ворошилов.

В своей речи на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) Ворошилов подчеркнул, что в армии на протяжении длительного периода шла «чистка» личного состава. Он выразил уверенность в том, что к 1937 г. РККА подошла сплоченной и монолитной, и в ней «врагов вообще немного». Более того, К.Е. Ворошилов, естественно, в косвенной форме, подверг критике НКВД СССР. Он признавал, что «армия задета диверсионной контрреволюционной мерзостью», хотя и не привел конкретных примеров «вредительства» по линии подконтрольного ему военного ведомства.

Однако на этом пленуме прозвучали и тревожные для наркомата обороны сигналы. В заключительном слове В.М. Молотов сообщил, что первоначально предполагалось заслушать специальный доклад по НКО СССР, но симптомы «вредительской работы» в армии оказались слабыми, и от данной идеи пришлось отказаться. Тем не менее Молотов подчеркнул, что наркомат обороны вскоре будет подвергнут проверке и «очень крепко»².

Положение НКО к концу апреля 1937 г. резко отличалось от других наркоматов. Не исключена вероятность, что незначительное количество арестов в нем вызвало недовольство К.Е. Ворошиловым других членов Политбюро ЦК ВКП(б), что в дальнейшем предопределило драматический ход событий³.

¹ Там же. С. 241–242.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 109.

³ Там же. С. 113.

Ситуация, в которой оказался Ворошилов в 1937–1938 гг., была двойственной. С одной стороны, будучи одним из ближайших соратников Сталина, он вошел в упоминавшуюся уже «пятерку» членов Политбюро, которые решали важнейшие внутриполитические и внешнеполитические вопросы. Тем самым Ворошилов превратился в непосредственного проводника политических репрессий, главным образом в армейской среде¹. С другой стороны, дальнейшее расширение их масштабов привело к обострению взаимоотношений между К.Е. Ворошиловым и Н.И. Ежовым. Вообще, члены Политбюро ЦК ВКП(б), по существу, попали в зависимость от наркома внутренних дел Ежова, будучи вынужденными согласовывать с ним многие существенные вопросы, связанные с подбором кадров². Что касается Сталина, то он в 1937–1938 гг. чаще всего оказывался на стороне главы НКВД СССР, действуя в ущерб ведомственным интересам своих ближайших соратников.

Третье место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1937 г. — ноября 1938 г., как и раньше, прочно занимал Л.М. Каганович (см. *Таблицу № 3*). Как уже отмечалось, Каганович оказался в апреле 1937 г. в руководящей «пятерке» в составе Политбюро ЦК ВКП(б), которая решала все основные вопросы советской внешней и внутренней политики. Он являлся также членом Комитета обороны СССР при Совнарком³.

Глава транспортного ведомства представил жесткий план, открывавший органам НКВД СССР дорогу к решению проблемы борьбы «с последствиями вредительства». В частности, он сообщил вождю о готовившейся негласной самопроверке и замене сотрудников на важнейших железнодорожных узлах оборонного значения. Эту работу предполагалось начать с «наиболее засоренных участков», где вскрыто «троцкистское вредительство», а завершить — к 1 сентября 1937 г. Также намечалось пересмотреть на предмет вредительства все приказы, изданные заместителем

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 303.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 207, 208.

³ Там же. С. 238, 239, 251.

Народного комиссара путей сообщения Я.А. Лившицем, к тому времени уже расстрелянным¹.

Однако Сталин счел необходимым дотошно расспросить Л.М. Кагановича, напомнив о его прежней дружбе с репрессированным «врагом народа» И.Э. Якиром². А в сентябре 1937 г. Кагановичу пришлось оправдываться перед Сталиным и Ежовым в ответ на обвинения в совершении ошибок, допущенных при подборе кадров в НКПС, которые в июле 1937 г. были выдвинуты против него начальником грузовой службы Ярославской железной дороги³.

В августе 1937 г. Л.М. Каганович рапортовал вождю о мероприятиях, осуществленных в его ведомстве с целью искоренения «вредительства»⁴. Помимо этого сам Каганович принимал активное участие в проведении «чисток» в республиканских и областных партийных организациях, для чего был командирован в Челябинскую, Ярославскую, Ивановскую области и в Донбасс⁵.

М.И. Калинин стоял, как видно из *Таблицы № 3*, в «рейтинге» сталинских соратников — участников больших кремлевских приемов мая 1937 г. — ноября 1938 г. на одну ступеньку ниже Л.М. Кагановича. Из-за своего физического состояния (он часто болел)⁶ Калинин в тот период превратился в чисто символическую фигуру⁷. Во всяком случае Сталин вряд ли мог рассматривать его как серьезного политического оппонента⁸.

Несмотря на это, жена Калинина была в 1938 г. осуждена на 15 лет, а он сам не избежал политических обвинений⁹. После смерти Г.К. Орджоникидзе в руки Сталина попала копия показа-

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 74—75.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 240.

³ Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. С. 13, 375—377.

⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 169—170.

⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 192; Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 151—152.

⁶ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 296.

⁷ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 234.

⁸ Там же. С. 168.

⁹ Там же. С. 245.

ний М.И. Калинина, данных им на допросе 1900 г., и сохранившихся в архиве Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи. Из этих документов следовало, что Калинин не только подробно рассказал в полиции о «своей преступной деятельности», но и раскрыл имена участников нелегального кружка. В исследовательской литературе высказано предположение, что Сталин мог использовать подобного рода «компромат» с целью принуждения Калинина к лояльности¹. Следователи также получили показания на М.И. Калинина, у которого якобы отмечались «правые колебания». Скорее всего, Калинина спасло от репрессий то, что он часто болел и к тому же достиг преклонного возраста. Как считали чекисты, он просто не мог примкнуть к оппозиционерам².

Во всех больших кремлевских приемах мая 1937 г. — ноября 1938 г. участвовал А.И. Микоян, один из ближайших соратников Сталина, занимавший, как следует из *Таблицы № 3*, пятое место в «рейтинге» хозяев этих банкетов. Его принадлежность к «питейной компании» Сталина лишний раз подчеркивается тем обстоятельством, что на «симпозионах» вождя именно Микоян выступал в роли тамады³.

Как член Политбюро ЦК ВКП(б), он оказался причастным к проведению политических репрессий. Наряду с Л.М. Кагановичем и А.А. Андреевым А.И. Микоян по указанию Сталина выезжал с инспекционными поездками по стране. Именно Микоян в сентябре 1937 г. проводил «чистку» в республиканской партийной организации Армении, куда был специально откомандирован⁴. Очевидно для того, чтобы крепче держать Микояна под контролем, Сталин неоднократно напоминал ему историю с 26-ю бакинскими комиссарами. А.И. Микоян находился в 1918 г. на подпольной работе в Баку и подвергся аресту вместе с другими бакинскими комиссарами. Они были расстреляны занявшими город англичанами, а Микоян, имени которого не оказалось в списке на тюремное довольствие, избежал казни⁵.

¹ Советское руководство. Переписка. 1928 — 1941 гг. С. 9.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 169—170.

³ ЗРС. Док. № 19.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро.... С. 192; Павлов М.Ю. Указ. соч. С. 92—93.

⁵ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 299; Павлов М.Ю. Указ. соч. С. 95—96.

Лишь на 5-ти из 12-ти перечисленных выше больших кремлевских приемах присутствовал А.А. Андреев, стоявший ступенькой ниже А.И. Микояна в «рейтинге» хозяев этих застолий (см. *Таблицу № 3*). Нечастое пребывание на официальных сталинских банкетах в Кремле можно объяснить тем, что в 1937 — 1938 гг. Андреев по заданию Политбюро ЦК ВКП(б) был неоднократно «командирован»¹ в регионы для проведения чисток республиканских и областных партийных организаций (Узбекистан, Таджикистан, ряд областей и краев Поволжья и Северного Кавказа)². После санкционированных Сталиным арестов первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий, руководителей советских органов, инициатива массовых арестов на местах перешла к секретарям ЦК ВКП(б), в частности к А.А. Андрееву³.

Например, Андреев отсутствовал на приеме 26 июля 1937 г., поскольку был командирован вождем в Средне-Волжский край⁴. Неясно, присутствовал ли А.А. Андреев на банкете в Кремле 29 октября 1937 г. В сообщении, предназначенном для печати, его фамилия не упомянута при перечислении тех, кто вместе со Сталиным занимал на этом приеме почетное место за столом президиума⁵. Между тем один из тостов Л.М. Кагановича, прозвучавших на данном банкете, был провозглашен за «секретаря ЦК ВКП(б) товарища А.А. Андреева»⁶.

Следователи НКВД СССР получили показания на Андреева с упоминанием его прежних ошибок и колебаний⁷. Однако подобного рода заявления не смогли поколебать веры самого Сталина в его преданность.

¹ В обращении к членам Политбюро ЦК ВКП(б), написанном А.Н. Поскребышевым под диктовку Сталина в апреле 1937 г., прямо констатировалось, что «секретарь ЦК т. Андреев бывает часто по необходимости в разъездах» (*Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 238).

² *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 192, 222; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 151—152.

³ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 327.

⁴ Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. Док. № 207.

⁵ ЗРС. С. 117.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 322.

Входивший в «тройку молодых» сталинских выдвиженцев А.А. Жданов в мае 1935 г. — январе 1937 г. ни разу не упоминался в официальных газетных отчетах о больших кремлевских приемах среди тех, кто вместе с вождем занимал места за столом президиума. А в период с мая 1937 г. по ноябрь 1938 г. Жданов присутствовал уже на 6-ти (из 12-ти) банкетах в Кремле, разделяя со Сталиным и его соратниками роль хозяина застолья.

Как предполагают некоторые исследователи, первая встреча А.А. Жданова со Сталиным произошла в Москве в 1926 г.¹, а в служебном сталинском кабинете в Кремле Жданов впервые был принят 12 июля 1929 г.²

Избрание А.А. Жданова секретарем ЦК создало ряд формальных проблем, в частности, привело к нарушению уставных норм в работе Политбюро. Ведь, не будучи даже кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в силу своей должности А.А. Жданов принимал участие во всех его заседаниях и в голосовании по вопросам повестки дня, решения по которым принимались опросом. А в сентябре 1934 г., в отсутствие и Сталина и Л.М. Кагановича именно он подписывал подлинники постановлений Политбюро³.

Решающим обстоятельством, предопределившим включение Жданова в состав Политбюро ЦК ВКП(б), было то, что он являлся наследником С.М. Кирова на посту руководителя ленинградской партийной организации⁴. С одной стороны, при сложившихся после убийства С.М. Кирова обстоятельствах А.А. Жданов был вынужден чуть ли не полностью отрешиться от обязанностей, которые ранее возлагались на него как на секретаря ЦК ВКП(б)⁵. С другой стороны, в отличие от своего предшественника, который почти не принимал участия в московских делах, А.А. Жданов выполнял многочисленные обязанности секретаря ЦК, пребывая в столице СССР. По постановлению Политбюро от 20 апреля 1935 г., с целью

¹ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 301.

² На приеме у Сталина... С. 30.

³ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 113, 118.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С.127.

«облегчения работы Секретариата ЦК», Жданов был обязан «из трех десятидневков месяца одну десятидневку проводить в Москве»¹. На пике политических репрессий произошло дальнейшее расширение функций А.А. Жданова. 16 апреля 1937 г. Политбюро приняло решение, согласно которому он должен был поочередно работать один месяц в Москве и один месяц — в Ленинграде². Спустя десять дней А.А. Жданов был включен в состав Комитета обороны при СНК СССР³.

Начиная с лета 1937 г., Жданов, наряду с членами Политбюро Л.М. Кагановичем, А.А. Андреевым, А.И. Микояном и другими руководящими работниками аппарата ЦК ВКП(б), наркомами, по указанию Сталина регулярно выезжал с инспекционными поездками по стране, проводя в жизнь политику репрессий⁴.

Следователи НКВД СССР получили среди прочих дискредитирующие показания и на самого А.А. Жданова. Однако негативных последствий для Жданова эти показания не имели. В то время как Ежов занимался чисткой партии и организацией политических репрессий, Жданов отвечал за идеологическое обеспечение репрессивных акций⁵.

Из *Таблицы № 3* следует, что в 10-ти из 12-ти банкетов в Кремле, произошедших с мая 1937 г. по ноябрь 1938 г., участвовал Н.И. Ежов, занимавший в тот период восьмое место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов. Одновременно Ежов приобщился к «симпозионам» Сталина, став членом «питейной компании» вождя⁶.

В 1937 — 1938 гг. партийно-государственная карьера Н.И. Ежова достигла своего пика. По количеству времени, проведенного в кремлевском кабинете Сталина, Ежов «опережал» таких ближайших соратников вождя, как К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович, не говоря уже о М.И. Калинине⁷.

¹ Там же. С. 162.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 251.

⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 151-152.

⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 169.

⁶ ЗРС. Док. № 19.

⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 470.

Вполне обоснованно ожидая, что на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. будут даны важные политические установки, которые необходимо учитывать в повседневной работе органов НКВД, Н.И. Ежов обеспечил присутствие на нем представителей руководящего состава своего ведомства. С разрешения Сталина он пригласил в зал заседаний начальников оперативных отделов Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, а также начальников ряда республиканских и областных управлений. Вместе с тем присутствие руководства силового ведомства на пленуме не было случайным, поскольку основные докладчики, в число которых входил и Н.И. Ежов, оперировали подготовленными в НКВД «материалами» о «вредительско-диверсионной деятельности шпионских и троцкистских организаций» в различных отраслях народного хозяйства и в партийно-советском аппарате, а сотрудникам органов госбезопасности отводилась решающая роль в ликвидации последствий «вредительства».

В докладе Ежова на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) истерия по поводу «вредительства» достигла своего предела, в результате чего было принято решение о тотальной проверке всех ведомств¹. Вообще, на этом пленуме Н.И. Ежов оказался одной из ключевых фигур, поскольку выступил не с одним, а с двумя докладами: по «делу» Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова и по вопросу о «вредительстве» в органах НКВД СССР. Занимаясь проблемами первостепенной государственной важности, Ежов фактически вошел в состав руководства страны, хотя формально и не являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б). По предложению Сталина его включили в постоянную комиссию высшего партийного органа по подготовке и решению вопросов секретного характера, а также в Комитет обороны СССР при Совнарком².

Весной 1937 г. Н.И. Ежов развернул бурную деятельность по поиску компромата на Н.И. Бухарина. Наряду с фабрикацией доказательств вины «правых оппозиционеров», нарком внутренних дел СССР стремился «расширить» географию

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 72.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 207, 251.

распространения их влияния. В результате арестов, произведенных органами НКВД в марте-июне 1937 г., от арестованных руководителей партийных организаций были получены показания на представителей высшего слоя номенклатурных работников СССР — членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б). В дальнейшем органы НКВД продолжали снабжать Сталина компрометирующими материалами на высшую партийную и советскую номенклатуру¹.

Важная роль принадлежала Н.И. Ежову в подготовке и проведении суда над участниками «военно-фашистского заговора» 1937 г. Однако этот процесс не стал окончательной точкой в борьбе против так называемых заговорщиков, а явился лишь одним из этапов на пути дальнейшего расширения политики репрессий².

Параллельно Ежов предпринимал неоднократные попытки выявить компрометирующие материалы на народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова, который постоянно критиковал НКВД. Именно с «подачи» Н.И. Ежова были проведены аресты среди сотрудников НКВД и Коминтерна³.

Накануне и после июньского (1937) Пленума ЦК ВКП(б) Сталин давал указания Ежову о продолжении поиска оппозиционеров в высших эшелонах власти, невзирая на их должности и занимаемое положение. Этот пленум, по существу, дал сигнал перехода к массовым репрессиям в отношении высшего слоя партийно-советской номенклатуры, поскольку арестам подверглись и сами участники партийного форума. К моменту окончания его работы за «измену», активную «контрреволюционную» деятельность, принадлежность к «контрреволюционным группам» более 30 членов и кандидатов ЦК ВКП(б) были выведены из руководящих органов и исключены из партии. Некоторые из них подверглись аресту, а дела других передавались в силовое ведомство Н.И. Ежова⁴.

Летом — осенью 1937 г. ситуация сложилась таким образом, что Сталин и Ежов, выдавая санкции на аресты но-

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 103.

² Там же. С. 114—118.

³ Там же. С. 185, 187.

⁴ Там же. С. 133—137.

менклатурных работников, действовали, минуя секретарей областных и краевых парторганизаций, что являлось нарушением обычной практики порядка согласования арестов¹. В период осени 1937 — весны 1938 гг., когда репрессии достигли небывалого размаха и роль в их проведении наркома внутренних дел Н.И. Ежова стала определяющей, народные комиссары внутренних дел союзных республик и начальники УНКВД получили почти неограниченные права. При назначении их на должность Ежов давал установки о производстве арестов невзирая на лица, обещая получать санкции на «изъятие» самых высокопоставленных функционеров. На заседаниях бюро обкомов он рекомендовал им жестче докладывать о борьбе с «врагами народа». Инструктируя вновь назначенных начальников областных управлений, Н.И. Ежов призывал не ограничиваться борьбой с отдельными «контрреволюционерами», а добиваться раскрытия крупных заговоров. Развивался параллельный процесс: директивы Политбюро ЦК ВКП(б) дополнялись и конкретизировались главой НКВД СССР Ежовым. Тем самым сложилось как бы два уровня механизма репрессий².

Осенью 1937 г. невиданная по интенсивности пропагандистская кампания по прославлению органов НКВД СССР и лично Н.И. Ежова, достигла своего апогея. Ежов получил все возможные награды и звания, занимая сразу несколько ключевых партийно-государственных постов (секретарь ЦК, председатель КПК, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел, член Комитета обороны СССР при Совнарком)³.

Ежов был избран кандидатом в члены Политбюро на октябрьском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), сравнявшись по своему положению с А.А. Ждановым. Теперь Н.И. Ежов получил возможность официально курировать собственную деятельность, и контролировать его не могло фактически даже Политбюро⁴.

¹ Там же. С. 179.

² Там же. С. 189.

³ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 209.

⁴ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 489—490

Не случайно в официальном газетном отчете о приеме в Кремле 29 октября 1937 г., который проходил спустя буквально полмесяца после его избрания кандидатом в члены Политбюро, в списке сталинских соратников, занимавших почетные места за столом президиума, Ежов назван пятым по порядку, т.е. «впереди» такого полноправного члена высшего партийного органа, как А.И. Микоян. На этом приеме тамада Л.М. Каганович среди других тостов (за В.М. Молотова, М.И. Калинина, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна) провозгласил здравицу в честь «славного наркома внутренних дел СССР товарища Николая Ивановича Ежова»¹.

А в официальном газетном отчете о большом кремлевском приеме депутатов Верховного Совета СССР (20 января 1938 г.) Н.И. Ежов уже назван десятым по счету после Сталина в числе хозяев застолья. Однако в этом отчете не был зафиксирован «компенсационный» сталинский тост «за органы бдительности во всесоюзном масштабе, за чекистов», т.е. за органы НКВД, и за их «организатора и главу» — «товарища Ежова», который сохранился в синхронной записи, произведенной Р.П. Хмельницким, адъютантом Народного комиссара обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова². На приеме «папанинцев» 17 марта 1938 г. О.Ю. Шмидт провозгласил здравицу за Н.И. Ежова, но уже без лишних эпитетов, а просто как «за комиссара внутренних дел»³.

8 апреля 1938 г. Ежов был назначен народным комиссаром водного транспорта СССР, что несколько ослабляло его позиции в НКВД, поскольку, начав работать в новой должности, он поневоле отвлекся от повседневных дел в руководимом им силовом ведомстве. Это назначение стало первым сигналом, свидетельствовавшим о намерении Сталина в будущем устранить Н.И. Ежова от руководства карательным аппаратом и начать обновление кадрового состава силового ведомства. Не случайно в сообщении «Правды» о банкете в Кремле 17 апреля 1938 г. Ежов, хотя и упомянут в списке хозяев приема, соратников вождя, но лишь девятым по счету. Буквально накануне

¹ ЗРС. С. 121.

² Там же. Док. № 24.

³ Правда. 1938. 18 марта.

падения Н.И. Ежова, на приеме членов экипажа самолета «Родина» (27 октября 1938 г.) М.М. Раскова, о чем свидетельствует официальный газетный отчет, говорила «о зорких стражах государственной безопасности, славных наркомвнудельцах и их руководителе, сталинском наркоме Николае Ивановиче Ежове»¹.

Свидетельством того, что авторитет Н.И. Ежова сильно пошатнулся, явилось назначение в августе 1938 г. Л.П. Берии его заместителем без согласования с самим народным комиссаром внутренних дел СССР. Это назначение вызвало у Ежова мрачные и вполне обоснованные предчувствия. Внешне глава НКВД оставался в фаворе и в силе, но рядом с ним появился человек, которого он по доброй воле вряд ли выбрал бы своим замом².

Всего по одному разу упомянуты в официальных отчетах о больших кремлевских приемах мая 1937 г. — ноября 1938 г. Н.М. Шверник и Г.И. Петровский. Шверник, являвшийся по возрасту старше главы Советского правительства В.М. Молотова, в конце 1930-х гг. лишь начинал свое восхождение по номенклатурной лестнице. Его знакомство со Сталиным, вероятно, произошло в период Гражданской войны³.

Что касается Петровского, то, поскольку он был слишком близок к репрессированным украинским руководителям — С.В. Косиору и П.П. Постышеву, летом 1938 г. его отозвали с Украины и вывели из состава всех руководящих органов власти. Была арестована жена Г.И. Петровского⁴. Сам Петровский уцелел в годы репрессий, но фактически оказался изгнанным из номенклатуры⁵.

В целом, за период с мая 1937 г. по ноябрь 1938 г., на этапе кульминации политических репрессий, общее число партийных и государственных функционеров, входивших в Политбюро, Оргбюро, Секретариат, членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), занимавших вместе со Сталиным места за столом хозяев на больших кремлевских приемах, достигало 20-ти.

¹ Правда. 1938. 28 окт.

² Там же. С. 210-211; *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 171.

³ *Макарова Н.Н.* Указ. соч. С. 301.

⁴ Там же. С.307.

⁵ *Хлевнюк О.В.* Хозяин... С. 409.

XVIII съезду ВКП(б) (март 1939 г.) предшествовали события, связанные с устранением с политической арены ставшего уже ненужным Сталину, выполнившего свою зловещую роль Н.И. Ежова. После многочасовой аудиенции в сталинском рабочем кабинете в Кремле и покаянного заявления на имя вождя в ноябре 1938 г. Ежов был освобожден от должности народного комиссара внутренних дел СССР, хотя за ним сохранялись (до времени) высокие посты, которые он занимал в ЦК ВКП(б) (секретарь ЦК, председатель КПК)¹.

Тем временем Сталин санкционировал назначение нового начальника секретариата НКВД СССР, выдвижение на руководящие должности в отдел кадров наркомата группы инструкторов отдела руководящих работников ЦК ВКП(б), замены «людьми Берии» других ключевых фигур силового ведомства². Н.И. Ежов лишь номинально оставался во главе КПК, курировал ОРПО. На деле он уже утратил свою прежнюю роль члена правящей группы³. На основании решения ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1938 г. была создана специальная комиссия по приему дел от прежнего руководителя НКВД СССР Н.И. Ежова и передаче их новому — Л.П. Берия⁴.

Встреча Нового, 1939 г., ознаменовалась банкетом в Кремле. Вот как запечатлелись в памяти Ю.Б. Елагина хозяева этого банкета — Сталин и его ближайшие соратники, представители высшей партийно-государственной номенклатуры, избежавшие политических репрессий: «В зале идет пир горой. За большими столами полно народу. Прямо перед нашей эстрадой, несколько изолированно от всех остальных, стоит стол для членов Политбюро. Вожди сидят спиной к нам и лицом к залу <...>. Члены Политбюро сидят чинно и спокойно и производят впечатление единственно трезвых людей в зале <...>. Когда мы входим на эстраду, Сталин и его соседи поворачиваются к нам и аплодируют <...>. Он улыбается и одобряюще кивает нам головой. Перед ним стоит наполовину наполненный стакан. По цвету похоже на коньяк. Мы начинаем играть. Из всего

¹ Там же. С. 346.

² *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С. 212.

³ *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля... С. 100.

⁴ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 253.

зала нас слушают только члены Политбюро. Они перестают есть и оборачиваются в нашу сторону»¹.

На мартовском (1939) Пленуме ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов не был переизбран кандидатом в члены Политбюро. Он был снят со всех должностей, 10 апреля арестован и после проведения следствия расстрелян. Арест Ежова был проведен без какой-либо огласки, скрытно². После ареста Н.И. Ежова, по мнению Ю.Н. Жукова, «члены высшего руководства страны могли чувствовать себя в полной безопасности, обрести уверенность в завтрашнем дне»³.

В марте 1939 г. в состав высших партийных органов вошли: члены Политбюро А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв; кандидаты в члены Политбюро Л.П. Берия, Н.М. Шверник, члены Оргбюро А.А. Андреев, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис, Н.А. Михайлов, И.В. Сталин, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков; члены Секретариата А.А. Андреев, А.А. Жданов, Г.М. Маленков, И.В. Сталин.

Г.И. Петровский, являвшийся своеобразным олицетворением преемственности (как представитель гвардии революционной эпохи), но уже давно не игравший сколько-нибудь значительной роли в Политбюро, на этом пленуме не был включен в состав высшего партийного органа⁴.

Пленум ЦК ВКП(б) 21 февраля 1941 г. избрал кандидатами в члены Политбюро Н.А. Вознесенского, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова.

Чисто партийные структуры в руководстве СССР представляли наряду со Сталиным А.А. Андреев, А.А. Жданов, Г.М. Маленков. Они фактически, реально руководили аппаратом, направляя всю деятельность ВКП(б) в центре и на местах. Государственные структуры возглавляли В.М. Молотов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский⁵.

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 306–307.

² Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 201.

³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С.39.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 83.

**Члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) –
участники больших кремлевских приемов Сталина (май 1939 – май 1941 гг.)**

Фамилия, инициалы	Год Рождения	Дата вступления в большевистскую партию	Занимаемые должности в высших партийных органах и даты избрания (переизбрания) на них	Занимаемые государственные и военные должности и даты назначения на них
1. Калинин М.И.	1875	1898	Член Политбюро 01.01.1926. Переизбран 22.03.1939.	Председатель Президиума Верховного Совета СССР 01.1938.
2. Ворошилов К.Е.	1881	1903	Член Политбюро 01.01.1926. Переизбран 22.03.1939.	Народный комиссар обороны СССР (до 07.05.1940). Заместитель Председателя СНК СССР 07.05.1940.
3. Молотов В.М.	1890	1906	Член Политбюро 01.01.1926. Переизбран 22.03.1939.	Председатель СНК СССР (до 6.05.1941). Председатель Экономического совета при СНК СССР (до 10.09.1939). Председатель Комитета обороны (до 24.07.1940). Народный комиссар иностранных дел СССР 3.05.1939.
4. Каганович Л.М.	1893	1911	Член Оргбюро 13.07.1930. Переизбран 22.03.1939. Член Политбюро 13.07.1930. Переизбран 22.03.1939.	Заместитель Председателя СНК СССР (с августа 1938). Народный комиссар путей сообщения СССР 04. 1938. Народный комиссар топливной промышленности СССР 24.01.1939. Народный комиссар нефтяной промышленности СССР 12.10. 1939. Член Комитета обороны 24.07.1940.

БОЛЬШИЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ПРИЕМЫ 1930-х—1940-х гг.

Фамилия, инициалы	Год Рождения	Дата вступления в большевистскую партию	Занимаемые должности в высших партийных органах и даты избрания (переизбрания) на них	Занимаемые государственные и военные должности и даты назначения на них
5. Андреев А.А.	1895	1914	Секретарь ЦК 28.02.1935. Переизбран 22.03.1939. Член Оргбюро 10.02.1934. Член Политбюро 04.02.1932. Переизбран 22.03.1939.	
6. Микоян А.И.	1895	1915	Член Политбюро 01.02.1935. Переизбран 22.03.1939.	Заместитель Председателя СНК СССР 07.1937. Председатель Экономического совета при СНК СССР 10.09.1939. Народный комиссар внешней торговли СССР 11.1938.
7. Жданов А.А.	1896	1915	Секретарь ЦК 22.03.1939. Член Оргбюро 10.02.1934. Переизбран 22.03.1939. Член Политбюро 22.03.1939.	
8. Хрущёв Н.С.	1894	1918	Член Политбюро 22.03.1939.	
9. Шверник Н.М.	1888	1905	Член Оргбюро 13.07.1930. Переизбран 22.03.1939. Кандидат в члены Политбюро 22.03.1939.	
10. Берия Л.П.	1899	1917	Кандидат в члены Политбюро 22.03.1939.	Народный комиссар внутренних дел СССР 25.11.1938. Заместитель Председателя СНК СССР 03.02.1941.

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРИЕМОВ

Таблица № 4. Продолжение

Фамилия, инициалы	Год Рождения	Дата вступления в большинство партий	Занимаемые должности в высших партийных органах и даты избрания (переизбрания) на них	Занимаемые государственные и военные должности и даты назначения на них
11. Маленков Г.М.	1901	1920	Секретарь ЦК 22.03.1939. Член Оргбюро 22.03.1939. Кандидат в члены Политбюро 21.02.1941.	
12. Щербаков А.С.	1901	1918	Секретарь ЦК 04.05.1941. Кандидат в члены Политбюро 21.02.1941.	
13. Вознесенский Н.А.	1903	1919	Кандидат в члены Политбюро 21.02.1941.	Председатель Госплана СССР 01.1938. Заместитель Председателя СНК 04.1939. Первый заместитель Председателя СНК СССР по Экономическому совету 10.03.1941.
14. Мехлис Л.З.	1889	1918	Член Оргбюро 14.01.1938. Переизбран 22.03.1939.	Народный комиссар государственного контроля СССР 6.09.1940.
15. Михайлов Н.А.	1906	1930	Член Оргбюро 22.03.1939.	

Следующую по значимости и по роли во властных структурах элитную группу составили не вошедшие в узкое руководство члены и кандидаты в члены Политбюро: К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков, Л.З. Мехлис¹.

Таким образом, помимо Сталина, партийно-государственное руководство СССР в предвоенный период (март 1939 — июнь 1941 гг.) составляли 15 человек: А.А. Андреев, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис, А.И. Микоян, Н.А. Михайлов, В.М. Молотов, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник, А.С. Щербаков. Сведения о них в обобщенном виде представлены в *Таблице № 4*.

С мая 1939 г. по май 1941 г. было проведено 17 больших кремлевских приемов. Фамилии видных партийных и государственных функционеров, выступавших на этих банкетах вместе со Сталиным в роли хозяев, в официальных газетных отчетах представлены в следующей последовательности:

1) 5 мая 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Н.М. Шверник.

2) 7 мая 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.А. Андреев, А.А. Жданов, А.И. Микоян, Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин, Н.Г. Кузнецов, Л.З. Мехлис, С.М. Будённый, Б.М. Шапошников, Е.М. Ярославский, А.Я. Вышинский, М.М. Каганович, А.С. Щербаков, Д.З. Мануильский, Н.А. Михайлов.

3) 23 мая 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Г.М. Маленков.

4) 5 июня 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

5) 20 июля 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Жданов, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

¹ Там же. С. 84.

6) 27 июля 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

7) 4 ноября 1939 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Г.М. Маленков.

8) 8 ноября 1939 г.: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков, М.Ф. Шкирятов, А.С. Щербаков, Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, С.М. Будённый, Л.З. Мехлис.

9) 2 февраля 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин.

10) 2 мая 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, А.С. Щербаков.

11) 29 мая 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

12) 17 июня 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин.

13) 10 августа 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.А. Жданов, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

14) 30 октября 1940 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, Н.М. Шверник, Г.М. Маленков.

15) 22 апреля 1941 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков.

16) 2 мая 1941 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Н.М. Шверник, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков.

17) 5 мая 1941 г.: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян,

Таблица № 5

Фамилия, инициалы	Порядковые номера приемов								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Порядковый номер упоминания (вслед за Сталиным) фамилии в газетном отчете								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Молотов В.М.	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2. Ворошилов К.Е.	2	2	2	2	2	2	2	—	2
3. Каганович Л.М.	3	—	3	3	3	3	3	2	3
4. Калинин М.И.	4	3	4	4	4	4	—	—	—
5. Андреев А.А.	5	4	6	5	— ¹	— ²	5	3	4
6. Микоян А.И.	5	6	5	6	6	5	4	4	5
7. Жданов А.А.	—	5	7	7	5	6	6	—	—
8. Шверник Н.М.	7	—	9	9	8	7	8	5	7
9. Маленков Г.М.	—	—	11	10	9	8	10	6	8
10. Берия Л.П.	—	—	10	8	7	—	9	—	6
11. Хрущёв Н.С.	—	7	8	—	—	—	7	—	—

Продолжение Таблицы № 5

Фамилия, инициалы	Порядковые номера приемов								
	10	11	12	13	14	15	16	17	
	Порядковый номер упоминания (вслед за Сталиным) фамилии в газетном отчете								
	1	1	1	1	1	1	1	1	
1. Молотов В.М.	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2. Ворошилов К.Е.	2	2	2	2	2	2	2	2	2
3. Каганович Л.М.	4	3	3	4	3	4	4	4	4
4. Калинин М.И.	3	— ³	4	3	4	3	3	3	3
5. Андреев А.А.	5	4	5	5	5	5	5	5	5
6. Микоян А.И.	6	—	6	7	—	6	6	6	6
7. Жданов А.А.	—	5	7	6	—	7	—	7	7
8. Шверник Н.М.	7	6	8	9	6	9	8	8	8
9. Маленков Г.М.	9	7	9	10	7	12	11	11	11
10. Берия Л.П.	8	—	—	8	—	8	7	—	—
11. Хрущёв Н.С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—

¹ А.А. Андреев находился в отпуске с 20 июля по 5 сентября 1939 г. (РГАСПИ. Ф. 17. оп.163. Д. 1232. Л. 16.).

² См. прим. 543.

³ М.И. Калинин в конце мая 1940 г. был направлен в Баку на празднование 20-летия установления советской власти в Азербайджане (Известия. 1940. 3 июня).

А.А. Жданов, Н.М. Шверник, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков.

Таблица № 5 дает представление о распределении мест в «рейтинге» ближайших соратников Сталина, выполнявших вместе с ним роль хозяев на больших кремлевских приемах мая 1939 г. — мая 1941 г. Из нее следует, что, как и раньше, лидировали в этом «рейтинге» члены Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.А. Андреев, А.И. Микоян, А.А. Жданов. В указанный период они продолжали составлять «питейную компанию» Сталина, участвуя не только в этих застольях, но и в сталинских «симпозионах» и в дипломатических раутах¹.

В *Таблицу № 5* не включены сведения о Н.А. Вознесенском и А.С. Щербакове, утвержденных кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б) 21 февраля 1941 г., а также об избранных 22 марта 1939 г. членами Оргбюро Л.З. Мехлисе и Н.А. Михайлове, первый из которых в обозначенный период занимал вместе со Сталиным почетное место за столом президиума на кремлевских приемах два раза, а второй — всего лишь один раз.

В газетных отчетах обо всех приемах в Кремле, как и ранее, первым вслед за Сталиным упоминался В.М. Молотов, продолжавший состоять в «питейной компании» вождя². В этот период Молотов оставался на первом месте среди представителей «ближнего круга» вождя и по количеству времени, проведенного в сталинском служебном кабинете в Кремле³.

По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов в мае 1939 г. был назначен народным комиссаром иностранных дел СССР вместо М.М. Литвинова. Именно Молотов поставил свою подпись на договорах о ненападении (от 23 августа) и о дружбе и границе с Германией (28 сентября 1939 г.), которые

¹ ЗРС. Док. № 44, 46, 47, 51; СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов. Т. 1. СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 гг.). Vilnius, 2006. С. 264; Правда. 1939. 29 сент., 1 окт., 6 окт., 12 окт.

² М.И. Калинин в конце мая 1940 г. был направлен в Баку на празднование 20-летия установления советской власти в Азербайджане (Известия. 1940. 3 июня).

³ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 470—471.

положили начало непродолжительному периоду советско-германского сближения 1939—1941 гг.

Однако, сосредоточившись полностью на важнейших проблемах внешней политики, Молотов стал отходить от исполнения других обязанностей в правительстве. Все реже он участвовал в работе Экономического совета (до 23 ноября 1937 г. — Совет Труда и Оборона) и Комитета обороны при СНК СССР. Тем самым была предопределена дальнейшая утрата Молотовым прежних властных полномочий¹. Сталин ради собственных интересов и заботы о сохранении своего лидерства уже «пожертвовал» ранее Л.М. Кагановичем и готов был так же поступить с В.М. Молотовым².

21 марта 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об образовании Бюро Совнаркома». Фактически это была руководящая группа СНК СССР, организованная по принципу руководящих групп в Политбюро. Помимо В.М. Молотова, являвшегося председателем нового государственного органа, в его состав вошли: Н.А. Вознесенский (первый заместитель), А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.А. Андреев³. Молотову по-прежнему отводилось руководство внешней политикой СССР⁴.

В то же время В.М. Молотов продолжал подвергаться косвенному нажиму со стороны Сталина. 10 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, согласно которому было предрешиено освобождение жены Молотова П.С. Жемчужиной с поста народного комиссара рыбной промышленности СССР. Относительно Жемчужиной в упомянутом постановлении говорилось, что в ее окружении оказались «враждебные элементы». Поэтому Политбюро поручало произвести «тщательную проверку всех материалов», касающихся ее персоны. В октябре и ноябре 1939 г. высший партийный орган вновь рассматривал «дело Жемчужины». Она была окончательно освобождена от должности наркома рыбной промышленности и назначена начальником Управ-

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 55.

² Там же. С. 63.

³ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 253, 254.

⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 93.

ления текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности РСФСР. В феврале 1941 г. на XVIII партийной конференции ВКП(б) П.С. Жемчужину исключили из числа кандидатов в члены ЦК¹.

Весной 1941 г. Сталин предпринял ряд практических шагов с целью реорганизации работы СНК СССР и по подготовке почвы для снятия В.М. Молотова, к которому он демонстрировал неприязнь, с поста главы Советского правительства. Первым шагом на этом пути стало создание Бюро Совнаркома. Следующим шагом оказалась замена Молотова на посту Председателя СНК СССР самим Сталиным, о чем более подробно речь пойдет в главе пятой.

Как видно из *Таблицы № 5*, второе место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов Сталина в мае 1939 г. — мае 1941 г., как и прежде, занимал К.Е. Ворошилов, продолжавший оставаться активным членом «питейной компании» вождя². Он также стоял на втором месте среди сталинских соратников по количеству времени, проведенному в кремлевском кабинете вождя³.

Между тем в конце 1930-х — начале 1940-х гг. авторитет Ворошилова как главы военного ведомства оказался подорванным. Он был деморализован широкомасштабной чисткой в Красной армии; на него была возложена ответственность за неудачи в ходе советско-финляндской («Зимней войны») ⁴. 21 марта 1940 г. под давлением большинства членов Политбюро Сталин согласился на включение в повестку дня предстоящего Пленума ЦК ВКП(б) дополнительного, ранее не предусмотренного, вопроса: «Уроки войны в Финляндии». Докладчиком по данному вопросу назначался «не оправдавший надежд нарком обороны» К.Е. Ворошилов. Попытка Ворошилова вразумительно объяснить досадные промахи, допущенные в ходе боевых действий против Финляндии, окончилась неудачей. Позднее его сменил на посту народного комиссара обороны СССР С.К. Тимошенко.

¹ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 242.

² «Пройдет десяток лет...». С. 109—110.

³ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 470—471.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 245.

Однако Сталин не оставил в беде своего соратника, более того, вовремя пришел ему на помощь, чем доказал верность их старой дружбе: К.Е. Ворошилов был назначен председателем Комитета обороны при СНК СССР (вместо В.М. Молотова)¹.

Стабильное третье место в упомянутом «рейтинге» в мае 1939 г. — мае 1941 г. продолжал занимать Л.М. Каганович. Однако вывод его из Секретариата ЦК являлся лишним подтверждением начала заката блестящей партийной карьеры². Об этом же свидетельствует и то, что за период 1939 г — первой половины 1941 г. он провел в кремлевском кабинете Сталина меньше времени, чем, например, А.И. Микоян или А.А. Жданов³. Определенной «компенсацией» явилось включение Кагановича в состав Бюро Совнаркома СССР в марте 1941 г. В его обязанности входило руководство транспортом и перевозками⁴.

О непростых отношениях, сложившихся между Л.М. Кагановичем с К.Е. Ворошиловым, и о том, что позиции первого из них в сталинском окружении к концу 1930-х гг. несколько пошатнулись, может свидетельствовать следующий случай. В начале июня 1939 г. Каганович направил Сталину записку с просьбой освободить от военных лагерных сборов 10 тыс. чел., а от очередного призыва в Красную армию еще 3 тыс. чел., занятых в топливной промышленности. В свою очередь, Ворошилов, обратившись с письмом к Сталину, предлагал отклонить просьбу Кагановича о потенциальных призывниках, поскольку это были 19-летние молодые люди. По мнению наркома обороны, ссылка Л.М. Кагановича на наличие у них «квалификации» «как мотива для освобождения от призыва, мало убедительны». К.Е. Ворошилов предложил в связи с этим: 1) отклонить просьбу Кагановича; 2) отложить решение вопроса. 10 июня 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, в основе которого лежали соображения наркома обороны («за» проголосовали Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов,

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 63—64.

² Там же. С. 35.

³ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 470—471.

⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 35, 94, 253.

А.И. Микоян, А.А. Андреев и М.И. Калинин). Л.М. Кагановичу об этом решении Политбюро было «сообщено»¹.

В сентябре 1939 г. Сталин подверг Кагановича критике на заседании Комитета Обороны. Вождь выразил недовольство тем, что «в НКПС'е у тов. Кагановича чехарда с кадрами идет» и добавил: ЦК ВКП(б) даже был вынужден запретить народному комиссару путей сообщения «устраивать ежемесячные передвижки кадров»².

Из *Таблицы № 5* видно, что в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов в мае 1939 г. — мае 1941 г. на четвертом месте стоял М.И. Калинин. В этот период его здоровье продолжало ухудшаться. 17 ноября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о предоставлении М.И. Калинин у отпуска. По заключению Лечсанупра, влиятельный пациент нуждался в укрепляющем лечении на юге (в Сочи или Гаграх) в течение полутора месяцев³. Вероятно, болезненным состоянием М.И. Калинина можно объяснить его отсутствие на больших кремлевских приемах 4, 8 ноября 1939 г. и 2 февраля 1940 г.

Э. Муратов вспоминал, что когда во время официальной части приема 5 мая 1941 г. приветственное слово было предоставлено Калинин, он двигался к трибуне очень медленно, буквально «волоча ноги». На свежеиспеченного молодого командира Красной армии «всесоюзный староста» произвел «впечатление дряхлого старика». По свидетельству Э. Муратова, М.И. Калинин ушел с банкета еще до того, как Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца покинули Сталин и его ближайшие соратники⁴.

Пятое место в упомянутом «рейтинге» принадлежало А.А. Андрееву. 27 ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об очередном серьезном перераспределении обязанностей среди секретарей ЦК, которое непосредственно коснулось и Андреева. Ранее вместо Л.М. Кагановича он исполнял неформальные обязанности второго секретаря, председательствовал на заседаниях Оргбюро, а также продол-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1228. Л. 10.

² Цит. по: «Пройдет десяток лет...». С. 108.

³ Там же. Д. 1239. Л. 89.

⁴ Муратов Э. Указ. соч. С. 281, 285.

жал курировать Управление делами ЦК, его промышленный и транспортный отделы. Теперь он должен был, в дополнение к прежним обязанностям, осуществлять наблюдение за работой сельскохозяйственных наркоматов и львиную долю времени стал затрачивать на решение насущных проблем экономики, а не на разрешение вопросов партаппарата¹.

26 июня 1939 г. Андреев был включен в состав Экономического совета при СНК СССР. Он имел на это формальное право, являясь заместителем Председателя СНК СССР, а также курировал по линии ЦК ВКП(б) все три сельскохозяйственных наркомата (земледелия, совхозов и заготовок)². С 20 июля по 5 сентября 1939 г. А.А. Андреев находился в отпуске³, поэтому не присутствовал на двух июльских приемах в Кремле. В марте 1941 г. он вошел в состав Бюро Совнаркома, где ему отводилось руководство сельским хозяйством⁴.

Вслед за А.А. Андреевым в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов мая 1939 г. — мая 1941 г. следует А.И. Микоян (см. *Таблицу № 5*). Поскольку В.М. Молотов по причине своей занятости все реже участвовал в работе Экономического совета, Микоян, являвшийся его официальным заместителем, стал чаще подменять Молотова. 26 июня 1939 г. для нейтрализации самостоятельности А.И. Микояна и ограничения его усилившейся позиции в состав Экономического совета при СНК СССР помимо А.А. Андреева ввели А.А. Жданова и Г.М. Маленкова. Начиная с августа 1939 г. Микоян не только осуществлял повседневное руководство Экономическим советом, но и по постановлению Политбюро от 10 сентября официально возглавлял его, тем самым заменив В.М. Молотова как главу правительства, но с весьма ограниченными полномочиями. Значительная часть этих полномочий отошла к обновленному Комитету обороны при СНК СССР, членом которого также являлся А.И. Микоян⁵. В марте 1941 г. Микоян стал

¹ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля... С. 100, 101.

² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 56.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 163. Д. 1232. Л. 16.

⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 92, 94.

⁵ Там же. С. 55, 56, 57, 58.

членом Бюро Совнаркома, при этом ему отводилось руководство снабжением в целом¹.

Седьмое место в упомянутом «рейтинге» занимал А.А. Жданов (см. *Таблицу № 5*). Согласно постановлению Политбюро от 27 ноября 1938 г. о распределении обязанностей между секретарями ЦК ВКП(б) на А.А. Жданова были возложены «наблюдение и контроль» над деятельностью комсомола и работой средств массовой информации². Ко времени вхождения в состав Политбюро в качестве его члена он стал начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)³. Это структурное подразделение, наряду с Управлением кадров, явилось одним из ключевых после реорганизации аппарата ЦК ВКП(б). Данное обстоятельство давало А.А. Жданову основания для подготовки важнейших вопросов, обсуждавшихся со Сталиным, согласовывавшихся им и оформлявшихся затем в качестве решений Политбюро⁴. Жданов был введен в состав Политбюро ЦК ВКП(б) на мартовском (1939 г.) Пленуме ЦК вместо отставленного Г.И. Петровского.

Восьмое место в «рейтинге» хозяев больших кремлевских приемов в мае 1939 г. — мае 1941 г. принадлежало Н.М. Швернику. Постоянно пребывавший в Москве, вместе со Сталиным и другими представителями высшего партийно-государственного руководства он выступал в роли хозяина на 16-ти из 17-ти больших кремлевских приемах, имевших место в мае 1939 г. — мае 1941 г. (см. *Таблицу № 5*).

После избрания секретарем ЦК и членом Оргбюро 15 раз за указанный период в этой же роли выступал на банкетах в Кремле Г.М. Маленков. По словам О.В. Хлевнюка, Маленков, как «выдвиженец террора», находился в «положении потенциального виновного». Достигнув к 1937 г. 35-летнего возраста, он успел пройти большую школу партийной бюрократической деятельности, занимая различные должности в аппарате ЦК (1925—1930), в Московском комитете партии (1930—1934). В феврале 1936 г. Г.М. Маленков сменил Н.И. Ежова в каче-

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 92, 94.

² Хлевнюк О.В. Политбюро... С. 246.

³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 35.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 431.

стве заведующего отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б)¹.

Функции ОРПО, занимавшегося прежде изучением и представлением кандидатур лишь в структурах партии (секретарей обкомов, крайкомов и выше), были существенно расширены. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 мая 1937 г., под контроль этого отдела ЦК были поставлены также утверждения в должности не только партийных работников, но и государственных служащих: от наркомов союзных республик до начальников главков, заместителей наркомов и наркомов СССР. По словам Ю.Н. Жукова, тем самым «был образован прежде отсутствовавший, единый для всей страны своеобразный отдел кадров номенклатуры» Политбюро ЦК ВКП(б). Этот отдел не только сконцентрировал в одних руках проведение всей кадровой политики, но и способствовал усилению позиций Г.М. Маленкова, который теперь уже вплотную приблизился к узкому руководству. Маленков не вошел ни в одну из упомянутых выше секретных комиссий Политбюро ЦК ВКП(б), ни в Комитет обороны при СНК СССР. Однако он стал «членом более значимой, хотя и действующей за кулисами власти, группы Сталина»².

Таким образом, на пике репрессий Г.М. Маленков, не являясь формально даже членом ЦК, имел благодаря занимаемой должности возможность непосредственно и регулярно встречаться со Сталиным. Именно Маленков постоянно вносил на утверждение Политбюро предложения о назначениях на высокие должности представителей партийно-государственной номенклатуры. Зачастую он проявлял инициативу в деле кадровых перестановок, обращаясь с соответствующими докладными записками на имя Сталина.

Успехи, достигнутые в деле чистки партийного аппарата, позволили Г.М. Маленкову получить растущую поддержку и благосклонность со стороны вождя. Именно Маленков выступал с основным докладом на январском (1938) Пленуме ЦК. После этого пленума по предложению Сталина были значительно увеличены штаты ОРПО ЦК ВКП(б).

¹ Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 140, 148–149.

² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 388.

Между тем Сталин располагал компрометирующими материалами на своего выдвиженца. Согласно предположению О.В. Хлевнюка, в отношении ОРПО ЦК ВКП(б) в начале 1939 г. даже велось какое-то расследование. Г.М. Маленков был вынужден обратиться с личным письмом к Сталину, пытаясь доказать, что он является «во всех отношениях образцовым партийцем». Реальная угроза нависла над Маленковым после ареста Н.И. Ежова, с которым его связывали прежде контакты по службе. Ежов поспешил выступить с компрометирующими показаниями против Г.М. Маленкова, но Сталин не дал им хода¹.

На мартовском (1939 г.) Пленуме ЦК Г.М. Маленков был избран членом Оргбюро ЦК ВКП(б) и секретарем ЦК; затем возглавил Управление кадров ЦК ВКП(б). В исследовательской литературе сравнительно медленное продвижение Г.М. Маленкова вверх по служебной лестнице объясняется тем, что его реформаторский настрой находил достаточно сильное сопротивление консервативного крыла узкого руководства, опасавшегося не только полной смены кадровой политики, но и потери прежней безраздельной власти².

В мае 1939 г. — мае 1941 г. на 9-ти больших кремлевских приемах из 17-ти, как видно из *Таблицы № 5*, почетное место за столом хозяев вместе со Сталиным и его ближайшими соратниками занимал Л.П. Берия. Благоприятное отношение к Берии у Сталина сложилось еще в начале 1930-х гг.

В 1931 г., когда Сталин отдыхал на Кавказе, Берия лично организовал его охрану во время отпуска. Трехнедельное общение с Л.П. Берией убедило Сталина в том, что тот является «нужным человеком»³. Вождь постепенно выдвигал его на роль лидера Закавказского крайкома ВКП(б). В свою очередь, Л.П. Берия умело использовал повышенный интерес вождя к ситуации в Закавказье, ненавязчиво напоминая ему об особом значении земляческих, национальных связей. Составленная по инициативе Л.П. Берии книга об истории большевистских организаций Закавказья возносила Сталина

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 423—425.

² Жуков Ю.Н., Сталин: тайны власти... С. 35.

³ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 302.

в разряд одного из главных вождей революционного движения в Российской империи.

Самого Сталина устраивало то, что Л.П. Берия находился в острых конфликтных отношениях с бывшими руководителями Закавказья из числа старых большевиков, группировавшихся вокруг Г.К. Орджоникидзе. Они распространяли о Берии не самые благоприятные сведения, обвиняя в связях с мусаватистским правительством, находившимся у власти в Азербайджане в 1918 – 1920 гг. Берия неоднократно был вынужден в письмах на имя Г.К. Орджоникидзе доказывать, что факт его работы в мусаватистской контрразведке «с ведома партии» был подтвержден заявлениями ряда свидетелей.

В начале 1937 г. Л.П. Берия прибыл в Москву во главе культурной делегации Грузии, которая приняла участие в декаде грузинского искусства. На большом кремлевском приеме, устроенном для участников этой декады, Берия был удостоен чести сидеть за столом президиума вместе со Сталиным и его ближайшими соратниками¹.

Будучи энергичным и безжалостным, Берия с энтузиазмом следовал «генеральной линии», весьма преуспел в проведении репрессий в Закавказье.

Сталин учитывал наличие определенных компрометирующих материалов на Л.П. Берия. Особую опасность факты связи Берии с мусаватистами стали представлять для него в период «большого террора»².

По мере ослабления влияния Н.И. Ежова, в противовес ему Сталин выдвигал не только Г.М. Маленкова, но и Берия. Летом 1938 г. Л.П. Берия, которому не было еще и сорока, отозвали из Грузии в Москву. Он получил назначение на должность заместителя народного комиссара внутренних дел СССР³. Ближайшие сотрудники Ежова пытались доказать, что сработаться с Берией невозможно. Начался сбор «компромата» на нового зама Н.И. Ежова. Ежов, крайне встревоженный назначением Берии своим заместителем по НКВД, попытался использовать материалы о его деятельности в Азербайджане

¹ Правда. 1937. 15 янв.

² Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 422–423.

³ Там же. С. 421.

в период нахождения у власти мусаватистов. В начале октября 1938 г. Сталин затребовал от Л.П. Берии объяснений по поводу выдвинутых Н.И. Ежовым обвинений. И на этот раз Берия представил соответствующие свидетельства в свое оправдание, которые всегда были у него под рукой¹.

Л.П. Берия вошел в состав комиссии, сформированной по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1938 г., которая готовила проект постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. В период работы вышеупомянутой комиссии Н.И. Ежов официально являлся ее председателем. Включенный в состав этой комиссии Л.П. Берия инициировал поиск «компромата» на Ежова. В конечном счете ему удалось добиться от бывших сотрудников Н.И. Ежова показаний, которые разоблачали ближайшее окружение наркома внутренних дел. Сталин внимательно ознакомился с этими материалами, которые подписывал один лишь Берия, что свидетельствовало о целесообразной деятельности по компрометации главы НКВД СССР.

Вслед за этим началась кадровая чистка в аппарате НКВД СССР, в ходе которой были подвергнуты аресту многие сотрудники Н.И. Ежова. Подручные Берии постарались выбить из них необходимые «показания». Позднее Л.П. Берия сумел разыскать и арестовать находившегося в течение 5-ти месяцев «в бегах» народного комиссара внутренних дел Украинской ССР А.И. Успенского².

После отстранения Н.И. Ежова от руководства НКВД СССР во главе этой силовой структуры оказался Л.П. Берия. Несмотря на заметную активность партийного аппарата и Прокуратуры в разоблачении преступной деятельности Ежова и его ближайшего окружения, органы безопасности в целом вышли из очередной чистки с гораздо меньшими потерями, чем можно было ожидать. Одной из причин этого явилась контркампания, которую проводил Берия при поддержке Сталина. Новый народный комиссар внутренних дел СССР, громя людей Н.И. Ежова и издавая приказы о реализации

¹ Там же. С. 423; *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 169.

² *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 343–344.

скорректированной политической линии, был крайне озабочен укреплением положения своего ведомства, сохранением «костяка» его кадрового состава¹.

Избранный кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Л.П. Берия непосредственно в его работе не принимал активного участия. При этом он регулярно посещал служебный кабинет Сталина в Кремле, вынося на утверждение Политбюро многочисленные решения, касавшиеся реорганизации и кадровых перестановок в НКВД, активно отстаивая интересы своего ведомства². В марте 1941 г. Л.П. Берия был введен в состав вновь созданного Бюро Совнаркома³.

Трижды в больших кремлевских приемах мая 1939 г. — мая 1941 г. в качестве одного из хозяев застолья упоминался Н.С. Хрущёв. Хрущёв учился в Промышленной академии одновременно с Н.С. Аллилуевой, которая и познакомила его со Сталиным. Позитивную роль в карьере Н.С. Хрущёва сыграло его знакомство с Л.М. Кагановичем. Хрущёв оказался первым членом Политбюро ЦК ВКП(б), не имевшим дореволюционного партийного стажа⁴. В период занятия им высшей партийной должности в МК и МГК ВКП(б) и в ЦК КП (б) Украины Н.С. Хрущёв лично давал согласие на аресты: всего по его инициативе было репрессировано свыше 160000 чел.⁵.

После смены П.П. Постышева (как кандидат в члены Политбюро) и С.В. Косиора (как первый секретарь ЦК КП(б) Украины) Хрущёв наряду со Сталиным занимался исключительно партийными делами⁶. То обстоятельство, что Н.С. Хрущёв постоянно находился на ответственной работе на Украине, обуславливало его крайне редкое присутствие на банкетах в Кремле в этот период.

С мая 1939 г. по май 1941 гг., как следует из газетных отчетов, места за столом хозяев на приемах в Кремле вместе со Сталиным занимали 15 членов Политбюро, Оргбюро и Секре-

¹ Там же. С. 362.

² Там же. С. 422.

³ Там же. С. 435.

⁴ Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 301.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля... С. 45—46.

тариата ЦК ВКП(б). Помимо этого в роли хозяев на банкетах в Кремле выступали в обозначенный период еще 11 чел.: члены ЦК ВКП(б) Н.Г. Кузнецов (5 раз)¹, Н.А. Булганин (4 раза)²; М.Ф. Шкирятов (4 раза)³; С.К. Тимошенко (3 раза)⁴; Г.И. Кулик (2 раза)⁵; по одному разу — С.М. Будённый⁶; Л.З. Мехлис⁷; П.К. Пономаренко⁸; И.Ф. Тевосян⁹; Г.М. Штерн¹⁰; кандидат в члены ЦК А.Д. Локтионов¹¹.

В исследовательской литературе сформулировано несколько критериев, по которым Сталин осуществлял ротацию политической элиты. Как представляется, они применимы и к сталинской эрзац-элите, т.е. к членам его «ближнего круга». К числу этих критериев относятся: 1) деловые и личные качества конкретного функционера; 2) наличие у него «компрометирующих пятен» в биографии, чтобы легче было держать человека в подчинении; 3) давнее личное знакомство со Сталиным; 4) твердая позиция по отношению к различным «оппозиционерам»; 5) понимание собственного подчиненного положения¹².

Изложенный выше материал показывает, что еще одним критерием принадлежности к сталинской «эрзац-элите», к «ближнему кругу» являлось включение того или иного соратника в «питейную компанию» вождя. Как представляется, эта «питейная компания» по своему количественному составу была даже несколько уже собственно «ближнего круга». И если говорить конкретно о больших кремлевских приемах

¹ Правда. 1939. 28 июля; 9 нояб.; 1940. 4 мая; 1941. 4 мая, 6 мая.

² Правда. 1939. 9 нояб., 1940. 3 февр., 4 мая, 18 июня.

³ Правда. 1939. 5 нояб., 9 нояб.; 1940. 3 февр., 18 июня.

⁴ Правда. 1940. 11 авг.; 1941. 4 мая, 6 мая.

⁵ Правда. 1939. 9 нояб.; 1940. 4 мая.

⁶ Правда. 1940. 4 мая.

⁷ Правда. 1939. 9 нояб.

⁸ Правда. 1940. 18 июня.

⁹ Правда. 1939. 28 июля

¹⁰ Правда. 1940. 4 мая.

¹¹ Правда. 1939. 9 нояб.

¹² Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 311.

как одним из видов сталинских застолий, то в нее вошли именно те соратники Сталина, которые выдержали «особый отбор» второй половины 1930-х — начала 1940 гг.: А.А. Андреев, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Н.С. Хрущёв, Н.М. Шверник.

3.2. Гости

На тех, кто приглашался на большие кремлевские приемы, «лежала печать высокой избранности». Действительно, это «была своеобразная награда, знак редкого отличия»¹. Между тем, перед устроителями банкетов в Кремле стояла элементарная задача заполнения Георгиевского, а при необходимости — и других парадных помещений Большого Кремлевского Дворца, в которых размещались почетные гости.

На всех 47-ти больших кремлевских приемах, которые явились объектом исследования данной монографии, почетными гостями, судя по официальным газетным отчетам, являлись представители высшего партийного и советского руководства, стоявшие рангом ниже Сталина и его ближайших соратников: члены ЦК ВКП(б), члены Советского правительства (народные комиссары, с 1946 г. — министры, и их заместители), депутаты Верховного Совета РСФСР (с 1938 г.).

Как уже отмечалось, весьма затруднительно выявить динамику изменения количественного состава Правительства СССР и депутатского корпуса, а следовательно, подсчитать (хотя бы приблизительно), сколько именно народных комиссаров (министров), их заместителей, депутатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР могло присутствовать на том или ином большом кремлевском приеме.

Что касается членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), то к началу мая 1935 г., т.е. ко времени проведения двух первых больших кремлевских приемов, их общее число составляло 127 чел.² Естественно, не все входившие в состав ЦК одновре-

¹ Никишин А.В. Указ. соч. С. 133.

² Подсчеты мои. — В.Н. Ю.Н. Жуков неверно указывает цифру в 120 чел. (См.: Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 420).

менно могли присутствовать на каждом кремлевском приеме в качестве гостей хотя бы потому, что большинство из них работало и проживало не в Москве, а в столицах союзных республик либо в крупных городах. Так, из 330-ти человек, приглашенных на банкет 5 мая 1936 г., ЦК ВКП(б) и Правительство СССР представляли всего 56 человек¹.

С мая 1935 г. по май 1937 г. из состава ЦК выбыло 9 чел., 7 из которых — по причине начавшихся политических репрессий. В период их кульминации (1937—1938 гг.) количественный состав ЦК ВКП(б) существенно поредел. Уже в мае 1937 г. из состава ЦК ВКП(б) было выведено 10 чел.: 9 подверглись репрессиям, а 10-й (Я.Б. Гамарник) покончил жизнь самоубийством.

23—29 июня 1937 г. в Москве проходил пленум ЦК ВКП(б), который стал отправной точкой перехода к массовым репрессиям среди высшего слоя партийно-советской номенклатуры. Ко времени его окончания за «контрреволюционную» деятельность из ЦК было выведено свыше 30-ти чел.². Выходит, что за июнь 1937 г. количественный состав ЦК большевистской партии уменьшился в результате репрессий почти на четверть. Во второй половине 1937 г. эти репрессии в отношении высшего слоя партийно-советской номенклатуры продолжались.

В данной связи представляется не случайным то, что в официальном газетном отчете при перечислении основных групп приглашенных на большой кремлевский прием 25 июня 1937 г., состоявшийся в разгар работы июньского пленума, члены ЦК ВКП(б) и правительства упомянуты в последнюю очередь³. Аналогичным образом газеты писали о них и в информации о банкетах, устроенных в Кремле 26 июля и 23 августа 1937 г.⁴. Между тем за год до этого в газетных отчетах о больших кремлевских приемах члены правительства и ЦК ВКП(б) упоминались первыми среди других категорий гостей⁵.

11 октября 1937 г. открылся очередной пленум ЦК, на котором Сталин бесстрастно перечислил фамилии «выбыв-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 910. Л. 8.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 135—137.

³ Правда. 1937. 26 июня.

⁴ Правда. 1937. 27 июля, 24 авг.

⁵ Правда. 1936. 14 авг.

ших» с конца июня 1937 г. членов и кандидатов в члены ЦК¹. Всего октябрьский пленум зафиксировал выбытие из состава ЦК за указанный период 24-х человек. Новые существенные удары нанесли ему январский (1938 г.) пленум и аресты представителей высшей партийно-государственной номенклатуры, проводившиеся вплоть до конца ноября 1938 г.

Примечательно, что с конца октября 1937 г. и вплоть до мая 1939 г. в официальных газетных отчетах члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б) *вообще не упоминались* при перечислении основных гостевых групп, приглашавшихся на большие кремлевские приемы. К марту 1939 г., т.е. к моменту новых выборов состава ЦК, в него входило всего лишь 32 чел.², 11 из которых (во главе со Сталиным) выполняли на банкетах в Кремле роль хозяев. За 2 года (1937–1938 гг.) ЦК ВКП(б) сократился на 3/4, причем главным образом по причине политических репрессий. В результате практически была сведена к нулю ролевая функция членов и кандидатов в члены ЦК как гостей больших кремлевских приемов, что и отразилось в официальной печати.

В марте 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б). На нем был избран новый состав ЦК в количестве 139 чел. В последний день работы XVIII партийной конференции (20 февраля 1941 г.) было принято решение о выводе из ЦК ВКП(б) 19-ти чел. (4-х членов и 15-ти кандидатов). Одновременно его состав пополнился на 23 человека (6 членов и 17 кандидатов в члены). Это способствовало восстановлению статуса ЦК ВКП(б) как социально значимого высшего партийного органа, входившие в который партийные, государственные и военные функционеры составляли особый контингент гостей, приглашавшихся на большие кремлевские приемы. Данную тенденцию незамедлительно зафиксировали средства массовой информации. В мае 1939 – мае 1941 гг. в газетных отчетах входившие в состав ЦК ВКП(б) стали вновь упоминаться первыми по порядку при перечислении основных групп приглашаемых на банкеты в Кремль. Помимо этого практиковалось перечисление от одного до двух десятков фамилий рядовых членов и кандида-

¹ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 487–488.

² Подсчеты мои. – В.Н.

тов в члены ЦК (не входивших в состав Политбюро, Оргбюро и в Секретариат), выполнявших ролевую функцию гостей на больших кремлевских приемах¹. В послевоенные годы, когда приемы в Кремле устраивались исключительно от имени Советского Правительства, фамилии представителей данной категории гостей в газетной периодике уже не указывались.

«Героями дня» (или «виновниками торжества») на 17-ти из 47-ти больших кремлевских приемах являлись представители командного и рядового состава РККА и ВМФ, причем 11 раз в этой роли выступали участники праздничных военных парадов.

Их численность год от года возрастала. Так, в 1936 г. в первомайском параде на Красной площади приняло участие свыше 30000 чел., в 1937 г. — около 35000 чел.², в 1938 г. — около 31000 чел., а в 1939 г. — уже свыше 35000 чел.³ Естественно, пригласить их всех одновременно на прием в Кремль не представлялось возможным. Поэтому постепенно была установлена своеобразная система тщательного отбора наиболее достойных, при которой прежде всего учитывался высокий статус кремлевских застолий. Преимущество отдавалось тем, кто сделал службу в Красной армии или в Военно-Морском Флоте своей профессией. Но неизменно соблюдалось одно неписанное правило: приглашенные на прием в Кремль представляли различные рода войск. 2 мая 1935 г. гостями на кремлевском банкете стали «1700 красноармейцев и командиров всех родов оружия Московского гарнизона»⁴. Год спустя «в огромных залах Кремлевского дворца» вновь «собрались участники первомайского парада». Согласно газетному отчету, это были «лейтенанты, капитаны, майоры, полковники, командиры всех званий и всех родов войск»⁵. 2 мая 1938 г., как писали газеты, гостями на приеме в Кремле были: «командиры, политработники, инженеры и техники всех званий и родов войск РККА

¹ Правда. 1939. 8, 24 мая, 5, 9 нояб.; 1940. 3 февр., 4, 30 мая, 18 июня, 11 авг., 31 окт.; 1941. 23 апр., 4, 6 мая.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1142. Л. 135.

³ Там же. Д. 1220. Л. 124.

⁴ Правда. 1935. 4 мая.

⁵ Правда. 1936. 4 мая.

и ВМФ»¹. 8 ноября 1939 г. на банкет в Большой Кремлевский дворец пригласили участников праздничного парада на Красной площади, посвященного 22-й годовщине Октябрьской революции. «В числе гостей, — отмечала по этому поводу газета “Правда”, — представители войск всех родов оружия». Далее в официальном отчете об этом приеме можно обнаружить не лишнюю пафоса презентацию «виновников торжества»: «За празднично накрытыми столами встретились боевые друзья — не знающие преград пехотинцы, лихие кавалеристы, мастера сокрушительных ворошиловских залпов — артиллеристы, гордые сталинские соколы — прославленные летчики, водители танков, моряки, инженеры, техники, связисты, врачи»².

В сравнении с этим описанием более сдержанной и сухой выглядит общая характеристика гостей, собравшихся на прием в Кремль 2 мая 1941 г. Из всей массы участников праздничного Первомайского парада на банкет пригласили представителей «всех родов войск — пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации, флота, бронетанковых и инженерно-технических войск, связи»³.

Кандидатуры участников праздничных военных парадов, которые приглашались на прием в Кремль, предварительно тщательно отбирались, причем делалось это с привлечением «компетентных органов». Например, в праздничном параде на Красной площади, согласно политдонесению, направленному в ПУРККА комиссаром Академии Генштаба РККА бригадным комиссаром П.С. Фуртом, участвовало от Академии 2 роты⁴. А на большой кремлевский прием 8 ноября 1939 г. было приглашено от нее лишь «30 человек руководящего и профессорско-преподавательского состава»⁵. Фурт и уполномоченный особого отдела НКВД СССР составили два списка представителей начальствующего состава Генерального Штаба РККА, намеченных для участия в этом приеме, в каждый из которых было включено по 15 человек.

¹ Правда. 1938. 4 мая.

² Правда. 1939. 8 нояб.

³ Правда. 1941. 4 мая.

⁴ РГВА. Ф. 37963. Оп.1. Д. 26. Л. 79.

⁵ Там же. Л. 81.

В первом из этих списков информация представлена авторами документа в табличной форме (см. *Приложение № 2*). Второй из упомянутых выше списков по своему содержанию аналогичен первому. Отличие состоит лишь в том, что во втором списке представлено уже не высшее, а среднее звено начальствующего состава Академии Генштаба РККА. В первый список были внесены: помощник начальника Академии по материально-техническому обеспечению; заместитель начальника учебного отдела; помощник начальника строевого отдела; заместитель начальника кафедры; 10 старших преподавателей и один слушатель 2-го курса¹.

Пригласительные билеты на прием в Кремль, как следует из политдонесения П.С. Фурта, вручались представителям начальствующего состава секретарем парторганизации². Они вкладывались в специальные конверты малого формата. На каждом конверте указывались: фамилия, имя, отчество приглашенного и его домашний адрес. Примечательно, что пригласительные билеты на кремлевский банкет 8 ноября 1939 г., судя по пометам на конвертах, были вручены в тот же день: старшему преподавателю комдиву Н.П. Шварцу, начальнику учебного отдела А.Н. Крутикову, старшему преподавателю полковнику Н.Г. Колесникову, слушателю 2-го курса майору Н.М. Масленникову, старшему преподавателю комдиву А.В. Кирпичникову³. Заместитель начальника кафедры Академии Генштаба РККА полковник В.Ф. Воробьев получил его в 16.00, а старший преподаватель И.Х. Паука — в 17.35⁴, т.е. в первом случае за три часа, а во втором случае — менее чем за полтора часа до начала самого застолья.

Скорее всего, форма приглашения на торжественные кремлевские застолья за несколько часов до их начала широко практиковалась не только в предвоенные годы, но и после Великой Отечественной войны. Так, из записных книжек В.В. Вишневого следует, что он получил приглашение «на прием в Кремль в честь командующих войсками Красной

¹ РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 23. Л. 29–30.

² Там же. Д. 29. Л. 81.

³ Там же. Л. 31–37

⁴ Там же. Л. 34, 36.

армии» в день проведения банкета — 24 мая 1945 г.¹ Такая же ситуация повторилась, когда писателя пригласили на банкет в честь участников Парада Победы².

Сохранился пригласительный билет на прием 8 ноября 1939 г. Он выглядел следующим образом. Своими размерами напоминал визитную карточку. В левом верхнем углу был изображен Герб СССР. Непосредственно под Гербом Советского Союза на карточке имелся штамп: «Управление Московского Кремля НКВД СССР. Москва, Кремль, 1939». На лицевой стороне пригласительного билета был нанесен типографским способом текст:

Пригласительный билет №...³

Тов ...⁴.

Центральный Комитет ВКП(б) и Правительство СССР приглашают Вас на прием участников Октябрьского парада.

Прием состоится 8 ноября 1939 года в 19 часов в Большом Кремлевском Дворце.

Новый зал⁵. Вход в Спасские и Боровицкие ворота.

Стол №...⁶

Комендант Московского Кремля — комбриг Спиридонов⁷.

Таким образом, пригласительный билет на большой кремлевский прием был именованным. В тексте приглашения, помимо фамилии и инициалов гостя, указывались: приглашающая

¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2126. Л. 6 об.

² Там же. Л. 34.

³ Номер вписывался от руки.

⁴ Фамилия и инициалы приглашаемого вписывались от руки.

⁵ Очевидно, имеется в виду Зал заседаний Большого Кремлевского дворца.

⁶ Номер стола вписывался от руки.

⁷ РГВА. Ф. 37987. Оп. 1. Д. 23. Л. 38, 39. Приглашения на прием участников первомайского парада выглядели идентично. Например, в личном фонде Л.О. Утёсова сохранился пригласительный билет (за № 335) на банкет 2 мая 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 843. Л. 8).

сторона, а также — место проведения приема, дата и точное время его начала, номер гостевого стола.

Комиссар Академии Генерального Штаба П.С. Фурт подчеркивал в своем политдонесении, направленном в ПУРККА, что среди представителей старых преподавательских кадров, являвшихся беспартийными (комдивы Н.П. Шварц, Е.А. Шиловский, Ф.П. Шафалович, А.В. Кирпичников, В.К. Мордвинов, И.Х. Паука), «чувствовался исключительный подъем в связи с приглашением их в Кремль». До этого в течение нескольких лет подряд перечисленные выше лица, по словам Фурта, «никогда не участвовали на подобных банкетах, т.к. отводились НКВД». При вручении приглашительного билета на кремлевский прием комдив Шварц от избытка чувств даже «заплакал и бросился целовать секретаря парторганизации комбрига Иванова». В свою очередь, Шафалович в ходе разговора с Шиловским заявил, что очень рад тому доверию, которое стали оказывать старым преподавательским кадрам Академии Генерального Штаба РККА¹.

Однако некоторые непосредственные участники праздничного парада на Красной площади все-таки не попали на прием в Кремль 8 ноября 1939 г. Например, из списка приглашенных «по соображениям» НКВД был исключен начальник штаба одной из танковых бригад, имевший немалый стаж, «скромный и трудолюбивый товарищ». Его сослуживцы так и остались в неведении относительно причин этих «соображений», поскольку упомянутый командир «продолжал работать в той же должности и после приема в Кремле»².

Поистине грандиозным оказался прием участников Парада Победы (25 июня 1945 г.). Согласно газетному отчету, число приглашенных на этот банкет превысило 2500 чел.³ По уточненным данным, на этом банкете присутствовало 2910 чел., из которых 2210 являлись участниками праздничного парада. При этом в Георгиевском зале гостевых мест было 960, во Владимирском зале — 400, в Грановитой палате и в Святых сенях — 450, в залах пристройки, сооруженной в 1933—1934 гг.

¹ РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 26. Л. 81.

² *Родин Г.С.* По следам минувшего. Тула, 1968. С. 106.

³ Правда. 1945. 27 июня.

взамен Красного крыльца — 1100 (в том числе — на первом этаже, в нижней столовой — 600; на втором этаже, в верхней столовой — 500)¹.

Участники этого приема писатели В.В. Вишневский и С.Н. Сергеев-Ценский были поражены, прибыв к 19.45 к Спасским воротам, где находился один из пропускных пунктов на кремлевскую территорию, огромным количеством гостей, у которых при входе в Кремль сотрудники охраны проверяли пропуска².

4 раза «виновниками торжества» на приемах в Кремле становились «военные академики», завершавшие курс обучения. Существовала своя специфика отбора их представителей на эти застолья, поскольку по причине многочисленности выпускников не представлялось возможным разместить всех их одновременно в парадных помещениях Большого Кремлевского дворца. Например, в 1935 г. из военных академий было выпущено 1076 чел., в 1936 г. — уже свыше 2000 чел.³ Поэтому приглашение на банкет в Кремль получали в первую очередь те из них, кто проходил обучение в Москве. А военные академии других городов СССР были представлены на кремлевских приемах лишь немногочисленными группами предварительно отобранных отличников учебы.

Э. Муратов, выпускник Военной электротехнической академии имени С.М. Будённого (Ленинград), вспоминал, что в конце апреля командование академии вызвало на совещание 27 выпускников, получивших диплом с отличием. Среди них был и сам Муратов. Выпускникам-отличникам сообщили, что 5 мая 1941 г. правительство приглашает их на прием в Кремль⁴.

О том, как на деле решалась задача отбора гостей на прием выпускников военных академий, наиболее наглядное представление дают архивные документы. 21 апреля 1936 г. К.Е. Ворошилов обратился в Политбюро и лично к Сталину со следующей инициативой. «Считал бы целесообразным, —

¹ Жияев В., Богомолова В. Указ. соч.

² РГАЛИ. Ф.1038. Оп. 1. Д. 2126. Л. 34.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 176; Д. 1105. Л. 101.

⁴ Муратов Э. Указ. соч. С. 280.

писал, в частности, нарком обороны, — выпуск окончивших военные академии, расположенные в Москве, произвести в Кремле. Выпуск же окончивших ленинградские военные академии произвести в Ленинграде, поручив Ленинградскому Областному Комитету ВКП(б) организовать этот выпуск в торжественной обстановке...

День выпуска из военных академий — 5 мая»¹.

22 апреля эта просьба Ворошилова была удовлетворена. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) выпуск окончивших столичные военные академии предписывалось произвести в Москве, а ленинградские — в Ленинграде². Практические указания по его организации, в том числе — по устройству обеда (приема) в Большом Кремлевском дворце были переданы наркомом обороны через коменданта и управляющего делами Кремля непосредственно начальнику и комиссару Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе командарму 2-го ранга А.И. Корку. 29 апреля Корк доложил наркому обороны свои соображения на сей счет. Всего в официальной части выпуска (торжественное построение и прохождение сводного полка академий на территории Кремля), по его расчетам, должны были принять участие 980 «военных академиков» из Москвы и 85 — из Ленинграда. К.Е. Ворошилов оставил следующую резолюцию на первом листе письменного рапорта А.И. Корка: «Парад начать в 14 часов. Обед — в 15 ч(асов)»³.

Начальник Академии им. Фрунзе передал в канцелярию наркома обороны составленные 28–29 апреля списки слушателей-отличников ленинградских высших военных заведений, «выделенных для поездки в Москву» на церемонию выпуска. Согласно этим спискам Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского должны были представлять 25 чел., Военно-политическую им. Толмачева — 22 чел., Военно-медицинскую им. С.М. Кирова — 20 чел., Военно-электротехническую им. Будённого — 20 чел., Военно-Морскую академию — 5 чел.⁴

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1105. Л. 101.

² Там же. Оп. 3. Д. 977. Л. 9.

³ РГВА. Ф. 33963. Оп. 3. Д. 910. Л. 6–6 об.

⁴ Там же. Л. 9–9 об., 10–14.

Как уже упоминалось, количество приглашенных на кремлевский прием 5 мая 1936 г., достигало 330 чел. Ленинградские «военные академики», согласно решению Политбюро от 22 апреля, на нем отсутствовали. Из общего количества приглашенных 11 чел. представляли общественные организации и гражданские учреждения. Гостями на банкете стали 124 сотрудника наркомата обороны. Остальные 139 его участников представляли военные академии Москвы и Харькова¹.

В 1937 и в 1938 гг. большие кремлевские приемы выпускников военных академий РККА по объективным причинам не проводились, о чем было сказано выше. Поэтому не случайно, что в центральных газетах особое внимание было уделено банкету 7 мая 1939 г., организация которого как бы возобновляла данную традицию. Например, в официальном отчете газеты «Правда» подчеркивалось, что в тот день «в Кремле состоялся торжественный выпуск нового многочисленного отряда высококвалифицированных военных специалистов, только что окончивших военные академии РККА и Военно-Морского Флота»².

На большом кремлевском приеме, посвященном Дню Военно-Морского Флота (27 июля 1939 г.), превалировали именно его представители. Гостями на банкете оказались «командиры и политработники ВМФ — капитаны, штурманы, артиллеристы, минеры, торпедисты, морские летчики». Помимо этого, как следует из газетного отчета, в Кремле «собрались многочисленные делегации, прибывшие с боевых кораблей Краснознаменной Балтики, Черноморья, слушатели военно-морских учебных заведений, судостроители»³.

15 раз «виновниками торжества» на приемах в Кремле были деятели советской культуры и науки, причем в 10-ти случаях — те, кто представлял искусство народов СССР. Газетные отчеты соответствующим образом фиксировали пребывание их в качестве гостей на кремлевских банкетах. Например, газеты писали, что 5 июня 1939 г. в Георгиевском зале и в Грановитой палате собрались участники декады

¹ Там же. Л. 8.

² Правда. 1939. 7 мая.

³ Правда. 1939. 28 июля.

киргизского искусства: «артисты Киргизской государственной филармонии, Ошского национального театра, народные певцы, музыканты, сказители, поэты, писатели, композиторы, художники»¹. А 17 июня 1940 г. в Большой Кремлевский дворец пригласили участников белорусской декады: артистов «Большого Государственного театра оперы и балета БССР, Первого Белорусского государственного драматического театра», коллективы «Белорусской Государственной филармонии, ансамблей песни и пляски Белорусского Особого Военного Округа и пограничных войск НКВД БССР», самодеятельные коллективы².

На банкете в Кремле 30 июня 1945 г., где чествовали участников юбилейной сессии Академии наук, в роли гостей выступали члены ее Президиума, «почетные академики, академики — Герои Социалистического Труда, лауреаты Сталинской премии, выдающиеся ученые, представляющие все отрасли советской науки»³.

5 раз приемы в Кремле устраивались в честь летчиков — участников полярных экспедиций и сверхдальних авиаперелетов. Вместе с самими «героями дня», как следует из официальных газетных отчетов, гостями на этих застольях являлись и люди, причастные к организации рекордных перелетов. Так, на банкете в Кремле в честь первого сверхдального перелета экипажа В.П. Чкалова 13 августа 1936 г. гостями были, помимо самих «героев дня», и другие летчики, а также «конструктора и инженеры, работники тяжелой промышленности»⁴. После второго рекордного перелета этого же экипажа, на большой кремлевский прием 26 июля 1937 г. получили приглашение «рабочие и работники авиационной промышленности, родные и друзья товарищей Чкалова, Байдукова и Белякова, работники наркомата оборонной промышленности и других наркоматов и организаций, работавшие непосредственно по обслуживанию перелета»⁵.

¹ Правда. 1939. 6 июня.

² Правда. 1940. 18 июня.

³ Правда. 1945. 1 июля.

⁴ Правда. 1936. 14 авг.

⁵ Правда. 1937. 27 июля.

На большом кремлевском приеме участников экспедиции на Северный полюс 25 июня 1937 г. в числе гостей оказались: «рабочие и работники авиационной промышленности, строители и сборщики моторов и самолетов, участвовавших в экспедиции, родные и друзья победителей Северного полюса, работники Главсевморпути»; «заместители начальника Главсевморпути тт. Янсон и Бергавинов, руководители военной и гражданской авиации, крупнейшие конструкторы, директора заводов, Герои Советского Союза тт. Ляпидевский, Доронин, Слепнёв»¹. А 23 августа 1937 г. в Георгиевском зале «собрались родные и друзья тов. Громова, Юмашева и Данилина, работники авиационной промышленности и других организаций, работавшие непосредственно по обслуживанию перелета, работники Главсевморпути»².

На приемах представителей транспортного и промышленных наркоматов соблюдалась собственная специфика подбора гостей. Так, на приеме участников совещания железнодорожников (30 июля 1935 г.) «присутствовало около 400 работников железнодорожного транспорта — начальников дорог, политотделов, служб паровозных и эксплуатации (отделений эксплуатации, паровозных депо, станций, машинистов, ремонтных рабочих, кондукторов, диспетчеров)»³. На банкете работников металлургии и угольной промышленности (29 октября 1937 г.) оказалось такое же количество гостей. В Грановитой палате собрались, как писала газета «Правда», «директора, инженеры, начальники цехов, мастера и рабочие-стахановцы металлургических, коксохимических, железорудных и огнеупорных предприятий, шахтеры-стахановцы, управляющие угольными трестами, заведующие шахтами и руководящие работники Наркомтяжмаша»⁴.

Со временем контингент гостей, приглашавшихся на приемы в Кремль, становился все более разнообразным. Например, на банкете 20 января 1938 г. присутствовали «все депутаты Верховного Совета — избранные советского народа — знатные

¹ Правда. 1937. 26 июня.

² Правда. 1937. 24 авг.

³ Правда. 1935. 2 авг.

⁴ Правда. 1937. 30 окт.

люди страны»: «Зачинатели стахановского движения — Мария Демченко, Паша Ангелина, Дуся Виноградова и другие героини и герои социалистического труда, представители доблестной Красной армии и Военно-Морского Флота». В свою очередь, на приеме в Кремле 5 мая 1939 г. были не только участники праздничного Первомайского парада, но и представители высшего командования РККА и ВМФ, Герои Советского Союза, виднейшие деятели советской науки и искусства, стахановцы московских предприятий¹.

На банкет 24 мая 1945 г. вместе с командующими войсками Красной армии, внесшими решающий вклад в Победу над нацистской Германией, были приглашены «виднейшие деятели советской промышленности, науки, искусства, литературы». «Рядом с прославленными маршалами Советского Союза, — писали газеты, — командующими фронтами, которые осуществляли гениальный сталинский план по разгрому врага, можно видеть Героев Социалистического Труда, выдающихся конструкторов советского оружия, чьи творческие усилия обеспечили Красную Армию первоклассной боевой техникой»². А 3 мая 1947 г. на прием в Большой Кремлевский дворец были «министры, маршалы, генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, Герои Социалистического Труда, Герои Советского Союза, деятели в области народного хозяйства, науки, литературы и искусства»³.

При отборе контингента гостей, приглашавшихся на банкеты в Кремль, со времени зарождения их традиции, т.е. с середины 1930-х гг., преимущество отдавалось тем, кто был удостоен высших правительственных наград и почетных званий, в частности, «орденоносцам». Так, И.И. Гудов, рабочий-стахановец, в торжественной обстановке получил 27 января 1936 г. Орден Трудового Красного Знамени за свои производственные достижения. После этого, как отмечал Гудов, его «стали приглашать на приемы в Кремль»⁴.

¹ Правда. 1939. 6 мая.

² Правда. 1945. 25 мая.

³ Правда. 1947. 4 мая.

⁴ Гудов И. Судьба рабочего. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974. С. 81.

При составлении списков гостей для участия в кремлевских банкетах предпочтение отдавалось и Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда (с 1938 г.), депутатам Верховного Совета СССР и РСФСР (с 1938 г.), лауреатам Сталинской премии (с 1941 г.), и т.д. и т.п.

Для большинства гостей участие в кремлевских приемах являлось, по существу, рутинным делом, поскольку сам факт «попадания» в сталинскую элиту, как правило, обеспечивал приглашение на очередной кремлевский прием. Можно согласиться с утверждением Е.А. Осокиной, которая писала, что светская жизнь (в ее «западном понимании») у представителей этой элиты отсутствовала. Осокина была склонна считать дипломатические банкеты, равно как и правительственные приемы, на которые они приглашались, скорее работой, чем рассматривать их в качестве одного из разновидностей развлечений¹.

Почетными гостями на больших кремлевских приемах становились военнослужащие, проявившие свое мастерство во время боевых действий в Испании 1936—1939 гг. СССР оказал поддержку республиканцам, которые вели вооруженную борьбу против франкистов и объединенных воинских контингентов Германии и Италии. В числе других военных специалистов в Испанию были направлены (естественно, под псевдонимами) и боевые летчики, которые сражались в испанском небе против германских асов. Возвратившись в Москву, отличившиеся в воздушных боях пилоты получили высокие награды. Героями Советского Союза стали Я.В. Смушкевич, М.И. Петров, И.И. Копец, И.И. Проскуров. На прием 25 июня 1937 г. были приглашены они, а также получивший звание Героя Советского Союза танкист Д.Г. Павлов. На этом банкете М.И. Калинин провозгласил здравицу в честь комкора Я.В. Смушкевича². А 8 ноября 1938 г. Смушкевич присутствовал на большом кремлевском приеме уже как «герой дня», поскольку накануне участвовал в праздничном авиационном

¹ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1997. С. 131.

² *Зильманович Д.Я.* На орбите большой жизни. Документально-мемуарное повествование о дважды Герое Советского Союза Я.В. Смушкевиче. Вильнюс, 1971. С. 183—184.

параде¹. 5 мая 1939 г. в этом же качестве был приглашен на банкет в Кремль А.К. Серов, который, как и Я.В. Смушкевич, получил звание Героя Советского Союза за участие в гражданской войне в Испании².

Позднее когорта Героев Советского Союза, приглашавшихся в качестве гостей на большие кремлевские приемы, пополнилась за счет тех, кто удостоился этой высшей правительственной награды, отличившись в боях у озера Хасан (октябрь 1938 г.), на реке Халхин-Гол (май-август 1939 г.), в ходе советско-финляндской («Зимней») войны 1939 — 1940 гг.

Уже отмечалось, что на больших кремлевских приемах неизменно присутствовали представители творческой интеллигенции. Часть из них — видные деятели искусства — приглашалась на банкет прежде всего для участия в праздничных концертах, сопровождавших эти сталинские застолья. О них будет сказано ниже. Другая часть представителей творческой интеллигенции сразу по приходе в Большой Кремлевский дворец занимала гостевые места. В частности, по сложившейся традиции, входившие в эту группу постоянно приглашались на приемы в честь летчиков.

В архиве сохранились официальные приглашения на банкеты такого рода, которые присылались Л.О. Утёсову. Среди них — пригласительный билет светло-коричневого цвета, напоминающий своими размерами визитную карточку. В верхнем левом углу на нем помещен Герб Союза Советских Социалистических Республик; справа — напечатан известный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Далее в пригласительном билете типографским шрифтом (цвет букв — коричневый) набран следующий текст:

Товарищ Утёсов³

Центральный Комитет ВКП(б) и Правительство Союза ССР приглашают Вас на прием летчиков Героев Советского Союза тт. Чкалова, Байдукова и Белякова⁴.

¹ Там же. С. 191.

² *Кравченко Т.* Указ. соч. С. 57.

³ Фамилия вписана от руки.

⁴ Фамилии напечатаны шрифтом красного цвета.

Прием состоится 13 августа 1936 года в 19 часов.

(Вход в Спасские и Боровицкие ворота)

Комендант Кремля

Комдив Ткалун

13 августа 1936 г., Грановитая палата, стол № 6.

В левом верхнем углу пригласительного билета стояла круглая печать Управления коменданта Московского Кремля¹.

В оформлении другого пригласительного билета на имя известного певца преобладал цвет морской волны. В левой части имелось изображение Герба Союза ССР, в правой – набран призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Текст приглашения был трафаретным:

Тов. Утёсов Л.О.²

Центральный Комитет ВКП(б) и Правительство Союза ССР приглашают Вас на прием участников беспосадочного перелета Москва – Северный полюс – Северная Америка.

Прием состоится 26 июля с.г. в 17 ч. 30 м. в Кремле, в Большом Кремлевском Дворце.

(Вход в Спасские и Боровицкие ворота).

Георгиевский зал, стол № 9.

Комендант Кремля

Комдив Ткалун

В левом нижнем углу стояла печать Управления Коменданта Московского Кремля³.

Таким образом, приглашения на приемы участников сверхдальних авиаперелетов по своей внешней форме и по содержанию текста сходны с пригласительными билетами, вручавшимися представителям командного состава Вооруженных Сил.

Естественно, представители интеллектуальной элиты всегда приглашались на банкеты в Кремль в честь участников декад республиканского искусства. Так, в официальном

¹ РГАЛИ. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 843. Л. 2.

² Фамилия вписана от руки.

³ РГАЛИ. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 843. Л. 4

газетном отчете о большом кремлевском приеме по окончании декады азербайджанского искусства (17 апреля 1937 г.) в числе присутствовавших на нем упоминались не только участники декады, но и «мастера искусств — артисты, композиторы, художники и писатели, а также работники науки и печати»¹. На банкете в честь представителей узбекского искусства (31 мая 1937 г.) были замечены представители «литературной, артистической и музыкальной общественности Москвы»².

В личном архивном фонде С.М. Эйзенштейна сохранился пригласительный билет на прием участников декады киргизского искусства. Он выполнен в светло-коричневых тонах. На обложке — киргизский национальный орнамент (зеленый, красный цвета). Имеется изображение Герба Киргизской ССР и напечатан призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Типографский текст гласил:

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 358

Тов. Эйзенштейн С.М.

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР приглашает Вас на прием участников ДЕКАДЫ КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА.

Прием состоится 5 июня 1939 года в 6 часов вечера в Большом Кремлевском Дворце.

Вход в Спасские и Боровицкие ворота.

Георгиевский зал, стол № 25³.

В левом нижнем углу пригласительного билета — круглая печать Управления коменданта Московского Кремля⁴.

Как видно из текста этого пригласительного билета, ответственность за отбор гостей на приемы участников декад

¹ Правда. 1937. 18 аир.

² Правда. 1937. 1 июня.

³ Номер стола вписан от руки.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2621. Л. 2–3. В личном фонде С.М. Эйзенштейна сохранился также пригласительный билет на прием участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.), по своему оформлению идентичный вышеописанному (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2621. Л. 4–5).

республиканского искусства возлагалась на Комитет по делам искусств.

Выше уже отмечалось, что в каждом конкретном случае вопрос о проведении такой декады решался на уровне ЦК ВКП(б). После принятия Политбюро соответствующего постановления издавался приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР. Например, 18 марта 1938 г. последовал приказ Комитета за № 121 о проведении декады азербайджанского искусства в Москве. В нем определялось время проведения мероприятия и количество его участников. Организация и руководство проведением декады возлагалось на Управление театров «под ответственностью тт. Солодовникова и Гольдмана»¹.

Прежде чем рассылать приглашения, руководство Комитета намечало состав гостей. Для этого составлялись подробные именные списки. В списки вносились имена участников концертов, которыми сопровождалась большие кремлевские приемы. Комитет по делам искусств при СНК СССР также непосредственно обращался в Управление коменданта Московского Кремля с просьбой о выдаче им пропусков для прохода в Кремль. Например, 3 ноября 1939 г. председатель Комитета М.Б. Храпченко просил УКМК выдать пропуска участникам и ответственным за проведение концерта на приеме участников декады армянского искусства в Москве. К сопроводительному письму Храпченко прилагал именной список этих людей (см.: *Приложение № 2*).

Как правило, пропуска получало доверенное лицо Комитета по делам искусств при СНК СССР. Например, 22 апреля 1941 г. М.Б. Храпченко в письме, адресованном в Управление коменданта Московского Кремля, в качестве доверенного лица называл М.М. Шапиро. Именно ему и просил Храпченко выдать пропуска в Кремль на прием участников декады таджикского искусства².

Несомненный интерес представляет процесс отбора представителями КДИ лиц, приглашавшихся на приемы участников декад республиканского искусства в качестве гостей.

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 11. Л. 57.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 47. Л. 47.

В сохранившемся списке приглашенных на прием участников декады азербайджанского искусства, составленном руководством Комитета по делам искусств при СНК СССР, фигурируют 108 фамилий. Деятели культуры составляли в приведенном списке подавляющее большинство — 84 чел., среди них было: 39 выдающихся артистов, в первую очередь, солистов Большого театра, известных актеров и режиссеров Художественного, Малого и других московских театров, а также представителей театрального руководства; 20 писателей и литературных критиков; 11 художников, 6 композиторов; 4 кинорежиссера и 4 архитектора.

Как уже упоминалось, представители интеллигенции приглашались в Кремль на приемы в честь выдающихся достижений советской авиации. В свою очередь, прославленные летчики становились гостями на кремлевских банкетах, где чествовали деятелей искусства. Так, на прием 17 апреля 1938 г. были приглашены М.М. Громов, В.П. Чкалов, М.В. Водопьянов, А.В. Ляпидевский. Кроме того, в списке приглашенных на это застолье фигурировали полярный исследователь П.П. Ширшов, а также стахановцы (А.Г. Стаханов и И.И. Гудов).

Наконец, на банкет были приглашены 18 номенклатурных работников (16,5 % от общего количества): 2 функционера ЦК ВКП(б), 4 члена МГК ВКП(б), 6 руководителей органов печати (газет «Правда», «Известия», ТАСС) и 6 представителей руководства самого Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Из 163 чел., фигурировавших в списке приглашенных на прием в Кремль 4 ноября 1939 г., который представил Комитет по делам искусств при СНК СССР, номенклатурные работники составляли 34 чел. (свыше 20 %); театральные деятели (артисты, режиссеры и руководители) ведущих московских театров — 85 чел.; писатели и литературные критики — 17 чел.; музыкальные деятели (преимущественно композиторы) — 13 чел.; художники и архитекторы — 9 чел.; представители прессы, кино, цирка, соответственно, — по 2 чел. от каждой стороны (см. *Приложение № 2*).

Из общего количества приглашенных на прием участников декады белорусского искусства 17 июня 1940 г. (103 чел.) — 67 чел. (или почти 2/3) это — деятели культуры, а 36 чел. (более 30 %) — представители номенклатуры. В этот список были

включены: артисты, режиссеры, представители руководства 15-ти ведущих московских театров (всего 37 чел.); 11 художников и живописцев; 8 литературных критиков; 7 композиторов; 4 писателя. На упомянутый банкет пригласили: 7 ответственных работников из аппарата ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам искусства; 7 руководителей средств массовой информации (газеты «Правда», «Известия», журнал «Советское искусство», ТАСС и др.) (см. *Приложение № 2*).

Сравнение трех упомянутых выше списков дает основание для вывода о том, что Комитет по делам искусств при СНК СССР был всерьез озабочен усилением «номенклатурной составляющей» в общей массе гостей. Действительно, число представителей различных государственных органов и идеологических структур, приглашенных руководством КДИ на банкеты в Кремль, возросло почти вдвое (с 16,5 % в апреле 1938 г. до 30 % в июне 1940 г.).

После назначения М.Б. Храпченко председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР в его руках постепенно стала сосредотачиваться большая власть. В состав КДИ входило 10 управлений: музыкальных учреждений, музыкальных театров, драматических театров, по контролю за репертуаром, изобразительного искусства, цирка, учебных заведений, кадров, промышленных предприятий, снабжения. Храпченко также контролировал издательства «Искусство», «Музыка», «Советский художник», «Советский график», «Издательство ВТО», «Издательство Музфонда». Помимо административных рычагов, в его распоряжении имелись и финансовые, поскольку с 1940 г. председатель КДИ руководил Литературным фондом. Он же представлял Правительство в президиуме профсоюза работников искусств.

Под руководством М.Б. Храпченко функционировал Художественный совет по театру и драматургии, созданный в марте 1939 г.¹. В его составе действовали три секции, насчитывавшие 19 чел.: театра и драматургии (В.И. Немирович-Данченко, Б.В. Шукин, А.А. Хорава, С.М. Михозлс, А.М. Бучма, К.А. Тренёв, А.Н. Толстой, Н.Ф. Погодин); музыки (С.А. Самосуд, Р.М. Глиэр, У. Гаджибеков, И.О. Дунаевский,

¹ Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 72.

Н.Я. Мясковский, В.В. Барсова) и изобразительных искусств (А.М. Герасимов, В.И. Мухина, Б.В. Иогансон, И.Э. Грабарь, В.А. Веснин)¹.

Поэтому не случайно, что руководство Комитета по делам искусств старалось «не обидеть своих» при составлении списков приглашенных на приемы в Кремль. Так, на приеме участников декады армянского искусства (4 ноября 1939 г.) из числа номенклатурных работников подавляющее большинство составляли руководящие лица КДИ (вместе со своими «половинами»), а также функционеры Управления по делам искусств при СНК РСФСР и Московского управления по делам искусств. При этом из 18 членов Художественного совета по театру и драматургии при КДИ (Б.В. Шукин скончался 7 октября 1939 г.) на упомянутый прием пригласили 15.

Большинство членов этого Художественного совета присутствовали и на приеме участников декады белорусского искусства (17 июня 1940 г.). На этот же банкет было приглашено 22 функционера, представлявших «верхушку» Комитета по делам искусств СССР. Из них — 7 членов самого Комитета и 4 члена оргкомиссии по проведению декады. Помимо этого в списке оказалось 11 ответственных работников КДИ и его структурных подразделений. А в список приглашенных на прием участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.) М.Б. Храпченко включил фамилии 14-ти своих сотрудников (см. *Приложение № 2*).

Участники праздничных кремлевских концертов, согласно установившемуся порядку, редко приглашались с женами (или с мужьями). Во всяком случае, это негласное правило распространялось на актеров театра Вахтангова, где служил Ю.Б. Елагин. Однако исключения все-таки имели место, в частности, когда и муж, и жена были одинаково знамениты. Например, состоявшие в браке артисты Художественного театра И.М. Москвин и А.К. Тарасова часто приглашались вместе². Можно добавить, что подобного рода исключение рас-

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 427—428.

² Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 329.

пространялось также на известную «кинематографическую» чету (Г.В. Александров и Л.П. Орлова). И, конечно, неразлучной являлась пара А.А. Редель — М.М. Хрусталёв, семейный дуэт эстрадных танцоров, неоднократно выступавших на больших кремлевских приемах.

Е.С. Громов считал, что, приглашая на официальные приемы в Кремль знаменитых блестящих актрис, Сталин в то же время «держал в отдалении» скованных «и нередко бесцветных» жен своих ближайших соратников, поскольку якобы просто не мог их терпеть. Однако Громов вовсе не исключал, что с кем-либо из оперных или балетных примадонн у вождя могли быть «особо близкие отношения»¹.

Выше уже отмечалось, что чести присутствовать на больших кремлевских приемах удостоивались далеко не все принадлежавшие к сталинской элите, и в каждом конкретном случае осуществлялся тщательный отбор кандидатур. Однако единой формы приглашения не существовало. Зачастую случалось и так, что «виновники торжества» попадали в Георгиевский зал буквально «с корабля на бал».

В подобной ситуации оказались, например, участники первой экспедиции на Северный полюс, возглавлявшейся академиком О.Ю. Шмидтом, и их ближайшие родственники. 25 июня 1937 г., по прибытии в Москву, полярники были, тепло встречены Сталиным, членами Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства на Центральном аэродроме. В Москву из Архангельска также срочно вызвали летчиков, которые осуществляли высадку на льдину на Северном полюсе членов полярной экспедиции во главе с И.Д. Папаниным. Среди этих летчиков оказался М.И. Швелёв. Он свидетельствовал, что сразу после приземления в Москве к его самолету на большой скорости устремились открытые автомобили марки «линкольн». На подножке каждого «линкольна» размещались сотрудники правительственной охраны, которые предложили немедленно направиться к импровизированной трибуне².

¹ Громов Е.С. Указ. соч. С. 271.

² Швелёв М.И. Арктика — судьба моя. Воспоминания первого начальника полярной авиации. Воронеж, 1999. С. 86.

Аналогичным был «сценарий» встречи участников «папанинской» экспедиции в марте 1938 г. Они прибыли в столицу на поезде и после непродолжительного митинга на Октябрьской площади вместе со своими родственниками на автомобилях проследовали в Кремль. Вот как вспоминал об этом событии сам И.Д. Папанин: «Семнадцатого марта мы возвращались в Москву. Мы подъезжали к древним стенам Кремля. Необыкновенное волнение охватило меня — еду в Кремль, к Сталину, к родному Сталину! Сбылась моя заветная мечта! <...> Двери Георгиевского зала раскрылись <...>. Со всех сторон обращены к нам улыбающиеся, дружественные лица. Крики “ура”. Музыка»¹.

Все приглашенные на прием в Кремль обязательно проходили предварительную проверку в соответствующих структурах НКВД (позднее — МГБ). Порой подобные проверки приводили к досадным накладкам и недоразумениям. Например, в связи с подготовкой банкета по случаю окончания декады украинского музыкального искусства в марте 1936 г. произошел следующий инцидент. Список приглашенных на застолье в Кремль гостей из Украины предварительно был проверен в оперативных отделах НКВД СССР, и кое-кто из них «подлежал отводу», т.е. на него имелся «компрометирующий материал». В частности, органами НКВД был «отведен»... начальник Управления по делам искусств при СНК УССР А.А. Хвыля. Узнав об этом, комендант Кремля П.П. Ткалун попытался не пропустить Хвылю на банкет. Однако после личного вмешательства начальника оперативного отдела Главного управления безопасности НКВД СССР К.В. Паукера А.А. Хвылю беспрепятственно пропустили в Большой Кремлевский дворец².

Информация о том, как чувствовали себя гости, приглашенные на прием в Кремль, крайне скудна и отрывочна. Как представляется, наиболее эмоциональное свидетельство на сей счет принадлежит Ю.Б. Елагину. Вот что довелось наблюдать Елагину в Большом Кремлевском дворце на новогоднем приеме 1939 г.: «За столом налево (от эстрады, на которой

¹ Цит. по: ЗРС. С. 195.

² Черушев Н.С. Коменданты Кремля... С. 477—478.

выступали музыканты Государственного джаза СССР. — *В.Н.*) сидит компания летчиков. Они что-то весело кричат и громко чокаются бокалами. Толстый и пьяный Алексей Толстой стоит на столе и машет белой салфеткой (*sic!* — *В.Н.*). Справа кто-то говорит тост, стараясь всех перекричать и заставить себя слушать»¹.

В литературе высказывались различные версии относительно того, когда и при каких обстоятельствах стали приглашаться на большие кремлевские приемы известная кинематографическая чета Г.В. Александров и Л.П. Орлова. И. Фролов, биограф Орловой, пересказал в своей книге одну из подобного рода версий. Сталин посмотрел две части еще не законченного кинофильма Александрова «Веселые ребята», в котором она играла главную женскую роль. После просмотра, как утверждает Фролов, Сталин заявил: «Очень веселая картина. Я как будто месяц в отпуске побывал». Вслед за этим вождь пригласил режиссера и актрису на торжественный прием в Кремль. На приеме он выказал Л.П. Орловой «особое благорасположение, которое объясняет присвоение ей вскоре после этого, *вместе с четверкой советских киноклассиков, звания заслуженного деятеля искусств*» (*sic!* — *В.Н.*). Пребывавший в хорошем настроении вождь решил сделать для Л.П. Орловой что-нибудь приятное и предложил выполнить любую ее просьбу. Орлова ответила, что хотела бы узнать о судьбе своего первого мужа А.Г. Берзина, который был репрессирован. Хотя Сталин был раздражен (или смущен) этой просьбой актрисы, он пообещал, что Л.П. Орлова будет принята по этому вопросу. Как писал И. Фролов, «гебистский чин самого крупного калibra» предложил «соединить» Л.П. Орлову с первым мужем. Понятно, что она отказалась, поскольку «ей не хотелось на каторгу». Приведя все эти сведения, Фролов, однако, высказал следующее суждение: «Рассказ впечатляющий, но истинность его, мягко говоря, не представляется бесспорной»².

Другой биограф Л.П. Орловой, Д.А. Щеглов, близко к тексту передавал этот «рассказ», который в его книге прямо назван «легендой». По мнению Щеглова, простое сопостав-

¹ Цит. по: *Елагин Ю.Б.* Указ. соч. С. 306.

² *Фролов И.* Указ. соч. С. 86–87.

ление фактов делает «по меньшей мере, странной» данную «легенду» о диалоге между Сталиным и Л.П. Орловой, которая просила о соединении со своим репрессированным мужем. Ведь А.Г. Берзин в 1934 — 1937 гг. находился на свободе¹.

К этому можно добавить следующее. Сталин действительно смотрел вместе с К.Е. Ворошиловым, В.М. Молотовым и А.С. Енукидзе незаконченный вариант фильма «Веселые ребята» (3-ю, 4-ю и 5-ю части). Это было 21 июля 1934 г. Материал ему понравился, и вождь дал ему высокую оценку: «Хорошо. Картина эта дает возможность интересно, занимательно отдохнуть. Испытали ощущение — точно после выходного дня». Сталин также отметил «хорошую, активную, смелую» игру исполнителей главных ролей Л.П. Орловой и Л.О. Утёсова².

Некоторое время спустя, 11 января 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦИК СССР о награждении работников советской кинематографии. Среди награжденных оказались кинорежиссер Г.В. Александров (он был удостоен Ордена Красной Звезды) и Л.П. Орлова (ей присвоили звание заслуженного артиста республики)³. Следовательно, утверждения И. Фролова и В. Эрлихмана⁴ о том, что Орлова стала заслуженным деятелем искусств, не соответствует действительности.

Автор данной монографии не располагает заслуживающими внимания источниками, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что этому награждению Г.В. Александрова и Л.П. Орловой предшествовало их приглашение на прием в Кремль и общение со Сталиным. Вообще, представляется сомнительным, чтобы такого рода прием мог состояться в промежутке времени между 21 июля 1934 г. (в этот день Сталин вместе со своими соратниками просмотрел в Кремле три части еще не завершенной кинокартины «Веселые ребята») и 11 января 1935 г. (когда было утверждено

¹ Щеглов Д.А. Указ. соч. С. 146—147. См. также: Эрлихман В. Указ. соч. С. 85.

² Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: Документы. М., 2005. С. 946, 947.

³ Там же. С. 258, 259.

⁴ Эрлихман В. Указ. соч. С. 86.

постановление о награждении представителей советской кинематографии).

В упоминавшейся уже книге Д.А. Щеглов затронул принципиальный вопрос о том, могла ли Л.П. Орлова позволить себе, будучи приглашенной на большой кремлевский прием, манкировать этим приглашением. По мнению Щеглова, несмотря на настойчивые приглашения со стороны Сталина, прославленная киноактриса могла себе это позволить. «Можно только гадать, – рассуждал он, – каким образом удавалось Орловой манкировать кремлевскими сборищами (sic! – *В.Н.*)...». Д.А. Щеглов пытался уверить своих читателей в том, что разгадка заключалась в особенностях сущности «человеческой и женской натуры» Л.П. Орловой, которая, якобы, в равной степени была способна «держаться на дистанции» как простого рабочего сцены, так и самого «вождя народов» Сталина. Раз или два появившись на кремлевских приемах, уверял Щеглов, киноактриса «сумела придать своему отсутствию такую органичность, что с какого-то момента ее просто перестали туда приглашать». И глубокомысленно заключал: в Кремль Л.П. Орлова «являлась лишь для того, чтобы получить очередное высокое звание или премию»¹.

Неискушенному читателю, остается лишь восхититься необычайной «осведомленности» биографа известной киноактрисы о ее отрицательном отношении к большим кремлевским приемам Сталина. Однако факты показывают, что приведенные пассажи из книги Д. Щеглова являются бездоказательными. В предвоенные и в послевоенные годы Л.П. Орлова неоднократно присутствовала на банкетах в Кремле. Известно, что Орлова не только получила приглашение на большой кремлевский прием 20 июля 1939 г. участников Всесоюзного парада в честь дня физкультурников, но и исполнила во время концерта песни из кинофильмов «Веселые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга»². Вместе с Г.В. Александровым она также присутствовала на банкете в Кремле по окончании декады таджикского искусства³. А.А. Капица следующим образом

¹ Щеглов Д. Указ. соч. С. 170.

² Сааков Ю.С. Указ. соч. С. 62.

³ Там же. С. 256.

излагала свои впечатления от созерцания непринужденного поведения известной актрисы на приеме командующих войсками Красной армии (24 мая 1945 г.): «Любочка Орлова проходит чокнуться с генералами и Сталиным»¹.

Г.В. Александров в своих мемуарах утверждал, что по окончании приема в Георгиевском зале Кремля в честь участников декады украинского искусства Сталин пригласил группу видных деятелей культуры в свой просмотровый зал, где был показан фильм «Волга-Волга». «Сталин не первый раз смотрел “Волгу-Волгу”», — пояснял мемуарист. Далее Г.В. Александров писал об эмоциональном восприятии фильма вождем и не без гордости добавлял: «Не ошибусь, если скажу, что он (Сталин. — В.Н.) знал наизусть все смешные реплики этой кинокомедии»².

Пересказывая этот пассаж из книги воспоминаний Александрова, упоминавший уже Д.А. Щеглов вопрошал: «Был ли это тот самый просмотр, когда Сталин, *раздраженный отсутствием Орловой (которая и дальше старалась избегать подобных мероприятий)* (выделено мной. — В.Н.), решил отпустить одну из своих фирменных палаческих шуточек (sic! — В.Н.)». Имея в виду Л.П. Орлову, Сталин, якобы не отрываясь от экрана, тихо прошептал на ухо Г.В. Александрову: «Если с этой женщиной что-либо случится, мы вас расстреляем»³.

Оставляя в стороне вопрос о достоверности приведенной Д.А. Щегловым версии о «фирменной палаческой шуточке» Сталина, необходимо внести одно уточнение. Как уже отмечалось, банкет в Кремле для участников декады украинского искусства был дан 22 марта 1936 г., а фильм «Волга-Волга» вышел на экраны 24 апреля 1938 г.⁴, и, естественно, не мог быть предложен Сталиным к просмотру участникам этого застолья. Скорее всего, Александров допустил ошибку (о недостоверности книги его мемуаров уже говорилось в главе первой данной

¹ Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., 2005. С. 323.

² Александров Г.В. Указ. соч. С. 243.

³ Щеглов Д.А. Указ. соч. С. 170.

⁴ Летопись российского кино. 1930 — 1945. М., 2007. С. 556.

монографии): он мог перепутать декаду украинского искусства и декаду таджикского искусства.

Известно, что по окончании большого кремлевского приема участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.) Сталин действительно пригласил ряд деятелей советской культуры (среди них был и Г.В. Александров) на просмотр кинокомедии «Волга-Волга».

По свидетельству драматурга Н.Е. Вирты, присутствовавшего на этом кремлевском приеме и оказавшегося в числе приглашенных в кинопросмотровый зал, Сталин «непринужденно выражал свои чистосердечные чувства и смеялся над похождениями героев комедии («Волга-Волга». — *В.Н.*) так заразительно весело, что даже самый мрачный наш критик не мог бы удержаться от смеха»¹.

Возвращаясь к сюжету о «фирменной палаческой шуточке» Сталина, обращенной к Г.В. Александрову, следует отметить, что этот апокриф неизменно красной нитью проходит в публикациях биографического плана о Л.П. Орловой². Он имеет под собой определенную фактическую основу. Как свидетельствовала сама Орлова, во время праздничного кремлевского приема, происходившего накануне Великой Отечественной войны, на котором она и ее муж Г.В. Александров были удостоены привычной чести быть гостями торжества, к ним обратился человек в форме и попросил подойти к Сталину. Отечески оглядев Орлову, Сталин сочувственно воскликнул: «Какая маленькая! Какая худенькая!». Тут же последовал вопрос вождя, обращенный к киноактрисе: «Почему худенькая? Почему бледная?». Л.П. Орлова, желая отшутиться, кивнула в сторону Г.В. Александрова: «Вот виновник! Замучил съемками: ни дня, ни ночи...». Сталин в таком же шутливом тоне, но грозно сдвинув брови и подняв указательный палец, сказал: «Запомните, товарищ Александров! Орлова — наше народное достояние! И если вы будете ее мучить, мы вас жестоко накажем. Мы вас повесим, четвертуем, а потом расстреляем из пушки!». Тут вождь подозвал маршала Г.И. Кулика, стоявшего неподалеку

¹ ЗРС. С. 269–270.

² Эрлихман В. Указ. соч. С. 86.

и, обратившись к нему, спросил: «Где твоя артиллерия, которая не стреляет на маневрах?»¹.

Таким образом, свидетельство Л.П. Орловой позволяет, наконец, расставить все точки над «і» в сюжете о «палаческой шутке» Сталина, который неоднократно использовался в ряде публикаций.

В качестве гостей на больших кремлевских приемах, как следует из вышеизложенного, являлись граждане СССР, представители различных социальных групп советского общества. Однако в некоторых случаях на банкеты в Кремль приглашались и иностранцы. Например, на приеме участников декады армянского искусства 4 ноября 1939 г. присутствовали лидеры Коммунистической партии Испании Х. Диас и Д. Ибаррури, находившиеся в эмиграции в Советском Союзе². На банкете в честь командующих войсками Красной армии присутствовала делегация польских горняков, доставивших в Москву в качестве подарка эшелон угля³.

Юбилей Академии наук в 1945 г. праздновали не только советские, но и иностранные ученые. По сообщению газеты «Правда», на прием в Кремль по случаю юбилейной сессии АН СССР были приглашены и «зарубежные гости — представители научных кругов Великобритании, США, Франции, Бельгии, Швеции, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Ирана и других стран»⁴.

Особенно много иностранных гостей прибыло на празднование 70-летия Сталина в 1949 г. Они размещались за 5-ю гостевыми столами. Это были руководители стран и политических партий коммунистического толка Восточной Европы (Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии) и Азии (Китая, Кореи и Монголии). На приеме присутствовали также делегации коммунистических партий Австрии, Испании, Италии, Франции⁵.

Из имеющихся источников следует, что при организации больших кремлевских приемов большое внимание уделя-

¹ Сааков Ю.С. Указ. соч. С. 257.

² Пономаренко П.К. Дневники // Нёман. 2007. № 8. С. 172.

³ Правда. 1945. 25 мая.

⁴ Правда. 1945. 1 июля.

⁵ Правда. 1949. 24 дек.; Жилев В., Богомолова В. Указ. соч.

лось подбору гостей, для чего предварительно составлялись списки участников банкетов. Члены ЦК ВКП(б), Советского правительства, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, «орденоносцы», лауреаты Сталинской премии приглашались практически на все банкеты, устраивавшиеся в Кремле по самым различным поводам. Иногда, но крайне редко, лишь если этого требовала необходимость, на большие кремлевские приемы приглашались в качестве гостей представители зарубежных стран.

В то же время контингент приглашенных зависел в первую очередь от повода, по которому устраивался прием. Например, на банкетах участников праздничных парадов на Красной площади и выпускников военных академий РККА превалировали представители рядового и командного состава всех родов Вооруженных Сил СССР. Летчики, совершавшие сверхдальние перелеты, неизменно приглашались на приемы, организованные в их честь. Видные деятели литературы и искусства также являлись завсегдатаями на банкетах, устраивавшихся по различным поводам в Большом Кремлевском дворце. Руководство Комитета по делам искусств при СНК СССР оставляло за собой право отбора приглашенных на большие кремлевские приемы, для чего предварительно составлялись специальные списки, которые направлялись в Управление коменданта Московского Кремля для выдачи пропусков. При этом КДИ стремился сделать максимальным представительство своего ведомства на приемах.

Приглашавшиеся на приемы в Кремль в своем большинстве входили в сталинскую партийную, государственную, военную элиту. На этих приемах также присутствовали видные представители советской литературы, науки и искусства. Принадлежавшие к категории гостей на банкетах в Кремле выполняли важную ролевую функцию: они были призваны демонстрировать устойчивость политической системы, существовавшей в СССР, символизировать достижения страны в различных областях (в технической, военной, научной, культурной). В конечном счете эта роль вполне соответствовала основному предназначению больших кремлевских приемов — репрезентации сталинской власти.

3.3. И действующие лица, и исполнители

В праздничных концертах, проходивших во время больших кремлевских приемов, принимали участие выдающиеся представители советского искусства. Начальник личной охраны Сталина Н.С. Власик, который курировал Большой театр, занимался вопросами организации таких концертов: визировал смету на их финансирование, уточнял списки выступавших артистов (подробнее о порядке составления таких списков см. ниже), с большинством из которых был знаком лично¹.

Ю.Б. Елагин утверждал, что в НКВД СССР существовало негласное правило: все люди искусства, у которых были родственники за границей, не могли быть допущены к участию в концертах или спектаклях в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б). Подтверждение этому можно обнаружить в сохранившихся архивных документах. Например, накануне проведения декады азербайджанского искусства в Москве (апрель 1938 г.) артист Азербайджанской государственной оперы М.З. Имамалиев в письме на имя М.И. Калинина и В.М. Молотова сообщал следующее. Его кандидатура была намечена для участия в декаде. Но буквально накануне отъезда азербайджанских артистов в Москву в Госоперу явились сотрудники НКВД. М.З. Имамалиеву были заданы чекистами такие вопросы: имеет ли он родственников за границей и переписывается ли с ними? Эти вопросы вызвали у артиста искреннее удивление, поскольку ему было лишь 19 лет от роду. Причем М.З. Имамалиев подчеркнул в упомянутом письме на имя В.М. Молотова и М.И. Калинина, что воспитывался «под крылышком матери», все время думал об учебе и к тому же принимал деятельное участие в присмотре «за своими братишками и сестренками».

Каково же было удивление Имамалиева, когда он узнал, что его родители за 2—3 года до описываемых событий получили письмо от своего старого знакомого, подданного

¹ *Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соперники. М., 2000. С. 79.

Ирана. Сам факт переписки родителей молодого артиста с иностранным подданным оказался определяющим при разрешении вопроса о поездке на декаду азербайджанского искусства в Москву. После прямого вмешательства сотрудников НКВД М.З. Имамалиев был вычеркнут из числа участников декады, лишившись, таким образом, возможности выступить на праздничном концерте и на приеме в Кремле в присутствии представителей большевистского руководства¹.

Вообще, количество «жалобщиков», сетовавших в своих письмах на имя Сталина на то, что они не были включены в состав участников декады азербайджанского искусства в Москве, оказалось столь велико, что в Баку решили выступить со своими разъяснениями по данному вопросу. 25 июля 1938 г. начальник Управления по делам искусств Азербайджанской ССР Ибрагимов направил письмо в «вышестоящую инстанцию» — в Комитет по делам искусств при СНК СССР. Он сообщал следующее. Из числа тех, кто обратился с жалобой в секретариат Сталина и другие инстанции, от участия в этой декаде были отстранены: 3 чел. — за бытовое разложение; 7 чел. — в связи с сокращением общего количества ее участников. Несколько артистов были «отведены соответствующими директивными органами» (читай: НКВД)².

Вслед за этим, 8 августа 1938 г. направили свое письмо на имя председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР А.И. Назарова заместитель начальника Управления музыкальных учреждений Комитета по делам искусств при СНК СССР В.Н. Сурин и инструктор ЦК КП(б) Азербайджана Зейналов³. Они пытались объяснить причины недовольства ряда азербайджанских артистов тем, что их не включили в число участников декады республиканского искусства в Москве, и в связи с этим — поступления многочисленных жалоб. По мнению авторов письма, выявились два основных фактора, которые привели к возникновению конфликта: 1) значительное сокращение волевым путем списка претен-

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 14. Л. 66–67.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 41.

³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 14. Л. 6, 7.

дентов на поездку в столицу СССР; 2) отсутствие специальной разъяснительной работы со стороны руководства декады «перед сокращением штатов, которые были умышленно раздуты прежним вредительским руководством Управления». Сурин и Зейналов считали, что уменьшение числа участников декады, проведенное специальной правительственной комиссией, было вполне обоснованным, поскольку при этом члены комиссии исходили «из принципа деловых и политических качеств работников».

Правительственная комиссия, упомянутая в цитируемом письме, прибыла в Баку в середине февраля 1938 г. Ее направило в азербайджанскую столицу руководство Комитета по делам искусств при СНК СССР. В результате работы этой комиссии Комитет предложил сократить количество участников декады азербайджанского искусства в Москве до 700 чел. (первоначально намечалось отобрать для участия в ней 1000 чел.)¹.

Но не всегда наличие родственников за границей оказывалось решающим фактором при отборе участников праздничных концертов на больших кремлевских приемах. Это общее «правило» можно было при желании «обойти». Например, у вышеупомянутого Ю.Б. Елагина, состоявшего одно время в труппе театра имени Е. Вахтангова, за границей проживал дядя, о котором, однако, в течение длительного времени не было никаких известий. А Елагин уж очень хотел участвовать в кремлевском концерте. От тех, кто уже выступал в Кремле, он узнал, какие чудесные угощение и напитки там подают («икра, свежие помидоры, балык, крымские вина, армянский коньяк»). И тогда Ю.Б. Елагин написал заявление в НКВД, в котором утверждал, что не имеет со своим престарелым дядей (на самом деле, проживавшему за границей родственнику едва исполнилось 50 лет) никаких контактов, и что «его наверняка уже давно нет в живых». Спустя некоторое время (дело происходило в январе 1938 г.) он узнал, что его просьба, подержанная руководством театра, удовлетворена: «дядя признан умершим». Сам Ю.Б. Елагин был вычеркнут из составленных в НКВД списков «лиц, имеющих родственников за границей».

¹ Там же. Л. 64.

Таким образом, он получил возможность принимать участие в концертах, на которых присутствовали члены Советского правительства и руководители большевистской партии¹.

И случай с Елагиным был не единственным «исключением из правил», введенных НКВД. Начать с того, что даже председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко «попал под подозрение»: в 1938 г. в Смоленской области был арестован как «кулак» его брат. Но это «дело» удалось замять с помощью Г.М. Маленкова, который распорядился направить в Смоленск специальную комиссию с целью поспособствовать освобождению ближайшего родственника руководителя КДИ. В конечном счете, с М.Б. Храпченко были сняты все подозрения².

Отцом солиста Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски под управлением А.В. Александрова Г.И. Бабаева являлся московский купец 2-й гильдии И.Я. Бабаев, а его родной брат проживал за границей (во Франции)³. Не исключено, что Г.И. Бабаев просто скрыл от «органов» и свое социальное происхождение, и прямое родство с эмигрантом. Так или иначе, но в 1949 г. вместе с другими солистами ансамбля А.В. Александрова он вначале был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а затем получил Сталинскую премию.

Еще одно «исключение» связано с именем известного актера театра и кино И.В. Ильинского. На приемах в Кремле в присутствии Сталина он читал рассказы А.П. Чехова. А между тем родная сестра Ильинского постоянно проживала в тогдашней столице Литвы Каунасе, и данное обстоятельство не могло не «заинтересовать» сотрудников НКВД. Еще до вхождения Литвы в состав СССР И.В. Ильинский ездил туда на гастроли, общался с сестрой. В Вильнюсе с ним произошел следующий случай. На деньги, полученные в качестве гонорара за выступление, артист купил себе легковую автомашину («иномарку»). Автомобиль переправили в Ленинград

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 322.

² Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 20.

³ Автор приносит благодарность Г.В. Архиповой, принадлежащей к потомкам И.Я. Бабаева, за эти сведения.

на таможную, но счастливый владелец долго не мог получить его, поскольку оказалось, что авто ранее принадлежало... английскому разведчику. Чекисты в течение длительного времени пытались узнать: у кого И.В. Ильинский приобрел «иномарку»? Знаком ли лично с прежним владельцем? Сколько заплатил за нее? «Такое может случиться только с комиком», — смеясь, рассказывал Ильинский жене. Однако на самом деле супругам было не до смеха, поскольку домашний телефон в квартире стал прослушиваться сотрудниками НКВД¹.

Как уже отмечалось, препятствиями, которые становились причиной для запрета участия того или иного артиста в концерте в присутствии членов Политбюро и Советского правительства, могли послужить: «сомнительное» социальное происхождение; наличие родственников за границей либо факт судебного преследования родных и близких. 20 марта 1938 г. артист Государственного театра оперы и балета им. М.Ф. Ахундова (Баку) А. Ганибзаде в письме на имя Сталина отмечал, что был отстранен от участия в декаде азербайджанского искусства в Москве, поскольку его отец подвергся аресту².

В дополнение к вышеизложенному можно привести и такие факты. Известная балерина О.В. Лепешинская происходила из дворянской семьи. Аресту подверглись вначале ее родная тетя, а затем муж, сотрудник НКГБ³. Однако это не помешало Лепешинской стать солисткой Большого театра, одной из любимых балерин Сталина, которую часто приглашали на концерты в Большой Кремлевский дворец.

Родители другой прославленной балерины — М.М. Плисецкой были репрессированы в 1937 г. Ее многочисленные родственники проживали за границей. Между тем в 1943 г. Плисецкую приняли в труппу Большого театра, а 22 декабря 1949 г. она выступала на концерте, состоявшемся на приеме в Кремле по случаю 70-летия Сталина.

Почему, несмотря на столь неблагоприятные «анкетные данные», ее приняли в Большой театр, «театр имперский»?

¹ Еремеева Т.А. Указ. соч. С. 155, 156.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д.14. Л. 40.

³ Лепешинская О. Указ. соч.

Такой вопрос М.М. Плисецкая не раз задавала себе и своим близким. Один из возможных ответов на данный вопрос дала сама балерина: в отличие от детей репрессированных высокопоставленных партийных и государственных деятелей, как считала Плисецкая, детей «фигур не столь заметных оставили в покое»: «поглядывали попристальнее, но не трогали»¹.

Режиссер Московского театра на Таганке Ю.П. Любимов был выходцем из семьи коммерсанта, который до революции 1917 г. считался довольно состоятельным человеком, являясь совладельцем магазина, располагавшегося в Охотном ряду. В советское время отец Любимова оказался в тюремном заключении как представитель «эксплуататорского класса», а дети автоматически были отнесены к категории «лишенцев». Вдобавок ко всему «посадили» родного брата Ю.П. Любимова². Между тем судьба оказалась к будущему известному режиссеру благосклонной. В 1939 г. Ю.П. Любимов, закончивший театральное училище при театре им. Вахтангова, был призван и стал служить в 13-ом отдельном батальоне НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. Затем по протекции режиссера С.И. Юткевича его приняли в ансамбль НКВД, который курировал лично нарком Л.П. Берия³.

Известная актриса кино Л.П. Орлова имела многочисленных родственников, которые принадлежали, по понятиям 1930-х гг., к эксплуататорским классам, а также к духовенству. Ее первый муж А.К. Берзин, служащий Народного комиссариата земледелия, был осужден по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии» и в 1931 — 1933 гг. находился в заключении. Позднее, в 1938 г. он вновь подвергся аресту и был приговорен к 8-ми годам тюрьмы. Однако это не помешало самой Л.П. Орловой сделать блестящую карьеру в кино. Как уже отмечалось, она неоднократно приглашалась на большие кремлевские приемы.

Родной брат солиста Большого театра И.С. Козловского, постоянного участника концертов, проводившихся в ходе больших кремлевских приемов, в конце Гражданской войны

¹ Цит. по: *Плисецкая М.М.* Указ. соч. С. 56.

² *Любимов Ю.П.* Указ. соч. С. 91, 99.

³ Там же. С.165.

выехал за границу и оказался в США¹. Таким образом, известный певец состоял в родстве с эмигрантом, что явно не приветствовалось в 1930-е гг. Мало того. На него пало подозрение в том, что он имеет «неправильное» социальное происхождение. В одном из интервью Козловский сообщал, что солист Большого театра В.Е. Дровяников был «своим человеком» в «органах». Дровяников поддержал сплетню, «пущенную капельдинерами», будто И.С. Козловский «скрыл свою настоящую биографию» и что на самом деле он является... князем. Но, как известно, Козловский происходил из семьи украинского портного. Чекисты даже ездили в украинское село Марьямовка, откуда был родом И.С. Козловский... «Мешка два жалоб на меня сожгли, — возмущался он впоследствии. — Сколько мне пережить пришлось!»².

Поскольку Сталин ценил талант Козловского, реакция на сообщение сталинского секретаря А.Н. Поскребышева относительно «двух мешков компромата», собранных на известного певца, была однозначной. «Хорошо, — якобы заявил вождь своему помощнику, — мы посадим товарища Козловского, а петь кто будет — вы?»³.

Вообще, мысль о «незаменимости» солистов Большого театра как уникальных представителей музыкальной культуры, вероятно, приходила в голову не только одному Сталину: так считали и сами певцы. На сей счет можно привести свидетельство А.С. Пирогова, современника И.С. Козловского, также являвшегося выдающимся оперным певцом. Пирогов был приглашен на «дружеский ужин» в Кремль по случаю 60-летия Сталина, когда застолье уже было в самом разгаре. Однако поскольку певец только что вернулся из Большого театра, где исполнял партию в опере М.И. Глинки «Иван Сусанин» и очень устал, то обоснованно отказался от этого приглашения. Родные и близкие переживали за судьбу

¹ *Лебедев В.С.* Указ. соч. С. 50.

² *Боборенко А.* Гармонии таинственная власть и трава забвения (Беседы с Иваном Семёновичем Козловским) // Иван Козловский. Воспоминания, статьи. С. 369.

³ *Новикова Л.* Обрученный с богом // Иван Козловский. Воспоминания, статьи. С. 427–428.

А.С. Пирогова и не исключали даже, что его могут арестовать за отказ прийти на банкет к вождю. До этого на одном из приемов в Кремле Пирогов высказал неудовольствием тем, что на его пение на концертах в Кремле никто из приглашенных не обращает внимания. Слова неудовольствия певца были «услышаны» не только за столом, но и «приняты к сведению». А.С. Пирогова в течение года не приглашали на приемы в Кремль...

Когда волнения по поводу того, что он отказался участвовать в «дружеском ужине» по случаю юбилея вождя улеглись, Пирогов, судя по воспоминаниям его сына, поделился своими соображениями по поводу этого инцидента: «Меня репрессировать потрудней, чем наркома. Нарком — лицо политическое, мало ли какие могут быть в правительстве перемены. А с известным актером¹ дело хуже. Такой звон пойдет, а уж за рубежом завоюет. — Это я не про себя лично, а вообще. Артисты, писатели — народ чересчур заметный»².

Можно, вероятно, привести и другие подобного рода факты, подтверждающие, что из «правил» допуска артистов, диктовавшихся НКВД, на концерты в Кремль, о которых упоминал Ю.Б. Елагин, было достаточно много «исключений».

Подобно другим гостям, актеры и музыканты получали известие о том, что приглашены на большой кремлевский прием буквально накануне самого застолья. Интересные подробности на сей счет оставил в своих мемуарах Ю.Б. Елагин.

...Утром 31 декабря 1938 г. к Елагину прибыл курьер, который передал уведомление директора Государственного джаз-оркестра СССР явиться к 14.00 на репетицию «в полном концертном костюме», т.е. во фраке. Подобное распоряжение показалось совершенно неожиданным, поскольку 30 декабря исполнители джаз-оркестра получили три дня отдыха: каждый из них готовился встретить новогодний праздник в кругу семьи. Тем более непонятным представлялось распоряжение явиться во фраке на обычную (как представлялось Ю.Б. Елагину) репетицию.

¹ По возрасту А.С. Пирогов был самым молодым народным артистом СССР (*Пирогов О.А. Указ. соч. С. 131*).

² *Пирогов О.А. Указ. соч. С. 133, 134.*

Но, как оказалось, эта репетиция была не совсем обычной. На ней присутствовал председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР А.И. Назаров, который должен был прослушать музыкантов перед тем, как направить их на новогодний концерт в Большой Кремлевский дворец. Из 20-ти номеров, имевшихся в репертуаре Государственного джаз-оркестра СССР, к концу репетиции Назаров одобрил 6 (в их числе — «Сентиментальный вальс» П.И. Чайковского, «Еврейскую рапсодию» В.Н. Кнушевицкого и грузинскую народную песню «Сулико»). После того как программа предполагаемого выступления в Кремле была уточнена, А.И. Назаров обратился к музыкантам с напутственным словом, подчеркнув, что они удостоены высокой чести впервые выступить перед Сталиным, членами Советского правительства. Председатель Комитета по делам искусств призвал со всей ответственностью отнестись к предстоящему выступлению, каждому обратить внимание на все детали своего костюма, «вплоть до носков», и пожелал успеха¹.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. установился определенный порядок отбора исполнителей для выступления на праздничных концертах, которыми сопровождались большие кремлевские приемы. Их кандидатуры предварительно одобрялись Комитетом по делам искусств при СНК СССР. Со своей стороны, данный отбор контролировали органы НКВД. Однако, несмотря на строгий политический контроль, при формировании концертных программ праздничных кремлевских концертов первенство отдавалось артистическим качествам и таланту их участников.

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 302.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦЕРЕМОНИАЛ И ЭТИКЕТ

4.1. У истоков кремлевского этикета

Как уже отмечалось, торжественные приемы подразделяются на официальные и неофициальные. На официальные приемы, как правило, приглашаются важные гости. Поводом для их проведения являются национальные праздники, юбилейные даты и другие государственно значимые события. Банкетные формы застолий относятся к наиболее торжественным. Время начала банкета (приема), согласно французской системе, определяется в 19.00 — 20.00. Основное внимание на нем уделяется произношению речей, их содержанию, убранству помещений, размещению гостей за столами¹.

Официальные газетные отчеты о кремлевских приемах были лаконичными, хотя в какой-то степени и отражали происходившее на этих торжественных застольях. В каждом отчете указывались дата и время начала банкета, назывался повод, по которому он проводился (иногда — общее количество приглашенных), перечислялись фамилии присутствовавших руководителей большевистской партии и Советского государства, а также назывались «виновники торжества» («герои дня»). Помимо прочего, центральные газеты давали информацию о том, кто вел стол (т.е. был тамадой), какие тосты и кем именно произносились. Если Сталин выступал на приеме с застольной речью, то, как правило, уже на другой день или,

¹ Чирич И.В. Указ. соч. С.151.

в крайнем случае, через день на газетные полосы попадал предварительно отредактированный им самим текст этой речи.

Каких-либо официальных или протокольных документов (инструкций, распоряжений, наставлений), которые бы прямо фиксировали порядок и правила поведения на приемах в Кремле, автором данной книги пока не выявлено. Однако известно, например, что участники торжественных церемоний, каковыми являлись, несомненно, большие кремлевские приемы, придерживались определенного стиля одежды, соблюдали «дресс-код». Английский термин «dress-code» (в переводе — буквально «код платья») вошел в употребление в русский язык в начале третьего тысячелетия, хотя появился на свет за сто лет до этого. Он обозначает профессиональную одежду или униформу и необходим для того, чтобы было удобнее распознать профессиональную принадлежность либо социальный статус человека. Dress-code обязывает к стандартизации, он прекрасно подходит для людей, не привыкших идти наперекор общей массе.

Естественно, в сталинскую эпоху термин «дресс-код» вряд ли был известен. Однако это вовсе не означает, что при Сталине не существовало каких-либо правил стандартизации одежды. Наоборот, исторические источники позволяют сделать вывод, что они были широко распространены и строго соблюдались, в частности, участниками больших кремлевских приемов.

М.И. Калинин писал о Сталине: «он вполне справедливо полагает, что вне политики его жизнь является жизнью частного лица и никого не касается». «Вы никогда не увидите в советской прессе, — пояснял Калинин, — статей о гастрономических вкусах Сталина, о фасонах его костюмов, о его любимых развлечениях...»¹.

Опуская сюжеты, связанные с гастрономическими вкусами вождя и его хобби, следует отметить, что он демонстрировал, с одной стороны, приверженность строгому стилю в одежде, а с другой стороны, соблюдал в этом смысле заведомое постоянство. Ю.Б. Елагин вспоминал, что на большом кремлевском приеме увидел Сталина, который был «одет

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп.11. Д.1514. Л. 7—8.

в куртку защитного цвета, без орденов и каких-либо знаков различия»¹. Аналогичным образом описывали внешний вид вождя и другие очевидцы. Н.Е. Вирта писал: на банкете участников таджикского искусства (22 апреля 1941 г.) Сталин был «в сероватой куртке, в серых шароварах, заправленных в мягкие сапоги»². Э. Муратов, излагая свои впечатления от вождя, которого имел возможность увидеть на кремлевском застолье 5 мая 1941 г., отмечал: его «серый китель и седоватые волосы были совершенно одинакового цвета. Можно было подумать, что он специально подобрал китель под цвет волос»³. А выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе Н.Г. Лященко утверждал, что вождь появился перед участниками этого же приема в куртке и «в брюках, не заправленных в сапоги»⁴. Наконец, Н.В. Алексеева (Черменская) свидетельствовала: на кремлевских приемах Сталин появлялся «в простом сером полувоенном костюме»⁵.

Относительно «дресс-кода» ближайших соратников Сталина на больших кремлевских приемах сведений почти нет. Можно лишь предположить, что К.Е. Ворошилов одевался с учетом времени года. С.О. Шмидт писал о банкете 25 июня 1937 г.: «День выдался очень жаркий, и в зале преобладали светлые тона одежды. В белом и К.Е. Ворошилов, бывший тамадой»⁶.

Что касается гостей, то Е.С. Громов уверял: «одевались на кремлевские приемы по первому классу», и это предусматривалось протоколом. Но никаких фактов, подтверждающих данное утверждение, названный автор не привел⁷. Поэтому попытаемся на основании источников восполнить данный пробел.

Как уже отмечалось, наиболее многочисленный контингент гостей на этих приемах составляли представители

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 307.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 16.

³ Муратов Э. Указ. соч. С. 281.

⁴ Лященко Н.Г. Указ. соч. С. 22.

⁵ Алексеева Н.В. Указ. соч. С. 66.

⁶ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 274.

⁷ Громов Е.С. Указ. соч. С. 271.

командного состава РККА. Различные категории командиров и начальников появлялись на банкетах в Кремле в военной форме. В официальном газетном отчете о приеме участников праздничного парада (8 ноября 1939 г.) можно прочитать следующее: «На белоснежном фоне высоких мраморных стен Георгиевского зала пестреют цвета и оттенки военной формы всех родов оружия нашей армии»¹.

У слушателей и профессорско-преподавательского состава Академии Генерального штаба первоначально существовала особая форма одежды: на кителях и шинелях — черные бархатные воротнички с белой окантовкой; на брюки нашивались малиновые лампасы тоже с белым кантом. В 1940 г. личный состав этой военной академии был переведен на ношение обычной военной формы².

Выпускник Ленинградской военной электротехнической академии им. С.М. Будённого Э. Муратов вспоминал, что перед тем, как его и его сослуживцев отправили в Москву для участия в приеме 5 мая 1941 г., все они получили новое обмундирование³.

А.П. Иванов, участник концерта, которым сопровождался прием командующих войсками Красной армии, свидетельствовал: «... всю площадь Георгиевского зала «заполняли высокие военные чины. Море мундиров!!!»⁴.

И.Х. Баграмян отмечал, что буквально накануне банкета 24 мая 1945 г. состоялось совещание командующих войсками Красной армии у Сталина, посвященное вопросам ее реорганизации и перевода личного состава на штаты мирного времени. Все участники упомянутого совещания (главным образом, командующие фронтами) получили приглашение на прием в Кремль. Далее в мемуарах И.Х. Баграмяна можно прочитать следующее: «Парадных мундиров у большинства (участников совещания. — *В.Н.*) не было, поэтому нам разрешили явиться на прием в повседневном обмундировании, но с орденами». И даже среди гражданских лиц, участников

¹ Правда. 1939. 9 нояб.

² Академия Генерального штаба... С. 48.

³ Муратов Э. Указ. соч. С. 280.

⁴ Алексей Иванов — богатырь оперной сцены. С. 220.

банкета 24 мая 1945 г., если верить мемуарам Баграмяна, «преобладали костюмы военного покроя». «Каждому хотелось выглядеть по-военному подтянутым», — читаем мы в мемуарах полководца¹. В.В. Вишневский, наоборот, получив приглашение на этот прием в Кремль, предпочел штатскую одежду².

Примечательно высказывание Сталина, прозвучавшее на банкете 2 мая 1932 г. и адресованное представителям советского искусства, участникам концерта. Обращаясь к ним по окончании концертной программы, вождь заметил, что они якобы «одеты не так, *как должны быть одеты артисты великой страны*» (выделено мной. — В.Н.). Сталин предложил им немного потерпеть и пообещал, что «Советская страна сумеет дать советским артистам все то, чего они заслуживают»³. Данное высказывание может свидетельствовать о том, что Сталину, скорее всего, было отнюдь не безразлично, как были одеты артисты, выступавшие в Кремле. Судя по всему, ко времени установления традиции проведения больших кремлевских приемов ситуация изменилась, и стиль одежды присутствовавших на них советских артистов уже соответствовал требованиям, предъявляемым к «артистам великой страны».

Известные актеры и актрисы необходимы были не только для того, чтобы «отрабатывать номер» в программе праздничного концерта. Сталин ввел в обычай приглашать их на кремлевские застолья в качестве гостей, следуя в этом отношении, по словам Ю.Б. Елагина, «примеру добрых старых просвещенных монархов». Нарядно одетые, прекрасно выглядевшие внешне, остроумные и общительные представители творческой элиты делали атмосферу больших кремлевских приемов непринужденной, даже веселой⁴. Современник событий утверждал, что, отправляясь на застолье подобного рода, женщина должна была надевать вечернее платье. Если же у нее не было вечернего платья, она могла и не попасть на кремлевский банкет⁵.

¹ Цит. по: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 610.

² РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д. 2126. Л. 6 об.

³ Встречи с товарищем Сталиным. С. 59.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ ГР.

Однако случалось, что «герои торжества» оказывались в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в самых причудливых одеяниях, явно не подходящих для торжества такого типа, как банкет в присутствии высших лиц государства. Например, после встречи участников полярной эпопеи, среди которых находился летчик М.И. Шевелёв, посадили в машины и повезли на прием в Кремль. «Мы, было, заикнулись, — отмечал в своих мемуарах Шевелёв, — что, мол, дали бы хоть переодеться, мы же в рабочем виде, причем одеты легко. На мне вообще были трусы и комбинезон (sic! — В.Н.). Слушать ничего не хотели»¹.

Приглашенным на банкет в Кремль предоставлялась уникальная возможность отведать роскошные яства. Специализирующийся по истории русской водки А.В. Никишин писал по этому поводу: «Изысканная еда, большое количество алкоголя, причем в равных пропорциях могли быть выставлены на столе и водка, и тонкие, изысканные вина, и коньяки»². О.В. Лепешинская свидетельствовала: гостевые столы в Георгиевском зале были заполнены великолепной едой, и поясняла: «Это имело огромное значение в те довольно голодные годы»³.

Можно привести также отрывок из мемуаров летчика М.И. Шевелёва о приеме 25 июня 1937 г. Взору Шевелёва, находившегося в Георгиевском зале, открылась следующая картина: «Столы были накрыты, стояли бутылки с разными винами, фрукты, деликатесные закуски»⁴. Присутствовавший на этом же приеме С.О. Шмидт вспоминал: «Накрыты столы так, как никогда прежде не видел, поскольку не бывал в ресторанах. Но из того, что было на столе, особенно запомнился сосуд с розовыми черешнями, на которые и налегал»⁵.

А вот как запечатлено кремлевское застолье в мемуарах Н.В. Алексеевой (Черменской): «Длинные столы были заставлены всевозможными закусками и бутылками с дорогими винами. От изобилия блюд разбегались глаза». Из ее вос-

¹ Шевелёв М.И. Указ. соч. С. 86.

² Никишин А.В. Указ. соч. С. 321.

³ Лепешинская О. Указ. соч.

⁴ Цит. по: Шевелёв М.И. Указ. соч. С. 86.

⁵ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 273—274.

поминаний следует, что гости, присутствовавшие на приемах в Кремле, брали со столов кое-что из угощения и уносили с собой. Подругой Н.В. Алексеевой (Черменской) была дочь маршала И.А. Егорова (они познакомились в 1934 или в 1935 гг.) Однажды маршал принес обеим девушкам подарки: в свертках лежали конфеты, трюфели, грецкие орехи и яблоки. Егоров предложил им полакомиться, добавив, что пришел «прямо с кремлевского приема»¹.

В меню кремлевских банкетов включались: зернистая и кетовая икра, сёмга, севрюга, различные мясные деликатесы, салаты, свежие овощи, зелень, фрукты². Предлагались элитные сорта алкогольных напитков: армянский коньяк, водка, красные и белые вина, крымское шампанское³. Во время опроса в рамках Гарвардского проекта один из участников большого кремлевского приема утверждал, что на этом приеме ему удалось отведать такой еды, «что ранее никогда не видел». При этом официанты начинали разносить угощение лишь после того, как все гости занимали свои места⁴. Каждый стол обслуживали четыре официанта, они наливали вино, предварительно опросив гостей, кто какой сорт предпочитает⁵.

Скорее всего, в понимании Сталина и его соратников обильный стол являлся признаком силы и величия государства, которое они представляли⁶. Естественно, участники больших кремлевских приемов воспринимали с невольным восхищением подобное изобилие изысканных яств и алкогольных напитков. Торжественная атмосфера, царившая в залах Большого Кремлевского дворца в ходе приемов, пред-

¹ Там же. С. 67, 116–117.

² Муратов Э. Указ. соч. С. 284; Шевелёв М.И. Указ. соч. С. 86; Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 308.

³ Кренкель Э.Т. Раем — мои позывные. М., 1973. С. 492; Лященко Н.Г. Указ. соч. С. 23; Образцов С.В. По ступеням памяти... С. 144; Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 308; Шевелёв М.И. Указ. соч. С. 86; Шмидт С.О. Указ. соч. С. 274.

⁴ GR.

⁵ Муратов Э. Указ. соч. С. 284.

⁶ Бочаров В.В. Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2-х т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 187.

полагала наличие представлений о правилах застольного этикета, умение держать себя, со знанием дела пользоваться столовыми приборами.

Между тем возникали естественные трудности в деле приобретения навыков поведения на подобного рода торжествах. Ведь в послеоктябрьский период в Советской России благородство манер сменилось «невежеством и грубостью, которые выдавались за простоту отношений между людьми, искренность и непосредственность»¹. Большевистское руководство мотивировало отказ от традиционных норм поведения политическими мотивами: «Мы не придаем никакого значения всяким церемониям и стараемся их упростить», поскольку представителю Рабоче-Крестьянского правительства не следовало становиться рабом чуждого по духу этикета².

Однако уже в 1920-е гг. стало ясно, что без овладения естественными нормами этикета и светских приличий невозможно было поддерживать дипломатические отношения с иностранными государствами³. Поэтому в 1923 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР разослал во все советские полпредства документ под красноречивым названием «Краткая инструкция о соблюдении правил принятого в буржуазном обществе этикета»⁴.

Была и еще одна причина, по которой в советском обществе стали востребованными нормы этикета. Этикет оказался одним из средств, способных выделить в нем элиту, в роли которой выступала высшая партийная и государственная номенклатура⁵. Один из респондентов, опрошенных в рамках программы Гарвардского университета, утверждал: русская дореволюционная аристократия соблюдала этикет в большей степени, чем какая-либо другая группа людей во всем мире, а после Октябрьской революции ей на смену пришла советская «верхушка»⁶.

¹ Цит. по: *Тумкина-Перфильева Л.М.* Указ. соч. С. 146.

² Цит. по: *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 5.

³ *Тумкина-Перфильева Л.М.* Указ. соч. С. 147.

⁴ *Лядов П.Ф.* Указ. соч. Приложения. Док. № 2.

⁵ *Тумкина-Перфильева Л.М.* Указ. соч. С. 148, 149.

⁶ GP.

Как отмечал немецкий историк К. Шлёгель, иностранные посольства — «это открытые дома, ориентированные как на представительные приемы, так и на встречи в более узком кругу». Применительно к московской элите 1930-х гг. Шлёгель сделал следующий вывод: «Балы, приемы, концерты — это устоявшиеся формы, в которых столичная общественность вступает в отношения с самой собой»¹.

Именно благодаря дипломатическим раутам, на которые они периодически приглашались, представители высшего советского руководства, в том числе ближайшие соратники Сталина, могли составить себе представление о том, в чем именно состоят основы застольного этикета. В 1930-е гг. подобного рода официальные застолья были довольно частыми.

Например, 21 февраля 1934 г. состоялся банкет у Б. Аттолико, итальянского посла в Москве. На нем присутствовали в числе почетных гостей В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.М. Литвинов с женами, а также А.И. Микоян². 16 июня 1937 г. на приеме в латвийской миссии в честь министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса гостями были: В.М. Молотов, М.М. Литвинов, А.И. Микоян, А.И. Егоров, С.М. Будённый, В.И. Межлаук, П.М. Керженцев³. В этом же составе (К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, В.Я. Чубарь, М.Л. Рухимович, Н.А. Булганин) представители партийно-государственного и военного руководства СССР пришли 10 июля 1937 г. на завтрак в честь министра иностранных дел Швеции Р. Сандлера⁴. На приеме, устроенном Председателем СНК СССР В.М. Молотовым в честь министра иностранных дел Турции С. Сараджоглу (14 июля 1937 г.), в качестве почетных гостей присутствовали К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.И. Межлаук, Н.И. Ежов, С.М. Будённый, П.М. Керженцев, Н. А. Булганин⁵.

Л.М. Тумкина-Перфильева высказала мнение, что в РККА не была полностью утрачена преемственность куль-

¹ Цит. по: Шлёгель К. Указ. соч. С. 446.

² Дядов П.Ф. Указ. соч. С. 116.

³ Правда. 1937. 18 июня.

⁴ Правда. 1937. 11 июля.

⁵ Правда. 1937. 15 июля.

туры царской армии, поскольку многих бывших ее офицеров удалось принудить служить военспецами. Более того, Тумкина-Перфильева утверждала, что в 1930-е — 1940-е гг. в военных академиях даже учили хорошим манерам и танцам. А в руководящем составе, продолжает она свою мысль, как и в дипломатической сфере, несмотря на прошедшие репрессии, оставались представители дворянского сословия. Полученное в детстве и юности воспитание, рассуждала Л.М. Тумкина-Перфильева, не только выделяло офицеров, выходцев из дворянства, среди коллег, но и оказывало общее благотворное влияние, смягчая новые армейские нравы. Они якобы «служили образчиком хороших манер, достойного поведения и высокой нравственной культуры»¹. К сожалению, Л.М. Тумкина-Перфильева не приводила в обоснование своих выводов никаких фактических материалов.

Данный пробел отчасти восполняет свидетельство посла США в СССР Дж. Дэвиса. На приеме, который был устроен в американском посольстве весной 1937 г., его внимание особенно привлекли представители высшего командного состава РККА, а также «летчики-герои Советского Союза». Дэвис зафиксировал в своем дневнике впечатление от гостей-военных, разместившихся за посольским столом: «Великолепное появление этих людей — сильных, здоровых, с красивыми лицами — ошеломило. Форма сидела [на них], и сверкали разные знаки различия и награды, в числе которых были “орден Ленина” и другие»².

Один из респондентов, который в послевоенный период был опрошен в рамках программы Гарвардского университета, в частности, утверждал, что командный состав Красной армии один из первых начал обучаться правилам хорошего тона. С этой целью перед началом войны стали подбирать специальных людей для обучения советских офицеров этикету и даже попросили возвратиться на родину для выполнения этой миссии представителей русской эмиграции³.

Не исключена вероятность, что основам этикета представителей командования Красной армии мог обучать генерал

¹ Тумкина-Перфильева Л.М. Указ. соч. С. 148.

² Цит. по: Шлёгель К. Указ. соч. С. 450.

³ ГР.

русской императорской армии А.А. Игнатъев, работавший в советском торгпредстве в Париже, а в 1937 г. приехавший на постоянное жительство в СССР. 24 февраля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворило его просьбу о принятии на службу в Красную армию (на нестроевую должность)¹. В официальном газетном отчете о приеме выпускников военных академий (7 мая 1939 г.) А.А. Игнатъев упомянут в числе присутствующих вместе со Сталиным и его соратниками². Это был высококультурный и общительный человек, который, естественно, мог иметь представление о «дресс-коде» и придворных манерах³.

Наряду с высшими партийно-государственными функционерами, руководителями советского внешнеполитического ведомства, представителями командного состава РККА на дипломатические рауты, а также на банкеты с участием дипкорпуса, которые устраивались ЦИК СССР, приглашались деятели искусства, воспитывавшиеся еще в дореволюционный период. Позднее они стали завсегдатаями на больших кремлевских приемах Сталина. Здесь можно назвать В.Д. Немировича-Данченко, Н.А. Обухову, М.О. Рейзена, Г.Г. Нейгауза⁴. Во второй половине 1930-х гг. приглашения представителей творческой элиты на официальные банкеты по случаю приезда высоких иностранных гостей прочно вошли в протокольную практику проведения визитов на высшем уровне⁵.

Изысканными манерами отличался В.И. Немирович-Данченко. Он периодически устраивал для писателей, критиков, профессоров-литераторов импровизированные собрания-приемы. Для этого специально сервировался стол: подавали чай с бутербродами, пирожками, пирожными и фруктами. За сервировкой стола следил А.А. Прокофьев, который до революции содержал собственный буфет, а позднее был приглашен во МХАТ, став «зав. цехом питания». Сам В.И. Немирович-Данченко приезжал на театральные

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 984. Л. 11.

² Правда. 1939. 8 мая.

³ Александров Г.В. Указ. соч. С. 310.

⁴ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 116, 118–119.

⁵ Там же. С. 67.

собрания-приемы особенно элегантно одетым¹. Несомненно, участники этих МХАТ'овских «посиделок» были хорошо воспитанными людьми, во всяком случае, имели представления об этикете. Естественно, на приемах в Кремле они в полной мере использовали эти навыки.

Между тем большинство гостей, приглашавшихся на приемы в Кремль, зачастую просто не знало, как подступиться к экзотическим для них блюдам. Н.В. Алексеева (Черменская) простодушно признавала: заметив на столе заливное из осетрины, слишком много положила в него хрена в сметане, в результате чего даже закашлялась. У нее возникло опасение, что она может привлечь к себе внимание. Действительно, Н.В. Алексеева (Черменская) услышала рядом смех и подумала, что кто-то заметил ее промах. Но дело было вовсе не в ней. Один из мужчин, сидевших за столом рядом с Алексеевой, артист Ансамбля песни и пляски НКВД, без спроса незаметно набил карманы шоколадом, который постепенно растаял. В результате на брюках «проштрафившегося» гостя появились темно-коричневые пятна от шоколада, что и вызвало насмешки окружающих. На другой день после кремлевского приема артист Ансамбля песни и пляски НКВД, замеченный в краже шоколада, получил от начальника ансамбля Тимофеева «сильную взбучку»². Можно сказать, что этот сладкоежка еще легко отделался.

Гораздо строже был наказан старший политрук Д.Н. Романов, член ВКП(б), выпускник Военно-политической академии им. Ленина. В мае 1939 г. он был принят на работу в Академию Генерального штаба РККА в качестве инструктора пропаганды. Он присутствовал на приеме 8 ноября 1939 г. По окончании банкета Романов, который находился в состоянии алкогольного опьянения, был задержан и обыскан кремлевской охраной. При обыске у него в карманах были обнаружены: 4 столовых ножа, две вилки, одна ложка, бутылка вина и 10 штук яблок и груш. Вызванный на беседу к комиссару Академии Генштаба РККА П.С. Фурту, Д.Н. Романов заявил, «что он не помнит, как это случилось», однако признал вину за содеянное.

¹ *Виленкин В.Я.* Воспоминания с комментариями. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 44–46.

² *Алексеева Н.В.* Указ. соч. С. 67.

11 ноября 1939 г. Фурт обратился к начальнику ПУРРКА Л.З. Мехлису с просьбой об освобождении Романова от работы в Академии Генштаба РККА «за его антипартийный поступок на приеме» в Кремле¹.

В целом, на больших кремлевских банкетах этикет соблюдался очень строго. Гости придерживались определенного «дресс-кода». Они должны были иметь представление о том, как правильно пользоваться столовыми приборами. Если он не знал этого, то вынужден был наблюдать за соседями. Водку нельзя было употреблять после вина или шампанского. Естественно, гости на приемах в Кремле могли допускать небольшие оплошности. Однако если вставал вопрос о том, как взять со стола кусок рыбы, чтобы не уронить его, то опять же имелась возможность наблюдать, как это правильно делают другие приглашенные на банкет².

4.2. «Театрализация питейного ритуала»

Т.Б. Щепанская отмечала, что коллективное застолье рассматривается его участниками «как моделирующая структура, отражающая значимые черты политического сообщества». В частности, это находит выражение в «театрализации питейного ритуала». По мнению Щепанской, «он строится как текст, разыгрывается как своеобразный спектакль»³. Большие кремлевские приемы, несомненно, можно рассматривать в качестве наглядного примера «театрализации питейного ритуала».

В свое время Е.С. Громов попытался осветить вопрос о кремлевском застольном церемониале на примере банкетов для участников республиканских декад искусства. По мнению Громова, протокол приемов продумывался до мелочей: все было «солидно, парадно». «Кремлевский двор обретал устойчивые формы», — констатировал он⁴.

¹ РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 26. Л. 80, 87.

² ГР.

³ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 271.

⁴ Громов Е.С. Указ. соч. С.330.

Одной из основных составляющих «протокола» больших кремлевских приемов являлись процесс сбора приглашенных и занятие ими своих гостевых мест. Совершенно уверенно можно заявить, что существовала определенная «иерархия места», которую должны были соблюдать гости, представители сталинской элиты, «приобщенные» к публичному застолью. Как уже отмечалось, каждый из них получал именное приглашение на прием в Кремль, в котором указывались: дата банкета, время его начала, помещение, где он проходил (например, Георгиевский зал), номер гостевого стола и номер места за ним.

С середины 1930-х гг. стала преобладающей тенденция перенесения времени начала больших кремлевских приемов с раннего на более позднее время. Согласно газетным отчетам, самое раннее время, на которое был назначен один из приемов — 15.00¹. Отдельные банкеты могли начинаться и в 16.00², и в 17.00³, и в 17.30⁴, и в 17.45⁵. Однако, во второй половине 1930-х гг. время начала приема устанавливалось чаще всего: в 18.00⁶; в 19.00⁷; в 20.00⁸. В послевоенный период, как правило, большие кремлевские приемы начинались в 19.00⁹ и в 20.00¹⁰.

Пройдя контроль на пропускных пунктах, приглашенные на прием входили в Большой Кремлевский Дворец и рассаживались на указанных гостевых местах. При рассадке учитывались правила, практиковавшиеся на дипломатических раутах. Первые рекомендации на сей счет, предназначавшиеся для сотрудников НКВД СССР, были разработаны еще в 1920-е гг.

¹ Правда. 1936. 4 мая.

² Правда. 1938. 28 окт.

³ Правда. 1938. 18 марта.

⁴ Правда. 1937. 23 авг.

⁵ Правда. 1939. 6 мая.

⁶ Правда. 1935. 4 мая; 1937. 4 мая; 1939. 6 июня; 1940. 3 февр.

⁷ Правда. 1937. 1 июня; 1939. 28 июня, 9 нояб.; 1940. 4 мая, 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр., 1941. 4 мая.

⁸ Правда. 1939. 5 нояб.; 1940. 11 авг.

⁹ Правда. 1945. 1 июля.

¹⁰ Правда. 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

Они требовали, в частности, при рассадке гостей строго придерживаться их рангов. Наиболее почетными считались места, ближайшие к хозяину застолья¹.

Так или иначе, места для хозяев и гостей регламентировались. Вот что вспоминал С.О. Шмидт о банкете 25 июня 1937 г.: «Сцена оставалась пустой. Перед сценой стол президиума <...> для членов и кандидатов Политбюро и главных гостей, которых рассаживали между ними, и тоже по рангам. В центре члены Политбюро, по бокам кандидаты <...> Нам указали номер стола и даже место (для семьи их места)»².

По окончании рассадки гости в течение некоторого времени ожидали появления хозяев — Сталина и представителей его «ближнего круга». Но иногда период ожидания слишком затягивался. Например, 5 мая 1939 г. к 17 часам в залах Большого Кремлевского дворца собрались представители участников праздничного Первомайского парада — «бойцы, командиры, комиссары и политработники». И лишь в 17.45 появились хозяева — Сталин и члены Политбюро³.

Однако подобного рода ожидание лишь подогревало желание гостей поскорее увидеть вождя. Неподдельный восторг охватывал их, когда, наконец, в Георгиевском зале появлялись члены Политбюро ЦК ВКП(б) и руководители Советского правительства во главе со Сталиным. Об атмосфере, царившей на первом официальном кремлевском приеме (2 мая 1935 г.), дает некоторое представление передовая статья газеты «Известия» под характерным заголовком «Железное единство бойцов». Под ней стояли инициалы «Н.Б.» (именно так подписывал свои публикации в советском официозе ответственный редактор газеты Н.И. Бухарин). Заметка была полна восторженных эпитетов в адрес Сталина и его ближайшего окружения. Вот, например, как представил Н.И. Бухарин появление в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца «советского вождя и его соратников»: «И вдруг рукоплескания, которые нарастают, как буря, покрывают всё, переходят в ураган, в гром, в бушующую стихию радости и восторга. Это входят члены

¹ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 111.

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 273.

³ Правда. 1939. 6 мая.

Политбюро и союзного правительства во главе со Сталиным, к которому несутся со всех сторон приветственные клики почти двухтысячной массы бойцов»¹.

Сохранились воспоминания выпускника военной академии им. М.В. Фрунзе П.П. Слепцова о приеме 4 мая 1935 г. Слепцов, в частности, свидетельствовал: «После торжественной церемонии выпуска на площади Кремля, после того как мы впервые почувствовали, что классы академии остались позади и мы уже не слушатели, а “академики”, в Георгиевском зале за многочисленными столами должна была произойти встреча выпускников всех родов войск. Мы стояли у столов, как бы ожидая команды “вольно”. Вернее, мы не были уверены в том, что кто-то подаст эту уставную команду, но в ожидании какого-то приглашения не занимали места, указанные на наших билетах. И вдруг — это было и для меня и всех моих товарищей совсем неожиданно — вошел товарищ Сталин. Мне казалось, что он совсем рядом, и теперь, когда я хочу вспомнить подробности его появления в зале, я не могу. “Сталин! Сталин! Ура!”, — неслось по всему залу. Вся наша выправка, подтянутость, ожидание какой-то команды — всё это исчезло, и мы уже мало чем отличались от огромной восторженной массы, ликующей, радостно приветствующей появление своего вождя. Климент Ефремович Ворошилов аплодировал, вместе с нами восторженно приветствовал товарища Сталина»².

Вот цитата из дневниковой записи С.О. Шмидта о банкете 25 июня 1937 г.: «...под гром аплодисментов в зал входят члены Политбюро. Продолжительные овации, крики: “Ура!”, “Ура!”...»³. Можно привести также отрывок из воспоминаний И.Д. Папанина о большом кремлевском приеме 17 марта 1938 г.: «И вдруг раздался новый взрыв аплодисментов невиданной силы. Под бурю оваций и крики “ура” в зал вошел товарищ Сталин и члены Политбюро. Я дрожал от волнения. Радость переполняла мое сердце»⁴. На приеме 17 мая 1938 г.,

¹ Правда. 1935. 4 мая.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 211–212.

³ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 274.

⁴ Цит. по: ЗРС. С. 195.

по свидетельству А. Стаханова, Сталин, а также руководители партии и правительства, прошли через Георгиевский зал, заполненный гостями. При этом вождь махал рукой, здороваясь с ними¹.

В мемуарах И.Х. Баграмяна момент появления вождя в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца 24 мая 1945 г. описывается следующим образом: «...вдруг на мгновение наступила мертвая тишина, взоры всех присутствующих обратились в сторону, где в окружении других руководителей партии и правительства появился И.В. Сталин. Потом раздалась буря оваций и восторженных возгласов. Сталин наклоном головы ответил на дружные приветствия и тоже начал аплодировать. Потом он жестом пригласил всех к столам»².

По свидетельству О.В. Лепешинской, Сталин при появлении в Георгиевском зале всегда шел впереди, а за ним следовали члены Политбюро³.

Таким образом, в Георгиевском зале с самого начала приема царил восторженная атмосфера, а гости, даже еще не притронувшись к «горячительным» напиткам, пребывали в приподнятом настроении.

Не только появление Сталина и его ближайших соратников, но и «виновников торжества» присутствующие в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, как правило, встречали с огромным воодушевлением. Вот как описывал И.Д. Папанин церемонию приветствия членов его экспедиции другими участниками кремлевского банкета 17 марта 1938 г.: «Я шел, держа в руках бамбуковое древко с нашим знаменем, привезенным с полюса. За мной шли мои братки — Ширшов, Кренкель и Федоров. Торжественная обстановка, ослепительный свет, приветственные крики — всё это было так неожиданно, что мы смутились и немного растерялись»⁴.

Параллельно сцене в Георгиевском зале стоял стол, за которым размещались члены Политбюро, причем, по воспоминаниям О.В. Лепешинской, «в центре всегда сидел Сталин». Все

¹ Встречи с товарищем Сталиным. С. 31.

² Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 610.

³ Лепешинская О. Указ. соч.

⁴ Цит. по: ЗРС. С. 195.

остальные (гостевые) столы располагались перпендикулярно «главному» — до самого конца зала¹.

Артист Е.В. Самойлов следующим образом излагал свои впечатления от увиденного в Георгиевском зале на приеме в честь 70-летия Сталина: «Народу там было видимо-невидимо <...> И столы, столы с двух сторон вдоль стен, накрытые чем только можно. А поперек зала длинный стол с правительством. Все сидят, как на Тайной вечере, по одну сторону. В центре — Сталин, рядом — Берия»².

На приеме 25 июня 1937 г. членов семьи О.Ю. Шмидта разместили на первых местах ближайшего к президиуму стола, лицом к вождю. Вместе с ними, как вспоминал С.О. Шмидт, расположились полярный летчик М.С. Бабушкин и члены его семьи. За этим же столом, напротив, на почетных местах, но уже не лицом, а спиной к Сталину сидели родственники полярного летчика В.С. Молокова. Места других столов, находившихся недалеко от главного, занимали народные комиссары М.М. Литвинов, В.И. Межлаук, командующий 1-й Конной армией периода Гражданской войны, маршал Советского Союза С.М. Будённый³.

Согласно газетному отчету, вместе с вождем и его ближайшими соратниками в почетном президиуме во время приема 17 марта 1938 г. расположились участники полярной экспедиции. Жены «папанинцев» размещались за другим столом⁴. Аналогичным образом академик О.Ю. Шмидт на этом приеме удостоился чести быть приглашенным в президиум, а его ближайшие родственники разместились за столом «под № 17». С.О. Шмидт свидетельствовал, что сидел рядом с К.И. Николаевой, секретарем ЦК ВЦСПС.

В данной связи представляется спорным рассказ попавшего в плен к немцам в 1942 г. майора Красной армии Евстифеева о приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г., который был записан германскими представителями.

¹ Лепешинская О. Указ. соч.

² Скорыходов Г. Указ. соч. С. 172.

³ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 273, 274.

⁴ Правда. 1938. 18 марта; Невежин В.А. БКПС // Отечественная история. 2005. № 3. С. 67.

У историка О.В. Вишлёва¹ вызвала вполне закономерное сомнение часть сообщения Евстифеева, касавшаяся обстоятельств, при которых тот оказался на упомянутом большом кремлевском приеме. Вишлёв задавался обоснованным вопросом: мог ли майор, служивший в Закавказском военном округе и приехавший в столицу за запчастями для своей танковой бригады, «запросто оказаться на банкете в Кремле, причем на свободном месте в Георгиевском зале невядалеке от Сталина»². Действительно, просто невероятно, чтобы гость, получивший приглашение на застолье в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, был вынужден искать себе «свободное место» и вдруг «обнаружить» его, да еще не где-нибудь, а рядом со столом президиума, за которым располагались вождь и его ближайшие соратники.

Если прием проходил в Грановитой палате, то сервировались два больших стола, установленных в форме буквы «Г». В этом парадном помещении Большого Кремлевского дворца, как правило, между узкими столами оставалось небольшое пространство, и гости испытывали от этого тесноту. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП(б) занимали места в центральной части первого стола.

Но такая рассадка делалась не всегда. Например, по свидетельству Л.О. Утёсова, относящемуся к приему 26 июля 1937 г., в Грановитой палате, где происходил банкет, слева находился длинный стол, по одну сторону которого разместились члены Советского правительства во главе со Сталиным. Остальное пространство занимали столики на четверых, где сидели герои-летчики и другие гости³.

Что касается Георгиевского зала, то относительно количества гостей, размещавшихся за каждым из столов, сохранились различные данные. И.В. Ильинский утверждал: гости рассаживались по четыре человека⁴. О том, что за каждым столом сидело именно четыре человека, сообщал также один

¹ Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 172–174.

² Там же. С. 92.

³ Скороходов Г.А. Указ. соч. С. 21.

⁴ Боров Ю.Б. Указ. соч. С. 182.

из участников большого кремлевского приема в ходе опроса, проводившегося по программе Гарвардского университета¹.

С.О. Шмидт свидетельствовал, что гостей было не четыре, а «примерно восемь человек с каждой стороны»². Другие участники событий насчитывали по 20 и даже по 32 человека за каждым из гостевых столов³. Приведенные свидетельства позволяют предположить, что количество людей за гостевыми столами не на всех больших кремлевских приемах было постоянным, а определенным образом варьировалось в зависимости от общего числа участников. Однако переходить со своего стола за другой стол гостям было запрещено⁴.

Знаменитые актеры и актрисы, принимавшие участие в концертных программах, приглашались за гостевые столы, но не все вместе, а по два-три человека за каждый⁵. Например, на приеме «папанинцев» актриса А.А. Яблочкина и главный дирижёр Большого театра СССР С.А. Самосуд соседствовали с родственниками академика О.Ю. Шмидта и К.И. Николаевой⁶.

Заняв свои места за столом президиума, Сталин, члены Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства СССР в начале приема иногда приглашали сесть рядом с собой «героев дня» (или «виновников торжества»). 13 августа 1936 г. и 26 июля 1937 г. руководители большевистской партии и Советского правительства сидели рядом с Героями Советского Союза В.П. Чкаловым, Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым⁷.

На приеме, устроенном в Кремле по окончании декады узбекского искусства (31 мая 1937 г.) три ее участницы — Тамара Ханум, Х. Насырова и М. Тургунбаева были приглашены за стол президиума, где сидели Сталин и члены Советского правительства⁸.

¹ ГР.

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 272–273.

³ Лященко Н.Г. Указ. соч. С. 22–23; Муратов Э. Указ. соч.

⁴ ГР.

⁵ Моисеев И.А. Указ. соч. С. 47.

⁶ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 278.

⁷ Правда. 1936. 14 авг.; 1937. 28 июля.

⁸ Встречи с товарищем Сталиным. С. 193.

В начале банкета 25 июня 1937 г. О.Ю. Шмидт оказался в президиуме «между Сталиным и Молотовым». За главный стол были приглашены также заместитель начальника Главсевморпути Н.М. Янсон и отличившиеся при спасении членов первой полярной экспедиции летчики М.В. Водопьянов, В.С. Молоков, А.Д. Алексеев и П.Г. Головин¹.

После того как участники большого кремлевского приема 17 марта 1938 г. заняли свои гостевые места, а в Георгиевском зале появились Сталин и его соратники, произошло, согласно воспоминаниям И.Д. Папанина, следующее: «Товарищ Молотов, улыбаясь, жестом пригласил нас («папанинцев» — *В.Н.*) занять места в президиуме. И тут наступила минута, которую я никогда не забуду. Иосиф Виссарионович обнял меня и крепко поцеловал. Затем нас обнял товарищ Молотов и все члены Политбюро. Мы переходили из объятия в объятие. Волнуясь, я передал товарищу Сталину красное знамя <...>»².

27 октября 1938 г. участницы сверхдальнего авиаперелета В.В. Гризодубова, П.Д. Осипенко и М.М. Раскова сидели за одним столом со Сталиным и его соратниками³. Согласно газетному отчету о приеме 23 мая 1939 г., руководители большевистской партии и Советского правительства поздоровались с «героями дня» — В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко, а затем отважный экипаж самолета «Москва» занял место за одним столом с хозяевами⁴.

В ходе банкета 10 августа 1940 г. руководители делегаций Литвы, Латвии Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины были приглашены за стол президиума. Ю. Палецкис, глава делегации Литовской ССР, оказался рядом с маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко; недалеко от него разместились К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев и Сталин⁵.

Традиция приглашения хозяевами «виновников» торжества и «героев дня» за стол президиума в ходе больших

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 273.

² Цит. по: ЗРС. С. 196–197.

³ Правда. 1938. 28 окт.

⁴ Правда. 1939. 24 мая.

⁵ Палецкис Ю. Указ. соч. С. 346.

кремлевских приемов в послевоенный период сохранилась. Так было на банкете 24 мая 1945 г., о чем более подробно будет сказано в главе пятой данной монографии. На приеме 30 июня 1945 г. В.М. Молотов пригласил президента АН ССР В.Л. Комарова и членов Президиума АН занять места за столом президиума¹.

А на приеме в честь 70-летия Сталина, где «виновником торжества» являлся сам юбиляр, рядом с ним и его соратниками сидели лидеры союзных СССР стран — Китая, Болгарии Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, а также руководители коммунистических партий Австрии, Испании, Италии и Финляндии².

Вслед за рассадкой хозяев и гостей в Георгиевском зале начиналась, без сомнения, самая приятная для всех его участников часть большого кремлевского приема — собственно застолье, сопровождавшееся тостами. Т.Б. Щепанская относила тосты к разряду устоявшихся, оформленных застольных жанров, «в которых сложившиеся репутации прилюдно обнаружуются и проходят сквозь фильтр общественного мнения». Они как бы задают временную структуру застолья, которая, в свою очередь, «служит проекцией микросоциальной структуры сообщества»³. Тост является своеобразным средством реализации ценностных доминант русского застолья. Как правило (и подтверждением этого являются церемониалы больших кремлевских приемов Сталина), русские тосты многочисленны, разнообразны. Среди них выделяются: вступительные, пригласительные, благодарственные, ответные и т.п. Одним из значимых элементов застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезнику⁴.

Именно с таким, оценочным «тостом», и обратился, например, К.Е. Ворошилов к присутствующим на приеме в Кремле 2 мая 1935 г., предложив выпить «за того, кто объединил великую трудовую страну, под руководством кого идут миллионы трудящихся земли, кто, как мудрый кормчий, стоит во главе

¹ Правда. 1945. 1 июля.

² Правда. 1949. 24 дек.

³ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 276.

⁴ Ма Яньли. Указ. соч. С. 10.

всемирно-исторического дела социализма». Поскольку Ворошилов явно имел в виду Сталина, его первая здравица вызвала бурную положительную реакцию. Все сидевшие в зале, если верить описанию Н.И. Бухарина, в едином порыве поднялись с места и, точно электрический ток пронизал все души: «...снова бушует горячий океан любви и гордости, верности и преданности, омывающий своими волнами фигуру славного победоносного полководца работников нового мира».

Поистине экзистенциальная картина открывается при описании Бухариным апофеоза грандиозного действия, раз-вернувшегося в Большом Кремлевском дворце 2 мая 1935 г.: «Подымается с места вождь, за ним идут его соратники: члены ЦК и правительства обходят все залы.... Десятки рук тянутся к Сталину. Они поднимают его на стол (sic! — *В.Н.*), сперва в одной, потом в другой, потом в третьей зале, — ибо необозрима масса бойцов». С большим пафосом Н.И. Бухарин зафиксировал кульминационный момент общения Сталина с участниками приема: «Бойцы теснятся вокруг него, точно хотят физически прикоснуться к нему, почувствовать всю силу того мощного заряда ума, энергии, воли, которые излучаются во все стороны от этого удивительного, горячо любимого человека. Человеческие волны подхватывают его»¹.

Е.С. Громов утверждал, что Сталин на правах гостеприимного хозяина якобы выступал перед участниками декад республиканского искусства с приветственными речами. «Присутствующие, — не без сарказма заявлял Громов, — не мели от восторга, потом зал взрывался овациями. Кто-то из наиболее почетных гостей выступал с ответной благодарственной речью»².

На самом деле на приемах в Кремле Сталин вообще никогда не выступал первым. За соблюдением очередности тостов и здравниц должен был следить тамада. Согласно заведенному порядку, именно тамада предлагал тосты, предоставлял слово кому-либо из гостей для произнесения «благодарственных речей» в начале либо по ходу банкета. Что касается самого Сталина, то порой он обращался ко всем гостям, приглашенным

¹ Правда. 1935. 4 мая.

² Громов Е.С. Указ. соч. С. 330.

на прием, с застольными речами или с отдельными тостами, имевшими директивный характер. Но происходило это не так часто и, как правило, в самом конце застолья.

Следует особо подчеркнуть, что Сталин на больших кремлевских приемах не только не выступал первым, но и *никогда* не исполнял функции тамады¹. В этой роли выступали за весь период времени, рассматриваемый в данной монографии, несколько представителей «ближнего круга», но несомненными лидерами в данном случае можно считать по 11 раз ведущими стол на больших кремлевских приемах В.М. Молотова² и К.Е. Ворошилова³.

Как представляется, Ворошилов более успешно справлялся с ролью тамады. Чаще всего ему удавалось совмещать в своей речи импровизированные обращения к гостям с призывами поддержать очередную здравицу и рутинные, официальные тосты. Вот какое впечатление произвел народный комиссар обороны СССР на сына академика О.Ю. Шмидта на приеме 25 июня 1937 г.: «Он выглядел крепышом, говорил с живостью и незамысловато, согласно клише тех годов, но о том, что Шмидт — “блестящий человек”, искренно и темпераментно <...> Смеялся он громко, зазывающе». С.О. Шмидт предполагал, что имелся зафиксированный на бумаге порядок тостов, поскольку перед каждой очередной здравицей тамада К.Е. Ворошилов «надевал роговые очки и что-то читал»⁴.

Официальные газетные отчеты, к сожалению, не дают полного представления о К.Е. Ворошилове как о тамаде. С целью восполнить данный пробел приведем отрывки из стенографической записи приема участников первомайского парада (2 мая 1936 г.):

¹ В данной связи представляется неудачным заголовок одной из глав книги В. Николаева («Кремлевский тамада»). См.: *Николаев В.* Указ. соч. С. 159.

² 1938. 21 янв., 18 марта, 28 окт.; 1939. 24 мая, 21 июля; 1940. 3 февр., 11 авг.; 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

³ Правда. 1935. 4, 6 мая; 1936. 4, 6 мая; 1937. 4 мая, 26 июня; 1938. 4 мая, 9 ноября; 1939. 6, 8 мая; 1940. 4 мая.

⁴ *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 274.

«Тов. Ворошилов. Товарищи, по древнему советскому обычаю предлагается наполнить бокалы <...> Прошу обратить внимание на ваши бокалы и, если они пусты, немедленно наполнить их, а прежде проследите, чтобы ни у кого не оставалось наполненного прежде <...>

Товарищи, я не сомневаюсь в вашей бдительности вообще, в данном же случае проверка необходима. Как у вас с бокалами дело обстоит? (Тов. Сталин говорит, что они (участники первомайского парада. — В.Н.) сегодня обязаны пить. Обязаны) <...>.

Товарищи, как у вас дело обстоит не с бокалами, а бутылками? Если у всех в этом отношении дело обстоит благополучно, обратите внимание на бокалы, если же у кого бутылок не хватает, следует обратиться к виночерпиям. Большевики должны быть инициативными везде и постоянно <...>.

Товарищи, если вы ударники, то ваши бокалы должны быть полны, а если у кого они еще стоят наполненными, надо немедленно ликвидировать этот прорыв <...>.

По-прежнему вынужден надоедать вам своим вниманием относительно бокалов, бутылок и иных прочих вещей материального порядка...»¹.

Нелишне подчеркнуть, что в газетном отчете о приеме 2 мая 1936 г. шуточные импровизации Ворошилова на тему «большевистской бдительности» в отношении не заполненных вином бокалов, «инициативы» по их опустошению и т.д. и т.п. оказались купированными².

Однако порой (в крайне редких случаях) отлаженный порядок произнесения тостов на банкетах в Кремле, который старался поддержать тамада К.Е. Ворошилов, все-таки нарушался. Так произошло, например, на приеме участников первомайского парада 5 мая 1939 г. Известный летчик А.В. Беляков подробно рассказал Л.К. Бронтману о случившейся тогда «накладке» (см. *Приложение № 3*).

На упомянутом приеме Ворошилов последовательно провозгласил тосты за участников праздничного парада на Красной площади, а также за советский народ, за Сталина,

¹ Цит. по: Невежин В.А. БКПС // Отечественная история. 2005. № 3. С. 134–136.

² Правда. 1936. 4 мая.

Молотова, Калинина, за Героев Советского Союза. Однако когда нарком обороны передал инициативу объявления тостов самим собравшимся, все растерялись. Почувствовав замешательство, К.Е. Ворошилов предложил выпить просто так, без тоста. Тогда попросил слова А.В. Беляков. И тут неожиданно проявил инициативу Сталин. Вождь провозгласил тост за летчиков Коккинаки и Гордиенко. А уже вслед за ним, наконец, А.В. Белякову была предоставлена возможность с бокалом в руках провозгласить свою здравицу.

Таким образом, попытка тамады К.Е. Ворошилова «пустить на самотек» важное дело руководства церемонией большого кремлевского приема 5 мая 1939 г. привела к небольшой «накладке». Но инцидент был исчерпан после личного вмешательства Сталина, «заготовившего» на этот случай собственную здравицу в честь героев-летчиков и дважды повторившего ее.

Как тамада В.М. Молотов в определенной степени качественно уступал К.Е. Ворошилову. Во многом оба различались по складу характера. По мнению А.М. Коллонтай, К.Е. Ворошилов не стал «сановником», не боялся «уронить достоинство», а поэтому был «прост и искренен»¹. Она дала ближайшему сталинскому соратнику следующую характеристику: «Всегда жизнерадостный Ворошилов, вносящий живое веселье в любой коллектив, за столом или после собраний...»².

Что касается В.М. Молотова, то у адмирала Н.Г. Кузнецова сложилось о нем однозначное впечатление: «По характеру сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек, он даже при просмотре какой-нибудь кинокомедии в присутствии Сталина и гостей был официален и не допускал никаких «вольностей»»³. Аналогичным образом описывал своего «шефа» проработавший 10 лет под его началом В.И. Ерофеев: «Вообще, В.М. был по натуре человеком сухим, жестким,

¹ Труш М.И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь А.М. Коллонтай: «Золотая ветвь дипломатии России». М., 2010. С. 297.

² Там же. С. 352.

³ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 94–95.

желчным, часто занудным. Шуток не любил и не понимал, а его редкие собственные попытки пошутить выглядели натужными, искусственными»¹. Не случайно поэтому, тосты Молотова, которые он произносил на кремлевских приемах, как правило, не отличались остроумием, были официальными и однообразно-скучными.

Когда прием устраивался в честь участников республиканских декад искусства, роль тамады брал на себя действующий либо исполнявший обязанности председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР — П.М. Керженцев², А.И. Назаров³, М.Б. Храпченко⁴. Храпченко также являлся распорядителем стола на приеме участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда (29 мая 1940 г.)⁵.

В одном случае (на приеме 27 октября 1937 г., когда чествовали представителей подотчетного ему Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР) Л.М. Каганович вместе с В.М. Молотовым объявлял последовательность тостов. А 30 июля 1935 г., когда В.М. Молотов находился в отпуске, Каганович самостоятельно выступал в роли тамады. Однако Сталин критически воспринял попытки Л.М. Кагановича «определить» его место в истории революционного движения, которые были предприняты в приветственном слове на данном приеме. Каганович произвольно ввел образы *двух* «машинистов революции» — Ленина и Сталина. Это они, по словам народного комиссара путей сообщения СССР, «поставили на рельсы и повели вперед локомотив революции», внимательно следя за тем, чтобы «в пути не было перекоса вправо и влево», освобождая магистраль от препятствий. Сталину, вероятно, показался политически «неправильным» тезис Кагановича о «двух машинистах» революции. В результате правки, внесенной вождем в текст стенограммы главы НКПС, Ленин, который вместе со Сталиным, по выражению Л.М. Кагановича, «ставил на рельсы локомотив революции»,

¹ Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 116.

² Правда. 1936. 23 марта, 26 мая; 1937. 14 янв., 1 июня.

³ Правда. 1938. 18 апр.

⁴ Правда. 1939. 6 июня, 5 нояб.; 1940. 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр.

⁵ Правда. 1940. 30 мая.

неожиданно «выпал» из него. В результате этой редакторской правки получалось, что теперь уже не два, а *один «машинист революции»* — Сталин самостоятельно избавлялся «от гнилых шпал» — «правых и левых оппортунистов и троцкистов»¹.

Два раза в роли тамады на больших кремлевских приемах выступил народный Комиссар обороны СССР С.К. Тимошенко², по одному разу: Г.К. Орджоникидзе³, А.А. Жданов⁴, С.М. Будённый⁵, С.В. Кафтанов (председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР)⁶, Н.М. Шверник⁷.

Порой вести стол приходилось кому-либо из «виновников торжества». Так, на приеме «папанинцев» вначале тосты провозглашал Молотов. Затем он предложил быть тамадой О.Ю. Шмидту. Судя по воспоминаниям С.О. Шмидта, во время кремлевских приемов групповых тостов и перехода на другие места не наблюдалось. Исполнялся некий ритуал, но делалось это достаточно медленно, причем весь ход приема управлялся из президиума. О.Ю. Шмидт, назначенный тамадой на банкете в честь «папанинцев», со свойственной ему ассоциативностью мышления и быстрой реактивностью, пытался как-то связать здравицы по заранее распределенному порядку с содержанием концертных номеров. Так, после украинской песни, исполненной тенором Большого театра И.Д. Жаданом, тамада «заговорил о многонациональном государстве, особенностях национальных культур» и их взаимообогащении. Тамада упомянул о культуре армянского народа, после чего оказался вполне закономерным тост за здоровье члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна. О.Ю. Шмидт также провозгласил здравицу за секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева⁸.

¹ ЗРС. Док. № 11.

² Правда. 1941. 4, 6 мая.

³ Правда. 1936. 14 авг.

⁴ Правда. 1939. 28 июля.

⁵ Правда. 1939. 9 нояб.

⁶ Правда. 1938. 18 мая.

⁷ Правда. 1949. 24 дек.

⁸ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 279.

Как следует из мемуарных источников, во время больших кремлевских приемов обыкновенно велись непринужденные разговоры за главным столом. Сидевшие в президиуме Сталин и члены Политбюро, по свидетельству С.О. Шмидта, как ни в чем ни бывало «разговаривали со своими соседями». В ходе банкета 25 июня 1937 г., увлекшись беседой с В.М. Молотовым, академик О.Ю. Шмидт даже не отреагировал на то, что Сталин касался его плеча, настойчиво желая обратить на себя внимание. Как позднее разъяснял своему сыну известный полярный исследователь, глава Советского правительства назвал в ходе импровизированной застольной беседы в Кремле имена тех партийных и государственных функционеров высшего звена, которые были арестованы как «враги народа»¹.

И.Д. Папанин подробно изложил в мемуарах содержание своего диалога с вождем, который происходил за столом президиума. Суть его состояла в том, что несмотря на все трудности, «папанинцы» выполнили с честью возложенную на них исследовательскую работу на Северном полюсе, а Сталин внимательно следил за экспедицией и переживал за ее членов. Узнав, что в Георгиевском зале находится отец И.Д. Папанина, вождь «тоже пригласил его к столу президиума и очень ласково встретил»². А на приеме 5 мая 1939 г. Сталин усадил рядом с собой летчика А.К. Серова и долго беседовал с ним³.

Порой во время больших кремлевских приемов при непосредственных контактах со Сталиным и его ближайшими соратниками приглашенные получали возможность разрешить текущие вопросы своей практической деятельности. Так, А.Г. Стаханов, имевший «кое-какие дела по депутатской линии» к Молотову, в ходе приема 17 мая 1938 г. написал ему записку с просьбой обсудить их. Через несколько минут Стаханов был приглашен к столу президиума. В.М. Молотов усадил его рядом с собой, спросил, какая у него просьба, и, выслушав суть вопроса, обещал помочь⁴.

¹ Там же. С. 274.

² Цит. по: ЗРС. С. 196–197.

³ *Кравченко Т.Ю.* Указ. соч. С. 57.

⁴ Встречи с товарищем Сталиным. С.31.

Е.С. Громов уверял, что во время кремлевских приемов участникам республиканских декад искусства «объявлялось о даруемых наградах»¹. На самом деле, как уже отмечалось выше, об этом сообщалось не во время банкета, а, как правило, на другой день. Решения о награждении орденами и медалями деятелей республиканской культуры, а также о размере предназначавшихся им денежных премий проводилось через Политбюро ЦК ВКП(б) по представлению руководства конкретной республики. Совместно с СНК СССР по завершении очередной республиканской декады искусства Политбюро принимало постановления о выделении бюджетных средств на строительство театров, концертных залов, а также жилых домов для деятелей культуры союзных и автономных республик — участников декады².

В архиве сохранился интересный рукописный документ, озаглавленный «Порядок выступлений в Кремле (17/VI — 40 г.)». Он состоит из 4-х пунктов: «1. Открывает — М.Б. Храпченко. 2. Александровская (ст. 2)³. (Сталин). 3. Владомирский (ст. 4), нар[одный] артист БССР (Молотов). 3. Жданович (ст. 4). (Калинин)»⁴. При сравнении цитированного документа с официальным газетным отчетом о приеме участников декады белорусского искусства в Москве⁵ легко установить, что в этом документе намечена последовательность выступлений на упомянутом банкете. Действительно, застолье открылось выступлением М.Б. Храпченко, который предоставил слово народной артистке БССР Л.П. Александровской, провозгласившей в конце своего небольшого выступления тост за Сталина. Затем слово было предоставлено народному артисту БССР В.И. Владомирскому, поднявшему бокал за здоровье В.М. Молотова. Наконец, еще одна участница декады белорусского искусства, заслуженная артистка БССР И.Ф. Жданович предложила тост в честь М.И. Калинина.

¹ Громов Е.С. Указ. соч. С. 330.

² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний... Т. 2. С. 831, 867–868, 967, 1093; Т. 3. М., 2001. С. 64, 112, 189.

³ Скорее всего, в данном случае указан номер гостевого стола в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 18. Л. 130.

⁵ Правда. 1940. 18 июня.

Следует отметить, что подобный «сценарий», предполагавший последовательность тостов на кремлевских приемах в честь участников республиканских декад искусства, с указанием фамилий Сталина, Молотова и Калинина, во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. соблюдался неукоснительно¹.

По утверждению Ю.Б. Елагина, присутствие в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца общительных, нарядно одетых, красивых артистов а в особенности, привлекательных актрис, в какой-то степени сглаживало «натяннутость и напряженность обстановки, для каковых было, конечно, достаточно причин»². Одна из таких причин — наличие на приемах сотрудников органов НКВД, которые осуществляли охрану. Практически все участники банкетов единодушно отмечали, что чекисты не только проверяли их документы у кремлевских ворот, но и неизменно присутствовали среди приглашенных в Георгиевском зале.

Чекистов в Георгиевском зале во время приемов было предостаточно, и они бдительно несли свою службу. И.А. Моисеев, который с 1938 г. постоянно приглашался на банкеты в Кремль, утверждал, что вместе с гостями за каждым столом сидело по два охранника³. По свидетельству С.О. Шмидта, на приеме в честь «папанинцев» в зале «двигались или стояли крепкие мужчины, кажется, в белых кителях с золотыми пуговицами». Они подавали угощение и строго следили за порядком. Если кто-либо из гостей за столом «принимал лишнего» и начинал говорить чересчур громко, эти «крепкие мужчины» тут же выводили «нарушителя спокойствия» из зала⁴.

Солистка Ансамбля песни и пляски при клубе НКВД Н.В. Черменская (Алексеева) по окончании праздничного концерта обратила внимание на то, что в Георгиевском зале было очень много сотрудников охраны в штатском. Вначале эти люди «помогали гостям занять места за столами, потом

¹ Правда. 1938. 18 апр., 1939. 6 июня; 1940. 31 окт.; 1941. 23 апр.

² Елагин Ю.Б. Указ. Соч. С. 328.

³ Моисеев И.А. Указ. соч. С. 47.

⁴ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 278.

присматривали за порядком»¹. Наконец, Э. Муратов свидетельствовал, что несмотря на большое количество гостевых столов в этом парадном помещении по торцам каждого стола «сидели командиры НКВД»².

Сотрудники НКВД, присутствовавшие на сталинских застольях, выполняли и другую, весьма деликатную функцию. Участник кремлевского банкета сообщал в ходе опроса, проводившегося в рамках Гарвардского проекта, что за каждым столом сидел один человек, которого не знали трое других, размещавшихся за этим же столом. Этот одетый в приличный гражданский костюм человек являлся сотрудником НКВД³. Н.Г. Лященко вспоминал, что на приеме 5 мая 1941 г. за каждым столом, помимо военных, сидели «люди в гражданском». Они не пили спиртного, «а только немного ели и в основном слушали», о чем говорят соседи⁴. По свидетельству И.А. Моисеева, таких чекистов было двое. Приглашенные на банкет имели право двигаться в сторону от президиума как угодно, но малейшее движение в сторону главного стола немедленно пресекалось охраной⁵. Помимо этого, в Георгиевском зале у каждой двери стоял охранник, а окна были закрыты порттьерами⁶.

Участники банкетов в Кремле вспоминали, что никому не разрешалось подходить близко к Сталину в ходе застолья, а по его окончании охрана сопровождала гостей на выход. При этом проходить мимо «главного стола», т.е. стола президиума, категорически запрещалось⁷.

Однако такой порядок, скорее всего, установился ближе к концу 1930-х гг. Во всяком случае, согласно газетному отчету о кремлевском приеме 2 мая 1935 г. за подписью Н.И. Бухарина, Сталин сам по-хозяйски обходил все парадные залы Большого Кремлевского дворца, лично приветствуя собравшихся

¹ *Алексеева Н.В.* Указ. соч. С. 68.

² *Муратов Э.* Указ. соч. С. 284.

³ ГР.

⁴ *Лященко Н.Г.* Указ. соч. С. 22.

⁵ *Моисеев И.А.* Указ. соч. С. 47.

⁶ ГР.

⁷ ГР.

на застолье представителей командного состава РККА. По завершении приема «папанинцев» 17 марта 1938 г., сфотографировавшись с ними и с членами их семей на память¹, Сталин покинул Георгиевский зал. Они подумали, что вождь пошел на выход, в вестибюль, и отправились вслед. Что при этом делала охрана, неясно, однако члены семей «папанинцев», шедшие следом за Сталиным, неожиданно очутились... на кухне. Оказалось, что он пришел поблагодарить поваров за отличный ужин².

На банкетах в Кремле имело место и прямое общение Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б) с «виновниками торжества», когда в нарушение установившегося порядка им предоставлялась возможность свободно двигаться в сторону президиума, минуя охрану.

В начале банкета 25 июня 1937 г. участники перелета через Северный полюс, согласно воспоминаниям В.С. Молокова, устроились было в сторонке, однако к ним подошли «два товарища и сказали, что командиров кораблей просят пересесть за правительственный стол»³. После тоста К.Е. Ворошилова все летчики, оказавшиеся за столом президиума, встали и поочередно чокались с членами Советского правительства и со Сталиным⁴.

На этом же приеме после оглашения указа о присвоении званий Героев Советского Союза участникам полярной экспедиции каждый из них, услышав свою фамилию, должен был

¹ На фотографии Я. Халии (Союзфото) изображены: Н.П. Кренкель (супруга Э.Т. Кренкеля), К. Папанина (супруга И.Д. Папанина), Д.Н. Папанин (отец И.Д. Папанина), И.Д. Папанин, Сталин, А.В. Федоров, К.Н. Федоров (отец Е.К. Федорова), Е.К. Федоров, И.Я. Ширшова (мать П.П. Ширшова), Н.Д. Ширшова (супруга П.П. Ширшова), Э.Т. Кренкель, М.Я. Кренкель (мать Э.Т. Кренкеля), И.М. Москвин, М.В. Водопьянов, С.А. Федорова (мать Е.К. Федорова), П.П. Ширшов (отец П.П. Ширшова), П.П. Ширшов (Правда. 1938. 19 марта).

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 236.

³ В ходе большого кремлевского приема за стол президиума были приглашены участники беспосадочного перелета по маршруту Москва — Северная Америка В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко (Встречи с товарищем Сталиным. С. 104).

⁴ Встречи с товарищем Сталиным. С. 67.

подойти с рюмкой в руке к столу президиума, где размещались члены правительства. Когда один из «виновников торжества», М.И. Шевелёв, тридцатидвухлетний авиационный командир «мальчишеского вида», приблизился к главному столу, к нему обратился тамада К.Е. Ворошилов, удивившийся молодому возрасту летчика. Растерявшийся Шевелёв воспринял это как своеобразный упрек в свой адрес, однако быстро нашелся. Он заявил в ответ на реплику Ворошилова: «Товарищ народный комиссар, это пройдет!». Остроумный ответ вызвал адекватную реакцию Ворошилова и Сталина, которые начали смеяться. Их примеру последовали все находившиеся в зале. Однако вначале большинство гостей не могли понять, что же происходит. И лишь когда смех затих, к Шевелёву стали подходить участники приема с рюмками и чокаяться¹.

На банкете 29 октября 1937 г. Сталин беседовал с горняками и металлургами, подзывая к столу президиума одного за другим². А в ходе приема 17 марта 1938 г. он свободно общался не только с самими «папанинцами», но и с их женами, провозглашая здравицы за каждую из них. Во время банкета 28 октября 1938 г. члены экипажа самолета «Родина», войдя в Грановитую палату, тут же направились к столу, за которым находился Сталин. М.М. Раскова, не сдержав волнения, неожиданно расплакалась. Чтобы успокоить летчицу, вождь погладил ее по голове³.

По свидетельству Н.Е. Вирты, на приеме участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.) Сталин вообще «был необыкновенно оживлен, весел, хлебосолен». Особое внимание вождь проявил к «виновникам торжества», деятелям культуры Таджикистана. В то же время он «все время ходил между гостей, вокруг него немедленно образовывались группы, и он говорил со всеми приветливо и сердечно». Н.Е. Вирта вспоминал: Сталин «то предлагал всем танцевать, то с удовольствием слушал знаменитого певца и аплодировал его рокочущему басу, не переставая напоминать <...> об угощении, разговаривал о Гамлете с актерами МХАТ, о политике

¹ Шевелёв М.И. Указ. соч. С. 86—87.

² Встречи с товарищем Сталиным. С. 30.

³ Отечественная история. 2003. № 3. С. 54.

и литературе, о строительстве одного большого завода, о кинокартинах и пьесах, о международных делах»¹.

Описанные выше случаи вполне соответствовали церемониалу больших кремлевских приемов, ибо преодоление незримой «полосы отчуждения», существовавшей между столом президиума и гостевыми столами и бдительно оберегавшейся охраной, происходило здесь по инициативе хозяев (самого Сталина и его ближайшего окружения). Однако имели место и случаи иного рода, когда инициативу проявлял и пытался приблизиться к тому месту, где находились хозяева банкета, кто-либо из гостей, находившихся в Георгиевском зале.

На больших кремлевских приемах подобного рода «казусы и инциденты» были отнюдь не единичными. Одно из наиболее ярких доказательств этого — импровизированные диалоги между Сталиным и летчиком В.П. Чкаловым. Первый из них имел место на банкете 20 января 1938 г., где вождь выступил с застольной речью. Стенограф А.А. Хатунцев зафиксировал следующее сталинское признание: «Всё что угодно, могу пойти на любые уступки, но чтобы наших летчиков обижали, этого я не могу допустить». Далее, судя по стенограмме, под бурные аплодисменты присутствующих вождь провозгласил: «За наших соколов, за летчиков, за людей, которые первыми должны принять удар в случае войны и которые последними отступят! За наших летчиков, за то, чтобы все мы их любили, чтобы мы о них заботились».

И тут совершенно неожиданно сталинская застольная речь была прервана репликой В.П. Чкалова. Он взял на себя смелость заявить от имени всех летчиков: «Мы никогда ни перед кем не отступим!». Вероятно, подобный кураж казался Чкалову вполне обоснованным и допустимым. Ведь к этому времени его популярность достигла небывалого размаха. Чкалов, как уже отмечалось, неоднократно лично встречался с вождем, причем не только в его рабочем кабинете, но и на больших кремлевских приемах.

Самому Сталину, естественно, вряд ли могло понравиться, что его застольная речь была прервана. Но поначалу он никак не выказал своего недовольства. Вождь лишь счел необходимым

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 17.

несколько скорректировать реплику неожиданного оппонента: «Чкалов ошибается», — заметил Сталин. Далее последовало сталинское наставление, суть которого сводилась к следующему. Как учил Ленин, армия, которая способна лишь наступать, а не умеет организовать отступление, обречена на поражение. Подчеркнув, что авиация занимает в Вооруженных Силах исключительное место, вождь предложил всем присутствующим выпить за летчиков, «которые идут в наступление первыми и которые, в случае необходимости, отступают последними!». Обратившись после этого уже к В.П. Чкалову, Сталин выразил уверенность: «...мы друг друга поняли». В заключение своей застольной речи, столь неожиданно прерванной Чкаловым, он еще раз предложил выпить за здоровье летчиков¹.

Аналогичный импровизированный диалог между Сталиным и В.П. Чкаловым возник на приеме 17 марта 1938 г. Его невольными свидетелями опять оказались сотни гостей, приглашенных на банкет в Георгиевский зал. Помимо стенограммы А.А. Хатунцева данный казус зафиксирован в дневниковой записи Л.К. Бронтмана от 7 мая 1938 г., перу которого принадлежал официальный газетный отчет об этом банкете (см. *Приложение № 3*). Бронтман предварительно сверил собственные записи, которые он вел на упомянутом приеме, с записями, сделанными во время него другим корреспондентом «Правды». Большую ценность представляют воспоминания С.О. Шмидта, который также имел возможность вблизи наблюдать то, что происходило на приеме «папанинцев».

На основании имеющихся вариантов записей диалога между Сталиным и Чкаловым, зафиксированных очевидцами, можно попытаться восстановить картину происходившего в Георгиевском зале 17 марта 1938 г.

По словам отца П.П. Ширшова, присутствовавшие на банкете гадали, «выступит товарищ Сталин или нет». Наконец, тамада В.М. Молотов предоставил слово Сталину. «И вот Иосиф Виссарионович придвинул к себе микрофон, — вспоминал в 1940 г. Ширшов-отец. — Он говорил, как всегда не спеша, без всякой витиеватости, четко и внятно»². Вождь начал

¹ ЗРС. С. 174—175.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 235.

свою застольную речь с похвалы в адрес Чкалова, назвав его человеком способным и талантливым, «каких мало не только у нас, в СССР, но и во всем мире». Затем Сталин вернулся к «героям дня», участникам папанинской экспедиции на Северный полюс. Он говорил о героизме вообще и о героизме советских людей в частности, который невозможно оценить деньгами, даже в валюте. Сталин призвал ценить людей «не на рубли» и тем более, «не на доллары», как это делалось «на Западе», и даже убеждал «не пресмыкаться» и «не заискивать» перед «западниками».

Неожиданно вождь вновь вспомнил о В.П. Чкалове: «Я еще не кончил. Товарищ Чкалов говорит — “готов умереть за Сталина”. Замечательно способный человек товарищ Чкалов, талант...»¹. Но не успел вождь завершить свою фразу, в которой давал высокую оценку личных качеств выдающегося летчика, как сам герой неожиданно поднялся из-за своего стола и направился в сторону президиума. С.О. Шмидт свидетельствовал: «И вдруг эту напряженную и даже утомляющую размеренность (приема. — *В.Н.*) нарушил сильно подвыпивший летчик Чкалов... *Он выскочил к столу президиума* (выделено мной. — *В.Н.*)...». Появление с бокалом в руке «самого любимого летчика страны» показалось С.О. Шмидту даже уместным. В.П. Чкалов, по его свидетельству, «чувствовал себя как дома, явно ощущал симпатию самого Сталина, был даже, кажется, в унтах. Могучая, очень широкая фигура его на фоне стола президиума казалась монументально богатырской»².

Как и во время приема 20 января 1938 г., В.П. Чкалов осмелился прервать застольную речь Сталина. Судя по стенограмме А.А. Хатунцева, летчик безапелляционно заявил: «За Сталина умрем!»³. Данная реплика зафиксирована и в упомянутой дневниковой записи Л.К. Бронтмана. С этого момента внимание всех присутствующих в Георгиевском зале переключилось на Сталина и на Чкалова. Все с нетерпением ждали, чем всё закончится...

¹ Цит. по: ЗРС. С. 192.

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 279.

³ ЗРС. С. 192.

Адекватный ответ вождя на чкаловский некорректный выпад не заставил себя ждать. По свидетельству С.О. Шмидта, Сталин устроил своеобразный мини-спектакль, уже имея прекрасное представление о манере поведения известного летчика на кремлевских банкетах¹. Для начала он попробовал деликатно урезонить разгоряченного алкоголем В.П. Чкалова: «Я считаю, что оратора перебивать не стоит».

Пикантность ситуации заключалась в том, что, как уже отмечалось, Чкалов вновь позволил себе прервать застольную речь вождя, чем и объяснялось мягкое по форме и вместе с тем вызвавшее одобрительный смех в зале сталинское замечание в его адрес. Судя по стенограмме А.А. Хатунцева, после этого Сталин продолжил застольное выступление и с иронией заявил следующее:

«Я очень извиняюсь за грубость, меня некоторые вообще считают грубым, — умереть всякий дурак способен (общий смех, аплодисменты). Умереть, конечно, тяжело, но не так уж трудно. Есть же у нас самоубийцы, которые умирают, но далеко не герои.

Я пью за тех, которые хотят жить (горячая овация), жить как можно дольше, за победу нашего дела!»².

Аналогичным образом сталинский тост-реплика, последовавший вслед за пафосным восклицанием В.П. Чкалова, изложен в дневнике Л.К. Бронтмана:

«Простите меня за грубое выражение, умереть всякий дурак способен. Умереть, конечно, тяжело, но не так трудно... Я пью за людей, которые хотят жить! Жить, жить как можно дольше, а не умереть» (см. *Приложение № 3*).

Однако эта новая здравица, которая, по существу, шла вразрез с лозунгом Чкалова «Умереть за Сталина!», лишь подзадорила захмелевшего летчика. Видимо, уже не надеясь лишь на собственную аргументацию, он обратился к присутствовавшим в Георгиевском зале другим пилотам — Героям Советского Союза. В стенографической записи А.А. Хатунцева данное обращение В.П. Чкалова выглядит следующим образом: «От имени всех Героев Советского Союза заверяю товарища Ста-

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 280.

² Цит. по: ЗРС. С.192.

лина, что мы будем так драться, как даже он не знает (Чкалов сзывает всех присутствующих Героев Советского Союза)»¹.

По свидетельству С.О. Шмидта, Чкалов обращался к группе лиц, в основном летчиков, сидевших за небольшими столиками, в то время как находившиеся в президиуме О.Ю. Шмидт и И.Д. Папанин, также являвшиеся Героями Советского Союза, «кажется, оставались на своих местах»². В какой-то мере данное свидетельство подтверждается дневниковой записью Л.К. Бронтмана. Вышеописанный эпизод, вызвавший снисходительную улыбку вождя, изложен в ней следующим образом:

«Чкалов: От имени всех героев (Советского Союза. — *В.Н.*) заверяю Сталина, что будем драться за него так, что он даже сам не знает. Водопьянов, Громов, Байдуков, Юмашев, Данилин, Молоков, все герои, сидящие здесь в зале, идите все сюда, идите к Сталину, будем драться за Сталина, за сталинскую эпоху.

(Со всех сторон зала идут Герои Советского Союза — богатыри родины и становятся стеной около Сталина. Зал грохочет и неистовствует)» (см. *Приложение № 3*).

Итак, В.П. Чкалов во всеуслышание обратился к присутствовавшим в зале летчикам — Героям Советского Союза, которые дружно приблизились к столу президиума и «стеной стали» рядом со Сталиным (неясно лишь, какова была реакция сталинской охраны на этот неожиданный маневр).

В ответ на столь некорректный с точки зрения застольного церемониала выпад Чкалова вождь, которого, вероятно, начало раздражать вызывающее поведение пилота, заметил, что еще не закончил свое выступление. Вслед за этим Сталин произнес тост, который был встречен аплодисментами присутствующих. В интерпретации А.А. Хатунцева он звучал следующим образом: «За здоровье тех героев — старых, средних и молодых — и за здоровье той молодежи, которая нас, стариков, переживут с охотой!»³. Аналогичным образом излагался данный сталинский тост в дневниковой записи

¹ ЗРС. С. 192.

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 280.

³ ЗРС. С. 192.

Л.К. Бронтмана: «За здоровье всех героев — старых, средних, молодых, за здоровье той молодежи, которая нас стариков переживет с охотой» (см. *Приложение № 3*).

Однако В.П. Чкалов не уgomонился. Хрипловатым голосом он провозгласил, что готов отдать жизнь за Сталина, при этом попытался эмоционально обосновать свою мысль, как бы призывая окружающих поддержать его стремление. Естественно, тут же последовали бурные аплодисменты, в восторге гости вскочили с мест¹.

В стенограмме А.А. Хатунцева по данному поводу отмечено:

«ЧКАЛОВ. Никто из присутствующих здесь не захочет пережить Сталина (возгласы одобрения). Никто от нас Сталина не отнимет, никому не позволим Сталина от нас отнять. Мы можем сказать смело: надо легкие отдать, — отдадим легкие Сталину, сердце отдать — отдадим сердце Сталину, ногу отдать — ногу отдадим Сталину»².

А в дневнике Л.К. Бронтмана данный эпизод изложен так:

«Чкалов: Я прошу слова. От имени присутствующих здесь заявляю: никто не захочет пережить Сталина. Никто не отберет у нас Сталина! За Сталина мы готовы отдать всё! Сердце надо — отдадим сердце, ноги надо — ноги, руки надо — отдадим руки» (см. *Приложение № 3*). Как вспоминал Н.С. Власик, эмоциональный Чкалов, рванув на груди гимнастерку, обратился к Сталину и воскликнул: «Не только жизнь, сердце мое отдаю вам!»³.

Конец диалога между вождем и знаменитым летчиком оказался, как верно подметил С.О. Шмидт, «впечатляющим». Чтобы убедиться в этом, достаточно вновь обратиться к стенограмме А.А. Хатунцева:

«СТАЛИН. Сколько вам лет?

ЧКАЛОВ. Мое сердце здоровее Вашего, и я отдам его Сталину.

СТАЛИН. Сколько Вам все-таки лет?

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 281.

² Цит. по: ЗРС. С. 192.

³ Цит. по: Логинов В.М. Указ. соч. С. 116.

ЧКАЛОВ. Тридцать три.

СТАЛИН. Дорогие товарищи большевики, партийные и беспартийные, причем иногда бывает, что непартийные большевики куда лучше партийных! Мне 58 лет, пошел 59-й. Товарищу Чкалову — *тлидцать тли* (шумный смех). Так вот, я вам советую, дорогие товарищи, не ставить себе задачу умереть за кого-либо. Это — пустая задача. Особенно за стариков, вроде меня. Самое лучшее — жить и бороться, бороться всюю во всех областях нашей хозяйственной и политической жизни, в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области культуры, в области военной. Не умирать, а жить и разить врагов (*бурная овация*).

Я пью за тех, которые, конечно, старикам и старушкам известный почет оказывают, но которые не забывают, что надо идти вперед от стариков и старушек. За людей, идущих вперед, за наших храбрых, мужественных, талантливых товарищей! За Чкалова, ему *тлидцать тли* года! (Смех, шум, аплодисменты)»¹.

Пересказ тоста Сталина А.А. Хатунцевым в основном корреспондирует с тем, что сумел зафиксировать Л.К. Бронтман:

«Сталин: Сколько вам лет?

Чкалов: 33.

Сталин: Дорогие товарищи большевики, партийные и непартийные! К слову сказать, иногда непартийные большевики лучше партийных. Бывает. Мне 58, пошел 59-й. Тов. Чкалову — 33.

Мой совет, дорогие товарищи, не ставить задачу умирать за кого-нибудь, особенно за старика.

Лучше жить, бороться и жить, бороться во всех областях — промышленности, сельского хозяйства, культуры; не умереть, а жить, жить и разить врагов, жить, чтобы побеждать.

Я пью за тех, кто не забывает идти вперед за нашу правду, таланты и смелость, *за молодых*, потому, что в молодых сила, за Чкаловых! (тут, как следует из дневника Л.К. Бронтмана, Сталин сделал паузу, а затем закончил фразу, нарочито картая. — В.Н.) — потому, что ему *тлидцать тли* года! (*овация*)» (см. *Приложение № 3*).

¹ Цит. по: ЗРС. С. 192–193.

По всей вероятности, Сталин уже не скрывал раздражения от демонстрируемой В.П. Чкаловым близости к нему и от неудачной попытки летчика доказать свою преданность уверениями в готовности не только пожертвовать любимому вождю жизненно важные органы, но и умереть за него. Скорее всего, именно поэтому он язвительно поддразнивал Чкалова (например, нарочито картавил, называя возраст героя-летчика: «тлитцать тли» года). Вполне вероятно, что Сталин, сравнивая свой возраст с возрастом Чкалова (вождь был на 26 лет старше), стремился показать превосходство собственного жизненного опыта над молодой горячностью. Позднее, узнав в ходе личного разговора с другим собеседником, авиаконструктором А.С. Яковлевым, что ему 33 года, вождь отреагировал аналогичным образом: «*Тлитцать тли*, — шутит он, желая подчеркнуть мое “младенчество”». — Это хорошо»¹.

Таким образом, Чкалов, осознавая свое положение всенародного героя и кумира и близость к Сталину, на кремлевском приеме в честь «папанинцев» вольно или невольно нарушил церемониал: он перебил сталинскую застольную речь, без всякого приглашения «выскочил» к столу президиума; стал «зазывать» за собой других Героев Советского Союза; наконец, попытался фамильярничать с генсеком. В свою очередь, Сталин постарался разрядить ситуацию и восстановить нарушенный порядок застолья. Вначале он предпринял попытку успокоить «не уgomонившегося» Чкалова. Но когда эта затея не удалась, то, если верить Л.К. Бронтману, произошло следующее. Сталин вместе с Чкаловым удалился в соседний зал (хотя сам Бронтман этого не видел и ссылаясь на других очевидцев). Вернувшись, вождь взял слово и сказал: «Чкалов человек способный, талантливый, самородок..., он взял меня в свои секретари. Что ж остается делать — я согласен». В конце приема Сталин прошелся вдоль столов, что-то отыскивая. Наконец, заметил бутылку нарзана, приблизился к месту, где сидел Чкалов, «отодвинул в сторону графин с коньяком, поставил перед ним нарзан и сказал: “Пей!”» (см. *Приложение № 3*).

В конечном счете, нарушение известным летчиком церемониала и этикета кремлевского приема не имело для

¹ Яковлев А.С. Указ. соч. С. 158.

него никаких последствий. Несмотря на то, что В.П. Чкалов дерзнул прервать сталинскую застольную речь, вождь (уже в который раз) отнесся к этому снисходительно и лишь акцентировал внимание собравшихся на молодом возрасте смельчака, а также указал на его излишнюю горячность. Однако в дальнейшем Сталин не упускал случая публично подтрунить над прославленным летчиком. Так, по свидетельству сотрудника наркомата обороны В.С. Емельянова, на приеме экипажа самолета «Родина» вождь дважды обращался к Чкалову. В начале банкета, когда «виновницы торжества» Гризодубова, Осипенко и Раскова под аплодисменты присутствующих появились в зале, Сталин, повернувшись к нему, задал риторический вопрос: «Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?». Засмеявшись, тот ответил: «Много есть еще на земле “белых пятен”, есть еще куда слетать, товарищ Сталин!».

Этот же вопрос вождь задал по завершении своей небольшой застольной речи. В памяти В.С. Емельянова надолго отложился кульминационный момент сталинского застольного выступления «В зале стояла абсолютная тишина. Все с напряженным вниманием слушали оратора. Сталин сделал паузу и с каким-то необычным юмором закончил: “Сегодня женщины отомстили нам, мужчинам. Что теперь ты, Чкалов, делать будешь?”». На сей раз вопрошаемый предпочел промолчать: «Раздался всеобщий смех, звенели бокалы с вином, застучали ножи и вилки»¹.

Возвращаясь к происходившему на приеме в честь «папанинцев», следует привести воспоминания С.О. Шмидта, проливающие свет на поведение самого Сталина на нем. В сталинском выступлении были «явственно заметны признаки экспромта», чувствовалась даже несвойственная его известным речам «недостаточная организация материала». С.О. Шмидт предполагал, что вождь «до того уже и подвыпил». Так или иначе, но его выступление на банкете в честь «папанинцев» «скорее напоминало речи на дачных застольях в сравнительно небольшом кругу лиц, чем на большом официальном приеме в Кремле». О.Ю. Шмидт, не раз до этого

¹ Отечественная история. 2003. № 3. С. 54.

присутствовавший на подобных приемах, не мог припомнить, чтобы Сталин «там в такой манере и столь долго говорил». С.О. Шмидт объяснял подобное необычное поведение вождя необходимостью получить разрядку «после напряжения в дни московского судебного процесса» 1938 г.¹

Подобное объяснение мотивации сталинского поведения на кремлевском приеме в честь «папанинцев», несомненно, заслуживает внимания. После вызвавшей всеобщий смех здравицы в честь Чкалова, которому «тлидцать тли года», вождь произнес еще несколько тостов — реплик. По форме они выглядели как своеобразные комментарии на тему высказываний других участников банкета. Причем, как свидетельствовал С.О. Шмидт, «Хозяин (т.е. Сталин. — *В.Н.*) явно разошелся»².

Вначале вождь позволил себе «маленькую поправку» к тосту академика Шмидта, обращенного к летчику В.С. Молокову. Смысл ее сводился к тому, что Молоков — один из героев, скромных и простых, которые боятся излишнего шума, света и блеска. Далее Сталин предложил выпить за «людей, которые чувства народные передают на сцене»: «За Москвина! (Привлекает Москвина к себе) «Таперича он попался, не уйдет от нас»³.

Однако не всегда Сталин был столь снисходителен к тем, кто, подобно Чкалову, осмеливался прерывать его выступления и, более того, имел дерзость оспаривать их содержание. В этом смысле можно считать поучительным случай, который произошел на торжествах по случаю выпуска военных академий РККА 5 мая 1941 г.

Сталин выступил на этих торжествах с сорокаминутной речью, в которой, в частности, обрисовал состояние боеготовности и боеспособности Красной армии. Вождь убеждал присутствующих в том, что в техническом оснащении войск произошли несомненные изменения, однако, по его мнению, учебные программы военных академий отставали от насущных требований дня. Целый абзац сталинской речи был посвящен разъяснению сути подобного отставания. Сталин, например, утверждал, что обучение в военных академиях

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 279–280.

² Там же. С. 281.

³ ЗРС. С. 193.

проводится на старой технике. В качестве примера он привел Артиллерийскую академию, где «обучают на трехдюймовой пушке». Сталин пояснил: «У меня есть знакомый, который учился в Артиллерийской академии. Я просматривал его конспекты и обнаружил, что тратится большое количество времени на изучение пушки, снятой с вооружения в 1916 году. Он считает, что такая практика недопустима». После этого вождь обратился к аудитории с вопросом: «Так, товарищи артиллеристы?».

Совершенно неожиданно для Сталина из первых рядов находившихся в Зале заседаний последовала реплика начальника Артиллерийской академии генерал-лейтенанта А.К. Сивкова, который пытался возразить вождю, заявив, что обучение в ней ведется на современной технике. Попытка Сивкова оправдаться и возразить в ответ на замечание вызвала раздражение Сталина. Вождь строго одернул генерала: «Прошу меня не перебивать. Я знаю, что говорю. Я сам читал конспекты слушателя вашей Академии». И это заявление не было голословным: старший сын Сталина Я.И. Джугашвили (присутствовавший на торжествах в Кремле 5 мая 1941 г.) обучался в Артиллерийской академии и показывал отцу свои конспекты. Именно так Сталину удалось выяснить, что слушатели академии обучались «на старой технике».

Скорее всего, вождь не простил А.К. Сивкову его дерзости. По завершении официальной части, уже в ходе кремлевского приема выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Сталин среди других здравниц провозгласил тост «за здоровье артиллеристов». Он назвал артиллерию самым важным родом войск, «богом современной войны», поскольку ею оснащены и пехота, и танки, и самолеты. После этой здравницы генералы-артиллеристы приблизились к правительственному столу, однако охрана отсекала начальника Артиллерийской академии А.К. Сивкова и не дала ему подойти к Сталину, чтобы чокнуться с ним. А спустя несколько дней по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) Сивков был отстранен от своей должности¹.

¹ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 – 1941 гг. М., 1997. С. 169, 170, 174, 180.

Говоря о церемониале и этикете больших кремлевских приемов, нельзя обойти вниманием деликатный вопрос о том, как относились к алкогольным напиткам Сталин и его ближайшие соратники.

Уже упоминавшаяся активистка женского движения З.Н. Немцова, вспоминая о застолье в Кремле в честь Дня 8 марта утверждала: «Не знаю, когда появилась легенда (sic! — *В.Н.*), что Сталин пьет исключительно грузинское вино — он пил тогда (в начале 1930-х гг. — *В.Н.*) водку»¹.

Однако это категорическое заявление не подтверждается, а, наоборот, опровергается свидетельствами других очевидцев и участников событий. Судя по имеющимся источникам, Сталин старался на банкетах в Кремле соблюдать меру, во всяком случае, документально не зафиксировано ни одного случая, когда бы он «перебрал лишнего». С этой целью он выработал специфическую манеру потребления алкогольных напитков, которая давала ему возможность сильно не пьянеть. По свидетельству В.С. Молокова, вождь ревностно следил за тем, чтобы участники приемов «пили до дна», а сам старался лишь немного «пригубить» из своего бокала. По этому поводу Молоков замечал: «Не выпивать же ему весь бокал при каждом из бесчисленных тостов!»². С.О. Шмидт вспоминал, что Сталин пил красное вино, а на столе рядом стояли бутылки с минеральной водой³. Ему вторил Э. Муратов, который заметил, что после очередного тоста вождь «выпил вино из фужера». «Так как вино пенилось, я подумал, что это шампанское», — вспоминал Муратов. Однако, поскольку официанты наливали из бутылок, завернутых в салфетки, определить точно, какое именно вино пьют хозяева (Сталин и члены Политбюро), а также гости, Э. Муратов так и не смог⁴. А.Е. Голованов утверждал, что «никогда не видел Сталина нетрезвым»⁵.

¹ *Глотов С.* Указ. соч. С. 7.

² Встречи с товарищем Сталиным. С. 68.

³ *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 274.

⁴ *Муратов Э.* Указ. соч. С. 284.

⁵ Главный маршал авиации Александр Голованов: Москва в жизни и судьбе полководца. М., 2001. С. 303.

Что касается ближайших сталинских соратников, то К.Е. Ворошилов явно предпочитал вино водку: «перед ним на тарелке был куб масла, и после каждой стопки он отрезал кусок его»¹.

Злоупотреблял алкоголем А.А. Жданов². К концу своей жизни алкоголизмом явно страдал Н.И. Ежов. Факты свидетельствуют о том, что он пристрастился к пьянству еще на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Алкоголизм дал о себе знать в период пика и неожиданно быстрого заката стремительной карьеры Ежова³.

В литературе встречаются утверждения о пристрастии к алкоголю А.С. Щербакова, который якобы скончался от пьянства. Ссылаясь на свидетельства сослуживцев Щербакова, имевших возможность непосредственного общения с ним в домашней обстановке, его биограф А.Н. Пономарев категорически оспаривал такого рода утверждения⁴.

В целом, большие кремлевские приемы проходили по определенному сценарию, который постепенно установился во второй половине 1930-х гг. Размещение приглашенных в Большом Кремлевском дворце регламентировалось благодаря вручению каждому из них именного приглашения, в котором точно указывалось время и место. Лишь когда рассадка их за гостевыми столами завершалась, в Георгиевском зале появлялись хозяева — Сталин, члены Политбюро и Советского Правительства.

Основное действие в ходе самого приема происходило в Георгиевском зале. Стол президиума, за которым сидели Сталин и его соратники, находился в конце зала. Перпендикулярно ему располагались гостевые столы, за которыми, в зависимости от количества приглашенных, располагалось от 4-х до 20-ти и даже 30-ти чел. Помимо «виновников торжества», за гостевыми столами были и сотрудники НКВД

¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 274.

² Макарова Н.Н. Указ. соч. С. 296–297.

³ Там же. С. 303; Петров Н., Янсен М. Указ. соч. С. 29, 139, 148, 149, 166, 171, 172, 185, 190, 191, 196, 206–207, 217–218, 221, 230, 350, 351, 362, 366.

⁴ Пономарев А.Н. Александр Щербаков: Страницы биографии. М., 2004. С. 205.

(от одного до двух за каждым столом). Все гости получали именные пригласительные билеты с указанием номера стола и номера места за столом, что давало возможность упорядочить их размещение в Георгиевском и других парадных помещениях Большого Кремлевского дворца во время банкета.

Последовательность здравниц в ходе самого застолья соблюдалась благодаря тому, что их провозглашал тамада. В этой роли чаще всего выступали К.Е. Ворошилов (в бытность свою народным комиссаром обороны) и В.М. Молотов.

В ходе больших кремлевских приемов имело место прямое общение между хозяевами и гостями, хотя следует подчеркнуть, что в качестве «инициатора» подобного общения могли выступать только Сталин либо тамада, являвшийся, как правило, одним из представителей сталинского «ближнего круга».

Описанные выше редкие случаи нарушения установленного церемониала больших кремлевских приемов представляют особый интерес, поскольку ввиду скудости источниковой базы помогают «реконструировать» основные составные части этого церемониала.

4.3. Праздничные концерты

Составной частью больших кремлевских приемов были праздничные концерты.

Можно с уверенностью сказать, что, включая их в качестве составной части в церемониал этих приемов, организаторы торжественных застолий в Кремле действовали по образцу и подобию устроителей дипломатических раутов. К концу 1920-х гг. стали систематическими обеды от имени Народного комиссариата иностранных дел СССР, которые организовывались для глав дипломатических представительств и других членов дипкорпуса. Эти дипломатические рауты проводились «по полной протокольной программе», непременным атрибутом которой являлись выступления известных певцов, музыкантов и театральных актеров. Например, официальный обед, устроенный от имени Коллегии НКВД (6 мая 1926 г.) сопровождался небольшой концертной программой, в которой принимали участие певицы Н.А. Обухова, А.В. Нежданова, певец Л.В. Со-

бинов, балерина В.В. Кригер. 12 мая 1930 г. на аналогичном вечернем приеме силами театра Станиславского были поставлены первое действие опер «Пиковая дама» П.И. Чайковского и «Богема» Дж. Пуччини. Упомянувшийся выше дипломатический раут в итальянском посольстве (21 февраля 1934 г.) также сопровождался небольшой концертной программой¹.

По сходной «полной протокольной программе», т.е. с праздничными концертами, в которых участвовали ведущие актеры и музыканты, готовились и большие кремлевские приемы Сталина. Поначалу концерты, которыми сопровождались эти приемы, были довольно скромными. И лишь после завершения ремонта и перестройки внутренних помещений Большого Кремлевского дворца (1936 г.), когда в Георгиевском зале была выстроена специальная концертная эстрада (сцена), они стали по масштабам своих программ вровень с концертами, которые устраивались в Большом театре. По мнению О.В. Лепешинской, эта сцена оказалась очень удобной, во всяком случае, ей «танцевалось легко»². А.А. Редель, наоборот, утверждала: «Сцена там была очень высокая, и к ней вели ступеньки. Танцорам было неудобно, но капризничать никому не приходило в голову»³.

Со времени возникновения Комитета по делам искусств при СНК СССР (1936 г.) программы кремлевских концертов неизменно составлялись в этом Комитете, а затем шли на утверждение Председателя СНК СССР В.М. Молотова. Составление подобных программ, по словам Ю.Б. Елагина, «приняло солидный государственный размах»⁴.

16 мая 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение о передаче в ведение Комитета по делам искусств кукольных театров. Оно было принято в ответ на просьбу председателя Комитета П.М. Керженцева⁵. 2 января 1937 г. Политбюро рассматривало вопрос об утверждении решения СНК СССР, касающегося структуры Всесоюзного комитета по делам искусств. Согласно

¹ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 118, 119

² Лепешинская О. Указ. соч.

³ «Я запомнила свою лезгинку с Микояном»...

⁴ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 320.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1106. Л. 139.

этому решению, в непосредственное ведение Комитета передавались: Государственный Академический Большой театр Союза ССР (с филиалом); Московский Художественный Академический театр СССР им. Горького (с филиалом); Государственный Академический Малый театр (с филиалом); Государственный театр им. Вахтангова; Московский Государственный Еврейский театр; Государственный Академический театр Оперы и Балета им. Кирова в Ленинграде; Государственный Академический театр Драмы в Ленинграде. Помимо этого, в ведение Управления по делам искусств при Моссовете (являвшегося составной частью Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР) попадали: Государственный Оперный театр им. К.С. Станиславского; Государственный Музыкальный театр им. В.И. Немировича-Данченко; Московский Государственный Камерный театр; Государственный театр имени В.Э. Мейерхольда¹.

Оба вышеупомянутых решения существенно облегчали задачу организации правительственных концертов, которые устраивались в ходе банкетов в Кремле. Руководство Комитета по делам искусств теперь могло напрямую обращаться в нижестоящую инстанцию (дирекцию названных ведущих советских театров, которые поступили в его распоряжение), и «черпать» оттуда «творческие силы» в лице выдающихся актеров и актрис для этих концертов).

В случаях, когда в Большом Кремлевском дворце были представлены участники декад республиканского искусства, существовала своя специфика подбора репертуара, который предварительно утверждался республиканским ЦК компартии и СНК республики, а затем — Политбюро ЦК ВКП(б).

Так, в декаде киргизского искусства, согласно предварительной договоренности с Комитетом по делам искусств и с согласия Политбюро ЦК ВКП(б) должны были участвовать: Киргизский государственный музыкальный театр и коллектив Киргизской государственной филармонии. Силами этого театра и Государственной филармонии, как сообщал М.Б. Храпченко Сталину и Молотову, подготовлена концертная программа².

¹ Там же. Д. 1131. Л. 85

² Там же. Д. 1224. Л. 74.

На праздничных концертах, которыми сопровождалось кремлевские приемы, был представлен весь цвет советского исполнительского искусства. В них участвовало порой одновременно до 400—500 артистов и музыкантов¹. Здесь выступали певцы И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, М.О. Рейзен, певицы А.В. Нежданова, В.В. Барсова, В.А. Давыдова, Л.О. Утёсов, скрипач Д.Ф. Ойстрах, балерина О.В. Лепешинская, актер-кукольник С.В. Образцов, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением А.В. Александрова, танцевальный ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева, и многие другие.

По свидетельству А.А. Редель, перед кремлевскими выступлениями все их участники «волновались жутко, даже самые первые артисты — Качалов, Козловский, Барсова, Шпиллер, Лемешев, Лепешинская, Мессерер. Процедура была неизменна: у входа в зал забирали грим и костюмы и вели прямо за стол. Какая там еда перед концертом? Станцевав номер, мы возвращались строго на свои места — они обозначались в билете <...>. Рядом со сценой помещался огромный правительственный стол, затем артистические. По краям обязательно сидели бесцветные человечки, мы называли их «никтошками»².

Интересные воспоминания о том, как вели себя «никтошки», т.е. чекисты, во время кремлевского банкета, оставил И.В. Ильинский, номер которого (он читал рассказы А.П. Чехова) впервые был включен в программу праздничного концерта после выхода в свет кинофильма «Волга-Волга» (1938)³. Ильинский, естественно, очень волновался. «Когда выходил на сцену, — свидетельствовал артист, — несколько людей в штатском ощупали меня глазами, двое из них остались стоять за кулисами и неотступно следили за мной». От волнения Ильинский непрерывно вертел пуговицу на пиджаке и в конечном счете она оторвалась, запрыгала по сцене. Заметив, что артист все время что-то ищет глазами в зале, после окончания

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 332.

² «Я запомнила свою лезгинку с Микояном»....

³ Возможно, это был концерт на приеме 5 мая 1939 г (см. Приложение № 1).

номера к нему «подскочил один из молодых людей в штатском» и строго спросил: «Что вы там высматриваете?»¹.

Еще больший конфуз случился из-за излишней бдительности сотрудников личной охраны Сталина с киноактрисой Л.П. Орловой, приглашенной на прием участников Всесоюзного парада физкультурников 1939 г. Орлова исполняла на этом приеме три песни: из кинофильмов «Веселые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга». Когда концерт закончился, и его участники заняли свои места за гостевыми столами, Л.П. Орлова пожелала выпить за Сталина. Она поднялась, чтобы подойти к столу президиума. Однако несколько человек из охраны буквально метнулись ей навстречу, отчего Орлова была вынуждена даже остановиться в полной растерянности. Сталин мигом оценил ситуацию, жестом предложил охране вернуться на место и, очевидно, желая разрядить возникшее напряжение, наконец, дал возможность актрисе произнести тост².

Непосредственно перед выступлением участники концертной программы были вынуждены буквально томиться в ожидании своего выхода на сцену. Ю.Б. Елагин, например, утверждал, что артисты Государственного джаз-оркестра СССР, участвовавшие в концерте на новогоднем приеме 1939 г., в течение целых четырех часов пребывали в специально отведенном для них помещении — «артистической». Куранты пробили полночь, ознаменовав наступление Нового года, но лишь в два часа ночи куратор-чекист предложил им проследовать в другое, более просторное помещение — фойе зала заседаний Большого Кремлевского дворца. В нем не оказалось ни одного стула, ни одной скамейки, на которые можно было бы присесть. К приходу исполнителей Государственного джаз-оркестра СССР в помещении находилось уже несколько сот артистов, представлявших Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением А.В. Александрова, Государственный ансамбль народного танца И.А. Моисеева, Большой театр. Они стояли или прохаживались по залу взад и вперед. Некоторые сидели «прямо на полу, поджав ноги по-турецки». Помимо артистов

¹ *Борев Ю.Б.* Указ. соч. С. 182–183.

² *Сааков Ю.С.* Указ. соч. С. 62.

здесь же было несколько десятков чекистов, часть которых с озабоченными лицами быстро передвигались внутри помещения. Несколько охранников стояло у дверей, которые вели в зал заседаний. При этом каждую дверь охраняло несколько человек. Одна из них иногда открывалась, пропуская тех, кто закончил свое выступление либо, наоборот, готовившихся выйти на сцену.

В 2.30 ночи чекист в форме майора госбезопасности вызвал на выход артистов ансамбля И.А. Моисеева, вслед за которым по программе следовал Государственный джаз-ансамбль СССР. Музыканты по одному, как предписывалось командой охранника, вошли в зал заседаний, который был слабо освещен и совершенно пуст, если не считать вездесущих офицеров НКВД. Навстречу им проследовали солисты ансамбля И. Моисеева, только что закончившие выступление. Распахнулась дверь, расположенная в конце прохода, и музыканты Государственного джаз-ансамбля СССР оказались в другом помещении и, наконец, попали на эстраду Георгиевского зала¹.

В памяти М.М. Плисецкой прочно запечатлелось воспоминание о том, какую тяжкую (если не сказать унижительную) процедуру пришлось вынести участникам концерта, которым сопровождался прием по случаю 70-летия Сталина (22 декабря 1949 г.). Уже в 12.00 балерина прибыла в Большой театр. Поступила команда: «Лишнего с собой ничего не брать. Костюмы лучше надеть тут же». В ответ артисты буквально взмолились: «остынем, не настроимся». Вот что писала дальше М.М. Плисецкая, вспоминая тот памятный день: «На дворе декабрь. Холодище. Оперные [исполнители] во фраках, в платьях в пол. А в пачке с голыми ляжками чувствуешь себя за шесть часов до выхода неприятно. Дармоедов (sic! — *В.Н.*), нас конвоирующих, целая рота. На лицах глубокомыслие, преданность, рвение.

Положили тон, намазались. Подвели глаза. Причесались. Я припилила красную розу набекрень. Цветок страсти [охранники] внимательно прощупали глазами. Взаправду бумажный. Потом долго сидим в ложе дирекции. Торжественно молчим <...> Бесшумно является гонец — машины поданы.

¹ Там же. С. 302–306.

Гуськом двигаемся к первому подъезду. Рассаживаемся. Пересчитывают. Все на месте. Едем.

У ворот Кремля долгая проверка. Разговор вполголоса. Внимательно, неспешно смотрят содержимое сумок. Осторожно перебирают — трико, туфли, обувной рожок. У аккомпанирующих листаю ноты — от корки до корки. Все в норме. Ничего подозрительного. Можно двигаться дальше.

У входа в артистический подъезд процедура повторяется с удвоенным старанием. Пропуск сверяют со списком, список с руководителем (в каждой машине свой), руководителя с пропуском, твой пропуск с загадочными цифрами и печатью с театральным документом. Он, ясное дело, при тебе. Долгое сличение черт лица на фото с реалией. Опять взгляд на штемпель: “22 декабря 1949, Кремль”.

Проходите.

Проходим.

Распределяют по тесным артистическим. На дверях имена. Опять долгая проверка <...>.

По очереди, опершись на стол, греемся в тесной комнатке. Вдвоем не разминуться. Вроде готовы. Ждем, когда позовут.

Все уборные собственной персоной обходит генерал Властик с вышколенной стайкой стройных адъютантов — начальник личной охраны Сталина. Не здоровается, лишь жестко, пристально вглядывается до самой селезенки, так что мороз по коже.

Начинается концерт.

Торжества проходят в Георгиевском зале Кремля. Артисты по очереди ныряют в приоткрываемую двумя светловолосыми гренадерами кованую дверь. А по коридору — прожекторами — сверлящие, жгущие насквозь глаза. Много глаз.

Ящичек с канифолью тоже под охраной. Специальный страж стоит. Натираю туфли. Поддраживаю. Запугали вусмерть. Не до танца. <...>. Эхом слышу свое имя. Ирина Михайловна Головина. Чин ее и должность могу лишь предположить, панически шепчет: “Постарайся, Майечка, всюю...” Дверь приоткрывается. Ныряю. Слепящий свет.

Все в золоте»¹.

¹ Цит. по: *Плисецкая М.М.* Указ. соч. С. 135—136.

Приведенные свидетельства Ю. Елагина и М.М. Плисецкой находят подтверждение и в других источниках. Существовал порядок, согласно которому на сцене Георгиевского зала появлялись как члены больших творческих коллективов, так и отдельные артисты. Их путь лежал мимо охраны, которая впускала каждого в специальный «предбанник», а затем уже разрешала выйти на сцену, причем перед самым выступлением. Некоторые охранники «оставались в кулисе на страже»¹.

Концертные программы кремлевских приемов составлялись в Комитете по делам искусств при СНК СССР по согласованию с главой Советского правительства В.М. Молотовым².

Сталин, который внимательно следил за развитием советского музыкального и театрального искусства, а порой и лично решал судьбу того или иного произведения или его автора, принимал участие в составлении программ праздничных концертов, сопровождавших кремлевские приемы. По свидетельству летчика А.В. Белякова, вождь сам помечал, «что нужно исполнять»³.

Неизменным вниманием Сталина пользовался Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А.В. Александрова. Вместе с К.Е. Ворошиловым вождь сделал большой вклад в дело подбора репертуара ансамбля. Например, такие песни, как «Калинушка», «Закувала та сива зозуля» и «Распрягайте, хлопцы, кони», «Волжская бурлацкая» появились в нем «по личному указанию товарища Сталина и товарища Ворошилова»⁴.

23 ноября 1935 г. К.Е. Ворошилов направил на имя Сталина записку с просьбой о награждении Ансамбля красноармейской песни и пляски Центрального Дома Красной Армии. 25 ноября 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло по этому вопросу соответствующее решение. Ансамбль красноармейской песни и пляски ЦДКА им. Фрунзе (так официально назывался тогда творческий коллектив под руководством А.В. Александрова) был награжден Почетным Революци-

¹ Еремеева Т.А. Указ. соч. С. 153.

² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 172, 194, 325, 366, 465, 501, 819.

³ Громов Е.С. Указ. соч. С. 267; Елагин Ю. Б. Указ. соч. С. 332–335.

⁴ Громов Е.С. Указ. соч. С. 269.

онным Красным знаменем с Орденом Красной Звезды на нем. Ему присваивалось новое название: «Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза СССР» А.В. Александров был награжден Орденом Красной Звезды, а начальник ансамбля П.И. Ильин, его организаторы, некоторые певцы, исполнители танцевальных номеров, баянисты — орденами «Знак Почета»¹. А 14 марта 1937 г. Политбюро утвердило решение о присуждении А.В. Александрову звания народного артиста СССР².

Таким образом, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР под руководством профессора А.В. Александрова стал неизменным участником концертных программ, которыми сопровождалась большие кремлевские приемы. Куратором этого творческого коллектива являлся народный комиссар обороны СССР К.Е. Ворошилов.

Вслед за Ворошиловым «собственные» музыкальные коллективы поспешили создать и другие сталинские соратники. В конце 1936 г. по инициативе народного комиссара путей сообщения СССР Л.М. Кагановича были созданы Железнодорожный ансамбль песни и пляски и джаз-оркестр при Центральном доме культуры железнодорожников. Художественным руководителем Железнодорожного ансамбля стал А.В. Александров, а художественным руководителем джаз-оркестра — Л.О. Утёсов³. Музыканты под управлением Утёсова неоднократно участвовали в концертах на больших кремлевских приемах.

Наряду с Краснознаменным ансамблем А.В. Александрова и джаз-оркестром Л.О. Утёсова в программы этих концертов включались номера, подготовленные ансамблем НКВД, созданным в 1939 г. На 1 января 1940 г. ансамбль насчитывал 259 чел.⁴ По сообщению газеты «Известия», ансамбль (официальное название — Ансамбль песни и пляски при Центральном клубе НКВД имени Ф.Э. Дзержинского) был создан по инициативе Л.П. Берия. Одна из довоенных программ

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1085. Л. 155—157.

² Там же. Оп. 3. Д. 984. Л. 30.

³ Там же. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 639. л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 101. Л. 45.

этого коллектива, которая была скомпонована в обозрение, называлась «По родной земле». Темой программы являлась «жизнь счастливой родины, неусыпно охраняемой чекистами и пограничниками». К созданию этой программы были привлечены известные деятели театра и кино. Режиссером являлся С.И. Юткевич (в 1939 — 1946 гг. — главный режиссер ансамбля), художественное оформление осуществил П.В. Вильямс. В качестве балетмейстеров выступали А.М. Мессерер и К.Я. Голейзовский; хормейстером был А.В. Свешников. При ансамбле был также драматический коллектив, которым руководил один из корифеев МХАТ — М.М. Тарханов. В роли одного из пограничников выступил Ю.П. Любимов¹.

Н.В. Алексеева (Черменская) утверждала, что впервые на концерте в Кремле Ансамбль песни и пляски при Центральном клубе НКВД выступил в дни празднования Октябрьской революции в 1940 г. Согласно ее воспоминаниям, на концерте присутствовал Сталин². Однако эти утверждения не соответствуют действительности: Сталин отсутствовал на праздничном ноябрьском приеме в Кремле 1940 г.

О пристрастиях вождя в области музыки в какой-то степени могут свидетельствовать концертные программы больших кремлевских приемов (см.: *Приложение № 1*). Кроме того, дополнительная информация на сей счет содержится в тех свидетельствах, которые оставили современники событий. В конце 1936 г. художественный руководитель Большого театра С.А. Самосуд в беседе с главным редактором газеты «Правда» Л.З. Мехлисом называл некоторых его солистов «черносо-тенцами» за то, что они отказывались участвовать в операх по советской тематике. Среди них Самосуд упоминал, в частности, П.М. Норцова и А.С. Пирогова, не пожелавших петь в «Тихом Доне» И.И. Дзержинского. Помимо этого, С.А. Самосуд окрестил певиц К.Г. Держинскую и Н.А. Обухову «бывшими актерами»³. Между тем Сталин, любивший сильные голоса, мужские и женские, и часто посещавший Большой театр, отдавал предпочтение именно «забракованным» Самосудом со-

¹ Известия. 1940. 28 сент.

² Алексеева Н.В. Указ. соч. С. 66.

³ Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 509, 517.

листам. Вождь часто посещал постановки опер «Псковитянка» и «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова, «Хованщина» М.П. Мусоргского¹. Как утверждал Д.С. Шепилов, Сталин порой прерывал заседания Политбюро со словами: «Товарищи, скоро арию Сусанина будет исполнять М.Д. Михайлов. Надо послушать»².

Однако отношение к творчеству М.Д. Михайлова представителей культуры было весьма неоднозначным. В конце декабря 1940 г. в Комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства обсуждались кандидатуры для присуждения этой высокой награды. М.Б. Храпченко заявил, что М.Д. Михайлов в партии Ивана Сусанина в одноименной опере создал образ, достойный Сталинской премии. С ним согласился А.Б. Гольденвейзер. Однако последовала реплика В.И. Немировича-Данченко: «Михайлов? Может быть. Спел (партию Ивана Сусанина. — *В.И.*) очень хорошо, — это одно; а создал образ?»³.

Между тем Сталин ценил не только творчество М.Д. Михайлова, но и других солистов Большого театра, например, И.С. Козловского⁴. Как писал Е.С. Громов, вождь «не довольствовался массовым песенно-танцевальным искусством». В программу правительственных кремлевских концертов непременно включались отрывки из классических опер и балетов. Это были русские композиторы — П.И. Чайковский, М.И. Глинка, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, а также западные — Ж. Бизе, Дж. Верди⁵.

Пристрастия вождя в области классической музыки, видимо, разделяли его ближайшие соратники. Так, А.А. Жданов прямо заявлял: «Я воспитывался на “могучей кучке”, Бетховене, Шопене, Моцарте, Верди»⁶.

Со своей стороны, Ю.Б. Елагин утверждал, что концерты в Большом Кремлевском дворце иногда начинались сольным

¹ *Сергеев А., Глушик Е.* Беседы о Сталине. М., 2006. С. 107–108.

² Цит. по: Алексей Иванов — богатырь оперной сцены... С. 159.

³ Цит. по: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 29.

⁴ *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 203.

⁵ *Громов Е.С.* Указ. соч. С. 268.

⁶ Цит. по: Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 107.

выступлением выдающихся советских музыкантов — Давида Ойстраха или Эмиля Гилельса, которые играли «две очень маленькие технические пьесы, обычно в танцевальной форме». Однако, продолжал Елагин, преимущественно в концертных программах обходились без этого выступления, сразу «приступая к делу». Он свидетельствовал, что основные номера кремлевских концертов составляли выступления известных советских ансамблей, в первую очередь — Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии под руководством А.В. Александрова, Хора русской народной песни имени М.Е. Пятницкого, ансамбля народного танца СССР под руководством И.А. Моисеева. Выступления этих музыкальных коллективов занимали большую часть всей концертной программы на больших кремлевских приемах, поскольку доставляли особое удовольствие Сталину¹.

М.М. Плисецкая следующим образом характеризовала концертную программу, представленную на приеме по случаю 70-летнего юбилея Сталина: «Кроме артистов Большого [театра], пианиста Гилельса, солистов из ансамбля Моисеева несколько выступающих от республик. Нужно во всем блеске показать нерасторжимую дружбу братских народов. Помню азербайджанца Бюль-Бюль, Тамару Ханум из Узбекистана»².

Ансамбль народного танца под руководством И.А. Моисеева возник в 1937 г. Молодой творческий коллектив, практически не имевший репертуара, собирались послать на Всемирную Парижскую выставку. Уровень исполнительства танцоров приехал оценить председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. 27 июля 1937 г. П.М. Керженцев просмотрел весь репертуар ансамбля. Поездка в Париж тогда не состоялась, поскольку артисты не имели нормальных условий для работы (они репетировали в танцевальном зале-шестиграннике в ЦПКиО).

В 1938 г. ансамбль народного танца под руководством И.А. Моисеева впервые был приглашен для участия в концерте, которым сопровождался большой кремлевский прием. Это приглашение оказалось во многом неожиданным для

¹ Елагин Ю.Б. Указ. соч.

² Плисецкая М.М. Указ. соч. С. 135.

Моисеева. Еще 16 мая 1938 г., судя по его дневниковой записи, артисты готовились к гастрольной поездке в Киев, причем туда уже были отправлены их концертные костюмы. Вдруг ночью И.А. Моисеев был вызван к начальнику Комитета по делам искусств при СНК СССР А.И. Назарову, который предложил назавтра выступить ансамблю в Кремле. Поскольку костюмы артистов уже были направлены в Киев, Моисеев, по его собственному выражению, «имел нахальство согласиться», надеясь подобрать их в Большом театре. О том, как прошло выступление, свидетельствует лаконичная запись в дневнике И.А. Моисеева от 17 мая 1938 г.: «Подобрал в Большом костюмы и всякую дрянь. Особенно смешно одеты мужчины в “Молдовеняске”. Блестяще выступили с ансамблем в Кремле на вечере для работников Высшей школы. Назаров был в восторге и пил вместе с ансамблем за дальнейшие успехи».

31 декабря 1938 г. А.И. Моисеев писал в своем дневнике: «Вечером у ансамбля неожиданный концерт в Кремле. Даем “Крыжачок”, “Газахи” в первый раз, “Лирику” [«Подмосковную лирику». — *В.Н.*] и “Юлу”. Встречали Новый год с Ниной¹ в Кремле. Прошло очень хорошо. Правительство попросило сверх программы “Молдовеняску”»².

С тех пор его артисты Государственного ансамбля народного танца СССР не пропустили ни одного праздничного концерта, которыми сопровождалась большие кремлевские приемы.

Между тем к моменту участия в первом для него кремлевском концерте ансамбль И.А. Моисеева не имел помещения для репетиции. Моисеев утверждал в своих воспоминаниях, что за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, во время очередного банкета в Кремле, к нему подошел Сталин и спросил, как идут дела. В ответ Моисеев посетовал, что дела идут плохо, поскольку в связи с отсутствием приспособленного помещения приходилось, например, репетировать «Подмосковную лирику» (как отмечал он в своих мемуарах, «Сталин очень любил этот номер»)... на лестничной площадке.

¹ Нина Борисовна Подгорепкая, балерина Большого театра, первая, гражданская, жена И.А. Моисеева.

² *Игорь Моисеев*. Начало пути...

Далее, если верить А.И. Моисееву, произошло следующее. Сталин нахмурился, подозвал к себе присутствовавшего на банкете первого секретаря МК и МК ВКП(б) А.С. Щербакова и дал указание найти помещение для репетиций ансамбля народного танца. Через три месяца, уверяет Моисеев, это указание Сталина было исполнено¹.

Как представляется, И.А. Моисеев, писавший свои мемуары в весьма преклонном возрасте, допустил фактическую неточность при изложении обстоятельств, при которых ему удалось добиться помощи в деле преодоления трудностей, возникших перед руководимым им творческим коллективом. Сохранилось письмо Моисеева на имя вождя от 8 ноября 1939 г., в котором руководитель Государственного ансамбля народного танца СССР обращался к нему «с просьбой о помощи и поддержке». И.А. Моисеев подчеркивал в письме, что, во-первых, за время существования его ансамбль «переменил 16 мест работы», и, зачастую, «вообще негде было работать». Во-вторых, потребности этого творческого коллектива, по словам Моисеева, были «ограничены во всем»: смета ансамбля была «слишком урезана, штаты слишком ограничены, а ряду лучших, способных солистов ансамбля негде жить». В своем письме на имя Сталина И.А. Моисеев сетовал на то, что руководство Комитета по делам искусств при СНК СССР оставило без внимания его неоднократные просьбы помочь с помещением для репетиций ансамбля и улучшить жилищные условия его солистов.

С целью усиления своей аргументации Моисеев счел необходимым особо подчеркнуть в письме, что, несмотря на имеющиеся трудности, удалось поставить «Подмосковную лирику». Обращаясь к Сталину, он писал в данной связи буквально следующее: «...неожиданная высокая и почетная награда Правительства, отметившего трех исполнителей номера “Подмосковная лирика”², показала, как внимательно и чутко относитесь Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, к новому молодому коллективу, делающему первые шаги».

¹ *Моисеев И.А.* Указ. соч. С. 47–48.

² И.А. Моисеев имел в виду награждение Орденом «Знак Почета» (2 августа 1939 г.) задействованных в этом номере А.Ф. Кобзевой, В.С. Арсеньева и В.Г. Борисова.

Однако, несмотря ни на эту высокую награду, ни на гастрольную поездку ансамбля в Западную Белоруссию в сентябре—октябре 1939 г., где артисты выступали и перед бойцами Красной армии, и перед местным населением, Комитет по делам искусств, как следовало из упомянутого письма И.А. Моисеева, продолжал упорно игнорировать этот творческий коллектив. Моисеев констатировал: «При таком отношении со стороны ВКИ (Комитета по делам искусств при СНК СССР. — *В.Н.*) мы не можем надеяться на улучшение условий для нашей работы, что угрожает не только нашему дальнейшему росту, но и дальнейшему нашему существованию». А завершалось оно следующей просьбой: «Обреченный на вынужденное безделие, коллектив горит желанием создать еще много нового и тем оправдать то внимание, которое Вы проявляете к нему. Дирекция Государственных Музыкальных Коллективов выбилась из сил, желая помочь нам, и я, считая себя обязанным сделать все, что в моих силах, для вверенного мне коллектива, обращаюсь в ВАМ, ИОСИФ ВИССАРИОНО-ВИЧ, с просьбой о помощи»¹.

Просьба И.А. Моисеева о помощи, адресованная Сталину, была действительно передана А.С. Щербакову. Уже 25 декабря 1939 г. он докладывал вождю, что для работы Государственного ансамбля народного танца СССР «предоставлено вполне подходящее помещение»². Наиболее нуждающиеся в жилье товарищи — Арсентьев, Карташев — жильем обеспечены. Оказана и некоторая другая помощь»³.

Таким образом, вопрос о предоставлении ансамблю И.А. Моисеева специального репетиционного помещения был поднят им перед Сталиным и разрешен на практике А.С. Щербаковым не в канун Великой Отечественной войны, как следует из мемуаров Моисеева, а в конце 1939 г., что подтверждается документально. Цитированное выше письмо Моисеева на имя вождя датируется 8 ноября 1939 г. Вечером этого дня моисе-

¹ «Мы переменили 16 мест работы» // Источник. 2002. № 3. С. 111—112.

² Ансамблю были предоставлены репетиционные помещения в Концертном зале им. П.И. Чайковского.

³ Пономарев А.Н. Указ. соч. С. 60.

евский ансамбль принимал участие в праздничном концерте в Кремле. В данной связи можно предположить, что описанный в мемуарах балетмейстера разговор между ним и вождем происходил именно во время этого банкета, и сталинские указания А.С. Щербакову были также даны в ходе него.

Моисеев утверждал, что состав участников кремлевских концертов «из года в год не менялся»: Иван Козловский, Валерия Барсова, Сергей Образцов со своими куклами, Красноармейский ансамбль и Ансамбль народного танца.

Существовала определенная конкуренция между творческими коллективами, выступавшими на больших кремлевских приемах. Так, И.А. Моисеев отмечал, что во время одного из банкетов к нему подошел К.Е. Ворошилов, опекавший Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии А.В. Александрова, и прямо заявил: «Не вздумай конкурировать с Краснознаменным ансамблем. Тебе все равно до него не дотянуться!»¹.

Ю.Б. Елагин отмечал также, что ни один из концертов в Кремле «не обходился без певцов и балетных артистов из Большого театра». В данной связи он называл певцов М.Д. Михайлова, М.О. Рейзена, А.С. Пирогова, И.С. Козловского, С.Я. Лемешева, певиц Н.Д. Шпиллер, Е.Д. Кругликову, В.А. Давыдову, М.П. Максакову и других. Они обычно исполняли арии из русских и популярных иностранных опер, а также народные песни и песни советских композиторов. Нередко на концертах демонстрировались и цирковые номера².

Сохранившиеся концертные программы могут в какой-то степени прояснить вопрос о музыкальных и артистических пристрастиях вождя и его ближайшего окружения (см. *Приложение № 1*). Например, во время банкета 23 августа 1937 г. концерт состоял из двух отделений. В первом отделении прозвучало 14 классических музыкальных номеров. При этом ровно половина из них принадлежала русским композиторам (М.М. Ипполитов-Иванов, А.Е. Варламов, П.И. Чайковский, А.С. Даргомыжский, М.П. Мусоргский), а другая половина — зарубежным (И. Брамс, Ф. Крейслер,

¹ Моисеев И.А. Указ. соч. С. 46.

² Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 332–323.

Н. Паганини, Л. Делиб, Д. Россини, Ш. Лекок). Минимальный «перевес» в сторону отечественной музыки возник в программе лишь благодаря тому, что в нее была включена одна русская песня («Ах, ты, Ванька»). В первом отделении также был представлен номер артиста-кукольника С.В. Образцова, выступали скрипач Д.Ф. Ойстрах, певцы С.Я. Лемешев, П.М. Норцов, М.Д. Михайлов, певицы Е.Д. Кругликова, В.А. Давыдова, В.В. Барсова. Во втором отделении свое мастерство продемонстрировали солисты Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии под управлением А.В. Александрова.

Судя по сохранившимся программам концертов других больших кремлевских приемов, в Георгиевском зале, помимо классических музыкальных произведений, также исполнялись русские, украинские и белорусские народные, казачьи, советские песни, исполнялись вальсы и марши, были представлены танцевальные, балетные и цирковые номера. Юмористические рассказы А.П. Чехова читали И.М. Москвин, В.А. Вербицкий, И.В. Ильинский. Неизменно звучала «Застольная песня» Л. Бетховена, которую исполняли Норцов или Михайлов.

На приеме 13 августа 1936 г., если верить Л.О. Утёсову, по просьбе «виновников торжества» была нарушена заранее утвержденная программа концерта. Когда их спросили, кого бы они хотели услышать, летчики Чкалов, Байдуков и Беляков ответили: «Утёсова и его джаз». В Грановитой палате, где происходил прием, устроили эстраду. Через весь зал, под бурные аплодисменты присутствующих Л.О. Утёсов и другие музыканты его оркестра проследовали на эстраду, играя на ходу мелодию известной песни «Легко на сердце» из не менее известного, любимого Сталиным художественного фильма «Веселые ребята». Хотя микрофонов не было, акустика в Грановитой палате оказалась хорошей. Джаз-оркестр Утёсова исполнил несколько песен. В числе других прозвучала и лирическая американская мелодия «Склонились низко ивы». Сталину она настолько понравилась, что он даже прослезился. В конечном счете, музыкантам джаз-оркестра под управлением Л.О. Утёсова пришлось трижды исполнять ее на «бис»...

После этого Л.О. Утёсову через «высокого чина», «военного с тремя ромбами»¹ была передана просьба Сталина: исполнить песенку «С одесского кичмана»². Она полюбилась вождю со времени первого исполнения (по свидетельству Л.К. Бронтмана, это произошло во время банкета, устроенного 21 июня 1934 г. в честь участников челюскинской эпопеи) (см.: *Приложение № 3*).

На этот раз исполнителям, стоя, аплодировали летчики. И вновь джаз-оркестр играл три раза подряд. Если верить Л.О. Утёсову, спустя несколько дней после этого концерта он встретил председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР П.М. Керженцева, который ранее своим приказом запретил исполнение песенки «С одесского кичмана»³. Утёсов пояснил Керженцеву, что по просьбе Сталина она все-таки была исполнена, чем вызвал недоуменную реплику: «Глупости все это!». Из воспоминаний Л.О. Утёсова следует, что после приема 13 августа 1936 г. на кремлевские концерты его больше никогда не приглашали⁴.

Однако в данном случае известный музыкант допустил неточность. Судя по программе праздничного концерта, на приеме участников Первомайского парада (2 мая 1938 г.), все второе отделение на сцене Георгиевского зала солировал джаз-оркестр Л.О. Утёсова. Вначале исполнялись песни, посвященные Гражданской войне («Полюшко», «Тачанка», «Казачья»), а затем — более легкие по содержанию («Все хорошо, прекрасная маркиза», «Будьте здоровы», «Борода») (см. *Приложение № 1*).

Большой интерес вождь проявил к выступлению участников декады азербайджанского искусства на приеме 17 апреля 1938 г.: вплоть до ухода со сцены последнего исполнителя (а их количество достигло 200 чел.) он непрерывно аплодировал. Особенно понравилось Сталину выступление певца

¹ Эти знаки отличия принадлежали представителю командно-начальствующего состава РККА в звании комкора.

² *Скорыходов Г.А.* Указ. соч. С. 22.

³ Впервые песня «С одесского кичмана» прозвучала в 1929 г. в спектакле Ленинградского театра сатиры «Республика на колесах». Ее объявили «манифестом блатной романтики» и запретили к исполнению.

⁴ *Скорыходов Г.А.* Указ. соч. С. 23.

Бюль-Бюля, не только исполнившего азербайджанские народные песни, но и показавшего образец манипулирования с габалами — бубнами, которые он подбрасывал высоко вверх. По окончании номера вождь сказал Бюль-Бюлю: «Ты — дар, береги себя»¹.

Явно по душе ему приходился актер-кукольник С.В. Образцов. Образцов придумал куплеты о подвиге полярников и впервые исполнил их на приеме 25 июня 1937 г. В программу праздничного концерта, которым сопровождался этот банкет, были также включены выступления Б.Я. Златогоровой и С.Я. Лемешева². По признанию Образцова, у него сложились «довольно хорошие» отношения с вождем. Спустя десятилетия артист вспоминал: «Двадцать два раза я выступал с куклами перед ним. Мы даже пили вино после выступлений. Сталин всегда хвалил меня и называл лучшим другом»³.

Когда на новогоднем приеме 1939 г. в Кремле Государственный джаз-ансамбль СССР виртуозно исполнял «Еврейскую симфонию» В.Н. Кнушевицкого, Сталин, по свидетельству Ю.Б. Елагина, обратил внимание сидевшего рядом с ним К.Е. Ворошилова на мастерство музыкантов. По завершении выступления этого музыкального коллектива Сталин и его ближайшие соратники, по свидетельству Ю.Б. Елагина, хлопали «долго и энергично»⁴.

На приеме участников Всесоюзного парада в честь Дня физкультурников (20 июля 1939 г.) Л.П. Орлова намеревалась исполнить во время концерта по одной из трех песен из трех своих самых известных кинофильмов: «Веселые ребята», «Волга-Волга» и «Цирк». Аккомпаниатор не советовал ей петь «пушечную шансонетку» «Диги-диги-ду» из фильма «Цирк», резонно считая, что эта песенка вряд ли придется по душе Сталину. Действительно, в ходе концерта вождь не проявил по поводу этого, как считала актриса, ее коронного номера, особенного энтузиазма и позволил себе лишь не-

¹ Встречи с товарищем Сталиным. С. 168—169.

² Шмидт С.О. Указ. соч. С. 275.

³ Независимая газета. 1991. 6 июля.

⁴ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 307.

сколько равнодушных хлопков. Но когда Л.П. Орлова начала исполнять песню о великой русской реке из кинофильма «Волга-Волга», Сталин улыбнулся, подхватил мелодию сначала тихо, потом громче и, в конце концов, запел во весь голос¹.

Однажды, когда на приеме в Кремле А.С. Пирогов исполнил арию Галицкого из оперы А.П. Бородина «Князь Игорь», Сталину так понравилось его пение, что он попросил исполнить номер на бис². А на приеме командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. вождь заставил зал «бисировать» другому солисту Большого театра — А.П. Иванову³.

Вообще, артисты-участники праздничных концертов в Кремле, выступления которых приходились Сталину по душе, очень часто «одним махом» взлетали «на самую вершину советского Олимпа».

Однако в тех случаях, когда какой-либо из концертных номеров ему не нравился, последствия для «виновного» были иными, отрицательными. Например, Сталин остался недоволен исполнением солистки Государственного джаз-оркестра Н. Донской, участвовавшей в новогоднем концерте в Большом Кремлевском дворце в 1939 г. Как предполагал Ю.Б. Елагин, на Сталина не произвели «хорошего впечатления» ее попытки подражать «известным заграничным джазовым певцам». Так или иначе, но Н. Донской пришлось «навсегда проститься со своей карьерой»⁴.

Непосредственная работа по подготовке концертов в Кремле порой ложилась на плечи исполнявшего обязанности директора Большого театра Я.Л. Леонтьева. Так, из его письма на имя председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР А.И. Назарова от 11 февраля 1938 г. следует, что Леонтьев организовал исполнение концертной программы на приеме 20 января 1938 г., причем действовал по поручению заместителя председателя КДИ Н.Н. Рабичева⁵.

¹ Сааков Ю.С. Указ. соч. С. 62.

² Пирогов О.А. Указ. соч. С. 126.

³ Алексей Иванов — богатырь оперной сцены. С. 220.

⁴ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 307, 334.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 366. Л. 13.

Естественно, большая ответственность ложилась на конференсье, которым доверялось вести праздничные концерты в Кремле. Подобная миссия была не только почетной, но в какой-то степени рискованной. Например, когда в 1933 г. Сталин и его соратники с опозданием явились на концерт, которым сопровождался банкет для участников Первомайского парада, конференсье (некий Александров) объяснил аудитории, что опоздание произошло «по техническим причинам». По окончании застолья Александров задал Сталину вопрос, понравился ли ему конференс? Вождь был раздражен тем, что его опоздание Александров объяснял не занятостью важными государственными делами, а «техническими причинами» и якобы резко ответил: «Конференс должен быть лаконичным». Для Александрова это означало конец карьеры¹.

В конце 1930-х гг. в роли конференсье на праздничных концертах, сопровождавших большие кремлевские приемы, выступал Я.Л. Леонтьев². В декабре 1949 г. этой чести неожиданно для него удостоился известный актер Е.В. Самойлов, работавший тогда в Московском театре революции. Директор театра Н.П. Охлопков доверительно сообщил Самойлову, что ему предстоит пробоваться на роль конференсье «для самого ответственного концерта». Речь шла о праздничном концерте в честь сталинского 70-летнего юбилея. Е.В. Самойлов попытался отказаться, но в ответ на все его нерешительные возражения последовало приказание Н.П. Охлопкова: «Надо».

Самойлов предварительно прошел процедуру «отбора»: читал стихи в присутствии многочисленной комиссии, состоявшей, по его свидетельству, из 50-ти членов. В конечном счете ему было предложено явиться на празднование дня рождения Сталина в Кремль, в Георгиевский зал.

Когда начался концерт, Е.В. Самойлов, чтобы не сбиться и не перепутать название номеров и фамилии исполнителей (у него от вполне объяснимого страха просто тряслись поджилки) разрезал напечатанную программу на полоски и каждую полоску перед объявлением очередного номера наклеивал на указательный палец левой руки. В случае если бы внезапно

¹ ЗРС. С. 41.

² РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1146. Л. 94, 96; Д. 1168. Л. 3, 17, 21, 45.

что-то забылось, Самойлов надеялся использовать заранее подготовленные «шпаргалки».

Однако, вопреки худшим ожиданиям конференсье, произошло нечто совершенно непредвиденное. Е.В. Самойлов не заметил, что микрофон подвешен на шнуре над головой и, думая, что его вовсе нет, набрав полные легкие воздуха, довольно громко объявил первый номер программы. Его зычный голос, усиленный радиоаппаратурой, буквально загрохотал под сводами Георгиевского зала. Сталин по-своему отреагировал на это: он невольно обернулся и что-то сказал сидевшему рядом с ним Берия. Е.В. Самойлов даже подумал, что «влип», но всё вошло в норму. Однако конференсье так и не мог привыкнуть к тому, что видел так близко лица вождей, «которые до этого красовались только на портретах». Как утверждал Е.В. Самойлов, после выступления на кремлевском приеме 22 декабря 1949 г. в качестве конференсье от перенесенного стресса у него на нервной почве развился радикулит¹.

Существовал свой порядок, установленная очередность исполнения номеров, включенных в праздничные концерты на больших кремлевских приемах. По свидетельству С.О. Шмидта, на банкете 17 марта 1938 г. участники концерта выступали в промежутке между тостами, и говорить собственно о концерте не приходилось². Он опровергает утверждение другого участника этого же банкета, Э.Т. Кренкеля, из воспоминаний которого следует, что существовала пауза между «официальной частью» (застольем) и концертом, заполненная танцами³. В данном случае прав Шмидт. Утверждение о том, что концертные номера на больших кремлевских приемах следовали в промежутке между тостами, подтверждается в мемуарах Э. Муратова⁴, А.П. Иванова⁵, И.Х. Баграмяна⁶.

¹ *Скорыходов Г.А.* Указ. соч. С. 172–173.

² Там же. С. 281.

³ *Кренкель Э.Т.* Указ. соч. С. 493.

⁴ *Муратов Э.* Указ. соч.

⁵ *Алексей Иванов.* На сцене и в жизни. С. 188.

⁶ *Баграмян И.Х.* Указ. соч. С. 611.

Атмосфера, царившая в Георгиевском зале во время приема, как следует из воспоминаний очевидцев, не всегда способствовала восприятию концертных номеров. Обратимся вновь к свидетельству Ю.Б. Елагина. После того как музыканты Государственного джаз-оркестра СССР начали свое выступление на концерте 1 января 1939 г., реакция гостей была однозначной: «Из зала нас слушают только члены Политбюро <...>. Вся остальная публика продолжает есть и не обращает на нас ни малейшего внимания. Стучат тарелки, звенят бокалы»¹.

Рассказ Ю.Б. Елагина дополняет И.В. Ильинский. Когда Ильинский на концерте во время большого кремлевского приема читал рассказы А.П. Чехова, то, наблюдая за гостями, отметил следующее: «Все ели, пили, переговаривались, и мне казалось, что меня никто не слушает»².

Профессиональным чтецам, которые выступали на этих концертах, было труднее всех: у них всегда возникало «угнетающее чувство повышенной ответственности». В огромном Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца за столами сидели сотни людей, причем людей избранных. Артисту разговорного жанра было довольно сложно, поскольку читать приходилось под звон бокалов, выкрики тостов, хлопанье пробок, нескончаемое мелькание официантов. После объявления конферансье его имени, знакомого тем, кто сидел в зале, шум несколько стихал. Однако веселье за дальними столами, откуда было плохо видно и слышно то, что происходило на сцене, не стихало и во время исполнения артистом его номера³.

По словам А.С. Пирогова, после первого исполнения оперных арий «успех, как всегда в Кремле, был вялый». Пирогов пояснял в данной связи: «Там официальная публика, она не на концерт пришла, да и занята едой»⁴.

С.В. Образцов, имея в виду прием 25 июня 1937 г., вспоминал: «Выступать трудно. Весь зал уставлен столами, за

¹ Цит. по: *Елагин Ю.Б.* Указ. соч. С. 307.

² Цит. по: *Борев Ю.Б.* Указ. соч. С. 182.

³ *Еремеева Т.А.* Указ. соч. С. 153.

⁴ *Пирогов О.А.* Указ. соч. С. 126.

ними масса людей. Это ужин с вином. Ярко горят люстры. С дальних столов ничего не видно, что делается на сцене. Все стараются говорить тихо, но народу много, и тихо не получается.

Совсем было бы невозможно кукол показывать, если бы прямо перед сценой сидящие не были предельно внимательны: Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян. Пока пою за ширмой, трудно понять, смотрит кто-нибудь на моих кукол или нет, а выйду из-за ширмы кланяться, вижу веселые лица. Смеются, аплодируют»¹.

Практически на все большие кремлевские приемы в конце 1930-х гг. приглашался А.С. Пирогов. Иногда его звали, как певца, а потом гостя, а иногда в качестве гостя. На одном из банкетов, где ведущий солист Большого театра присутствовал «просто как гость», он сидел за столом, вел с кем-то непринужденную беседу и, обладая отличным музыкальным слухом, вдруг обратил внимание на один голос, выделявшийся из общего хора. В это время на сцене артист Л.М. Леонидов читал монолог Скупого Рыцаря из одноименного произведения А.С. Пушкина. А.С. Пирогов впоследствии признавался сыну, что ему в тот момент стало стыдно: «Такой актер неизвестно для кого читает под звон бокалов и стук вилок». По мнению Пирогова, на больших кремлевских приемах более уместно было бы исполнение музыкальных произведений эстрадным оркестром, или, в крайнем случае, Краснознаменным ансамблем Александрова, или хором имени Пятницкого².

Наконец, по свидетельству Е.В. Самойлова, в Георгиевском зале во время приема стояли «шум, гам», звенели тарелки, ножи и вилки — «галдеж несмолкаемый»³.

По завершении официальной части, когда члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства во главе со Сталиным прощались с гостями и покидали Георгиевский зал, столы из этого парадного помещения выносились, и начинались танцы. При этом гости-мужчины имели воз-

¹ Цит. по: *Образцов С.В.* По ступеням памяти. С. 144.

² *Пирогов О.А.* Указ. соч. С. 132.

³ *Скорыходов Г.А.* Указ. соч. С. 172.

возможность пригласить на танец известных актрис, которые участвовали в концерте¹.

Согласно утверждению Ю.Б. Елагина, одним из условий выступления на праздничных концертах в Кремле являлось то, что их участникам не платили за это денег². Однако данное утверждение можно опровергнуть с привлечением ранее неизвестных архивных документов.

Так, в своем письме от 4 марта 1938 г., адресованном Секретарю Президиума Верховного совета РСФСР Г.В. Козлову, заместитель председателя Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко напоминал, что Комитетом были установлены персональные денежные ставки для артистов за выступления на концертах³. 22 мая 1938 г. председатель Комитета по делам искусств А.И. Назаров направил в Секретариат Президиума Верховного Совета СССР копии писем дирекции Государственного академического Большого театра с просьбой об оплате артистов за участие в концертах (в частности, в тех, что сопровождали приемы в Кремле 17 апреля и 2 мая 1938 г.). Назаров также считал необходимым напомнить размеры ставок, установленных отдельным исполнителям и творческим коллективам за концертные выступления (см. *Приложение № 2*).

Как следует из этих документов, наибольшая ставка (600 руб. за выступление) была определена Комитетом по делам искусств для народных артистов СССР В.В. Барсовой и А.С. Пирогова и для заслуженного артиста РСФСР И.С. Козловского. 500 рублей за концертное выступление полагалось С.Я. Лемешеву; 400 руб. — В.А. Давыдовой, Е.Д. Кругликовой, И.Д. Жадану, П.М. Норцову, Д.Ф. Ойстраху; 350 руб. — Б.Я. Златогоровой, Я.В. Флиеру; 300 руб. — Э.Г. Гилельсу, А.М. Мессереру, А.Н. Ермолаеву, О.В. Лепешинской, С.В. Образцову.

Для каждого из аккомпаниаторов (А.Д. Макаров, С.И. Мацшевский, С.К. Стучевский) и для конферансье Я.Л. Леонтьева персональная концертная ставка была установлена

¹ Кренкель Э.Т. Указ. соч. С. 492–493; Муратов Э. Указ. соч.; Шмидт С.О. Указ. соч. С. 282.

² Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 332.

³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 966. Л. 34.

в сумме 150 руб. За участие в концерте коллектив Ансамбля красноармейской песни и пляски РККА под руководством А.В. Александрова получал 10000 руб.

Согласно приказу № 47 Комитета по делам искусств при СНК СССР от 19 января 1938 г., разовая ставка Л.О. Утёсова за участие в смешанном концерте (к числу смешанных относились и концерты, происходившие на приемах в Кремле) составляла 400 руб.¹

Для сравнения, на основании Постановления СНК СССР «О введении штатных должностей и должностных окладов профессорско-преподавательского состава в вузах» (август 1937 г.) заработную плату в размере 600 руб. *в месяц* получали доцент кафедры либо старший преподаватель (без ученой степени), или ассистент кафедры, преподаватель с кандидатской степенью, имевшие стаж работы не менее 5-ти лет. Месячный оклад в 500 руб. полагался ассистенту кафедры и преподавателю без степени, также имевшим стаж работы не менее 5-ти лет².

Однако отнюдь не размер вознаграждения за исполнение концертных номеров, а сама *возможность* выступить перед Сталиным и перед представителями советской элиты являлась большим вознаграждением, чем денежный гонорар. Те артисты и исполнители, которые оказывались в фаворе у вождя, щедро награждались и в целом могли быть спокойны за свою дальнейшую творческую карьеру. Они периодически получали правительственные награды (начиная от ордена «Знак Почета» и кончая орденом Ленина), почетные звания (заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист СССР), а главное — являлись неизменными участниками концертных программ больших кремлевских приемов. Среди этих сталинских фаворитов можно назвать И.С. Козловского, А.В. Александрова, М.Д. Михайлова, И.А. Моисеева, С.В. Образцова, В.А. Давыдову, О.М. Лепешинскую и многих других.

Таким образом, каждый большой кремлевский прием сопровождался концертом, программа которого составлялась

¹ Там же. Ф. 3005. Оп. 1. Д. 839. Л. 11.

² *Ильюхов А.А.* Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941 гг. М., 2010. С. 369. Табл. № 92.

Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в непосредственном ведении которого с февраля 1937 г. находились Большой театр СССР, МХАТ, Государственный академический Малый театр, театр им. Вахтангова. При составлении концертных программ, несомненно, учитывались предпочтения самого Сталина в музыкальном, театральном и оперном искусстве. Однако несмотря на высокий в целом уровень исполнительского искусства участников концертов и на значительное разнообразие концертных номеров, их восприятие снижалось в условиях, когда внимание гостей-слушателей отвлекалось от концерта собственно застольем: потреблением яств, выпивкой, застольными разговорами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАК ГОВОРИЛ СТАЛИН: АНАЛИЗ ТРЕХ ЗАСТОЛЬНЫХ РЕЧЕЙ ВОЖДЯ

5.1. «Таджик — это значит носитель короны»

Как уже отмечалось, в Москве с 12 по 21 апреля 1941 г. проходила декада таджикского искусства. 22 апреля в Кремле был устроен прием участников декады, на котором Сталин выступил с небольшой застольной речью. Газетный отчет о банкете¹ был лаконичен и не позволял в полной мере судить о содержании этого сталинского выступления.

Г.А. Латышев опубликовал один из вариантов записи сталинской «таджикской речи», воспроизведенный, как он писал, по «фотокопии сигнального экземпляра» не вышедшего 14-го тома Сочинений И.В. Сталина². Позднее была введена в научный оборот дневниковая запись Г. Димитрова (*док. № 1*), в которой давалась еще одна интерпретация этого выступления.

Благодаря архивным поискам М.А. Леушину удалось прояснить некоторые подробности работы составителей 14-го тома Сочинений Сталина по подготовке к печати «таджикской речи». Леушин отмечал, что хотя информацию

¹ Правда. 1941. 23 апреля.

² Латышев А. Указ. соч.

о приеме в Кремле участников декады таджикского искусства поместили все центральные советские газеты, ни текста этой речи, ни даже ее корреспондентской записи опубликовано не было. Подобного рода материалы отсутствовали и в макете 14-го тома Сочинений Сталина, подготовленного ИМЭЛ в 1946 г. 24 января 1948 г. по распоряжению Сталина А.Н. Поскребышев переслал 2 экземпляра записи упомянутого застольного выступления вождя первому секретарю ЦК КП(б) Таджикистана Б.Г. Гафурову. Она цитировалась в докладе секретаря компартии Таджикистана М.С. Шилкина¹ и в статье А. Климовича «Насущные задачи советского литературоведения»². М.А. Леушин сделал вывод, что «таджикская речь» Сталина в 1948 г. по прямому указанию вождя «получила статус важного идеологического документа»³.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) получил запись этой речи 11 апреля 1949 г. в виде незаверенной машинописной копии на 3-х листах от И.С. Брагинского⁴. Полученную машинописную копию направили в аппарат ЦК ВКП(б), а оттуда — в Особый сектор ЦК для проверки. Сверенный текст был возвращен в ИМЭЛ 19 апреля 1949 г. Заведующая Особым сектором ЦК Л.И. Силина, которая заверяла машинописную копию документа, в своей сопроводительной записке указала дату приема участников

¹ *Шилкин М.С.* Выше уровень идеологической работы // Коммунист Таджикистана. 1948. 30 мая.

² *Климович А.* Насущные задачи советского литературоведения // Литературная газета. 1948. 26 янв.

³ *Леушин М.А.* Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945—1955 гг. Дис... к.и.н. М., 2000. С. 386.

⁴ Брагинский Иосиф Самуилович (1905 — 1989), советский востоковед (иранист). В 1931 г. окончил индо-афганское отделение общественно-политического факультета. В 1938 — 1940 гг. преподавал в Сталинабадском государственном педагогическом институте, защитил кандидатскую диссертацию (1940). В 1940 г. призван в Красную армию, батальонный комиссар 7-го отдела Главного управления политической пропаганды РККА (по работе среди войск и населения противника). Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1949 — 1952 гг. преподавал в Военном институте иностранных языков.

декады таджикского искусства в Кремле (22 апреля 1941 г.). Она также приложила копию записки А.Н. Поскребышева Б.Г. Гафурову от 24 января 1948 г. о направлении ему, по указанию Сталина, 2-х экземпляров речи на приеме участников декады таджикского искусства¹. М.А. Леушин предположил, что эта записка устанавливала идентичность заверяемой копии тексту, полученному первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана. Историк также поставил закономерный вопрос: почему Сталин не дал указания о передаче текста своего выступления 22 апреля 1941 г. напрямую в ИМЭЛ, как это имело место в случае с Гафуровым?

Кроме этого, М.А. Леушину удалось выяснить, что в подготовленный ИМЭЛС в 1954 г. макет 14-го тома Сочинений Сталина был включен вариант сталинской речи на приеме участников декады таджикского искусства, воспроизводивший заверенную Особым отделом ЦК ВКП(б) копию. Леушин отметил наличие еще одного ее варианта (с пометкой «запись на память»), происхождение и аутентичность которого для него остались неизвестными. Он также выявил архивные документы, позволяющие проследить различные стадии работы сотрудников Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС (ИМЭЛС) над текстом, предназначенным для публикации в 14-м томе сталинских Сочинений (расстановка знаков препинания, изменение окончаний слов, текстуальные предложения и т.д. и т.п.), которая велась в 1954 — 1956 гг. Наконец, М.А. Леушин указал на то, что в напечатанный небольшим тиражом окончательный вариант макета этого тома (1956 г.) речь 22 апреля 1941 г. вошла с орфографическими исправлениями и двумя снятыми фразами по сравнению с исходным текстом.

Леушин находил в речи Сталина 22 апреля 1941 г. мысли, «почти текстуально совпадающие» с теми, которые отразились в тостах вождя на товарищеском вечере в честь 60-летия К.Е. Ворошилова 4 февраля 1941 г.² Историк указал на то, что некоторые положения, высказанные Сталиным в этой речи, присутствовали в сталинском «идеологическом дискурсе»

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 132. Л. 194.

² Подробнее см.: ЗРС. С. 239–243.

в течение длительного времени. В доказательство М.А. Леушин привел факты их отражения в приветствии Сталина трудящимся Таджикистана от 6 марта 1925 г. и в его выступлении на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 г.¹

В приложении к своей кандидатской диссертации Леушин опубликовал сталинское выступление на приеме в Кремле участников декады таджикского искусства «по архивному тексту, заверенному Особым сектором ЦК». В этой публикации он специально выделил слова и выражения, вызвавшие разночтения, и привел варианты их написания по «не заверенному экземпляру текста» (также хранящемуся в архиве), подчеркнув фразы, снятые сотрудниками ИМЭЛС².

* * *

В целом М.А. Леушин проделал большую работу по выяснению обстоятельств, при которых ИМЭЛ получил текст сталинского застольного выступления 22 апреля 1941 г. Но, к сожалению, ему не удалось расставить все точки над *i* в данном вопросе. Во-первых, историк не ответил на сформулированный им же вопрос: почему отсутствовало указание Сталина о передаче текста речи на приеме участников декады таджикского искусства сотрудникам ИМЭЛ, тогда как этот текст был передан Гафурову.

Во-вторых, ему не удалось выяснить, какой именно вариант «таджикской речи» получил Б.Г. Гафуров. Вряд ли это мог быть текст, представленный И.С. Брагинским, поскольку он оказался в распоряжении сотрудников ИМЭЛ 11 апреля 1949 г. Гафурову же, как уже отмечалось, запись упомянутого сталинского выступления направили 24 января 1948 г. Упоминание М.А. Леушина о существовании варианта сталинского выступления 22 апреля 1941 г., «происхождение и аутентичность которого неизвестно» и который имел пометку «запись на память»³, еще больше запутывало дело.

¹ Леушин М.А. Указ. соч. С. 386—387, 389.

² Там же. С. 387—389; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4314. Л. 2—4.

³ Леушин М.А. Указ. соч. С. 387.

К настоящему времени выявлено несколько записей «таджикской речи» 22 апреля 1941 г. Первая зафиксирована в опубликованном дневнике Г. Димитрова (*док. № 1*). Еще три выявлены в личном архивном фонде Сталина (*док. № 2, док. № 3, док. № 4*). Наконец, пятая, наиболее краткая запись, отразилась в ранее не публиковавшемся дневнике Л.К. Бронтмана (см. *Приложение № 3*).

Док. № 1

1941 г., 22 апреля.

Из дневника Г.М. Димитрова

«— Вечером прием в Кремле участников декады таджикского искусства.

Замечательный вечер.

В конце И[осиф] В[иссарионович] выступил с тостом за Ленина:

«Благодарю за приветствие и сочувствие, которые вы мне оказываете... Люди привыкли хвалить живых вождей, пока они не свалились. Раз умерли — их забывают. Эти нравы нехорошие, хотя и общераспространенные. Мы, большевики, привыкли плыть и против течения. И мы отвергаем эти нравы. Мы не должны забывать о том великом человеке, которому обязаны всем, что имеем и что достигли. Не должны забывать о Ленине. Ленин всех нас породил, выковал, организовал, вооружил, нацелил. Он создал партию большевиков, которая не знает страха перед трудностями, не знает страха в борьбе. Он создал новую идеологию человечества, идеологию дружбы и любви между народами, равенства между расами. Идеология, которая ставит одну расу выше других и требует, чтобы другие расы этой расе были подчинены, это мертвая идеология, она не может долго продержаться... Поднимем тост за Ленина — нашего учителя, нашего воспитателя, нашего отца.

Таджикский народ особый, он имеет старую, богатую культуру. Выше стоит, чем узбеки и казахстанцы. Это проявилось особенно в декаде. Мы желаем ему дальнейшего процветания, а москвичам — чтобы ему всемерно помогали!»¹.

¹ ЗРС. Док. № 52.

*Док. № 2**1941 г., ранее 23 апреля.**Запись речи, сделанная сотрудниками
ТАСС и редакции газеты «Правда»*

«— Товарищи, — говорит товарищ Сталин, — я очень благодарен вам за то сочувствие и внимание, которое вы проявляете ко мне. У людей вообще так принято — если человек умер — забыть о нем, человек жив — хвалить его, если он, конечно, заслужил. Я еще раз благодарю за доверие и внимание. Но я должен сказать, что все мы, руководители, сидящие здесь, являемся только тенью, птенцами, учениками человека, который умер, но который вечно будет жить в истории. Мы являемся тенью, учениками великого Ленина. О нем иногда забывают. Это свойственно людям: мертвых предавать забвению, хвалить живых, пока они не скovyрнулись. Как только живые, как в старину говорили, «кумиры», а теперь говорят вожди, извиняюсь, скovyрнулись, — о них забывают. Я не говорю, что эта старая человеческая привычка является достоинством. Мы не должны мириться с этой привычкой. Мы, большевики, идем против течения и я, как большевик, должен сказать, что надо всегда помнить человека, который нас воспитал, ковал нас, вел за собою, сделал настоящими людьми, приучил нас не знать страха в борьбе.

Мы вот теперь наслаждаемся плодами политики, я бы сказал, политики открытой и организованной Лениным, наслаждаемся здесь дружбой народов. Это великое дело. Здесь есть не только молодые, но и старики вроде меня. И они должны помнить, что именно мы, старые большевики, именовали Россию тюрьмой народов. Молодым это может быть и не обязательно помнить, но мы, старики, это помним хорошо. Эту тюрьму народов превратил в союз свободных народов — Ленин. Это он приучил нас беречь этот великий союз, эту великую дружбу народов, союз народов свободной страны.

Вы не думайте, что я из ложной скромности готов преуменьшить заслуги живых. Нет, это не так. И заслуги живых велики и о них мы должны помнить. Но человек, который нас выковал, воспитал, закалил — это Ленин. Забывать его нельзя. Он создал новую идеологию, идеологию дружбы народов, любви народов друг к другу. Была старая идеология, смысл ко-

торой заключается в том, что одна раса поднималась до небес, а другие принижались, закабалились. Эта идеология мертвая. Ленин создал новую идеологию, он создал партию, которая следует этой новой идеологии, смысл которой заключается в том, что все народы равны. Вот почему мы должны всегда помнить о Ленине. Скажу по-восточному: мы являемся его тенью на земле, мы светим его отраженным светом.

За Ленина!

— Я хотел бы поднять тост, — говорит товарищ Сталин, — за здоровье и процветание таджикского народа. Таджики — это настоящий народ — носитель короны, как называли их иранцы и они, таджики, это оправдали. Это особый народ, это не узбеки, не киргизы, не казахи, это самый древний народ из всех народов Средней Азии. Из всех нерусских народов, живущих в пределах СССР, таджики — единственный народ, который является не русским, не грузинским, не армянским, не тюркским, а иранской народностью. Это люди старинной культуры. Это народ очень старой и очень серьезной культуры. Вы заметили наверное, что искусство этих людей потоньше, они тоньше понимают и чувствуют искусство. Это народ, интеллигенция которого родила Фирдоуси и недаром таджики ведут от него свои культурные традиции. У этого народа есть своя специфика как в музыке, так и в театре, так и в танце. Это особые традиции старой большой культуры.

У нас часто смешивают таджиков с узбеками, узбеков с армянами, армян с грузинами. Это смешно и неправильно. Между тем таджики начали создавать культурные ценности, искусство еще в глубокой древности. Таджики — народ, имеющий большую будущность в наших советских условиях. Вот почему таджикский народ должен быть окружен всемерной заботой всего нашего Советского Союза, вот почему искусство таджикского народа надо всемерно развивать и окружить его вниманием.

Разрешите поднять тост за процветание таджикского народа, за то, чтобы этот народ процветал, за то, чтобы всемерно развивались его культура и искусство.

За то, чтобы мы, москвичи, готовы были в любой момент оказать помощь таджикскому народу»¹.

¹ ЗРС. Док. № 53.

Док. № 3

1949 г, не позднее 11 апреля.

Запись «на память»¹22.IV. 41 г.²

Речь товарища Сталина при приеме
участников декады таджикского
искусства руководителями партии и правительства
(Запись на память)³

«Товарищи!

Благодарю Вас за Ваше доверие, сочувствие и пожелания. Но у людей есть одна плохая привычка — хвалить живых, если они, понятно, этого заслуживают, а мертвых — предавать забвению. Как в старину называли кумиров или как сейчас говорят, вождей хвалят, выражают им сочувствие, пока они, извиняюсь, не скovyрнулись, а когда они умирают, то их иногда забывают. Я бы не сказал, что эта привычка является достоинством, чтобы она отвечала большевистским традициям. Вы знаете, что мы большевики привыкли идти против течения, и я, как большевик, хочу сегодня сказать о человеке, который хотя и умер, но будет вечно существовать в истории. Я хочу сказать о том человеке, который нас воспитал, учил, иногда журил, иногда хвалил, который сделал нас людьми, о ЛЕНИНЕ.

Это он, Ленин, научил нас работать так как нужно работать большевикам, не зная страха и не останавливаясь ни перед какими трудностями, работать так, как учил нас ЛЕНИН.

Мы являемся лишь его тенью, его птенцами и учениками.

Было бы ложной скромностью с моей стороны сказать, что мы, нынешние руководители партии и правительства, ничего не сделали, не имеем достижений. Нет, у нас имеются и успехи, но всему этому мы обязаны ЛЕНИНУ.

Вот мы с вами наслаждаемся здесь плодами дружбы на-

¹ Сохранены орфография и пунктуация документа.

² Помета сделана простым карандашом.

³ Заголовок документа.

родов. Я вижу, что здесь, кроме молодежи, присутствуют и старики, например, я. Так вот мы, старики, помним, молодежь может и не помнить, да молодежь, пожалуй и не обязательно помнить — но мы старые большевики помним о том, как мы называли старую, царскую Россию — тюрьмой народов, сейчас мы имеем Советский Союз — широкую ниву, на которой работают свободные равноправные народы. Таковы результаты политики дружбы народов.

Но кто воспитал и организовал эту политику? — ЛЕНИН.

Это он, Ленин, старой идеологии, заключающейся в том, что одна раса возвышается до небес, а другие народы унижаются и придавливаются, этой старой идеологии, являющейся мертвой, не имеющей будущности Ленин противопоставил новую идеологию — идеологию дружбы народов, заключающуюся в том, что все народы равноправны.

Эта идеология победила и мы переживаем все ее плоды, а организовал эту политику — ЛЕНИН.

Я скажу по-восточному — мы только его тень на земле и светим его отраженным светом.

Я предлагаю тост за ЛЕНИНА.

Я хочу сказать несколько слов о таджиках. Таджики — это особый народ, это не узбеки, не казахи, не киргизы, — это — таджики, самый древний народ Средней Азии. Таджик это значит носитель короны, так их называли иранцы, и таджики оправдали это название.

Из всех нерусских народов на территории СССР, таджики являются единственным не русским, не армянским, не грузинским, не тюркским, а иранской народностью. Таджики это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси, и недаром, они таджики, ведут от него свои культурные традиции. Вы должно быть чувствовали в период декады, что у них, у таджиков, все тоньше, их древняя культура и художественный вкус проявляются в музыке, и в песне, и в танце.

Иногда у нас русские товарищи всех смешивают: таджика с узбеком, узбека с туркменом, армянина с грузином. Это смешно и неправильно. Таджики это особый народ с древней большой культурой, и в наших советских условиях им принадлежит большая будущность. И помочь им в этом должен весь Советский

Союз. Я хотел бы, чтобы их искусство было окружено всеобщим вниманием. Я поднимаю тост за то, чтобы процветало таджикское искусство, таджикский народ; за то, чтобы мы, москвичи, были всегда готовы помочь им во всем, что необходимо»¹.

Док. № 4

1949 г., не позднее 19 апреля.

Исправленный вариант «записи на память»²

«Арх. т. Стал.
(испр. экз.)»³

Речь товарища Сталина при приеме
участников декады таджикского искусства
руководителями партии и правительства в 1941 г.⁴

Товарищи!

Благодарю Вас за Ваше доверие, сочувствие и пожелания. Но у людей есть одна плохая привычка — хвалить живых, если они, понятно, этого заслуживают, а мертвых — предавать забвению. Как в старину называли кумиров или как сейчас говорят, вождей хвалят, выражают им сочувствие, пока они не померли, а когда они умирают, то их иногда забывают. Я бы не сказал, что эта привычка является достоинством, чтобы она отвечала большевистским традициям. Вы знаете, что мы, большевики, привыкли идти против течения и я, как большевик, хочу сегодня сказать о человеке, который хотя и умер, но будет вечно жить в истории. Я хочу сказать о том человеке, который нас воспитал, учил, иногда журил, иногда хвалил, который сделал нас людьми, — о ЛЕНИНЕ.

Это он, ЛЕНИН, научил нас работать так, как нужно работать большевикам, не зная страха и не останавливаясь ни перед какими трудностями, работать так, как ЛЕНИН.

¹ ЗРС. Док. № 54.

² Сохранены орфография и пунктуация документа.

³ Помета сделана простым карандашом, вероятно, рукой А.Н. Поскребышева.

⁴ Сохранен заголовок архивного документа.

Мы являемся его тенью, его птенцами и учениками.

Было бы ложной скромностью с моей стороны сказать, что мы, нынешние руководители партии и правительства, ничего не сделали, не имеем достижений. Нет, у нас имеются и успехи, но всем этим мы обязаны ЛЕНИНУ.

Вот мы с вами наслаждаемся здесь плодами дружбы народов. Я вижу, что здесь кроме молодежи присутствуют и старики, например, я. Так вот мы, старики, помним, молодежь может и не помнит, да молодежи, пожалуй и не обязательно помнить, но мы старые большевики помним о том, как мы называли старую, царскую Россию тюрьмой народов. Сейчас мы имеем Советский Союз — широкую ниву, на которой работают свободные равноправные народы. Таковы результаты политики дружбы народов.

Но кто выработал эту политику? — ЛЕНИН.

Это он, Ленин, противопоставил старой идеологии, заключающейся в том, что одна раса возвышается до небес, а другие народы принижаются и угнетаются, этой старой идеологии, являющейся мертвой, не имеющей будущности, противопоставил новую идеологию — идеологию дружбы народов, заключающуюся в том, что все народы равноправны.

Эта идеология победила, и мы пользуемся ее плодами. А организовал эту политику — ЛЕНИН.

Я скажу по восточному — мы его тень на земле и светим его отраженным светом.

Я предлагаю тост за ЛЕНИНА.

Я хочу сказать несколько слов о таджиках. Таджики — это особый народ. Это не узбеки, не казахи, не киргизы, это — таджики, самый древний народ Средней Азии. Таджик — это значит носитель короны, так их называли иранцы, и таджики оправдали это название.

Из всех нерусских мусульманских народов на территории СССР таджики являются единственной не тюркской, — иранской народностью. Таджики — это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси, и недаром они таджики, ведут от него свои культурные традиции. Вы должно быть чувствовали в период декады, что у них, у таджиков, художественное чутье тоньше, их древняя культура и художественный вкус проявляются и в музыке, и в песне, и в танце.

Иногда у нас русские товарищи всех смешивают: таджика с узбеком, узбека с туркменом, армянина с грузином. Это, конечно, неправильно. Таджики это особый народ с древней большой культурой и в наших советских условиях им принадлежит большая будущность. И помочь им в этом должен весь Советский Союз. Я хотел бы, чтобы их искусство было окружено всеобщим вниманием.

Я поднимаю тост за то, чтобы процветало таджикское искусство, таджикский народ, за то, чтобы мы, москвичи, были всегда готовы помочь им во всем, что необходимо.

22.IV. 41¹»².

Один из вариантов записи речи Сталина на приеме участников декады таджикского искусства, подготовленный сотрудниками Телеграфного агентства Советского Союза и редакции газеты «Правда» (док. № 2), был 23 апреля 1941 г. направлен А.Н. Поскребышеву с сопроводительной запиской ответственного руководителя ТАСС Я.С. Хавинсона³. Из дневника Л.К. Бронтмана следует, что среди тех, кто подготовил запись сталинской речи, был член редколлегии газеты «Правда» О.И. Курганов (Эстеркин). По свидетельству Бронтмана, эта запись была отослана «туда» (т.е. в секретариат Сталина), но «оттуда» не вернулась (см. *Приложение № 3*).

В 1947 и 1948 гг. Поскребышев передавал на просмотр Сталину тексты некоторых ранее не публиковавшихся его выступлений и писем, сохранившихся в архиве ЦК ВКП(б)⁴. Среди прочего Поскребышев упоминал о наличии не выправленной записи речи 22 апреля 1941 г.⁵ Вполне возможно, что в данном случае имелся в виду док. № 2.

Таджикский историк Р. Масов подробно проанализировал содержание докладной записки Б.Г. Гафурова и Н. Прохорова «О работе по созданию истории таджиков и Таджикистана»,

¹ Дата проставлена простым карандашом.

² ЗРС. Док. № 55.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1125. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 1099. Л. 56, 59.

⁵ Там же. Л. 56.

направленной в ЦК ВКП(б) в 1944 г.¹ В упомянутой докладной записке подчеркивалось, со ссылкой на сталинскую речь 22 апреля 1941 г., что «указанные выше высказывания Сталина должны учитываться, конечно, не только при составлении истории таджиков и Таджикистана, но и при составлении истории других народов Средней Азии»².

Прозвучавшая в речи Сталина мысль о том, что именно таджики являются наиболее древним народом Средней Азии, единственным на ее территории ираноязычным народом, по мнению Масова, находилась в полном соответствии с мнением, высказанным по этому вопросу всеми наиболее компетентными ирановедами. Данное обстоятельство, по словам Масова, не только вдохновило, но и обезопасило Гафурова при создании «Истории таджикского народа», вышедшей в свет в послевоенные годы³.

Скорее всего, вариант записи «таджикской речи» (док. № 2) 24 января 1948 г. по распоряжению Сталина был направлен Б.Г. Гафурову. Накануне, 23 января 1948 г., первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана вместе с председателем Совета министров республики Д. Расуловым с 22 час 35 мин до 23 час 20 мин находились в сталинском кабинете в Кремле. С 22 час 30 мин 23 января до 1 час 15 мин 24 января там же находился и А.А. Жданов⁴, который, как известно, курировал в ЦК ВКП(б) вопросы идеологии.

Р. Масов отмечал, что Б.Г. Гафуров пытался привлечь к изучению истории таджикского народа крупнейших русских ученых — М.С. Андреева, А.А. Семёнова, В.В. Струве, И.И. Умнякова, А.Ю. Якубовского⁵. Сохранилось письмо Гафурова от 22 апреля 1948 г., направленное академику Л.А. Орбели. В этом письме Б.Г. Гафуров сообщал о том, что состоялась беседа со Сталиным «по вопросам истории таджи-

¹ Масов Р. Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа. — Душанбе, 2009. С. 8. К сожалению, Масов не дает точной ссылки на этот источник. — В.Н.

² Там же. С. 11–12.

³ Там же. С. 10–11.

⁴ На приеме у Сталина... С. 498.

⁵ Там же. С. 18.

ков и Таджикистана». При этом, по словам Гафурова, вождь «дал высокую оценку историческому прошлому таджиков», поставив перед историками Таджикистана «боевую задачу — шире популяризировать свое богатое прошлое».

В своем письме на имя Орбели Гафуров также указывал, что по поручению Сталина в августе 1948 г. предполагается проведение совещания в ЦК ВКП(б) «по истории таджиков и Таджикистана». Б.Г. Гафуров в связи с этим просил самого Л.А. Орбели, а также К.В. Тревер и А.Ю. Якубовского принять участие в этом совещании. К письму Гафурова на имя Орбели был приложен («для сведения») текст речи Сталина на приеме участников декады таджикского искусства, «просмотренный им еще раз в 1948 году»¹.

Можно также предположить, что во время упомянутой беседы, состоявшейся в кремлевском кабинете в ночь с 23 на 24 января 1948 г., Сталин дал Гафурову указания, о которых тот упоминал позднее (3 июня 1949 г.) в своем письме на имя вождя. Смысл сталинских указаний руководителям Таджикистана сводился к тому, что необходимо всемерно усиливать работу «по поднятию патриотизма трудящихся» республики. В упомянутом письме Б.Г. Гафуров информировал Сталина, что в свете этих указаний был проведен ряд мероприятий «по изучению богатого прошлого таджикского народа»: осуществлен перевод на русский язык произведений таджикских классиков; выпущен первый том истории таджикского народа и началась работа над вторым томом.

Гафуров также писал Сталину 3 июня 1949 г., что при подготовке трудов по истории и культуре Таджикистана «большую помощь» оказало его выступление 22 апреля 1941 г. Узкий круг интеллигенции Таджикской ССР имел представление о содержании этого выступления, но опубликовано оно не было, поскольку не поступило никаких указаний на сей счет. В связи с приближавшейся 20-летней годовщиной Таджикской Советской Социалистической Республики Гафуров в своем письме просил Сталина разрешить опубликовать его речь на

¹ Переписка академиков-востоковедов Л.А. Орбели (1887 — 1961) и Б.Г. Гафурова (1909 — 1977) // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2003. № 6. С. 126.

кремлевском приеме 22 апреля 1941 г.¹ К сожалению, пока неизвестно, как именноотреагировал иотреагировал ли вообще И.В. Сталин на этот запрос.

Еще один вариант записи речи вождя 22 апреля 1941 г. (*док. № 3*), как уже отмечалось, был получен 11 апреля 1949 г. Центральным партархивом «от тов. И.С. Брагинского». Возможно, И.С. Брагинский был в числе приглашенных на прием участников декады таджикского искусства² и вел запись сталинской речи, которая была передана им в ИМЭЛ. В случае если Брагинский не присутствовал на упомянутом приеме, то мог получить эту запись от другого лица, хотя последнее предположение представляется весьма сомнительным. Так или иначе, но при сравнении текста «записи на память» (*док. № 3*) и того текста, который М.А. Леушин поместил в приложении к своей диссертации и определил как «не заверенный» (т.е. первоначальный) экземпляр, легко убедиться, что они идентичны. Следовательно, текст, переданный в ИМЭЛ И.С. Брагинским, после соответствующей правки, произведенной между 11 и 19 апреля 1949 г., лег в основу того варианта «таджикской речи», который и был включен в окончательный макет 14-го тома Сочинений И.В. Сталина (*док. № 4*).

Решение о включении этого текста в макет 14-го тома было принято в июне 1953 г.³ В 1954 г. сотрудники ИМЭЛС подготовили для Комиссии ЦК КПСС очередной вариант макета тома, изменения в который были внесены в феврале 1955 г. В нем, в частности, представлена и сталинская речь на приеме участников декады таджикского искусства⁴. В сентябре 1955 г. директор ИМЭЛС Г.Д. Обичкин обратился с письмом в ЦК КПСС, прося разрешения завершить издание Сочинений И.В. Сталина в 1955 — 1956 гг. Обичкин сообщил также, что

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1173. Л. 30.

² 24 апреля 1941 г. в газете «Правда» за его подписью вышла статья, в которой в полном соответствии с установками сталинской речи на этом приеме характеризовался процесс формирования таджикской литературы (*Брагинский И. Тысяча лет таджикской литературы // Правда. 1941. 24 апреля*).

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 132. Л. 195.

⁴ Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 126. Л. 373–375; Ф. 558. Оп. 11. Д. 1072. Л. 195–196.

в 14-й том Сочинений предполагалось включить сталинские произведения за июнь 1934 — апрель 1941 гг. (в макете 1946 г. хронологические рамки ограничивались 1940 г.). В их числе называлась и «таджикская речь»¹.

Существенная смысловая правка была внесена сотрудниками ИМЭЛ в ту часть текста сталинского выступления 22 апреля 1941 г., где давалась характеристика таджикского народа. Из него была изъята фраза, в которой проглядывалось прямое противопоставление таджиков другим народам Средней Азии и Казахстана, причем явно не в пользу последних. Говоря о таджикском народе как о самом древнем народе Средней Азии, Сталин подчеркнул, что таджики — это иранская народность и что сами иранцы называли таджиков «носителями короны», а последние якобы «оправдали это название» (*док. № 2, 3*).

Данное противопоставление, сформулированное в нарочитой форме, скорее всего, противоречило прозвучавшему в этом же выступлении сталинскому утверждению о «свободных равноправных народах» Советского Союза и ленинской национальной политике, отрицавшей «мертвую идеологию» «возвышения до небес» одних народов и «унижения» других. Очевидно, именно поэтому при редактировании сотрудниками ИМЭЛ «записи по памяти» в нее была внесена соответствующая правка (*док. № 4*).

Прием участников декады таджикского искусства проходил в день рождения В.И. Ленина. Поэтому ленинская тема нашла свое отражение в выступлении Сталина. В своем тосте «за Ленина» Сталин уже по традиции отдал дань человеку, который не только «породил», но «воспитал», «выковал» будущих большевистских руководителей. Но в этом сталинском тосте прозвучали и новые мотивы. Он подчеркнул, что Ленину принадлежит приоритет в формировании советской национальной политики, превратившей «тюрьму народов» — царскую Россию в СССР, «союз свободных народов».

Сталин в своем застольном выступлении 22 апреля 1941 г. пожелал процветания таджикскому народу, достижений в области культуры и искусства. Он также заявил о готовности оказать таджикам помощь во всем, что необходимо для

¹ Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 132. Л. 252.

этого. И эти сталинские слова не разошлись с делом. Вечером 23 апреля 1941 г. Сталин в присутствии В.М. Молотова принимал в своем кабинете в Кремле председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, а также первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Д.З. Протопопова и председателя Совнаркома республики М. Курбанова¹. Вероятно, во время этой встречи обсуждались вопросы, связанные с мероприятиями по укреплению материальной базы культуры Таджикистана (в частности, по поддержке развития театрального искусства), а также с награждением и премированием участников декады таджикского искусства в Москве. Указы Верховного Совета и постановления Совета Народных Комиссаров СССР по этим вопросам были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и опубликованы в центральных советских газетах².

Прием участников декады таджикского искусства в Кремле, сопровождавшийся концертом, завершился ближе к полуночи. Однако, судя по воспоминаниям писателя и драматурга Н.Е. Вирты³, сталинское застолье на этом не закончилось. Все гости из Таджикистана, за небольшим исключением, попрощались с хозяином, а сам он до 7-ми часов утра продолжал вести оживленную застольную беседу в бывших императорских покоях, примыкавших к залам Большого Кремлевского дворца, с представителями советской интеллектуальной элиты: писателями, кинематографистами, певцами, музыкантами.

Воспоминания Н.Е. Вирты о застолье, имевшем место по окончании приема участников декады таджикского искусства, на которые уже давались ссылки, по-своему уникальны, однако, к сожалению, не во всем подтверждаются другими источниками. Эти воспоминания в качестве составной части вошли в рукопись его статьи, предназначавшейся для публикации в «Литературной газете» 17 декабря 1949 г.. Главный редактор этого издания В.В. Ермилов направил А.Н. Поскребышеву материалы Н.Е. Вирты и известного кинорежиссера И.А. Пырьева, которые редколлегия хотела бы «напечатать

¹ На приеме у Сталина... С. 231.

² Правда. 1941. 24 апр.

³ ЗРС. Док. № 56.

21 декабря, в номере, посвященном семидесятилетию Иосифа Виссарионовича Сталина»¹.

Однако «после соответствующих исправлений» в «Литературной газете» 21 декабря 1949 г. была помещена лишь юбилейная статья Пырьева. Материал Н.Е. Вирты, который А.Н. Поскребышев переслал в ИМЭЛ, не был рекомендован к публикации его руководством. 28 декабря 1949 г. В.С. Кружков и его заместитель в своем письме, направленном в Особый сектор ЦК ВКП(б), изложили свои критические замечания по поводу этой рукописи. Они сообщали, что рукопись Н.Е. Вирты «не была опубликована в силу ее непригодности к печати». В статье якобы «чрезмерно выпячивается личность ее автора», т.е. Вирты. И как приговор звучало окончательное заключение руководства ИМЭЛ: «Личные воспоминания т. Вирты о товарище Сталине И.В. не дают *правильного представления* (курсив мой. — В.Н.) об образе вождя»².

Декада таджикского искусства в Москве и сталинская речь на приеме ее участников интерпретировались предвоенной советской пропагандой как новое подтверждение торжества национальной и культурной политики, которая проводилась под руководством Сталина. Центральные советские газеты того времени брали за основу мысли, которые высказал вождь в этом выступлении. Так, в передовой статье газеты «Правда» близко к тексту пересказывались формулировки из тоста Сталина, провозглашенного на приеме участников декады таджикского искусства в Кремле: о создании В.И. Лениным партии, которая следует «новой идеологии» дружбы и равенства народов, противостоящей «старым, отжившим идеологиям расовой и национальной вражды». В унисон сталинским мыслям в упомянутой публикации говорилось об «очаровательном своеобразии таджикского искусства», базировавшемся на древней высокой культуре, ведущей свое начало от Фирдоуси, Гафиза и Саади. Наконец, в передовой статье «Правды», как и в сталинском выступлении 22 апреля 1941 г., акцентировалось внимание на том, что таджики являются иранской народностью³.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Правда. 1941. 24 апр.

М.И. Калинин, который вручал в Кремле ордена и медали участникам декады таджикского искусства, прямо ссылаясь на сталинское высказывание, подчеркивая, что культура таджиков — «старая, запас ее у народа очень большой, эта культура отличается особой тонкостью»¹.

5.2. «Красная армия — армия наступательная...»

4 мая 1941 г. Политбюро утвердило смену Сталиным В.М. Молотова в должности Председателя СНК СССР. Молотов оставался главой советского внешнеполитического ведомства. Кроме того, он был назначен заместителем председателя СНК СССР. Однако эти перемещения в высших эшелонах власти означали явное понижение положения В.М. Молотова, который из главы правительства переместился на уровень одного из 15-ти зампредов Председателя Совнаркома².

Столь значительная, вызвавшая широкий мировой резонанс акция, как смена главы советского правительства В.М. Молотова, диктовалась вескими причинами. Во-первых, Молотов оставался одним из немногих членов прежнего узкого руководства, кто сумел сохранить свои старые позиции во властных партийно-государственных структурах. Но он олицетворял руководство, постепенно сходявшее с политической арены.

Во-вторых, возможная резкая смена внешнеполитического курса в преддверии неминуемого вооруженного столкновения с Германией должна была быть обеспечена заменой тех, кто являлся ее олицетворением. Имя В.М. Молотова больше других связывали с политикой советско-германского сближения: он подписал пакт о ненападении с Риббентропом, возглавлял официальную советскую делегацию в Берлин и вел переговоры с Гитлером в ноябре 1940 г.³

Вечером 5 мая 1941 г. в Кремле прошли торжества по случаю выпуска слушателей военных академий Красной армии. Выпускники, представлявшие 16 академий РККА и 9 военных

¹ Правда. 1941. 26 апр.

² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти... С. 101.

³ Там же. С. 90.

факультетов гражданских высших учебных заведений СССР, с большим вниманием выслушали сорокаминутную речь Сталина. Затем для «военных академиков» в Большом Кремлевском дворце был устроен прием, в котором участвовали руководители большевистской партии, Советского правительства, высший командный состав Красной армии, депутаты Верховного Совета СССР, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда. В ходе приема Сталин, находившийся, по свидетельству очевидцев, в хорошем расположении духа, неоднократно брал слово, провозглашал здравицы в честь представителей различных родов войск, выступал с репликами.

Несмотря на всю очевидную важность сталинских выступлений перед выпускниками военных академий, центральные советские газеты, вышедшие 6 мая 1941 г., ограничились лишь несколькими фразами об их содержании. В течение полувека исследователи не могли получить объективной информации на сей счет, а документы архивов СССР по данному вопросу оставались на секретном хранении и по этой причине не были введены в научный оборот.

18 мая 1948 г. в ИМЭЛ поступила так называемая «краткая запись» сказанного Сталиным на выпуске «военных академиков»¹. Речи, тосты и реплики на банкете записал К.В. Семёнов (предположительно, сотрудник народного комиссариата обороны СССР). По неизвестной пока причине эта запись не была включена в готовившийся тогда Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) 14-й том Собрания сочинений Сталина. Она была впервые опубликована вначале в Германии², а затем неоднократно перепечатывалась на русском языке.

Как оказалось, «краткая запись» К.В. Семёнова — одна из главных, но отнюдь не единственная, запечатлевшая застольные речи вождя 5 мая 1941 г. Сохранились и другие многочисленные источники. Часть из них была включена в научные публикации³.

¹ Там же. Док. № 35.

² *Besymenski L.* Die Rede Stalins am 5. Mai 1941: Documentiert und Interpretiert // Osteuropa. 1992. № 3. S. 262–282.

³ ЗРС.

Эти источники можно условно разделить на три основные группы. Первая группа — дневниковые записи очевидцев, непосредственно присутствовавших на торжествах в Кремле по случаю выпуска слушателей военных академий, чьи свидетельства заслуживают первостепенного внимания. К их числу принадлежали В.А. Малышев¹ и Г.М. Димитров². Судя по газетным отчетам, Димитров и Малышев присутствовали на этих торжествах³ и, естественно, слышали тосты и реплики вождя во время приёма (банкета). Ценность дневниковых записей Г.М. Димитрова и В.А. Малышева по данному сюжету состоит, главным образом, в том, что они сделаны буквально по горячим следам, 5 мая 1941 г., и сходны по содержанию.

Другую группу составляют мемуары. Сюда относятся воспоминания полярного лётчика М.И. Шевелёва⁴, выпускников военных академий 1941 г. М.Г. Вайнруба⁵, Н.Г. Лященко⁶ и Э. Муратова⁷.

К третьей группе источников о содержании застольных речей Сталина 5 мая 1941 г. можно отнести такие специфические документы, как записи показаний плененных немцами в ходе войны 1941 — 1945 гг. командиров Красной армии⁸.

После восстановления в Советском Союзе смертной казни (январь 1950 г.) Министр государственной безопасности СССР В.А. Абакумов дважды (23 марта и 11 апреля 1950 г.) направлял Сталину списки подлежащих осуждению Военной коллегией Верховного Суда СССР с применением высшей меры наказания. Будущие подсудимые, упомянутые в этих списках, априори лишались права обжалования приговора и подачи ходатайства о помиловании. В обоих вышеупомянутых списках фигурировал генерал-майор Красной армии А.З. Наумов, плененный немцами и перешедший к ним на службу. Наумов

¹ Там же. Док. № 58.

² Там же. Док. № 59.

³ Правда. 1941. 6 мая.

⁴ ЗРС. Док. № 63.

⁵ Там же. Док. № 64.

⁶ Лященко Н.Г. Указ. соч.

⁷ ЗРС. Док. № 65.

⁸ Там же. Док. № 60, 61.

был назван изменником родины. Среди прочего ему вменялось в вину следующее: «Выдал немцам содержание выступления товарища СТАЛИНА 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии (sic! — *В.Н.*)¹. Однако на самом деле А.З. Наумов принадлежал к числу командиров РККА, которые пересказывали в беседах с немецкими представителями содержание сталинских выступлений на приеме «военных академиков», имевшем место не 4 мая 1935 г., а 5 мая 1941 г.²

В литературе, с одной стороны, можно встретить утверждения о несомненной репрезентативности свидетельств этих командиров Красной армии³, а, с другой — доказательства их полного неприятия и критического отношения к ним как к историческому источнику⁴.

Можно согласиться с тем, что показания советских военнопленных (даже если они являлись очевидцами и сами слышали сказанное Сталиным на торжествах в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА) окончательно оформлялись в письменном виде германскими представителями и, естественно, интерпретировались, исходя из сложившейся тогда политической конъюнктуры⁵. Даже германская сторона в ходе войны 1941—1945 гг. не пришла к единому выводу о степени объективности подобного рода свидетельств. В любом случае рассматривать материалы допросов и бесед необходимо только после сопоставления с другими источниками и их тщательного источникового анализа.

Поскольку в сталинской реплике на банкете в Кремле 5 мая 1941 г. содержался призыв переходить «от обороны»

¹ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 57. Д. 100. Л. 42, 65.

² ЗРС. Док. № 61.

³ *Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 20—21.

⁴ Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995. С. 44; *Вишнёв О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Иювая и новейшая история. 1999. № 1. С. 99—102.

⁵ *Вишнёв О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. С. 93—115.

к «военной политике наступательных действий», опиравшейся на современную, технически перевооруженную и хорошо оснащенную Красную армию, то в дискуссию по данному вопросу оказались вовлеченными многие российские и зарубежные историки.

М.А. Гареев предполагал, что выступление Сталина 5 мая 1941 г. «было больше рассчитано на демонстрацию военной мощи СССР и морального подъема в армии». В этой связи Гареев напрямую связал прозвучавшие в нем сталинские слова о «наступательных намерениях» с характером советской военной доктрины конца 1930-х — начала 1940-х гг., которая «была пропитана наступательным духом»¹.

Как считал В.П. Попов, сталинский призыв свидетельствовал о том, что вплоть до катастрофических для Красной армии поражений лета—осени 1941 г. вождь не сомневался в правильности советской военной доктрины, в основу которой были положены идея «ответного удара» и теория глубокой операции, «заслонившие» вопросы обороны². В.Л. Петров утверждал: «В выступлении 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных академий Сталин, по существу, призвал их не верить официальной пропаганде, а готовиться к войне»³.

По мнению Г. Городецкого, сталинская речь 5 мая 1941 г. была произнесена «в разгар примиренческой кампании», которую якобы развернул Сталин в отношении Германии, и полностью ей соответствовала. Основная цель данного сталинского выступления, отмечал израильский исследователь, состояла не только в том, чтобы «оказать сдерживающее воздействие», но и «отбить у немцев охоту развязывать войну», одновременно воодушевляя армию на случай начала боевых действий. Аналогичным образом Городецкий расценил и значимость сталинских тостов: они были призваны «поднять

¹ Гареев М. Факты, опровергающие недобросовестные утверждения // Независимое военное обозрение. 1998. № 22. С. 5.

² Попов В. 1941: тайна поражения // Новый мир. 1998. № 8. С. 180, прим. 28.

³ Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 62.

боевой дух и повысить бдительность перед лицом опасности, грозящей Советскому Союзу». Первые две здравицы являлись «по сути, лозунгами, призывавшими к интенсификации теоретических исследований и превозносившими артиллерию — “бога войны”». А третья якобы «самонадеянно гласила, что с завершением модернизации и реорганизации армии можно будет “перейти от обороны к наступлению”»¹. Даже сам текст этой здравицы, выражал уверенность Г. Городецкий, «сохранял оборонительный характер». В доказательство Городецкий приводил его в своей книге со ссылкой на архивный документ: «Оборону нашей страны нужно вести в атакующей манере... Красная Армия — современная армия, а современная армия — это армия нападения»².

При сравнении приведенного Г. Городецким отрывка из тоста на приеме 5 мая 1941 г. с «краткой записью» К.В. Семёнова, можно убедиться, что в книге израильского историка явно искажен смысл сталинского высказывания. Сталин призывал вести оборону страны не «в атакующей манере», а «наступательным образом»; соответственно, Красную армию он характеризовал как «армию наступательную», а не как «армию нападения». Скорее всего, полученная Г. Городецким из РГАСПИ запись сталинского тоста 5 мая 1941 г. предварительно была переведена на английский язык, а затем, при подготовке его монографии к печати в Москве, вновь переведена на русский. Только наличием «обратного» перевода можно объяснить разночтения при его передаче в книге Городецкого, с одной стороны, и в публикациях российских авторов — с другой. К тому же, если принять за истину текст сталинской здравицы, приведенный Г. Городецким в искаженном виде и содержащий такие эпитеты, как «атакующая манера», «армия нападения» применительно к РККА, то он вступает в противоречие с выводами самого израильского историка о сугубо «оборонительной линии», содержавшийся в «советской военной доктрине в качестве необходимого условия для контратаки»³.

¹ *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 242, 243, 244.

² Там же. С. 244.

³ *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 243.

Критическую позицию занял в интерпретации содержания выступлений Сталина перед выпускниками военных академий Л.А. Безыменский. Имея в виду начало германо-советской войны 1941 — 1945 гг., он подчеркивал, что вождь в своей речи безошибочно предсказал катастрофу, ожидавшую Красную армию и Советское государство. Именно поэтому и сталинские тосты историк оценивает как смесь «правильных и заведомо ошибочных, реалистических и фанфаронских суждений»¹.

В отличие от Л.А. Безыменского, О.В. Вишлёв не склонен к критике Сталина за его высказывания, прозвучавшие 5 мая 1941 г. В то же время Вишлёв предпринял попытку критического переосмысления некоторых российских и западных источников, в которых было зафиксировано содержание этих высказываний. Параллельно историк давал собственную оценку сути научной дискуссии о содержании сталинских выступлений перед выпускниками военных академий РККА. По мнению О.В. Вишлёва, эта полемика сводится к тому, говорил или не говорил Сталин 5 мая 1941 г. «о своем намерении развязать войну против Германии?»². Вишлёв утверждал: никаких призывов к нанесению удара по ней, к захвату новых территорий и экспорту революции ни в официальной части заседания по случаю выпуска слушателей военных академий РККА 5 мая 1941 г, ни во время «неофициальной части» (банкета) из сталинских уст не прозвучало. Как представляется, совершенно справедлив следующий его вывод: вышеупомянутые высказывания Сталина имели самый общий характер и отражали представления советского руководства об образе действий СССР и его Вооруженных Сил в случае нападения Германии: сдержать и разгромить вражеские силы вторжения в приграничных сражениях, перенести боевые действия на территорию противника и, перейдя в стратегическое наступление, на вражеской земле нанести ему окончательное поражение. Как утверждал Вишлёв, Сталин стремился доказать выпускникам военных академий, что Красная армия

¹ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 435, 438.

² *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 79.

не только может противостоять вермахту в обороне, но и будет способной наступать¹.

В то же время О.В. Вишлёв почему-то отказывает некоторым оппонентам (в частности, автору этих строк) в понимании той очевидной истины, что как искушенный политик Сталин вряд ли вообще мог публично (даже среди представителей элиты Красной армии) заявлять о своем намерении *развязать войну* против Германии². Вишлёв почему-то не обратил внимания на следующий тезис, выдвинутый в моей монографии: прозвучавшие 5 мая 1941 г. призывы Сталина о необходимости перестройки советской пропаганды в наступательном духе «еще не означали, что СССР готовился летом 1941 г. напасть на Германию»³. Данный вывод основывается на анализе многочисленных архивных документов и опубликованных материалов. В то же время он противоречит выкладкам О.В. Вишлёва, который обвинял меня в приверженности идее о готовности Сталина начать летом 1941 г. «превентивную войну», апологетом которой является небезызвестный В. Суворов (В.Б. Резун)⁴. Следует напомнить и мнение германского историка Б. Бонвеца, писавшего, что «на основе явных изменений в советской пропаганде после речи Сталина 5 мая 1941 г. нельзя сделать вывод, будто СССР определенно хотел напасть на Германию», а можно лишь заключить следующее: Сталин намеревался «подготовить страну и, прежде всего Красную армию к тому, что Советский Союз может перехватить у Германии военную инициативу»⁵.

Ю.В. Басистов специально проанализировал «третий тост» И.В. Сталина 5 мая 1941 г., содержащий призыв «перейти

¹ Вишлёв О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 80.

² Данная мысль была высказана еще до выхода в свет книги О.В. Вишлёва. См.: Невежин В.А. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года (По итогам «незапланированной дискуссии» российских историков) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 112.

³ Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 156.

⁴ Суворов В. Ледокол. М., 1992.

⁵ Цит. по: Бонвеч Б. Наступательная стратегия — наступление — нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // Отечественная история. 1998. № 3. С. 24.

от обороны к военной политике наступательных действий». Выводы историка во многом совпадают с тем, что уже писали его предшественники. Басистов, по существу, солидаризировался с М.А. Гареевым и О.В. Вишлёвым, когда писал, что этот сталинский тост был ни чем иным, как своеобразным экспромтом. Призывы к переходу «от обороны к наступлению», подчеркивал Басистов, носят общеполитический характер, отражая представления советского руководства о создавшейся международной обстановке. И считать их «установкой на развязывание военных действий против Германии», как справедливо отметил Ю.В. Басистов, нет никаких оснований¹.

5.3. «За здоровье русского народа!»

8 мая 1945 г. в берлинском пригороде Карлсхорст был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. На другой день в своем обращении к советскому народу Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза Сталин заявил, что наступила Великая Победа².

По мнению Сталина, столь знаменательное событие заслуживало того, чтобы быть отмеченным, согласно русскому обычаю, широким застольем. Вождь предложил устроить в Кремле «торжественный обед», а в качестве почетных гостей пригласить на него представителей высшего командования Красной армии и Военно-Морского Флота. По заданию Сталина Генеральный штаб совместно с Главным политическим управлением Красной армии начал готовить списки участников кремлевского приема командующих войсками Красной армии³.

В.В. Вишневский записывал накануне в дневнике: «В Москву съехались маршалы: Жуков, Рокоссовский, Конев и др. Ожидается их чествование, кажется, 30-го мая <...>. Будут различные выступления»⁴. Вишневский ошибся лишь датой: это чествование состоялось 24 мая 1945 г.

¹ Басистов Ю.В. Сталин—Гитлер. От пакта до войны. СПб., 2001. С. 148.

² Правда. 1945. 10 мая.

³ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 464.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2126. Л. 6.

Вечером того же дня Сталин выступил на большом кремлевском приеме со своим знаменитым тостом «За здоровье русского народа!». На следующий день его текст был опубликован в центральных советских газетах¹, а затем неоднократно воспроизводился в различных тематических сборниках². Впоследствии, в течение шести десятилетий историки основывались в интерпретации содержания сталинской здравицы 24 мая 1945 г. именно на этот, ставший хрестоматийным, текст.

В начале XXI в. круг источников о содержании тоста Сталина за русский народ расширился. Вначале в личном фонде Сталина в РГАСПИ мною был выявлен подготовленный стенографом А.А. Хатунцевым машинописный экземпляр текста тоста за русский народ с радикальной рукописной правкой, внесенной в него вождем. Данный текст впервые введен в научный оборот в 2003 г.³

Официальный отчет о приеме 24 мая 1945 г., предназначенный для распространения через средства массовой информации, подготовили сотрудники Телеграфного Агентства Советского Союза. Неизвестно, имели ли представители ТАСС в своем распоряжении текст стенограммы, когда писали этот отчет. В то же время несомненно, что В.М. Молотов, который внес радикальную правку в окончательный вариант официального отчета, пользовался стенограммой приема. Сталин тоже участвовал в редактировании этого текста, однако сохранилась лишь единственная собственноручная сталинская правка, относящаяся к здравнице в честь В.М. Молотова⁴.

В личном фонде Молотова также был обнаружен мною еще один экземпляр стенографической записи здравицы 24 мая 1945 г., произведенной А.А. Хатунцевым. В данном экземпляре, в отличие от упомянутого выше, проведена незначительная сталинская правка. Вождь лишь заменил слова «я пью» на «я поднимаю тост», да вычеркнул в другом месте слишком резкое выражение «ну вас к черту». Этот, исходный вариант

¹ Правда. 1945. 25 мая.

² *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1946. С. 173–174.

³ ЗРС. Док. № 107.

⁴ *Невежин В.А.* Сталин о войне... Док. № 63.

записи тоста за русский народ впервые был опубликован в 2005 г.¹, а затем неоднократно перепечатывался².

Таким образом, историки и публицисты вплоть до начала XXI в. довольствовались в своих интерпретациях застольной речи Сталина 24 мая 1945 г. текстом, который предварительно был подвергнут им самим тщательной редактуре. Уже по этой причине не было возможности адекватно передать смысл сказанного вождем, а главное, попытаться уяснить, почему именно он столь внимательно редактировал записанный стенографом тост за русский народ.

При сравнении опубликованных источников о приеме командующих войсками Красной армии: стенограммы, первоначального и окончательного вариантов официального отчета имеется возможность выяснить, какая именно правка была внесена, какие абзацы и отдельные слова подверглись корректровке, а что и вовсе оказалось изъятым при редактировании. В совокупности с опубликованными мемуарами и дневниками участников и очевидцев событий эти источники позволяют полнее воссоздать картину торжественного кремлевского застолья, устроенного по указанию Сталина спустя две недели после получения известия о долгожданной Победе.

Как уже отмечалось, к настоящему времени известны три варианта записи сталинского тоста «За русский народ», провозглашенного 24 мая 1945 г.: 1) исходный (машинописный текст стенографической записи А.А. Хатунцева с незначительной правкой, внесенной Сталиным); 2) промежуточный (машинописный текст стенографической записи А.А. Хатунцева с радикальной сталинской правкой); 3) окончательный (официальный газетный отчет, в основу которого была положена тщательно отредактированная вождем запись стенографа Хатунцева). Все три текста приводятся ниже.

¹ Невежин В.А. Триумф победителей... С. 384.

² Невежин В.А. Сталин о войне. ... Док. № 64.

*Док. № 5**1945 г., 24 мая.**Исходная стенографическая запись А.А. Хатунцева***ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА И.В. СТАЛИНА¹**

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я, как представитель нашего Советского Правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. *Я поднимаю тост²* за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост³ за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог бы сказать⁴: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему

¹ Заголовок документа.

² Слова «поднимаю тост» вписаны черными чернилами вместо вычеркнутого: «пью».

³ Слова «поднимаю тост» вписаны черными чернилами вместо вычеркнутого: «пью».

⁴ Далее вычеркнуто черными чернилами: «ну вас к черту».

правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты)¹.

Док. № 6

*Стенографическая запись А.А. Хатунцева,
отредактированная Сталиным*

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА И.В. СТАЛИНА

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я, как представитель нашего Советского Правительства², хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза³. Я ~~пью~~ *поднимаю тост*⁴ за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите *общее признание*, как⁵ руководящей силы ~~нашего~~⁶ Советского Союза среди всех народов нашей страны.

¹ Невежин В.А. Сталин о войне... Док. № 64.

² Вычеркнуто простым карандашом.

³ Далее в тексте следовала «красная строка». Сталин объединил два абзаца.

⁴ Вычеркнуто и вписано Сталиным над строкой черными чернилами.

⁵ Вычеркнуто и вписано Сталиным над строкой простым карандашом.

⁶ Вычеркнуто простым карандашом.

Я ~~ню~~¹ за ~~поднимаю~~ ~~тост~~ за¹ здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому что у него имеется ~~ясный ум~~², ~~здоровый смысл~~, ~~общеполитический~~ ~~здоровый смысл~~³ ~~крепкая спина~~⁴, ~~стойкий характер~~ и⁵ терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики⁶, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. ~~Какой-нибудь другой~~ ~~Иной~~⁷ народ мог бы сказать ~~нашему~~⁸ ~~правительству~~⁹: ~~ну вас к черту~~¹⁰ вы не оправдали наших ~~надежд~~¹¹ ~~ожиданий~~, ~~уходите прочь~~¹², мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. ~~Это могло случиться~~, ~~имейте в виду~~¹³. Но русский народ ~~на это~~¹⁴ не пошел, ~~русский народ не пошел на компромисс~~, он оказал безграничное доверие ~~нашему правительству~~. Повторяю, у нас были ошибки,

¹ Вычеркнуто и вписано Сталиным над строкой черными чернилами.

² Вписано Сталиным над строкой простым карандашом.

³ Вычеркнуто простым карандашом.

⁴ Слова «крепкая спина» вписаны Сталиным над строкой, а затем вычеркнуты простым карандашом.

⁵ Слова «стойкий характер и» вписаны Сталиным над строкой простым карандашом.

⁶ Прибалтики,» вписано Сталиным над строкой простым карандашом.

⁷ «Иной» вписано простым карандашом.

⁸ Слово «правительству» вписано над строкой, а затем вычеркнуто Сталиным простым карандашом.

⁹ Слово «правительству» вписано над строкой Сталиным простым карандашом.

¹⁰ Вычеркнуто простым карандашом.

¹¹ Слово «надежд» вычеркнуто простым карандашом.

¹² Вписано Сталиным над строкой простым карандашом.

¹³ Предложение вычеркнуто простым карандашом. Далее в тексте следовала «красная строка», но Сталин решил объединить два абзаца.

¹⁴ Слова «на это» вычеркнуты простым карандашом.

~~первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако, русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся]~~¹ [*на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии² и исконного врага³. Это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом]*⁴

Спасибо ему, русскому народу⁵, за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!⁶

За здоровье русского народа! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты)⁷.

Док. № 7

1945 г., 25 мая.

Официальный газетный отчет с изложением тоста «За русский народ»

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»*).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

¹ В квадратных скобках текст, вычеркнутый простым карандашом.

² Вписано над строкой от руки простым карандашом.

³ Слова «и исконного врага» вписаны над строкой, а затем вычеркнуты простым карандашом.

⁴ В квадратных скобках текст, вписанный Сталиным простым карандашом.

⁵ Вписано Сталиным простым карандашом над строкой.

⁶ Вычеркнуто простым карандашом.

⁷ Сталин о войне... Док. № 65.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты*)¹.

Для начала необходимо попытаться представить мнения тех историков, которые предпринимали попытки интерпретации тоста Сталина за русский народ, опираясь на газетный отчет о его содержании. И хотя все они основывались на одном-единственном источнике, предлагавшиеся трактовки сталинской здравицы отличались по своему содержанию.

Одни авторы рассматривали тост вождя как своеобразную попытку сопоставить русский национализм и патриотизм с советским². Другие обнаружили в нем призыв

¹ Правда. 1945. 25 мая.

² Попович Н. Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935 — 1945 гг.) // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 473.

критически отнестись к опыту войны 1941–1945 гг., хотя никто из советских историков и «неисториков» «не поддавался соблазну проанализировать ошибки правительства» (а фактически Сталина) и «моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах»¹, о которых говорилось на приеме 24 мая 1945 г. Третьи в сталинском «славословии» в адрес русского народа были склонны видеть отражение всей сложности взаимоотношений между ним и советским вождем².

Особый интерес представляют трактовки тех составных частей сталинского тоста «За здоровье русского народа!», где содержались утверждения о терпении и доверии его своему правительству. Например, Г.Д. Бурдей считал: прибегая к термину «терпение», Сталин скорее всего имел в виду «смиренность, робость, трепет перед обличенным властью», поскольку вождю «нужен был покорный, верный и преданный без оглядки русский народ». И хотя Верховный Главнокомандующий говорил в своем тосте 24 мая 1945 г. о русском народе, Г.Д. Бурдей выражал уверенность, что подразумевался «весь многонациональный Советский Союз»³.

Застольное выступление Сталина 24 мая 1945 г., как утверждал Бурдей, выявило, что содружество народов (в сталинском представлении) — «это централизм, понимаемый тоталитарно, что не могло способствовать укреплению полиэтнического государства». Историк поддержал соображение, которое, как он уверял, было высказано в литературе: возрождение националистической русской идеи восходит к последнему периоду Великой Отечественной войны. Обращаясь к этой идее, Сталин якобы решал важную тактическую задачу: подавить чувство национального унижения, которое должно было возникнуть у русского солдата — в массе своей выходца из голодной, разоренной деревни — при соприкосновении с Европой. «Националистические чувства Сталина, — делал

¹ Кулиш В.М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны // История и сталинизм. М., 1991. С. 319.

² Лобанов М. Великий государственный // Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи М., 1995. С. 698.

³ Бурдей Г.Д. Историк и война. 1941 — 1945. Саратов, 1991. С. 199.

далеко идущий вывод Г.Д. Бурдей, — не были осуществлены в этой кампании: он стремился компенсировать мнимым национальным превосходством комплекс глубокой национальной неполноценности»¹.

В отличие от Г.Д. Бурдея, который критически относился к Сталину и именно в таком ключе интерпретировал тождество вождя за русский народ, А.С. Барсенков попытался подойти к этому вопросу более объективно и взвешенно. Историк утверждал, что в первой половине 1930-х гг. наметились существенные перемены во взглядах большевистского руководства на роль национального фактора в политике. Они были связаны с попытками освобождения от ультра-революционной эйфории 1920-х гг., с провалом расчетов на революционный выход из мирового экономического кризиса и на победу социализма в других странах. В условиях угрозы новой войны против СССР, в которой он мог оказаться в одиночестве против многочисленных противников, Сталин и его окружение осознали необходимость опоры на самый многочисленный в СССР русский народ. По образному выражению А.С. Барсенкова, с середины 1930-х гг. начался процесс «трансплантации русского патриотизма в социалистическую идеологию»².

В доказательство историк ссылался на такие события, как возобновление преподавания гражданской истории в школах и университетах (1934 г.), подготовительная работа к которому (прежде всего, написание базовых учебников) проходила под непосредственным руководством Сталина; резкая отповедь большевистских идеологических структур на статью Н.И. Бухарина, опубликованную в газете «Известия» (1936 г.), в которой русский народ был назван «аморфной малозначительной массой», и т.д. и т.п.³ А.С. Барсенков констатировал: в конце 1930-х гг. русский народ, помимо присвоенных ему новых титулов «великого» и «первого среди равных», получил

¹ Цит. по Бурдей Г.Д. Указ. соч. С. 47.

² Барсенков А.С. Русский народ в XX столетии: меняющаяся роль в национальной политике, новые пути // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 327.

³ Барсенков А.С. Указ. соч. С. 324—325.

еще одно обозначение — «старший брат»¹. При этом историк ссылаясь на брошюру Б.М. Волина².

Как отмечал А.С. Барсенков, в годы Великой Отечественной войны именно русский патриотизм стал одним из важнейших источников духовной силы в борьбе против сильного и коварного врага в лице гитлеровской Германии. Сталин не раз возвращался к теме русского народа в начальный, самый тяжелый и драматический период этого вооруженного противостояния. Так, именно к чувству национальной гордости апеллировал вождь в своем докладе по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1941 г.³, когда говорил о неспособности врага победить «великую русскую нацию».

В период Великой Отечественной войны, как считал Барсенков, было покончено со многими однозначными трактовками русской истории и культуры, распространенными в 1920-е гг. Однако историк пришел к выводу о том, что по ее окончании «идеологический маятник вновь заколебался». Общий тон трактовки русского вопроса в первом послевоенном десятилетии, подчеркнул А.С. Барсенков, был задан Сталиным 24 мая 1945 г. в его известном тосте на приеме командующих войсками Красной армии. И если в 1923 г., на XII съезде большевистской партии даже «разговоры о преимуществе русской культуры» квалифицировались как попытка «запретить господство великороссов»⁴, то теперь, как отмечал Барсенков, сам вождь назвал именно русских «руководящей силой в великом Советском Союзе».

В то же время А.С. Барсенков акцентировал внимание на следующем обстоятельстве: откровенная лесть, противопоставление русских другим народам страны преследовали определенную политическую цель. Сталинские фразы такого типа свидетельствовали о том, что руководство страны попыталось опереться на авторитет русского народа, выступить

¹ Там же. С. 326.

² Волин Б.М. Великий русский народ. М., 1938.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза... С. 17–33.

⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 644.

от его имени, сделать его своеобразным посредником в своих взаимоотношениях с другими национальностями¹.

Имея в виду тост Сталина за русский народ, В.С. Кожурин утверждал, что в мировой истории найдется мало precedентов, когда обращение государственного деятеля и полновластного руководителя великой державы к важнейшим вопросам жизни государства было облечено в такую своеобразную форму².

А В.В. Похлёбкин писал, что этот тост «по своей исторической роли и месту в ряду формальных актов, завершающих войну», напоминал манифест Александра I (ноябрь 1812 г.). Сталин довольно тщательно изучал историю Отечественной войны 1812 г., придавая большое значение исторической символике и, будучи реальным политиком, не мог не учитывать ее в своей повседневной практике. Как считал Похлёбкин, параллели между двумя Отечественными войнами — 1812 и 1941—1945 гг., были необходимы советскому вождю для того, чтобы народ или, по крайней мере, представители интеллигенции, этой просвещенной элиты общества, поняли их глубинную значимость. Однако, сделал неутешительный вывод историк, к 1945 г. «настоящей, мыслящей интеллигенции» уже почти не осталось: путем репрессий Сталин уничтожил людей «широких и глубоких знаний». В результате, заключал В.В. Похлёбкин, исторической аналогии, которая просматривалась в сталинском тосте 24 мая 1945 г., не осознали даже те, кто стоял близко к вождю. Его здравица была понята не «в глубоком историческом аспекте», а расценена «узко и примитивно-практически», как своеобразная «расфасовка» советского народа на главный (русский) и остальные (второстепенные)³.

А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин и А.В. Никонов отмечали в своей коллективной монографии, что интерпретация Сталиным советской общности (используя выражение Сталина, названные авторы обозначили ее как «зональную социалистическую общ-

¹ Барсенков А.С. Указ. соч. С. 323.

² Кожурин В.С. Вождь — генералиссимус: к эволюции образа харизматической власти // Отечественная история. 1995. № 3. С. 81.

³ Похлёбкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир 1941 — 1945 — 1994. Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. М., 1997. С. 349—350.

ность людей») изображала ее как результат развития лучших черт советских наций и прежде всего русского народа. Удельный вес русской составляющей в формировании новой общности советских людей, развивали свою мысль Вдовин, Зорин и Никонов, был столь велик, что Сталин порой отождествлял ее с русским народом. В данной связи они ссылались на другой сталинский тост, прозвучавший 6 июля 1933 г. в присутствии гостей, приглашенных на дачу вождя, — художников И.И. Бродского, А.М. Герасимова и Е.А. Кацмана: «Давайте выпьем за советский народ, — говорил Сталин, — за самую советскую нацию, за людей, которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию <...>. Я сказал как-то Ленину: “самый лучший народ — русский народ, самая советская нация”. Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ»².

Вслед за А.С. Барсенковым А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин и А.В. Никонов констатировали, что на исходе 1930-х гг. для русского народа была «изобретена» внешне привлекательная роль старшего брата, любовно и безвозмездно оказывающего помощь отсталым народам-братьям с тем, чтобы не делать этого в обязательно-принудительном порядке возмещения исторического долга, неудачно предписанного русскому народу еще на заре советской власти³.

В своей коллективной монографии Вдовин, Зорин и Никонов утверждали, что данная концепция оказалась чрезвычайно удачной в пропагандистском отношении, поскольку позволяла объяснить место русского народа в советской семье народов⁴. Теперь выходило, что русский народ, получивший к своим званиям («великий», «первый среди равных») еще и статус «старшего брата» в придачу, был обязан помогать «младшим братьям»⁵.

¹ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 240–241.

² Цит. по: Кацман Е. Связан ли вкус с мировоззрением? Художники в гостях у генсека // Независимая газета. 1998. 4 июня. С. 16.

³ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Указ. соч. С. 255–256.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 245.

Однако, как отмечали названные авторы, пропагандистский штамп «старший брат» по отношению к русскому народу Сталин в своих публичных выступлениях предвоенного периода не употреблял¹. Иное дело период Великой Отечественной войны. Чтобы укрепить свое влияние на шестой части суши, писали А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин и А.В. Никонов, Сталину потребовалось выдвинуть программу, в которой бы содержались пункты, включая и национальные лозунги, разделяемые большинством населения СССР. Поэтому не случайно, что в Советском Союзе в военные годы были введены награды в честь выдающихся деятелей российской истории, а на банкете в Кремле 24 мая 1945 г. Сталин провозгласил тост за русский народ².

Говоря о содержании этой здравицы, названные авторы приводили цитату из записи некой «беседы» Сталина с А.М. Коллонтай, отнеся ее к 1937 г.³ Они ссылались при этом на выдержки из дневников Коллонтай, опубликованные в журнале «Наш современник»⁴. В свою очередь, в упомянутой публикации «беседа» Сталина с А.М. Коллонтай датируется ноябрем 1939 г. Сталин, беседуя в Кремле с А.М. Коллонтай о проблемах, возникающих в связи с обострением международной обстановки, якобы доверительно говорил женщине-дипломату: «Всё это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа — ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель, потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ — неодолим, неисчерпаем».

Однако приведенный пассаж отсутствует как в опубликованных, так и в неопубликованных дневниковых записях А.М. Коллонтай и за 1937 г., и за ноябрь 1939 г., что позволяет высказать сомнение в его подлинности.

¹ Там же. С. 246.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 246.

⁴ Наш современник. 1998. № 6. С. 286—287.

А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин и А.В. Никонов высказали мысль о том, что Сталин в конечном итоге опасался своего конца «как императора». Особенно явственно, утверждали они, это проявилось в репрессиях против «русских националистов»: члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенского, секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, Председателя Совета Министров СССР М.И. Родионова, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попкова и многих других жертв так называемого «Ленинградского дела». Все они приняли за чистую монету тост Сталина «За русский народ!» 24 мая 1945 г. и увидели в национальной идее не очередной тактический маневр, а смысл жизни и прямое руководство к действию¹.

Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараеву принадлежит приоритет введения понятия «новая стратегия в этнополитической сфере» применительно к советскому руководству послевоенного периода, поворотным пунктом которой и явился тост Сталина «За русский народ» на приеме командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. Одной из составляющих этой «новой стратегии в этнополитической сфере» оказалось, как писали Бордюгов и Бухараев, противопоставление Сталиным русских другим народам страны. При этом вождь стремился опереться на авторитет русского народа, выступая от имени этого народа, рассматривая русских как своеобразных посредников во взаимоотношениях с другими национальностями.

Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев, пытаясь выявить стилистику и «словесно-символическое наполнение» сталинского тоста 24 мая 1945 г., обнаружили, что в нем «превозносятся некие былинные качества русского этноса» («ясный ум, стойкий характер и терпение»), а для славословия в адрес «мифических русских» используются превосходная степень и гиперболизированные обороты. Тем самым речь вождя, по мнению названных авторов, приобретала не столько подобающую «политическую тональность», сколько «проговаривалась в человеческом измерении». Она имеет форму «тоста за здоровье», что обуславливает ее особую «доверительность». Сталин умело использовал психологический момент раскаяния, «ак-

¹ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Указ. соч. С. 320–321.

тивизирующий чувства всепрощения окружающих человека во хмелю».

Как писали Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев, подобного рода «мистификация» достигла предела в том месте сталинского тоста, где говорилось о специфике взаимоотношения между русским народом и «правительством». В тексте газетного отчета о кремлевском приеме 24 мая 1945 г. слово «правительство» в одних случаях набрано с прописной буквы, в других — со строчной (см. *док. № 7*). По мнению Бордюгова и Бухараева, с заглавной буквы оно набрано в тех местах, где речь идет о поддержке и вере русского народа в трудный час, что объяснялось наличием своеобразного намека на «правителя», т.е. на Сталина. Они сделали вывод, что сталинский тост 24 мая 1945 г. формировал «некое мифологическое пространство», где главная роль принадлежала «этнокультурным, а не социально-политическим факторам»¹.

Р.И. Косолапов утверждал, что сталинское выступление 24 мая 1945 г. не оставило равнодушным ни русских, ни славян, ни всех советских людей. Оно было сильно не столько констатацией наличия у русского народа ясного ума, стойкого характера и терпения, сколько своей «политически значимой частью». Вождь прямо указывал в ней на ошибки Советского правительства первого года войны (1941—1942 гг.). «Он винится перед народом и признает его право прогнать это правительство и заменить другим, которое обеспечило бы мир и покой», — такое объяснение давал Р.И. Косолапов высказыванию Сталина². На взгляд Косолапова, в сталинской речи прозвучала «почти лирическая» нота признательности народу за великую поддержку. Текст тоста за русский народ, несмотря на его краткость, Р.И. Косолапов считал «маленьким шедевром обратной связи с массами, умения сказать миллионам именно то, что надо сказать в данную минуту»³.

¹ Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Национальные истории в революциях и конфликтах эпохи. Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 5. М., 1999. С. 33—34.

² Цит. по: Слово товарищу Сталину. М., 2002. С. 386.

³ Там же. С. 386—387.

* * *

Приведенные суждения и мнения относительно содержания сталинского тоста «За русский народ!» 24 мая 1945 г., источником для которых послужил газетный отчет о нем, несомненно, представляют большой интерес. Однако теперь имеется возможность сравнения этого текста с приведенными выше документами из личного архива Сталина и Молотова (*док. № 5, 6*). Попытаемся с их помощью выяснить, какая именно правка была внесена, какие абзацы и отдельные слова подверглись корректировке, а что и вовсе оказалось изъятым при редактировании.

Прежде всего, опубликованные архивные документы позволяют опровергнуть до сих пор встречающиеся в литературе неверные утверждения относительно датировки сталинского тоста за русский народ. Например, А.В. Огнёв писал, что после Парада Победы Сталин сказал следующее: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас минуты отчаянного положения в 1941–1942 годах»¹. Однако, как известно, Парад Победы на Красной площади состоялся 24 июня 1945 г., а слова из сталинского тоста, приведенные Огнёвым, как уже отмечалось, были произнесены за месяц до этого события, 24 мая 1945 г.

Как ни странно, С.В. Лебедев, поставивший своей целью изучить прошлое и настоящее «русских идей и русского дела» и уже в силу этого обязанный опираться на исторические факты, подобно А.В. Огнёву, запутался в датировке этой сталинской здравицы, отнеся ее ко времени проведения Парада Победы².

Еще более странным представляется то обстоятельство, что Ф.Л. Сеницын, который дал своей монографии столь характерное название³, *вообще обошел вниманием* и историографию, и источники, относящиеся к интерпретации упомянутого тоста вождя.

¹ Огнёв А.В. Против лжи о Великой Отечественной войне: монография. Тверь, 2003. С. 39.

² Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007. С. 255–256.

³ Сеницын Ф.Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Вызывает сомнение следующее высказанное В.Т. Ефимовым утверждение: на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. прозвучала фраза Сталина, из которой следовало, что русский народ являлся «старшим братом» в семье братских народов Советского Союза, однако якобы сам Сталин изъясил ее при публикации. Согласно версии Ефимова, побудительной причиной для внесения подобного рода купюры стало... обращение вождя к Евангелию от Матфея, где «старшим братом» для всех людей назван Иисус Христос¹.

С.П. Куличкин писал, что Сталин, «несостоявшийся священнослужитель, коммунистический диктатор и великий политик», в своем тосте на приеме командующих войсками Красной армии «спел гимн» русскому православию. У Куличкина не вызывает сомнения следующее: отмеченные вождем жертвенность, терпение и доверие русского народа руководству — «абсолютно православные черты, генетически заложенные Господом Богом в душу русского, православного человека»².

Как уже упоминалось, впервые русский народ был назван «старшим братом» в семье других народов Советского Союза еще в конце 1930-х гг. в брошюре известного большевистского публициста Б.М. Волина. Однако сомнительно, чтобы Волин, впрочем, так же, как и Сталин, вносивший правку в стенографическую запись своего тоста 24 мая 1945 г., опирались при этом на евангельские заповеди.

Среди тех авторов, пытавшихся интерпретировать сталинскую здравицу за русский народ, работы которых вышли в начале XXI в., следует прежде всего упомянуть В.Д. Соловья. Историк писал, что этот тост Сталина оказался не случайным эмоциональным всплеском вождя и вовсе не знаменовал начало «новой стратегии в этнополитической сфере», как утверждали Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев. В.Д. Соловей считал, что он соотносился с устойчивым представлением Сталина как «красного цезаря» о месте и роли русского народа. «Комплиментарные оговорки о русских», прозвучавшие в застольном выступлении вождя, историк связывал «с извест-

¹ *Ефимов В.Т.* Православие в душенострое Сталина: верил ли Сталин в Бога. М., 2001. С. 63.

² *Куличкин С.П.* Вставай, страна огромная! М., 2005. С. 285.

ной способностью алкоголя ослаблять тормозящие центры и способствовать вербализации сокровенного, скрываемого»¹.

Ф.Л. Сеницын сделал вывод о том, что в период Великой Отечественной войны на первый план была выдвинута идея мобилизации многонационального населения СССР на защиту страны. Советское руководство, по мнению Сеницына, сознавало, что классовый подход не сможет быть действенным, и что с самого начала войны русский народ принял на себя основную тяжесть борьбы с захватчиками. Поэтому оно стремилось использовать национальный фактор для обеспечения морально-политической мобилизации населения.

Ф.Л. Сеницын утверждал, что на завершающем этапе войны активность пропаганды роли русского народа в борьбе с захватчиками снизилась. Однако продолжалась реабилитация героических страниц истории страны и акцентирование внимания на особой роли в ней русского народа. В газетных публикациях марта 1944 и первой половины мая 1945 гг., на которые ссылается историк, русский народ был назван «старшим братом», которому другие народы «обязаны» своими достижениями². Здесь можно добавить, что подобного рода эпитеты активно использовались в уже упоминавшейся брошюре Б.М. Волина. Ф.Л. Сеницын писал, что сам факт особого вклада русского народа в победу отмечался советской пропагандой и руководством СССР. Кульминацией подобного подхода и явилось, по его мнению, выступление Сталина на приеме командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.³.

К сожалению, Ф.Л. Сеницын при интерпретации тоста «За здоровье русского народа» не использовал опубликованный в начале XXI в. документ из личного фонда Сталина, воспроизведенный выше (см. *док. № 6*). Не использован он и во втором, исправленном издании монографии А.И. Вдови-

¹ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.

² Сеницын Ф.Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С. 40.

³ Там же. С. 41.

на, В.Ю. Зорина и А.В. Никонова¹. При этом Вдовин, Зорин и Никонов по непонятной причине при описании кремлевского приема 24 мая 1945 г. предпочитают ссылаться на... книгу Ю.Б. Борева², о содержании и направленности которой уже достаточно говорилось в главе первой данной монографии.

Для уточнения того, что происходило на приеме командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г., и для ответа на вопрос, когда именно Сталин внес правку в стенографическую запись своего тоста «За здоровье русского народа», обратимся вначале к официальному отчету об этом приеме. На банкете 24 мая 1945 г. присутствовали члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары, члены ЦК ВКП(б), представители высшего командования Красной армии и Военно-Морского Флота, виднейшие деятели советской промышленности, науки, искусства, литературы³. В мемуарах И.Х. Баграмяна отмечается, что на прием командующих войсками Красной армии, помимо прославленных военачальников, были приглашены: ученые, выдающиеся деятели народного хозяйства, передовики производства⁴. А.А. Капица 25 мая 1945 г. сделала следующую запись в дневнике о том, кого увидела на этом банкете: «Много женщин. Много знакомых — писателей, артистов, работников СНК. Конечно, много военных»⁵. С.В. Михалков впоследствии вспоминал, что мог наблюдать вблизи «прославленных военачальников, партизан, послов разных держав, артистов, писателей»⁶. Общее число приглашенных достигало 1000 человек⁷.

Из официального отчета следует, что прием в честь командующих войсками начался 24 мая 1945 г. в 20.00. Гости горячо приветствовали появление руководителей большевистской партии и Советского правительства. За столом президиума

¹ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. Кунгур, 2007.

² Боров Ю.Б. Указ. соч.

³ Невежин В.А. Сталин о войне... С. 254—255.

⁴ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 610.

⁵ Двадцатый век Анны Капицы... С. 323.

⁶ Михалков С.В. От и до... М., 1997. С. 136.

⁷ Вавилов С.И. Указ. соч. С. 26.

занял свое место Сталин. Если судить по стенограмме приема, Сталин был в приподнятом настроении. Это предположение подтверждается дневниковой записью А.А. Капицы. Она заметила, что Сталин выглядел веселым, часто вставал со своего места, то и дело подавал реплики¹.

Рядом с вождем за столом президиума разместились члены Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Н.С. Хрущёв, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, кандидаты в члены Политбюро Л.П. Берия и Н.А. Вознесенский, члены Оргбюро ЦК Г.М. Маленков и Н.М. Шверник, член ЦК Н.А. Булганин².

Как это часто бывало в довоенные годы, «виновники торжества» занимали места за почетным столом вместе с хозяевами застолья. Вот и 24 мая 1945 г. тамада В.М. Молотов предложил пройти за стол президиума видным советским военачальникам, проявившим свое полководческое искусство в годы Великой Отечественной войны. Это были маршалы Советского Союза. В стенограмме указано: рядом со Сталиным, другими руководителями большевистской партии и Советского правительства разместились Г.К. Жуков, И.С. Конев, С.М. Будённый, С.К. Тимошенко, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, Л.А. Говоров, адмирал флота Н.Г. Кузнецов, главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, главный маршал авиации А.А. Новиков³.

В данной связи следует отметить, что не совсем был точен в своих воспоминаниях солист Большого театра А.П. Иванов, называвший среди тех, кто действительно занимал места за столом президиума на этом приеме (С.М. Будённый, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский), также М.М. Литвинова, С.А. Лозовского и А.И. Шахурина⁴.

В.М. Молотов провозглашал здравицы одну за другой. В мемуарах И.Х. Баграмяна утверждается, что вначале тамада предложил выпить «за Советские Вооруженные Силы, за здоровье красноармейцев, краснофлотцев, офицеров, генералов

¹ Двадцатый век Анны Капицы... С. 323.

² *Невежин В.А.* Сталин о войне... С. 257.

³ Там же. С. 268–269.

⁴ *Алексей Иванов.* На сцене и в жизни. С. 188.

и адмиралов»¹. Подтверждение этому свидетельству известного военачальника можно обнаружить в стенографической записи приема².

Е.Ю. Зубкова правильно отметила, что ни в обращении к соотечественникам 9 мая, ни в знаменитом тосте «За здоровье русского народа» 24 мая 1945 г. Сталин ни словом не обмолвился о «руководящей партии»³. Своеобразной «компенсацией» можно считать вторую здравицу В.М. Молотова на приеме командующих войсками Красной армии. Молотов поднял бокал «за великую партию Ленина—Сталина» и за ее штаб — Центральный комитет.

Затем тамада переключил внимание участников кремлевского приема на присутствовавших в Георгиевском зале гостей из Польши, только что освобожденной от германской оккупации. За четыре дня до этого, 20 мая в Москву прибыл эшелон с углем, который был передан в подарок от польских горняков. Его доставила делегация в составе 20 чел. во главе с председателем Главного управления профсоюза польских горняков И. Щесняком⁴. В.М. Молотов предложил выпить «за дружественную Советскому Союзу Польшу», высказав пожелание, чтобы советско-польская дружба стала примером для других славянских народов. После этого члены польской делегации подошли к столу президиума, встреченные Молотовым и Сталиным, и хором исполнили польскую заздравную песню⁵. По свидетельству А.А. Капицы, после того как поляки (горняки в черной с золотом форме и «несколько человек в штатском») были приглашены тамадой к столу президиума, они прошли через зал «под аплодисменты всех гостей». У «главного стола» польские гости спели «здравицу по-польски» и вернулись на свои места⁶. Из стенограммы приема неясно, какая именно песня была исполнена горняками из Польши.

¹ Там же. С. 611.

² *Невежин В.А.* Сталин о войне... С. 269.

³ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 — 1953. М., 1999. С. 36.

⁴ Правда. 1945. 21 мая.

⁵ *Невежин В.А.* Сталин о войне... С. 270.

⁶ Двадцатый век Анны Капицы... С. 323.

Вероятно, поэтому в официальном газетном отчете сделано уточнение, что польская делегация исполнила на родном языке «народную задравную песню в честь тов. Сталина»¹.

Судя по всему, советскому вождю понравилось приветствие польских шахтеров. Обращаясь к гостям из Польши, Сталин провозгласил здравицу: «За настоящую, рабочую дружбу, которая сильнее всякой другой дружбы! За горняков наших и ваших!»². В официальный газетный отчет эта здравица не была включена.

Далее, как явствует из стенограммы, В.М. Молотов отметил, что на приеме отсутствует М.И. Калинин. 69-летний «всесоюзный староста» был серьезно болен, и 30 апреля 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило ему отпуск для излечения³. Молотов предложил выпить за здоровье М.И. Калинина, «одного из славных представителей русского народа», старейшего члена Центрального комитета большевистской партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Здесь вмешался Сталин и провозгласил собственный тост: «За нашего Президента, за Михаила Ивановича Калинина!»⁴. Но данная сталинская здравица также не была включена в официальный газетный отчет.

Как уже отмечалось, тамада В.М. Молотов не оставил без внимания в своих здравницах Сталина. Вождь, в свою очередь, специально посвятил один из тостов Молотову. Перехватив инициативу, вождь предложил выпить за руководителя внешнеполитического ведомства. При этом Сталин разъяснил, подразумевая деятельность Молотова, что «хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте»⁵. А.А. Капица, ссылаясь на свидетельство присутствовавших на банкете известного поэта С.Я. Маршака и его жены, так передавала эту сталинскую фразу: «... работа Молотова — как командовать 3-мя армиями!»⁶. Свой тост Сталин завершил

¹ Невежин В.А. Сталин о войне... С. 260.

² Там же. С. 270.

³ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)... Т. 3. С. 383.

⁴ Невежин В.А. Сталин о войне... С. 271.

⁵ Там же.

⁶ Двадцатый век Анны Капицы... С. 323.

словами: «За нашего Вячеслава!». Следует отметить, что Молотов оказался единственным, кто на приеме 24 мая 1945 г. был назван только по имени¹.

Тамада, переждав овации всего зала в свою честь, стал провозглашать здравицы, в которых отмечались заслуги командующих фронтами в Великой Отечественной войне (Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского), видных флотоводцев (Н.Г. Кузнецова, И.С. Исакова, В.Ф. Трибуца) и других.

После этого тамада предложил целую серию здравниц, в которых были упомянуты командующие войсками Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Примечательно, что если в стенограмме А.А. Хатунцева в каждом конкретном случае указывалось, каким именно фронтом или флотом командовал тот или иной полководец и флотоводец в годы войны², то в официальном отчете эти сведения отсутствовали³.

Один из своих многочисленных тостов на приеме 24 мая 1945 г. В.М. Молотов посвятил командующему 3-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза А.М. Василевскому и его «помощнику и заместителю по фронту» генералу армии И.Х. Баграмяну. Из стенограммы явствует, что А.М. Василевский отсутствовал на банкете по болезни⁴.

В первом варианте газетного отчета о приеме 24 мая 1945 г. реальные заслуги И.Х. Баграмяна, как представляется, были несколько преувеличены. Утверждалось, что под его руководством были осуществлены «блестящие операции по разгрому немецко-фашистских захватчиков в Прибалтике»⁵. При редактировании этого текста Молотов внес правку и вписал формулировку, которая содержалась в стенографической записи. Из нее следовало, что одной из заслуг Баграмяна было то, что под его руководством успешно завершилась ликвидация Земландской группировки немцев⁶. В данной связи пред-

¹ Невежин В.А. Сталин о войне... С. 271.

² Там же. Док. № 65.

³ Там же. Док. № 63.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Там же. С. 261, 273.

ставляет интерес анекдот, который пересказан в дневниковой записи В.В. Вишневого от 17 мая 1945 г.: «Кончена война, маршалы Жуков, Конев и Рокоссовский едут в Москву. Где-то слева — неожиданно стрельба... Конев: “Что это там?” Рокоссовский, улыбаясь: “Это Баграмян доколачивает немцев в Курляндии»¹.

В мемуарах И.Х. Баграмяна по поводу здравицы В.М. Молотова в его честь можно прочитать: «Чаше зашемило сердце, когда была произнесена моя фамилия». Далее следовал комментарий: «В моем лице воздавалась честь воинам *1-го Прибалтийского фронта, особо отличившимся при освобождении Белоруссии и Прибалтики* (выделено мной. — В.Н.)². Данный комментарий совершенно не соответствует истине, поскольку и в официальном газетном отчете о приеме, и в стенографической записи А.А. Хатунцева упоминания о 1-м Прибалтийском фронте отсутствуют.

Провозглашая здравицу в честь того или иного военачальника, Молотов перечислял его заслуги, особенно на завершающем этапе боевых действий, что вызывало ответную положительную реакцию зала. Отдав должное представителям той плеяды советских полководцев, которая выдвинулась главным образом на полях сражений Великой Отечественной войны, тамада не оставил без внимания и старших по возрасту военачальников Красной армии, которые впервые проявили себя еще в период Гражданской войны. Специальной здравицы В.М. Молотова были удостоены сразу три маршала: К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый и С.К. Тимошенко. Как уже отмечалось, они выдвинулись во многом благодаря тому, что являлись сталинскими соратниками со времен существования Первой Конной армии. И хотя в период Великой Отечественной Ворошилов, Будённый и Тимошенко полководческими талантами не блистали, участники приема 24 мая 1945 г., как отмечено в стенографической записи, «особенно сердечно» приветствовали сталинских соратников³.

В.М. Молотов попросил присутствующих «налить бокалы пополнее», когда предложил тост «за моряков», среди которых

¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2126. Л. 3.

² Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 611.

³ Невежин В.А. Сталин о войне... С. 274.

был упомянут командующий Тихоокеанским флотом адмирал И.С. Юмашев. Сталин дополнил здравицу Молотова «за Юмашева» репликой, содержавшей пожелание адмиралу «успеха в возможной войне»¹. И эта сталинская реплика не вошла в официальный газетный отчет о приеме 24 мая 1945 г. Причина могла заключаться в следующем. Согласно предварительной договоренности с лидерами западных союзных держав — США и Великобритании, достигнутой на Ялтинской конференции 1945 г., СССР вел тогда подготовку к боевым действиям против Японии, в которых активное участие должен был принять Тихоокеанский флот. В такой ситуации публикация сталинского тоста за командующего флотом адмирала Юмашева с пожеланием ему «успеха в возможной войне», была явно неуместной.

Специальной здравицы тамада удостоил маршалов родов войск Красной армии. Однако в официальном газетном отчете упомянуты лишь 3 из 13-ти военачальников, носивших это звание, за которых предложил выпить В.М. Молотов².

Как следует из стенограммы, тамада особо выделил Генеральный штаб Красной армии и его начальника генерала армии А.И. Антонова, а также начальника оперативного управления генерал-полковника С.М. Штеменко³. Однако в официальном газетном отчете данный тост Молотова помещен в самом конце, причем без упоминания фамилии Штеменко⁴.

Завершающая серия тостов, провозглашенных тамадой на кремлевском приеме 24 мая 1945 г., была посвящена Государственному комитету обороны, причем, судя по стенографической записи, персонально отмечался каждый из членов ГКО: Л.П. Берия, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский. После этого В.М. Молотов еще раз предложил выпить за членов Государственного комитета обороны и прежде всего за здоровье его председателя — Сталина⁵.

¹ Там же. С. 275.

² Там же. Док. № 63, 65.

³ Там же. С. 275–276.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Там же. С. 276–277.

В официальном газетном отчете о приеме эта молотовская здравица в честь Сталина отсутствует. Да и тосты тамады за членов Государственного комитета обороны выглядят в нем более лаконично, чем в стенограмме, где заслуги каждого из них перечислены более подробно¹.

В газетной публикации опущена завершающая здравица В.М. Молотова, произнесенная на приеме 24 мая 1945 г. Из стенограммы следует, что она была адресована членам военных советов фронтов и армий, как присутствовавших, так и отсутствовавших в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Из числа присутствовавших были названы фамилии двух человек, к тому же являвшихся членами Политбюро ЦК ВКП(б). Это — генерал-лейтенант Н.С. Хрущёв и генерал-полковник А.А. Жданов². Но последняя здравица Молотова не была включена в официальный газетный отчет о приеме. Этот случай можно считать беспрецедентным, поскольку в 1930-е — начале 1940-х гг. в отчетах о кремлевских приемах Сталина ни разу не были допущены купюры при передаче фамилий членов Политбюро, которые удостоивались здравиц. Тем более что А.А. Жданов и Н.С. Хрущёв сидели на банкете 24 мая 1945 г. за столом хозяев.

Возможно, Сталин припомнил Жданову «нервный срыв», произошедший в начале войны, который привел к безынициативности и неверию в свои силы. Что же касается Н.С. Хрущёва, то, скорее всего, Сталин (в целом симпатизировавший ему) так и не смог простить его за причастность к тяжелейшему поражению Красной армии под Харьковом в 1942 г. Вероятно, именно поэтому тосты Молотова, провозглашенные за Жданова и Хрущёва, не были включены в официальный газетный отчет о приеме 24 мая 1945 г.

Неясно, почему на этом приеме не было проявлено внимания к члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, а также к входившему в состав Оргбюро ЦК Н.М. Швернику: ни в стенограмме, ни в газетном отчете о торжественном обеде не зафиксировано ни одной здравицы в их честь.

Самый последний тост на этом приеме произнес Председатель Совета народных комиссаров СССР, Верховный

¹ Там же. С. 263.

² Там же. С. 277.

Главкомандующий Сталин. Его небольшая застольная речь прозвучала далеко за полночь. Когда вождь вышел из-за стола президиума и попросил слова, присутствующие в Георгиевском зале (а их было несколько сот человек), устроили ему овацию, буквально не давая говорить. А.А. Капица записывала в дневнике: «Последний тост Сталин произносит за Русский народ. Несколько раз его прерывают, наконец, ему это надоедает. И он обращается к гостям и говорит: “Я потом дам слово, кому его хочется, но сейчас прошу оратора не прерывать”»¹. А по свидетельству участников банкета, известного авиаконструктора А.С. Яковлева и маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, краткая застольная речь Сталина заняла по времени полчаса, поскольку неоднократно прерывалась репликами и бурными аплодисментами. Поэтому вождь даже был вынужден в шутливой форме призвать аудиторию к порядку².

Свидетельства И.Х. Баграмяна, А.А. Капицы и А.С. Яковлева о том, что тост Сталина за русский народ прерывался аплодисментами и овациями присутствовавших в Георгиевском зале, подтверждаются стенографической записью А.А. Хатунцева (*док. № 5, 6*).

Ю.А. Жданов, сын одного из ближайших сталинских соратников А.А. Жданова, на приеме командующих войсками лично не присутствовал. Однако, ссылаясь на свидетельство своего отца, он утверждал, что первая фраза сталинской речи звучала так: «Я хотел бы поднять тост за здоровье всего русского народа». Тут из зала прозвучала реплика: «Советского народа». Сталин якобы немного помолчал и вновь произнес вышеприведенную фразу без изменений³.

Прием командующих войсками Красной армии в Кремле, на котором Сталин произнес свою застольную речь «За здоровье русского народа!», окончился ближе к полуночи. Выходит, что радикальная редакторская правка стенографической записи этой речи производилась сразу по окончании банкета,

¹ Цит. по: Двадцатый век Анны Капицы... С. 322–323.

² Яковлев А.С. Указ. соч. С. 320–321; Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 11.

³ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 135.

т.е. после полуночи. У Сталина была возможность завершить правку лишь до утра 25 мая 1945 г. (как уже отмечалось, центральные советские газеты, где был опубликовали тост за русский народ, вышли в свет именно 25 мая 1945 г.). Отсюда напрашивается парадоксальный вывод: Сталин, даже после многочисленных здравиц (судя по стенографической записи кремлевского приема, сам вождь еще до своего «последнего тоста» за русский народ произнес четыре здравицы, а тамада Молотов — свыше 30-ти)¹, *оставался трезвым*. В противном случае вождю вряд ли удалось бы провести такую сложную, требующую сосредоточения внимания умственную работу, как радикальное редактирование упомянутого текста.

В свое время В.С. Кожурин интерпретировал тост за русский народ как один из практических шагов по реализации сталинского плана, призванного закрепить победу в Великой Отечественной войне «в такой форме общественного признания, которая не позволяла бы усомниться в личности ее творца». По мнению Кожурина, признанием Сталина творцом Победы явилось присвоение ему высшего воинского звания в Вооруженных Силах СССР — Генералиссимуса. Именно поэтому, как подчеркивал В.С. Кожурин, вождь в своем тосте «За здоровье русского народа!» поднял и тут же закрыл вопрос о собственной, персональной ответственности за беды и страдания народа в период Великой Отечественной войны. Эта сталинская ответственность, по образному выражению историка, была «растворена» в общей ответственности «правительства»².

Внимательное прочтение опубликованных текстов стенографической записи сталинского тоста «За здоровье русского народа!» (док. № 5, 6) многое дает для понимания механизма такого рода «растворения». Сталин не только признавал вину Советского правительства, но и собственную ответственность за ошибки и «моменты отчаянного положения», имевшие место в 1941—1942 гг. Такое признание с исключительной прямотой прозвучало из уст вождя 24 мая 1945 г. Сталин выступал на приеме в Кремле как «представитель» Советского

¹ Сталин о войне... Док. № 66.

² Кожурин В.С. Указ. соч. С. 83—84.

правительства. Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Вождь отмечал, что из-за ошибок, допущенных правительством, это правительство, а следовательно, и самого Сталина, народ мог «послать к черту». «Это могло случиться, имейте в виду <...>. Повторяю, у нас были ошибки...», — настойчиво напоминал он (*док. № 6*). Но все это оказалось лишь на словах.

А на деле у Сталина в конечном счете возобладали качества прагматического политика, который не желал уступать приоритет в достижении Победы «правительству». По здравом размышлении, он решил все-таки не афишировать признание собственной ответственности за ошибки и неудачи начального периода войны. Поэтому, прежде чем давать разрешение на публикацию текста тоста за русский народ, он предварительно тщательно отредактировал стенографическую запись, произведенную А.А. Хатунцевым. По этому поводу С.В. Яров справедливо замечал: свою стройность и афористичность застольная речь Сталина за русский народ получила лишь после весьма тщательной авторской правки¹.

Внося эту правку, Сталин постарался дистанцироваться от правительства, допустившего в ходе войны ошибки и промахи. Для этого он изъял из стенограммы относящееся лично к нему определение «представитель нашего Советского Правительства». Примечательно, что сталинское стремление не связывать прямо свое имя с правящей структурой, которая имела склонность допускать просчеты и промахи, проявилось и в другом публичном выступлении вождя послевоенного периода, а именно: в речи на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы (9 февраля 1946 г.). Сталин заявил в этой речи буквально следующее: «Говорят, что победителей не судят <...>, что не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить <...>, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей <...>: меньше будет зазнайства, больше будет скромности»².

¹ Яров С.В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 259.

² Правда. 1946. 10 февр.

Следует только уточнить, что в данном случае Сталин, подбадриваемый смехом и аплодисментами присутствовавших в зале его потенциальных избирателей, говорил конкретно о возможности и даже о необходимости критики не Советского правительства, а самой правящей Коммунистической партии. Но и здесь он постарался подчеркнуть собственную непогрешимость.

Таким образом, становится понятным суть разрешения бинарной оппозиции Сталин — Советское правительство. Вождь, признав в застольной речи 24 мая 1945 г. ошибки возглавляемого им правительства, допущенные в начальный период Великой Отечественной войны, не пожелал в конечном счете публично «виниться» перед русским народом. Данную мысль разделяет и Ю.В. Рубцов. Рубцов, в частности, констатировал: «Ему [Сталину], выступавшему всего через две недели после Великой Победы, не было никакого смысла в свой звездный час “виниться” перед кем бы то ни было»¹.

Так или иначе, на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., по окончании кровопролитной войны против нацистской Германии и ее союзников в Европе, Сталин чувствовал себя триумфатором. И если не вызывает сомнения использованное им изречение «победителей не судят» другие, то тем более верно то, что победители не судят самих себя. Сталин как победитель постарался не выказать своей вины за ошибки и поражения 1941–1942 гг., а переложить ее на Советское правительство. Это было одной из главных причин, по которой стенографическая запись тоста за русский народ, провозглашенного на торжественном кремлевском приеме командующих войсками Красной армии, перед публикацией подверглась им столь радикальной редакторской правке.

Как показывают исторические источники, гораздо сложнее обстояло дело с разрешением другой бинарной оппозиции: Сталин — русский народ. Можно предположить, что, читая стенографическую запись тоста за русский народ (*док. № 5*), Сталин заметил определенную неточность при характеристике качеств, присущих этому народу. Скорее всего, именно по этой

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Рец. на: Невежин В.А. Застольные речи Сталина... // Отечественная история. 2006. № 2. С. 180.

причине вместо «здорового смысла, общеполитического здравого смысла», якобы присущего русскому народу, он применил другое выражение: «ясный ум». Пассивно-выжидательный оттенок, просматривавшийся в оценке этого народа, который «верил, терпел, выжидал и надеялся», пока советское руководство «справится с событиями», в ходе редакторской правки текста стенографической записи был воспринят вождем уже как нежелательный. После внесения Сталиным соответствующих корректив в этот текст получалось, что русский народ не только с самого начала войны «верил в правильность политики своего правительства», но и активно поддержал его в ходе боевых действий, идя на огромные жертвы ради обеспечения разгрома Германии. Именно «доверие русского народа Советскому правительству» и оказалось, судя по окончательной формулировке Сталина, решающей силой, обеспечившей победу над фашизмом.

Одним неосторожным штрихом вождь чуть было «не смазал» все стройное построение тщательно отредактированной записи своего тоста. Перечисляя выдающиеся качества русского народа, Сталин вписал слова «крепкая спина», но, вероятно, решил, что это определение слишком откровенно выдает его мысли (*док. № 6*). Оно могло подвести к выводу, что в суровую военную годину советское правительство сумело не только устоять за счет терпения, ясного ума и здравого смысла русского народа, но и «выехать» на его «крепкой спине».

По существу, Сталин в ходе редактирования фактически едва не дезавуировал скрытый смысл собственного тоста. Но можно со всей уверенностью утверждать, что на самом деле он рассматривал русский народ как своеобразную основу, «становой хребет», опираясь на который советское руководство смогло не только преодолеть собственные роковые ошибки, в результате которых имели место драматические события 1941 — 1942 гг., но и, в конечном счете, привести Советский Союз и населяющие его многочисленные нации и народности к великой Победе.

В данной связи было бы уместным напомнить один интересный факт. В 1946 г. на советский экран вышел художественный фильм «Клятва» по сценарию П.А. Павленко и М.Э. Чиаурели, посвященный Сталину. В этом фильме,

в частности, был воспроизведен игровым способом, с привлечением профессиональных актеров и с использованием «массовки», кремлевский прием, относящейся по времени к кануну Великой Отечественной войны. Из сценария следует, что в ходе приема произошел знаменательный диалог между Сталиным (в этой роли снимался М.Г. Геловани) и «русской рабочей матерью» Варварой Михайловной Петровой (С.В. Гиацинтова). На вопрос В.М. Петровой, будет ли война, Сталин ответил: по всему видно, что война будет, и ее не миновать. Примечательно последовавшее вслед за этим суждение «русской рабочей матери»:

— Оно и лучше, Иосиф Виссарионович, чтобы при нас она (война. — *В.Н.*) была. Мы народ испытанный, привыкли из трудностей выходить. Чего только не вынесли! *У нас спины крепкие* (выделено мной. — *В.Н.*). На наших бы хребтах и отвоеваться¹.

Следовательно, и в киносценарии П.А. Павленко и М.Э. Чиаурели «Клятва» (1946 г.), и в одноименном фильме, вышедшем тогда же на широкий экран, применительно к представителям русского народа встречается выражение «крепкие спины». Оно же, но в единственном числе, едва не попало в ходе редактирования Сталиным в текст его тоста 24 мая 1945 г. Вряд ли понятие «крепкая спина» в отношении русских Сталин заимствовал у Чиаурели. Скорее, наоборот: известный кинорежиссер и сценарист, неоднократно встречавшийся с вождем (в частности, работая над сценарием и во время съемок фильма «Клятва») мог услышать из его уст это словосочетание.

Анализ тоста Сталина «За русский народ» окажется неполным, если не рассмотреть вопрос о том, какой отзыв эта здравица нашла у советских людей, к которым была обращена, и какие политико-идеологические последствия имела.

Публичные устные выступления Сталина, которые пересказывались затем в газетах, вызывали немедленную реакцию среди представителей различных социальных групп советского общества. В этом смысле не стала исключением и застольная речь Сталина 24 мая 1945 г.

¹ Павленко П., Чиаурели М. Клятва. Киносценарий. М., 1946. С. 86.

Свидетельства непосредственных участников и современников событий дают основание для вывода о том, что сталинская здравица 24 мая 1945 г. воспринималась ими неоднозначно.

В.В. Вишневский в своей записной книжке 24 мая 1945 г. охарактеризовал ее следующим образом: «Речь Сталина о русском народе, до слез потрясая нас»¹. И.Г. Эренбург, присутствовавший на кремлевском приеме командующих войсками Красной армии, заплакал после сталинского тоста «За русский народ!», поскольку его содержание известному писателю и публицисту «показалось обидным»². А.А. Капица дополнила картину происходившего на кремлевском приеме после этой здравицы вождя в дневниковой записи от 25 мая 1945 г.: «Эренбург мрачен, Маршак, Михоэлс и еще много других»³.

26 мая 1945 г., буквально «по горячим следам» сталинского тоста «За русский народ!», первому секретарю МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попову была направлена информация Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) об откликах на это выступление т. Сталина на приеме в честь командующих войсками Красной армии. В преамбуле документа подчеркивалось, что речь вождя была «встречена трудящимися с одобрением». Так, инженер завода № 836 Соловейко заявил буквально следующее: «Выступление т. Сталина вызвало у нас всех не только восхищение, но и гордость. Очень важно было подчеркнуть ведущую роль русской нации, которая сумела все свои черты и лучшие традиции передать другим национальностям Советского Союза и повести за собой на разгром врага».

Инженера цеха подготовки предприятия «Аэрогеодезия» Денисова «глубоко тронули» слова Сталина, который говорил «об отношении русского народа к своему правительству, о твердости характера русского человека, о его выносливости». «Действительно, только русские люди могли вынести такие тяжести войны и не дрогнуть перед смертельной опасностью», — заключал Денисов⁴.

¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2126. Л. 6 об.

² Чуковский К.И. Дневник 1930 – 1969. М., 1994. С. 214.

³ Цит. по: Двадцатый век Анны Капицы... С. 323.

⁴ Москва послевоенная. 1945 – 1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 52.

В то же время, как отмечалось в упомянутом документе, «отдельные высказывания» свидетельствовали о ... «недопонимании значения и оценки т. Сталиным особой оценки роли русского народа». Контролер фабрики «Детская книга» Тасманин в беседе с секретарем парторганизации Якушпольской сказал: «Меня удивляет, что т. Сталин, который всегда подчеркивал значение интернационализма в нашей стране, теперь же особо выделил русский народ». Мастер завода «Станколит» Соловьев, рабочие Груздев и Лучников в беседе заявили: «Непонятно почему только о русском народе говорил т. Сталин, ведь украинский, белорусский и другие народы переносили большие трудности и героически боролись с врагом». Инженер планово-экономического отдела Наркомата электростанций Эпштейн говорила: «Я беспокоюсь, как бы оценка т. Сталиным русского народа в Отечественной войне не привела бы к зазнайству и противопоставлению одной нации другой»¹.

30 мая преподаватель литературы Свердловского педагогического института А.С. Ладейщиков обратился в редколлегия журнала «Большевик», желая получить ответ на вопрос: как следует понимать слово «терпение», встречающееся в этой застольной речи вождя. Свое обращение Ладейщиков мотивировал тем, что несколько учителей литературы просили его разъяснить данный вопрос. А.С. Ладейщиков отмечал в своем письме, что термин «терпение» в применении к русскому народу «тянет за собой большой груз философско-политических ассоциаций». В первую очередь, он имел в виду «славянофильско-толстовское значение» данного термина, которое было явно «неприложимо» к сталинской интерпретации. Сталин, рассуждал Ладейщиков, имел в виду совсем не то, что подразумевали «славянофилы», «западники» и Л.Н. Толстой. Советский вождь, вводя термин «терпение» при характеристике замечательных качеств русского народа, якобы подразумевал под ним «выдержку, способность не нервничать в трудные исторические дни, не бросаться в панику от временных неудач и поражений». Сталин, согласно утверждениям А.С. Ладейщикова, имел в виду «особое, мужественное терпение, вытекающее из непоколебимой и всей советской

¹ Там же. С. 53.

жизнью испытанной веры “в правильность политики своего правительства”, веры в победу». Именно так А.С. Ладейщиков и объяснил употребление в «новой речи т. Сталина, слова, впервые произнесенного за советские годы в применении к русскому народу, слова, отягощенного особыми ассоциациями и потому могущего быть истолкованным ошибочно»¹.

В информационных материалах Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) «О политических настроениях трудящихся г. Москвы», направленных 1 июня 1945 г. Г.М. Попову, вновь упоминались «отдельные неправильные толкования в связи с выступлением т. Сталина на приеме в Кремле». Так, научный работник Комиссии по сортоиспытанию зерновых культур Баев прямо заявлял: «Если бы такую речь о заслугах русского народа произнес не т. Сталин, а кто-нибудь другой, то его бы обвинили в великодержавном шовинизме»².

Из дневниковой записи В.В. Вишневского от 3 июня 1945 г. следует, что он подготовил трехстраничный проект «письма И.В. Сталину от сессии Верх [овного] Совета РСФСР (ответ на его тост о русск [ом] народе)». Здесь же Вишневский зафиксировал «актуальный» анекдот на «национальную» тему, рассказанный в писательской среде известным поэтом А.Т. Твардовским: «Бой... К [омандира] роты спрашивают: “Сколько русских осталось?” — “Шестеро” — “Ну, воевать можно”»³.

Как явствует из дневника В.В. Вишневского, 19 июня 1945 г. он вновь мысленно возвращается к сталинскому тосту «За русский народ». Именно этот народ, констатировал писатель и драматург, понес наибольшие потери в Великой Отечественной войне. В данной связи он попытался объяснить мотивацию вождя, особо акцентировавшего внимание в своем выступлении на большом кремлевском приеме на заслугах русских: «Я понимаю эту внут[реннюю] боль, которая есть у Сталина»⁴. Пять лет спустя, в мае 1950 г. В.В. Вишневский описывал реакцию в Георгиевском зале на сталинский тост

¹ Цит. по: *Бурдей Г.Д.* Указ. соч. С. 198—199.

² Москва послевоенная... С. 54.

³ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2126. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 27.

за русский народ иначе: «Я видел, как потрясенные, плакали маршалы и генералы, академики и строители»¹.

В информационной сводке сектора информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 5 июля 1945 г., в частности, отмечалось, что в Омской, Архангельской областях и в Карело-Финской ССР на собраниях и лекциях, проведенных в июне, из аудитории задавался следующий вопрос: «Какие ошибки нашего правительства имел в виду товарищ Сталин в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих Красной Армией»².

В какой-то мере данный вопрос был затронут и в письме, с которым обратился 30 июля 1945 г. на имя Сталина профессор ЦНИИТМАШ, доктор технических наук Т. Лебедев³. Побудительным мотивом для написания этого письма, как следует из его содержания, явились застольные речи вождя: на приеме командующих войсками Красной армии (24 мая 1945 г.) и на приеме участников Парада Победы (25 июня 1945 г.). Но основное внимание Лебедева привлек именно сталинский тост «За здоровье русского народа!».

Он изложил собственные суждения относительно утверждения Сталина о том, что у Советского правительства в 1941 — 1942 гг. «было немало ошибок». Лебедев утверждал: услышав это заявление вождя, он «совершенно ясно почувствовал и свою долю ответственности за наличие и возможность таких ошибок». При этом, выступая как бы от имени всех советских людей, профессор писал: «Мы непоколебимо верили и верим в честность нашего правительства, в его добрые намерения, в его здравый смысл. Отсюда у нас вытекает полнейшее убеждение в том, что если советское правительство делает ошибки, то это происходит не потому, что были преданы забвению интересы народа, не потому, что руководящие деятели нашей страны свои личные цели ставили выше государственных, что нередко случается в буржуазных правительствах». Т. Лебедев уверял, что ошибки Советского правительства проистекали

¹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 2. Д. 239. Л. 7.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 649. Л. 123.

³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939 — 1945. М., 2003. Док. № 28.

из полученных им «недоброкачественных или недостаточных сведений, которыми оно располагало по данному вопросу». Вероятно, Лебедев подразумевал вопрос о намерении нацистской Германии напасть на Советский Союз в 1941 г. Недостаток объективной информации, продолжал свою мысль Т. Лебедев, возможно, привел к неправильным оценкам положения, искажению перспективы, принятию «тех или иных ошибочных решений» или, наоборот, к неприятию «своевременных положительных мер».

В данной связи профессор задавал риторический вопрос: виновато ли в допущенных ошибках одно Советское правительство? Отвечая на него, Т. Лебедев категорически заявлял, что вина за это лежит не только на высшем руководстве. Вновь выступая от имени советского народа, он утверждал: «мы не всегда находили в себе силы честно и открыто говорить о наших недостатках, не обретали в себе мужества указывать не только на ошибки отдельных лиц, но и на такие ошибки, которые происходили от несовершенства самой системы».

Неизвестно, ознакомился ли Сталин с письмом профессора ЦНИИТМАШ, Т. Лебедева. Однако из содержания этого письма следует, что, скорее всего, вождю вряд ли понравились бы намеки его автора на ошибочность принятых Советским правительством в начальный период войны против Германии решений, а также о неприятии «своевременных положительных мер» по действительному отпору агрессору. Ведь одно дело, когда на промахи правительства, причем, как уже отмечалось, явно дистанцируясь от него, указывает ВОЖДЬ, и совсем другое дело, когда скрытая критика высшего государственного руководства, хотя и намеками, неявно, исходит от «зрячего винтика», как обозначил себя в упомянутом письме Т. Лебедев.

В свое время Г.Д. Бурдей писал, что Сталин, отметив в тосте 24 мая 1945 г. решающую роль русского народа в достижении Победы, «весьма недоброжелательно отнесся к другим народам», «неверно определил боевое единство братских народов»: один из них (русский народ) выступал в роли «решающей силы», а «иные» были способны на осуждение Советского правительства. Партийная пропаганда, развивал свою мысль историк, приняла на вооружение этот ошибочный тезис, придав сталинскому определению широкое историческое

значение. При этом он ссылался на указания, содержащиеся в рекомендательной статье, которая была помещена в 1945 г. в журнале «Пропандист»¹. Эта же публикация была отмечена и Ф.Л. Синицыным. В ней, в частности, подчеркивалось: «Партийные организации должны разъяснять, что сталинская оценка русского народа, как выдающейся нации и руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны, является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ»².

Однако такого рода «разъяснения» со стороны идеологических структур большевистской партии, очевидно, удовлетворяли далеко не всех. В этом смысле представляется актуальным замечание Г.Д. Бурдея о том, что на первый взгляд вопросы, возникавшие у советских людей по поводу некоторых сталинских выступлений, могут показаться мало-значительными. Однако, как подчеркивал историк, взятые «в контексте господствовавшей террористической диктатуры», подавлявшей саму возможность «сомнения в верности сталинских характеристик», они представляют интерес как пример «самостоятельной духовной жизни, в отличие от официально запрограммированной и разрешенной»³.

Подобного рода «сомнения» зафиксированы в письме, с которым обратилась в 1945 г. в журнал «Большевик» З.Л. Бенцкович-Лигетти, соратница венгерского коммуниста К. Лигетти, проживавшая в Уфе. Как отмечал Г.Д. Бурдей, из этого письма «мы узнаем о серьезном сомнении патриота-интернационалиста в правильности оценки роли народов СССР в борьбе с фашизмом»⁴.

З.Л. Бенцкович-Лигетти считала, что провозглашенную Сталиным 24 мая 1945 г. здравицу и выраженную им благодарность русскому народу можно трактовать двояко.

1) Русский народ – ведущий. В трудные дни он не дрогнул, не заколебался, не засомневался. В противном случае страну

¹ Бурдей Г.Д. Указ. соч. С. 45–46.

² Цит. по: Лебедев В. Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза // Пропандист. 1945. № 16. С. 7.

³ Бурдей Г.Д. Указ. соч. С. 195.

⁴ Там же. С. 196.

могла бы постигнуть катастрофа. Русский народ пошел за своим правительством, силой примера укрепил решимость других народов СССР бороться против грозного врага, повел их за собой. Именно в этом, как поняла Бенцкович-Лигетти, состояла величайшая заслуга русского народа, и именно за это выразил ему признательность Сталин в своем тосте 24 мая 1945 г.

2) Народы Советского Союза заколебались, дрогнули перед лицом опасности и даже были готовы любой ценой пойти на мир с нацистской Германией. Более того, народы СССР усомнились в правильности политики своего правительства, в его способности, преодолевая все опасности, вести к победе. Лишь один русский народ остался верен себе и своему правительству. Опираясь на твердую решимость и доверие русского народа, Советское правительство в конечном счете смогло принудить другие народы СССР выступить на борьбу с врагом.

Если первое толкование сталинской здравицы 24 мая 1945 г. представлялось автору письма, направленного в журнал «Большевик», совершенно понятным, то второе просто не укладывалось в ее сознании. Приняв второе толкование, рассуждала З.Л. Бенцкович-Лигетти, пришлось бы допустить, что между республиками СССР не было полного единства, а некоторые из республик отказали Советскому правительству в доверии, не желая идти на жертвы во имя победы над фашистской Германией.

Она писала далее, что Советское правительство — лучшее из того, что мог выбрать народ «из своей среды». Однако оно «не инородное тело» в организме других народов, а является составной и очень важной частью этого единого организма. И если правительство допустило ошибки, подчеркивала З.Л. Бенцкович-Лигетти, «то это ошибки всех нас». Здесь необходимо отметить своеобразную «перекличку» с рассуждениями на тему «вины» профессора Т. Лебедева, приводившимися выше.

Имея в виду те высокие эпитеты, которых удостоился в сталинской здравице 24 мая 1945 г. русский народ, Бенцкович-Лигетти сформулировала острый в контексте нынешних знаний о коллаборационизме на оккупирован-

ных немцами советских территориях и о трагической судьбе репрессированных в 1941 — 1945 гг. сталинским режимом представителей различных народов СССР: «Какой эталон надо выдать украинцам, белорусам, литовцам, башкирам, татарам, народам Кавказа и всем другим? Откажем им в ясности ума, терпении и стойкости характера? По какому праву?»¹.

В данной связи знаменательным представляется один эпизод из воспоминаний Ю.П. Любимова, который в первые послевоенные годы оказался в Грузии. Газеты, вспоминал Любимов, тогда «были полны сообщений, что Сталин произнес тост за русский народ, который выиграл войну». Ю.П. Любимов утверждал в данной связи: «Какая-то горечь была для грузин в том, что он выступил с панегириками в адрес русского народа, что русский народ “первый среди равных” — но все-таки первый»².

Что касается письма З.Л. Бенцкович-Лигетти, адресованного редколлегии журнала «Большевик», то, подводя итоги своих размышлений относительно содержания сталинского тоста «За здоровье русского народа!», она констатировала: «Мне предельно ясна <...> позитивная роль советских людей, позитивная роль подлинной демократии в истории, в жизни народов мира. Понимаю и признаю классовые признаки, несколько более смутно, но все же понимаю национальные особенности, но делить народы СССР, народы мира по психологическим категориям — нет, это не дается, не могу понять»³.

Несомненный интерес представляет еще одно письмо, направленное в «высшие инстанции», которое также явилось своеобразной рефлексией на сталинский тост «За здоровье русского народа!». В сентябре 1945 г. А.Н. Протопопова (из содержания письма можно понять, что она принадлежала к учительской среде) обратилась к Сталину, пытаясь, по ее собственному выражению, поговорить о жизни, но не «языком газетных, торжественно выдержанных писем с санкционированными формулировками, а языком сердца, попросту, по-человечески». Сталинская здравица, провозглашенная

¹ Там же. С. 197.

² Цит. по: Любимов Ю.П. Указ. соч. С. 216.

³ Там же. С. 197–198.

24 мая 1945 г., вызвала у А.Н. Протопоповой неоднозначные ассоциации. По ее мнению, русский человек никогда не был шовинистом. А в советских условиях, рассуждала Протопопова, «воспитанный социалистическим строем на высших, общечеловеческих идеях», он «питает одинаково братские чувства к трудящемуся человеку любой национальности». Силу интернационального воспитания она видела в следующем: «чем выше у русского человека его национальное самосознание, национальная гордость, тем чище, глубже и благороднее его отношение к трудящимся массам других национальностей».

В данной связи А.Н. Протопопова задавалась вопросом: до каких пор русским будет запрещено вслух говорить о своей национальной гордости? Понятно, что никто из них просто не осмелился бы, по мнению Протопоповой, провозгласить то же за русский народ: а вдруг рядом сидящий — другой национальности?

Протопопова ссылалась на собственный опыт общения с представителями идеологического партийного аппарата. Когда она в начале Великой Отечественной войны написала статью о воспитании национальной гордости, разработав этот вопрос в русской школе, редактор «Комсомольской правды», куда она обратилась, отнесся к ее инициативе настороженно. Он заявил, что «выпячивать русскую национальность было политически нецелесообразно» в то время, когда немецкие войска стояли под Москвой, заняли Украину. Тогда А.Н. Протопопова подумала, что редактор «Комсомольской правды» исходил из каких-то важных побуждений, и «тут действительно некая большая государственная политика», смысл которой не понятен простому обывателю. Поэтому она «заглушила» свой протест, возникший в связи с безапелляционным заявлением представителя всесоюзной общественно-политической газеты, которое квалифицировала как «наглый цинизм» и «непроеходимую глупость».

После сталинского выступления 24 мая 1945 г. А.Н. Протопопова вновь обратилась к тому же редактору «Комсомольской правды» с вопросом: считает ли он по-прежнему, что нельзя говорить вслух о советской национальной гордости? Смысл ответа редактора сводился к следующему: он не относится к

рутинерам, а, наоборот, считает себя творческим работником. Раньше были одни указания, а теперь — другие, однако «заострять» вопрос о национальной гордости русского народа он не советовал.

Обращаясь к Сталину, учительница А.П. Протопопова утверждала, что русский народ, услышав тост в свою честь, буквально плакал от наплыва чувств, от гордости и радости. Сталинские благодарственные слова были приняты им, по мнению Протопоповой, не как «указания», а как «невольный душевный порыв». В то же время «редакционные чиновники», сидя в кабинетах, как она выразилась, продолжали изыскивать, как бы «не заостря вопроса», отразить в своей газете «указания» Сталина¹.

В.М. Молотов, выступавший на кремлевском приеме командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. в роли тамады, спустя несколько десятилетий после этого события утверждал, что, с одной стороны, вождь в тосте за русский народ критически оценил деятельность Советского правительства, перечислив его ошибки, относившиеся к начальному периоду Великой Отечественной войны. С другой стороны, Молотов обращал внимание на то, что это застольное выступление Сталина отвечало ситуации, создавшейся по окончании Великой Отечественной войны, а следовательно, на его основании трудно доподлинно судить в целом о восприятии вождем русского народа².

Современник событий известный карикатурист Б.Е. Ефимов писал по поводу сталинского тоста «За здоровье русского народа!»: «...думаю, не одному из “бурно аплодирующих” было страшно слышать эти слова (об ошибках советского руководства, допущенных в 1941 — 1942 гг. — *В.Н.*) из уст человека, который лучше кого бы то ни было знал, какая железная, беспощадная система “смершей”, особых отделов и трибуналов опутывала фронт и тыл. Кто бы посмел тогда заикнуться об “ошибках правительства” или “отчаянном положении”. Какое уж тут могло быть “уходите прочь, мы поставим другое правительство”... За один намек на такие слова

¹ Цит. по: Советская жизнь. 1945 — 1953. М., 2003. Док. № 155.

² Чуев Ф.И. Указ. соч. С. 333—334.

можно было неминуемо и быстро поплатиться головой. Но Сталину, видимо, доставило удовольствие щегольнуть таким «либерализмом»¹.

Таким образом, обнародованный после тщательного редактирования Сталиным его тост 24 мая 1945 г., трактовавшийся официальной пропагандой в качестве классического обобщения исторического пути, который прошел великий русский народ, воспринимался советскими людьми неоднозначно. Потребовалась, по выражению Ф.Л. Сеницына, легитимация этого тоста, поскольку не все разделяли мнение вождя, подразумевая, что он не воздал почестей другим народам (в частности, украинцам и белорусам), которые понесли в период Великой Отечественной войны еще большие потери, чем русские².

В отечественной историографии акцентировалось внимание и на том, какие последствия в смысле этнополитическом имело застольное выступление Сталина 24 мая 1945 г. Как утверждал Г.Д. Бурдей, оно выявило, что содружество народов (в сталинском представлении) — «это централизм, понимаемый тоталитарно, что не могло способствовать укреплению полиэтнического государства». Бурдей поддержал высказывавшееся в публицистической литературе времен горбачевской «гласности» утверждение: возрождение националистической русской идеи восходит к последнему периоду Великой Отечественной войны. Обращаясь к этой идее, Сталин якобы решал важную тактическую задачу: подавить чувство национального унижения, которое должно было возникнуть у русского солдата — в массе своей выходца из голодной, разоренной деревни — при соприкосновении с Европой. «Националистические чувства Сталина, — делал далеко идущий вывод Г.Д. Бурдей, — не были осуществлены в этой кампании: он стремился компенсировать мнимым национальным превосходством комплекс глубокой национальной неполноценности»³.

Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев связывали тост вождя «За русский народ» с его «новой стратегией в этнополити-

¹ Цит. по: *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий: О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 385—386.

² *Сеницын Ф.Л.* Проблема национального и интернационального... С. 44.

³ Цит. по *Бурдей Г.Д.* Указ. соч. С. 47.

ческой сфере». Одной из составляющих этой «стратегии» явилось, как писали Бордюгов и Бухараев, противопоставление Сталиным русских другим народам страны. При этом вождь стремился опереться на авторитет русского народа, выступая от имени этого народа, рассматривая русских как своеобразных посредников во взаимоотношениях с другими национальностями.

Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев отмечали, что сталинскую застольную речь 24 мая 1945 г. «населяет идеальный русский человек — носитель несравненных интеллектуальных и моральных ценностей». Она, как считали Бордюгов и Бухараев, явилась своеобразным пробным камнем в масштабной идейно-политической игре. Сталина, по мнению названных историков, не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для его режима и советского строя перспективами культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала, как писали Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев, новые приливы чувства этнической самооценности и породила надежды на послабление в сфере национальных отношений. Национальное, делали вывод названные авторы, никак не желало сочетаться с интернациональным в его «великорусско-советском обличье». Согласно сталинской диалектике, следовало ликвидировать одну из противоречивых сторон, чтобы привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю¹.

По мнению американского историка Д.Л. Бранденбергера, Сталин своим тостом в мае 1945 г. откровенно противопоставил «лояльность русских другим народам, населяющим СССР» и тем самым «официально одобрил восстановление этнической иерархии». В этой здравице, считал Бранденбергер, было заложено «требование к пропагандистам сосредоточиться исключительно на русском народе и его историческом величии в течение первых послевоенных лет»².

¹ Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Указ. соч. С. 34.

² Цит. по: Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941 — 1945 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 353.

В свою очередь, М.П. Одесский и Д.М. Фельдман рассматривали сталинскую здравицу 24 мая 1945 г. как «вполне понятный сигнал» для советских политико-идеологических структур. «Именно тогда, — рассуждали Одесский и Фельдман, — советские пропагандисты начали азартно утверждать русский приоритет во всех областях естествознания <...>. Это была одна из наиболее масштабных и длительных кампаний — “борьбы с низкопоклонством перед Западом” во всех областях»¹.

Что касается утверждений о том, что тост Сталина за русский народ послужил отправной точкой для начала политико-идеологической кампании под лозунгом «борьбы с низкопоклонством перед Западом» и с «космополитизмом», то, как известно, она стала разворачиваться позднее, в 1946 г., после печально известной «фултонской речи» У. Черчилля. Эта пропагандистская кампания началась уже в условиях «холодной войны» и имела не внутренний, этнополитический, а ярко выраженный внешнеполитический контекст.

¹ *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 117.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большие кремлевские приемы являются по-своему уникальным социокультурным феноменом сталинской эпохи.

Термин «прием» применительно к кремлевским застольям появился в документах Политбюро ЦК ВКП(б) 27 и 28 апреля 1935 г. в связи с чествованием представителей советской военной элиты. Первые приемы были проведены в начале мая 1935 г. Их можно рассматривать как своего рода инаугурационные акции. К этому времени был близок к завершению процесс установления сталинского единовластия в стране и в большевистской партии. Помимо устранения политических противников, отмечались определенные успехи на международной арене (подписание договора о взаимной помощи с Францией), упрочившие позиции СССР в Европе.

Немаловажное значение имело и то, что к середине 1930-х гг. Сталин значительно усилил охрану Кремля, который практически полностью оказался под контролем НКВД и превратился в настоящую цитадель сталинской власти.

Для организации больших кремлевских приемов в предвоенные и первые послевоенные годы избирались существенные поводы, причем каждый из них был связан с каким-либо важным событием в политической жизни страны, с демонстрацией ее достижений в области науки и культуры. Они периодически устраивались для выпускников военных академий; для депутатов Верховного Совета СССР первого созыва; для представителей Прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины по случаю вхождения их в состав Советского Союза. На банкеты в Кремль приглашались также участники: праздничных военных и физкультурных парадов; совещаний руководителей и работников транспортного и ведущих

промышленных ведомств; сверхдальных авиаперелетов на Дальний Восток и в Соединенные Штаты Америки; полярных экспедиций; декад республиканского искусства. В Кремле дважды чествовали в 1945 г. представителей командного состава Красной армии после Победы над Германией.

Всего с мая 1935 по май 1941 гг. был проведен 41 большой кремлевский прием. Для сравнения, за указанный период имело место всего лишь 14 партийных форумов (12 пленумов ЦК, один съезд партии, одна партийная конференция). Эти сведения могут служить лишним подтверждением высокого статуса больших кремлевских приемов.

Участники этих сталинских застолий выполняли различные ролевые функции. В зависимости от специфики подобных функций людей, присутствовавших на больших кремлевских приемах, можно разделить на три основные группы. Первая группа была самой малочисленной, однако имела самый высокий социальный статус. К ней принадлежали Сталин и его ближайшие соратники, руководители большевистской партии и советского государства. Представители этой группы являлись устроителями, точнее, хозяевами на банкетах в Большом Кремлевском дворце.

Вторая группа участников больших кремлевских приемов, наоборот, являлась наиболее многочисленной, занимая одновременно видное место в социальной структуре сталинского режима. Это — гости в целом, и особенно та часть из них, которые относились к «виновникам торжества», или «героям дня» (участники праздничных парадов, выпускники военных академий, героические летчики, полярники и т.д.), в честь которых, собственно, и устраивались грандиозные застолья в Кремле.

Однако распределение ролей среди присутствующих на торжественных кремлевских застольях не ограничивалось опозицией «хозяева» — «гости». К третьей группе принадлежали те, кто выполняли «вспомогательную» и в то же время очень важную функцию — участвовали в программе праздничных концертов, которыми сопровождался прием. В нее входили солисты Большого театра, театральные и киноактеры, творческие коллективы музыкальных ансамблей (А.В. Александрова, И.А. Моисеева, Л.О. Утёсова и др.).

В монографии показано, сколь негативно отразились политические репрессии 1937 — 1938 гг. на составе первой и второй групп участников больших кремлевских приемов. Автор старался также отразить те тенденции, которые имели место в этом плане в 1939 — 1941 гг., после того как был пройден пик репрессий. Каждый из участников в отдельности, «хозяева» во главе со Сталиным и гости должны были придерживаться определенного этикета, подчиняться установленным правилам поведения на приеме. Характерной особенностью больших кремлевских приемов как застолий общегосударственного масштаба было то, что между тремя упомянутыми выше группами их участников происходил процесс активного общения. Это общение регламентировалось рамками специфического церемониала, который предусматривал не только порядок размещения участников приема за накрытыми столами, но и назначение тамады, а также последовательность тостов и здравий.

Возможность общения со Сталиным теоретически была представлена всем гостям, однако на практике это общение осуществлялось преимущественно по инициативе самого вождя либо его ближайших соратников.

Несомненный интерес вызывают зафиксированные в источниках случаи нарушения церемониала, когда Сталин был вынужден выступать в роли своеобразного «арбитра», усилия которого направлялись на «наведение порядка». В монографии рассматриваются уникальные случаи подобного рода, а именно: публичные диалоги на приемах между вождем и известным летчиком В.П. Чкаловым, выступавшим в качестве «нарушителя спокойствия».

Каждый прием сопровождался большим концертом, программа которого составлялась Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в непосредственном ведении которого с февраля 1937 г. находились Большой театр СССР, МХАТ, Государственный академический Малый театр, театр им. Вахтангова. При составлении концертных программ, несомненно, учитывались предпочтения самого Сталина в музыкальном, театральном и оперном искусстве. Однако, несмотря на высокий в целом уровень исполнительского искусства участников концертов и на значительное разнообразие

концертных номеров, их восприятие снижалось в условиях, когда внимание гостей-слушателей отвлекалось от концерта собственно застольем: потреблением яств, выпивкой, застольными разговорами.

Большие кремлевские приемы порой использовались Сталиным для произнесения тостов и застольных речей, которые в условиях его практически неограниченного господства в стране и в партии неизменно носили директивный характер. Всего выступления вождя за выделенный выше период имели место 12 раз. В монографии приведен, с учетом имеющейся исследовательской литературы и ведущихся дискуссий, анализ трех наиболее известных из них. Это — «таджикская речь» 22 апреля 1941 г., тосты и реплики на приеме выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г., а также речь на банкете в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. В последнем случае основное внимание было сосредоточено на интерпретации знаменитой сталинской здравицы «За русский народ!».

В целом, большие кремлевские приемы середины 1930-х — начала 1940-х и середины — второй половины 1940-х, в которых принимало участие одновременно от 300—400 до 2900 чел., являлись одной из форм общения в советской политической среде. Торжественные застолья в Кремле относились к ряду мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль не только в деле укрепления личной власти Сталина, но и для активизации процесса консолидации во-круг вождя политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества. Для них были характерны функции обмена информацией, интегрирующая, дифференцирующая и функция преемственности в культуре, прежде всего — в области застольных обычаев.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

**ПРОГРАММЫ
ПРАЗДНИЧНЫХ КОНЦЕРТОВ,
СОХРАНИВШИЕСЯ В РГАЛИ¹**

Программа концерта 23 августа 1937 года

1-е отделение

1. *И. Брамс* – *Ф. Крейслер*. «Венгерский танец». Исполняет Д.Ф. Ойстрах.
2. *Н. Паганини* – *Ф. Крейслер*. «Кампанелла». Исполняет Д.Ф. Ойстрах.
3. *Дж. Россини*. «Тарантелла». Исполняет С.Я. Лемешев
4. *М.М. Ипполитов-Иванов*. «Романсера». Исполняет С.Я. Лемешев.
5. *А.Е. Варламов*. «Вдоль по улице метелица метет». Исполняет Е.Д. Кругликова.
6. *Л. Делиб*. «Болеро». Исполняет Е.Д. Кругликова.
7. *П.И. Чайковский*. Ария Елецкого из оперы «Пиковая дама». Исполняет П.М. Норцов.
8. *Дж. Россини*. Ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет П.М. Норцов.
9. *А.С. Даргомыжский*. Ария мельника из оперы «Русалка». Исполняет М.Д. Михайлов.
10. *П.И. Чайковский*. Ария Гремина из оперы «Евгений Онегин». Исполняет М.Д. Михайлов.
11. *М.П. Мусоргский*. Гопак. Исполняет В.А. Давыдова.

¹ В тех случаях, когда в программах концертов инициалы отсутствуют, они восстановлены мною без специальных оговорок. – В.Н.

12. Русская песня «Ах, ты Ванька». Исполняет В.А. Давыдова.

13. *А.С. Даргомыжский*. Титулярный советник. Исполняет С.В. Образцов.

14. *И. Ильф, Е. Петров*. Докладчик. Исполняет С.В. Образцов

15. *Дж. Россини*. Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет В.В. Барсова.

16. *III. Леккок*. Гавот из оперетты «Дочь мадам Анго»¹. Исполняет В.В. Барсова.

2-е отделение

Красноармейский ансамбль песни и пляски А.В. Александрова. Аккомпанируют: С.К. Стучевский, В.В. Топилин, О.А. Шаганова.

Программу ведет Я.Л. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1146. Л. 95–96.

Программа концерта 20 января 1938 года²

1-е отделение

Исполняет Краснознаменный ансамбль А. Александрова.

1. *А.В. Александров*. «Песня о Сталине».

2. Народная песня «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка».

3. *А.В. Александров*. «Песня о Кирове».

4. *А.Г. Рубинштейн*. «Ноченька». Хор из оперы «Демон».

5. *М.П. Мусоргский*. Хор стрельцов из оперы «Хованщина».

6. *А.В. Александров*. «Бейте с неба самолеты».

7. Краснофлотская пляска.

8. *Д.Я. Покрасс*. «За рекой за Луганкой».

9. Народная песня. «Сизый голубочек».

10. *И.И. Дзержинский*. «От края и до края». Хор из оперы «Тихий Дон».

11. *К.Я. Листов*. «Тачанка».

¹ Оперетта III. Леккока «Дочь мадам Анго» была поставлена В.И. Немировичем-Данченко в 1920 г.

² Программа отпечатана на серой бумаге, шрифт синий.

12. «Во поле березонька стояла». Народная песня.

13. Русская пляска.

2-е отделение

1. *Н.А. Римский-Корсаков*. Ария Варяжского гостя из оперы «Садко». Исполняет М.Д. Михайлов.

2. *П.И. Чайковский*. Ария Гремينا из оперы «Евгений Онегин». Исполняет М.Д. Михайлов.

3. *М.И. Глинка*. «Жаворонок». Исполняет В.В. Барсова, сопровождение флейты проф. Н.И. Платонов.

4. *Ю. Бенедикт*. «Птичка». Исполняет В.В. Барсова, сопровождение флейты проф. Н.И. Платонов.

5. *А.П. Чехов*. «Хирургия» Исполняют И.М. Москвин, В.А. Вербицкий.

6. *Н.А. Римский-Корсаков*. «Песня Индийского гостя». Исполняет Н.Э. Полонский (труба).

7. *М.И. Глинка*. «Попутная». Исполняет Н.Э. Полонский (труба).

8. *М.И. Глинка*. Ария Ратмира из оперы «Руслан и Людмила». Исполняет Б.Я. Златогорова.

9. Украинская народная песня. Исполняет Б.Я. Златогорова.

10. Украинская народная песня. И.С. Козловский.

11. «Докладчик». Исполняет С.В. Образцов.

12. «Хабанера». Исполняет С.В. Образцов.

13. «Мы только знакомы». Исполняет С.В. Образцов.

14. *А.В. Александров*. «Летчики». Исполняет П.М. Норцов.

15. *О.С. Чишко*. Ария Кочуры из оперы «Броненосец Потемкин». Исполняет П.М. Норцов.

16. *М.М. Иннолитов-Иванов*. Песня старого Бурши из оперы «Ася».

17. *А.П. Бородин*. Ария князя Галицкого из оперы «Князь Игорь».

Акомпанируют: А.Д. Макаров, С.К. Стучевский, О.А. Шаганова.

Программу II отделения ведет Я.Л. Леонтьев

3-е отделение

1. *А.В. Александров.* «Песня о Ворошилове».
2. *А.В. Александров.* «Волжская бурлацкая».
3. *Д.Я. Покрасс.* «Если завтра война...».
4. *П.И. Нищинский.* «Закувала та сива зозуля».
5. Украинская народная песня «Распрягайте, хлопцы, коней».
6. Украинская пляска.
7. «Казачья дума (Песня о Сталине)» Обработка М. Ставицкого.
8. *П.Н. Триодин.* «Бурлацкая».
9. *Э. Мегюль.* «Походная песня».
10. *Ш. Гуно.* Марш из оперы «Фауст».
11. Народная песня «Всю-то я вселенную проехал».
12. Народная песня «Калинка-малинка».
13. Красноармейская пляска.

РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1168. Л. 1–2.

Программа концерта 2 мая 1938 г.¹

1-е отделение

1. *Ф. Лист.* 12-я рапсодия. Исполняет Я.В. Флиер.
2. *Н.А. Римский-Корсаков.* Ария Варяжского гостя из оперы «Садко». Исполняет М.Д. Михайлов.
3. *П.И. Чайковский.* Ария Гремина из оперы «Евгений Онегин». Исполняет М.Д. Михайлов.
4. *П. Сарасате.* Интродукция и тарантелла. Исполняет Э.Г. Гилельс.
5. *С. Шаминад – Ф. Крейслер.* «Испанская серенада». Исполняет Э.Г. Гилельс.
6. Украинская песня «Солнце низенько». Исполняет И.С. Козловский.
7. *Н.А. Римский-Корсаков.* Ария Индийского гостя из оперы «Садко». Исполняет И.С. Козловский.

¹ На обложке программы цветное изображение Сталина, башен Кремля, красной звезды, силуэтов летящих боевых самолетов и движущихся танков.

8. Романс «Глядя на луч полярного заката». Исполняет С.В. Образцов.

9. «Мы только знакомы». Исполняет С.В. Образцов.

10. *П.И. Чайковский*. Ария Роберта из оперы «Иоланта». Исполняет П.М. Норцов.

11. *Дж. Россини*. Ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет П.М. Норцов.

12. *Дж. Россини*. Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет В.В. Барсова.

13. *И Штраус*. Вальс. Исполняет В.В. Барсова.

14. Биллис-вальс. Исполняют О.В. Лепешинская и А.Н. Ермолаев.

15. *М.И. Блантер*, слова *М. Голодного*. «Песня о Щорсе». Исполняет М.О. Рейзен.

16. *Ш. Гуно*. Куплеты Мефистофеля из оперы «Фауст». Исполняет М.О. Рейзен.

17. *В.Я. Кручинин*, слова *С.Б. Болотина и Т. С. Сикорской*. «Северный полюс». Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии (Художественный руководитель *Ф.И. Данилович*; музыкальный руководитель — заслуженный артист РСФСР *П.И. Алексеев*).

18. *И.О. Дунаевский*, слова *В.И. Лебедева-Кумача*. «Марш моряков-пограничников». Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

19. «Украинская сюита». Обработка *М. Ставицкого* и *В.Д. Николаева*. Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

20. *И.О. Дунаевский*, слова *В.И. Лебедева-Кумача*. «Песня о родине». Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии

21. Народная песня «Калинка». Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

22. *И.О. Дунаевский*, слова *В.И. Лебедева-Кумача*. «Песня о наркоме Ворошилове». Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

23. *П.В. Куликов*. Финал из русской сюиты. Исполняет Красноармейский балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

2-е отделение

Исполняет Джаз-оркестр Л.О. Утёсова.

24. *Л.К. Книппер*, слова *В.М. Гусева*. «Полюшко».

25. *К.Я. Листов*, *М.И. Рудерман*. «Тачанка».

26. «Все хорошо, прекрасная маркиза».

27. Белорусская народная песня «Будьте здоровы».

28. *В.Я. Кручинин*. «Борода».

Акомпанируют: А.Д. Макаров, С.И. Мацюшкевич,
О.А. Образцова и С.К. Стучевский.

Программу ведет Я.Л. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1168. Л. 15–17.

Программа концерта 17 мая 1938 г.¹

1-е отделение

1. *М.М. Ипполитов-Иванов*. «Ворошиловский марш». Исполняет Государственный симфонический оркестр под руководством А.В. Гаука.

2. *Л. ван Бетховен*. Финал «Героической симфонии». Исполняет Государственный симфонический оркестр под руководством А.В. Гаука.

3. *А.П. Бородин*. Ария князя Галицкого из оперы «Князь Игорь». Исполняет М.О. Рейзен.

4. *Ф. Шопен*. «Полонез». Исполняет Л.Н. Оборин.

5. *Ф. Лист*. «Кампанелла». Л.Н. Оборин.

6. *П.И. Чайковский*. Ариозо кумы из оперы «Чародейка». Исполняет Е.Д. Кругликова.

7. *А.С. Пушкин*. Монолог «Скупого рыцаря». Исполняет Л.М. Леонидов.

8. *П.И. Чайковский*. Ариозо Мазепы из оперы «Мазепа». Исполняет П.М. Норцов.

9. *Л. ван Бетховен*. «Застольная песня». Исполняет П.М. Норцов.

10. Акробатический танец «Цирк». Исполняет А.А. Редель, Хрусталева М.М.

¹ Программа напечатана на серой бумаге, шрифт синий.

2-е отделение

11. *Дж. Россини*. «Тарантелла». Исполняет С.Я. Лемешев.
 12. *Дж. Верди*. Песенка герцога из оперы «Риголетто». Исполняет С.Я. Лемешев.
 13. *И. Брамс*. «Венгерский танец». Исполняет Буся Гольдштейн.
 14. *П. Сарасате*. «Тарантелла». Исполняет Буся Гольдштейн.
 15. *О.С. Чишко*. Песня Вакулинчука из оперы «Броненосец Потемкин». Исполняет А.С. Пирогов.
 16. *Дж. Россини*. Ария Дона Базилио из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет А.С. Пирогов.
 17. *Ф. Зуппе*. Дуэт из оперетты «Боккаччо». Исполняет С.В. Образцов.
 18. *Л. Делиб*. Ария с колокольчиками из оперы «Лакме». Исполняет В.В. Барсова.
 19. *А.А. Алябьев*. «Соловей». Исполняет В.В. Барсова.
 20. Русский хороводный. Исполняет Государственный ансамбль народного танца СССР (художественный руководитель И.А. Моисеев).
 21. Молдовеняску. Исполняет Государственный ансамбль народного танца СССР.
 22. Красноармейская пляска. Исполняет Государственный ансамбль народного танца СССР.
- Аkkомпанируют: Б. Гольдштейн, С.И. Мацюшкевич, О.А. Образцова, И.И. Стучевский.
- Программу ведет Я.Л. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1168. Л 20–21.

Программа концерта 5 мая 1939 г.¹

1-е отделение

- Исполняет Краснознаменный ансамбль Александрова.
Дирижер – А.В. Александров.
1. *А.И. Хачатурян*. «Песня о Сталине».

¹ На обложке программы разноцветными красками нанесены Красное Знамя, Серп и Молот, изображены боевые самолеты и красноармеец в полном снаряжении на фоне Красной площади.

2. *М. Ставицкий*. «Казачья дума о Сталине».
3. *А.В. Александров*. «Песня о Ворошилове».
4. *А.В. Александров*. «Песня о партии».
5. *А.В. Александров*. «Песня о военном комиссаре».
6. *Ю.С. Милютин*. «Нас не трогай».
7. «Винтовка».
8. «Тачанка».
9. *И.О. Дунаевский*. «Молодежная».
10. *П.И. Нищинский*. «Закувала та сива зозуля».
11. Частушки и красноармейская пляска.

2-е отделение

1. *И. Брамс*. Венгерский танец. Исполняет Э.Г. Гилельс.
2. *Н. Паганини, Ф. Лист*. «Охота». Исполняет Э.Г. Гилельс.
3. *В.И. Мурадели*. «Вакхическая песня». Исполняет П.М. Норцов.
4. *Д.Б. Кабалевский*. Песня К. Брюньона из оперы «Мастер из Кламси». Исполняет П.М. Норцов.
5. Биллис-вальс. Исполняют О.В. Лепешинская, А.Н. Ермолаев.
6. *А.Г. Рубинштейн*. «Ночь». Исполняет Е.И. Антонова.
7. *Р. Леонкавалло*. «Рассвет». Исполняет Е.И. Антонова.
8. *Г. Венявский*. Романс. Исполняет М.С. Козолупова.
9. *И. Брамс*. Танец. Исполняет М.С. Козолупова.
10. *Ж. Массне*. Ария Вертера из оперы «Вертер». Исполняет И.С. Козловский.
11. *Р. Леонкавалло*. Серенада Арлекина из оперы «Паяцы». Исполняет И.С. Козловский.
12. Рассказы. Исполняет И.В. Ильинский.
13. *В.А. Моцарт*. Ария Лепорелло из оперы «Дон Жуан» Исполняет М.О. Рейзен.
14. *М.П. Мусоргский*. Песня о блохе. Исполняет М.О. Рейзен.
15. Партнерская акробатика. Исполняют М.А. и Т.А. Птицына.
16. *Братья Дм. Я. и Д.Я. Покрасс*, слова *М.В. Исаковского*. «Прощальная комсомольская». Исполняет Д.Л. Кара-Дмитриев.
17. *Г.И. Чернявский*, слова М. Ставицкого. «Милиционер». Исполняет Д.Л. Кара-Дмитриев.

18. *Дж. Верди*. Ария Виолетты из оперы «Травиата»¹. Исполняет В.В. Барсова.

19. *М.О. Дюран*. «Для тебя я пою». Исполняет В.В. Барсова.

20. «После маскарада». Исполняют А.А. Редель и М.М. Хрусталев.

21. *М.И. Глинка*. Ария Сусанина из оперы «Иван Сусанин». Исполняет М.Д. Михайлов.

22. *Л. Ван Бетховен*. «Застольная». Исполняет М.Д. Михайлов

23. *К.А. Корчмарев*. «Песня про дьяка». Исполняет С.В. Образцов.

24. Цирковая пантомима. Исполняет С.В. Образцов.

25. *Б.А. Александров*. Сцена из оперетты «Свадьба в Малиновке». Исполняют В.С. Володин, В.Т. Карпов, Е.Ф. Савицкая.

3-е отделение

Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

26. *Б.Н. Лятошинский*. Хор богунцев из Оперы «Щорс».

27. *Ф. Абт*. «Серенада».

28. *Р. Вагнер*. «Хор матросов».

29. *П.И. Чайковский*. Хор из оперы «Черевички».

30. *А.В. Александров*. «Горы Кавказские».

31. «Орелик». Обработка Абрамова.

32. «Бандура». Обработка Г.М. Давиловского.

33. «Сулико». Обработка Я.М. Яциневича.

34. «Всю то я вселенную проехал» (солист И. Кузнецов)

35. «Калинка, малинка моя» (солист П. Твердохлебов)

36. «Русская пляска».

Аkkомпанемент: А.Д. Макаров, С.К. Стучевский, В.Л. Сац, З.М. Славинская, О.А. Образцова.

Программу ведет Я.Л. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 1168. Л. 43–45.

¹ Опера Дж. Верди «Травиата» была поставлена В.И. Немировичем-Данченко в 1934 г.

Программа концерта 4 ноября 1939 г.¹

1-е отделение

1. Колхозная, женский групповой танец. Исполняет Ансамбль народной песни и пляски (художественный руководитель – Т.Т. Алтунян).

2. Армянская песня². Исполняет Ансамбль народной песни и пляски (художественный руководитель – Т.Т. Алтунян).

3. Военный танец. Исполняет Ансамбль народной песни и пляски.

4. Армянская песня. Исполняет заслуженный артист Армянской ССР А.Б. Даниелян.

5. Народная армянская песня. Исполняет заслуженный артист Армянской ССР Ш.М. Тальян.

6. Народный армянский танец. Исполняет артист балета Государственного театра оперы и балета им. Спендиарова Арут.

7. «Саят-Нова». Народная армянская песня. Исполняет артист Государственного театра оперы и балета им. Спендиарова А. Тер-Абрамян в сопровождении дудука.

8. *А.Т. Тигранян*. Ария Моси из оперы «Ануш». Исполняет артист Государственного театра оперы и балета им. Спендиарова П.Г. Лисициан.

9. Армянский народный танец. Исполняют М. Алавердян, П. Галстян.

10. «Саят-Нова». Армянская песня. Исполняет Т.Т. Сазандарян.

11. *К. Закарян*. «Песнь ликования». Исполняет Ш. Мкртчян в сопровождении Ансамбля народных инструментов под управлением Г. Мирзояна.

12. Армянские песни и пляски. Исполняет Джаз-оркестр Армянской государственной филармонии. Художественный

¹ Скорее всего, это предварительные наброски программы концерта, состоявшегося на приеме участников декады армянской культуры в Москве, поскольку, как уже отмечалось выше, из списка участников этого концерта были исключены С.Я. Лемешев и В.Я. Хенкин.

² Здесь и далее не указываются названия произведений, которые давались в программе концерта в транслитерации с армянского языка на русский.

руководитель — А. Айвазян. Дирижер — Картазарян.

Программу ведет заслуженный деятель искусств Армянской ССР С.А. Кочарян.

Акомпаниатор — А. Долуханян.

2-е отделение

П.И. Чайковский. Песня без слов. Исполняет Б. Гольденвейзер.

13. *Н. Паганини.* Кампанелла. Исполняет С.Я. Лемешев.

14. *Ж. Бизе.* Серенада из оперы «Пертская красавица». Исполняет С.Я. Лемешев.

15. *Дж. Россини.* Тарантелла. Исполняет Я.В. Флиер

16. *Ф. Лист.* Концертная фантазия на испанские темы. Исполняет Я.В. Флиер.

17. *П.И. Чайковский.* Песня Леля. Исполняет М.П. Максакова.

18. *М.Р. Кочетов.* Незабудки голубые. Исполняет М.П. Максакова.

19. *Г.Н. Дулов.* Вальс. Исполняют О.В. Лепешинская, П.А. Гусев.

20. *А.П. Бородин.* Ария Кончака из оперы «Князь Игорь». Исполняет М.Д. Михайлов.

21. *Л. ван Бетховен.* Застольная. Исполняет М.Д. Михайлов.

22. *Я.М. Рудин.* Ночь на даче. Исполняет В.Я. Хенкин.

23. *Н.П. Червинский.* Катюша. Исполняет В.Я. Хенкин.

24. Крафт-акробаты братья Яловинские.

25. *М.О. Дюран.* Для тебя я пою. Исполняет В.В. Барсова.

26. *А.А. Алябьев.* Соловей. Исполняет В.В. Барсова.

Метелица, Татарочка, Калмыцкий танец. Исполняет Ансамбль И. Моисеева.

Акомпанемент: Б. Гольдштейн, С.Я. Мосевичкий, С.К. Стучевский, Славинский.

Программу ведет Я. Леонтьев.

3-е отделение

Красноармейский ансамбль А.В. Александрова.

Программа концерта 17 июня 1940 г.¹

1. *А.В. Богатырев*. Ария Авгины из оперы «В пущах Полесья». Исполняет заслуженная артистка БССР С.Ю. Друкер.

2. *Е.Е. Туренков*. Фантазия на белорусские народные темы. Исполняет лауреат Всесоюзного смотра исполнителей на народных инструментах А. Остромецкий.

3. *Е.Е. Туренков*. Песня Андрея из оперы «Цветок счастья». Исполняет заслуженный артист БССР А.Д. Арсенко.

4. *Дж. Россини*. Ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник». Исполняет заслуженный артист БССР А.Д. Арсенко.

5. *П.И. Чайковский*. Ария кумы из оперы «Чародейка». Исполняет заслуженная артистка БССР Р.В. Млодек.

6. *П.И. Чайковский*. Романс «День ли царит». Исполняет заслуженная артистка БССР Р.В. Млодек.

7. Народная песня «Три дочки». Исполняет ансамбль белорусской песни и пляски. Художественный руководитель И.И. Любан.

8. Народная песня «Село ты мое». Исполняет ансамбль белорусской песни и пляски.

9. Колхозные частушки. Исполняет Аансамбль белорусской песни и пляски.

10. Белорусский танец «Крыжачок». Исполняет ансамбль белорусской песни и пляски.

11. *Е.Е. Туренков*. Каватина из оперы «Цветок счастья» Исполняет Ззаслуженный артист БССР П.И. Засецкий.

12. *И. Штраус*. Вальс из оперетты «Цыганский барон». Исполняет заслуженный артист БССР П.И. Засецкий.

13. *М.П. Мусоргский*. Думка Параськи из оперы «Сорочинская ярмарка». Исполняет народная артистка БССР Л.П. Александровская.

14. Белорусская народная песня «Семеро зятьев». Исполняет народная артистка БССР Л.П. Александровская.

15. *З.Л. Компанеец*. « В бой за родину». Исполняет Ансамбль красноармейской песни и пляски БОВО. Художественный руководитель — А. Усачев.

¹ Отпечатана в типографии издательства «Искусство» (тираж — 1000 экз.).

16. *А.Г. Рубинштейн*. «Ноченька». Исполняет Ансамбль красноармейской песни и пляски БОВО. Аккомпанируют А. Жезмер, А. Гитлис.

17. Красноармейская пляска. Исполняет Ансамбль красноармейской песни и пляски БОВО. Аккомпанируют А. Жезмер, А. Гитлис.

2-е отделение

18. *М.И. Глинка*. Романс. Исполняет солистка Государственного Ордена Ленина академического Большого театра Союза ССР Н.Д. Шпиллер.

19. *М.И. Глинка*. Романс Антонида из оперы «Иван Сусанин». Исполняет солистка Государственного Ордена Ленина академического Большого театра Союза ССР Н.Д. Шпиллер.

20. *Ф.Ф. Кенеман*. Волжская песня «Эй, ухнем». Исполняет народный артист Союза ССР М.О. Рейзен

21. *Ш. Гуно*. Серенада Мефистофеля из оперы «Фауст». Исполняет Народный артист Союза ССР М.О. Рейзен

22. *К. Сен-Санс*. Ария Далилы из оперы «Самсон и Далила». Исполняет заслуженная артистка РСФСР В.А. Давыдова

23. *Ж. Бизе*. Хабанера из оперы «Кармен». Исполняет заслуженная артистка РСФСР В.А. Давыдова.

24. Народная песня «Степь». Исполняет Государственный хор русской народной песни имени заслуженного артистка РСФСР Пятницкого. Художественные руководители — заслуженные артисты РСФСР П.М. Казьмин и В.Г. Захаров.

25. *В.Г. Захаров*. «Вдоль деревни». Исполняет Государственный хор русской народной песни имени заслуженного артиста РСФСР Пятницкого.

26. *В.Г. Захаров*. «И кто его знает». Исполняет Государственный хор русской народной песни имени заслуженного артиста РСФСР Пятницкого.

27. Народные припевки «Комбайн косит и молотит». Исполняет Государственный хор русской народной песни имени заслуженного артиста РСФСР Пятницкого.

28. *Э.Ф. Направник*. Ария Дубровского из оперы «Дубровский». Исполняет заслуженный артист РСФСР И.С. Козловский.

29. *Н.А. Римский-Корсаков*. Ария Левко из оперы «Майская ночь». Исполняет заслуженный артист РСФСР И.С. Козловский.

30. «Есть на Волге утес». Народная песня в обработке Путенина. Исполняет заслуженный артист РСФСР М.Д. Михайлов.

31. *А.П. Бородин*. Ария Кончака из оперы «Князь Игорь». Исполняет заслуженный артист РСФСР М.Д. Михайлов.

32. Молдаванеску. Исполняет Государственный ансамбль народного танца Союза ССР. Художественный руководитель — И.А. Моисеев.

33. Калмыцкий танец. Государственный ансамбль народного танца Союза ССР.

34. Татарочка. Исполняет Государственный ансамбль народного танца Союза ССР.

35. Хоруми. Государственный ансамбль народного танца Союза ССР.

36. Русская кадрилиная. Государственный ансамбль народного танца Союза ССР.

37. Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР. Художественный руководитель — народный артист Союза ССР А.В. Александров.

Акомпанируют: А.Д. Макаров, А.Д. Цейтлин.

Ведет программу Я.Л. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 18. Л. 142–144 об.

Программа концерта 22 апреля 1941 г.¹

Первое отделение

1. С цветком в руке² (народная таджикская песня). Исполняет Ансамбль рубаисток Таджикской филармонии. Солистка — И. Джураева.

¹ В левом верхнем углу л. 11 помета: «*т. Хранченко*. Программа согласована в ЦК, докладывал т. Ворошилову. Можно отдавать в печать. Вдовиченко, 21.IV.41».

² Здесь и далее опущены названия произведений на таджикском языке в русской транслитерации — *В.Н.*

2. Народная таджикская песня. Исполняют Р. Арсланова, И. Джураева, Т. Султанова.

3. *Яр-Мухамедов*. Девушка из Герата (народная таджикская песня). Исполняет И. Джураева.

4. Народный таджикский танец. Исполняет А. Насырова.

5. Народная таджикская песня. Исполняет Х. Насырова.

6. Народный таджикский танец. Исполняет А. Азимова.

7. Народный таджикский танец. Исполняет О. Исамова.

8. Народная таджикская песня. Исполняет Р.А. Галибова.

9. Танец под дойру. Исполняет А. Исханова.

10. Народный таджикский танец. Исполняет Г.Р. Валамат-зода.

11. Народная таджикская песня. Исполняет Ансамбль песни и танца Таджикской государственной филармонии.

12. Шелкопряд (танец). Исполняет Л. Арипова.

13. Народный таджикский танец. Исполняет мужская группа Ансамбля.

2-е отделение

14. *Дж. Пуччини*. Вальс Лиозетты из оперы «Богема». Исполняет Н.Д. Шпиллер.

15. *Й. Дессауэр*. Болеро. Исполняет Н.Д. Шпиллер.

16. *Р. С. Шуман*. Классический этюд. Исполняют Г.С. Уланова и В.М. Чабукиани.

17. *Ф.Ф. Кенеман*. Эй, ухнем. Исполняет М.О. Рейзен.

18. *Ш. Гуно*. Куплеты Мефистофеля из оперы «Фауст». Исполняет М.О. Рейзен.

19. *Ш. Гуно*. Вальс из оперы «Ромео и Джульета»¹. Исполняет В.В. Барсова.

20. *И. Штраус*. Вальс. Исполняют О. Лепешинская, А. Мессерер.

21. *М.А. Балакирев*. Испанская песня. Исполняет С.Я. Лемешев.

22. *С.В. Рахманинов*. Романс молодого цыгана из оперы «Алеко». Исполняет С.Я. Лемешев.

23. *А.С. Даргомыжский*. Ария мельника из оперы «Русалка». Исполняет М.Д. Михайлов.

¹ Вписано вместо зачеркнутого: *Делиб В.* Ария с колокольчиками из оперы «Пакме».

24. *Л. ван Бетховен*. Застольная. Исполняет М.Д. Михайлов.

25. *Ж. Массне*. Ария Вертера из оперы «Вертер». Исполняет И.С. Козловский.

26. *Дж. Верди*. Куплеты герцога из оперы «Риголетто». Исполняет И.С. Козловский.

27. Народная песня «Степь широкая». Исполняет Хор Пятницкого.

28. «Эх, да уж вы ночи». Исполняет Хор Пятницкого.

29. «По улице-улице». Исполняет Хор Пятницкого.

30. *В.Г. Захаров*. Песня об урожае. Исполняют В.Г. Захаров, П.М. Казьмин.

31. *В.Г. Захаров*. Провожание. Исполняют В.Г. Захаров, П.М. Казьмин.

32. *В.Г. Захаров*. О моряках. Исполняет В.Г. Захаров, П.М. Казьмин.

33. *В.Г. Захаров*. Загудели, заиграли провода. Исполняет В.Г. Захаров, П.М. Казьмин.

34. *А.В. Александров*. Гимн партии большевиков. Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

35. *А.И. Хачатурян*. Песня о Сталине. Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

36. *А.И. Хачатурян*. Горы Кавказские. Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

37. *М.И. Глинка*. Хор из оперы «Иван Сусанин». Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

38. Сюита из украинских песен. Солист Никитин.

39. *А.В. Александров*. Песня о родине. Солист Лягин.

40. *П.П. Булахов*. Тройка. Солист Твердохлебов.

41. *А.В. Александров*. Кавалерийская будёновская. Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

42. *А.В. Александров*. Кавалерийская пляска. Исполняет Ансамбль А.В. Александрова.

Акомпаниаторы: С.И. Мацюшкевич и С.К. Стучевский.

Программу ведет Я.Л. Леонтьев.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

СПИСКИ УЧАСТНИКОВ ПРИЕМОВ

*Список приглашенных
на прием 17 апреля 1938 г.,
составленный в Комитете по делам искусств
при СНК СССР¹*

Большой театр

1. Леонтьев Я.Л.
2. Самосуд С.А.
3. Мордвинов Б.А.
4. Захаров Р.В.
5. Нежданова А.В.
6. Файер Ю.Ф.
7. Моисеев И.А.
8. Держинская К.Г.
9. Давыдова В.А.

Художественный театр

10. Боярский Я.О.
11. Москвин И.М.
12. Качалов В.И.
13. Хмелев Н.П.
14. Тарасова А.К.
15. Еланская К.Н.
16. Беседина Б.Д.
17. Леонидов Л.М.

18. Сахновский В.Г.

19. Тарханов М.М.

Малый театр

20. Дальцев З.Г.
21. Судakov И.Я.
22. Пашенная В.Н.
23. Яблочкина А.А.
24. Садовский П.М.
25. Светловидов Н.А.
26. Яковлев Н.К.
27. Гоголева Е.Н.

Театр им. Вахтангова

28. Шукин Б.В.
29. Симонов Р.Н.
30. Ванеева Е.Н.

Еврейский театр

31. Михоэлс С.М.

¹ Валовая нумерация введена мною. — В.Н.

32. Зускин В.Л.
33. Белиловский М.А.

Центральный детский театр

34. Дудин В.Ф.

Московские театры

35. Штраух М.М.
36. Таиров А.Я.
37. Охлопков Н.П.
38. Васин В.В.
39. Бабанова М.И.

Критики, писатели

40. Толстой А.Н.
41. Тренёв К.А.
42. Ставский В.П.
43. Леонов Л.М.
44. Гусев В.М.
45. Погодин Н.Ф.
46. Иванов Вс.
47. Кольцов М.
48. Хубов Г.Н.
49. Гринберг М.М.
50. Фрид Н.Г.
51. Рындин В.Ф.
52. Вильямс П.В.
53. Кеменов В.С.
54. Вишневский В.В.
55. Лебедев-Кумач В.И.
56. Павленко П.А.
57. Евг. Петров
58. Сурков А.А.
59. Фадеев А.А.

Музыкальные деятели

60. Игумнов К.Н.
61. Мясковский Н.Я.
62. Глиэр Р.М.

63. Хачатурян А.И.
64. Асафьев Б.В.
65. Макарова И.

Художники

66. Герасимов А.М.
67. Герасимов С.В.
68. Мухина В.И.
69. Меркуров С.Д.
70. Ефанов В.П.
71. Грабарь И.Э.
72. Куприянов М.В.
73. Крылов П.Н.
74. Соколов Н.А.

Киноработники

75. Дзиган Е.Л.
76. Вертов Д.
77. Ромм М.И.
78. Каплер А.Я.

Архитекторы

79. Алабян К.С.
80. Веснин В.А.
81. Шуко В.А.
82. Иофан Б.М.

Печать

83. Лежнев И.Г.
84. Ровинский Л.Я.
85. Селих Я. Г.
86. Хавинсон Я.С.
87. Михайлов Н.М.
88. Городинский В.М.

Моссовет и обл. ИК

89. Громов М.М.
90. Чкалов В.П.
91. Водопьянов М.В.

92. Ширшов П.П.
93. Ляпидевский А.В.

ЦК ВКП(б)

94. Стуков Г.И.
95. Салов

МГК ВКП(б)

96. Хвалебнова О.А.
97. Ермоленко (Куйбышев-
ский РК)
98. Аникеева (Свердл. РК)

99. Дедиков
100. Стаханов А.Г.
101. Гудов И.И.

Комитет по делам искусств

102. Маркелов И.Е.
103. Солодовников А.В.
104. Замошкин А.И.
105. Сурин В.Н.
106. Шаповалов Л.Е.
107. Шквариков В.А.

РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 14. Л. 15–20.

1938 г., 6 мая

*Записка Я.Л. Леонтьева на имя А.И. Назарова
с указанием фамилий участников концерта
на приеме в Кремле 2 мая 1938 г.*

На бланке ГАБТ (вписано от руки)

6 мая 1938 г.

Председателю Комитета по делам искусств
при СНК СССР
т. Назарову А.И.

Сообщаю список участников концерта в Кремле 2. V.
1938 г.

Народная артистка СССР – В.В. Барсова
Народный артист СССР – Рейзен М.О.
Заслуженный артист РСФСР – Козловский И.С.
Норцов П.М.
Михайлов М.Д.
Образцов С.В.
Ермолаев А.Н.
Лауреат-пианист – Флиер Я.В.¹

¹ Здесь и далее при отсутствии одного (или обоих инициалов) они восстанавливались без оговорок. – В.Н.

Лауреатка — Гилельс Л.Г.
Солистка балета ГАБТ — Лепешинская О.В.
Акомпаниатор — Макаров А.Д.
Мацюшкевич С.И.
Стучевский С.К.
Помощник по ведению программы — Светлов Г.Н.

И.о. директора Я. Леонтьев.

РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 366. Л. 7. Машинопись. Копия.

***1938 г., 22 мая
Сопроводительная записка
А.И. Назарова на имя Горкина А.Ф.
с указанием денежных ставок
оплаты за выступления артистов ГАБТ'а
на больших кремлевских приемах***

Направляю Вам копии писем дирекции ГАБТ'а об оплате артистов за участие в концертах 17 марта, 17 апреля, 2 мая 1938 г. и копию письма Центрального дома РККА им. Фрунзе¹.

Одновременно с этим сообщаю ставки, установленные Комитетом за выступления в концертах.

Гилельс, Э.Г. 300 руб.
Жадану, И.Д. 400 руб.
Кругликовой, Е.Д. 400 руб.
Ойстрах, Д.Ф. 400 руб.
Норцову, П.М. 400 руб.
Образцову, С.В. 300 руб.
Давыдовой, В.А. 400 руб.
Флиеру, Я.В. 350 руб.
Рейзену, М.О. <...>²
Стучевскому, И.К. <...>³
Топилину, В.В. 150 руб.

¹ Тексты этих писем при публикации опущены.

² Дефект документа, размер денежной ставки не читается.

³ Дефект документа, размер денежной ставки не читается.

Леонтьеву, Я.Л. 150 руб.
Петрову, Ф.Л.¹
Лемешеву, С.Я. 500 руб.
Барсовой, В.В. 600 руб.
Пирогову, А.С. 600 руб.
Михайлову, М.Д. 350 руб.
Киричек, П.Т. 225 руб.
Федотову, Ф.Н. 175 руб.
Златогоровой, Б.Я. 350 руб.
Мессерер, А.М. 300 руб.
Квартет Савицкого А.И. 350 руб.
Мацюшкевичу, С.М. 150 руб.
Козловскому, И.С. 600 руб.
Ермолаеву, А.Н. 300 руб.
Лепешинской, О.В. 300 руб.
Лизе Гилельс 250 руб.
Макарову, А.Д. 150 руб.
Светлову, Г.Н. 150 руб.
Ансамбль красноармейской песни и пляски 10000 руб.

Председатель Комитета по делам искусств
при СНК СССР
А.И. Назаров

РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 366. Л. 5–6. Машинопись. Копия.

***Список приглашенных в Кремль
на прием 4 ноября 1939 г.,
составленный в Комитете по делам искусств
при СНК СССР²***

***Комитет по делам искусств
при СНК СССР***

1. Солодовников А.В.
2. Козлова Е.В. (жена т. Солодовникова)

3. Маркелов И.Е.
4. Коган Л.П. (жена т. Маркелова)
5. Вдовиченко В.Г.
6. Шаповалов Л.Е.

¹ Размер денежной ставки не указан.

² Валовая нумерация введена мною — В.Н.

7. Сурин В.Н.
8. Быков З.Н.
9. Беллер В.П.
10. Серин В.Я.
11. Расин Г.В.
12. Кайдалов Б.В.
13. Бурмистенко И.А.
14. Шехмейстер
15. Гоян Г.И.
16. Гольдман А.А.
17. Шквариов В.А.
18. Каграманов Н.В.
19. Бассаргин Б.А.
20. Кеменов В.С.
21. Месхетели В.Е.
22. Маркичев В.И.
23. Бисярина И.И.
24. Садовников И.И.
25. Квелинов С.
26. Матунис Я.А.
27. Поликарпов Д.А.
28. Михайлин Л. Н.
29. Кузнецов В.И.
30. Пахомов В.И.

*Управление по делам искусств
при СНК РСФСР*

31. Беспалов Н.Н.

*Московское управление
по делам искусств*

32. Румкин И.И.

Большой театр

33. Самосуд С.А.
34. Мордвинов Б.А.
35. Пирогов А.С.
36. Лепешинская О.В.
37. Барсова В.В.

38. Михайлов М.Д.
39. Штейнберг Л.П.
40. Файер Ю.Ф.
41. Моисеев И.А.
42. Давыдова В.А.
43. Кругликова Е.Д.
44. Нежданова А.В.
45. Жуковская Г.В.
46. Чекунов И.М.

Художественный театр

47. Немирович-Данченко В.И.
48. Москвин И.М.
49. Качалов В.И.
50. Хмелев Н.П.
51. Тарасова А.К.
52. Степанова А.О.
53. Калишьян Г.И.
54. Еланская И.Н.
55. Бендина В.И.
56. Леонидов Л.М.
57. Сахновский В.Г.
58. Тарханов М.М.
59. Андровская О.Н.

Малый театр

60. Шумилин А.И.
61. Судаков И.
62. Рыжова В.Н.
63. Зеркалова Д.В.
64. Яблочкина А.А.
65. Садовский П.М.
66. Гоголева Е.Н.

Театр им. Вахтангова

67. Мансурова Ц.Л.
68. Охлопков Н.П.
69. Рыжакин Я.Ф.
70. Захава Б.Е.

71. Орочко А.А.

Еврейский театр

72. Михозлс С.М.

73. Зускин В.Л.

74. Пульвер М.М.

Центральный детский театр

75. Ванеева Е.И.

76. Коренева И.П.

Театр Революции

77. Штраух М.М.

78. Кабанова М.И.

79. Орлов Д.Н.

80. Астангов М.Ф.

Театр сатиры

81. Горчаков И.М.

82. Поль П.Н.

83. Корф Р.Г.

84. Хенкин В.Я.

85. Зверева О.П.

86. Слонова И.Л.

87. Любезнов И.И.

88. Пугачева И.В.

Театр оперетты

89. Ярон Г.М.

90. Александров Н.Г.

91. Власова О.Н.

92. Лазарева Р.Ф.

93. Покровская К.А.

94. Калашникова К.Я.

Театр кукол

95. Образцов С.В.

Госцинтюз

96. Норд Б.Н.

Театр им. Баумана

97. Краснянский Э.Б.

ВТО

98. Наумова К.В.

Цыганский театр

99. Черная Л. (Киселёва Н.С.)

100. Яшин М.М.

Театр им. Ермоловой

101. Кнебель М.О.

Театр

им. Немировича-Данченко

102. Гринберг М.А.

103. Кемарская Н.Ф.

104. Кандаки В.А.

Театр Станиславского

105. Гольдина М.Л.

106. Туманов И.М.

107. Покровский А.В.

Театр Красной Армии

108. Попов А.Д.

109. Угрюмов М.М.

Театр Ленсовета

110. Аболин А.

МТЮЗ

111. Шагаев Г.М.

Ленком

112. Берсенов И.Н.

113. Бирман С.Г.

114. Гиацинтова С.В.

115. Серова-Половикова В.В.

Театр эстрады и миниатюр

116. Петкер Б.Я.

1-й Госцирк

117. Шахет Б.А.

118. Румянцев Г.А.

ЦК РАБИС

119. Пашковский А.И.

120. Тарасов П.А.

Писатели

121. Толстой А.Н.

122. Тренёв К.А.

123. Ставский В.Н.

124. Леонов Л.М.

125. Гусев В.М.

126. Погодин Н.Ф.

127. Вс. В. Иванов

128. Фадеев А.А.

129. Кирпотин В.Я.

130. Панферов Ф.И.

Критики

131. Юзовский-Бурштейн И.И.

132. Альтман И.Д.

133. Гурвич А.С.

134. Хубов Г.Н.

135. Городинский В.М.

136. Гринберг М.М.

137. Трегуб С.А.

Музыкальные деятели

138. Гольденвейзер А.Б.

139. Мясковский В.Я.

140. Глиэр Р.М.

141. Асафьев Б.В.

142. Хренников Т.И.

143. Шавердян А.И.

144. Дзержинский И.И.

145. Шостакович Д.Д.

146. Гаджибеков У.А.Г.

147. Мурадели В.И.

148. Дунаевский И.О.

149. Кабалевский Д.Б.

150. Шапорин Ю.А.

Художники и архитекторы

151. Герасимов А.М.

152. Иофан Б.М.

153. Герасимов С.В.

154. Мухина В.И.

155. Меркуров С.Д.

156. Грабарь И.Э.

157. Рабинович И.М.

158. Алабян К.С.

159. Веснин Б.А.

Пресса

160. Краснов А.Л.

161. Ларский И.Н.

Кино

162. Савченко И.А.

163. Ромм М.И.

1939 г., 6 ноября
Список начальствующего состава
Академии Генерального Штаба РККА,
намеченных для участия¹
на приеме правительства²

1. **Шлёмин Иван Тимофеевич**, 1898 г., Калининская обл. и район, д. Труново. Член ВКП(б) с 1920 г. *Должность*: Начальник Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес*: ул. Хользунова, 18, кв. 4. *Приглашение* (получил).

2. **Фурт Порфирий Сергеевич**, 1903 г., Днепропетровская обл., дер. Новолозоватка. Член ВКП(б) с 1924 г. *Должность*: Комиссар Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес*: ул. Серафимовича, д. 2, кв. 440. *Приглашение* получ.

3. **Калинин Григорий Яковлевич**, 1897 г., Калининская обл., с. Верхняя Троица. Член ВКП(б). *Должность*: Начальник политотдела Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес*: ул. Хальзунова, д. 16а, кв. 6. *Приглашение* № 310³ (подпись)⁴.

4. **Крутиков Алексей Николаевич**, 1895 г., г. Кинешма Ивановской обл. Член ВКП(б) с 1919 г. *Должность*: Начальник учебного отдела Академии Генерального штаба РККА. *Домашний адрес*: проезд Девичьего поля, д. 2, кв. 240. *Приглашение* (не получил).

5. **Иванов Иван Федорович**, 1898 г., Ленинград. Член ВКП(б) с 1928 г. *Должность*: Ст. преподаватель Академии Генерального штаба РККА. *Домашний адрес*: 2-я Извозная ул., д. 29, кв. 35. *Приглашение* № 312 (подпись).

6. **Голубев Александр Васильевич**, 1899 г., Ивановская обл., г. Кинешма. Член ВКП(б) с 1917 г. *Должность*: Врид начальника кафедры оперативного искусства Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес*: Курсовой пер., д. 1, кв. 9. *Приглашение* № 313.

7. **Базь Иван Степанович**, 1902 г., Полтавская губерния, ст. Тихтанова. Член ВКП(б) с 1925 г. *Должность*: Начальник

¹ Так в документе.

² Заголовок документа.

³ Здесь и далее указан номер пригласительного билета на прием в Кремль 8 ноября 1939 г.

⁴ Здесь и далее отметка «подпись» сделана мною. — В.Н.

кафедры марксизма-ленинизма Академии Генштаба РККА
Домашний адрес: 2-я Извозная ул., д. 29, кв.35. *Приглашение* № 314 (подпись).

8. **Мордвинов Василий Константинович**, 1891 г., Каркарадинск Семипалатинской обл., б/п. *Должность:* Начальник кафедры тактики высших соединений Академии Генерального Штаба РККА. *Домашний адрес:* ул. Хользунова, д. 16, кв. 6. *Приглашение* № 315 (подпись).

9. **Меликов Владимир Арсеньевич**, 1897 г., г. Москва. Член ВКП(б) с 1921 г. *Должность:* Начальник кафедры военного искусства Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* ул. Хользунова, д. 16, кв. 3. *Приглашение* № 316 (отказался).

10. **Дубровский Владимир Михайлович**, 1898 г., г. Днепрпетровск. Член ВКП(б) с 1917 г. *Должность:* Начальник кафедры иноязыков Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* В. Новинский пер., д. 4, кв. 2. *Приглашение* № 317 (подпись).

11. **Шимонаев Алексей Иванович**, 1900 г., г. Рига. Член ВКП(б) с 1927 г. *Должность:* Начальник 2-го курса Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* ул. Хользунова, д. 18, кв. 416—418. *Приглашение* № 318.

12. **Ноздрунов Михаил Кузьмич**, 1898 г., Ковенская губ., мест. Ракитно. Член ВКП(б) с 1927 г. *Должность:* Начальник кафедры органов мобилизации Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* Ул. 2-я Извозная, д. 30, корп. 20, кв. 20. *Приглашение* № 319 (подпись).

13. **Сухомлин Александр Васильевич**, 1900 г. Черниговская губ., Краповецкий у., с. Краснополье. Член ВКП(б) с 1918 г.. *Должность:* Начальник 1-го курса Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* ул. Хользунова, д. 18, кв. 401—403. *Приглашение* № 320 (подпись).

14. **Ярмошкевич Павел Сергеевич**, 1896 г., г. Ленинград. *Должность:* Начальник КУКС'а Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* ул. Сивцев Вражек, д. 29, кв. 88. *Приглашение* № 321 (подпись).

15. **Мосягин Борис Константинович**, 1901 г., г. Ярославль. Член ВКП(б) с 1924 г. *Должность:* Начальник строевого отдела Академии Генштаба РККА. *Домашний адрес:* ул. М. Молчановка, д. 5, корп. 2, кв. 9. *Приглашение* № 322 (подпись).

РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 23. Л. 27—28. Машинопись. Подлинник.

СПИСОК
приглашенных на прием 17 июня 1940 г.
(по г. Москве), составленный в Комитете
по делам искусств при СНК СССР

Члены Комитета

- 1.¹ Солодовников А.В.
2. Шаповалов Л.Е.
3. Вдовиченко В.Г.
4. Сурин Б.Н.
5. Шквариов В.А.
6. Беллер В.П.
7. Бурмистенко И.А.

Оргкомиссия по подготовке и проведению декады

8. Расин Г.Б.
9. Бассаргин Б.А.
10. Лебедев А.К.
11. Лифшиц М.Г.

Ответственные работники Комитета и его объединений

12. Серин В.Я., секретарь партбюро.
13. Кайдалов Б.В., начальник отдела самодеятельности.
14. Маркичев В.И., начальник отдела кадров.
15. Бисярина И.И., начальник секретариата.
16. Жильцов А.И., начальник планово-финансового отдела.
17. Беспалов Н.Н., начальник Управления РСФСР.
18. Фрумкин И.Л., начальник Московского отделения.
19. Большеменников А.П., заведующий издательством.
20. Филиппов Б.М., директор ЦДРИ.
21. Тарасов П.А., председатель ЦК РАБИС.
22. Гершензон Д.Я., главный редактор издательства.

Ответственные работники из аппарата ЦК ВКП(б)
и СНК по вопросам искусства

23. Поликарпов Д.А. (ЦК)
24. Назаров И.И. (ЦК)

¹ Валовая нумерация введена мною. — В.Н.

25. Кузнецов В.И. (СНК)
26. Рототаев А.С. (СНК)
27. Шифман М.Л. (СНК)
28. Мишулин П.Г.
29. Харламов И.Г.

Пресса

30. Кружков Н.Н. («Правда»).
31. Эстеркин О.М. («Правда»).
32. Войтинская О.С. («Известия»).
33. Долгополов Л.Н. («Известия»).
34. Краснов А.Л. (ТАСС).
35. Ларский И.Н., редактор известий Радиокomiteта.
36. Городинский В.М., редактор газеты «Советское искусство».

Писатели

37. Толстой А.Н.
38. Катаев В.П.
39. Тренёв К.А.
40. Леонов Л.М.

Критики

41. Альтман И.Л.
42. Гурвич А.С.
43. Юзовский-Бурштейн И.И.
44. Голубов В.И.
45. Залесский В.Ф.
46. Слонимский Ю.И.
47. Рабинович Д.А.
48. Гринберг М.М.

Художники и архитекторы

49. Герасимов А.М.
50. Герасимов С.В.
51. Мухина В.И.
52. Меркуров С.Л.
53. Юон К.Ф.
54. Алабян К.С.

- 55. Веснин В.А.
- 56. Иофан Б.М.
- 57. Грабарь И.Э.
- 58. Модоров Ф.А.
- 59. Лехт П.К.

Музыкальные деятели

- 60. Гольденвейзер А.Б.
- 61. Мясковский Н.Я.
- 62. Хачатурян А.И.
- 63. Шапорин Ю.А.
- 64. Кабалевский Д.Б.
- 65. Держинский И.И.
- 66. Мурадели В.И.

Театры

Большой театр

- 67. Обухова Н.А.
- 68. Барсова В.В

МХАТ

- 69. Шервашидзе Т.
- 70. Леонидов Л.М.
- 71. Еланская К.И.
- 72. Гуляев М.Е.

Малый театр

- 73. Шумилин А.Я.
- 74. Судаков И.Я.

Театр им. Вахтангова

- 75. Симонов Р.Н.

Еврейский театр

- 76. Михозлс С.М.

Центральный детский театр

- 77. Королёва К.М.
- 78. Ванеева Е.Н.

Театр Революции

- 79. Штраух М.М.

80. Бабанова М.И.

81. Горяинов Н.М.

Театр сатиры

82. Поль П.Н.

83. Корф Р.Г.

84. Хенкин В.Я.

85. Ярон Г.М.

Театр оперетты

86. Александров Н.Г.

Театр кукол

87. Образцов С.В.

Театр Моссовета

88. Завадский Ю.А.

Театр им. Станиславского

89. Гольдина И.С.

90. Покровский А.Н.

Театр РОМЭН

91. Яншин М.М.

92. Ляля Черная

Театр им. Немировича-Данченко

93. Гринберг М.А.

94. Кемарская Н.Ф.

95. Канделаки В.А.

Театр Ленинского комсомола

96. Берсенов И.Н.

97. Бирман С.Г.

98. Гиацинтова С.В.

99. Хандриков И.

100. Сергеева Г.Е.

101. Смирнов-Сокольский Н.Л.

Мастера эстрады

102. Утёсов Л.О.

103. Набатов И.С.

СПИСОК
приглашенных на прием 22 апреля 1941 г.,
составленный в Комитете по делам искусств
при СНК СССР

1. Москвин И.М.
2. Качалов В.И.
3. Климов М.М.
4. Садовский П.М.
5. Яблочкина А.А.
6. Судаков И.Я.
7. Ханаев Н.С.
8. Норцов П.М.
9. Кругликова Е.Д.
10. Габович М.М.
11. Глиэр Р.М.
12. Гольденвейзер А.Б.
13. Ойстрах Д.Ф.
14. Полякин М.Б.
15. Гилельс Э.Г.
16. Козолупова М.С.
17. Флиер Я.В.
18. Гилельс Л.Г.
19. Оборин Л.Н.
20. Кабалевский Д.Б.
21. Мурадели В.И.
22. Михоэлс С.М.
23. Солодовников А.В., зам. председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР.
24. Константинов Андрей Тимофеевич, заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР.
25. Шаповалов Леонид Емельянович, заместитель председателя.
26. Шквариов Вячеслав Алексеевич, член Комитета по делам искусств, начальник Главного управления учреждений изобразительных искусств.
27. Беспалов Николай Николаевич, начальник Управления по делам искусств при СНК РСФСР.
28. Мочалин Борис Александрович, начальник Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром.

29. Фалковский Григорий Исакович, заместитель начальника Главного управления театров.
30. Вдовиченко Владимир Григорьевич, ответственный редактор газеты «Советское искусство».
31. Владимирский Б.Д.
32. Лифшиц Марк Григорьевич, председатель комиссии по проведению декады таджикского искусства, начальник отдела периферийных театров Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР.
33. Гринберг Матиас Маркович, член комиссии по проведению декады таджикского искусства, музыковед.
34. Белецкий Иван Федорович, член комиссии по проведению декады таджикского искусства, инспекторской группы Комитета по делам искусств при СНК СССР.
35. Маркичев Валентин Иванович, член комиссии по проведению декады таджикского искусства, начальник отдела кадров Комитета по делам искусств при СНК СССР.
36. Миронов Константин Яковлевич, член комиссии по приемке декады Таджикского искусства, режиссер театра Ромэн.
37. Вайнонен Василий Иванович, член комиссии по приемке декады таджикского искусства, режиссер театра им. К.С. Станиславского.
38. Лебедев Андрей Константинович, член комиссии по проведению декады таджикского искусства, заместитель начальника Главного управления учреждений изобразительного искусства Комитета по делам искусств при СНК СССР.
39. Поликарпов Д.А., заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
40. Зуева Татьяна Михайловна, заведующая культпросветотделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
41. Назаров Игнат Иванович, Управление кадров ЦК ВКП(б).
42. Рототаев Александр Сергеевич, сектор культуры Управления делами СНК СССР.
43. Кокорева Елизавета Степановна. Секретарь парткома Комитета по делам искусств при СНК СССР.
44. Гершензон, член комиссии по приемке декады таджикского искусства, главный редактор издательства «Искусство».
45. Большеменников Аркадий Павлович, заместитель директора издательства «Искусство».

46. Кружков Н.Н.
47. Эстеркин О.Е.
48. Шапорин Ю.А.
49. Хачатурян А.И.
50. Герасимов А.М.
51. Иогансон Б.В.
52. Ефанов В.П.
53. Сарьян М.С.
54. Тоидзе И.М.
55. Федоровский Ф.Ф.
56. Меркуров С.Д.
57. Мухина В.И.
58. Манизер М.Г.
59. Чечулин Д.К.
60. Щусев А.В.
61. Душкин А.И.
62. Лихтенберг Я.Г.
63. Иофан Б.М.
64. Мордвинов А.Г.
65. Гольц Г.П.
66. Тарасова А.К.
67. Хмелев Н.П.
68. Бабанова М.И.
69. Самосуд С.А.
70. Файер Ю.Ф.
71. Ильинский И.В.
72. Бабочкин Б.А.
73. Жаров М.М.
74. Ливанов Б.Н.
75. Толстой А.Н.
76. Сергеев-Ценский С.Н.
77. Вирта Н.Е.
78. Киачели Л.М.
79. Новиков-Прибой А.С.
80. Асеев Н.Н.
81. Лебедев-Кумач В.И.
82. Михайлов С.В.
83. Твардовский А.Т.
84. Тренёв К.А.

- 85. Корнейчук А.Е.
- 86. Погодин Н.Ф.
- 87. Соловьев В.А.
- 88. Грабарь И.Э.

РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 47. Л. 14–17.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ИЗ ДНЕВНИКОВ Л.К. БРОНТМАНА (1936–1941 гг.)

Дневниковые записи, в которых зафиксированы впечатления Л.К. Бронтмана от больших кремлевских приемов, сделаны в общих тетрадах.

Первая из этих тетрадей имеет обложку черного цвета (формат 14,5х21 см). В верхнем правом углу на обложке наклеена полоска бумаги, на которой синими чернилами написано:

«6./ 21.8.36
11.3.39
отрывки

Тетрадь — в линейку. В правом верхнем углу первого листа фиолетовыми чернилами написано: Л. Бронтман. По центру листа — заголовок:

Рабочий дневник Том.І¹
с 21 авг.² 1936 года
по 11 марта 1939 г.³

В дневнике пронумеровано 182 листа; нумерация — в верхнем правом углу каждой страницы. Записи сделаны черными, синими, фиолетовыми и зелеными чернилами.

¹ *Том I* написано черными чернилами.

² *21 авг.* Написано черными чернилами.

³ *по 11 марта* написано черными чернилами.

1938 г.**29 апреля**

Коккинаки и Давидюк рассказывали — оба в разное время, но одно и то же: на приеме в Кремле депутатов I сессии Верховного Совета СССР Сталин выступил с речью о летчиках:

— Люблю я летчиков. И должен прямо сказать — за летчиков мы должны стоять горой. И когда какого-нибудь летчика обижают — у меня сердце болит. Больше всего я уважаю участников гражданской войны — людей старшего поколения и летчиков — представителей нового поколения.

(Л. 74)

7 мая

Хочется записать банкет в Кремле 17.III на приеме папанинцев¹. Описание их встречи в Москве и пути в Кремль дано в газетах. Я их встречал у вагона, расцеловались и на том потерял на день с ними связь.

Отчет о встрече в Кремле писал я же, так что его можно не повторять. А вот о речи Сталина надо написать (привожу ее по своей записи текстуально; — сверял на банкете с Черненко, это и воспроизвожу).

Не помню, каким по счету говорил Чкалов. Затем Молотов объявил, что слово имеет т. Сталин. Овация. Он говорил тихо, а народ шумел, поэтому в немногих местах есть пропуски.

Сталин: т. Чкалов — способный талантливый человек, каких мало не только у нас в СССР, но во всем мире. Там, на Западе, например, во Франции, Германии, Англии и Америке, герои — те, которые, уверяю вас... Вот интересное дело — Папанин выступал с большой речью. Стало нам известно, что весь лед, идущий с полюса, идет к Гренландскому берегу и там погибает. Раньше мы этого не знали...

...Шмидт — самоуверенность какая-то непонятная. В конце марта он хотел начать кампанию... Норвежское общество обратилось к нам... базы на берегу Гренландского моря. Предлагали оказать помощь, а сами знают, что обойдемся без них. Они так прикидывали — какая тут выгода, какая

¹ Так в тексте.

выгода. Мы для внешнего эффекта поблагодарили, а между тем организовывали сами.

Пошел один ледокол — мало, послали¹ за ним другой, пошел другой — мало, за ним третий, пошел третий — мало, за ним четвертый (*аплодисменты*).

Послали бы больше, да они все у Шмидта во льдах замерзли (*смех*).

Что не понятно другим... героев спасаем, чего бы это не стоило.

Нет такого критерия, чтобы оценить смелость человека, героизм — сколько рублей это стоит, какой это капитал человек? Так мы и решили — никаких денег не жалеть, никаких ледоколов не жалеть (мало ли их у вас застряло?). Маленький ботик «Мурманец» — как он там трепыхался! (*аплодисменты*).

Так вот, товарищи, за то, чтобы европейско-американский критерий прибыли и выгод у нас был похоронен в гроб, за то, чтобы люди научились любить и ценить смелость, таланты способных людей, цены которым нет.

Кто знал Папанина, Ширшова, Федорова, Кренкеля? (Кренкеля знали, правда, а остальных мало знали). Сколько они стоят? Американцы скажут 10000 франков, а сам франк стоит копейку (*смех*). А мы скажем — миллиарды. Героям таким нет цены.

За талантов, мало известных раньше, а теперь героев, которым нет цены, за Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова.

За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, англичанами, не заискивали, чтобы мы, советские люди, усвоили новую меру в оценке людей — не по рублям, не по долларам, чтобы вы научились по-советски ценить людей по их подвигам.

А что такое подвиг? Чего он стоит? Никакой американец не ответит на это, не скажет — кроме доллара, стерлинга, франка. Талант, энергия, отвага (эти три слова даю по Черненко, у меня было записано: «Отвага, мужество, геройство». — ЛБ.) — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных £ стерлингов, презренных франков (*бурные аплодисменты*).

¹ Далее вычеркнуто слово «второй».

Чкалов говорит: готовы умереть за Сталина...

Чкалов: За Сталина умрем!

Сталин: Я считаю, что оратора перебивать не стоит (*смех*)

Чкалов: За Сталина умрем!

Сталин: Простите меня за грубое выражение, умереть всякий дурак способен. Умереть, конечно, тяжело, но не так трудно....

Я пью за людей, которые хотят жить! Жить, жить как можно дольше, а не умереть.

Чкалов: От имени всех героев заверяю Сталина, что будем драться за него так, что он даже сам не знает¹.

Водопьянов, Громов, Байдуков, Юмашев, Данилин, Молоков, все герои, сидящие здесь в зале, идите все сюда, идите к Сталину, будем драться за Сталина, за сталинскую эпоху.

(Со всех сторон зала идут Герои Советского Союза — богатыри родины и становятся стеной около Сталина. Зал грохочет и неистовствует).

Сталин улыбнулся, посмотрел на них и продолжал:

Сталин: Я еще не кончил... За здоровье всех героев — старых, средних, молодых, за здоровье той молодежи, которая нас, стариков, переживет с охотой.

Чкалов: Я прошу слова. От имени присутствующих здесь заявляю: никто не захочет пережить Сталина. Никто не отберет у нас Сталина! За Сталина мы готовы отдать все. Сердце надо — отдадим сердце, ноги надо — ноги, руки надо — отдадим руки.

Сталин: Сколько вам лет?

Чкалов: 33.

Сталин: Дорогие товарищи большевики, партийные и непартийные; к слову сказать, иногда непартийные большевики лучше партийных. Бывает. Мне 58, пошел 59-й. Тов. Чкалову — 33.

Мой совет, дорогие товарищи, не ставить задачу умирать за кого-нибудь, особенно за старика.

Лучше жить, бороться и жить, бороться во всех областях — промышленности, сельского хозяйства, культуры; не умереть, а жить, жить и разить врагов, жить, чтобы побеждать.

Я пью за тех, кто не забывает идти вперед за нашу прав-

¹ Далее вычеркнуто: «За Сталина мы готовы отдать все. Ногу надо — ногу, голову надо — голову, руки надо — руки».

ду, таланты и смелость, за *молодых* (Сталин подчеркнул это слово. — *ЛБ*), потому что в молодых сила, за Чкаловых! (тут Сталин сделал паузу и добавил нарочито картавя. — *Л.Б*) — потому, что ему *тлидцать тли* года! (*овация*).

* * *

Затем Сталин ушел с Чкаловым в соседний зал (так рассказывали, сам я не видел). Вернувшись, Сталин взял слово и сказал: (даю по своей записи)

Сталин: Чкалов — человек способный, талантливый, самородок... Он взял меня в свои секретари. Что ж остается делать — я согласен (*смех*)... Я каждый день готов... Я, товарищи, постараюсь.... За Чкалова!

* * *

Шмидт поднял тост за героев Советского Союза, в том числе за Молокова. Поднялся т. Сталин:

Сталин: Молоков — один из героев, скромных и простых, который боится шума. Я пью за товарища Молокова не только потому, что он герой, а потому, что он скромный, простой человек, не требующий большого блеска. (*овация*).

* * *

Папанин после рассказывал, что в разговоре с ними на банкете Сталин сказал: «Я больше всех за вас переживал».

Папанинцы сидели за одним столом с членами ПБ, жены — за другим столом.

тов. Сталин подошел к тому столу и начал их спрашивать: «Вы чья?» — «Кренкеля!», «Вы чья?» — «Папанина» и так всех и затем пригласил за свой стол.

Затем т. Сталин прошел к столу, где сидели жены чкаловской тройки *и сами герои*¹ и обратился к Ольге Эразмовне Чкаловой:

— Вы на меня недовольно смотрите, думаете, я ваших мужей подбиваю на новые полеты. Это неверно. Да только я их сорванцов и удерживаю! (И, обращаясь к героям, сказал):

— На этот год — никаких полетов. Побалуйте с женами.

¹ Выделенное курсивом вписано над строкой.

Потом Сталин пошел вдоль столов, что-то отыскивая. Наконец нашел — взял бутылку нарзана, подошел к столу, где сидел Чкалов, отодвинул в сторону графин с коньяком, поставил нарзан и сказал:

— Пей!

(л. 86—95)

27 октября

Сегодня экипаж «Родины» вернулся в Москву. Прямо с вокзала их повезли в Кремль. Прием был небольшой, интимный, в Грановитой палате. Отчет о нем написал Кольцов (см. «Правду» за 28 окт.). Дополнение к отчету мне рассказывал Коккинаки.

«Подняли тост за меня, как первого проложившего дорогу на Д[альний] В[осток]. Я встал, пошел чокаться. Подхожу к Сталину. Он спрашивает: что такой¹ скучный? Я говорю, что вот, мол, недавно Бряндинского похоронил. — Да, — отвечает, — нехорошо получилось.

Подходит к Молотову и Ворошилову и о чем-то шепчется. Потом встает Молотов. Предложил выпить за товарищей, погибших при спасении экипажа «Родины», за Героя С[оветского] С[оюза] Бряндинского. Все встали.

Сталин пригласил Громова за стол президиума.

Громов, выступая, сказал:

— Я считаю, что за этим столом могут сидеть только те летчики, которые в идущем году установили хотя бы международный рекорд. У меня за душой в этом году ничего нет. Вот в будущем году, я надеюсь, можно будет претендовать на место за столом.

Все засмеялись, поняли о чем речь.

Выступил Сталин:

— Вот тут выступали Чкалов, Громов, другие. Одни явно, другие молча просят о новых рекордах. Чкалов — летчик безумно смелый — просит разрешения облететь вокруг шарика. Коккинаки — тот просит, чтобы ему просто не запрещали, и он несколько раз обернется вокруг Земли. Нет, мы должны очень строго подходить к рассмотрению всех заявок. Но я прошу также жен и близких этих летчиков — удерживайте их.

¹ Далее вычеркнуто: «неве».

Был и такой разговор. Сталин спросил Кокки:

— Почему без жены пришел?

И Громова тоже.

Затем он много говорил о матриархате, о том, что женщины сейчас завоевали многие, если так можно выразиться, матриархальные права.

(Лл. 137–138)

1 ноября

Вчера в доме актера был прием в честь экипажа «Родины» <...> Стоим с Ляпидевским и Утёсовым. Толя вспоминает, как Утесов выступал в Кремле на встрече челюскинцев:

— Помнишь, Леонид, спели вы все, а затем подзывает тебя Ворошилов и говорит: «Давайте лучше что-нибудь из южных песен».

— Да, как же, — смеется Утесов, — я даже не поверил ушам.

— Ну, я ясно слышал. Это и Сталин сказал Климу, глаголит Ляпидевский. — А потом что творилось в зале, когда ты объявил:¹ Популярная южная песенка «С одесского кичмана». Оба смеются [...].

(Лл. 143–144)

* * *

Другая общая тетрадь с дневниковыми записями Л. К. Бронтмана, в которых встречаются упоминания о больших кремлевских приемах, имеет мягкую обложку серо-зеленого цвета. Обложка и некоторые листы в тетради частично повреждены (по правому полю). В верхнем правом углу первого листа обложки имеется наклейка с надписью зелеными чернилами: «14.». Ниже — фиолетовыми чернилами: «Тетрадь №»; в центре обложки — фиолетовыми чернилами: «Москва; с 16 марта 1939 г. по 27 сент. 1939 г.»

В нижнем правом углу первого листа надпись фиолетовыми чернилами: Москва, 1939 г.

В тетрадь вставлен листок, на котором написано (не Л. К. Бронтманом):

¹ Далее вычеркнуто: «старин»

«Тетрадь 14 III-IX 1939 г.

Полет стратостата «СССР-3».

Подготовка и полет Леваневского.

Многочисленные встречи с летчиками Героями Сов. Союза Коккинаки, Ляпидевским, Молоковым, Байдуковым, Беляковым, Грозовым и другими.

Эпизоды о встречах с деятелями Партии и Правительства.

Вступление сов[етских] войск в Польшу.

Международные дела.

Редакционные дела «Правды»».

Страницы в дневнике не пронумерованы. В начале тетради пропущено два листа.

1939 г.

23 мая

Сегодня приехал Кокки. Встречал. Написал статью. Был им устроен прием в Кремле.

Леопольд рассказывал:

— Коккинаки и Гордиенко с женами сели за первый стол. Входит Сталин и члены ПБ. Сталин первый подошел к Кокки и крепко пожал ему руку, за ним другие. Поздоровались. Затем забрали их за свой стол. Коккинаки сидел рядом с Ворошиловым и что-то ему все время говорил.

Сталин был очень оживлен. Провозгласили тост за Калинина. Сталин встал, подошел к нему и крепко жал руку.

* * *

Вчера был у меня в редакции Беляков. Рассказывал:

— 5 мая в Кремле был прием участников парада. Ворошилов провозгласил тосты за участников парада, советский народ, Сталина, Молотова, Калинина, героев. Молотов поднял бокал за Ворошилова.

Затем нарком предложил инициативу объявления тостов самим¹ собравшимся. Все растерялись, молчат. Замешательство.

— Никто не хочет объявлять, тогда выпьем без тоста, — сказал Ворошилов.

¹ Слово «самим» вписано над строкой.

Рассмеялись, выпили. Опять молчание. Ребята предложили выступить мне *от имени всех участников*¹. Я попросил слова. Когда шел к столу президиума, поднялся Сталин.

— Можно мне до него? — спросил он наркома и обратился ко мне:

— Ничего, что я вас опережу?

— Пожалуйста, Иосиф Виссарионович.

Он поднял бокал и сказал:

— За Коккинаки и Гордиенко!

Передние столы зааплодировали. Сталин заметил, что сидящие сзади не расслышали тоста, сказанного тихо, и повторил громче:

— За Коккинаки и Гордиенко!

Овация. Потом он обратился ко мне:

— Я у вас похитил тему?

— Ничего, Иосиф Виссарионович, я перестроюсь.

Я² благодарил правительство и партию за внимание, говорил о том, что герои СССР зорко охраняют Родину, что Красная армия раздавит всех врагов.

* * *

Еще одна общая тетрадь (в линейку), где помещена среди прочих дневниковая запись Л.К. Бронтмана о большом кремлевском приеме 22 апреля 1941 г., имеет твердую обложку темно-серого цвета. В верхней части первого листа обложки (по центру) наклеена небольшая этикетка. На ней зелеными чернилами написано:

18./ 3.11.40

2.5.41

Записи в этой тетради деланы фиолетовыми чернилами, листы не пронумерованы. Первый лист пропущен.

¹ Выделенное курсивом вписано над строкой.

² Далее вычеркнуто: «говорил о том, что»

25 апреля

22 апреля в Кремле состоялся прием в честь участников только что закончившейся в Москве декады таджикского искусства. На приеме с речью выступил тов. Сталин. От нас там было несколько человек, в том числе Оскар Эстеркин (Курганов). Он записал речь, ее послали, но оттуда не вернули. Оскар рассказывал речь (передаю в изложении Оскара):

— Мы забываем о Ленине. У нас слишком возносят теперешних руководителей и забывают создателя партии и государства. Конечно, мы тоже кое-чего стоим, но все мы светим отраженным светом Ильича.

Он говорил о созданной Лениным дружбе народов — новой идеологии и о старой идеологии — неравенства народов. Эта идеология — мертвая. Т. Сталин говорил об истоках культуры таджикского народа, ее тесной связи с иранской культурой. Москвичи иногда путают: таджики, узбеки, туркмены. Это напрасно: у каждого из этих народов своя культура. Закончил он словами:

— Я пью за процветание и рост таджикского народа, за то, что мы в нужную минуту пришли ему на помощь.

16 мая

Сейчас сижу за передовой. Посвящена облику командира Красной Армии. Так как я слабо знаю эту тему, то соавтором мне предложили слушателя Военно-политической академии, Героя СССР Бойко. Сегодня он приехал ко мне, рассказывал о речи т. Сталина на выпуске-приеме академиков¹.

На этом приеме и последовавшем затем банкете в Кремле т. Сталин выступал шесть раз (один раз на приеме и 5 раз на банкете). Идеи его выступления изложены в плане моей передовой <...>.

¹ Далее вычеркнуто: «Красно...».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

СПИСОК БОЛЬШИХ КРЕМЛЕВСКИХ ПРИЕМОВ

Перечень приемов (по хронологии)

1935 г.

- 1) 2 мая. Участников первомайского военного парада.
- 2) 4 мая. Выпускников военных академий РККА.
- 3) 30 июля. Работников железнодорожного транспорта.

1936 г.

- 4) 22 марта. Участников декады украинского искусства.
- 5) 2 мая. Участников первомайского военного парада.
- 6) 5 мая. Выпускников военных академий РККА.
- 7) 25 мая. Участников декады казахского искусства.
- 8) 13 августа. Участников беспосадочного перелета по маршруту Москва — Дальний Восток В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова.

1937 г.

- 9) 14 января. Участников декады грузинского искусства.
- 10) 2 мая. Участников первомайского военного парада.
- 11) 31 мая. Участников декады узбекского искусства.
- 12) 25 июня. Участников воздушной экспедиции О.Ю. Шмидта на Северный полюс.
- 13) 26 июля. Участников беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — США В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова.

14) 23 августа. Участников беспосадочного перелета по маршруту Москва — Северный полюс — США М.М. Громова, А.Б. Юмашева, С.А. Данилина.

15) 29 октября. Работников металлургической и угольной промышленности.

1938 г.

16) 20 января. Депутатов Верховного Совета СССР.

17) 17 марта. Участников экспедиции на Северный полюс («папанинцев»).

18) 17 апреля. Участников декады азербайджанского искусства.

19) 2 мая. Участников первомайского военного парада.

20) 17 мая. Работников высшей школы.

21) 27 октября. Экипажа самолета «Родина» (В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко, М.М. Раскова).

22) 8 ноября. Участников праздничного военного парада

23) 31 декабря — 1 января 1939 г. Новогодний прием.

1939 г.

24) 5 мая. Участников первомайского военного парада.

25) 7 мая. Выпускников военных академий РККА.

26) 23 мая. Участников беспосадочного полета по маршруту Москва — США В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко.

27) 5 июня. Участников декады киргизского искусства.

28) 20 июля. Участников Всесоюзного парада физкультурников.

29) 27 июля. В честь дня Военно-Морского Флота.

30) 4 ноября. Участников декады армянского искусства.

31) 8 ноября. Участников праздничного военного парада.

1940 г.

32) 2 февраля. Участников дрейфа ледокольного парохода «Георгий Седов».

33) 2 мая. Участников первомайского военного парада.

34) 29 мая. Участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда.

35) 17 июня. Участников декады белорусского искусства.

36) 10 августа. Представителей народов Бессарабии и Северной Буковины.

37) 30 октября. Участников декады бурят-монгольского искусства.

38) 31 декабря — 1 января 1941 г. Новогодний прием.

1941 г.

39) 22 апреля. Участников декады таджикского искусства.

40) 2 мая. Участников первомайского военного парада.

41) 5 мая. Выпускников военных академий РККА.

1945 г.

42) 24 мая. Командующих войсками Красной армии.

43) 25 июня. Участников Парада Победы на Красной площади.

44) 30 июня. Участников юбилейной сессии АН СССР.

1947 г.

45) 3 мая. Участников первомайского военного парада.

1948 г.

46) 22 июля. Участников Всесоюзного парада физкультурников.

1949 г.

47) 22 декабря. По случаю 70-летнего юбилея Сталина.

***Распределение
больших кремлевских приемов по видам:***

Представителей Красной армии и Военно-Морского Флота — 17

Деятелей науки и культуры — 15

Летчиков — 6

Руководителей транспортного и промышленных наркоматов — 2

Участников парада физкультурников — 2

Новогодних — 2

Прочих — 3

***Распределение
больших кремлевских приемов по годам:***

1935 г. — 3

1936 г. — 5

1937 г. — 7

1938 г. — 8

1939 г. — 8

1940 г. — 7

1941 г. — 3

1945 г. — 3

1947 г. — 1

1948 г. — 1

1949 г. — 1

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

*Российский государственный архив
социально-политической истории (РГАСПИ)*

Ф. 17 Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС).

Оп. 3. Д. 963, 966, 977, 984, 990, 991, 1003, 1009.

Оп. 88. Д. 649.

Оп. 162. Д. 17, 19, 21.

Оп. 163. Д. 830, 1059, 1061, 1085, 1101, 1105, 1106, 1131, 1140,
1142, 1187, 1220, 1222, 1224, 1225, 1228, 1229, 1232, 1236, 1239,
1271, 1272, 1305.

Ф. 71 Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
(ИМЛ).

Оп. 10. Д. 126, 132.

Ф. 74 Ворошилов Климент Ефремович (1881 – 1969).

Оп. 1. Д. 160, 164.

Оп. 2. Д. 41.

Ф. 558 Сталин (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Вис-
сарионович (1878 – 1953).

Оп. 1. Д. 4314.

Оп. 4. Д. 657.

Оп. 11. Д. 351, 1072, 1099, 1125, 1173, 1481, 1514, 1536.

Российский государственный военный архив

Ф. 33987. Секретариат Народного комиссара обороны СССР.

Оп. 3. Д. 910.

Ф. 37963. Академия Генерального Штаба РККА.

Оп. 1. Д. 23, 26, 29, 31.

*Российский государственный архив**литературы и искусства (РГАЛИ).*

Ф. 962. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР.

Оп. 3. Д. 172, 184, 194, 325, 366, 465, 501, 819, 963.

Оп. 21. Д. 1, 2, 11, 14, 18, 20, 27, 47.

Ф. 1038. Вишневский Всеволод Витальевич (1900 — 1951).

Оп. 1. Д. 2126.

Оп. 2. Д. 239.

Ф. 1923. Эйзенштейн Сергей Михайлович.

Оп. 1. Д. 2621.

Ф. 2368. Кацман Евгений Александрович (1890 — 1976).

Оп. 2. Д. 36.

Ф. 2732. Образцов Сергей Владимирович (1901 — 1992).

Оп. 1. Д. 1146, 1168.

Ф. 3005. Утёсов Леонид Осипович (1895 — 1982).

Оп. 1. Д. 639, 839, 843.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Периодические издания

Известия. 1935—1941; 1945—1949.

Правда. 1935—1941; 1945—1949.

Документальные публикации

Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца:
Сборник документов и материалов. М.: Мосглавархив,
2000. 544 с., [4] л. цв. л., факс. ил., портр.

- Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / Под. ред. Акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с. (Россия. XX век. Документы).
- Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю.Г. Мурин. М.: Журнал «Родина», б. г. 221, [1] с., ил.
- Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 1120 с. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы).
- Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. 912 с. (Россия, XX век. Документы).
- Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов и др. М.: изд-во Объединения «Московский архив», 2000. 761 [1] с., ил., портр., факс.
- Петр Петрович Ширшов. Дневники. Очерки. Воспоминания. М.: Наука, 2005. 371, [37 л.] ил., портр., цв. ил., факс.
- Советская жизнь. 1945 – 1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М.: РОССПЭН, 2003. 719 [1] с., табл.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939 – 1945. М.: РОССПЭН, 2003. 470, [1] с., табл.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 798 с.; ил.
- Сталинские премии: две стороны одной медали. Сб. док-тов и худ.-публ. мат-лов / Сост. В.Ф. Свиньин, К.А. Осеев. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2007. 880 с.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: АИРО–XX, 1995. 340 с.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. В 3-х т. Т. 1. 1923–1926 / Под. ред. А.Ю. Ватлина, П. Грегори, Е.Е. Кирилловой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 960 с.

Выступления, речи

Латышев А.Г. И еще один тост «вождя народов» // Искусство кино. 1991. № 5. С. 141–142.

Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.

Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933 — 1945 гг. М. Яуза, Эксмо, 2007. 320 с. (Сталин: Великая эпоха).

«Пью за тех, которые хотят жить»: Тосты И.В. Сталина на приеме папанинцев в Кремле 17 марта 1938 г. / Публ. подгот. М. Леушин // Источник. 1998. № 4. С. 85–88.

Слово товарищу Сталину. М.: ЭКСМО, 2002. 510, [1] с.

Воспоминания, мемуары, интервью

Александров Г.В. Эпоха и кино. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. 336 с., ил.

Алексеева Н.В. Записки любовницы Лаврентия Берия. М.: АСТ-Пресс книга, 2004. 379 с., ил., портр. (Исторические расследования).

Алексей Иванов — богатырь оперной сцены М.: Голос-пресс, 2004. 352 с.

Алексей Иванов. На сцене и в жизни. Автобиографические записки, письма. М.: Голос-пресс, 2006. 350 с., [16] л. портр.

Аллилуева С.И. Только один год. М.: Книга, 1990. 381 с.

Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М.: Сов. Писатель. 216 с.

Баграмян И.Х. Так мы шли к Победе. М.: Воениздат, 1988. 636, [2] с., [12] л. Ил.

Бахтаров Г.Ю. Записки актера. Гении и подлецы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 351 с., ил. (Актеры современности).

Боборенко А. Гармонии таинственная власть и трава забвения. (Беседы с Иваном Семеновичем Козловским) // Иван Козловский. Воспоминания, статьи. М., 2005. С. 351–374.

Борев Ю.Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М. Книга, 1991. 461 [1] с.

Вайнруб М.Г. Эти стальные парни. Повесть о пережитом / Лит. запись И. Засады. Киев: Молодь, 1972. 280 с.

- Веденин А.Я.* Годы и люди. М.: Политиздат, 1964. 207 с., ил.
- Виленкин В.Я.* Воспоминания с комментариями. 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1991. 496 с.; ил. (Театральные мемуары).
- Встречи с товарищем Сталиным / Под ред. Фадеева А.А.. М.: Госполитиздат, 1939. 223 с.
- Гаврилов П.М.* Сражается крепость [Докум. повесть]. Краснодар: Кн. Изд-во, 1980. 146 с., ил.
- Главный маршал авиации Александр Голованов: Москва в жизни и судьбе полководца. М.: Мосгорархив, 2001. 455 с., [4] л. цв. ил., портр.
- Громыко А.А.* Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. 478, [1] с., [17] л. ил.
- Гудов И.И.* Судьба рабочего (Воспоминания). М.: Прогресс, 1982. 372 с., 12 л. ил.
- Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М.: Аграф, 2005. 438, [1] с. ил., портр.
- Джилас М.* Разговоры со Сталиным. М.: Центрполиграф: Внешторгпресс, 2002. 219, [2] с.
- Докучаев М.С.* Москва. Кремль. Охрана. М.: Бизнес-пресс, 1995. 237 [1] с., [8] л. ил.
- Елагин Ю. Б.* Укрощение искусств. М.: Русский путь, 2002. 384 с., ил.
- Еремеева Т.А.* Игорю Ильинскому — артисту и человеку. М.: «Лазурь», 2001. 336 с.; ил.
- Ерофеев В.И.* Дипломат: книга воспоминаний. М.: Зебра Е, 2005. 486, [1] с., [16] л. портр., факс.
- Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий: О том, что видел, пережил, запомнил. М.: Вагриус, 2000. 636, [16] л. ил., портр. (Серия «Мой 20-й век»).
- Интервью с В.С. Емельяновым и И.Т. Пересыпкиным // Отечественная история. 2003. № 3. С. 49–70.
- Кабанов П.А.* Стальные перегоны. М.: Воениздат, 1973. 326 с.; портр.; ил. (Военные мемуары).
- Касян Голейзовский. Жизнь и творчество. Статьи, воспоминания, документы / [Вступит. статья Н. Черновой]. М.: Всерос. Театр. Об-во, 1984. 576 с., ил.
- Кацман Е.* Связан ли вкус с мировоззрением? Художники в гостях у генсека // Независимая газета. 1998. 4 июня. С. 16.

- Кренкель Э.Т.* Раем — мои позывные. М.: Советская Россия, 1973. 496 с., 16 л.ил. (Серия «Годы и люди»).
- Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты. Из записок адмирала. М.: Мол. Гвардия, 1995. 254, [2] с., [8] л. ил.
- Лебедев В.С.* Божественный посол. Воспоминания об Иване Семеновиче Козловском. Владимир: Посад, 2000. 125, [2] с., ил., портр.
- Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соперники. М.: Современник, 2000. 224 с., фотоил.
- Любимов Ю.П.* Рассказы старого трепача. М.: Новости, 2001. 572 с., ил., портр., факс.
- Лященко Н.Г.* «С огнем и кровью пополам...» // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 22—28.
- Мгеладзе А.* Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Б.м., б.и., 2001. 386 с.
- Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус. 636 с., ил.
- Михалков С.В.* От и до... М.: АСТ: Олимп, 1997. 474, [2] с., [8] л. ил.
- Моисеев И.А.* Я вспоминаю...Гастроль длиною в жизнь. М.: Согласие, 2001. 226 с., ил.
- Муратов Э.* Шесть часов с И.В. Сталиным на приеме в Кремле // Нева. 1993. № 7. С. 280—288.
- Новикова Л.* Обрученный с богом // Иван Козловский. Воспоминания, статьи. М., 2005. С. 421—436.
- Образцов С.В.* Моя профессия. М.: АСТ: Зебра Е.; Владимир: ВКТ, 2009. 637, [3] с. 16 л. ил.
- Образцов С.В.* По ступеням памяти. М.: Время, 2001. 317, [1] с. ил., портр. (Век и личность).
- Олеша Ю.К.* Книга прощания. М.: Вагриус, 1999. 475. [2] с., [16] л. ил., портр.
- Палецкис Ю.* В двух мирах. М. : Политиздат, 1974. 527 с., ил.
- Петр Петрович Ширшов.* Дневники. Очерки. Воспоминания. М.: Наука-М, 2005. 371 с.
- Пирогов О.А.* С отцом: воспоминания об А.С. Пирогове. Рязань: Узорчье, 2004. 200 с., ил.
- Плисецкая М.М.* Читая жизнь свою...М.: АСТ: Астрель, 2010. 544 с.: 208 с. ил.
- Сергеев А., Глушик Е.* Беседы о Сталине. М.: Крымский мост — 9Д, 2006. 184, [1] с., [16] л. ил.

- Скороходов Г.А.* В поисках утраченного. М.: ООО «Рутена», 1999. 416 с. (Серия «Театр и Кино»). Личности.
- Солодовников А.В.* Мы были молоды тогда...//Театральные страницы. М., 1979. С. 186-223.
- Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Кн.1. М.: Информ-изд. компания «Московские новости», 1999. 848 с.: илл.
- Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 735 с.
- Шевелёв М.И.* Арктика — судьба моя. Воспоминания первого начальника полярной авиации. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 208 с.
- Шмидт С.О.* Приемы в Кремле в честь полярников // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. 272—282.
- Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1975. 511 с.
- Юрнев Р.Н.* В оправдание жизни. М.: Материк, 2007. 637, [2] с., [24] л. ил., портр., факс.
- «Я запомнила свою лезгинку с Микояном». Воспоминания Анны Редель // Коммерсант. 1999. 47 (1691). 24 марта
- Яковлев А.С.* Цель жизни: Записки авиаконструктора. 6-е изд., доп. М.: Республика, 2000. 510, [1] с., [18] с. фот.

Дневники

- Вавилов С.И.* «Мысль об эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием» // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 2. С. 3—52.
- Димитров Г.М.* Дневник (9 март 1933—6 февруари 1949). София: Унив. Изд-во «Климент Охридски», 1997. 794 с.
- Иванов В.В.* Дневники / [Сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова]; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 490 [1] с. ил., портр.
- Игорь Моисеев.* Начало пути. Дневники хореографа / Публ. подгот. Л. Шамина // Культура. 2008. № 9 (7622). 6—12 марта.

- «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» / Дневник В.А. Малышева // Источник. 1997. № 5. С. 103—147
- Пономаренко П.К.* Дневник / Предисл., публ. и коммент. В.Невежина, В. Селеменёва и В. Скалабана // Нёман. 2007. № 8. С. 169—178.
- «Служить родине приходится костями...». Дневник Н.В. Устрялова 1935 — 1937 гг. // Источник. 1998. № 5—6.
- Труш М.И.* От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь А.М. Коллонтай: «Золотая ветвь дипломатии России». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 496 с.

Переписка

- Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, апрель 1939 — январь 1948: свод писем / Подгот. В.В. Перхин. М.: Наука, 2007. 790 [1] с., [22] ил., портр., факс.
- «Мы переменили 16 мест работы» // Источник. 2002. № 3. С. 111—112
- Переписка академиков-востоковедов И.А. Орбели (1887—1961) и Б.Г. Гафурова (1909—1977) // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2003. № 6. С. 123—131.
- Советское руководство. Переписка. 1928 — 1941 / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 519 с.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 / Сост.: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2001. 797, [1] с., [12] л. ил., портр.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, книги, брошюры

- Академия Генерального штаба. История Военной орденов Ленина и Суворова I академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова. М.: Воениздат, 1976. 280 с.
- Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. 504, [6] с., [8] л. ил., карт., портр.
- Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Национальные истории в революциях и конфликтах эпохи. М.: АИРО–ХХ, 1999. 68 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 5.).
- Бурдей Г.Д.* Историк и война. 1941–1945. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 259 [2] с.
- Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н.* История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 143 с.: ил.
- Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М.: Русский мир, 1998. 442 с.
- Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. Кунгур, 2007.
- Вишнёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М.: Наука, 2001. 230 с.
- Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. 383, [1] с., ил., карт. портр., факс.
- Громов Е.С.* Сталин. Искусство и власть. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с., ил., 2003.
- Девятков С., Журавлева Е.* Дворцы Кремля. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. 432 с., ил. (Великие дворцы мира).
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ТОО «ЧеРо», 1997. 341 [1] с.
- Ефимов В.Т.* Православие в душенастрое Сталина: верил ли Сталин в Бога. М.: Парад, 2001. 126, [1] с.
- Жуков Ю.Н.* Иной Сталин: Полит. реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003. 510 [1] с., [8] л. ил., портр., факс.
- Жуков Ю.Н.* Сталин: арктический щит. М.: ВАРГИУС, 2008. 544 с.; ил.

- Жуков Ю.П.* Сталин: тайны власти. М.: ВАГРИУС, 2005. 720 с., ил.
- Ильяхов А.А.* Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 414 [1] с., табл. (Серия «История сталинизма»).
- Кабанов В.В.* Между правдой и ложью: (Отечественные мемуары XX века). М.: ИРИ РАН, 2004. 284 с.
- Каминский Ю.* Кремлевские перелеты. М.: Журналистское агентство «Гласность», 1998. 232 с., ил.
- Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 415 с., ил. (Серия «История сталинизма»).
- Кравченко Т.Ю.* Жди меня. История одной любви. М.: Вагриус, 2005. 286 с.
- Куличкин С.П.* Вставай, страна огромная! М.: ИХТИОС, 2005. 303 л., ил.
- Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007. 557, [1] с.
- Литвин А.* Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. 189, [2] с.
- Лядов П.Ф.* История российского протокола. М.: Международные отношения, 2004. 280 с.
- Масов Р.* Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа. Душанбе, б.м., 2009. 24 с.
- Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917—1940. М.: Вече, 2010. 464 с., ил.
- Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 — 1941 гг. (Документы, факты, суждения). 3-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2008. 537, [2] с., [8] л. ил., портр., табл.
- Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2010. 302, [1] с., ил., портр., цв. ил., карт. Факс.
- Московский кремль — цитадель России. М.: б. и., 2008. 439 с., ил., портр., факс., цв. ил., портр.

- Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939 — 1941. М.: АИРО—XX, 1997. 287 с. (Серия «Первая монография»).
- Никишин А.В.* Водка&Сталин. М.: Дом Русской Водки, 2006 (Тайны русской водки. Кн.1). 367 с.
- Николаев В.* Водка в судьбе России. М.: Издат. Дом «Парад», 2004. 283 [2] с.
- Огнёв А.В.* Против лжи о Великой Отечественной войне: монография. Тверь: Изд. ВиАрт, 2003. 164 с.
- Одиссей. Человек в истории. 1999. М.: Наука, 1999. 340 с.
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927 — 1941. М.: РОССПЭН, , 1998. 267 с., [16] л. портр. (Серия «Социальная история России»).
- Осокина Е.А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928 — 1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
- Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. Политический портрет на фоне эпохи. М.: Международные отношения, 2010. 414, [1] с., [8] л. ил., портр.
- Петров Н, Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 447 с.; ил (История сталинизма).
- Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 496 с.: ил. (Серия «Очерки визуальности»).
- Пономарев А.Н* Александр Щербаков: Страницы биографии. М.: Издательство Главархива Москвы, 2004. 344 с.: ил.
- Похлёбкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир 1941—1945 — 1994. Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. М.: АРТ- бизнес центр, 1997. 383 с., [1] с.
- Радзинский Э.С.* Сталин. Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2003. 638, [1] с., [24] л. ил., портр.
- Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 438 [1] с. (Серия «История сталинизма»).

- Романов П.В.* Застольная история государства Российского. СПб.: ООО «Издательство “Кристалл”», Предприниматель Сироткин А.Э., 2000. 576 с., ил.
- Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя: Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. 2-е изд., испр. М.: Компания Ритм Эстейт, 2003. 253, [1] с., табл.
- Сааков Ю.С.* Любовь Орлова. Сто былей и сто небылиц. М.: Алгоритм, 2002. 320 с.
- Сафошкин Д.Л.* Леонид Утёсов: [воспоминания, стихи, песни]. М.: Эксмо, 2005. 429 [2] с., ил., портр., факс.
- Сергеев И.Н.* Царицыно. Суханово. Люди, события, факты. М.: Голос, 1998. 528 с.
- Синицын Ф.Л.* За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М.: Яуза, 2010. 412, [2] с., ил., портр.
- Советская культура в реконструктивный период, 1928 — 1941 / [Ю.С. Борисов, В.Т. Ермаков, А.И. Фомин и др.]; Отв. ред. М.П. Ким; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 603 [2] с.
- Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО—XXI, 2005. 319 с.
- Тумкина-Перфильева Л.М.* Русский этикет от Владимира Мономаха до наших дней. М.: Русские идеи, 2010. 243, [4] с., [1] л. ил., портр., факс.
- Фролов И.* Любовь Орлова: в гриме и без грима. М.: Панорама, 1997. 269 [1] с., ил.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936 — 1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 432 с.; ил. (История сталинизма).
- Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 294, [1] с., [4] л. ил.
- Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 [1] с. (Серия «История сталинизма»).
- Хромов С.С.* По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во Моск. Гос. Ун-та, 2009. 368 с.
- Чегодаева М.А.* Два лика времени (1939: Один год сталинской эпохи). М.: Аграф, 2001. 336 с.

- Черушев Н.С.* Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М.: Вече, 2005. 572 [2] с., [8] л. ил, портр.
- Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938 — 1941. М.: Вече, 2003 478 с., [8] л. ил., портр. (Серия «Военные тайны XX века»).
- Чкалова В.В.* Чкалов без грифа «секретно». М.: Полиграфресурсы, 1999. 63, [1] с., портр.
- Чуковский К.И.* Дневник 1930 — 1969. М.: Совр. писатель, 1994. 558, [2] с., [16] л. ил., факс.
- Шлёгель К.* Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 742 с. (История и сталинизм).
- Щеглов Д.* Любовь Орлова: Жизнь и творчество. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 380, [3] с., [16] л. ил., портр.
- Яров С.В.* Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. 428 с.

Статьи

- Андреев Д.* Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 122—153.
- Барсенков А.С.* Русский народ в XX столетии: меняющаяся роль в национальной политике, новые пути // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 306—349.
- Бочаров В.В.* Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2-х т. Т.1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 172—224.
- Бочаров В.В.* Российская власть в ракурсе празднично-питейной культуры // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 293—298.
- Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941—1945 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 336—365.

- Васильева Л.Н.* Элита и эрзац-элита: политическое будущее России // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1. С. 91–102.
- Вишлёв О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // *Новая и новейшая история*. 1999. № 1. С. 93–115.
- Вишлёв О.В.* Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // *Новая и новейшая история*. 1998. № 4. С. 77–89.
- Гареев М.* Факты, опровергающие недобросовестные утверждения // *Независимое военное обозрение*. 1998. № 22. С. 5.
- Глотов С.* Билет до Ленинграда // *Огонек*. 1988. № 7. С. 7–8.
- Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В.* Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 87–107.
- Каджая В.* Сталин: от «Атенского» до «Маджари» // *Независимая газета*. 1999. 24 дек. С. 16.
- Ковачев А.Н.* Символы власти и их интерпретация в различных культурах // *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии*. В 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 249–273.
- Кожурин В.С.* Вождь-генералиссимус: к эволюции образа харизматической власти // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 81–89.
- Лобанов М.* Великий государственный // *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи* М., 1995. С. 698–731.
- Макарова Н.Н.* Сталин и «ближний круг»: принципы ротации эрзац-элиты (1934–1939) // *Проблемы российской истории*. М. – Магнитогорск, 2007. С. 294–314.
- Невежин В.А.* Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.) // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 56–70; № 4. С. 123–139.
- Невежин В.А.* Особенности организации декады белорусского искусства в Москве // *Национальный театр в контексте многонациональной культуры: шестые международные Михоэлсовские чтения: доклады, сообщения*. М., 2010. С. 262–269.
- Невежин В.А.* Триумф победителей: прием в Кремле командующих войсками Красной армии (24 мая 1945 г.) // *Про-*

- блемы российской истории. Вып. V. Магнитогорск, 2005. С. 358–392.
- Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 109–123.
- Отто А.* Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // *Российская история*. 2009. № 2. С. 115–123.
- Павлова И.В.* Сон разума-2 // 2005. № 3–5.
- Синицын Ф.Л.* Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 года // *Российская история*. 2009. № 6. С. 40–52.
- Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне // *Отечественная история*. 1993. № 4. С. 19–31.
- Чернявский Г.И.* Дневники Г.М. Димитрова // *Новая и новейшая история*. 2001. № 5. С. 47–58.
- Щепанская Т.Б.* Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов // *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии*. В 2 т. Т. 2. СПб., 2007. С. 243–292.
- Эрлихман В.* Любовь Орлова. Одиночество звезды // *Биография*. 2006. № 2. С. 81–94.

Диссертации

- Абрамян К.А.* Партийно-политическая и хозяйственная деятельность Н.С. Хрущева в Москве: 1929 – 1938 гг. Автореферат дис... к.и.н. М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2006. 26 с.
- Леушин М.А.* Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945 –1955 гг. Дис... к.и.н. М.: РГГУ, 2000. 421 с.
- Ма Яньли.* Застольный ритуал и концепт «Застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Дис...к. филол. н. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2005. 421 с.
- Чирич И.В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира. Дис... к. филол. н. М.: МГПУ, 2004. 184 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Словари

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Справочники

Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. Красная армия в июне 1941 года (статистический сборник). Новосибирск, «Сибирский хронограф», 2003. 208 с.

Культурная жизнь в СССР. 1928 — 1941. Хроника. М.: Наука, 1976. 815 с.

Летопись российского кино / Науч.-исслед. ин-т киноискусства М-ва культуры Российской Федерации, Госфильмофонд Российской Федерации, Музей кино; [сост.: В.Е. Вишневский и др.]. 1930 — 1945. М., 2007. 846 [1] с., ил.

На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным. (1924 — 1953) / Авт.-сост.: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М.: Новый Хронограф, 2008. 783 с.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934 — 1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. 504 с.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952: Каталог. Т. 2. 1930—1939. М.: РОССПЭН, 2001. 1200 с.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952: Каталог. Т. 3. 1940—1952. М.: РОССПЭН, 2001. 1016 с.

Энциклопедии

Мирошниченко Л.Д. Энциклопедия алкоголя. Великие люди. История культуры. М.: Вече, 1998. 559 с., ил.

УЧАСТНИКИ БОЛЬШИХ КРЕМЛЕВСКИХ ПРИЕМОВ 1930-Х — 1940-Х ГГ.

Краткие биографические сведения

Список составлен на основании разнообразных источников (архивных документов, официальных газетных отчетов, дневниковых записей, воспоминаний, мемуаров, интервью). Биографические сведения даны в основном на период 1935 — 1949 гг., т.е. ограничиваются хронологическими рамками, выбранными в монографии.

Предлагаемый список включает 750 фамилий и, естественно, не исчерпывает *всех* участников приемов в Кремле (как уже отмечалось, только на банкете 25 июня 1945 г. присутствовало свыше 2900 чел.). Подобная неполнота объясняется в конечном счете характером использованных источников. Чтобы восполнить этот пробел, необходимо, в первую очередь, иметь списки приглашенных на *каждый* из больших кремлевских приемов сталинской эпохи, однако доступа к подобного рода материалам у автора монографии, сожалению, не имеется.

АБАКУМОВ Виктор Семенович (1908—1954), один из руководителей органов государственной безопасности. Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР (25 февраля 1941 — 19 апреля 1943), начальник Управления особых отделов (19 июля 1941 — 14 апреля 1943). Комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1943). Заместитель народного комиссара обороны СССР (19 апреля 1943—20 мая 1945), начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Народного

комиссариата (Министерства)¹ обороны СССР (19 апреля 1943 — 27 апреля 1946). Генерал-полковник (1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1951). Министр государственной безопасности СССР (4 мая 1946 — 4 июля 1951). Арестован 12 июля 1951. На выездном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 19 декабря 1954.

АБРИКОСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1875—1955), ученый (патологоанатом). Академик АН СССР (1939) и АМН (1944). Лауреат Сталинской премии (1942). Герой Социалистического Труда (1945).

АЗИМОВА АЗИЗА (1915—?), таджикская танцовщица, балетмейстер. В 1932—1937 — актриса Таджикского драматического театра. С 1937 — танцовщица Таджикского музыкального театра. Народная артистка Таджикской ССР (1941).

АЙНИ (наст. имя Садриддин Саид-Мурод-зода) (1878—1954), таджикский писатель. Лауреат Сталинской премии (1950).

АКИМОВ ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ (1898—1962), государственный деятель. Интендант 1-го ранга (1938). Народный комиссар (17 апреля 1940 — 22 мая 1945), заместитель народного комиссара (министра)¹ текстильной промышленности СССР (23 мая 1945 — декабрь 1948).

АЛАБЯН КАРО СЕМЕНОВИЧ (1897—1959), архитектор. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950).

АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1883—1946), композитор, хоровой дирижер. Организатор и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Красной армии (с 1928). Народный артист СССР (1937). Доктор искусствоведения (1940). Генерал-майор (1943). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1946).

АЛЕКСАНДРОВ (Мормоненко) ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1903—1983), кинорежиссер, сценарист. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1950). Народный артист СССР (1948).

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЛАРИСА ПОМПЕЕВНА (1904—1980), певица (сопрано). Солистка Белорусского театра оперы и балета (1933—1951). Народная артистка СССР (1940). Лауреат Сталинской премии (1941). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1958).

¹ Общесоюзные и союзно-республиканские Народные комиссариаты были переименованы в Министерства 15 марта 1946.

АЛЕКСЕЕВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1902 – 1974), полярный летчик. Герой Советского Союза (1937).

АЛЕКСЕЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1892 – 1960), домрист и дирижер. Один из организаторов и руководителей Ансамбля русских народных инструментов (1919–1939, с 1924 – оркестра Московского радиокомитета, в 1936–1939 – Государственного русского народного оркестра СССР). Заслуженный артист РСФСР (1934). Организатор и руководитель Оркестра народных инструментов Всесоюзного радиокомитета (1945 – 1950).

АЛКСНИС (АСТРОВ) ЯКОВ ИВАНОВИЧ (1897–1938), военачальник. Начальник Военно-воздушных сил Красной армии (1931–1937). Командарм 2-го ранга (1935). Заместитель наркома обороны СССР (27 января – 22 ноября 1937). Депутат Верховного Совета СССР. Арестован 23 ноября 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в антисоветской националистической шпионско-террористической организации. Расстрелян 29 июля 1938.

АЛТУНЯН ТАТУЛ ТИГРАНОВИЧ (1901–1973), хоровой дирижер. Лауреат Сталинской премии (1950).

АЛЬТМАН ИОГАНН ЛЬВОВИЧ (1900–1955), театральный критик.

АМИРАНАШВИЛИ ПЕТР ВАРЛАМОВИЧ (1907–1976), певец (баритон). С 1930 работал в Грузинском театре оперы и балета. Лауреат Сталинской премии (1947). Народный артист СССР (1950).

АНГЕЛИНА ПРАСКОВЬЯ НИКИТИЧНА (1912–1959), зачинательница социалистического соревнования, инициатор организации женских тракторных бригад. Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 1959). Лауреат Сталинской премии (1946). Дважды Герой Социалистического Труда (1947, 1958).

АНГУЛАДЗЕ ДАВИД ЯСОНОВИЧ (1895–1973), певец (драматический тенор). С 1929 работал в Грузинском театре оперы и балета. Лауреат Сталинской премии (1947). Народный артист СССР (1950).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ (1895–1971), партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1922 – октябрь 1952). Народный комиссар путей сообщения (1931–1935). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (4 февраля 1932 – 5 октября 1952). Секретарь ЦК ВКП(б) (28 февраля 1935–18 марта 1946). Депутат

Верховного Совета СССР (1937–1962). Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (январь 1938 – февраль 1946). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (22 марта 1939 – 18 марта 1946). Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1939–1952). Народный комиссар земледелия (декабрь 1943 – март 1946). Заместитель председателя Совета Министров СССР (3 марта 1946 – 15 марта 1953) СССР.

АНДРОВСКАЯ (ШУЛЫ) ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА (1898–1975), актриса. Народная артистка СССР (1948). С 1924 работала во МХАТе. Лауреат Сталинской премии (1952).

АНИСИМОВА НИНА АЛЕКСАНДРОВНА (1909–1979), артистка балета. С 1927 работала в Ленинградском Государственном театре оперы и балета им. С.М. Кирова (с 1935 – балетмейстер).

АНТИПОВ НИКОЛАЙ КИРИЛЛОВИЧ (1894–1938), государственный и партийный деятель. Член ЦК ВКП(б) (май 1924 – 20 июня 1937). Председатель Комиссии советского контроля, заместитель председателя СНК и СТО СССР (28 апреля 1935 – 20 июня 1937). Арестован 21 июня 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 29 июля 1938.

АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ ИННОКЕНТИЕВИЧ (1896–1962), военный деятель. Преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе (1938–1941). Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (декабрь 1941). Генерал армии (1943). Начальник Генерального штаба Красной армии (17 февраля 1945 – апрель 1946). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1962). Заместитель начальника Генерального штаба Советской армии (апрель 1946–1948).

АНТОНОВА ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (1904–1994), певица (контральто). Солистка Большого театра (с 1933). Народная артистка СССР (1951).

АНЦЕЛОВИЧ НАУМ МАРКОВИЧ (1888–1953), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Народный комиссар лесной промышленности (29 октября 1938 – 27 апреля 1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – 20 февраля 1941). Заведующий культурно-массовым отделом, заместитель заведующего отделом охраны труда ВЦСПС (октябрь 1940 – август 1941). Заместитель народного комиссара (с марта

1946 – Министра) торговли РСФСР (1945 – 1949).

АРМАН ПОЛЬ МАТИСОВИЧ (наст. имя – **ПАУЛЬ ТЫЛТЫНЬ**) (1903–1943), танкист. Жил во Франции и в Латвии. В 1926 эмигрировал в СССР. Участник Гражданской войны в Испании. Герой Советского Союза (31 декабря 1936). Обвинен в шпионаже, находился в заключении в 1937 – июне 1939. Учился в Военной академии им. Фрунзе (сентябрь 1939 – май 1941). Участник Великой Отечественной войны. Погиб на фронте 7 августа 1943.

АРСЕНКО АРСЕН ДИАНИСОВИЧ (1903–1945), оперный певец (баритон). Солист Большого театра (1936–1937). С 1937 – солист Белорусского театра оперы и балета.

АСАФЬЕВ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (лит. псевдоним **Игорь Глебов**) (1884–1949), музыковед, композитор. Академик АН СССР (1943). Народный артист СССР (1946). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1948).

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1889–1963), поэт. Лауреат Сталинской премии (1941).

АСТАНГОВ (РУЖНИКОВ) МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1900–1965), актер. В 1930–1941 работал в Московском театре Революции; с 1945 – в Театре им. Е.Б. Вахтангова. Трижды лауреат Сталинской премии (1948, 1950, 1951).

АСТАХОВ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (1892–1966), военачальник. Маршал авиации (1944).

БАБАНОВА МАРИЯ ИВАНОВНА (1900–1983), актриса. С 1927 работала в театре Революции. Лауреат Сталинской премии (1941).

БАБОЧКИН БОРИС АНДРЕЕВИЧ (1904–1974), актер, режиссер. В 1948 – 1951 работал в Малом театре. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

БАБУШКИН МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (1893–1938), полярный летчик. Герой Советского Союза (1937). Погиб в авиационной катастрофе.

БАГИРОВ МИР ДЖАФАР АББАСОВИЧ (1896–1956), партийный деятель, один из руководителей органов государственной безопасности. Первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана и Бакинского горкома партии (1933–1953). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – март 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 6 июля 1953). Член ЦК ВКП(б) (март

1939 — октябрь 1952).

БАГРАМЯН ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ (1897—1982), военачальник. Командующий 16-й армией второго формирования (с 1 мая 1943 — 11-я гвардейская армия) (июль 1942 — ноябрь 1943). Генерал армии (1943). Командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта (ноябрь 1943 — февраль 1945). Дважды Герой Советского Союза (9 июля 1944, 1 декабря 1977). Командующий войсками 3-го Белорусского фронта (19 апреля — май 1945).

БАДАЕВ АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВИЧ (1883—1951), партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1925—1951). Народный комиссар пищевой промышленности РСФСР (август 1937—1938). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950). Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР (1938—1943). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 — октябрь 1952).

БАДИГИН КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ (1910—1984), капитан дальнего плавания, исследователь Арктики, писатель. Герой Советского Союза (1940).

БАДРИДЗЕ ДАВИД ГЕОРГИЕВИЧ (1899—1987), грузинский певец (лирический тенор) и педагог. В 1936—1941 и 1944—1948 — солист Большого театра. В 1941—1944 — солист Грузинского театра оперы и балета. Народный артист ГССР (1943). Лауреат Сталинской премии (1950).

БАЙДУКОВ ГЕОРГИЙ ФИЛИППОВИЧ (1907—1994), летчик. Герой Советского Союза (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Начальник Главного управления гражданского воздушного флота (1947—1949).

БАЙКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1870—1946), ученый (металлург и металлловед). Академик АН СССР (1932). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Лауреат Сталинской премии (1943). Герой Социалистического Труда (1945).

БАЙСЕИТОВА КУЛЯШ (наст. имя Гульбахрам) **ЖАСЫМОВНА** (1912—1957), казахская певица (лирико-колоратурное сопрано). Солистка Музыкального театра (1934—1937). Народная артистка СССР (1936). С 1937 работала в Казахском театре оперы и балета. Дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1949).

БАКЛАНОВ ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ (1910–1976), военачальник. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 и Великой Отечественной войны. Генерал-майор (1 марта 1943). Герой Советского Союза (29 мая 1945).

БАЛАБИНА ФЕЯ ИВАНОВНА (1910–1982), артистка балета. С 1931 работала в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова.

БАЛДАНО НАМЖИЛ ГАРМАЕВИЧ (1907–1984), бурятский писатель, драматург. Народный артист Бурятской АССР (1938).

БАРДИН ИВАН ПАВЛОВИЧ (1883–1960), ученый (металлург). Академик АН СССР (1932). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1960). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1949). Герой Социалистического Труда (1945).

БАРСОВА (ВЛАДИМИРОВА) ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (1892–1967), певица (колоратурное сопрано). Солистка Большого театра СССР (1920–1948). Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1941).

БАРСУКОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1901–1963), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник артиллерии (1944). Герой Советского Союза (1945).

БАТАРШИН ГИЛЬФАН АБУБЕКЕРОВИЧ (1914–1947), пограничник. Участник боев у озера Хасан. Герой Советского Союза (25 октября 1938). Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1941). Участник Великой Отечественной войны. Погиб в авиационной катастрофе 11 декабря 1947.

БАТОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1897–1985), военачальник. Командующий 65-й армией второго формирования (22 октября 1942 – май 1945). Генерал-полковник (июнь 1944). Дважды Герой Советского Союза (30 октября 1943, 2 июня 1945).

БАХ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1857–1946), ученый (биохи-мик). Академик АН СССР (1929). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Лауреат Сталинской премии (1941). Герой Социалистического Труда (1945).

БЕЛЛЕР ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ (1897 – ?), заместитель директора Музыкального театра им. В.И. Немировича-Данченко, директор Ленинградского театра комедии (с 1943).

БЕЛОБОРОДОВ АФАНАСИЙ ПАВЛАНТЬЕВИЧ (1903—1990), военачальник. Генерал-майор (27 ноября 1941). Дважды Герой Советского Союза (22 июля 1944, 19 апреля 1945). Командующий 43-й армией (май 1944 — май 1945).

БЕЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ (1897—1962), военачальник. Командующий 61-й армией (июнь 1942 — май 1945). Герой Советского Союза (15 января 1944). Генерал-полковник (июль 1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1962).

БЕЛЯКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1897—1982), летчик. Герой Советского Союза (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Генерал-лейтенант авиации (1943).

БЕНЕДИКТОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (1902—1983), государственный деятель. Народный комиссар земледелия (октябрь (по другим данным — 15 ноября) 1938—11 декабря 1943). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 — 20 февраля 1941). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 — октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950). Министр земледелия (19 марта 1946 — 3 февраля 1947), сельского хозяйства СССР (4 февраля 1947 — март 1953).

БЕРГАВИНОВ СЕРГЕЙ АДАМОВИЧ (1899—1938), партийный деятель. Начальник Политуправления Главного управления Северного морского пути при СНК СССР. (1934—1937). Арестован 31 октября 1937 г. Умер в тюрьме.

БЕРИЯ ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ (1899—1953), партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии (14 ноября 1931 — 31 августа 1938). Первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) (17 октября 1932 — 5 декабря 1936). Первый секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии (май 1937 — 31 августа 1938). Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934 — октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1953). Член Президиума Верховного Совета СССР (17 января 1938 — 31 мая 1939). Комиссар государственной безопасности (11 сентября 1938). Народный комиссар внутренних дел СССР (25 ноября 1938 — 29 декабря 1945). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (22 марта 1939 — 18 марта 1946). Генеральный комиссар государственной безопасности (30 января 1941). Член (с 30 июня 1941), заместитель (16 мая 1944 — 4 сентября 1945) председателя ГКО СССР. Герой Социалистического Труда (1943). Маршал Советского Союза (9 июля 1945). Председатель

Государственного комитета № 1 (Специального комитета) при ГКО (с сентября 1945 — при СНК СССР, с марта 1946 — при СМ СССР) (20 августа 1945 — 26 июня 1953). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (18 марта 1946 — октябрь 1952). Лауреат Сталинской премии (1949). Арестован 26 июня 1953 на заседании Президиума ЦК КПСС. На июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС выведен из состава КПСС и исключен из партии. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 23 декабря 1953.

БЕРСЕНЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ (1889—1951), режиссер и актер. С 1938 — главный режиссер Московского театра им. Ленинского комсомола. Профессор ГИТИСа (с 1939). Народный артист СССР (1948).

БЕСПАЛОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1906—1980), государственный деятель. С 1938 инструктор отдела руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР, начальник Управления по делам искусств при СНК РСФСР (1938—1946). Председатель Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР (1946—1948, 1951—1953). Заместитель председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (1948—1951).

БИРМАН СЕРАФИМА ГЕРМАНОВНА (1890—1976), актриса и режиссер. В 1938 — 1958 работала в Московском театре им. Ленинского комсомола. Народная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии (1946).

БИРЮЗОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ (1904—1964), военачальник. Генерал-лейтенант (август 1943). Генерал-полковник (май 1944). Командующий 37-й армией второго формирования (октябрь 1944 — май 1945).

БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА (1859—1938), актриса. С 1933 работала в Малом театре. Народная артистка СССР (1936).

БЛЮХЕР ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1889—1938), военный деятель. Командующий отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией (1929—1938). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 — 22 октября 1938). Маршал Советского Союза (1935). Арестован 22 октября 1938. Умер 9 ноября 1938 во время следствия.

БОГАТЫРЕВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1913—2003), белорусский композитор. Лауреат Сталинской премии (1941).

БОГАТЫРЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1899—1968), государственный деятель. Народный комиссар электропромышленности СССР (апрель 1940 — август 1941).

БОГОЛЮБОВ ВЕНИАМИН ЯКОВЛЕВИЧ (1895—1954), скульптор. Лауреат Сталинской премии (1941).

БОГОМОЛЕЦ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1881—1946), ученый (патолофизиолог). Академик (1929), президент АН УССР (1930—1946). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Академик АН СССР (1932), БССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1941). Академик АМН, Герой Социалистического Труда (1944).

Бойко Василий Романович (1907—1996), военачальник. Герой Советского Союза (1940). Участник Великой Отечественной войны. Генерал-лейтенант (1945).

Болховитинов Виктор Федорович (1899—1970), конструктор и ученый в области самолётостроения. Профессор Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского (1949).

Большаков Иван Григорьевич (1902—1980), государственный деятель. Председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (4 июня 1939 — 20 марта 1946). Министр кинематографии СССР (20 марта 1946 — 15 марта 1953).

Бочкарев Михаил Степанович (1904—1974), участник боев у озера Хасан. Герой Советского Союза (25 октября 1938).

Бочков Виктор Михайлович (1900—1981), один из руководителей органов юстиции. Прокурор СССР (7 августа 1940 — 13 ноября 1943). Начальник особого отдела Северо-Западного фронта (июль 1941 — январь 1942). Начальник управления конвойных войск НКВД (МВД) СССР (3 января 1944 — 8 июня 1951). Генерал-лейтенант (17 ноября 1944).

Бровка Пятрусь (Петр) Устинович (1905—1980), белорусский поэт. Дважды лауреат Сталинской премии (1947, 1951).

Бронтман Лазарь Константинович (1905—1953), журналист. Сотрудник, заведующий информационным, заместитель заведующего военным отделом газеты «Правда» (середина 1920-х — 1949).

Бронтман Ростислав Лазаревич (р. 1930), сын Л.К. Бронтмана.

Будённый Семен Михайлович (1883–1973), военачальник. Инспектор кавалерии РККА (1924 – 1937). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – март 1939). Маршал Советского Союза (1935). Командующий войсками Московского военного округа (июнь 1937 – январь 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 1973). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – октябрь 1952). Командующий войсками Резервного фронта первого формирования (сентябрь–октябрь 1941), Северо-Кавказского фронта первого формирования (май–сентябрь 1942). Командующий кавалерией Красной армии (январь 1943 – май 1955).

Булганин Николай Александрович (1895–1975), государственный, партийный и военный деятель. Председатель Мосгорисполкома (1931–1937). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – 11 октября 1937). Председатель СНК РСФСР (июль 1937 – сентябрь 1938). Член ЦК ВКП(б) (12 октября 1937 – октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1975). Заместитель Председателя СНК СССР (сентябрь 1938 – май 1944). Председатель правления Государственного банка СССР (сентябрь 1938 – апрель 1940, октябрь 1940 – май 1945). Генерал-полковник (июль 1944). Член ГКО и заместитель народного комиссара обороны СССР (ноябрь 1944 – сентябрь 1945). Член Ставки ВГК (1945). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (18 марта 1946 – 5 октября 1952). Кандидат в члены (18 марта 1946), член Политбюро ЦК ВКП(б) (18 февраля 1948 – октябрь 1952). Министр Вооруженных Сил СССР (март 1947 – март 1949). Председатель Комитета № 2 при Совете Министров СССР (май 1947 – август 1949).

Булин Антон Степанович (1894–1938), партийный деятель. Заместитель начальника Политуправления РККА (1928–1935). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – 5 ноября 1937). Армейский комиссар 2-го ранга (1935). Начальник Политуправления Белорусского военного округа, заместитель командующего войсками Белорусского военного округа (1935–1937). Заместитель начальника, начальник Управления по командно-начальствующему составу Народного комиссариата обороны (1937). Арестован 5 ноября 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в причастности к контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 28 июля 1938.

Бурденко Николай Нилович (1876—1946), хирург. Главный хирург РККА (1937—1945). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Академик АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1941). Герой Социалистического Труда (1943). Академик АМН, генерал-полковник медицинской службы (1944).

Бурмистров Иван Алексеевич (1903—1962), командир подводной лодки, участник Гражданской войны в Испании. Герой Советского Союза (14 ноября 1938).

Бухарин Николай Иванович (1888—1938), партийный и политический деятель. Кандидат в члены ЦК ВКП(б), ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР» (февраль 1934 — 27 февраля 1937). Арестован 27 февраля 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в создании и участии в контрреволюционной шпионско-террористической организации. Расстрелян 15 марта 1938.

Бучма Амвросий Максимилианович (1891—1957), украинский актер. С 1936 работал в Украинском театре им. И. Франко (Киев). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1949). Народный артист СССР (1944).

Бюль-Бюль (наст. имя и фамилия — Муртуза Мешади Рзаоглы Мамедов) (1897—1961), певец (лирико-драматический тенор) и фольклорист. Работал в Азербайджанском театре оперы и балета (с 1920). Народный артист СССР (1938). Профессор Азербайджанской консерватории (с 1940). Лауреат Сталинской премии (1950).

Бядуля Змитрок (псевдоним; наст. имя и фамилия Самуил Ефимович Плавник) (1886—1941), писатель. Умер во время эвакуации на Урале.

Вагаршян Вагарш Богданович (1894—1959), актер, режиссер, драматург. С 1923 работал в армянском Театре им. Сундукяна (Ереван). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1941—1946). Профессор Ереванского театрального института (1946).

Вайнонен Василий Иванович (1901—1964), балетмейстер. Балетмейстер Театра оперы и балета им. С.М. Кирова (Ленинград) (1935—1938). Заслуженный артист РСФСР (1939). Балетмейстер Большого театра (1946—1950). Дважды лауреат Сталинской премии (1947, 1949).

Вайнруб Матвей Григорьевич (1910–1998), военачальник. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1941). Участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1945).

Валамат-зода Гафар Рустамович (1916–1993), таджикский артист балета, балетмейстер. Лауреат Сталинской премии (1949).

Ванников Борис Львович (1897–1962), государственный деятель. Народный комиссар вооружений СССР (11 января 1939 – 10 июня 1941). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – октябрь 1952). Народный комиссар боеприпасов СССР (16 февраля 1942 – 7 января 1946). Трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954). Генерал-полковник инженерно-технической службы (1944). Начальник 1-го Главного управления при СНК (СМ) СССР (август 1945 – июнь 1953). Народный комиссар (министр) сельскохозяйственного машиностроения СССР (7 января – 26 июня 1946). Депутат Верховного Совета СССР (1946 – 1950). Дважды лауреат Сталинской премии (1951, 1953).

Варенцов Сергей Сергеевич (1901–1971), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник артиллерии (1943). Герой Советского Союза (29 мая 1945).

ВАРЕС (ПСЕВДОНИМ: БАРБАРУС) Йоханнес Якович (1890–1946), государственный деятель, поэт. Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (ноябрь 1940 – 29 ноября 1946). Депутат Верховного Совета СССР (1941 – 29 ноября 1946). Покончил жизнь самоубийством.

Василевский Александр Михайлович (1895–1977), полководец. Начальник Генерального штаба Красной армии (июнь 1942 – февраль 1945). Маршал Советского Союза (1943). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Командующий войсками 3-го Белорусского фронта (февраль-апрель 1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946 – 1958). Начальник Генерального штаба Советской армии (март 1946 – 24 марта 1949). Министр Вооруженных Сил СССР (24 апреля 1949 – 25 февраля 1950).

Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947), государственный деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР (сентябрь 1938 – октябрь 1939). Народный комиссар угольной промышленности СССР (октябрь 1939 – март 1946). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – 13 января 1947). Герой Социалистического Труда (1943). Министр угольной промышленности восточных районов СССР (март 1946 – 13 января 1947).

ВЕРБИЦКИЙ ВСЕВОЛОД АЛЕКСЕЕВИЧ (1896—1951), актер и спортсмен (теннисист). С 1916 работал в Московском Художественном академическом театре.

ВЕРТОВ ДЗИГА (наст. имя и фамилия Денис Аркадиевич Кауфман) (1895/1896—1954), кинорежиссер, теоретик и зачинатель документального кино.

ВЕРШИНИН КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ (1900—1973), военачальник. Командующий 4-й воздушной армией (май—сентябрь 1942; май 1943 — май 1945). Генерал-полковник авиации (октябрь 1943). Герой Советского Союза (19 августа 1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

ВЕСНИН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1882—1950), архитектор. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950). Академик АН СССР (1943).

ВЕЧЕСЛОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА (1910—1991), балерина.

ВИЛЬЯМС ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ (1902—1947), живописец и театральный художник. Главный художник Большого театра СССР (с 1941). Трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1946, 1947). Заслуженный деятель искусств СССР (1944).

ВИНОГРАДОВ ИВАН МАТВЕЕВИЧ (1891—1983), ученый (математик). Академик АН СССР (1929). Лауреат Сталинской премии (1941). Дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1971).

ВИНОГРАДОВА ЕВДОКИЯ ВИКТОРОВНА (1914—1962), инициатор стахановского движения в текстильной промышленности. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946).

ВИРТА НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (1906—1976), писатель. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1948, 1949, 1950).

ВИШНЕВСКИЙ ВСЕВОЛОД ВИТАЛЬЕВИЧ (1900—1951), писатель. Редактор журнала «Знамя» (1944—1948). Лауреат Сталинской премии (1950).

ВЛАДИМИРСКИЙ БОРИС ДАВИДОВИЧ (1903—1979), музыковед, пианист. Начальник Главного управления учебными заведениями Комитета по делам искусств при СНК СССР (1940—1943). Заместитель начальника Управления музыкального радиовещания Всесоюзного радио (1943—1946). Директор Дома звукозаписи (1946 — 1953).

ВЛАДОМИРСКИЙ (МАЛЕЙКО) ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ (1893—1971), белорусский актер. С 1924 работал в Белорусском театре им. Я. Купалы.

Власик Николай Сидорович (1896–1967), один из руководителей органов безопасности. Майор (11 декабря 1935), старший майор (26 апреля 1938) госбезопасности. Начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР (19 ноября 1938 – 26 февраля 1941). Комиссар госбезопасности 3-го ранга (28 декабря 1938). Начальник 1-го отдела (охраны) НКГБ СССР (26 февраля – 31 июля 1941). Начальник 1-го отдела НКВД СССР (31 июля 1941 – 19 ноября 1942). Начальник 6-го управления НКГБ СССР (12 мая – 9 августа 1943). Генерал-лейтенант (12 июля 1945). Начальник Управления охраны №2 МГБ СССР (15 апреля – 25 декабря 1946). Начальник Главного управления охраны МГБ СССР (25 декабря 1946 – 29 апреля 1952).

Власова Ольга Николаевна (1908–1993), актриса. С 1928 работала в Московском театре оперетты.

Водопьянов Михаил Васильевич (1899–1980), летчик. Герой Советского Союза (1934). Участник Великой Отечественной войны.

Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950), партийный и государственный деятель. Председатель Госплана СССР (январь 1938 – март 1941). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – 27 октября 1949). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (21 февраля 1941 – 26 февраля 1947). 1-й заместитель председателя СНК СССР (март 1941 – март 1946). Член ГКО СССР (февраль 1942 – сентябрь 1945). Председатель Госплана СССР (декабрь 1942 – март 1949). Член Политбюро (21 февраля 1947 – 7 марта 1949). Лауреат Сталинской премии (1948). Арестован 27 октября 1949. Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания по обвинению в проведении подрывной деятельности против ЦК ВКП(б) и Советского правительства. Расстрелян 1 октября 1950.

Войтинская Ольга Сергеевна (1905–1968), журналист, критик.

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), ученый (историк). Академик АН СССР (1930). Вице-президент АН СССР (1942–1953). Депутат Верховного Совета СССР (1947–1951).

Волин Анатолий Антонович (1903–2007), государственный деятель. Прокурор РСФСР (1939 – август 1948). Председатель Верховного Суда СССР (август 1948 – февраль 1957).

Володин (Иванов) Владимир Сергеевич (1891—1958), артист оперетты. С 1929 работал в Московском театре оперетты. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии (1951).

Воробьев Михаил Петрович (1896—1957), военачальник. Генерал-майор инженерных войск (4 июля 1940). Командующий 1-й саперной армией (декабрь 1941 — февраль 1942). Начальник инженерных войск Красной Армии (апрель 1942 — апрель 1946). Генерал-полковник инженерных войск (16 сентября 1943). Маршал инженерных войск (21 февраля 1944). Начальник инженерных войск Сухопутных войск (апрель 1946 — июнь 1952).

Ворожейкин Григорий Алексеевич (1895—1974), военачальник. Начальник штаба ВВС РККА (август 1941 — март 1942). Участник Великой Отечественной войны. Маршал авиации (1944).

Воронин Владимир Иванович (1890—1952), капитан ледокольного флота.

Воронов Николай Николаевич (1899—1968), военачальник. Начальник (с марта 1943 — командующий) артиллерии РККА, заместитель народного комиссара обороны СССР (июль 1941—1946). Главный маршал артиллерии (1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), военный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1921 — октябрь 1952). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1 января 1926 — октябрь 1952). Народный комиссар обороны СССР (июнь 1934 — май 1940). Маршал Советского Союза (1935). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1969). Заместитель Председателя СНК СССР (май 1940 — март 1946). Член ГКО СССР и Ставки Верховного Главнокомандования (1941—1944). Главнокомандующий войсками Северо-западного направления, командующий войсками Ленинградского фронта (1941). Главнокомандующий партизанским движением (1942—1945). Заместитель Председателя СМ СССР (март 1946 — март 1953).

Вургун Самед (наст. имя и фамилия Самед Юсиф оглы Векилов) (1906—1956), азербайджанский поэт и общественный деятель. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1942). Народный поэт Азербайджанской ССР (1943). Академик Азербайджанской ССР (1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1956).

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), государственный деятель. Прокурор СССР (март 1935 – май 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 1950). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – октябрь 1952). Академик АН СССР (1939). Заместитель Председателя СНК СССР (31 мая 1939 – 15 мая 1944). Лауреат Сталинской премии (1947). Министр иностранных дел СССР (4 марта 1949 – 5 марта 1953).

Габович Михаил Маркович (1905–1965), артист балета. С 1924 работал в Большом театре. Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1950). Народный артист РСФСР (1951).

Гаврилов Петр Михайлович (1900–1979), майор, командир 44-го стрелкового полка. С 22 июня по 23 июля 1941 руководил обороной Брестской крепости.

Гаген Николай Александрович (1895–1969), военачальник. Генерал-лейтенант (1943). Командующий 57-й армией второго формирования (май 1943 – октябрь 1944), 26-й армией четвертого формирования (январь–август 1945).

Гаджибабеков Гусейн Ага Султан оглы (1898–1972), певец (лирический тенор). С 1920 – солист Азербайджанского театра оперы и балета. Народный артист Азербайджанской ССР (1938).

Гаджибеков Узеир Абдул Гусейн оглы (1885–1948), композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1948). Народный артист СССР (1938). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1946). Академик АН Азербайджанской ССР (1945).

Галибова Рена Абрамовна (1915–1995), певица (меццо-сопрано). Солистка Таджикского театра оперы и балета им. С. Айни (1940–1966). С 1991 – в эмиграции в США.

Галицкий Кузьма Никитович (1897–1973), военачальник. Командующий 3-й Ударной армией (18 сентября 1942 – ноябрь 1943). Генерал-лейтенант (январь 1943). Командующий 11-й гвардейской армией (ноябрь 1943 – май 1945). Генерал-полковник (июнь 1944). Герой Советского Союза (19 апреля 1945).

Галлер Лев Михайлович (1883–1950), военно-морской деятель. Начальник Главного морского штаба (1938–1940). Адмирал (1940). Заместитель народного комиссара Военно-морского флота СССР по кораблестроению и вооружению (1940–1947). Начальник Военно-морской академии кораблестроения и

вооружения им. А.Н. Крылова. Арестован в 1948. Лишен награды и звания адмирала. Осужден, умер в тюрьме.

Гамарник Ян Борисович (наст. имя и отчество Яков Пудикович) (1894—1937), партийный деятель. Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (11 ноября 1929 — 31 мая 1937). Начальник Политического Управления РККА (октябрь 1929 — 20 мая 1937). Первый заместитель народного комиссара обороны СССР (июнь 1930 — 31 мая 1937). Армейский комиссар 1-го ранга (1935). Уполномоченный Народного комиссариата обороны при СНК СССР (13 марта — 20 мая 1937). 31 мая 1937 покончил жизнь самоубийством.

Гамрекели Давид Александрович (1911—1977), певец (баритон). Работал в Грузинском театре оперы и балета (1935—1944). Народный артист Грузинской ССР (1943). Солист Большого театра (1944—1952). Лауреат Сталинской премии (1950).

Гастилович Антон Иосифович (1902—1975), военачальник. Командующий 18-й армией (ноябрь 1944 — май 1945). Генерал-лейтенант (январь 1945).

Гаук Александр Васильевич (1893—1963), дирижер, композитор. Главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР (1936—1941). Профессор Московской консерватории (с 1948).

Гафуров Бободжан Гафурович (1908—1977), партийный деятель. Секретарь, 2-й секретарь ЦК КП(б) Таджикистана (1941—1946). 1-й секретарь ЦК КП Таджикистана (1946—1956). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1962). 1-й секретарь Сталинабадского обкома партии (1948—1951).

Гварамадзе Елена (Лили) Левановна (1913 —?), артистка балета, искусствовед. Солистка Театра оперы и балета им. 3. Палиашвили (Тбилиси) (1930—1948). Народная артистка Грузинской ССР (1941).

Гедройц Игнатий Игнатьевич (1901—1961), артист оперетты. С 1928 работал в Московском театре оперетты.

Георгиу-Деж Георге (1901—1965), румынский партийный и политический деятель. Генеральный секретарь Коммунистической партии Румынии (с 1948 — Румынская рабочая партия) (1945—1954). Первый заместитель Председателя Совета Министров Румынской Народной Республики (1948—1952).

ГЕРАСИМОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1881–1963), живописец. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1949). Народный художник СССР (1943). Действительный член, Президент Академии художеств СССР (1947–1957).

ГЕРАСИМОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1885–1964), живописец. Действительный член Академии художеств СССР (1947).

ГЕРБЕК РОБЕРТ ИОСИФОВИЧ (1907–1994), артист балета. Работал в Ленинградском Государственном театре оперы и балета им. С.М. Кирова.

ГИАЦИНТОВА СОФЬЯ ВЛАДИМИРОВНА (1895–1982), актриса и режиссер. С 1938 работала в Театре им. Ленинского комсомола. Лауреат Сталинской премии (1947).

ГИЛЕЛЬС ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА (1919–2008), скрипачка и музыкальный педагог. Родная сестра Эмиля Гилельса.

ГИЛЕЛЬС ЭМИЛЬ ГРИГОРЬЕВИЧ (1916–1985), пианист. Лауреат Сталинской премии (1946).

ГИНЗБУРГ СЕМЕН ЗАХАРОВИЧ (1897–1993), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Народный комиссар по строительству СССР (июнь 1939–январь 1946). Министр строительства военных и военно-морских предприятий (март 1946 – июнь 1947), промышленности строительных материалов (март 1947 – май 1950) СССР.

ГЛАГОЛЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1896–1947), военачальник. Командующий 46-й армией (23 марта 1943 – май 1944). Генерал-лейтенант (октябрь 1943). Герой Советского Союза (1 ноября 1943). Командующий 31-й армией второго формирования (май–декабрь 1944). Генерал-полковник (15 июля 1944). Командующий 9-й гвардейской армией (январь–май 1945).

ГЛЕБКА ПЕТРО (ПЕТР) ФЕДОРОВИЧ (1905–1969), белорусский поэт и драматург.

ГЛЕБОВ (СОРОКИН) ГЛЕБ ПАВЛОВИЧ (1899–1967), актер. С 1926 работал в Белорусском театре им. Я. Купалы (Минск). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1948). Народный артист СССР (1948).

ГЛУЗДОВСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ (1903–1967), военачальник. Командующий 31-й армией второго формирования (февраль 1943 – май 1944). Генерал-лейтенант (сентябрь 1943). Командующий 7-й армией (август–декабрь 1944), 6-й армией третьего формирования (декабрь 1944 – май 1945).

Говоров Леонид Александрович (1897—1955), полководец. Генерал-лейтенант артиллерии (17 августа 1941). Командующий 5-й армией второго формирования (17 октября 1941 — апрель 1942). Командующий Ленинградским фронтом (июнь 1942 — июль 1945). Генерал-полковник (январь 1943). Генерал армии (ноябрь 1943). Маршал Советского Союза (июнь 1944). Герой Советского Союза (27 января 1945). Командующий войсками Ленинградского военного округа (июль 1945 — апрель 1946). Главный инспектор Сухопутных войск Вооруженных Сил СССР, начальник управления военных вузов (апрель 1946 — январь 1947). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1955). Главный инспектор Вооруженных Сил СССР (январь 1947 — март 1950). Заместитель министра обороны (октябрь 1947 — июль 1948). Командующий Войсками ПВО СССР (июль 1948 — март 1950).

Говядкин Василий Михайлович (1896—1959), военный деятель. Начальник Военной электротехнической академии РККА им. С.М. Буденного (1938—1942).

Гоголева Елена Николаевна (1900—1994), актриса. С 1918 работала в Малом театре. Трижды лауреат Сталинской премии (1947, 1948, 1949). Народная артистка СССР (1949).

Голейзовский Касьян Ярославович (1892—1970), артист балета, балетмейстер. Заслуженный артист БССР (1940).

Голованов Александр Евгеньевич (1904—1975), военачальник. Главный маршал авиации (1944). Командующий авиацией дальнего действия при Ставке Верховного главнокомандования (февраль 1942 — декабрь 1944). Командующий 18-й воздушной армией (6 декабря 1944 — май 1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950). Командующий Дальней авиацией (апрель 1946—1948).

Головин Дмитрий Данилович (1894—1966), певец (баритон). Заслуженный артист РСФСР (1934). В 1924—1943 — солист Большого театра.

Головин Павел Георгиевич (1909—1940), полярный летчик. Работал в полярной авиации Главсевморпути (1933—1938). Герой Советского Союза (1937). Летчик-испытатель авиазавода № 22 (1938—1939). Участник советско-финляндской войны 1939—1940. 27 апреля 1940 погиб при испытании самолета СПБ (скоростной пикирующий бомбардировщик) конструкции Поликарпова.

Головко Арсений Григорьевич (1906–1962), флотоводец. Адмирал (1944). Командующий Северным флотом (1940–1946). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950).

Голубин Владимир Дмитриевич (1905–1969), артист балета. В 1922–1948 работал в Большом театре. Заслуженный артист РСФСР (1947). В 1948–1951 – солист балета и педагог-репетитор Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Голубов Владимир Ильич (1908–1948), театровед, театральный критик.

Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961), пианист, педагог и композитор. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской премии (1947).

Гольдфарб Татьяна Иосифовна (1914–1964), пианистка. Лауреат Международного конкурса им. Ф. Шопена (Варшава, 1937). В 1938–1964 – солистка Московской филармонии.

Гольдштейн Борис Эммануилович (1922–1987), скрипач. Солист Московской консерватории (с 1939). С 1974 – в эмиграции.

Гольц Георгий Павлович (1893–1946), архитектор и театральный художник. Лауреат Сталинской премии (1941).

Горбатов Александр Васильевич (1891–1973), военачальник. Командующий 3-й армией (июнь 1943 – май 1945). Генерал-полковник (июнь 1944). Герой Советского Союза (10 апреля 1945).

Гордиенко Михаил Харитонович (1906–1972), летчик.

Гордов Василий Николаевич (1896–1951), военачальник. Командующий 21-й армией первого формирования (август, октябрь 1941 – июнь 1942). Командующий войсками Сталинградского фронта первого формирования (июль–август 1942). Командующий 33-й армией (октябрь 1942 – март 1944). Генерал-полковник (сентябрь 1943). Герой Советского Союза (6 апреля 1945). Командующий 3-й гвардейской армией (апрель–май 1945). Командующий войсками Приволжского военного округа (май 1945 – июль 1946). С ноября 1946 – в отставке. Арестован 12 января 1947. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 24 августа 1950.

Горкин Александр Федорович (1897–1988), государственный деятель. Секретарь Президиума ЦИК (июль 1937 – январь 1938).

Депутат Верховного Совета СССР (1937–1974). Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (январь 1938— март 1953). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952).

Городинский Виктор Маркович (1902–1959), музыковед, критик. 1935–1937 — помощник заведующего, заведующий сектором искусств Культпросветотдела ЦК ВКП(б). Редактор газет «Музыка», «Советское искусство». Главный редактор Музгиза (1946–1948).

Городовиков Ока Иванович (1879–1960), военачальник. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Инспектор кавалерии РККА (1938–1940). Генерал-полковник (1940). Генерал-инспектор кавалерии Красной армии (июль 1941–1943).

Горчаков Николай Михайлович (1898–1958), режиссер, театровед. Работал в МХАТ (1924–1933, 1941–1943). Художественный руководитель Московского театра сатиры (1933–1941, 1943–1948). Профессор ГИТИС'а (1939). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1943). Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1952).

Горюнов Сергей Кондратьевич (1899–1967), военачальник. Командующий 5-й Воздушной армией (июнь 1942—май 1945). Генерал-полковник авиации (март 1944). Герой Советского Союза (28 апреля 1945).

Гоян (псевдоним, наст. фамилия Тер-Никогосян) **Георг Иосифович** (1901–?), театровед. С 1936 преподавал в ГИТИСе (с 1949 — профессор).

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), живописец и искусствовед. Лауреат Сталинской премии (1941). Академик АН СССР (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

Грабин Василий Гаврилович (1899/1900–1980), конструктор артиллерийского вооружения. Герой Социалистического Труда (1940). Доктор технических наук (1941). Начальник Центрального артиллерийского конструкторского бюро (1942–1946). Начальник и главный конструктор Научно-исследовательского артиллерийского института (1946–1960). Генерал-полковник технических войск (1945). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1950).

Гречко Андрей Антонович (1903–1976), военачальник. Командующий 12-й армией второго формирования (апрель—

сентябрь 1942), 47-й (сентябрь—октябрь 1942), 18-й (19 октября 1942—январь 1943), 56-й (январь—октябрь 1943) армиями. Генерал-лейтенант (апрель 1943). Командующий 1-й гвардейской армией (декабрь 1943—май 1945).

Гризодубова **Валентина Степановна** (1910/1911—1993), летчица. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Герой Советского Союза (1938).

Гринберг (**Сокольский**) **Матиас Маркович** (1896—1977), пианист, музыковед. Заведующий отделом музыки газеты «Советское искусство» (1932—1938).

Гринберг **Моисей Абрамович** (1904—1968), главный редактор журнала «Советская музыка» (1937—1939). Директор Музыкального театра им. В.И. Немировича-Данченко (1939—1941). Директор Музыкального издательства (1941—1943). Начальник музыкального вещания Всесоюзного радио (1941—1949).

Гришин **Иван Тихонович** (1901—1951), военачальник. Генерал-майор (20 марта 1942). Командующий 49-й армией (июнь 1943 — май 1945). Генерал-полковник (март 1945). Герой Советского Союза (10 апреля 1945).

Громов **Михаил Михайлович** (1899—1985), военный деятель. Герой Советского Союза (1934). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950). Начальник Летно-исследовательского института Наркомата авиационной промышленности (1941). Командующий 3-й (май 1942—май 1943), 1-й (май 1943 — июль 1944) воздушными армиями. Генерал-полковник авиации (1944). Начальник Главного управления боевой подготовки фронтовой авиации (1944—1946).

Губкин **Иван Михайлович** (1871—1939), ученый (геолог). Академик АН СССР (1929). Вице-президент АН СССР (1936—1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1939).

Гудов **Иван Иванович** (1907—1983), инициатор стахановского движения в станкостроении.

Гурвич **Абрам Соломонович** (1897—1962), критик литературы и театра.

Гусев **Виктор Михайлович** (1909—1944), поэт. Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1946 — посмертно).

Гусев **Дмитрий Николаевич** (1894—1957), военачальник. Генерал-майор (1940). Начальник штаба Ленинградского фронта (октябрь 1941—апрель 1944). Командующий 21-й ар-

мией второго формирования (апрель 1944—май 1945). Генерал-полковник (июнь 1944). Герой Советского Союза (6 апреля 1945).

ГУСЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1897—1962), военачальник. Командующий 4-й армией второго формирования (июнь 1942 — ноябрь 1943). Генерал-лейтенант (сентябрь 1943). Командующий 20-й армией второго формирования (ноябрь 1943—апрель 1944), 47-й армией (28 апреля—ноябрь 1944), 48-й армией второго формирования (15 декабря 1944—май 1945). Генерал-полковник (май 1945).

ГУСЕВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ (1904—1987), артист балета. В 1935—1945 работал в Большом театре. С 1945 — руководитель балета и балетмейстер Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова (Ленинград).

ДАВЫДОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА (1906—1993), певица (меццо-сопрано). Солистка Большого театра СССР (1932—1956). Трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1950, 1951). Народная артистка РСФСР (1951).

ДАГИН ИЗРАИЛЬ ЯКОВЛЕВИЧ (1895—1940), один из руководителей органов госбезопасности Комиссар госбезопасности 3-го ранга (29 ноября 1935). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1940). Начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР (14 июня 1937—28 марта 1938). Начальник 1-го отдела 1-го Управления НКВД СССР (28 марта — 29 сентября 1938). Начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР (29 сентября — 5 ноября 1938). Арестован 5 ноября 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 22 января 1940.

ДАДАШЕВ САДЫХ АЛЕКПЕР ОГЛЫ (1905—1946), азербайджанский архитектор, историк архитектуры. Лауреат Сталинской премии (1941). Академик АН Азербайджанской ССР.

ДАЛЬЦЕВ ЗИНОВИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1884—1963), театральный деятель и актер. Работал в Малом театре (помощник директора, заместитель директора), в Оперном театре им. Станиславского (1924—1941). Заместитель Председателя ВТО (1941—1959).

ДАНИЛИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1901—1978), летчик. Герой Советского Союза (31 декабря 1936).

ДАНИЕЛЯН АЙКАНУШ БАГДАСАРОВНА (1893—1958), армянская актриса оперетты (лирико-колоратурное сопрано). Солистка

Театра оперы и балета им. Спендиарова (с 1933). Народная артистка СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950). Профессор Ереванской консерватории (1949–1951).

ДЕГТЯРЕВ Василий Алексеевич (1879/1880–1949), конструктор стрелкового оружия. Герой Социалистического Труда (1940). Депутат Верховного Совета СССР (1940–1949). Генерал-майор инженерно-артиллерийской службы (1944). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1946, 1949 посмертно).

ДЕГТЯРЕВ Георгий Ермолаевич (1893–1973), военачальник. Генерал-полковник артиллерии (1944).

ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич (1898–1953), один из руководителей органов государственной безопасности, дипломат. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Комиссар госбезопасности 3-го ранга (2 декабря 1938). Начальник 5-го отдела (со 2 декабря 1938), 3-го отдела, заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР (17 декабря 1938–13 мая 1939). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–20 февраля 1941). Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР (4 мая 1939–15 марта 1946). Посол СССР в Германии (ноябрь 1940–22 июня 1941). Член ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941–октябрь 1952). Чрезвычайный и полномочный посол (14 июня 1943). Заместитель министра иностранных дел СССР (21 марта 1946–19 марта 1947). Арестован 30 июня 1953. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 23 декабря 1953.

ДЕМЧЕНКО Мария Софроновна (1912–?), новатор сельскохозяйственного производства. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946).

ДЕНИСОВ Сергей Прокофьевич (1909/1910–1971), летчик. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1940). Депутат Верховного Совета ССР (1937–1946). Генерал-лейтенант авиации (1940).

ДЕРЖИНСКАЯ Ксения Георгиевна (1889–1951), певица (драматическое сопрано). В 1915–1948 – солистка Большого театра. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943). В 1947–1951 – профессор Московской консерватории.

ДЕСНИЦКИЙ Пётр Павлович (1911–1993), стрелок-радист отдельной тяжелой бомбардировочной эскадрильи, младший

комвзвод. Добровольцем участвовал в Гражданской войне в Испании. Герой Советского Союза (31 декабря 1936).

ДЖАБАЕВ ДЖАМБУЛ (Джамбул) (1846—1945), казахский поэт-акын. Лауреат Сталинской премии (1941).

Джалилов Тохтасын Джалилович (1896—1966), узбекский композитор, исполнитель на гитаре. Народный артист Узбекской ССР (1937). Художественный руководитель Театра музыкальной драмы им. Мукуми (1940—1949).

Джугашвили Яков Иосифович (1908—1943), сын И.В. Сталина от первого брака с Е. Сванидзе. Выпускник военной Артиллерийской академии РККА (1941). 16 июля 1941 попал в плен к немцам. Погиб в концентрационном лагере Заксенхаузен.

Дзержинский Иван Иванович (1909—1978), композитор. Лауреат Сталинской премии (1950).

Диас Хосе (1895—1942), генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (1932—1942).

Димитров Георги Михайлов (1882—1949), партийный деятель, уроженец Болгарии. В феврале 1934 — ноябре 1945 проживал в СССР. Генеральный Секретарь Исполкома Коммунистического Интернационала (1935—1943).

Долгополов Михаил Николаевич (1901—1977), журналист. Член редколлегии газеты «Известия» с 1938 по 1972 (обозреватель по вопросам культуры).

Доронин Иван Васильевич (1903—1953), летчик. Герой Советского Союза (1934).

Дудинская Наталья Михайловна (1912—2003), артистка балета, педагог. Солистка Театра оперы и балета им. С.М. Кирова (Ленинград) (1931—1962). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1949, 1951).

Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955), композитор. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Душкин Алексей Николаевич (1903—1977), архитектор. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1949).

Душкин Иван Иванович (1905—1976), штурман и начальник штаба авиационной эскадрильи в войсках республиканской Испании, старший лейтенант. Герой Советского Союза (1938). Участник советско-финляндской войны 1939—1940.

Егоров Александр Ильич (1883—1939), военачальник. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934—27 марта 1938).

Маршал Советского Союза (20 ноября 1935). Начальник Генерального штаба РККА (1935–1938). Первый заместитель народного комиссара обороны СССР (10 мая 1937–25 февраля 1938). Арестован 27 марта 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной организации и в подготовке террористического акта. Расстрелян 22 февраля 1939.

Ежов Николай Иванович (1895–1940), партийный деятель, один из руководителей органов безопасности. Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (10 февраля 1934 – 28 февраля 1939). Заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (11 февраля 1934–28 февраля 1935). Секретарь ЦК ВКП(б) (1 февраля 1935 – 21 марта 1939). Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (28 февраля 1935 – 21 марта 1939). Член Президиума Исполкома Коминтерна (август 1935 – март 1939). Народный комиссар внутренних дел СССР (26 сентября 1936–25 ноября 1938). Генеральный комиссар государственной безопасности (28 января 1937). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 9 апреля 1939). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (12 октября 1937 – 21 марта 1939). Народный комиссар водного транспорта СССР (8 апреля 1938–9 апреля 1939). Арестован 9 апреля 1939. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 6 февраля 1940.

Ежова (Фейгенберг) Евгения Соломоновна (1904–1938), жена Н.И. Ежова. Покончила жизнь самоубийством (21 ноября 1938).

Елагин Юрий Борисович (1901–1987), скрипач. С 1945 г. жил в эмиграции в США.

Еланская Клавдия Николаевна (1898–1972), актриса. С 1924 работала во МХАТе. Народная артистка СССР (1948). Лауреат Сталинской премии (1952).

Емельянов Василий Семенович (1901–1988), ученый (металлург), член-корреспондент АН СССР (1953). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1951). Председатель Комитета стандартов при СНК СССР (1943–1946).

Енакиев Яков Иванович (1897–1945), певец (тенор). Солист Ленинградского Малого оперного театра, Большого театра (1937–1944).

ЕРЕМЕНКО АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1892—1970), военачальник. Командующий войсками Брянского фронта первого формирования (август—октябрь 1941). Командующий 4-й ударной армией первого формирования (декабрь 1941—февраль 1942). Командующий войсками Сталинградского фронта первого и второго формирований (август—декабрь 1942), Калининского фронта (апрель—октябрь 1943). Генерал армии (август 1943). Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта (апрель 1944—февраль 1945). Герой Советского Союза (29 июля 1944). Командующий войсками 4-го Украинского фронта второго формирования (март—май 1945).

ЕРЕМЕНКО ИВАН ТРОФИМОВИЧ (1910—1986), летчик. Участник Гражданской войны в Испании. Герой Советского Союза (1937). Генерал-майор авиации (1940). Участник Великой Отечественной войны.

ЕРМОЛАЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1910—1975), артист балета. Солист балета Большого театра (1930—1975). Трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1947, 1950).

ЕФАНОВ ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ (1900—1978), живописец. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1948, 1950, 1952). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

ЕФРЕМОВ АЛЕКСАНДР ИЛЛАРИОНОВИЧ (1904—1951), государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Народный комиссар тяжелого машиностроения СССР (17 апреля 1940 — июнь 1941). Народный комиссар (министр) станко-строения СССР (5 июня — ноябрь 1941 и с февраля 1942—1951). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1951). Заместитель председателя Совета Министров СССР (март 1949—1951).

ЖАВОРОНКОВ СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ (1899—1967), военачальник. Командующий авиацией ВМФ (1939—1946). Участник Великой Отечественной войны. Маршал авиации (1944). Начальник Главного управления гражданского воздушного флота (1949—1957).

ЖАДАН ИВАН ДАНИЛОВИЧ (1902—1995), певец, тенор. В 1928—1941 работал в Большом театре. После Второй мировой войны — в эмиграции в США.

ЖАДОВ АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ (до 1942 — Жидов) (1901—1977), военачальник. Командующий 66-й (с апреля 1943 — 5-й гвар-

дейской) армией (октябрь 1942 — май 1945). Генерал-лейтенант (январь 1943). Генерал-полковник (сентябрь 1944). Герой Советского Союза (6 апреля 1945).

Жаров Михаил Иванович (1899—1981), актер. С 1938 работал в Малом театре. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1947). Народный артист СССР (1949).

Жданов Андрей Александрович (1896—1948), партийный деятель. Секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК ВКП(б) (10 февраля 1934—31 августа 1948). Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома (декабрь 1934—1944). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1 февраля 1935—22 марта 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1948). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1939—1948). Генерал-полковник (1944).

Жданов Василий Николаевич (1896—1956), военачальник. Командующий 8-й Воздушной армией (август 1944 — май 1945).

Жданович Ирина Флориановна (1906—?), белорусская актриса. В 1920—1962 работала в Белорусском театре им. Я. Купала. Народная артистка БССР (1940). Лауреат Сталинской премии (1948).

Жиенкулова Шара (Гульшара Джандарбекова) (1912—1991), казахская танцовщица, педагог. Работала в Музыкально-драматическом театре (Казахский театр оперы и балета) (1934—1940). Заслуженная артистка Казахской ССР (1936). Народная артистка Казахской ССР (1938). Работала в Казахской филармонии (1940—1962).

Жмаченко Филипп Федосеевич (1895—1966), военачальник. Командующий 3-й (февраль—май 1942), 40-й (октябрь 1943 — май 1945) армиями. Герой Советского Союза (25 октября 1943). Генерал-полковник (1945).

Жуков Георгий Константинович (1896—1974), полководец. Четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). Командующий Киевским особым военным округом (1940—1941). Начальник Генерального штаба РККА (январь—июль 1941). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 — март 1946). Депутат Верховного Совета СССР (1941—1946). Командующий войсками Западного фронта (октябрь 1941 — август 1942). Первый заместитель народного комиссара обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего (26 августа 1942—1945). Маршал

Советского Союза (1943). Командующий войсками 1-го Украинского фронта (март—май 1944), 1-го Белорусского фронта второго формирования (12 ноября 1944 — май 1945). От имени Верховного Главнокомандования 8 мая 1945 принял капитуляцию Германии. Главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Советской военной администрации в Германии (июнь 1945—март 1946).

ЗАБОЛОТНЫЙ Владимир Игнатьевич (1898—1962), украинский архитектор. Лауреат Сталинской премии (1941).

ЗАВАДСКИЙ Юрий Александрович (1894—1977), режиссер, актер. С 1940 — главный режиссер Театра им. Моссовета. Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951). Профессор ГИТИСа (1947). Народный артист СССР (1948).

ЗАК Яков Израилевич (1913—1976), пианист. Лауреат Международного конкурса пианистов им. Ф. Шопена (Варшава, 1937). Профессор Московской консерватории (с 1947).

ЗАЛЕСКИЙ Владимир Феофанович (1901—1963), театральный критик.

ЗАХАВА Борис Евгеньевич (1896—1976), режиссер, актер. С 1925 — руководитель (с 1939 — профессор) школы-студии им. Е.Б. Вахтангова (с 1939 — Театральное училище им. Б.В. Шукина). Лауреат Сталинской премии (1952).

ЗАХАРОВ Владимир Григорьевич (1901—1956), композитор. С 1932 — музыкальный руководитель Хора им. Пятницкого. Народный артист СССР (1944). Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1952).

ЗАХАРОВ Иван Антонович (1898—1944), заместитель Председателя СНК БССР (1938—1944).

ЗАХАРОВ Матвей Васильевич (1898—1972), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Дважды Герой Советского Союза (1945, 1971).

ЗАХАРОВ Ростислав Владимирович (1907—1984), балетмейстер. В 1934—1936 работал в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова, в 1936—1956 — в Большом театре. Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1946).

ЗАХВАТАЕВ Никанор Дмитриевич (1898—1963), военачальник. Командующий 1-й ударной (май 1944—март 1945), 4-й гвардейской (март—май 1945) армиями. Герой Советского Союза (28 апреля 1945). Генерал-полковник (1945).

ЗВЕРЕВ АРСЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1900–1969), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Народный комиссар (министр) финансов СССР (19 января 1938–февраль 1948, декабрь 1948–1960).

ЗВЕРЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1908–1947), летчик. Участник национально-освободительной войны в Китае 1937–1945. Герой Советского Союза (1939).

Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953), ученый (химик-органик). Академик АН СССР (1929). Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1948). Герой Социалистического Труда (1945).

Землячка (урожденная Залкинд, по мужу Самойлова) **Розалия Самойловна** (1876–1947), партийный и государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937– 21 января 1947). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–21 января 1947). Председатель Комиссии советского контроля (май 1939–сентябрь 1940). Заместитель Председателя СНК СССР (май 1939 – август 1943).

Зеркалова Дарья Васильевна (1901–1982), актриса. С 1938 работала в Малом театре.

Златогорова (Гольдберг) Бронислава Яковлевна (1905–1995), певица (контральто). Солистка Большого театра СССР (1929–1953). Народная артистка РСФСР (1951).

Зуева Татьяна Михайловна (1905–1969), заведующая отделом культурно-просветительных учреждений Управления пропаганды (1940–1945). Председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР (1945–1949).

Зускин Вениамин Львович (1899–1952), актер. С 1921 – работал в Государственном еврейском театре. Народный артист РСФСР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946). Приговорен к высшей мере наказания по делу «Еврейского антифашистского комитета». Расстрелян.

Ибаррури (псевдоним – **Пассионария, Пламенная**) **Долорес** (1895–1989), деятель испанского коммунистического движения. Член Политбюро (1932–1960), секретарь ЦК (1940–1942), генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (1942–1959). В 1939–1977 – в эмиграции в СССР.

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ (1904—1982), певец (баритон). Солист Большого театра (1938—1967). Трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1948, 1950). Народный артист СССР (1951).

ИВАНОВ ВСЕВОЛОД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ (1895—1963), писатель.

ИВАНОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1901—1982), певец (бас) и педагог. Народный артист Казахской ССР (1938). Солист оперных театров Киева, Горького, Ленинграда, Алма-Аты (1936—1944), Большого театра (1944—1958).

ИГНАТЬЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1877—1954), дипломат, писатель. В 1908—1917 — российский военный атташе в скандинавских странах и во Франции. Генерал-майор (1917). Сотрудник советского торгового представительства в Париже (1927—1937). Служил в Красной (Советской) армии (1937—1947). Генерал-лейтенант (1943).

ИГУМНОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (1873—1948), пианист, педагог. Профессор Московской консерватории (с 1899). Лауреат Сталинской премии, народный артист СССР (1946).

ИЗОВ НΙΚΙΤΑ АЛЕКСЕЕВИЧ (1902—1951), новатор производства. Один из зачинателей «изотовского движения» (массовое обучение молодых рабочих кадровыми). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946).

ИКРАМОВ АКМАЛЬ КАРИМОВИЧ (1898—1938), партийный деятель. Первый секретарь КП(б) Узбекистана (1929— 20 сентября 1937). Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934 — 20 сентября 1937). Арестован 20 сентября 1937. В качестве подсудимого привлечен к судебному процессу по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока». Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 15 марта 1938.

ИЛЬИНСКИЙ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ (1901—1987), актер театра и кино. В 1920—1938 работал в Театре В.Э. Мейерхольда, с 1938 — в Малом театре. Народный артист СССР (1949). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1951).

ИЛЬЮШИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1894—1977), конструктор. Главный конструктор (с 1935). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1970). Трижды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974). Семикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1943, 1946, 1947, 1950, 1952).

ИНГАЛ Владимир Иосифович (1901–1966), скульптор. Лауреат Сталинской премии (1941).

Иогансон Борис Владимирович (1893–1973), живописец. Народный художник СССР (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Иофан Борис Михайлович (1891–1976), архитектор. Лауреат Сталинской премии (1941).

ИСАЕВ Ураз Джанзакович (Дзаизакович) (1899–1938), казахский политический деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров Казахской АССР (с 5 декабря 1936 – Казахской ССР) (1929–1938). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – 11 октября 1937). Член ЦК ВКП(б) (12 октября 1937 – 31 мая 1938). Арестован 31 мая 1938. Военной коллегией Верховного Суда приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 29 августа 1938.

Исаков Иван Степанович (1894–1957), военно-морской деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). 1-й заместитель наркома ВМФ (1939–1946), начальник Главного морского штаба (1941–1943). Лауреат Сталинской премии (1951).

ИШАНТУРАЕВА САРА АБДУРАХМАНОВНА (1911–1998), узбекская актриса. С 1927 работала в Узбекском театре им. Хамзы. Депутат Верховного Совета СССР (1946–1958). Лауреат Сталинской премии (1949).

КАБАЛЕВСКИЙ Дмитрий Борисович (1904–1987), композитор, педагог. Профессор Московской консерватории (с 1939). Трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1949, 1951).

КАБАНОВ Павел Алексеевич (1897–1987), военный деятель. Начальник Управления военно-восстановительных и заградительных работ № 3 (1942–1945). Герой Социалистического Труда (1943). Генерал-лейтенант технических войск (1944). Начальник Железнодорожных войск Министерства обороны СССР (1945–1968).

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991), партийный и государственный деятель. Секретарь (июль 1928–март 1939), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (июль 1928–март 1946). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (июль 1930–октябрь 1952). Народный комиссар путей сообщения СССР (29 февраля 1935–22 августа 1937). Депу-

тат Верховного Совета СССР (1937—1958). Народный комиссар тяжелой промышленности (22 августа 1937—январь 1939), путей сообщения (апрель 1938—март 1942) СССР. Заместитель председателя СНК (СМ) СССР (август 1938—15 мая 1944; 20 декабря 1944—6 марта 1947, 18 декабря 1947—5 марта 1953). Народный комиссар топливной промышленности (январь—октябрь 1939), нефтяной промышленности (12 октября 1939—3 июля 1940) СССР. Член ГКО СССР (февраль 1942—сентябрь 1945). Герой Социалистического Труда (1943). Народный комиссар путей сообщения СССР (26 февраля 1943—20 декабря 1944). Министр промышленности строительных материалов СССР (19 марта 1946—6 марта 1947). Первый секретарь ЦК КП(б) Украины (март—декабрь 1947). Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению (январь 1948—октябрь 1952).

Каганович Михаил Моисеевич (1888—1941), родной брат Л.М. Кагановича. Кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б) (февраль 1934 — март 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1941). Народный комиссар оборонной промышленности СССР (октябрь 1937—январь 1939). Народный комиссар авиационной промышленности СССР (январь 1939—январь 1940). Покончил жизнь самоубийством 1 июля 1941.

Казаков Константин Петрович (1902—1989), военачальник. Участник Великой Отечественной войны.

Казаков Михаил Ильич (1901—1979), военачальник. Командующий 69-й армией (февраль—март 1943), 10-й гвардейской армией (январь 1944—май 1945).

Казаков Николай Степанович (1900—1970), государственный деятель. Народный комиссар (министр) тяжелого машиностроения СССР (6 июня 1941—март 1953). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

Казьмин Петр Михайлович (1892—1964), фольклорист. В 1929—1964 — художественный руководитель Хора им. Пятницкого. Лауреат Сталинской премии (1952).

Кайдалов Борис Владимирович (1904—1941), начальник отдела художественной самодеятельности Комитета по делам искусств при СНК СССР (1940—1941).

Какабадзе Силован Якимович (1895—?), грузинский скульптор. Лауреат Сталинской премии (1941).

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), партийный и государственный деятель. Председатель ВЦИК (30 марта 1919 – 15 января 1938). Председатель ЦИК СССР (30 декабря 1922 – 15 января 1938). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1 января 1926 – март 1946). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – март 1946). Председатель Президиума Верховного Совета СССР (15 января 1938 – март 1946). Герой Социалистического Труда (1944).

Каманин Николай Петрович (1908–1982), военачальник. Герой Советского Союза (1934). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Участник Великой Отечественной войны.

Канделаки Владимир Аркадьевич (1908–1994), певец (бас-баритон). С 1929 работал в Музыкальном театре им. В.И. Немировича-Данченко.

Капица Анна Алексеевна (1903–1996), жена академика П.Л. Капицы.

Капица Петр Леонидович (1894–1984), ученый (физик). Академик АН СССР (1939). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1943). Дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1974).

Каплан Семен Шлёмович (Соломонович) (1912–1983), артист балета. С 1930 работал в Ленинградском Государственном театре оперы и балета им. С.М. Кирова.

Каплер Алексей Яковлевич (1904–1979), киносценарист. Лауреат Сталинской премии (1941).

Кара-Дмитриев Дмитрий Лазаревич (1888–1972), драматический и эстрадный актер. С 1924 работал в Московском театре сатиры. Заслуженный артист РСФСР (1934).

Каримов Абдулла Каримович (1896–1940), узбекский партийный деятель. Заместитель председателя СНК Узбекской ССР. Председатель СНК Узбекистана с 26 июня по 1 октября 1937 г. Расстрелян.

Касымов Мухаммеджан (1907–1971), актер. С 1941 работал в Таджикском театре им. Лахути. Народный артист СССР (1941).

Катаев Валентин Петрович (1897–1986), писатель. Лауреат Сталинской премии (1946).

Катуков Михаил Ефимович (1900–1976), военачальник. Командующий 1-й танковой армией второго формирования (январь – июнь 1943), 1-й гвардейской танковой армией (июнь

1944 – май 1945). Дважды Герой Советского Союза (23 сентября 1944, 6 апреля 1945).

КАФТАНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1905–1978), государственный деятель. Председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР (11 декабря 1937– март 1946). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950). Министр высшего образования СССР (апрель 1946– 9 февраля 1951).

КАЧАЛОВ (ШВЕРУБОВИЧ) ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1875–1948), актер. Народный артист СССР (1936). С 1900 работал в Московском художественном театре. Лауреат Сталинской премии (1943).

КАЧАЛОВ МИХАИЛ АРСЕНЬЕВИЧ (1900–1969), артист оперетты. С 1929 – солист Московского театра оперетты. Заслуженный артист РСФСР (1945).

КЕМАРСКАЯ НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА (1898–1984), артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано) и оперетты.

КЕМЕНОВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ (1908–1988), историк искусства и художественный критик. Председатель правления ВОКС (1940–1948).

КЕРЖЕНЦЕВ (ЛЕБЕДЕВ) ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ (1881–1940), государственный деятель. Председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (март 1933–январь 1936). Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР (январь 1936– апрель 1938).

КИАЧЕЛИ ЛЕО (наст. имя и фамилия Леон Михайлович Шенгелая) (1884–1963), грузинский писатель. Лауреат Сталинской премии (1941).

КИИЗБАЕВА САЙРА (1917–1988), певица (сопрано). В 1936–1972 работала в Киргизском музыкально-драматическом театре.

КИЛАДЗЕ ГРИГОРИЙ ВИССАРИОНОВИЧ (1902–1962), грузинский композитор. Лауреат Сталинской премии (1941).

КИМ ДУ-БОН (1889–1961), корейский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного Народного Собрания КНДР (1948–1957).

КИРИЧЕК ПЕТР ТИХОНОВИЧ (1902–1968), артист оперы (бас-баритон).

КИРПОТИН ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1898–1997), литературовед, критик.

КИРХЕНШТЕЙН АВГУСТ МАРТЫНОВИЧ (1872–1963), председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР (1940–1952).

КИСЕЛЕВ КУЗЬМА ВЕНЕДИКТОВИЧ (1903–1977), белорусский государственный деятель. Председатель Президиума Верховного Совета БССР (1938–1948).

КЛИМОВ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ (1892–1962), конструктор авиационных двигателей. Дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957). Генерал-майор инженерно-авиационной службы (1944). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1945, 1949). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950). Академик АН СССР (1953).

КЛИМОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1880–1942), актер. С 1909 работал в Малом театре. Народный артист СССР (1937).

КНЕБЕЛЬ МАРИНА ОСИПОВНА (1898–1985), актриса, режиссер, педагог. С 1924 работала в МХАТе. В 1950–1968 – режиссер Центрального детского театра.

КОБЫЛИНСКИЙ (БЫЛИНСКИЙ) ИВАН СЕМЕНОВИЧ (1903–1976), белорусский партийный и государственный деятель. Председатель СНК БССР (28 июня 1940–7 февраля 1944).

КОВАЛЕВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ (1901–1993), государственный деятель. Начальник Управления военных сообщений РККА (июль 1941–декабрь 1944). Генерал-лейтенант технических войск (1943). Народный комиссар (министр) путей сообщения СССР (20 декабря 1944 – 5 июня 1948). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950).

КОЗЛОВСКИЙ ИВАН СЕМЕНОВИЧ (1900–1993), певец (лирический тенор). Солист Большого театра СССР (1926–1954). Народный артист СССР (1940). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1949).

КОЗОЛУПОВА МАРИНА СЕМЕНОВНА (1918–1978), скрипачка.

КОККИНАКИ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ (1904–1985), летчик-испытатель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Дважды Герой Советского Союза (1938, 1957). Генерал-майор авиации (1943).

КОЛАС ЯКУБ (наст. имя и фамилия Константин Михайлович Мицкевич) (1882–1956), белорусский поэт. Академик (1928), вице-президент (с 1929) АН БССР. Депутат Верховного Совета СССР (1946–1956). Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1949).

Колпакчи Владимир Яковлевич (1899—1961), военачальник. Командующий 30-й армией (ноябрь 1942 — апрель 1943). Генерал-лейтенант (февраль 1943). Командующий 63-й армией второго формирования (май 1943 — апрель 1944), 69-й армией (апрель 1944—май 1945). Генерал-полковник (ноябрь 1944). Герой Советского Союза (6 апреля 1945).

Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898—1940), журналист. Член-корреспондент АН СССР (1938). Арестован в ночь с 12 на 13 декабря 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 2 февраля 1940.

Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945), ученый (ботаник). Президент АН СССР (с 1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1945). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1942). Герой Социалистического Труда (1943).

Конев Иван Степанович (1897—1973), военачальник. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Командующий 19-й армией первого формирования (июнь—сентябрь 1941). Командующий войсками Западного фронта (сентябрь—октябрь 1941). Генерал-полковник (сентябрь 1941). Командующий войсками Калининского (октябрь 1941—август 1942), Западного (26 августа 1942 — февраль 1943), Северо-Западного (март—июнь 1943), Степного (август—октябрь 1943) фронтов. Генерал армии (август 1943). Командующий войсками 2-го Украинского (октябрь 1943—май 1944), 1-го Украинского (май 1944—май 1945) фронтов. Маршал Советского Союза (20 февраля 1944). Дважды Герой Советского Союза (29 июля 1944, 1 июня 1945).

Константинов Андрей Тимофеевич (1902—1960), заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (1940—1946).

Копец Иван Иванович (1908—1941), летчик-истребитель. Герой Советского Союза (1937). Генерал-майор авиации (1940). Командующий ВВС Белорусского особого военного округа (с 22 июня 1941 — Западного фронта). Покончил жизнь самоубийством 23 июня 1941.

Коплениг Иоганн (1891—1968), деятель австрийского и международного коммунистического движения. Председатель Коммунистической партии Австрии (1924—1945). Член Президиума ИККИ (1935—1943). Председатель КПА (1945—1965).

КОРЕНЕВА Клавдия Петровна (1902–1972), актриса. В 1926–1941 и с 1945 – актриса Московского театра для детей. В 1941–1945 работала в Центральном театре Советской армии и в Московском театре драмы.

КОРЕНЬ СЕРГЕЙ Гаврилович (1907–1969), артист балета и балетмейстер. Работал в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова (1930–1942). Заслуженный артист РСФСР (1939). В 1942–1960 работал в Большом театре.

КОРК Август Иванович (1887–1937), военный деятель. Командарм 2-го ранга (1935). Начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе (1935–1937). Арестован 12 мая 1937. Специальным присутствием Верховного Суда СССР «за участие в военно-фашистском заговоре» приговорен к смертной казни. Расстрелян 12 июня 1937.

КОРНЕЙЧУК Александр Евдокимович (1905–1972), украинский драматург, государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1972). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1943, 1949, 1951). Академик АН СССР (1943).

КОРОБОВ Иван Григорьевич (1882–1952), обер-мастер цеха Макеевского металлургического завода, новатор производства.

КОРОБОВ Николай Иванович (1905–1979), рабочий, инженер-металлург, новатор производства.

КОРОБОВ Павел Иванович (1902–1965), рабочий, инженер-металлург, новатор производства. Герой Социалистического Труда (1943).

КОРОВНИКОВ Иван Терентьевич (1902–1976), военачальник. Командующий 59-й армией (апрель 1942 – май 1945). Генерал-лейтенант (ноябрь 1942).

КОРОТЕЕВ Константин Апполонович (1901–1953), военачальник. Командующий 9-й армией (сентябрь 1942–май 1943). Генерал-лейтенант (апрель 1943). Командующий 37-й (май–июль 1943), 52-й (июль 1943–май 1945) армиями. Генерал-полковник (сентябрь 1944). Герой Советского Союза (6 апреля 1945).

КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ (настоящая фамилия – Корчагина, по мужу – Александровская) **Екатерина Павловна** (1874–1951), актриса. С 1915 работала в Александринском театре (Ленинградском театре им. А.С. Пушкина). Народ-

ная артистка СССР (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Лауреат Сталинской премии (1943).

КОСАРЕВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1903—1939), комсомольский деятель. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ (март 1929—29 ноября 1938). Член ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) (февраль 1934—29 ноября 1938). Депутат Верховного Совета СССР (1937—ноябрь 1938). Арестован 29 ноября 1938. Приговорен к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской и террористической деятельности. Расстрелян 23 февраля 1939.

КОСИОР СТАНИСЛАВ ВИКЕНТЬЕВИЧ (1889—1939), партийный и государственный деятель. Генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины (июль 1928—19 января 1938). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (13 июля 1930—3 мая 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—19 января 1938). Заместитель председателя СНК СССР, председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР (19 января 1938—3 мая 1938). Арестован 3 мая 1938. Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 26 февраля 1939.

КОСЫГИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1904—1980), государственный деятель. Народный комиссар текстильной промышленности СССР (12 января 1939—апрель 1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Заместитель Председателя СНК СССР (апрель 1940—март 1946). Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР (февраль 1943—март 1946). Кандидат в члены (18 марта 1946—4 сентября 1948), член Политбюро ЦК ВКП(б) (4 сентября 1948—5 октября 1952). Заместитель Председателя Совета министров СССР (март 1946—март 1953). Министр финансов СССР (февраль—декабрь 1948). Министр легкой промышленности СССР (28 декабря 1948—март 1953).

КОТКАС ЙОХАННЕС ЙОХАННЕСОВИЧ (1915—1998), спортсмен (классическая борьба). Заслуженный мастер спорта (1943). Чемпион Европы (1938—1939, 1947); СССР (12 раз в 1940—1956; абсолютный — в 1940, 1943—1946); Олимпийских игр (1952) в тяжелом весе.

КОЧАРЯН СУРЕН АКИМОВИЧ (1904—1979), артист, мастер художественного слова. Лауреат Сталинской премии (1951).

КРАВЧЕНКО АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1899—1963), военачальник. Командующий 6-й гвардейской танковой армией (январь 1944—май 1945). Генерал-полковник танковых войск (сен-

тябрь 1944). Дважды Герой Советского Союза (10 января 1944, 8 сентября 1945).

КРАВЧЕНКО ГРИГОРИЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ (1912–1943), военачальник. Дважды Герой Советского Союза (1939). Генерал-лейтенант авиации (1940). Погиб в воздушном бою.

КРАПИВА КОНДРАТ (наст. имя и фамилия Кондрат Кондратович Атрахович) (1896–1991), белорусский писатель. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

КРАСНЯНСКИЙ ЭММАНИЛ БОРИСОВИЧ (1891–1982), режиссер. Режиссер Московского театра сатиры (1944–1960).

КРАСОВСКИЙ СТЕПАН АКИМОВИЧ (1897–1983), военачальник. Командующий 2-й Воздушной армией (май–июль 1942). Генерал-лейтенант авиации (декабрь 1942). Командующий 17-й (ноябрь 1942 – март 1943), 2-й (март 1943–май 1945) воздушными армиями. Генерал-полковник авиации (февраль 1944). Герой Советского Союза (29 мая 1945).

КРЕЙЗЕР ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ (1905–1969), военачальник. Герой Советского Союза (22 июля 1941). Командующий 2-й гвардейской армией (октябрь–ноябрь 1942). Генерал-лейтенант (февраль 1943). Командующий 2-й гвардейской армией (февраль–июль 1943), 51-й армией (август 1943–май 1945).

КРЕНКЕЛЬ ЭРНСТ ТЕОДОРОВИЧ (1903–1971), полярный исследователь. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Герой Советского Союза (1938).

КРУГЛИКОВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА (1907–1982), певица (лирическое сопрано). Солистка Большого театра СССР (1932–1956). Лауреат Сталинской премии (1943). Народная артистка РСФСР (1947).

КРУЖКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1901–?), журналист, член редколлегии газеты «Правда». Арестован в ночь на 11 ноября 1943. Приговорен к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в 1944.

КРУТИКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1895–1949), военачальник. Командующий 7-й армией (январь 1943–август 1944). Генерал-лейтенант (апрель 1943).

КРЫЛОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1863–1945), ученый (кораблестроитель, механик и математик). Академик АН СССР. Лауреат Сталинской премии (1941). Герой Социалистического Труда (1943).

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950), партийный деятель. Член ЦК ВКП(б) (март 1939— март 1949). Генерал-лейтенант (1943). Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) (январь 1945 — январь 1949). Секретарь ЦК ВКП(б) (18 марта 1946 — 28 января 1949). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (18 марта 1946 — 7 марта 1949). Арестован 13 августа 1949. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 1 октября 1950.

Кузнецов Василий Иванович (1894—1964), военачальник. Командующий 3-й (июнь 1939—август 1941), 1-й Ударной (23 ноября 1941 — май 1942), 63-й (июль—ноябрь 1942) армиями, 1-й гвардейской армией третьего формирования (декабрь 1942 — декабрь 1943) армиями. Генерал-полковник (1943). Командующий 3-й Ударной армией (16 марта—май 1945). Герой Советского Союза (29 мая 1945).

Кузнецов Николай Герасимович (1902—1974), флотоводец. Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР (24 апреля 1939—25 февраля 1946). Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР (24 апреля 1939—январь 1947). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Адмирал (1944). Герой Советского Союза (1945). В ноябре 1947 вместе с группой адмиралов был обвинен в «передаче иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну». Разжалован до контр-адмирала (1948).

Кулатов Турбай Кулатович (1907/1908—1984), государственный деятель. Председатель СНК Киргизской ССР (20 июля 1938 —14 ноября 1945). Председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР (14 ноября 1945 — 25 августа 1978).

Кулик Григорий Иванович (1890—1950), военный деятель. Начальник артиллерийского управления (1937—1940). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—11 января 1947). Маршал Советского Союза (1940). Герой Советского Союза (21 марта 1940). Начальник Главного артиллерийского управления РККА (июль 1940—июнь 1941). В феврале 1942 за невыполнение приказа Ставки ВГК по ходатайству Специального военного присутствия Верховного Суда СССР Президиумом Верховного Совета СССР лишен званий маршала и Героя Советского Союза, всех государственных наград. Понижен в звании до генерал-майора

(март 1942). Генерал-лейтенант (апрель 1943). Командующий 4-й гвардейской армией (апрель—сентябрь 1943). Заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (январь—июнь 1945). Снят с этой должности как не справившийся с обязанностями. В июне 1945 понижен в воинском звании до генерал-майора. С июня 1946 — в отставке. 11 января 1947 арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в антисоветском заговоре. Расстрелян 24 августа 1950.

КУПАЛА Янка (наст. имя и фамилия Иван Доминикович Луцевич) (1882—1942), поэт. Народный поэт БССР (1925). Академик АН БССР (1929) и АН Украинской ССР (1929). Лауреат Сталинской премии (1941).

КУПРИЯНОВ Михаил Васильевич (1903—1991), график и живописец. Член творческого коллектива Кукрыниксы. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1942, 1947, 1949, 1950, 1951).

КУРБАНОВ Мамадали (1905—?), председатель СНК (СМ) Таджикской ССР (июль 1938 — август 1946).

КУРГАН Исаак Маркович (1905—?), народный комиссар легкой промышленности БССР (с 1939).

КУРГАНОВ (Эстеркин) Оскар Иеремеевич (1907—1997), журналист, писатель, сценарист. Специальный корреспондент газеты «Правда» (1934—1949).

КУРДИАНИ Арчил Григорьевич (1903—1988), грузинский архитектор. Лауреат Сталинской премии (1941).

КУРОЧКИН Павел Алексеевич (1900—1989), военачальник. Командующий 20-й армией первого формирования (июль — август 1941). Командующий войсками Северо-Западного фронта (август 1941 — октябрь 1942). Командующий 11-й (ноябрь 1942 — март 1943), 34-й (март — июнь 1943) армиями. Командующий войсками Северо-Западного фронта (июнь — ноябрь 1943). Генерал-полковник (август 1943). Командующий 2-м Белорусским фронтом первого формирования (февраль — апрель 1944). Командующий 60-й армией второго формирования (апрель 1944 — май 1945). Герой Советского Союза (29 июня 1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

КУТТУБАЕВА АНВАР (1915—?), певица (сопрано). Солистка Киргизского музыкального драматического театра (с 1936—1953). Народная артистка Киргизской ССР (1939).

Лавочкин Семен Алексеевич (1900—1960), конструктор. Генеральный конструктор КБ Лавочкина (с 1939). Генерал-майор инженерно-авиационной службы (1944). Дважды Герой Социалистического Труда (1943, 1956). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1948).

ЛАЗАРЕВА РЕГИНА ФЕДОРОВНА (1899—1980), артистка оперетты. В 1928—1957 работала в Московском театре оперетты. Заслуженная артистка РСФСР (1947).

ЛАКЕЕВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (1908—1990), летчик. Герой Советского Союза (1937). Генерал-майор авиации (1940).

ЛЕБЕДЕВ АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1908—1993), искусствовед. Заместитель начальника Главного управления учреждений изобразительного искусства Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939—1941).

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1898—1949), поэт. Лауреат Сталинской премии (1941).

ЛЕБЕДЕВА ЕВДОКИЯ ЯКОВЛЕВНА (1903—?), артистка оперетты. С 1930 — солистка Московского театра оперетты. Лауреат Сталинской премии (1950).

ЛЕВЧЕНКО ДОРОФЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ (1911—1941), участник боев у озера Хасан. Герой Советского Союза (1938). Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901—1987), военачальник. Дважды Герой Советского Союза (7 апреля 1940, 6 апреля 1945). Командующий 30-й армией (ноябрь 1941 — ноябрь 1942), 1-й гвардейской армией второго формирования (ноябрь—декабрь 1942), 3-й гвардейской армией (декабрь 1942 — март 1943, август 1943 — февраль 1944), 4-й (с марта 1945 — гвардейской) танковой армией второго формирования (март 1944—май 1945).

ЛЕМЕШЕВ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1902—1977), певец (лирический тенор). Солист Большого театра СССР (1931—1965). Лауреат Сталинской премии (1941).

ЛЕОНИДЗЕ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1899—1966), грузинский поэт. Академик АН Грузинской ССР (1944). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1950, 1952).

Леонидов Леонид Миронович (1873–1941), актер, педагог. На сцене с 1896. С 1903 работал в Московском Художественном театре. Народный артист СССР (1936). Доктор искусствоведения (1939). Профессор ГИТИСа (с 1939).

Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель. Лауреат Сталинской премии (1943). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1970).

Леонтьев Яков Леонтьевич (1899–1948), заместитель директора Большого театра (1934–1948).

Лепешинская Ольга Васильевна (1916–2008), артистка балета. Солистка Большого театра СССР (1933–1963). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947, 1950).

Ливанов Борис Николаевич (1904–1972), актер. С 1924 работал во МХАТе. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1947, 1949, 1950). Народный артист СССР (1948).

Лисициан Павел Герасимович (1911–2004), певец (баритон). Солист Большого театра (1940–1966).

Литвиненко-Вольгемут Мария Ивановна (1892–1966), певица (лирико-драматическое сопрано). Солистка Украинского театра оперы и балета (1935–1953). Народная артистка СССР (1936). Профессор Киевской консерватории (с 1944). Лауреат Сталинской премии (1946).

Литвинов Максим Максимович (наст. имя и фамилия Макс Валлах) (1876–1951), государственный деятель. Народный комиссар по иностранным делам (с декабря 1936 – иностранных дел) СССР (21 июля 1930 – 5 мая 1939). Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934 – 20 февраля 1941). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Посол СССР в США (1941–1943), посланник на Кубе (1942–1943).

Лихачев Иван Алексеевич (1896–1956), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1956). Народный комиссар среднего машиностроения СССР (5 февраля 1939–1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–20 февраля 1941). Директор Московского автомобильного завода (2 октября 1940–1950). Лауреат Сталинской премии (1949).

Лобанов Павел Павлович (1902–1984), государственный деятель. Народный комиссар зерновых и животноводческих совхозов СССР (10 декабря 1938–19 марта 1946).

Лозовский А. (наст. имя и фамилия — Дридзо Соломон Абрамович) (1878—1952), государственный деятель. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934—март 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1949). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—январь 1949). Начальник Совинформбюро (1945—1948). Арестован в январе 1949 по делу Еврейского антифашистского Комитета. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 12 августа 1952.

Локтионов Александр Дмитриевич (1893—1941), военачальник. Начальник ВВС Красной армии, заместитель Народного комиссара обороны СССР (декабрь 1937—1940). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1941). Командарм 2-го ранга (22 февраля 1938). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (22 марта 1939—19 июня 1941). Генерал-полковник (4 июня 1940). Командующий войсками Прибалтийского особого военного округа (1940). Арестован 19 июня 1941. Расстрелян 28 октября 1941.

Луков Леонид Давыдович (1909—1963), режиссер. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1952).

Лыньков Михась (наст. имя и отчество Михаил Тихонович) (1899—1975), белорусский писатель.

Лысенко Трофим Денисович (1898—1976), ученый (биолог, агроном). Академик (1935), Президент ВАСХНИЛ (1938—1956). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1966). Академик АН СССР (1939). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1949).

Любезнов Иван Александрович (1909—1988), актер. Работал в Московском театре сатиры. Лауреат Сталинской премии (1946). С 1948 — в Малом театре.

Любченко Панас Петрович (1897—1937), партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК КП(б) У (с 1934). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934—30 августа 1937). Председатель СНК Украинской ССР (с 28 апреля 1934). Покончил с собой 30 августа 1937.

Ляпидевский Анатолий Васильевич (1908—1983), летчик. Герой Советского Союза (1934). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946).

Лященко Николай Григорьевич (1910—2000), военачальник. Выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе (1941). Участник Великой Отечественной войны.

МАЗУРУК Илья Павлович (1906–1989), летчик. Герой Советского Союза (1937). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1950). Генерал-майор авиации (1946).

МАКАРОВ Василий Емельянович (1903–1975), партийный деятель. Третий секретарь МК ВКП(б) (1939–1940). Заместитель народного комиссара госконтроля СССР (1940–1941). Генерал-лейтенант (1944). Начальник ГлавПУРа Вооруженных Сил СССР (1948–1950).

МАКСАКОВА Мария Петровна (1902–1974), певица (меццо-сопрано). Солистка Большого театра СССР (1923–1953). Трижды лауреат Сталинской премии (1946, 1949, 1951).

МАЛДЫБАЕВ Абылас (1906–1978), киргизский композитор и певец (тенор). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Народный артист СССР (1939).

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1901–1988), партийный и государственный деятель. Заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) (1934–1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1958). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–1957). Начальник Управления кадров ЦК (22 марта 1939–1946). Секретарь (март 1939–1946, 1948–1953), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941–1946). Член ГКО СССР (1941–1945). Генерал-лейтенант (1943). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (18 марта 1946–октябрь 1952).

МАЛИН Владимир Никифорович (1906–1982), партийный деятель. Секретарь ЦК КП(б) Б (1939–1943). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950).

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898–1967), военачальник. Командующий 6-й армией второго формирования (август–декабрь 1941). Генерал-лейтенант (ноябрь 1941). Командующий войсками Южного фронта первого формирования (декабрь 1941 – июль 1942). Командующий 66-й (август–октябрь 1942), 2-й гвардейской (ноябрь 1942–февраль 1943) армиями. Командующий войсками Южного фронта второго формирования (февраль – март 1943). Генерал-полковник (февраль 1943). Командующий войсками Юго-Западного фронта второго формирования (март–октябрь 1943). Генерал армии (апрель 1943). Командующий войсками 3-го Украинского (октябрь 1943–май 1944), 2-го Украинского (май 1944–май

1945) фронтов. Маршал Советского Союза (сентябрь 1944). Дважды Герой Советского Союза (8 сентября 1945, 1958).

МАЛЫШЕВ Вячеслав Александрович (1902—1957), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1957). Народный комиссар тяжелого машиностроения СССР (5 февраля 1939—17 апреля 1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Народный комиссар среднего машиностроения СССР (17 апреля 1940—11 сентября 1941). Народный комиссар танковой промышленности СССР (19 сентября 1941 — 17 июля 1942, 28 июня 1943—10 октября 1945). Герой Социалистического Труда (1944). Генерал-полковник инженерно-танковой службы (1945). Народный комиссар (Министр) транспортного машиностроения СССР (14 октября 1945 — 29 декабря 1947). Министр машиностроения СССР (декабрь 1948—январь 1949).

МАМЕДОВА ШЕВКЕТ Гасан кызы (1897—1981), певица (лирико-колоратурное сопрано) и музыкальный деятель. Работала в Азербайджанском театре оперы и балета (1921—1948). Народная артистка СССР (1938). Профессор Азербайджанской консерватории (с 1949).

МАНАГАРОВ Иван Мефодьевич (1898—1981), военачальник. Командующий 41-й (декабрь 1942 — март 1943), 53-й (март — декабрь 1943, март 1944—май 1945) армиями. Герой Советского Союза (28 апреля 1945). Генерал-полковник (май 1945).

МАНИЗЕР Матвей Генрихович (1891—1966), скульптор. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1950). Действительный член, вице-президент (1947—1966) Академии художеств СССР.

МАНСУРОВА Цицилия Львовна (1896—1976), актриса. С 1919 — в студии, затем — в Театре им. Е.Б. Вахтангова. Профессор Театрального училища им. Б.В. Шукина (1946).

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883—1959), партийный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1923—1952). Секретарь Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (1928—1943). Член Политбюро ЦК КП(б) Украины (1929—1952). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1954).

Мао Дзэдун (1893—1976), китайский партийный, политический и государственный деятель. Член Коммунистической партии Китая (с 1921), член Политбюро ЦК КПК с 1933. Член

Секретариата ЦК КПК (с 1935). Председатель ЦК КПК (с 1943). Председатель Центрального народного правительственного совета КНР (1949–1954).

МАРКЕЛОВ ИВАН ЕРМОЛАЕВИЧ (1902–1974), заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (1938–1940). Секретарь правления Союза советских архитекторов (с 1940).

МАРШАК САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ (1887–1964), поэт, переводчик. Четырежды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1949, 1951).

МАССАЛИТИНОВ КОНСТАНТИН ИРАКЛИЕВИЧ (1905–1979), хоровой дирижер, композитор. Один из организаторов (1942) и художественный руководитель (1942–1964) Воронежского русского народного хора. Лауреат Сталинской премии (1949).

МАСЛЕННИКОВА ИРИНА ИВАНОВНА (1918–), певица (лирико-колоратурное сопрано). В 1941–1943 гг. — солистка Украинского театра оперы и балета; в 1943–1960 гг. — Большого театра.

МАТВЕЕВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ (1905–1946), белорусский партийный деятель. Первый секретарь Минского обкома и горкома ВКП(б) Б (1938–1941).

МЕЖЛАУК ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ (Мартин Иоганович) (1893–1938), партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934–1 декабря 1937). Заместитель председателя СНК и СТО, председатель Госплана СССР (25 апреля 1934–25 февраля, 7 октября–1 декабря 1937). Народный комиссар тяжелой промышленности (февраль–август 1937), машиностроения (август–сентябрь 1937) СССР. Арестован 1 декабря 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 29 июля 1938.

МЕРЕЦКОВ КИРИЛЛ АФАНАСЬЕВИЧ (1897–1968), полководец. Командующий войсками Приволжского (сентябрь 1938–1939), Ленинградского (1939–1940) военных округов. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Во время советско-финляндской войны 1939–1940 командовал 7-й армией. Герой Советского Союза (21 марта 1940). Депутат Верховного Совета СССР (1940–1962). Начальник Генерального штаба Красной армии (август 1940–январь 1941). Командующий 7-й отдельной армией (сентябрь–ноябрь 1941), 4-й армией второго формиро-

вания (ноябрь—декабрь 1941). Командующий войсками Волховского фронта первого и второго формирований (декабрь 1941—февраль 1944). Командующий войсками Карельского фронта (февраль—ноябрь 1944). Маршал Советского Союза (октябрь 1944).

МЕРКУРОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1881—1952), скульптор. Народный художник СССР (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

МЕССЕРЕР АСАФ МИХАЙЛОВИЧ (1903—1992), артист балета, педагог. Работал в Большом театре (с 1921). Преподаватель Московского хореографического училища. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1947).

МЕСХЕТЕЛИ (ЧОГОШВИЛИ) ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ (1902—1957), театральный деятель.

МЕХЛИС ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ (1889—1953), партийный и государственный деятель. Ответственный редактор газеты «Правда», заведующий отделом печати и издательств ЦК (1930—1937). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934 — март 1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1950). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (14 января 1938 — 5 октября 1952). Начальник Политического управления РККА (1937—1940). Армейский комиссар 1-го ранга (1938). Народный комиссар (министр) государственного контроля СССР (6 сентября 1940 — 27 октября 1950). Начальник Главного политического управления Красной армии (июнь 1941 — 4 июня 1942). Генерал-полковник (1944).

МЕЩАНИНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1883—1967), ученый (языковед, археолог). Академик АН СССР (1932). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1946). Герой Социалистического Труда (1945).

МИКОЯН АНАСТАС ИВАНОВИЧ (1895—1978), партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1923—октябрь 1952). Народный комиссар пищевой промышленности СССР (29 июля 1934—19 января 1938). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1 февраля 1935—октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1974). Народный комиссар (министр) внешней торговли СССР (29 ноября 1938 — 4 марта 1949). Член ГКО СССР (1942—1945). Герой Социалистического Труда (1943).

Микоян Артём Иванович (1905–1970), авиаконструктор, родной брат Анастаса Ивановича Микояна. Главный конструктор опытно-конструкторского бюро по самолетостроению (с 1940). Шестикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1948, 1949, 1952, 1953).

Микулин Александр Андреевич (1895–1985), конструктор. Герой Социалистического Труда (1940). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1943, 1946). Академик АН СССР (1943). Генерал-майор-инженер (1944).

Мирзоян Левон Исаевич (1897–1939), партийный деятель. Первый секретарь Казахского крайкома ВКП(б) (1933–5 декабря 1936). Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934–23 мая 1938). Первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана (5 декабря – 23 мая 1938). Арестован 23 мая 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 26 февраля 1939.

Миронов Константин Яковлевич (1901–1941), актер, режиссер, педагог. Работал в театре им. Вахтангова (1920–1941). Преподаватель Театрального училища им. Б.В. Шукина (1926–1941). Погиб на фронте.

МИТЕРЁВ ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ (1900–1977), государственный деятель. Народный комиссар здравоохранения РСФСР (июнь – сентябрь 1939). Народный комиссар (Министр) здравоохранения СССР (8 сентября 1939–17 февраля 1947). Снят с должности. В августе 1947 судом чести при Министерстве здравоохранения ему был объявлен строгий выговор.

Митин Марк Борисович (1901–1987), партийный деятель. Редактор журнала «Под знаменем марксизма» (1930–1944). Академик АН СССР (1939). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) (1939–1944). Лауреат Сталинской премии (1943).

Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971), певец (бас). Солист Большого театра (1932–1956). Народный артист СССР (1940). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1942).

Михайлов Николай Александрович (1906–1982), партийный деятель. Ответственный редактор газеты «Комсомольская правда» (1937–1938). Первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1938–1952). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) (23 марта 1939 – октябрь 1952).

Михалков Сергей Владимирович (1913—2009), писатель и общественный деятель. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1950).

Михоэлс Соломон (Вовси) Михайлович (1890 — 1948), актер, режиссер, педагог. Главный режиссер Московского государственного еврейского театра (с 1929). Народный артист СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946).

Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866—1948), актриса. С 1886 работала в Александринском (Ленинградском академическом театре им. А.С. Пушкина) театре. Народная артистка СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1943).

Млодек Рита Вениаминовна (1906—1969), белорусская оперная певица (лирико-драматическое сопрано). В 1932—1960 — солистка Белорусского театра оперы и балета. Народная артистка БССР (1940).

Модестов (наст. фамилия Блувштейн) Александр Юльевич (1905—1974), артист оперы (баритон).

Модоров Федор Александрович (1890—1967), художник.

Моисеев Игорь Александрович (1906—2007), балетмейстер. Организатор и руководитель Ансамбля народного танца СССР (1937). Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1947, 1952).

Молоков Василий Сергеевич (1895—1982), летчик. Герой Советского Союза (1934). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Генерал-майор авиации (1940). Участник Великой Отечественной войны.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1921—октябрь 1952). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1926—октябрь 1952). Председатель СТО (1930— апрель 1937) и СНК СССР (1930— 6 мая 1941). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1958). Народный комиссар (Министр) иностранных дел СССР (3 мая 1939—4 марта 1949). Заместитель председателя СНК СССР и Председателя ГКО СССР (1941—1945).

Мордвинов Аркадий Григорьевич (1896—1964), архитектор. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1949). Президент Академии архитектуры СССР (1950—1955).

Мордвинов (наст. фамилия Шефтель) Борис Аркадьевич (1899—1953), режиссер, педагог. Главный режиссер Большого

театра (1936–1940). 15 апреля 1940 арестован. Осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 12 апреля 1941 «за шпионские связи». Отправлен в заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года. Главный режиссер Белорусского театра оперы и балета (1947–1952).

Москвин Иван Михайлович (1874–1946), актер. С 1898 работал в Московском Художественном театре. Народный артист СССР (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1946). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1946).

Москаленко Кирилл Семенович (1902–1985), военачальник. Командующий 38-й армией первого формирования (март – июль 1942), 1-й танковой армией первого формирования (июль – август 1942), 40-й армией (октябрь 1942–октябрь 1943). Генерал-полковник (сентябрь 1943). Командующий 38-й армией второго формирования (октябрь 1943–май 1945). Дважды Герой Советского Союза (23 октября 1943, 1978).

Мочалин Борис Александрович (1906 – ?), начальник Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром (1941–1944). Ответственный редактор газеты «Советское искусство» (1941–1944).

Мурадели Вано Ильич (1908–1970), композитор. Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951).

Мухелишвили Николай Иванович (1891–1976), ученый (математик и механик). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1974). Академик АН СССР (1939). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1947). Академик (1941), президент (1941–1972) АН Грузинской ССР. Герой Социалистического Труда (1945).

Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953), скульптор. Народный художник СССР (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1951, 1952).

Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950), композитор, педагог, музыкально-общественный деятель. Профессор Московской консерватории (с 1921). Народный артист СССР (1946). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1946 – дважды, 1950, 1951 – посмертно).

Набатов (Туровский) Илья Семенович (1896–1977), актер эстрады.

НАЗАРОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1905—1968), государственный деятель. Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР (1938—1939).

НАКАШИДЗЕ МЕРИ НАЗАРЬЕВНА (1901— ?), грузинская артистка оперетты (лирико-колоратурное сопрано). С 1935 — солистка Театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

НАСЫРОВА АШУРА (1924— ?), таджикская танцовщица. В 1940—1961 работала в Таджикской государственной филармонии. Народная артистка Таджикской ССР (1947).

НАСЫРОВА ХАЛИМА (1913—2003), узбекская певица (сопрано). Народная артистка СССР (1937). Работала в Узбекском музыкальном драматическом театре (с 1939 — Узбекский театр оперы и балета) (1930—1985). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1951).

НАТАЛЕВИЧ НИКИФОР ЯКОВЛЕВИЧ (1900—1964), председатель Президиума Верховного Совета БССР (1938—1948).

НАУМОВ АНДРЕЙ ЗИНОВЬЕВИЧ (1891—1950), генерал-майор (1940). Командир 13-й стрелковой дивизии (первого формирования) (1939—1941). Попал в плен в июле 1941, сотрудничал с немцами. Арестован 24 июля 1945. Приговорен к смертной казни по обвинению в измене Родине. Расстрелян.

НЕДЕЛИН МИТРОФАН ИВАНОВИЧ (1902—1960), военачальник. Герой Советского Союза (1945).

НЕЖДАНОВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА (1873—1950), певица (лирико-колоратурное сопрано). Народная артистка СССР (1936). Профессор Московской консерватории, лауреат Сталинской премии (1943). Доктор искусствоведения (1944).

НЕЙГАУЗ ГЕНРИХ ГУСТАВОВИЧ (1888—1964), пианист, педагог. Профессор Московской консерватории (с 1922).

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (1858—1943), режиссер. Вместе с К.С. Станиславским основал Московский Художественный театр (1898). Основатель (1926) Музыкального театра им. В.И. Немировича-Данченко (с 1941 — Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко). Народный артист СССР (1936). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1943).

НЕСТЕРОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (1862—1942), живописец. Заслуженный деятель искусств СССР (1942). Лауреат Сталинской премии (1941).

НИКИТИН Владимир Александрович (1894—1977), конструктор в области судостроения.

Николаева Клавдия Ивановна (1893—1944), партийный и профсоюзный деятель. Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934—28 декабря 1944). Секретарь ВЦСПС (1936—28 декабря 1944). Депутат Верховного Совета СССР (1937—28 декабря 1944).

Николаева (Николаева-Тарасевич) Татьяна Петровна (1924—1993), пианистка и композитор. Лауреат Сталинской премии (1951).

Новак Григорий Ирмович (1919—1980), спортсмен (тяжелая атлетика). Многократный чемпион СССР и рекордсмен мира (1939—1952). Заслуженный мастер спорта (1945). Чемпион мира (1946).

Новиков Александр Александрович (1900—1976), военный деятель. Заместитель Народного комиссара обороны СССР по авиации (1942—1943). Командующий ВВС Красной армии (1942—1946). Главный маршал авиации (1944). Герой Советского Союза (1945). Арестован в ночь с 22 на 23 апреля 1946. Приговорен к 5-и годам лишения свободы. Реабилитирован и освобожден из тюрьмы в 1953.

Новиков-Прибой (Новиков) Александр Силыч (1877—1944), писатель. Лауреат Сталинской премии (1941).

Ноздронов Михаил Кузьмич (1898—1945), комбриг (25 ноября 1935). Генерал-майор (4 июня 1940). Участник Великой Отечественной войны. Умер от ран 19 апреля 1945.

Норд (Норд-Левин) Бенедикт Наумович (1901—1965), режиссер театра им. И. Франко (1947—1951).

Норцов Пантелеймон Маркович (1900—1993), певец (баритон). Солист Большого театра СССР (1925—1954). Лауреат Сталинской премии (1942). Народный артист СССР (1947).

Носенко Иван Исидорович (1902—1956), государственный деятель. Директор Балтийского завода им. С. Орджоникидзе (1938—1939). Народный комиссар судостроительной промышленности СССР (1940—1946). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 — октябрь 1952). Контр-адмирал-инженер (1944).

Нэлепп Георгий Михайлович (1904—1957), артист оперы (лирико-драматический тенор). В 1929—1944 работал в Ленин-

градском театре оперы и балета им. С.М. Кирова; с 1944 — в Большом театре. Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1949, 1950).

ОБОРИН Лев Николаевич (1907—1974), пианист. Профессор Московской консерватории (с 1935). Лауреат Сталинской премии (1943).

ОБРАЗЦОВ Владимир Николаевич (1874—1949), ученый в области транспорта. Академик АН СССР (1939). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1943).

ОБРАЗЦОВ Сергей Владимирович (1901—1992), актер, режиссер-кукольник. Актер МХАТа 2-го. Художественный руководитель созданного им Государственного центрального театра кукол (1931—1992). Лауреат Сталинской премии (1946).

ОБРУЧЕВ Владимир Афанасьевич (1863—1956), ученый (геолог и географ). Академик АН СССР (1929). Герой Социалистического Труда (1945). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1950).

ОБУХОВА Надежда Андреевна (1886—1961), певица (меццо-сопрано). Солистка Большого театра (1916—1948). Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943).

ОДИНЦОВ Георгий Федотович (1900—1972), военачальник.

ОЗЕРОВ Федор Петрович (1899—1971), военачальник. Командующий 27-й армией (май 1942—июнь 1943). Генерал-лейтенант (1943). Командующий 18-й (март—сентябрь 1944), 50-й (сентябрь 1944—май 1945) армиями.

ОЙСТРАХ Давид Федорович (1908—1974), скрипач. Профессор Московской консерватории (с 1939). Лауреат Сталинской премии (1943).

ОКТАБРЬСКИЙ (Иванов) Филипп Сергеевич (1899—1969), флотоводец. Командующий Черноморским флотом (1939—1943, 1944—1945) и Амурской военной флотилией (июнь 1943—март 1944). Адмирал (1944).

ОРБЕЛИ Леон Абгарович, ученый-физиолог. Академик АН СССР (1935). Лауреат Сталинской премии (1941). Вице-президент АН СССР (1942—1946). Академик Армянской ССР (1943). Академик АМН, генерал-полковник медицинской службы (1944). Герой Социалистического Труда (1945).

Орджоникидзе (Серго) Георгий Константинович (1886–1937), партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1930–18 февраля 1937). Народный комиссар тяжелой промышленности СССР (1932–18 февраля 1937). Покончил жизнь самоубийством.

Орлов Дмитрий Николаевич (1892–1955), актер. С 1922 работал в Театре Революции, с 1941 – в Московском театре драмы. Народный артист РСФСР (1943). С 1944 работал во МХАТе. Лауреат Сталинской премии (1947).

Орлова Любовь Петровна (1902–1975), актриса театра и кино. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1950). Народная артистка СССР (1950).

Осипенко Полина Денисовна (1907–1939), летчица. Герой Советского Союза (2 ноября 1938). Погибла в авиационной катастрофе 11 мая 1939.

Охлопков Николай Павлович (1900–1967), режиссер, актер. Режиссер Московского театра им. В.В. Маяковского (1943–1966). Шестикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1949 – дважды, 1951 – дважды). Народный артист СССР (1948).

Павленко Петр Андреевич (1899–1951), писатель. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1948, 1950).

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941), военачальник. Добровольцем участвовал в Гражданской войне в Испании. Герой Советского Союза (21 июня 1937). Начальник Автобронетанкового управления РККА (декабрь 1937–июнь 1940). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (22 марта 1939–30 июня 1941). Командарм 2-го ранга (март 1940), генерал-полковник танковых войск (4 июня 1940), генерал армии (22 февраля 1941). Командующий войсками Белорусского (Западного) Особого военного округа (с 22 июня 1941 – Западного фронта) (июнь 1940–30 июня 1941). После разгрома войск фронта отозван в Москву, арестован 4 (по другим данным – 6 июля) 1941. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к лишению воинского звания и к высшей мере наказания. Расстрелян 22 июля 1941.

Павлов Михаил Александрович (1863–1958), ученый (металлург). Академик АН СССР (1932). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1947). Герой Социалистического Труда (1945).

ПАЗОВСКИЙ Арий Моисеевич (1887—1953), дирижер. Народный артист СССР (1940). Художественный руководитель и главный дирижер Ленинградского театра оперы и балета (1936—1943), Большого театра (1943—1948). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1943).

ПАЛЕЦКИС Юстас Игнович (1899—1980), государственный и партийный деятель, писатель. Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР (1940—1967). Заместитель Председателя Верховного Совета СССР (1941—1970).

ПАНТОФЕЛЬ-НЕЧЕПКАЯ ДЕБОРА Яковлевна (1904/1905—1998), певица (колоратурное сопрано). Солистка Московской филармонии (1940—1965). Заслуженная артистка РСФСР (1945). Лауреат Сталинской премии (1946).

ПАНФЕРОВ Федор Иванович (1896—1960), писатель. Дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1949).

ПАПАНИН Иван Дмитриевич (1894—1986), полярный исследователь. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1940). Доктор географических наук (1938). Начальник Севморпути (1939—1946).

ПАРСЕГОВ Михаил Артемьевич (1899—1964), военачальник. Герой Советского Союза (23 марта 1940). Генерал-инспектор артиллерии Красной армии (июль 1940—14 июня 1941). Командующий 40-й армией (март—июль 1942).

ПАРШИН Петр Иванович (1899—1970), государственный деятель. Начальник отдела центрального паровозного управления Народного комиссариата путей сообщения СССР (май 1939 — апрель 1942). Секретарь Московского горкома ВКП(б) по транспорту (апрель 1942 — декабрь 1944). Генерал-полковник инженерно-технической службы (1944). Лауреат Сталинской премии (1953).

ПАШЕННАЯ Вера Николаевна (1887—1962), актриса. С 1907 работала в Малом театре. Народная артистка СССР (1937). Профессор Театрального училища им. Щепкина (с 1941). Лауреат Сталинской премии (1943).

ПЕРВУХИН Михаил Григорьевич (1904—1978), государственный деятель. Народный комиссар электростанций и электротехнической промышленности СССР (24 января 1939—17 апреля 1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Заместитель Председателя СНК, Председатель Совета по топливу

и электрохозяйству при СНК СССР (1940–1944). Народный комиссар (министр) химической промышленности СССР (февраль 1942–январь 1950). Генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1962). Герой Социалистического Труда (1949).

ПЕРЕСЫПКИН ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ (1904–1978), военный и государственный деятель. Народный комиссар связи (май 1939 – июль 1944), заместитель Народного комиссара обороны (июль 1941 – ноябрь 1944) СССР. Начальник Главного управления связи Красной армии (1941–1946). Маршал войск связи (1944).

ПЕССИ Вилле (1902–1983), финский партийный деятель. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Финляндии (1944–1969).

ПЕТКЕР БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ (1902–1982), актер. С 1933 работал во МХАТе.

ПЕТРОВ ЕВГЕНИЙ (наст. имя и фамилия Евгений Петрович Петров) (1902–1942), писатель. Погиб на фронте.

ПЕТРОВСКИЙ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (1878–1958), партийный и государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1926–март 1939).

ПЕТРУСЕНКО ОКСАНА АНДРЕЕВНА (1900–1940), украинская певица (лирико-драматическое сопрано). С 1934 работала в Украинском театре оперы и балета. Народная артистка УССР (1939).

ПИРОГОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ (1899–1964), певец (бас). Солист Большого театра (1924–1954). Народный артист СССР (1937). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1949).

ПЛАТОНОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1894–1967), флейтист, педагог, композитор. Преподаватель Московской консерватории (1933–1967); музыкального училища им. Гнесиных и Музыкально-педагогического института им. Гнесиных (1942–1957).

ПЛИЕВ ИССА АЛЕКСАНДРОВИЧ (1903–1979), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

ПЛИСЕЦКАЯ МАЙЯ МИХАЙЛОВНА (р. 1925), балерина. В 1943–1988 работала в Большом театре.

Погодин (Стукалов) Николай Федорович (1900—1962), драматург. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Подгорецкая Нина Борисовна (1902—1977), артистка балета. В 1919—1947 работала в Большом театре, одновременно — в 1939—1951 в Ансамбле народного танца СССР. Заслуженная артистка РСФСР (1947).

Покрасс Дмитрий Яковлевич (1899—1978), композитор. Лауреат Сталинской премии (1941).

Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905—1965), заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (1939—1940). Секретарь правления ССП (1944—1946).

Полонский Наум Эммануилович (1910—1988), трубач. Солист Большого театра СССР (с 1934).

Поль (Синицын) Павел Николаевич (1887—1955), актер.

Полякин Мирон Борисович (1895—1941), скрипач. Профессор Ленинградской (с 1928) и Московской (с 1936) консерваторий. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1940).

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984), партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КП(б) Б (1938—1947). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1940—1958). Председатель СНК (СМ) БССР (1944—1948). Секретарь ЦК ВКП(б) (1 июля 1948—1953).

Попов Алексей Дмитриевич (1892—1961), режиссер. Главный режиссер Центрального театра Красной (Советской) армии (1935—1958). Трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1950, 1951). Народный артист СССР (1948).

Попов Василий Степанович (1894—1967), военачальник. Командующий 7-й армией (май 1944—май 1945). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1945).

Попов Георгий Михайлович (1906—1968), партийный и государственный деятель. Кандидат в члены (март 1939—20 февраля 1941), член ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941—октябрь 1952). Первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б) (май 1945—1949). Секретарь, член Оргбюро ЦК ВКП(б) (18 марта 1946—16 декабря 1949). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965), партийный деятель. Заведующий особым сектором ЦК ВКП(б)

(1934–1952). Кандидат в члены (февраль 1934– март 1939). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952).

ПОСПЕЛОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (1898–1979), партийный деятель. Член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1939). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Главный редактор газеты «Правда» (1940–1949). Лауреат Сталинской премии (1943). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1966). Директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) (1949–1952).

ПОСТЫШЕВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (1887–1939), партийный деятель. Секретарь ЦК КП(б) У (март 1933–март 1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1934–1938). Первый секретарь Киевского обкома КП(б) У (июль 1934–январь 1937). Секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) (март 1937–17 февраля 1938). На Пленуме ЦК ВКП(б) (14 января 1938) выведен из состава кандидатов в члены Политбюро. 17 февраля 1938 исключен из партии. Арестован 21 февраля 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 26 февраля 1939.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ СОФЬЯ ПЕТРОВНА (1904–1966), певица (меццо-сопрано). В 1928–1959 работала в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова. Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951). Профессор Ленинградской консерватории (с 1949).

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ (1912–1981), танцовщик, балетмейстер. В 1942–1962 работал в Большом театре. Лауреат Сталинской премии (1946).

ПРОВАЛОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ (1906–1981), военачальник. Герой Советского Союза (25 октября 1938). Участник Великой Отечественной войны.

ПРОНИН ВАСИЛИЙ ПРОХОРОВИЧ (1905–1993), партийный и государственный деятель. Секретарь Московского городского комитета ВКП(б) (1938–1939). Председатель исполкома Моссовета (1939–1944). Кандидат в члены (март 1939–20 февраля 1941), член ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 –октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1950). Министр трудовых резервов СССР (15 мая 1946–1953).

ПРОСКУРОВ ИОСИФ ИОСИФОВИЧ (1907–1941), один из руководителей советской разведки. Герой Советского Союза (1937).

Командир 2-й армии особого назначения (1938—1939). Член Главного военного совета РККА (1938—1941). Заместитель народного комиссара обороны, начальник 5-го (разведывательного) управления (1939—1941). Генерал-лейтенант авиации (1940). Арестован 27 июня 1941. Расстрелян 28 октября 1941.

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865—1948), ученый (агрохимик). Академик АН СССР (1929), ВАСХНИЛ (1935). Лауреат Сталинской премии (1941). Герой Социалистического Труда (1945).

Птицын Михаил Алексеевич (1915—1983), артист цирка. Выступал в акробатическом парном номере с Т.А. Птицыной (1933—1940).

Птицына Тамара Абрамовна (1918—1974), артистка цирка (с 1933). Выступала в акробатическом парном номере с М.А. Птицыным (1933—1940). С 1939 работала на эстраде.

Пугачев Семен Андреевич (1889—1943), военный деятель. Начальник Военно-транспортной академии РККА (1932—1938). Комкор (1935). Арестован 10 октября 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР 26 октября 1939 приговорен к 15-ти годам лишения свободы. Отбывая наказание, умер в лагере 23 марта 1943.

Пухов Николай Павлович (1895—1958), военачальник. Герой Советского Союза (16 октября 1943). Командующий 13-й армией (январь 1942—май 1945). Генерал-лейтенант (февраль 1943). Генерал-полковник (август 1944).

Рабинович Давид Абрамович (1900—1978), музыковед. Заведующий отделом музыки газеты «Советское искусство» (1938—1943).

Рабинович Исаак Моисеевич (1894—1961), театральный художник. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1936).

Ракопи Матьяш (1892—1971), венгерский партийный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПВ (1945—1948). Глава ЦК Венгерской партии трудящихся (1948—1956).

Раскова Марина Михайловна (1912—1943), летчица. Герой Советского Союза (2 ноября 1938). Погибла при исполнении служебных обязанностей.

Ревуцкий Лев Николаевич (1889—1977), украинский композитор. Лауреат Сталинской премии (1941). Народный артист СССР (1944).

РЕДЕЛЬ АННА АРКАДИЕВНА (1908–2003), исполнительница эксцентрических танцев. В 1928–1957 гг. выступала в дуэте с М.М. Хрусталёвым Заслуженная артистка РСФСР (1947).

РЕЙЗЕН МАРК ОСИПОВИЧ (1895–1992), певец (бас). В 1930–1954 работал в Большом театре. Народный артист СССР (1937). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1949, 1951).

Рогов Иван Васильевич (1899–1949), политработник. Начальник политического управления (с 1941 — Главного политического управления) ВМФ, заместитель наркома ВМФ (март 1939–1946). Член ЦК ВКП(б) (март 1939–5 декабря 1949). Армейский комиссар 2-го ранга (1941). Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник береговой службы (1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946–5 декабря 1949).

РОДИМЦЕВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ (1905–1977), военачальник. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1945). Участник Великой Отечественной войны.

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), полководец. Командующий 16-й армией второго формирования (август 1941–июль 1942). Командующий войсками Брянского фронта второго формирования (июль–сентябрь 1942), Донского фронта (январь–февраль 1943), Центрального фронта второго формирования (февраль–октябрь 1943), Белорусского фронта первого и второго формирований (октябрь 1943–февраль 1944), 1-м Белорусского фронта первого и второго формирований (февраль–ноябрь 1944), 2-м Белорусского фронта второго формирования (ноябрь 1944–май 1945). Маршал Советского Союза (1944). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Депутат Верховного Совета СССР (1946–1949).

Ромм Михаил Ильич (1901–1971), кинорежиссер. Народный артист СССР (1950). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1948, 1949, 1951).

Ротмистров Павел Алексеевич (1901–1982), военачальник. Командующий 5-й гвардейской танковой армией (февраль 1943–август 1944).

Руденко Сергей Игнатьевич (1904–1990), военачальник. Командующий 16-й Воздушной армией (октябрь 1942–май 1945). Герой Советского Союза (1944).

Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938), профсоюзный и государственный деятель. Заместитель Председателя СНК СССР

(1926—25 июня 1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1934—25 июня 1937). Арестован 25 июня 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже. Расстрелян 29 июля 1938.

Ружаньский Хенрик (1913—1989), польский государственный деятель. Директор бюро экономического отдела Совета Министров, заместитель председателя Центрального управления планирования, директор департамента договоров Министерства промышленности и торговли, заместитель министра промышленности Польши (1944—1949). Представитель Польши в СЭВ (1949—1954).

Рухимович Моисей Львович (1889—1938), государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1924—16 октября 1937). Народный комиссар оборонной промышленности СССР (1936—16 октября 1937). Арестован 16 октября 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 29 июля 1938.

Рыбалко Павел Семенович (1894—1948), военачальник. Командующий 5-й (июль—октябрь 1942), 3-й (октябрь 1942—май 1943), 3-й гвардейской (май 1943 — май 1945) танковыми армиями. Дважды Герой Советского Союза (1943, 1945).

Рыжова Варвара Николаевна (1871—1963), актриса. С 1893 работала в Малом театре. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943).

Рычагов Павел Васильевич (1911—1941), военный деятель. Герой Советского Союза (31 декабря 1936). Генерал-лейтенант авиации (4 июня 1940). Начальник Главного управления ВВС Красной армии (1940—1941), заместитель Народного комиссара обороны (1941). Арестован 24 июня 1941. Расстрелян 28 октября 1941.

Рябошапка Степан Кириллович (1886—1942), шахтер, один из зачинателей стахановского движения.

Савицкая (Викторова) Елена Федоровна (1908—1959), артистка оперетты. В 1935—1937 — актриса Московского мюзик-холла. С 1937 работала в Московском театре оперетты. Заслуженная артистка РСФСР (1952).

Савченко Игорь Андреевич (1906—1950), кинорежиссер. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1944). Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1949, 1952 — посмертно).

САДОВСКИЙ Пров Михайлович (1874–1947), актер, режиссер. С 1895 – в Малом театре (художественный руководитель – 1944–1947).

САЗАНДАРЯН ТАТЕВИК Тиграновна (1916–?), певица (меццо-сопрано). В 1937–1971 работала в Армянском театре оперы и балета. Лауреат Сталинской премии (1951).

САМОЙЛОВ ЕВГЕНИЙ Валерьянович (1912–2006), актер театра и кино. В 1934–1938 работал в Театре им. Мейерхольда; в 1940–1968 – в Театре Революции. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947).

САМОКИШ НИКОЛАЙ Семенович (1860–1944), живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1937). Лауреат Сталинской премии (1941).

САМОСУД САМУИЛ Абрамович (1884–1964), дирижер. Главный дирижер и художественный руководитель Большого театра (1936–1943). Народный артист СССР (1937). Художественный руководитель Московского музыкального театра им. К.С. Станиславского (1943–1950). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1952).

САРЫМСАКОВА Лютфи (1896–1991), узбекская актриса. В 1941–1973 работала в Узбекском музыкальном театре им. Муками.

САРЬЯН МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ (1880–1972). Лауреат Сталинской премии (1941). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

САХНОВСКИЙ Василий Григорьевич (1886–1945), режиссер, педагог, театровед. С 1926 работал во МХАТе. Народный артист РСФСР (1938).

СВЕТЛОВИДОВ НИКОЛАЙ Афанасьевич (1889–1970), актер. С 1933 работал в Малом театре. Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1949).

СВЕШНИКОВ АЛЕКСАНДР Васильевич (1890–1980), хоровой дирижер. Руководитель (1936–1937 и с 1941) Государственного русского хора СССР, Ленинградской капеллы (1937–1941). Организатор (1944) и директор Московского хорового училища. Лауреат Сталинской премии (1946). Профессор (с 1946), ректор (1948–1974) Московской консерватории.

СЕДИН ИВАН Корнеевич (1906–1972), государственный деятель. Народный комиссар нефтяной промышленности СССР

(июль 1940—ноябрь 1944). Герой Социалистического Труда (1944). Народный комиссар (министр) текстильной промышленности СССР (май 1945 — декабрь 1949). В январе-октябре 1949 заместитель министра легкой промышленности СССР. 4 октября 1949 судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР за злоупотребление служебным положением приговорен к 8-ми месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % заработной платы.

Селих Яков Григорьевич (1892—1967), исполняющий обязанности главного редактора газеты «Известия» (декабрь 1937—май 1941).

СЕМЕНОВА МАРИНА ТИМОФЕЕВНА (1908—2010), артистка балета. Солистка балета Большого театра СССР (1930—1953). Лауреат Сталинской премии (1941).

СЕРГЕЕВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ (1908—), артист балета, балетмейстер. В 1930—1951 работал в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова. Четырежды лауреат Сталинской премии (1946, 1947, 1949, 1951).

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ (СЕРГЕЕВ) СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1875—1958), писатель. Лауреат Сталинской премии (1941).

СЕРОВ АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1910—1939), летчик истребительной авиации. Добровольцем участвовал в Гражданской войне в Испании. Герой Советского Союза (1938), комбриг (1939). Погиб в авиационной катастрофе 11 мая 1939.

СЕРОВА (ПОЛОВИКОВА) ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА (1917—1975), актриса. В 1933—1941 и в 1943—1950 — актриса Центрального ТРАМа (с 1938 — Театр им. Ленинского комсомола); в 1941—1943 — Московского театра драмы. Заслуженная артистка РСФСР (1946). Лауреат Сталинской премии (1947).

Сивков Аркадий Кузьмич (1899—1943), военный деятель. Генерал-лейтенант артиллерии (1940). Начальник Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского (1937—1941). Генерал-инспектор артиллерии Красной армии (с июня 1941). Погиб 2 ноября 1943 на командном пункте во время высадки морского десанта на побережье Крыма.

Симонов Рубен Николаевич (1899—1968), актер, режиссер. Главный режиссер Театра им. Вахтангова (с 1939). Народный артист СССР (1946). Трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1947, 1950).

Симонов Сергей Гаврилович (1894–1986), конструктор стрелкового оружия.

Симоняк Николай Павлович (1901–1956), военачальник. Командующий 3-й Ударной армией (октябрь 1944–март 1945), 67-й армией второго формирования (март–май 1945).

Сквирский Лев Соломонович (1903–1990), военачальник. Командующий 26-й армией четвертого формирования (май 1943 – январь 1945). Генерал-лейтенант (август 1944).

Скоробогатов Константин Васильевич (1887–1969), актер. С 1936 работал в Ленинградском театре драмы им. А.С. Пушкина. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1948, 1949, 1951 – дважды).

Слепнёв Маврикий Трофимович (1896–1965), летчик. Герой Советского Союза (1934).

Слонимский Юрий Осипович (Иосифович) (1902–1978), либреттист, драматург.

Слонова Надежда Ивановна (1906–?), актриса Московского театра сатиры (с 1935).

Смирнов Ефим Иванович (1904–1989), военный и государственный деятель. Начальник Санитарного управления (с 1941 – Главное санитарное управление) РККА; с 1946 – Главное военно-медицинское управление Советской армии). Генерал-полковник медицинской службы (1944). Академик Академии медицинских наук СССР (1948).

Смирнов Петр Александрович (1897–1939), партийный деятель. Начальник Политического управления Ленинградского военного округа (1935–1937). Начальник ПУРРККА (с июня 1937) , заместитель народного комиссара обороны СССР (октябрь – 30 декабря 1937). Армейский комиссар 1-го ранга (1937). Народный комиссар Военно-Морского флота СССР (30 декабря 1937 – 30 июня 1938). Депутат Верховного Совета СССР (1937–30 июня 1938). Арестован 30 июня 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 22 февраля 1939.

Смирнов-Сокольский (Смирнов) Николай Павлович (1898–1962), артист, библиофил.

Смородинов Иван Васильевич (1894–1953), военный деятель. Заместитель начальника Генерального штаба РККА (1938–1941). Генерал-полковник (1941).

СМУШКЕВИЧ Яков Владимирович (1902—1941), летчик. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1939). Начальник ВВС Красной армии (1939—1940). Депутат Верховного Совета СССР (1937 — 8 июня 1941). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939—8 июня 1941). Начальник ВВС РККА (ноябрь 1939—8 июня 1941). Генерал-лейтенант авиации (1940). Генерал-инспектор ВВС, помощник начальника Генерального штаба РККА по авиации (декабрь 1940 — 8 июня 1941). Арестован 8 июня 1941. Расстрелян 28 октября 1941.

Соколовский Василий Данилович (1897—1968), военачальник. Командующий войсками Западного фронта (февраль 1943 — апрель 1944). Генерал армии (август 1943). Герой Советского Союза (1945).

Сокольский Александр Кузьмич (1903—1979), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник артиллерии (1944). Герой Советского Союза (1945).

Соловьев Владимир Александрович (1907—1978), драматург. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1946).

Солодовников Александр Васильевич (1904—1990), журналист, государственный деятель. Заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939—1945).

Сохадзе Екатерина Георгиевна (1907—?), грузинская артистка оперетты. В 1930—1953 — солистка Театра оперы и балета им. З. Палиашвили. Народная артистка Грузинской ССР (1946).

Спирин Иван Тимофеевич (1898—1960), летчик. Герой Советского Союза (27 июня 1937).

Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900—1943), писатель. Генеральный секретарь ССП (с 1936). Главный редактор журнала «Новый мир» (1937—14 ноября 1943). Погиб на фронте.

Старинов Илья Григорьевич (1900—2000), в 1942—1943 гг. начальник Центральной партизанской школы и начальник Штаба партизанского движения (ШПД) на Южном фронте.

Стаханов Алексей Григорьевич (1905—1977), передовик производства. Установил мировой рекорд по добыче угля (1935). Его именем названо «стахановское движение», целью которого была борьба за увеличение норм производства.

СТЕПАНОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1911–1996), летчик. Участник Гражданской войны в Испании, боев на реке Халхин-Гол. Герой Советского Союза (29 августа 1939).

СТЕПАНОВА АНГЕЛИНА ОСИПОВНА (1905–2000), актриса. С 1924 работала во МХАТ'е. Лауреат Сталинской премии (1952).

СТУКОЛКИНА НИНА МИХАЙЛОВНА (1905–1999), балерина. Работала в Ленинградском театре оперы и балета им. С.М. Кирова (1922–1957).

СТУЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1904–1964), первый секретарь Витебского обкома ВКП(б) Б (1938–1941). Депутат Верховного Совета СССР (1941–1946).

СУДАКОВ ИЛЬЯ ЯКОВЛЕВИЧ (1890–1969), режиссер, педагог. Главный режиссер Малого театра (1937–1944). Народный артист РСФСР (1938). Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1951).

СУДЕЦ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1904–1981), военачальник. Командующий 17-й воздушной армией (март 1943 – май 1945). Генерал-полковник авиации (март 1944). Герой Советского Союза (1945).

СУРИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1906–1994), начальник Главного управления музыкальными учреждениями Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939–1946).

СУРКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1899–1983), поэт. Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951).

СУСЛОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ (1902–1982), партийный деятель. Член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (1939–1947). 1-й секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) (1939–1944). Член ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 – октябрь 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1941–1982). Секретарь ЦК, заведующий отделом агитации и пропаганды (1947–1952), главный редактор газеты «Правда» (1949–1950).

СУХОМЛИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1900–1970), военачальник. Командующий 8-й (январь–апрель 1942), 54-й (апрель 1942–март 1943), 10-й гвардейской (сентябрь 1943– январь 1944) армиями.

ТАЛЬЯН ШАРА МКРТЧЕВИЧ (1893–1965), певец (тенор, затем баритон). Один из организаторов (1933) и солист (1933–1954) Армянского театр оперы и балета. Народный артист Армянской ССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946).

ТАМАРА ХАНУМ (наст. имя и фамилия Петросян Тамара Артемовна) (1906—1991), танцовщица, певица, балетмейстер. Солистка (1936—1941), художественный руководитель организованного ею ансамбля Узбекской филармонии (с 1941). Лауреат Сталинской премии (1941).

ТАМАРКИНА РОЗА ВЛАДИМИРОВНА (1920—1950), пианистка. Лауреат Международного конкурса пианистов (Варшава, 1937).

ТАМУРЧИ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ (1892—1950), военачальник. Генерал-лейтенант танковых войск (1941). Арестован 22 мая 1943. Умер в тюрьме 28 октября 1950, находясь под следствием.

ТАРАСОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1899—1970), профсоюзный деятель. Председатель ЦК профсоюза рабочих железных дорог (1938—1944). Член президиума и секретарь ВЦСПС (1944—1947).

ТАРАСОВА АЛЛА КОНСТАНТИНОВНА (1898—1973), актриса. С 1924 работала во МХАТ'е. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1946 — дважды, 1947, 1949).

ТАРХАНОВ (МОСКВИН) МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1877—1948), актер. Брат И.М. Москвина. С 1922 работал во МХАТ'е. Народный артист СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943).

ТВАРДОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ (1910—1971), поэт, общественный деятель. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947).

ТЕВОСЯН ИВАН ФЕДОРОВИЧ (Тевандросович) (1901—1958), государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1958). Народный комиссар судостроительной промышленности СССР (январь 1939—май 1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Народный комиссар (министр) черной металлургии СССР (май 1940—июль 1948). Министр металлургической промышленности СССР (июль 1948—июнь 1949). Заместитель Председателя СМ СССР (июнь 1949—март 1953).

ТЕРЕШКИН ПЕТР ФЕДОРОВИЧ (1907—1968), начальник пограничной заставы Дальневосточного пограничного военного округа войск НКВД, старший лейтенант. Участник боев у озера Хасан. Герой Советского Союза (25 октября 1938). Закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1941). Участник Великой Отечественной войны.

ТИМОШЕНКО СЕМЕН КОНСТАНТИНОВИЧ (1895–1970), военачальник. Депутат Верховного Совета СССР (1937–1970). Член ЦК ВКП(б) (март 1939– октябрь 1952). Народный комиссар обороны СССР (7 мая 1940–19 июля 1941). Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). Маршал Советского Союза (7 мая 1940). Заместитель народного комиссара обороны СССР (июль–сентябрь 1941), член Ставки Верховного Главного командования (1941–1945). Главнокомандующий войсками Западного направления, командующий войсками Западного фронта (июль–сентябрь 1941). Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления (сентябрь 1941–июнь 1942). Командующий войсками Юго-Западного фронта первого формирования (сентябрь–декабрь 1941, апрель–июль 1942), Сталинградского фронта первого формирования (июль 1942), Северо-Западного фронта (октябрь 1942– март 1943).

ТИХОНОВ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ (1896–1979), поэт, прозаик. Генеральный секретарь правления Союза советских писателей (1944–1946).

ТКАЛУН ПЕТР ПАХОМОВИЧ (1894–1938), один из руководителей органов госбезопасности. Комдив (21 ноября 1935). Военный комендант Москвы (1930–ноябрь 1935). Комендант Кремля (ноябрь 1935–28 января 1936). Начальник Управления Комендатуры Кремля НКВД СССР (28 января 1936–25 сентября 1937). Арестован 8 января 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 29 июля 1938.

ТОИДЗЕ ИРАКЛИЙ МОИСЕЕВИЧ (1902–1985), живописец. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1948, 1949, 1951). Действительный член Академии художеств (1947). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1951).

ТОКАРЕВ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ (1871–1968), конструктор. Доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1940). Лауреат Сталинской премии (1941).

ТОЛБУХИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1894–1949), военачальник. Командующий 57-й армией первого формирования (июль 1942–январь 1943). Командующий войсками Южного фронта второго формирования (март – октябрь 1943), 4-го Украинского фронта первого формирования (октябрь 1943 – май 1944), 3-го Украинского фронта (май 1944 – май 1945). Маршал Советского Союза (1944),

Толстой Алексей Николаевич (1882/1883—1945), писатель. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 — посмертно).

Тольятти (псевдоним Эрколи) Пальмиро (1893—1964), деятель итальянского и международного коммунистического движения. Генеральный секретарь ИКП (с 1926). Член Секретариата ИККИ (1935—1943). В 1940—1944 жил в СССР.

Томский Николай Васильевич (1900—1984), скульптор. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1948, 1949, 1950, 1952). Действительный член Академии художеств СССР (1949).

Трегуб Семен Адольфович (1907—1975), литературный критик.

Тренёв Константин Андреевич (1876—1945), писатель, драматург. Лауреат Сталинской премии (1941).

Трибуц Владимир Филиппович (1900—1977), флотоводец. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом (1939—1947). Адмирал (1943).

Трофименко Сергей Георгиевич (1899—1953), военачальник. Командующий 7-й (июль 1942—январь 1943), 27-й (январь 1943—май 1945) армиями. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1944).

Туманов (Туманишвили) Иосиф Михайлович (1909—1981), режиссер, педагог. В 1938—1946 — главный режиссер Оперного театра им. К.С. Станиславского (с 1941 — Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко). В 1946—1953 — художественный руководитель Московского театра оперетты.

Туполев Андрей Николаевич (1888—1972), авиаконструктор. Главный конструктор (1930—1939). Четырежды лауреат Сталинской премии (1943, 1948, 1949, 1952). Трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). Академик АН СССР (1953).

Тургунбаева Мукаррам (1913—1978), артистка балета, балетмейстер. Работала в Узбекском театре оперы и балета им. Навои (1929—1954). Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951).

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937), военачальник. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934—24 мая 1937). Маршал Советского Союза (20 ноября 1935). Первый

заместитель Народного комиссара обороны СССР (1936—11 мая 1937). Арестован 24 мая 1937. Объявлен главой «военно-фашистского заговора» в РККА. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 12 июня 1937.

Тычина Павел Григорьевич (1891—1967), украинский поэт, государственный деятель. Академик АН УССР (1929). Лауреат Сталинской премии СССР (1941).

Тюленев Иван Владимирович (1892—1978), военный деятель. Командующий войсками Закавказского военного округа 1938—1940). Генерал армии (1940). Командующий войсками Московского военного округа (1940—1941). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941— октябрь 1952). Командующий войсками Южного фронта первого формирования (июнь—август 1941). Командующий 28-й армией второго формирования (ноябрь 1941 — март 1942). Командующий войсками Закавказского фронта второго формирования (май 1942—июль 1945).

Уборевич Иероним Петрович (1896—1937), военный деятель. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1930—29 мая 1937). Командующий войсками Белорусского военного округа (1931—20 мая 1937). Член Военного совета наркомата обороны СССР (1934—29 мая 1937). Командарм 1-го ранга (1935). Арестован 29 мая 1937. Специальным военным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания за принадлежность к «военно-фашистскому заговору» в РККА. Расстрелян 12 июня 1937.

Утаров Александр Иванович (1900—1939), партийный деятель. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (февраль 1934—20 октября 1938). Первый секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) (10 февраля—20 октября 1938). Арестован 20 октября 1938. Приговорен к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской, вредительской и террористической деятельности. Расстрелян 25 февраля 1939.

Уланова Галина Сергеевна (1909/1910—1998), артистка балета. В 1928—1944 гг. — в труппе Театра оперы и балета им. Кирова (Ленинград); с 1944 г. — в Большом театре СССР. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947, 1950). Народная артистка СССР (1951).

УЛЬБРИХТ ВАЛЬТЕР (1893—1973), деятель германского и международного коммунистического движения. Кандидат в члены ИККИ (1928—1943). Член Политбюро ЦК КПП (1935—1946). Член Политбюро ЦК СЕПГ (с 1949).

УЛЬРИХ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1889—1951), государственный деятель. Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР (1926—1948). Армвоенюрист (1935). Арестован в 1950, умер под стражей.

УМУРЗАКОВ ЕЛЮБАЙ (1899—1974), актер. Работал в Казахском театре им. Ауэзова. Лауреат Сталинской премии (1952).

УРАЛОВА ЕВДОКИЯ ИЛЬИНИЧНА (1902—1985), народный комиссар просвещения БССР (1938—1947).

УСЕЙНОВ МИКАЭЛЬ АЛЕСКЕРОВИЧ (1905—?), азербайджанский архитектор. Лауреат Сталинской премии (1941). Академик АН Азербайджанской ССР (1945).

УСТИНОВ ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ (1908—1984), дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961). Народный комиссар (министр) вооружения СССР (9 июня 1941—1953). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

УТЁСОВ ЛЕОНИД ОСИПОВИЧ (наст. имя и фамилия Лазарь Иосифович Вайсбейн) (1895—1982), артист. С 1911 выступал на эстраде. В 1929 организовал в Ленинграде первый советский джазовый коллектив («Теа-джаз»). С 1937 работал в Москве. Заслуженный артист РСФСР (1942).

ФАВОРСКИЙ АЛЕКСАНДР ЕВГРАФОВИЧ (1860—1945), ученый (химик-органик). Академик АН СССР (1929). Лауреат Сталинской премии (1941). Герой Социалистического Труда (1945).

ФАДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1901—1956), писатель. Лауреат Сталинской премии (1946). Генеральный секретарь Союза писателей (1946—1954). Покончил жизнь самоубийством.

ФАЗЫЛОВА ТУФА (1917—1985), драматическая актриса и певица (сопрано). Работала в Таджикском музыкальном театре (1934—1940), Таджикском театре оперы и балета (1940—1948), Таджикском театре драмы им. Лахути (с 1949).

ФАЙЕР ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ (1890—1971), дирижер. Дирижер балетных спектаклей в Большом театре. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947, 1950). Народный артист СССР (1951).

ФАЛАЛЕЕВ Федор Яковлевич (1899–1955), военный деятель. Генерал-инспектор авиации (1941). Участник Великой Отечественной войны. Маршал авиации (1944).

ФАЛКОВСКИЙ Григорий Исаакович (1909–1945), управляющий Всесоюзным гастрольно-концертным объединением (1940–1941).

ФЕДОРЕНКО Яков Николаевич (1896–1947), военный деятель. Начальник Автобронетанкового управления (Главного управления) РККА (1940–1942), заместитель народного комиссара обороны (20 июля 1941–май 1943). Командующий бронетанковыми и механизированными войсками РККА (декабрь 1942–26 марта 1947). Маршал бронетанковых войск (1944). Депутат Верховного Совета СССР (1946–26 марта 1947).

ФЕДОРОВ Евгений Константинович (1910–1981), геофизик. Научный сотрудник дрейфующей станции «Северный полюс-1». Герой Советского Союза (1938). Начальник Главного управления гидрометеослужбы СССР (1939–1947). Лауреат Сталинской премии (1946).

ФЕДОРОВСКИЙ Федор Федорович (1883–1955), театральный художник. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1949, 1950, 1951). Главный художник Большого театра (1947–1953). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

ФЕДОТОВ Федор Петрович (1897–1991), певец (тенор).

ФЕДЮНИНСКИЙ Иван Иванович (1900–1977), военачальник. Герой Советского Союза (1939). Командующий 2-й Ударной армией (декабрь 1943–май 1945).

Филиппов Борис Михайлович (1903–1991), директор Центрального дома литераторов (с 1937).

ФЛИЕР Яков Владимирович (1912–1977), пианист. Профессор Московской консерватории (с 1947).

Фомин Николай Сергеевич (1895–1987), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1945).

Фурт (Фуртенко) Порфирий Сергеевич (1903–?), политработник. Военный комиссар Военного училища им. ВЦИК (1937–1939). Военный комиссар Академии Генерального штаба РККА (1939). Участник Великой Отечественной войны. Генерал-майор (1942).

ХАВИНСОН Яков Самойлович (1901—1989), руководящий сотрудник ТАСС.

ХАЛИЛЕЕВА Александра Андреевна (1907—1971), артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано). С 1936 работала в Ленинградском Государственном академическом театре оперы и балета им. С.М. Кирова.

ХАЛИП Яков Николаевич (1908—1980), фотограф, фотохудожник.

ХАНАЕВ Никандр Сергеевич (1890—1974), певец (драматический тенор). Трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1949, 1950).

ХАРИТОНОВ Михаил Павлович (1909—1992), артист эстрады, режиссер. В 1937—1949 работал в джаз-оркестре под управлением Д.Я. Покрасса. Вместе со своим партнером Н. Тибергом выступал в качестве конферансье.

ХАЧАТУРЯН Арам Ильич (1903—1978), композитор. Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1950).

ХЕНКИН Владимир Яковлевич (1883—1953), актер. С 1934 работал в Московском театре сатиры. Народный артист РСФСР (1946).

ХЛЕБНИКОВ Николай Михайлович (1895—1981), военный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Генерал-полковник артиллерии (1944). Герой Советского Союза (1945).

ХЛУСЕР Михаил Романович (1901—1938), помощник В.М. Молотова. Заместитель заведующего секретариатом председателя СНК СССР, секретарь транспортной комиссии СНК СССР и ЦК (1929 — 1937), Арестован 16 февраля 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 26 августа 1938.

ХМЕЛЕВ Николай Павлович (1901—1945), актер. С 1924 работал во МХАТе. Руководитель театра-студии (1932—1937), Московского театра им. М.Н. Ермоловой (1937—1945). Народный артист СССР (1937). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1946 — посмертно).

ХМЕЛЬНИЦКИЙ Рафаил Павлович (1898—1964), военный деятель. Генерал-лейтенант (1940). Офицер для особых поручений (декабрь 1934—январь 1935), адъютант народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова (1935—1940).

Хозин Михаил Семенович (1896–1979), военачальник. Начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе (1939–1941). Командующий 54-й армией (сентябрь–октябрь 1941). Командующий войсками Ленинградского фронта (октябрь 1941–июнь 1942). Командующий 33-й армией (июнь–октябрь 1942), 20-й армией второго формирования (декабрь 1942–январь 1943). Генерал-полковник (1943).

Хользунов Виктор Степанович (1905–1939), летчик. Герой Советского Союза (27 июня 1937). Комбриг (4 июля 1937). Погиб в авиакатастрофе 28 июля 1939.

Хорава Акакий Александрович (1895–1972), актер. Народный артист СССР (1936). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 – дважды, 1951).

Хохлов Иван Сергеевич (1895–1973), государственный деятель. Председатель Мособлисполкома (1937–1938). Председатель Президиума Центросоюза СССР (1938–1940). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Председатель СНК РСФСР (1940–1941). Генерал-лейтенант интендантской службы (1943). Председатель правления Центросоюза СССР (1945–1955).

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), государственный деятель. Председатель Комитета по делам искусств при СНК (СМ) СССР (1939–1948).

Хренников Тихон Николаевич (1913–2007), композитор и общественный деятель. Генеральный (с 1948), первый секретарь (с 1957) правления СК СССР. Трижды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1952).

Хромченко Соломон Маркович (1907–2002), певец (лирический тенор). Солист Большого театра (1934–1957) Заслуженный артист РСФСР (1947). С 1992 – в эмиграции.

Хрулёв Андрей Васильевич (1892–1962), военный деятель. Начальник Управления снабжения РККА (октябрь 1937–август 1940). Начальник Главного управления тыла, заместитель Народного комиссара обороны (август 1941–май 1943). Народный комиссар путей сообщения СССР (25 марта 1942–26 февраля 1943). Начальник тыла Красной армии (июнь 1943–1946). Генерал армии (1943). Начальник тыла Вооруженных сил СССР, заместитель министра Вооруженных Сил СССР по тылу (1946–1951).

Хрусталёв Михаил Михайлович (1905—1976), артист, исполнитель эксцентрических танцев. В 1928—1957 выступал в дуэте с А.А. Редель. Заслуженный артист РСФСР (1947).

Хрущёв Никита Сергеевич (1894—1971), партийный и государственный деятель. Первый секретарь Московского областного и Московского городского комитетов ВКП(б) (январь 1934—1938). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1966). Член ЦК ВКП(б) (февраль 1934—октябрь 1952). Первый секретарь ЦК КП(б) Украины (январь 1938—март 1947, декабрь 1947—декабрь 1949). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (14 января 1938 — март 1939). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952). Генерал-лейтенант (1943). Председатель СНК УССР (1944—1947). Секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского комитета ВКП(б) (декабрь 1949—сентябрь 1953).

Хрюкин Тимофей Тимофеевич (1910—1953), военачальник. Дважды Герой Советского Союза (1939, 1945). Командующий 8-й воздушной армией (июнь 1942—июль 1944). Генерал-лейтенант авиации (март 1943). Генерал-полковник авиации (май 1944). Командующий 1-й Воздушной армией (июль 1944—май 1945).

Хубов Георгий Никитич (1902—1981), музыкальный критик. Главный редактор музыкального вещания Всесоюзного радио (1941—1945).

Худяков Сергей Александрович (наст. имя и фамилия Хан-ферянц Арменак Артемович) (1902—1950), военный деятель. Командующий 1-й (июль 1942—май 1943), 12-й (июнь—август 1945) Воздушными армиями. Маршал авиации (1944). Арестован 18 марта 1946. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни. Расстрелян 18 апреля 1950.

Цеденбал Юмжагийн (1916—1991), деятель Монгольской народно-революционной партии и международного коммунистического движения. Генеральный секретарь ЦК МНРП (1940—1954).

Цейтлин Александр Давидович (1906—1975), пианист, дирижер. Концертмейстер и дирижер Большого театра (1939—1959).

Цыдынжапов Гомбожап Цыдынжапович (1905—1980), бурятский актер, режиссер, драматург. С 1934 работал в Бурятском драматическом театре (с 1939 — Музыкальный драматический

театр). Народный артист СССР (1940). В 1948–1960 – главный режиссер Театра оперы и балета. Лауреат Сталинской премии (1949).

ЧАБУКИАНИ ВАХТАНГ Михайлович (1910–1992), артист балета, балетмейстер. С 1941 – художественный руководитель балетной труппы Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили. Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1948, 1951).

ЧАДАЕВ Яков Ермолаевич (1904–1985), управляющий делами СНК СССР (СМ) СССР (1940–1949).

ЧАНЧИБАДЗЕ ПОРФИРИЙ Георгиевич (1901–1950), военачальник. Командующий 2-й гвардейской армией (июнь 1944–май 1945). Герой Советского Союза (19 апреля 1945). Генерал-полковник (1945).

ЧАПЛЫГИН СЕРГЕЙ Александрович (1869–1942), ученый, один из основоположников аэродинамики. Научный руководитель ЦАГИ (с 1921). Академик АН СССР (1929). Герой Социалистического Труда (1941).

ЧЕРВЕНКОВ ВЫЛКО ВЕЛЁВ (1900–1980), болгарский партийный и политический деятель. Генеральный секретарь ЦК БКП (1949–1954).

ЧЕРКАСОВ НИКОЛАЙ Константинович (1908–1966), актер. С 1933 работал в Ленинградском театре драмы им. А.С. Пушкина. Народный артист СССР (1947). Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1950, 1951 – дважды).

ЧЕРНАЯ Ляля (наст. имя и фамилия Киселёва Надежда Сергеевна) (1909–1982), актриса Театра «Ромэн».

ЧЕРНОПЯТКО ИВАН Давидович (1914–1947), пограничник. Участник боев у озера Хасан. Герой Советского Союза (25 октября 1938). Участник Великой Отечественной войны. Погиб 11 декабря 1947 в авиакатастрофе.

ЧЕРНОУСОВ БОРИС Николаевич (1908–1978), партийный и государственный деятель. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–октябрь 1952). Председатель Совета Министров РСФСР, член Оргбюро ЦК ВКП(б) (10 марта 1949–1952).

ЧЕРНЫЙ ИСААК Львович (1906–1994), председатель Госплана, заместитель Председателя СНК БССР (1938–1941).

ЧЕРНЫХ СЕРГЕЙ Александрович (1912–1941), летчик-истребитель. Добровольцем участвовал в Гражданской войне

в Испании. Герой Советского Союза (31 декабря 1936). Генерал-майор авиации (4 июня 1940). Арестован 8 июля 1941 в Брянске по обвинению в преступном бездействии и предан суду военного трибунала. 28 июля 1941 Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 16 октября 1941.

Чечулин Дмитрий Николаевич (1901—1981), архитектор. Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1949).

Чиликин Борис Георгиевич (1905—1967), конструктор в области судостроения.

Чистяков Иван Михайлович (1900—1979), военачальник. Командующий 6-й гвардейской армией (апрель 1943 — май 1945). Генерал-полковник (июнь 1944).

Чистяков Михаил Николаевич (1896—1960), военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Маршал артиллерии (1944).

Чкалов Валерий Павлович (1904—1938), летчик. Летчик-испытатель Научно-исследовательского института ВВС (1934—1938). Герой Советского Союза (1936). Комбриг (1938). Погиб 15 декабря 1938 при испытании нового типа истребителя.

Чубарь Влас Яковлевич (1891—1939), государственный деятель. Заместитель председателя СНК и СТО СССР (1934—16 июня 1938). Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1 февраля 1935—16 июня 1938). Народный комиссар финансов СССР (август 1937—январь 1938). Арестован 28 ноября 1938. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской и террористической деятельности. Расстрелян 26 февраля 1939.

Чуйков Василий Иванович (1900—1982), военачальник. Командующий 62-й армией (сентябрь 1942—апрель 1943). Генерал-полковник (октябрь 1943). Командующий 8-й гвардейской армией (апрель 1943 — май 1945). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

Шавердян Александр Исаакович (1903—1954), музыкальный критик.

Шамберг Михаил Абрамович (1902—1989), партийный деятель. Заведующий Оргинструкторским отделом ЦК (1942—1946).

Шаповалов Леонид Емельянович (1902–1955), начальник сектора периферийных театров, заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (1938–1943). Директор Малого театра (с 1943).

Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966), композитор. Профессор Московской консерватории (с 1939). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1952).

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), военачальник. Начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе (1932–1935). Начальник Генерального штаба РККА (май 1937–август 1940; 30 июля 1941 – май 1942). Депутат Верховного Совета СССР (1937–26 марта 1945). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (март 1939–26 марта 1945). Маршал Советского Союза (1940). Начальник Военной академии Генерального штаба (июль 1943–26 марта 1945).

Шарохин Михаил Николаевич (1898–1974), военачальник. Командующий 37-й армией второго формирования (август 1943–октябрь 1944), 57-й армией второго формирования (октябрь 1944–май 1945). Герой Советского Союза (1945).

Шафранов Петр Григорьевич (1901–1972), военачальник. Командующий 5-й (октябрь – декабрь 1944), 31-й (декабрь 1944–май 1945) армиями. Герой Советского Союза (1945).

Шахет Борис Александрович (1899–1950), эстрадный и цирковой режиссер. Заслуженный артист РСФСР (1939). Режиссер и художественный руководитель Московского цирка (1939–1948).

Шахурин Алексей Иванович (1904–1975), государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (март 1939–март 1946). Народный комиссар авиационной промышленности СССР (10 января 1940–5 января 1946). Герой Социалистического Труда (1941). Генерал-полковник инженерно-авиационной службы (1944). Арестован 4 апреля 1946. Военной коллегией Верховного Суда СССР 11 мая 1946 приговорен к 7-ми годам исправительно-трудовых лагерей. 29 мая 1953 освобожден из заключения.

Шверник Николай Михайлович (1888–1970), партийный и профсоюзный деятель. Первый секретарь ВЦСПС (1930–1944). Член Оргбюро (1930–1946) ЦК ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1966). Кандидат в члены Политбюро ЦК

ВКП(б) (март 1939— октябрь 1952). Председатель Совета по эвакуации (1941). Председатель Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942—1945). Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (1944—1946). Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1946—1953).

ШВЕЦОВ АРКАДИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1892—1953), конструктор авиационных двигателей. С 1934 — главный конструктор. Доктор технических наук (1940). Герой Социалистического Труда (1942). Генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы (1948).

ШЕВЕЛЁВ МАРК ИВАНОВИЧ (1904—1991), летчик, Герой Советского Союза (1937). Генерал-лейтенант авиации (1943).

ШЕВЦОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ (1912—1944), летчик. Добровольцем участвовал в Гражданской войне в Испании. Герой Советского Союза (22 октября 1937). Погиб в воздушном бою в период Великой Отечественной войны.

ШИЛОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1889—1952), военный деятель. Начальник штаба Военной академии Генерального штаба (1937—1941). Профессор (1939). Генерал-лейтенант (1940). Доктор военных наук (1943).

Широкий Вильям (1902—1971), чехословацкий партийный и политический деятель. Член Президиума ЦК КПЧ (1948—1963). Заместитель Председателя правительства (1945—1953).

ШИРШОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ (1905—1953), гидробиолог. Герой Советского Союза (1938). Академик Академии Наук СССР (1939). Народный комиссар (министр) Морского Флота СССР (1942—1948). С 1946 директор организованного им Института океанологии АН СССР (1946—1953).

ШКВАРИКОВ Вячеслав Алексеевич (1908—1971), начальник архитектурного отдела (1938—1940), Главного управления учреждениями изобразительных искусств (1940—1944) Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Шкирятов Матвей Федорович (1883—1954), партийный деятель. Секретарь Партколлегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) (1934—1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1954). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—октябрь 1952).

ШЛЕМИН ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (1898–1969), военный деятель. Начальник Академии Генерального штаба РККА (1937–1940). Командующий 5-й танковой армией второго формирования (январь–апрель 1943), 12-й армией третьего формирования (апрель–май 1943). Командующий 6-й армией третьего формирования (май 1943–май 1944); 46-й армией (май 1944–январь 1945). Герой Советского Союза (1945). Начальник штаба Южной группы войск (1945–1948). Начальник Оперативного управления – заместитель начальника Главного штаба Сухопутных войск (1948–1949).

ШМИДТ ОТТО ЮЛЬЕВИЧ (1891–1956), ученый, государственный деятель. Один из основателей и главный редактор «Большой советской энциклопедии» (1921–1941). Академик АН СССР (1935). Герой Советского Союза (1937). Вице-президент АН СССР (1939–1942).

ШМИДТ СИГУРД ОТТОВИЧ (р. 1922), историк, источниковед, специалист по археографии.

ШОЛОХОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1905–1984), писатель, общественный деятель. Академик АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1941).

ШОСТАКОВИЧ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1906–1975), композитор. Профессор Ленинградской (с 1939), Московской (с 1943) консерваторий. Пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1946, 1950, 1952).

ШИЛЛЕР НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА (1909–1995), певица (лирическое сопрано). Солистка Большого театра СССР (1935–1958). Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1950). Народная артистка РСФСР (1947).

ШПИТАЛЬНЫЙ БОРИС ГАВРИЛОВИЧ (1902–1972), конструктор авиационного стрелково-пушечного вооружения. Доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1940).

ШТЕЙНБЕРГ ЛЕВ ПЕТРОВИЧ (1870–1945), дирижер, композитор. С 1928 г. работал в Большом театре. Народный артист СССР (1937).

ШТЕМЕНКО СЕРГЕЙ МАТВЕЕВИЧ (1907–1976), военачальник. Начальник Оперативного управления Генерального штаба РККА (май 1943–май 1945).

ШТЕРН ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1900–1941), военный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937–7 июня 1941).

Командующий 1-й особой Дальневосточной армией (август 1938—1939). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 — 7 июня 1941). Командующий 8-й армией (1939—1940). Генерал-полковник (1940). Командующий войсками Дальневосточного фронта (январь—апрель 1941). Начальник Главного управления ПВО Красной армии (апрель — 7 июня 1941). Арестован 7 июня 1941. Расстрелян 28 октября 1941.

Штраух Максим Максимович (1900—1974), актер. С 1932 работал в Московском театре Революции. Трижды лауреат Сталинской премии (1949, 1951 — дважды).

Шумилов Михаил Степанович (1895—1975), военачальник. Командующий 64-й (август 1942—апрель 1943), 7-й гвардейской (апрель 1943—май 1945) армиями. Генерал-полковник (октябрь 1943). Герой Советского Союза (1943).

Щаденко Ефим Арсентьевич (1885—1951), военный деятель. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА, заместитель народного комиссара обороны СССР (23 ноября 1937—1940). Член ЦК ВКП(б) (март 1939—20 февраля 1941). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941—6 сентября 1951). Начальник Главного управления формирования и управления войск (1941—1943), заместитель народного комиссара обороны СССР (1941—1943). Генерал-полковник (1942).

Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945), партийный деятель. Заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) (1935—1936). Первый секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б) (1938—10 мая 1945). Член ЦК ВКП(б) (март 1939— 10 мая 1945). Кандидат в члены Политбюро (с 21 февраля 1941), секретарь (с 4 мая 1941) ЦК ВКП(б). Председатель Совета военно-политической пропаганды, начальник Совинформбюро (1941—10 мая 1945). Начальник Главного политического управления Красной армии, (июнь 1942—10 мая 1945). Заместитель народного комиссара обороны СССР (1942—1943). Генерал-полковник (1943). Заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б) (1943—10 мая 1943).

Щербаков Владимир Иванович (1901—1981), военачальник. Командующий 42-й (август—сентябрь 1941), 8-й (сентябрь

1941), 14-й (март 1942—май 1945) армиями. Генерал-лейтенант (апрель 1943).

Щукин Борис Васильевич (1894—1939), актер. С 1920 работал в студии (театре им. Е.Б. Вахтангова). Народный артист СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1941, посмертно).

Щуко Владимир Александрович (1878—1939), архитектор.

Щусев Александр Викторович (1873—1949), архитектор. Академик АН СССР (1943). Четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1948, 1952 посмертно).

Эйдеман (Эйдеманис) Роберт Петрович (1895—1937), военный деятель. Председатель Центрального совета Осоавиахима СССР (1932 — 22 мая 1937). Комкор (1935). Арестован 22 мая 1937 г. по обвинению в принадлежности к так называемому «военно-фашистскому заговору» в РККА. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 12 июня 1937.

Эйдинов Григорий Борисович (1908—1977), белорусский партийный и государственный деятель. Секретарь ЦК КП(б) Б (1940—1944). Первый заместитель начальника Белорусского штаба партизанского движения (1942—1944). Заместитель Председателя СНК, СМ, председатель Госплана БССР (1944—1948). Депутат Верховного Совета СССР (1946—1950).

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898—1948), режиссер. Заслуженный деятель искусств (1935). Профессор ВГИКа (с 1937). Доктор искусствоведения (1939). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1946).

Эйхе Роберт Индрикович (1890—1940), партийный деятель. Первый секретарь Сибирского (с 1929), Западно-Сибирского крайкомов ВКП(б) (1930—29 октября 1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1 февраля 1935—29 апреля 1938). Депутат Верховного Совета СССР (1937—29 апреля 1938). Народный комиссар земледелия СССР (29 октября 1937—28 апреля 1938). Арестован 29 апреля 1938. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 4 февраля 1940.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель, общественный деятель. Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1948).

Юзвяк Францишек (псевдоним «Витольд») (1895—1966), польский партийный и государственный деятель. Главный комендант гражданской милиции (1944—1949). Член Политбюро ЦК ПОРП (1948—1956).

Юзовский (Бурштейн) Иосиф Ильич (1902—1964) — театральный критик, переводчик.

Юмашев Александр Борисович (1902—1988), летчик. Герой Советского Союза (1937). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946). Участник Великой Отечественной войны. Генерал-майор авиации (1943). Начальник Управлений истребительной авиации и боевой подготовки фронтовой авиации (1945—1946).

Юмашев Иван Степанович (1895—1972), военно-морской деятель. Командующий Тихоокеанским флотом (1939—1947). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (20 февраля 1941 — октябрь 1952). Адмирал (1943). Герой Советского Союза (1945).

Юон Константин Федорович (1875—1958), художник. Лауреат Сталинской премии (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948), актер. С 1893 работал в Александринском (Ленинградский академический театр драмы им. А.С. Пушкина) театре. Народный артист СССР (1939).

Юткевич Сергей Иосифович (1904—1985), режиссер и теоретик кино, художник. Главный режиссер Ансамбля песни и пляски при Центральном клубе НКВД им. Ф.Э. Дзержинского (1939—1946). Профессор ВГИКа (с 1940). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1947).

Яблочкина Александра Александровна (1866—1964), актриса. С 1888 работала в Малом театре. Председатель Всероссийского театрального общества (с 1917). Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943).

Яковлев Александр Сергеевич (1906—1989), авиаконструктор. Генерал-полковник инженер (1946), дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957).

Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972), военный деятель. Начальник Главного артиллерийского управления

и член Военного совета артиллерии Красной армии (1941–1945). Маршал артиллерии (1944).

Яковлев Николай Капитонович (1869–1950), актер. С 1893 работал в Малом театре. Народный артист СССР (1944).

Янсон Николай Михайлович (1882–1938), член Центральной ревизионной комиссии (1934–1937). Арестован в сентябре 1937. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 20 июня 1938.

Яншин Михаил Михайлович (1902–1976), актер, режиссер. Возглавлял цыганский театр «Ромэн» (1937–1941) и Московский драматический театр им. К.С. Станиславского (1950–1963).

Ярон Григорий Маркович (1893–1963), артист и режиссер. Один из организаторов, актер и режиссер Московского театра оперетты (с 1927 г.). Народный артист РСФСР (1940).

Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя и фамилия Губельман Миней Израилевич) (1878–1943), партийный деятель. Член Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937 – 4 декабря 1943). Член ЦК ВКП(б) (март 1939 – 4 декабря 1943). Академик АН СССР (1939).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аболин А. 407

Абакумов В.А. 329

Абрамов 393

Абт Ф. 393

Азимова А. 399

Айвазян А. 395

Алабян К.С. 402, 408, 412

Алавердян М. 394

Александр I 346

Александр II 71

Александр III 71, 77, 78

Александров А.В. 285, 286, 289,
290, 293, 297, 298, 307, 382,
386-388, 391-393, 395, 398, 400

Александров Б.А. 393

Александров Г.В. 34, 35, 217,
219-223, 229, 302

Александров Н.Г. 407, 414

Александровская Л.П.
264, 396

Алексеев А.Д. 255

Алексеев П.И. 389

Алексеева (Черменская)
Н.В. 237, 240, 241, 246, 291

Алкснис Я.И. 99, 103

Аллилуева Н.С. 47, 48, 50, 81,
193

Аллилуева С.И. 52

Алтунян Т.Т. 394

Альтман И.Л. 408, 412

Алябьев А.А. 391, 395

Ангелина П.Н. 208

Андреев А.А. 50, 54, 60, 110,
123, 134-136, 138, 145, 147,
149-151, 159, 160, 165, 166, 168,
175, 177, 179, 180, 182, 183,
186, 187, 195, 255, 355, 361

Андреев М.С. 321

Андровская О.Н. 406

Аникеева 403

Антипов Н.К. 150, 158

Антонов А.И. 360

Антонова Е.И. 392

Арипова Л. 399

Арсенко А.Д. 396

Арсентьев 296

Арсланова Т. 399

Арут 394

Асафьев Б.В. 402, 408

Асеев (Ружников) Н.Н. 417

Асланян 119

Астангов М.Ф. 407

Аттолико Б. 243

Ахундов М.Ф. 117, 230

Б

- Бабаев Г.И. 229
Бабаев И.Я. 229
Бабанова М.И. 402, 414, 417
Бабочкин Б.А. 417
Бабушкин М.С. 252
Баграмян И.Х. 238, 239, 251,
303, 354, 355, 358, 359, 362
Бадигин К.С. 109
Баев 370
Базь И.С. 409
Байдуков Г.Ф. 99-102, 206, 210,
273, 298, 422, 426, 429
Бакарев В.А. 71
Балакирев М.А. 399
Баланчивадзе М.А. 116
Баласанян С.А. 125
Барсенков А.С. 344, 345, 347
Барсова (Владимирова) В.В.
216, 285, 297, 298, 306, 386,
387, 389, 391, 393, 395, 403,
405, 406, 413
Басистов Ю.В. 334, 335,
Бассаргин Б.А. 406, 411
Баткин Л.М. 25, 26
Бауман К.Я. 56
Бахтаров Г.Ю. 113, 114
Безыменский Л.А. 333
Белецкий И.Ф. 416
Белиловский М.А. 402
Беллер В.П. 406, 411
Беляков А.В. 100-102, 206, 210,
259, 260, 289, 298, 426, 429
Бендина В.И. 406
Бенедикт Ю. 387
Бенцкович-Лигетти З.Л. 373,
374, 375
Бергавинов С.А. 207
Берзин А.Г. 219, 220, 231
Берия Л.П. 87, 90, 92, 109,
173-175, 177, 179-181, 183,
190-193, 195, 231, 252, 290,
303, 355, 360
Берсенов И.Н. 407, 414
Беседина Б.Д. 401
Беспалов Н.Н. 406, 411, 415
Бетховен Л. ван 292, 298, 390,
393, 395, 400
Бизе Ж. 292, 397
Бирман С.Г. 407, 414
Бисярина И.И. 406, 411
Блантер М.И. 389
Блюхер В.К. 150
Бобоколонов Ш.Н. 125
Богатырев А.В. 122, 396
Бойко В.Р. 428
Болотин С.Б. 389
Большеменников А.П. 411,
416
Бонвеч Б. 334
Бордюгов Г.А. 349, 350, 352,
378, 379
Борев Ю.Б. 40, 354
Бородин А.П. 292, 301, 387,
390, 395, 398
Боярский Я.О. 401
Брагинский И.С. 310, 312, 323
Брамс И. 297, 385, 391, 392
Бранденбергер Д.Л. 30, 379
Брежнев Л.И. 33
Бродский И.И. 347
Бронтман Л.К. 13, 29, 259, 270-
276, 299, 313, 320, 419, 425-427
Бронтман Р.Л. 13
Брусиловский Е.Г. 115
Брюньон К. 392
Бряндинский А.М. 424
Бубнов А.С. 80

Будённый С.М. 51, 62, 94, 150,
179, 180, 194, 203, 238, 243,
252, 262, 355, 359
Булахов П.П. 400
Булганин Н.А. 87, 179, 180,
183, 183, 194, 243, 355, 360
Бурдей Г.Д. 342, 343, 344, 372,
373, 378
Бурмистенко И.А. 406, 411
Бухараев В.М. 349, 350, 352,
378, 379
Бухарин Н.И. 108, 132, 148,
169, 249, 257, 266, 344
Бучма А.М. 215
Бюль-Бюль (Мамедов М.М.)
293
Быков З.Н. 406

В
Вавилов С.И. 44, 74
Вагнер Р. 393
Вайнруб М.Г. 329
Вайонен В.И. 416
Валамат-зода Г.Р. 399
Ванеева Е.Н. 401, 407, 413
Варламов А.Е. 297, 385
Василевский А.М. 358
Васин В.В. 402
Вахтангов Е. 228, 231, 308, 383
Вдовин А.И. 346, 347, 348, 349,
353, 354
Вдовиченко В.Г. 405, 411, 416
Венявский Г. 392
Вербицкий В.А. 298, 387
Верди Дж. 292, 391, 393, 400
Вертер 392
Вертов Д. (Кауфман Д.А.) 402
Веснин В.А. 216, 402, 408, 413
Вильямс П.В. 291, 402

Виноградова Е.В. 208
Вирта Н.Е. 223, 237, 268, 325,
326, 417
Вишлёв О.В. 253, 333, 334
Вишневский В.В. 29, 200, 203,
239, 334, 335, 359, 368, 370, 402
Владимир, великий князь
Киевский 76
Владимирский Б.Д. 416
Владомирский В.И. 264
Власик Н.С. 86, 92, 93, 226, 274,
288
Власов В.А. 113, 118, 119
Власова О.Н. 407
Водопьянов М.В. 97, 98, 106,
214, 255, 273, 402, 422
Вознесенский Н.А. 175, 178-
180, 182, 183, 349, 355, 360
Войтинская О.С. 412
Волин Б.М. 345, 352, 353
Володин В.С. 393
Воробьев В.Ф. 200
Воронов Н.Н. 355
Ворошилов К.Е. 28, 50-52, 54,
55, 60, 62, 64-68, 83, 87, 95,
101, 130, 134, 135, 140, 141,
149-151, 160, 161-163, 168, 172,
175, 179-182, 184, 185, 195,
203, 204, 220, 237, 243, 250,
255-260, 267, 268, 282, 289,
290, 297, 300, 305, 311, 355,
359, 392, 424-427
Вышинский А.Я. 179

Г
Габович М.М. 415
Гаврилов П.М. 70
Гаджибеков У. 117, 216, 408
Галибова Р. 399

Галицкий 301
Галстян П. 394
Гамарник Я.Б. 134, 196
Ганибзаде А. 230
Гареев М.А. 331, 335
Гаук А.В. 390
Гафиз (Хафиз) (Хафиз Ширази) Ш. 326
Гафуров Б.Г. 310, 311, 312, 320-323
Геловани М.Г. 367
Гендлин Л. 37
Георгий Победоносец 76
Герасимов А.М. 216, 347, 402, 408, 412, 417
Герасимов П.А. 71
Герасимов С.В. 402, 408, 412
Гершензон Д.Я. 411, 416
Гиацинтова С.В. 367, 407, 414
Гилельс Е.Г. 293, 404, 405, 415
Гилельс Э.Г. 293, 306, 388, 392, 404, 415
Гитлер А. 122, 327
Гитлис А. 397
Глинка М.И. 232, 292, 387, 393, 397, 400
Глизэр Р.М. 117, 216, 402, 408, 415
Говоров Л.А. 355
Гоголева Е.Н. 401, 406
Гогуа И.А. 91
Голейзовский К.Я. 125, 291
Голованов А.Е. 280
Головин П.Г. 255
Головина И.М. 288
Голодный (Эпштейн) М. 369, 389
Голубов В.И. 409, 412
Гольденвейзер А.Б. 292, 395, 408, 413, 415

Гольдина И.С. 414
Гольдина М.Л. 407
Гольдман А.А. 213, 406
Гольдштейн Б.Э. 391, 395
Гольц Г.П. 417
Гордиенко М.Х. 104, 255, 260, 261, 426, 427, 430
Горкин А.Ф. 404
Городецкий Г. 331, 332
Городинский В.М. 402, 408, 412
Горчаков И.М. 407
Горький А.М. 98
Горяинов Н.М. 414
Гоян (Тер-Никологосян) Г.И. 406
Грабарь И.Э. 216, 402, 408, 413, 418
Гризодубова В.С. 104, 255, 277, 430
Гринберг М.А. 407, 414
Гринберг М.М. 402, 408, 412, 416
Громов Е.С. 18, 19, 30, 33, 34, 104, 112, 207, 214, 217, 237, 247, 257, 264, 273, 292, 426
Громов М.М. 97, 99, 102, 103, 402, 422, 424, 430
Груздев 369
Гудов И.И. 208, 214, 403
Гуляев М.Е. 413
Гуно Ш. 388, 389, 397, 399
Гурвич А.С. 408, 412
Гусев В.М. 390, 402, 408
Гусев П.А. 395

Д

Давиловский Г.М. 393
Давидюк 420
Давыдова В.А. 37, 285, 297, 298, 306, 307, 385, 386, 397, 401, 406, 411

Дагин И.Я. 86, 103
Дальцев З.Г. 401
Даниелян А.Б. 394
Данилин С.А. 102, 103, 104,
207, 273, 273, 422, 430
Данилович Ф.И. 389
Даргомыжский А.С. 297, 385,
386, 399
Девятов С.В. 21
Дедиков 403
Делиб Л. 298, 385, 391
Демченко М.С. 208
Денисов 368
Дессауэр 399
Держинская К.Г. 291, 401
Джалилов Т.Д. 117
Джилас М. 52
Джугашвили Я.И. 279
Джураева И. 398, 399
Дзержинский И.И. 204, 291,
386, 413
Дзержинский Ф.Э. 290, 408
Дзиган Е.Л. 402
Диас Х. 224
Димитров Г.М. 42, 43, 44, 309,
313, 329
Долгополов Л.Н. 412
Долидзе В.И. 116
Долуханян А. 395
Донская Н. 301
Доронин И.В. 98, 207
Дорошин В.Г. 84
Дровяников В.Е. 232
Друкер С.Ю. 396
Дубровский В.М. 410
Дудин В.Ф. 402
Дулов Г.Н. 395
Дунаевский И.О. 216, 389, 392,
408

Душкин А.Н. 417
Дэвис Дж. 244
Дюран М.О. 393, 395

Е

Евстифеев 252, 253
Егоров А.И. 62, 150, 241, 243
Ежов Н.И. 60, 85, 103, 109,
134-136, 138, 139, 145-150, 151,
159, 163, 168, 169-170, 172-175,
188, 190-192, 243, 281
Екатерина II 73, 76
Елагин Ю.Б. 35, 74, 91, 92, 112,
113, 174, 216, 218, 218, 226,
228, 229, 233, 236, 239, 265,
283, 289, 292, 293, 297, 300,
301, 304, 306,
Еланская К.Н. 401, 406, 413
Емельянов В.С. 277
Енукидзе А.С. 65, 80, 82, 83,
220
Ермилов В.В. 325
Ермак 108
Ермолаев А.Н. 306, 389, 392,
403, 405
Ермоленко 403
Ерофеев В.И. 260
Ефанов В.П. 402, 417
Ефимов Б.Е. 377
Ефимов В.Т. 352

Ж

Жадан И.Д. 262, 306, 404
Жаров М.М. 417
Жданов А.А. 49, 50, 54, 60, 87,
123, 134, 138, 146, 148, 149,
151, 153, 159, 160, 167, 168, 171,
175, 177, 179, 180, 181, 182, 183,

187, 188, 195, 262, 281, 292,
321, 355, 361, 362,
Жданов Ю.А. 362
Жданович И.Ф. 264
Жезмер А. 397
Жемчужина П.С. 183, 184
Жильцов А.И. 411
Жиромский П.И. 84
Жуков Г.К. 355, 358, 359
Жуков Ю.Н. 160, 175, 189, 335
Жуковский Н.Е. 63, 94
Жуковская Г.В. 406
Журавлева Е. 21

З

Завадский Ю.А. 414
Закарян К. 394
Залесский В.Ф. 412
Замошкин А.И. 403
Засецкий П.И. 396
Захава Б.Е. 406
Захаров В.Г. 397, 400
Захаров Р.В. 401
Зверева О.П. 407
Зейналов 227
Землячка Р.С. 124
Зеркалова Д.В. 406
Зиновьев Г.Е. 133, 145
Златогорова (Гольдберг) Б.Я.
300, 306, 387, 405
Зорин В.Ю. 346, 347, 348, 349,
354
Зубков Е.Ю. 356
Зуева Т.М. 416
Зуппе Ф. 391
Зускин В.Л. 402, 407

И

Ибаррури Д. 224, 245

Иванов А.П. 74, 238, 301, 303, 355
Иванов В.В. 118, 402, 408
Иванов И.Ф. 409
Иванов-Шиц А.И. 74
Иванченко Я.П. 105
Игнатъев А.А. 245
Игнатъев С.Д. 123
Игумнов К.Н. 402
Ильин П.И. 290
Ильинский И.В. 40, 229, 230,
253, 285, 298, 304, 392, 417
Ильф И. 386
Имамалиев М.З. 226, 227
Иогансон Б.В. 216, 417
Иофан Б.М. 402, 408, 413, 417
Ипполитов-Иванов М.М.
297, 385, 387, 390
Исаков И.С. 358
Исаковский М.В. 392
Исамова О. 399
Искандер Ф.А. 17
Исханова А. 399

К

Кабалевский Д.Б. 392, 408,
413, 415
Кабанов В.В. 32
Кабанов П.А. 70, 73
Кабанова М.М. 407
Каганович Л.М. 28, 49, 50,
54-57, 60, 87, 94, 105, 106, 123,
134-136, 138, 139-145, 147-150,
151-152, 157, 159, 160, 161, 163,
164-168, 172, 175, 176, 179-183,
185, 186, 193, 195, 229, 243,
255, 261, 264, 265, 290, 355,
357, 360, 426
Каганович М.М. 134, 136, 138,
139, 148, 179, 305

- Каграманов Н.В. 406
Казаков М.Ф. 82
Казьмин П.М. 397, 400
Кайдалов Б.В. 406, 411
Калашникова К.Я. 407
Калинин Г.Я. 409
Калинин М.И. 50, 51, 57, 58,
60, 87, 99, 123, 134, 135, 136,
138, 139, 144, 149–151, 159, 160,
164, 165, 168, 175, 176, 179, 180,
181, 182, 186, 195, 226, 236,
260, 327
Калишьян Г.И. 406
Каманин Н.П. 98
Каменев Л.Б. 81, 133, 145
Камерицкий Д.В. 124
Канделаки В.А. 407, 414
Капица А.А. 221, 354–357, 362,
368
Каплер А.Я. 402
Кара-Дмитриев Д.Л. 392
Карпов В.Т. 393
Картазарян 395
Карташов 296
Катаев В.П. 412
Кафтанов С.В. 262
Кацман Е.А. 347
Качалов В.И. 285, 401, 406, 415
Квелинов С. 406
Кемарская Н.Ф. 407, 414
Кеменов В.С. 402, 406
Кенеман Ф.Ф. 397, 399
Керженцев П.М. 114, 115, 243,
261, 283, 293, 299
Киачели (Шенгелая) Л.М. 417
Киричек П.Т. 405
Киров С.М. 58, 61, 63, 67, 80,
84, 94, 132, 146, 167, 204
Кирпичников А.В. 200, 202
Кирпотин В.Я. 408
Киселёв К.В. 121
Климов М.М. 415
Климович А. 310
Кнебель М.О. 407
Книппер Л.К. 390
Кнушевицкий В.Н. 234, 300
Коган Л.П. 405
Кожурин В.С. 346, 363
Козлов Г.В. 306
Козлова Е.В. 405
Козловский И.С. 93, 231, 232,
285, 292, 297, 306, 307, 387,
388, 392, 397, 398, 400, 403,
405
Козолупова М. 392, 415
Коккинаки В.К. 97, 104, 255,
260, 420, 424, 425–427, 430
Кокорева Е.С. 416
Колесников Н.Г. 200
Коллонтай А.М. 260, 348
Кольцов М.Е. 402, 424
Комаров В.Л. 256
Компанеев З.Л. 396
Кон А. 61
Кон В. 61
Кон Ф.Я. 61
Конев И.С. 335, 355, 358, 359
Конкин Ф.И. 91
Константинов А.Т. 415
Кончак 395
Копец И.И. 209
Коренева И.П. 407
Корк А.И. 204
Корнейчук А.Е. 418
Королёва К.М. 413
Корф Р.Г. 407, 414
Корчмарев К.А. 393
Косарев А.В. 134, 158, 262

Косиор С.В. 50, 134, 138, 151-155, 158, 173, 193
Косолапов Р.И. 350
Костырченко Г.В. 40
Кочарян С.А. 395
Кочетов М.Р. 395
Крапива К. 122
Краснов А.Л. 408, 412
Краснянский Э.Б. 407
Крейслер Ф. 297, 385, 388
Кренкель Э.Т. 107, 251, 303, 421
Кригер В.В. 283
Криницкий А.М. 134, 152
Крошнер М.Е. 122
Кругликова Е.Д. 297, 298, 306, 385, 390, 404, 406, 415
Кружков В.С. 326
Кружков Н.Н. 412, 417
Крутиков А.Н. 200, 409
Кручинин В.Я. 389, 390
Крылов П.Н. 402
Кузнецов А.А. 349
Кузнецов В.И. 406, 412
Кузнецов И. 393
Кузнецов Н.Г. 95, 179, 194, 260, 355, 358
Куйбышев В.В. 58, 94
Кулик Г.И. 194, 223
Куликов П.В. 389
Куличкин С.П. 352
Купала Я. 122
Куприянов М.В. 402
Курбанов М. 325
Курганов (Эстеркин) О.И. 320, 428
Курский В.М. 86

Л

Ладейщиков А.С. 369, 370

Лазарева Р.Ф. 407
Ларский И.Н. 408, 412
Латышев А.Г. 112, 309
Лебедев А.К. 411, 416
Лебедев С.В. 351
Лебедев Т. 371, 372, 374
Лебедев-Кумач В.И. 389, 402, 417
Леваневский С.А. 98, 99, 100, 426
Левченко В.И. 99
Лежнев И.Г. 402
Лекок Ш. 298, 386
Лемешев С.Я. 285, 297, 298, 300, 306, 385, 391, 395, 399, 405
Ленин В.И. 42, 63, 107, 114, 125, 145, 244, 246, 261, 270, 307, 310, 311, 313, 314, 315, 316-319, 324, 326, 328, 347, 356, 428
Ленский А.С. 125
Леонидов Л.М. 305, 390, 401, 406, 412, 413
Леонкавалло Р. 392
Леонов Л.М. 402, 408
Леонтьев Я.Л. 301, 302, 306, 386, 387, 390, 391, 393, 395, 398, 400, 401, 403-405
Лепешинская О.В. 230, 240, 251, 283, 285, 306, 307, 389, 392, 395, 399, 404, 405, 406
Леушин М.А. 309, 310, 311, 312, 323
Лехт П.К. 413
Ливанов Б.Н. 417
Лигетти К. 373
Лисициан П.Г. 394
Лист Ф. 388, 390, 392, 395
Листов К.Я. 386, 390

Литвинов (Валлах) М.М. 95,
 170, 182, 243, 252, 355
 Лифшиц М.Г. 411, 416
 Лифшиц Я.А. 142, 164
 Лихтенберг Я.Г. 417
 Лозовский (Дридзо) С.А. 355
 Локтионов А.Д. 194
 Лукин Л.И. 118
 Лукьянов И.В. 84
 Лучников 369
 Любан И.И. 396
 Любезнов И.А. 407
 Любимов Ю.П. 231, 291, 375
 Ляпидевский А.В. 98, 207, 214,
 403, 425, 426
 Лятошинский Б.Н. 393
 Лячин 400
 Лященко Н.Г. 237, 266, 329

М

Магомаев А.М. 117
 Макаров А.Д. 306, 387, 393,
 398, 404, 405
 Макарова И. 402
 Макарова Н.Н. 23
 Максакова М.П. 297, 395
 Малдыбаев А. 114, 119
 Маленков Г.М. 87, 175, 178-182,
 187-191, 195, 229, 355, 360
 Малиновский Р.Я. 355
 Малышев В.А. 44, 329
 Манизер М.Г. 417
 Мансурова Ц.Л. 406
 Мануильский Д.З. 179
 Маркелов И.Е. 403, 405
 Маркичев В.И. 406, 411, 416
 Маркс 310, 311, 328
 Маршак С.Я. 357, 368
 Масов Р. 320, 321

Массне Ж. 392, 400
 Матунис Я.А. 406
 Мацисевич С.И. 306
 Мацюшкевич С.И. 390, 391,
 400, 404, 405
 Мегюль Э. 388
 Мейерхольд В.Э. 284
 Межлаук В.И. 105, 150, 158,
 243, 252
 Меликов В.А. 410
 Меркулов В.Н. 92
 Меркуров С.Д. 402, 408, 412, 417
 Мессерер А.М. 285, 291, 306, 405
 Месхетели (Чогошвили) В.Е.
 406
 Мехлис Л.З. 151, 159, 175, 178,
 179, 180, 182, 194, 247, 291
 Микоян А.И. 38, 50, 51, 58-60,
 87, 123, 134, 136, 138, 139, 144,
 145, 149, 150, 151, 157, 158, 160,
 161, 165, 166, 168, 172, 175,
 179-183, 185-188, 195, 243, 255,
 262, 305, 355, 360
 Милютин Ю.С. 392
 Мирзоян Г. 394
 Миронов К.Я. 416
 Мирошниченко Л.Д. 15, 16, 60
 Михайлин Л.Н. 406
 Михайлов М.Д. 285, 292, 297,
 298, 307, 385, 386, 388, 393,
 395, 398-400, 403, 405, 406
 Михайлов Н.А. 109, 110, 175,
 178, 179, 182
 Михайлов Н.М. 402
 Михалков С.В. 354, 417
 Михозлс С.М. 215, 368, 401,
 407, 413, 415
 Мишулин П.Г. 412
 Мищенко Н.Н. 84

Мкртчян Ш. 394
Млодек Р.В. 396
Могильный А.М. 162
Моисеев И.А. 44, 265, 266, 285,
286, 287, 293, 294-297, 307,
382, 391, 395, 398, 401, 406
Модоров Ф.А. 413
Молоков В.С. 98, 108, 252, 255,
267, 273, 278, 280, 422, 423, 426
Молотов В.М. 13, 28, 38, 49-56,
59, 60, 69, 73, 76, 87, 95, 106,
110, 111, 117, 119-121, 123, 125,
133-136, 138-140, 149-152, 157,
159-162, 173, 175, 176, 179,
180-185, 187, 220, 226, 243,
255, 256, 258, 260, 261-265,
270, 282, 284, 289, 305, 325,
326, 336, 337, 351, 355-361, 363,
377, 420, 426
Молчанов Г.А. 82
Мордвинов А.Г. 417
Мордвинов Б.А. 401, 406
Мордвинов В.К. 202, 410
Мосевичкий С.Я. 395
Москвин И.М. 216, 278, 298,
387, 401, 406, 415
Мосягин Б.К. 410
Моцарт В.-А. 292
Мочалин Б.А. 415
Мунтерс В. 243
Мурадели В.И. 392, 408, 413, 415
Муратов Э. 186, 203, 237, 238,
266, 280, 303, 329
Мусоргский М.П. 292, 297,
385, 386, 392, 396
Мухина В.И. 216, 402, 408, 412,
417
Мясковский Н.Я. 216, 402,
408, 413

Н

Набатов И.С. 414
Назаров А.И. 114, 117, 119, 121,
227, 234, 261, 294, 301, 306,
403, 404, 405
Назаров И.И. 411, 416
Направник Э.Ф. 397
Насырова А. 399
Насырова Х.Т. 254, 399
Наумов А.З. 329, 330
Наумова К.В. 407
Нейгауз Г.Г. 245
Нежданова А.В. 282, 285, 401,
406
Немирович-Данченко В.И.
215, 245, 284, 292, 406
Немцова З.Н. 61, 69, 280
Никитин 400
Никишин А.В. 7, 240
Николаев В.Д. 7, 16, 258, 389
Николаева К.И. 252, 254
Николай I , российский
император 82
Николай II, российский
император 71
Никонов А.В. 346, 348, 349, 354
Нишинский П.И. 388, 392
Новиков А.А. 355
Новиков (Новиков-Прибой)
А.С. 417
Ноздрунов М.К. 410
Норд (Норд-Левин) Б.Н. 407
Норцов П.М. 291, 298, 306,
385, 387, 389, 390, 392, 403,
404, 415

О

Обичкин Г.Д. 323
Оборин Л.Н. 390, 415

Образцов С.В. 29, 74, 285, 297,
298, 304, 306, 307, 386, 387,
389, 391, 393, 403, 404, 407, 414
Образцова О.А. 390, 391, 393
Обухова Н.А. 245, 282, 291, 413
Огнёв А.В. 351
Одесский М.П. 380
Ойстрах Д.Ф. 285, 293, 298, 306,
385, 404, 415
Олеша Ю.К. 41
Орахелашвили М.Д. 143
Орбели Л.А. 321, 322, 323
Орджоникидзе Г.К. 49, 50,
51, 54, 57, 59, 60, 134-136, 138,
139, 142-144, 148, 149, 152, 164,
191, 262
Орджоникидзе П.К. 144
Орлов Д.Н. 407
Орлова Л.П. 40, 217, 219-224,
231, 286, 300, 301
Орочко А.А. 407
Осипенко П.Д. 104, 255, 277, 430
Осокина Е.А. 209
Островецкий А. 396
Охлопков Н.П. 302, 402, 406

П

Павленко П.А. 366, 367, 402
Павлов Д.Г. 209
Павлов И.Е. 84
Павлов М.Ю. 53
Павлова И.В. 44, 45
Паганини Н. 298, 385, 392, 395
Палецкис Ю.И. 78, 255
Палиашвили З.П. 116
Панферов Ф.И. 408
Папанин И.Д. 73, 91, 96, 106,
107, 217, 218, 250, 251, 255, 263,
273, 421, 423

Паука И.Х. 200
Паукер К.В. 79, 81, 82, 86, 218
Пахомов В.И. 406
Пашенная В.Н. 401
Пашковский А.И. 408
Петерсон Р.А. 82
Петкер Б.Я. 408
Петров В.Л. 331, 367
Петров Е. 386, 402
Петров М.И. 209
Петров Ф.Л. 405
Петровский Г.И. 134, 136, 139,
148, 151, 153, 159, 173, 175, 188
Пётр Первый 77
Пионтковский С.А. 80
Пирогов А.С. 232, 233, 291, 297,
301, 304-306, 391, 405, 406
Платонов Н.И. 387
Плисецкая М.М. 113, 230, 286,
287, 289, 293
Погодин (Стукалов) Н.Ф.
215, 402, 408, 418
Подбельский В.Н. 94
Покрасс Д.Я. 388, 392
Покрасс Дм.Я. 386, 392
Покровская К.А. 407
Покровский А.В. 407
Покровский А.Н. 414
Поликарпов Д.А. 406, 411, 416
Поликарпов Н.Н. 99, 102
Полонский Н.Э. 387
Поль (Синицын) П.Н. 407, 414
Полякин М.Б. 415
Поляков П.Ф. 84
Пономарев А.Н. 281
Пономаренко П.К. 122, 194
Попков П.С. 349
Попов А.Д. 407
Попов В.П. 331

Попов Г.М. 368, 370
Поскребышев А.Н. 232, 310,
311, 320, 325, 326
Постышев П.П. 50, 134, 138,
151, 152, 153, 154, 155, 156, 157,
173, 193
Потёмкин 391
Похлебкин В.В. 7, 346
Прокофьев А.А. 245
Проскуров И.И. 209
Протопопов Д.З. 325
Протопопова А.Н. 375, 376, 377
Прохоров Н. 320
Птицын М.А. 392
Птицына Т.А. 392
Пугачева И.В. 407
Пульвер М.М. 407
Пуччини Дж. 283, 399
Пушкин А.С. 305, 390
Пырьев И.А. 325, 326
Пятаков Г.Л. 143, 148
Пятницкий М.Е. 293, 397, 400

Р

Рабинович Д.А. 412
Рабинович И.М. 408
Рабичев Н.Н. 301
Радзинский Э.С. 42
Расин Г.В. 406, 411
Раскова М.М. 104, 173, 255,
268, 277, 430
Расулов Д. 321
Рахманинов С.В. 399
Редель А.А. 217, 283, 285, 390,
393
Резун В.Б. (Суворов В.) 334
Рейзен М.О. 245, 285, 297, 389,
390, 392, 397, 399, 403, 404
Репин И.Е. 77

Рерберг И.И. 82
Риббентроп Й., фон 77
Римский-Корсаков Н.А. 292,
387, 388, 398
Рихтер Ф.Ф. 71
Ровинский Л.Я. 402
Рогов Ф.В. 85
Родионов М.И. 349
Рокоссовский К.К. 335, 355,
358, 359
Рольф М. 21
Романов Д.Н. 246, 247
Романов П.В. 41, 60, 61
Романова П.В. 69-70
Ромм М.И. 402, 408
Россини Дж. 298, 385, 386, 389,
391, 395, 396
Рототаев А.С. 412, 416
Рубинштейн А.Г. 386, 397
Рубцов Ю.В. 365
Рудзутак Я.Э. 134, 152
Рудерман М.И. 390
Рудин Я.М. 395
Румкин И.И. 406
Румянцев Г.А. 408
Рухимович М.Л. 103, 158, 243
Рыжакин Я.Ф. 406
Рыжова В.Н. 406
Рыков А.И. 108, 169
Рындин В.Ф. 125, 402
Рябичев Н.Н. 301

С

Саади 326
Сааков Ю.С. 40
Савицкая Е.Ф. 393
Савицкий А.И. 405
Савченко И.А. 408
Садовников И.И. 406

- Садовский П.М. 401, 406, 415
Сазандарян Т.Т. 394
Салов 403
Самойлов Е.В. 40, 252, 302, 303, 305
Самосуд С.А. 215, 254, 291, 401, 406, 417
Самуйлёнок Э.Л. 122
Сандлер С. 243
Сараджоглу С. 243
Сарасате П. 388, 391
Сарьян М.С. 417
Сахновский В.Г. 401, 406
Сац 393
Саят-Нова 394
Сванидзе Е.С. 48, 50
Светлов Г.Н. 404, 405
Светловидов Н.А. 401
Свешников А.В. 291
Селих Я.Г. 402
Семёнов А.А. 321
Семёнов К.В. 328, 332
Сен-Санс К. 397
Сергеев И.Н. 108, 109
Сергеева Г.Е. 414
Серин В.Я. 406, 411
Серов А.К. 210, 263
Серова-Половикова В.В. 408
Сергеев-Ценский С.Н. 203, 417
Сивков А.К. 279
Сикорская Т.С. 389
Силина Л.И. 310
Симонов Р.Н. 401, 413
Синелобов А.И. 84
Синицын Ф.Л. 351, 353, 373, 378
Скороходов Г.А. 34, 40
Славинская З.М. 393, 395
Слепнёв М.Т. 98, 207
Слепцов П.П. 250
Слонимский Ю.И. 412
Слонова И.Л. 407
Смирнов Г.И. 106
Смирнов-Сокольский Н.Л. 414
Смушкевич С.Я. 209, 210
Снегов В.В. 110
Собинов Л.В. 282-283
Соколов Н.А. 402
Солари П.А. 75
Соловей В.Д. 352
Соловейко 368
Соловьёв В.А. 369, 418
Солодовников А.В. 114, 120, 122, 123, 213, 403, 405, 411, 415
Спендиаров А.А. 120
Спиридонов Н.К. 85, 91, 92, 201
Ставицкий М. 388, 389, 392
Ставский В.П. 402, 408
Сталин (Джугашвили) И.В. 14, 15, 16, 17, 18, 19-21, 23, 24, 26, 28, 29-33, 36, 38, 42-44, 45-47, 49, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 61, 62, 66-68, 70, 74, 76, 77, 78, 80, 81, 87, 90, 93, 94, 95, 98-102, 104, 106, 107, 108, 110, 116, 119, 122, 123, 125, 126, 132, 133, 134, 135, 138, 140-147, 148, 149, 150, 152-170, 172-175, 179, 182-186, 188-195, 197, 203, 217, 218-224, 226-230, 232, 234-239, 241, 243, 245, 249-253, 255-281, 284, 286-289, 291-296, 298-303, 305, 308-317, 320-337, 342-358, 360-383, 385, 377-384, 386, 388, 391-392, 420, 422-428, 431
Станиславский К.С. 284

Стаханов А.Г. 214, 251, 263, 403
Степанова А.О. 406
Степанян А.Л. 120
Стецкий А.И. 152
Струве В.В. 321
Стуков Г.И. 403
Стучевский С.К. 306, 386, 387,
390, 391, 393, 395, 400, 401
Суворов В. (Резун В.Б.) 334
Судаков И.Я. 401, 406, 413, 415
Султанова Т. 399
Сурин В.Н. 124, 227, 403, 406,
411
Сурков А.А. 402
Сухомлин А.В. 410
Стецкий С.И. 134

Т

Таиров А.Я. 402
Тальян Ш.М. 394
Тамара Ханум (Петросян
Т.А.) 117, 254, 293
Тарасов П.А. 408, 411
Тарасова А.К. 216, 401, 406, 417
Тарханов (Москвин) М.М.
291, 401, 406
Тасманин 369
Твардовский А.Т. 370, 410
Твердохлебов П. 393, 400
Тевосян И.Ф. 194
Тер-Абрамян А. 394
Тигранян А.Т. 120, 394
Тикоцкий Е.К. 122
Тимофеев 246
Тимошенко С.К. 184, 194, 255,
262, 355, 359
Ткалун П.П. 83, 84, 85, 103, 210,
211, 218
Тоидзе И.М. 417

Толбухин Ф.И. 355
Толмачёв Н.Г. 63, 204
Толстой А.Н. 215, 219, 402, 408,
412, 417
Толстой Л.Н. 369
Тон К.А. 71
Топилин В.В. 386, 404
Трегуб С.А. 408
Тревер К.В. 322
Тренёв К.А. 215, 402, 408, 412,
417
Трибуц В.Ф. 358
Триодин П.Н. 388
Труш М.И. 260
Туманов И.М. 407
Тумкина-Перфильева Л.М.
26, 243, 244
Туполев А.Н. 99, 100
Тургунбаева М. 254
Туренков Е.Е. 122, 396
Тухачевский М.Н. 150, 152

У

Угрюмов М.М. 407
Уланова Г.С. 399
Умняков И.И. 321
Усачев А. 396
Успенский А.И. 81, 83, 84, 192
Успенский В.А. 117
Утёсов (Вайнбейн) Л.О. 40, 90,
210, 211, 220, 253, 285, 290, 298,
299, 307, 382, 390, 414, 425

Ф

Фадеев А.А. 32, 402, 408
Файер Ю.Ф. 401, 406, 417
Фалковский Г.И. 416
Федоров Е.К. 107, 251, 421
Федоровский Ф.Ф. 417

Федотов Ф.Н. 405
Фельдман Д.М. 380
Фере В.Г. 113, 114, 119
Филиппов Б.М. 411
Фирдоуси А. 315, 317, 319, 326
Флиер Я.В. 306, 388, 395, 403,
404, 415
Фрид Н.Г. 402
Фриновский М.П. 82, 124
Фролов И. 28, 35, 219, 220
Фролов М.П. 124
Фрумкин И.Л. 411
Фрунзе М.В. 65, 70, 94, 204, 237,
250, 289, 404
Фрязин М. 75
Фурт (Фуртенко) П.С. 94, 199,
200, 202, 246, 247, 409

Х

Хавинсон Я.С. 320, 402
Хандриков И. 414
Харламов И.Г. 412
Хатунцев А.А. 269–275, 336–339,
358, 359, 362, 364
Ханаев Н.С. 415
Хачатурян А.И. 120, 391, 400,
402, 413, 417
Хвалебнова О.А. 403
Хвыля А.А. 218
Хенкин В.Я. 395, 407, 414
Хлебников И.Б. 46
Хлевнюк О.В. 16, 188, 190
Хлусер М.Р. 162
Хмелев Н.П. 401, 406, 417
Хмелько М.И. 74
Хмельницкий Р.П. 172
Хорава А.А. 215
Храпченко Б.М. 114, 119, 120,
124, 125, 213, 215, 216, 229, 261,

264, 284, 292, 306, 325
Хренников Т.И. 408
Хрусталеv М.М. 217, 390, 393
Хрущёв Н.С. 33, 37, 38, 87, 103,
150, 159, 175, 177, 179, 180, 181,
192, 193, 195, 355, 361
Хубов Г.Н. 402, 408

Ц

Цейтлин А.Д. 398
Целиковский В.В. 118
Цыдынжапов Г.Ц. 124

Ч

Чабукиани В.М. 399
Чайковский П.И. 234, 283, 292,
297, 385, 387, 388–390, 393, 395,
396
Чегодаева М.А. 14, 15, 112
Чекунов И.М. 406
Червинский Н.П. 395
Черменская (Алексеева) Н.В.
265
Черная Л. (Киселёва Н.С.)
407, 414
Чернов М.А. 153
Черненко 421
Чернявский Г.И. 42, 43
Черчилль У. 380
Чехов А.П. 229, 285, 298, 304,
387
Чечулин Д.К. 417
Чиаурели М.Э. 366, 367
Чичагов Н.И. 71
Чишко О.С. 387, 391
Чкалов В.П. 97, 98, 100–102,
206, 210, 214, 269–274, 276, 277,
298, 383, 402, 420, 422–424, 429
Чкалова О.Э. 423

Чубарь В.Я. 58-60, 134-136, 138,
139, 144, 149-151, 157, 158, 243

Чуев Ф.И. 38

Чуковский К.И. 42

Ш

Шавердян А.И. 408

Шагаев Г.М. 407

Шаганова О.А. 386, 387

Шадаев 124

Шаминад С. 388

Шапиро М.М. 213

Шаповалов Л.Е. 403, 405, 411,
415

Шапорин Ю.А. 408, 413, 417

Шапошников Б.М. 179

Шафалович Ф.П. 202

Шахет Б.А. 408

Шахурин А.И. 355

Шварц Н.П. 200, 202

Шверник Н.М. 87, 134, 151, 159,
173, 175, 177, 179, 180-182, 188,
195, 262, 355, 361

Шевелёв М.И. 217, 240, 268, 329

Шепилов Д.С. 292

Шервашидзе Т. 413

Сехмейстер 406

Шилкин М.С. 310

Шиловский Е.А. 202

Шимонаев А.И. 410

Ширшов П.П. (отец) 107, 214,
251, 270

Ширшов П.П. (сын) 403, 421

Шифман М.Л. 412

Шквариов В.А. 403, 406, 411,
415

Шкирятов М.Ф. 180, 194

Шлёгель К. 97, 243

Шлёмин И.Т. 409

Шмидт О.Ю. 103, 106, 107, 172,
217, 240, 252, 254, 255, 262, 263,
273, 274, 429

Шмидт С.О. 152, 156, 237, 249,
250, 252, 254, 258, 262, 263, 265,
270-274, 277, 278, 280, 303, 421

Шопен Ф. 292, 390

Шостакович Д.Д. 408

Шпиллер Н.Д. 285, 297, 397, 399

Штраус И. 389, 396, 399

Штейнберг Л.П. 406

Штеменко С.М. 360

Штерн Г.М. 194

Штраух М.М. 402, 407, 413

Шуман Р.С. 399

Шумилин А.Я. 413

Щ

Щаденко Е.А. 94

Щеглов Д.А. 219, 221, 222

Щепанская Т.Б. 7, 17, 18, 35-37,
247, 256

Щербаков А.С. 175, 179, 180,
182, 281, 295-297

Щесняк И. 356

Щукин Б.В. 215, 216, 401

Щуко В.А. 402

Щусев А.В. 417

Э

Эйзенштейн С.М. 29, 115, 116,
212

Эйхе Р.И. 134, 138, 151-154, 157

Элиава Ш.Э. 143

Энгельс 310, 311, 328

Эренбург И.Г. 368

Эрлихман В. 220

Эстеркин О.М. 412

Ю

Юзовский Ю. (Бурштейн)

И.И. 408, 412

Юмашев А.Б. 99, 102, 103, 104,
422, 430

Юмашев И.С. 207, 273, 360

Юон К.Ф. 412

Юренев Р.Н. 34

Юткевич С.И. 231, 291

Я

Яблочкина А.А. 254, 401, 406,
415

Ягода Г.Г. 42, 81, 82, 141, 148

Якир И.Э. 164

Яковлев А.С. 276, 362

Яковлев Н.К. 401

Якубовский А.Ю. 321, 322

Янсон Н.М. 207

Яншин М.М. 407, 414

Ярмошkevич П.С. 410

Яров С.В. 364

Ярон Г.М. 407, 414

Ярославский (Губельман)

Е.М. 156, 179

Яциневич Я.М. 393

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

Глава первая.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПРОБЛЕМЫ

1.1. Обзор литературы и постановка задач исследования	14
1.2. Принципы отбора источников	28

Глава вторая.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ

2.1. «Ближний круг» и формирование «питейной компании» Сталина	47
2.2. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 и 27 апреля 1935 г.	60
2.3. Топография событий	70
2.4. Усиление охраны Кремля.....	78
2.5. Поводы для устройства приемов.....	93

Глава третья.

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРИЕМОВ

3.1. Хозяева	130
3.2. Гости	195
3.3. И действующие лица, и исполнители	226

Глава четвертая.

ЦЕРЕМОНИАЛ И ЭТИКЕТ

4.1. У истоков кремлевского церемониала	235
4.2. «Театрализация питейного ритуала»	247
4.3. Праздничные концерты	282

Глава пятая.

ТАК ГОВОРИЛ СТАЛИН:

АНАЛИЗ ТРЕХ ЗАСТОЛЬНЫХ РЕЧЕЙ ВОЖДЯ

5.1. «Таджик — это значит носитель короны»	309
5.2. «Красная армия — армия наступательная...»	327
5.3. «За здоровье русского народа!»	335
Заключение	381

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.

Программы праздничных концертов, сохранившиеся в РГАЛИ	385
---	-----

Приложение № 2.

Списки участников приемов	401
---------------------------------	-----

Приложение № 3.

Из дневников Л.К. Бронтмана (1936—1941 гг.)	419
---	-----

Приложение № 4.

Список больших кремлевских приемов	429
--	-----

Список использованных источников и литературы	433
--	-----

Участники больших кремлевских приемов. Краткие биографические сведения	449
---	-----

Именной указатель	536
-------------------------	-----

Научное издание

Невежин, Владимир Александрович
ЗАСТОЛЬЯ ИОСИФА СТАЛИНА

КНИГА ПЕРВАЯ
Большие кремлевские приемы

Издатель *Леонид Янович*

Корректор *Ираида Кускова*
Верстка и оригинал-макет *Вера Брызгалова*
Художник *Антонина Байдина*

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-905-739-0264
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

ISBN 978-5-94881-147-5

9 785948 811475

Подписано к печати 05.05.2011
Формат 70х100/16, Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. — 28
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в
ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

*ПУСТАЯ ПОЛОСА МОЖНО ПОСТАВИТЬ
РЕКЛАМУ*